

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ ЗАПАДА

Вальтер ОЙКЕН

*ОСНОВНЫЕ
ПРИНЦИПЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДА

Walter EUCKEN

***GRUNDSÄTZE DER
WIRTSCHAFTSPOLITIK***

**J. C. B. MOHR
(Paul Siebeck)
TÜBINGEN**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДА

Вальтер ОЙКЕН

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Перевод с немецкого
Л. А. КОЗЛОВА и Ю.И. КУКОЛЕВА

Общая редакция
Л. И. ЦЕДИЛИНА и К. ХЕРРМАНН-ПИЛЛАТА

Вступительная статья
доктора экономических наук
О. Р. ЛАЦИСА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»
«УНИВЕРС»

Настоящее издание подготовлено
при финансовой поддержке издательства «J.C.B. Mohr (Paul Siebeck)»,
Тюбинген и общества «Inter Nationes», Берлин.

Ойкен В.

- О 48 Основные принципы экономической политики: Пер. с нем.
/ Общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херрманн-Пиллата, вступ.
сл. О.Р. Лациса. — М.: «Прогресс», 1995. — 496 с.

Разрабатывая теорию экономического порядка и принципы политики порядков, соответствующей рыночной экономике, В. Ойкен пытается дать ответы на вопросы: может ли вообще существовать в условиях идеологической борьбы руководящих слоев и властных экономических группировок понимание достаточного порядка? Действительно ли возможно разработать принципы экономической политики, которые представляют собой нечто отличное от образа мыслей, связанного с определенными интересами?

- О 0602000000—012
006(01)—95 без объявления

ББК (4Ф)

Фирма «Унверс»

ISBN 5-01-004045-X
ISBN 3-16-345548-4

- © Перевод на русский язык, вступительная
статья — Издательская группа «Прогресс»,
1995
© 1952, 1990 J.C.B. Mohr (Paul Siebeck)
Tubingen

ВАЛЬТЕР ОЙКЕН, КАРЛ МАРКС И МЫ, МАРКСИСТЫ

(Вступительная статья)

Да, мы, современные россияне, в большинстве своем — марксисты независимо от того, догадываемся ли мы об этом. Просто мало кто владеет иным пониманием общественной жизни, кроме марксистского. Разумеется, чаще всего наш марксизм стихийный. Маркса не читали, но жизнь прожили в стране, в которой сам воздух пропитан марксизмом. Как правило, вульгарным марксизмом, но об этом позже. К тому же обучение экономике не предусматривалось программой советской школы. А серьезному ученому было трудно работать в области политэкономии, поскольку власть заранее предписывала, к каким выводам должна приходить эта наука, а к каким не должна. Конечно, служители «партийного руководства наукой» стремились подобным образом действовать во всех отраслях знаний, но их контроль за политэкономией был особенно плотным.

Наконец, провал практики «планового хозяйства» сокрушил и те ненадежные ориентиры, какие были в умах. Жалеть о тех ориентирах не приходится. Беда, однако, в том, что в сфере экономического выбора, довольно сильно влияющего на политический выбор и привлекающего всенародное внимание, открыт простор шарлатанству. Теперь верят не знанию, а уверенному голосу, с экономическими теориями выступают не только Хасбулатов, но и Руцкой, и Жириновский. Все сойдет.

Известный колхозный лидер требует — и добивается их предоставления — безумных дотаций для аграрного сектора, обходясь нехитрым аргументом: «Так делают во всем мире». Но, во-первых, так делают далеко не во всем мире, а только в отдельных странах. Во-вторых, прежде чем выделить сколько-нибудь солидную сумму из государственного бюджета (о таких фантастических ассигнованиях, как в нашем государстве, в других странах едва ли даже заикаются), требуют более серьезных аргументов и расчетов, чем про-

сто ссылка на «весь мир». В США, к примеру, фермерам платят порой за то, чтобы те сокращали площади посевов некоторых культур, избегали перепроизводства и снижения цен. Вряд ли для России это актуально, во всяком случае, дотации требуют предоставлять не на такие цели. В некоторых западноевропейских странах, напротив, дотации предоставляются к потребительским ценам, с тем чтобы снизить эти цены и тем самым расширить объем сбыта избыточной продукции, опять же во избежание понижения цен на поставляемые крестьянами продукты. Экономический и социальный смысл вполне очевиден. Для покупателей — расширение потребления, для крестьян — предотвращение разорения из-за трудностей сбыта, для государства — предотвращение роста безработицы в силу разорения крестьян. Но в бывшем Советском Союзе дотации десятилетиями предоставлялись к ценам на сельскохозяйственную продукцию, не избыточную, а дефицитную. Мяса и масла и без того не хватало, раскупали все, а государство еще приплачивало, по сути дела, премию тому счастливому покупателю, которому доставалась дешевая колбаса. Тут не было никакого экономического смысла. Такого рода дотации, разоряя государство, ничем не помогали сельскому хозяйству. Социальный смысл, если таковой был, оказывался прямо противоположным целям социальной справедливости: выгоды от дотаций получали не бедные, а богатые, те самые удачливые покупатели обкомовских буфетов, которым дешевая колбаса — символ застойного благополучия — доставалась без очереди и без ограничений.

Одновременно идеолог индустриализма требует «государственного регулирования». И тут же ссылка на «весь мир» без объяснения деталей. Потому что при первых же попытках детализации на передний план со всей очевидностью выходит не опыт «всего мира», а бывшее советское «плановое хозяйство». Во «всем мире» разумное государственное регулирование имеет своей целью защиту рациональной работы рынка от всяческих помех, и прежде всего от любого монополизма. Российские же поклонники «регулирования» преследуют цель, по сути дела, прямо противоположную: ограничить свободное функционирование рынка и защитить монополию.

Чиновник, побывавший неделю в Китае, твердит, что России нужна «китайская модель». Он только не знает Китая, не понимает отличий Китая от России и не очень-то интересуется реальными результатами китайских реформ. А привлекает его то, что в Китае рыночные реформы не нарушили монополии власти компартии и не помешали давить танками студентов, осмелившихся устроить голодовку на площади Тяньаньмэнь.

И уж конечно, нет сегодня такого политика, который не заявлял бы, что он стоит за социально ориентированное рыночное хозяйст-

во. Это и звучит бесспорно, как «Волга впадает в Каспийское море», и ни к чему не обязывает, потому что в России мало кто имеет конкретное представление о том, что это такое.

Во всех этих случаях — а подобных примеров можно привести еще немало — бросается в глаза одно: отсутствие критерия оценки экономического решения. Даже не научного, а хотя бы какого-нибудь простого критерия, однако ясного, единого для всех случаев и общепринятого в стране. Демагогия в аргументации и произвол лоббистских групп при подготовке решений об экономической политике причиняют немалый урон стране в трудное время обновления и смены ориентиров.

Однако в те самые времена, когда подлинно научные экономические знания изгонялись из советской жизни еще более успешно, чем хромосомная теория из биологии (недаром же политэкономией Сталин занялся лично!), эта наука в мире не стояла на месте. Еще одно свидетельство тому — «Основные принципы экономической политики» Вальтера Ойкена. Это имя ничего не говорит российскому читателю. Но ведь ему и имя Юровского, к примеру, еще недавно ничего не говорило. Только в самом конце 80-х годов читатели, интересующиеся экономической историей, узнали, что профессор Юровский был тем специалистом, который консультировал наркомфина Сокольников при осуществлении денежной реформы в начале нэпа. Впрочем, и о Сокольникове долгое время было мало что известно, кроме обязательной брани в адрес «врага народа». В наши дни многие россияне уже кое-что слышали о рыночной реформе 1948 г. в Западной Германии, создавшей основу нынешнего благополучия страны, и о проводившем эту реформу министре экономики Людвиге Эрхарде. Почти никто не знает, какую роль в этой работе играл В. Ойкен, а главное, мало кому известна суть экономической теории, которой руководствовался Эрхард. Книга В. Ойкена интересна для нас не только как историческое свидетельство. По существу, это не устаревший за прошедшие десятилетия учебник, как нельзя лучше способный очистить экономическое мышление выросшего при «социализме» человека от многолетних наслоений идеологического мусора.

Исследуя бесконечное историческое многообразие хозяйственных систем, В. Ойкен показал, что все они сформировались в результате разнообразных сочетаний относительно немногочисленных чистых форм. Классификация хозяйственных систем на этой основе придает экономическому мышлению такую же стройность, ясность и простоту, какие периодическая система Менделеева внесла в понимание свойств материи. Уяснив его подход, уже не удивляешься тому, с какой легкостью и убедительностью автор книги решает так и не решенный политэкономами советской формации вопрос об основном экономическом законе социализма.

Правда, сам В. Ойкен, будь он жив, мог бы возразить мне, что он об этом ничего не писал. Да, в таких именно словах не писал. Более того, он заявил, что отказывается от использования в научном анализе таких понятий, как «социализм» и «капитализм», считая их неточными. Можно было бы добавить, что такие понятия уводят анализ в плоскость схоластики. Ведь одни и те же экономические системы применялись и в социалистических, и в капиталистических странах. Уже один этот факт показывает, что реальный водораздел между хозяйственными системами не совпадает с водоразделом между социально-экономическими формациями по Марксу.

С другой стороны, в этом месте, несомненно, встрепаются и специалисты той замечательной науки, которая именовалась «политэкономией социализма». Они, разумеется, скажут, что вопрос об основном экономическом законе социализма решен. Это закон удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей. Знаем, проходили. Но самих политэкономов, способных как-то критически мыслить, это решение, предписанное лично Сталиным в его предсмертном экономическом сочинении, не удовлетворяло. И после смерти Сталина об этом говорилось открыто. Главная научная претензия к этому «закону» заключалась в том, что было невозможно обнаружить механизм его действия. Иначе говоря, это был не объективный закон, это было субъективное пожелание или политическое обещание. А главная политическая претензия сейчас стала очевидной для всех: «закон» не действовал, советский социализм отставал от капитализма по части роста потребления, а затем этот рост вообще прекратился.

Нет, В. Ойкен не утверждал, что ему ведом основной экономический закон социализма. С одной стороны, он показал основной закон централизованно управляемого хозяйства, а с другой — отмечал, что общественная собственность, ставшая преобладающей, толкает в направлении к централизованному управлению. На языке советских политэкономов это означает, что социализм предрасполагает к централизованному управлению. Пожалуй, сами социалистические политэкономы не станут отрицать этого тезиса В. Ойкена, поскольку централизованное управление считают преимуществом во всех случаях. Так вот, закон централизованного управления, по Ойкену, — это максимизация капиталовложений. Иными словами, максимизация не результатов общественного производства, а его затрат.

Выглядит весьма убедительно, потому что здесь все сходится. Есть наглядно описанный В. Ойкеном механизм действия: поскольку двигателем общественного производства становится не рынок, а административный аппарат, процесс развивается по законам функционирования аппарата. Он берет свое. Каждое его

звено требует своей доли затрат на выполнение поставленных перед ним задач. И конечно, стремится к тому, чтобы дозволенные ему затраты были побольше, а требуемые от него полезные результаты поменьше. Практика, как главный критерий правильности теории, подтверждает, что именно так все и происходило в «социалистическом» хозяйстве. Нарастание затрат при уменьшении результатов вообще, нагромождение все более дорогостоящих «долгостроев» в частности — реальность, известная практически каждому советскому человеку. Не было возможности научно сформулировать этот закон, по крайней мере открыто, но многие чувствовали его в России задолго до того, как его сформулировал В. Ойкен. Это закон платоновского «Котлована», написанного, как известно, еще в 20-е годы.

В. Ойкен утверждает, что в ходе развития экономики за всю историю человечества можно выделить две основные чистые формы, не больше. Одна из них — централизованно управляемая экономика, в которой хозяйственные будни регулирует один составитель планов. В небольшом, легко обозримом хозяйстве, например в семейном натуральном хозяйстве, это один человек, в масштабах нации — административный аппарат. Другая чистая форма — рыночное хозяйство. При рыночном порядке предприятия и домашние хозяйства самостоятельно разрабатывают планы и вступают в экономические отношения между собой под влиянием автоматизма рынка, координирующего их деятельность. Измерительный инструмент, который при этом используется, — цена, свободно устанавливаемая по соглашению покупателя с продавцом.

Кроме двух основных существует несколько десятков частных чистых форм, а их возможные сочетания бесконечно разнообразны. Так, в рыночном хозяйстве примерно три десятка форм конкуренции, монополии и олигополии располагаются между двумя полюсами: от полной конкуренции до двусторонней монополии, то есть монополии спроса, сочетающейся с монополией предложения. Увидев морфологическую таблицу В. Ойкена, представившего все эти формы в виде стройных логических рядов, можно особенно наглядно ощутить бессмысленность и беспомощность типичных современных писаний, восхваляющих или осуждающих «рынок вообще» вместо конкретного анализа конкретных форм.

Тому, кто примет эту нетрудную для понимания морфологию, уже не покажутся странными такие, например, слова немецкого профессора: «Русский экономический порядок 1949 г. состоит, например, из определенного сплава централизованно управляемой экономики как формы порядка, занимающей господствующее положение, различных форм, присущих рыночному порядку, и денежных систем разного рода». Верно, что даже хозяйственная система сталинского времени, будучи самой централистской из всех

централистских, не могла отказаться от рыночных форм. Рынку позволялось обслуживать те потребности, удовлетворением которых из одного центра физически невозможно управлять, а также те, на которые государство сознательно не оставляло никаких ресурсов. Существуют многочисленные нужды предприятий, которые невозможно предусмотреть централизованным государственным планом. Они обслуживались по договоренности между предприятиями и организациями с помощью полулегального или даже нелегального рынка влияний и взаимных услуг. И существуют обширные слои населения, составляющие большинство народа, на которые государство не обращало внимания, полагая, что они сами выкрутятся. Для этого имелся прежде всего легальный колхозный рынок, а кроме того, действовал нелегальный рынок обмена товарами и услугами. Рынок добывал то, чего не могло или не хотело добыть централизованно управляемое хозяйство, он спасал народ от голода.

Тот, кто осилит суховатое теоретическое начало, включая главу о морфологии, получит возможность в полной мере насладиться последующим анализом и критикой различных направлений экономической идеологии и политики. Читаю написанное в 40-е годы в Германии, вспоминаю происходившее намного позже, будь то в 60-е или 90-е годы в России, и думаю: да это же все про нас, про наши споры, в которых мы заново открывали и открываем давно, оказывается, открытое, описанное, систематизированное.

В. Ойкен уверенно доказывает свой вывод: политика *laissez-faire* (нерегулируемого рынка) способна обеспечить лишь ненадежное экономическое равновесие, а централизованно управляемая экономика не в состоянии установить никакого равновесия. Наиболее эффективно конкурентное хозяйство. Это не политика *laissez-faire*. Здесь государство играет значительную роль, однако не путем прямого управления производством и распределением, а через создание определенных экономических форм, и в первую очередь форм, исключающих монополизм в любом виде.

В. Ойкен писал свою книгу в конце 40-х годов, почти полвека назад. Основным эмпирическим материалом его книги были попытки централизованного управления экономикой в Германии и России, а также Англии, Франции, Голландии и опыт реформы 1948 г. в Германии. Весь последующий опыт «мировой системы социализма» и крах нашего планового хозяйства были еще впереди, были неизвестны. Тем поразительнее то, насколько полно и точно знал автор все проблемы, ставшие сегодня нашими проблемами. Прочитав книгу, трудно вспомнить сколько-нибудь существенный дискутируемый ныне в России вопрос, на который В. Ойкен не дал бы полвека назад свой ответ, трудно найти нашу сегодняшнюю проблему, о которой он бы не знал уже тогда.

Вот первый попавшийся фрагмент из его книги: «После отмирания порядка, присущего централизованно управляемой экономике, — как и по окончании периода военной экономики — гигантские заводы остаются стоять подобно эрратическим валунам». (Речь идет о валунах, оставленных ледником, то есть затасанных в несвойственную им геологическую среду.) Можно ли точнее и ярче сказать о проблемах наших нынешних оборонных и прочих заводов, неспособных освоить нужную рынку продукцию, не умеющих работать для рынка и при всей своей исключительной мощи беспомощно возвышающихся над непривычной для них рыночной средой?

Централизованное управление никогда и нигде не смогло проявить способности эффективного решения хозяйственных задач. Отчего же оно вновь и вновь возникает в разных странах? Первое из наблюдений В. Ойкена: «Импульс к проведению политики централизованного управления исходит от извечно существующего стремления к власти». Это, пожалуй, главный мотив, подпитывающий тенденцию к централизму в сегодняшней России. Он не требует ни сложного доказательства, ни мудреного комментария. Все чересчур очевидно. Особенно в условиях нашей страны, где власть равнозначна собственности. При «социализме» это было кое-как прикрыто. Формально собственность числилась общенародной. При рыночном же переделе это уже практически и не прикрыто.

Второе: «Война и политика централизованного управления экономическим процессом тесно связаны между собой». Подтверждение тому — значительная часть истории Германии и особенно России в XX в. Само возникновение всеобъемлющей планово-распределительной системы в Германии и России, как и в Англии, изначально было вызвано обстоятельствами первой мировой войны. Гражданская война продлила ее существование в России в форме «военного коммунизма» 1918 — 1920 гг. Подготовка к новой войне служила оправданием ее возобновления в СССР в конце 20-х годов. Вторая мировая война придала системе централизованного управления небывало широкий размах в СССР, Германии, Великобритании и других странах. Послевоенная гонка ракетно-ядерных вооружений, а затем погоня за «оборонным паритетом» предопределили продление жизни этой системы в СССР до 1991 г., когда она своей тяжестью раздавила само государство, породившее ее. Так был поставлен уникальный в мировой истории эксперимент (уникальный по длительности существования системы централизованного управления и ее всеохватности), в ходе которого столь неэффективная система продержалась 77 лет (1914 — 1991) с пятнадцатилетним перерывом, или 62 года (1929 — 1991) без перерыва. Продержалась прежде всего благодаря ссылке на оборонную необходимость. Ничто другое не позволило бы оправдывать столь долгое существование ее.

А вот и третья, по мнению В. Ойкена, причина живучести системы централизованного управления: «И наконец, мышление современного специалиста с техническим образованием». Этот общечеловеческий гносеологический мотив не менее важен, чем политические факторы. В промышленном менеджменте существенную роль неизбежно играют инженеры, люди техники, которым свойственно переносить на социальную сферу законы технологических систем. Но для России данный фактор в не меньшей степени является и политическим. Ведь еще со сталинских времен сформировалась традиция отдавать инженерам первенство в управлении государством. Традиция недоверия к гуманитарным знаниям приводила к тому, что химики работали даже министрами культуры, а уж в экономическом управлении люди без экономической, социальной и правовой подготовки господствовали безраздельно.

За два десятилетия до экономических реформ 60-х годов в социалистических странах В. Ойкен предсказывал крах попыток установить конкурентный порядок в государстве, в котором господствует коллективная собственность: государство не выпустит из своих рук принадлежащие ему рычаги, и «смещение стилей» вызовет разлад во всей экономической системе. При всей поразительной точности этого прогноза даже Ойкен, пожалуй, не смог бы вообразить масштабы катастрофы, которая постигнет советскую экономику вследствие самой радикальной в истории попытки смещения «плана и рынка», масштабов системы управления, созданной правительствами Рыжкова — Павлова в 1987—1991 гг. Что же будет ожидать нас, если мы послушаемся тех, кто призывает к «постепенности» рыночного перехода, то есть к продлению временно неизбежного смещения двух систем, и даже к возрождению «государственного регулирования» при рыночной системе?

Особый интерес для современного российского читателя представляют два главных мотива книги. Один из них касается роли государства, другой — соотношения индивидуального и общественного интересов. «Больше или меньше государственности, — пишет В. Ойкен, — такая постановка вопроса проходит мимо проблемы. Речь идет не о количественной, а о качественной проблеме. Сколь нетерпимо в эпоху промышленности, современной техники, крупных городов и скоплений людских масс пускать на самотек формирование экономического порядка, столь и само государство не способно руководить экономическим процессом». Иначе говоря, процесс производства может и должен регулироваться самодействующим экономическим механизмом. Государство же должно присматривать за созданием этого механизма, а далее — за его исправностью. В этом отношении идеи В. Ойкена прямо противоположны идеям наших нынешних «державников». Государство, по Ойкену, призвано быть на страже конкуренции, против любого монополиз-

ма. У наших «державников» призвание государства — быть средоточием власти монополий, уже имеющуюся у них экономическую власть подкреплять политической властью. «Путь превращения в тиранию» — так характеризует В. Ойкен экономическую идеологию державности. Между прочим, этот вывод обосновывается у него лишь опытом Франции, где государство никогда не получало и малой доли той экономической власти, какую оно захватило в России. Но тогда советское государственное управление экономикой — супертирания. Если вспомнить хотя бы судьбы российского крестьянства под пятой государственной экономической политики, то такое определение следует признать самым мягким.

Столь же убедительно В. Ойкен развенчивает предрассудок по поводу превосходства общественного интереса над личным. Кто должен, согласно таким теориям, определять и представлять этот общественный интерес? Ответ известен: руководящий слой. Приговор В. Ойкена: «В таком случае не отдельные индивиды, не потребители, то есть все люди, решают, что является общим интересом, а только слой руководителей». Какую бездну воспоминаний открывают эти слова в душе человека, прошедшего всю свою жизнь в стране самого большого централизма! На памяти многих россиян общественными приоритетами объявлялись укрепление обороноспособности страны, индустриализация, коллективизация, строительство Беломорканала, освоение целины, расширение посевов кукурузы, дружба с великим китайским народом во главе с председателем Мао, Волго-Дон, мелиорация, отпор маоизму, ракетно-ядерный паритет, разоружение, строительство свиноводческих комплексов, превращение Москвы в образцовый коммунистический город, поддержка афганской революции, вывод наших войск из Афганистана, строительство АЭС, ликвидация последствий Чернобыльской аварии, повышение, а затем понижение уровня Каспия, борьба с «рыночным ревизионизмом», построение рыночной экономики, национализация, приватизация, деколлективизация, конверсия оборонки... Нет, никогда мне не упомнить все, что на моем веку объявлялось самым важным для общества делом. Помню твердо одно: меня об этом никогда не спрашивали. И в природе не существует политического механизма, чтобы обо всем этом спрашивать каждого. Но для определения экономических приоритетов есть простой и достоверный механизм, а именно рыночная цена. Согласны мы платить за данный товар или нет — вот и весь референдум.

Книгу заключают выводы:

- «а) Слой руководителей в централизованно управляемой экономике является неконтролируемой властной группировкой. Имеются все предпосылки того, что он решительно проводит свой *собственный* интерес, то есть свою властную волю.

- б) Если же все-таки есть желание служить общему интересу, то невозможно распознать этот общий интерес.
- в) Но допустим, что общий интерес действительно может быть распознан. Тогда было бы невозможно реализовать его в централизованно управляемой экономике».

На протяжении всей своей книги В.Ойкен упоминает Маркса и марксизм. Почти всегда упоминает в критическом духе. Он не только отрицает неизбежность и благотворность воцарения общественной собственности, но и не признает за вопросом о собственности такого большого значения, какое придает ему марксизм. Вопрос об экономическом порядке, по мнению Ойкена, во-первых, более важен, а во-вторых, он существует до некоторой степени независимо от формы собственности.

В. Ойкен не любит Маркса и марксизм. Тем не менее, будучи серьезным ученым, он, по сути дела, защищает Маркса от современной запоздало отважной критики. В его глазах марксизм не божественное откровение, как полагалось думать согласно коммунистической ортодоксии, но и не полная чепуха от начала до конца, как порой пытаются писать сегодня. Марксизм — закономерная ступень познания социальной действительности, порожденная определенным временем и определенными социальными интересами. Некоторые проповедовавшиеся Марксом идеи, объявляемые ныне особо зловредным порождением революционеров, принадлежат не ему, а Адаму Смиту, Гегелю, Жану Жаку Руссо, Сен-Симону. Хотя эти идеи и были взяты на вооружение экстремистским коммунизмом, их первоисточник не имел специфически партийной принадлежности. Это были откровения и заблуждения общечеловеческого свойства. В частности, идея превосходства общественного над личным, наделавшая особенно много бед и особенно живучая по сей день, порождена сенсимонистами, то есть появилась на свет раньше, чем марксизм.

Пожалуй, одним из ключевых для понимания отличий социальной философии В.Ойкена от марксистских воззрений служит его следующее утверждение: «Ставя исторический процесс в центр внимания и превращая его в творца исторической действительности, позитивизм изначально заставляет исчезать отдельно взятого человека». Очевидно, В.Ойкен позитивизмом именуется здесь то самое, что в наших привычных прописях называлось историческим материализмом. Страстная защита Ойкеном свободы личности, свободы человеческого выбора не только от государственной машины, но и от самой исторической необходимости не может не вызывать симпатий. Более того, она полезна с точки зрения проблем современной политической практики. В.Ойкен показывает, что многие явления, обосновываемые исторической необходимостью, не возникают с объективной необходимостью, а порождаются ошибочными действиями самого чело-

века. Это означает, что они могут быть предотвращены волею человека, правильно организующего свою деятельность.

Создаются, к примеру, полуобщественные, коллективные экономические структуры, которые предопределяют последующую экономическую политику. Их тенденция к монополизму побуждает активизировать государственное регулирование. Потом говорят: а что вы хотите, мы были вынуждены так поступать. Да, вынуждены *после* создания этих структур. Но прежде, до их создания, выбор мог быть иным. Не напоминает ли это коллизии нынешней борьбы в России вокруг ассигнований и мер поддержки ВПК и коллективизированного АПК? Сначала создали этих монстров, а затем говорим: делать нечего, коллективы надо поддерживать. Но не с луны же свалились к нам эти коллективы.

Тем не менее в своей критике объективной необходимости В.Ойкен, пожалуй, временами допускал чрезмерное увлечение. Он утверждал, что не только прогноз будущего развития на основе открытых человеком объективных законов, чем так увлекались марксисты, невозможен, но и применительно к прошедшему никаких закономерностей установить нельзя. «На самом деле мы не знаем законов, по которым развивался исторический процесс», — утверждает он. Свободная воля человека объявляется единственной движущей силой. Однако, во-первых, при таком подходе мы оказываемся в опасной близости к «свободной воле» столь не любимого В. Ойкеном человека, сидящего в чиновничьем кресле в государственном аппарате. Во-вторых, сам В.Ойкен то и дело опровергает столь крайние оценки своим анализом. Так, прямо вслед за гл. XIII, в которой сформулирована идея непознаваемости путей истории, идет гл. XIV, где, между прочим, автор развивает следующую идею. Неверен предрассудок, будто развитие техники предопределяет концентрацию, укрупнение и конец конкуренции. В действительности именно развитие техники усиливает конкуренцию. Оставим в стороне вопрос о том, верна ли эта идея (впрочем, на мой взгляд, верна и очень интересна). Обратим внимание на другое, на то, что в данном случае утверждает В.Ойкен, на типичный объективный закон, ибо развитие техники, в отличие от административных структур, остановить невозможно.

Но, несмотря на все увлечения, рассуждения автора о «позитивизме» крайне важны. Надо полагать, и сам Маркс долго смеялся бы, если бы узнал, что найдутся люди, которые спустя 100 — 150 лет, столкнувшись с конкретными экономическими вопросами, станут искать ответы в его трудах. Маркс как ученый не строил проектов, предписывающих организацию жизни будущих поколений. Он анализировал то, что реально существовало в современной ему действительности. Увы, Маркс-политик временами пытался подмять Маркса-ученого, и тогда на смену надежным констатациям приходили ненадежные рекомендации. Так или иначе, Маркс поступил весьма преду-

смотрительно, заявив однажды, что он, во всяком случае, не марксист. Его последователи или люди, объявлявшие себя таковыми, весьма неохотно вспоминали Маркса-ученого и страстно любили Маркса-политика, охотно твердили весьма туманные предположения о будущем социалистическом строе и старались не вспоминать очень конкретное описание азиатской деспотии, которая с ее гипертрофией государственных функций поразительно напоминала советский строй.

Цитировали к месту и не к месту из «Манифеста Коммунистической партии»: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». И почти всегда «забывали» начало этой фразы: «В этом смысле коммунисты могут выразить...» «В этом смысле» звучит, во-первых, ограничительно, а во-вторых, указывает на наличие какого-то предшествующего рассуждения. Какого? Перед этим идут такие слова: «Отличительной чертой коммунизма является не отмена частной собственности вообще, а отмена буржуазной собственности. Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими».

Что же можно предложить взамен? Ответ марксистов, включая нынешних российских коммунистов, прост: государственная собственность как высшая форма общественной собственности. Маркс, однако, никогда не был в таком восторге от государства. В те самые 40-е годы, когда был создан «Манифест», Маркс писал: «Бюрократия имеет в своем обладании государство, спиритуалистическую сущность общества: это есть ее *частная собственность*»¹. В. Ойкен с его нелюбовью к «руководящему слою», использующему государственное регулирование в своих интересах, мог бы пожать руку молодому Марксу с его анализом государства как частной собственности бюрократии. Но мудрено было оппонентам Маркса знать те его произведения, которые не желали пропагандировать его последователи.

Марксисты прожужжали все уши обещаниями коммунизма, когда все будет обобществлено и все будет бесплатно. Но каков должен быть механизм перехода к такому обществу? В 1917 г. применялся самый «действенный» механизм обобществления: винтовка. Уже весной 1918 г. В.И. Ленину пришлось резко выступить против стремления его товарищей к «решительному обобществлению». Тут одной решительности мало, вразумлял он большевиков. В.И. Ленин исходил из того, что обобществление — объективный процесс, обусловленный социально. И, как все большевики, превыше всего ставил рассуждение Маркса об исторической тенденции накопления капитала. Это знаменитый § 7 гл. 24 первого тома «Капитала», заменявший поколе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 272.

ниям революционеров «Отче наш». Это те страницы, где содержатся чеканные строки, написанные, безусловно, в состоянии высокого вдохновения, про то, что «бьет час капиталистической частной собственности», и про то, как «экспроприаторов экспроприируют». Кто мог сомневаться в величии ученого, за полвека до Октябрьской революции предсказавшего ее главное событие, и кто мог сомневаться в справедливости революции, если ее за 50 лет до того предсказал великий ученый? Это предсказание знакомо также марксистам и антимарксистам. С большим неудовольствием цитирует его и В. Ойкен. Сегодня он мог бы вспоминать его более спокойно. Верность предсказания действительно подтверждена историей на сравнительно короткой дистанции, подтверждена тем, что «экспроприация экспроприаторов» состоялась. Но верность предсказания опровергнута на более длинной дистанции тем, что созданная таким способом «общественная собственность» оказалась неэффективной и потому нежизнеспособной, от нее приходится отказываться самой стране Октября.

И марксисты не пытаются сегодня напоминать о том, о чем большинство из них даже во времена, когда марксизм был государственной идеологией, вспоминали неохотно. В первоначальном варианте «Капитала», позднее получившем название «Экономические рукописи 1857 — 1861 гг.», Маркс сделал набросок совсем другого механизма перехода к обществу будущего. В этом механизме движущей силой выступает не революционная «экспроприация экспроприаторов», а развитие науки и техники, достигающее такой ступени, когда сама стоимость как порождение живого труда отмирает, а значит, должны претерпеть глубокие изменения и все общественные отношения, основанные на создании, присвоении и потреблении стоимости. Вот этот текст Маркса: «Обмен живого труда на овеществленный труд, т.е. полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда, представляет собой последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основанного на стоимости производства. Предпосылкой этой последней ступени является и продолжает оставаться масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства. Но по мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, а зависят скорее от общего уровня науки и от прогресса техники или от применения этой науки к производству»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, с. 212—213.

За прошедшие 130 с лишним лет этот механизм не опровергнут жизнью. Правда, он и не подтвержден, потому что тут была попытка заглянуть далеко вперед. Правда, теоретических возражений против логики этого рассуждения не видно, а практические подтверждения начинают появляться в самое последнее время в связи с научно-технической революцией второй половины XX в., и особенно в связи с процессом информатизации производства. В сущности, приведенные слова полностью подходят для описания компьютеризованного производства.

Итак, в трудах К.Маркса описаны два совершенно различных механизма перехода к обществу полного равноправия, безграничного и бесплатного потребления. Маркс и марксисты сами сделали выбор: какую схему поставить в центр революционной идеологии, а какую оставить немногочисленным специалистам для кабинетных дискуссий. В. Ойкен практически не мог знать цитированного выше труда. Оставленный автором в неотредактированном виде, он был впервые опубликован на языке оригинала в 1939—1941 гг. в Москве, в Институте Маркса — Энгельса — Ленина, и в Германию тех лет попасть не мог. Если он и попал в Западную Германию сразу после краха нацизма, то в те первые послевоенные годы едва ли успели им заинтересоваться даже тамошние апологеты марксизма, а тем более его критики. В. Ойкен скончался в 1950 г.

Публикация «Экономических рукописей 1857—1861 гг.» на русском языке произошла только в конце 60-х годов. После этого они приобрели некоторую известность главным образом в среде специалистов, склонных выходить за границы официально предписанных догм. Для директивно насаждаемой идеологии эти суждения, очевидно, были неудобны. Во-первых, они неизбежно вызвали предположение о том, что Октябрьская социалистическая революция опередила оправдывающее ее развитие производительных сил, пожалуй, лет на 200. Во-вторых, получается (по Марксу!), что после такого развития производительных сил едва ли вообще нужна революция в форме «экспроприации экспроприаторов». В-третьих, сегодня уже очевидно, что развитие производительных сил, подготавливающее возможность (раз стоимость отмерла) бесплатного потребления, то есть, по каноническому описанию, возможность полного коммунизма, успешно протекает в наиболее развитых капиталистических странах и никак не получается в странах, именовавших себя социалистическими. Учение о двух фазах, таким образом, ставится самой жизнью на голову и полностью запутывается. И наконец, возникают весьма сложные вопросы относительно уже достаточно близкого будущего, на которые пока не видно ни марксистского, ни какого-либо иного ответа.

Это прежде всего вопрос о том социальном цементе, который будет скреплять общество после того, как станет возможно хотя бы

скромно существовать, не работая и ничего не зарабатывая. Первый и пока единственный вариант такого существования, увы, не обнадеживает, и потому, вероятно, никто не хочет осмысливать его как социальную перспективу. Американские бездомные и российские бомжи — вот известный ныне тип людей, обходящихся без заработной платы. Таким образом, пусть нищенски, но не умирая с голоду, только в США уже существуют не менее миллиона человек. Какие гарантии от распространения морали бомжей в результате невероятных достижений техники, позволяющих жить, не работая? Впрочем, полвека назад, при жизни В. Ойкена, явно еще не было оснований задумываться об этом. Это тема для какой-нибудь другой книги.

Как же будем освобождать от закостенелых догм свое сознание мы, взращенные в атмосфере вульгаризированного марксизма, от которого и сам Маркс наверняка пришел бы в смятение? Современные российские коммунисты, вышедшие из того крыла КПСС, которое давным-давно распрощалось с научным марксизмом и с тем, что было прогрессивного и научного в идеологии коммунизма, любят упрекать тех, кто не с ними, в измене прежним убеждениям. Я думаю, перемена убеждений — шаг не в ту сторону во многих случаях современной жизни. Во многих сферах деятельности вообще не нужны и даже вредны убеждения, будь то старые или новые. Математику не придет в голову говорить: «Я убежден, что дважды два — четыре». Математические представления — вопрос не убеждений, а знаний. Экономика — не точная наука. В ней поле действия убеждений существует. Но оно не безгранично. Знания должны первенствовать и здесь. У нас они, однако, не в почете. Кипят споры между «партией дважды два — семь», «партией дважды два — пять» и «партией дважды два — стеариновая свечка».

Сейчас российскому читателю открывается доступ ко всему богатству мировой экономической мысли. В российском издании можно получить и Хайека, и Мизеса, и Фридмена, и труды целой плеяды российских экономистов, на протяжении жизни поколений остававшихся под запретом, — Чаянова, Бухарина, Кондратьева, Юровского, Кафенгауза, Струве. Если мы научимся требовать от всех политиков не болтовни, а знаний, то, может быть, когда-нибудь увидим и таких, которые не спорят о том, сколько будет дважды два.

Июль 1994 г.

О.Р. ЛАЦИС

Вальтер Ойкен родился 17 января 1891 г. в Йене в семье философа Рудольфа Ойкена. Изучал политэкономия, историю и философию в университетах Кили, Бонна и Йены. В 1913 г. получил ученую степень кандидата наук за работу «Die Verbandsbildung in der Seeschiffahrt» («Образование объединений в морском судоходстве»).

Во время первой мировой войны В.Ойкен с 1914 г. и до конца 1918 г. находился на фронте. В 1921 г. за исследование «Die Stickstoff-Frage» в Берлинском университете ему присуждена степень доктора наук. Эта работа убедила его в том, что методы так называемой «исторической школы политической экономии» недостаточно эффективны при рассмотрении проблем, которые действительность ставит перед исследователем. Отныне его уделом стал поиск новых путей.

В период пика инфляции он пишет «Kritische Betrachtungen zum deutschen Geldproblem» («Критические заметки по проблеме денег в Германии») (1923). В 1934 г. в свет выходит работа «Kapitaltheoretische Untersuchungen» («Теоретические исследования капитала»). Второе издание этой книги вышло в 1954 г. Работа открывается важной вступительной статьей «Was leistet die nationalökonomische Theorie?» («Что дает политэкономическая теория?»).

В 1925 г. он принимает приглашение и становится профессором университета в Тюбингене, а с 1927 г. профессором университета во Фрайбурге. В 1939 г. В. Ойкен завершает работу «Grundlagen der Nationalökonomie» («Основы политэкономии»). Шестое издание книги увидело свет в 1950 г. Позиция неприятия национал-социализма постоянно подвергает его опасности. И все же ему удается избежать ареста.

«Gundsätze der Wirtschaftspolitik» («Основные принципы экономической политики») являются вторым основным трудом учено-

го, который был издан Эдитой Ойкен и К. Паулем Хензелем уже после смерти автора.

Помимо многочисленных статей в научных журналах В. Ойкен написал небольшую книгу «Nationalökonomie wozu?» («Для чего нужна политэкономия?») (1938) и вместе с Францем Бёмом издавал ежегодник «ОРДО» (1948), который, как и основанная им с Бёмом и Гроссман-Дёртом «Фрайбургская школа», был призван служить целям создания свободного и достойного человека экономического и общественного порядка. Находясь в поездке с циклом лекций, Вальтер Ойкен скончался 20 марта 1950 г. в Лондоне.

Предисловие к русскому изданию

Сегодня, после краха системы централизованно управляемой экономики, в странах Восточной Европы и в Китае стал проявляться большой интерес к трудам Вальтера Ойкена. И это не случайно. В странах Западной Европы он считается духовным отцом «социального рыночного хозяйства». Вот почему все западногерманские правительства начиная с 1945 г. постоянно апеллировали к Вальтеру Ойкену как «авторитетному поборнику рыночного хозяйства» (Л. Эрхард).

Но все сказанное В. Ойкеном на протяжении всей его жизни состояло не только и не столько в том, чтобы разработать удачную рыночную концепцию экономической политики, которая была бы приспособлена к условиям, сложившимся в западноевропейских странах и в Германии. Поскольку он занимался конкретными политико-экономическими проблемами и всю свою жизнь работал именно в этом направлении, его реальный творческий вклад был намного более принципиальным, и по этой причине этот вклад до сих пор не потерял своего актуального значения для стран Восточной Европы.

На базе своей теории порядков он разработал ставшие классическими систематику и методику, используя которые можно все экономические порядки исследовать независимо от тех исторических условий, в которых они имеют место.

Разработав свою политику предков, В. Ойкен выдвинул концепцию экономического конституирования. Тем самым им были сформулированы принципы экономической политики, которые широко и активно ориентируются на создание «конкурентного порядка». Установление рациональной системы регулирования экономики должно предотвратить обнищание и обеспечить свободу.

Теория порядка, как и концепция политики порядков, возникла в процессе напряженной работы, длившейся десятилетия, и в рам-

ках многочисленных дискуссий и полемик. Создавшиеся большей своей частью в период господства национал-социализма, они являются ответом на катастрофы XX в.

Вальтер Ойкен родился 17 января 1891 г., рос и набирался жизненного опыта в Йене, в доме своих родителей, отца Рудольфа Ойкена, философа и лауреата Нобелевской премии по литературе, и матери Ирены Ойкен, художницы.

После завершения учёбы в университетах Бонна и Киля, прохождения воинской службы в годы первой мировой войны, получения степени кандидата в Берлинском университете и работы в должности профессора университета в Тюбингене он по приглашению переехал во Фрайбург, где и жил до конца своих дней. В 1920 г. В. Ойкен женился на Эдит Эрдзик, родившейся в Смоленске и проведшей в этом городе свое детство. В 1923 г. вышла в свет его работа «Критические заметки по проблеме денег в Германии», в которой рассматривались вопросы теории инфляции, а в 1925 г. — работа «Международная валютная проблема» («Das internationale Währungsproblem»).

Его труды базировались в отличие от идеологии господствовавшего тогда в Германии национализма антизападного толка на классической и современной американской, английской и французской экономической науке. Однако он видел, что та основа, на которой могут решаться проблемы современного индустриального общества, должна быть шире. Поэтому он постоянно занимался проблемами философии и истории. Для него важное значение имели, например, труды римского философа, представителя стоицизма Сенеки, французских философа гуманиста Монтеня и просветителя Монтескьё, а также социолога Лоренца фон Штайна. Портреты Иммануила Канта, Готфрида Вильгельма Лейбница, Готхольда Эфраима Лессинга, Иоганна Вольфганга Гёте, Фридриха Шиллера, Вольфганга Амадея Моцарта и Хайнриха фон Тюмена, единственного экономиста среди них, висели над его письменным столом. По душе была ему и современная живопись.

К числу тех, с кем он поддерживал духовные связи, принадлежали многие экономисты, начиная с Ф.А.Хайека и кончая Й.А.Шумпетером. В круг этих людей входили и те, кто не занимался экономической наукой. Здесь можно назвать художников-экспрессионистов Аугуста Макке и Людвига Кирхнера, композитора Макса Зегера, химика Германа Штаудингера, физика Вернера Хайзенберга и писательницу Рикарду Хух. После того как он первым из немцев был принят в «Мотелерэн гезельшафт», возникли контакты с новыми людьми, например с философом Карлом Поппером. Большое значение для В. Ойкена имела его дружба с Эдмундом Хуссерлем, оказавшим на него научно-теоретическое влияние.

Он вступал в критическую полемику с представителями не только экономической идеологии, но и идеологии власти вообще. К тра-

дициям иррационализма, враждебного духу свободы, В.Ойкен относил не только философию Фридриха Ницше и Мартина Хайдеггера, но и волюнтаризм Мартина Лютера, взгляды Жана Жака Руссо, изложенные в «*Volonté Generale*», равно как и идеологию исторического развития Клода Анри Сен-Симона, проложившего путь социологии.

В период изучения политэкономии в рамках «исторической школы», господствовавшей тогда в немецких университетах, а также своей деятельности на посту заместителя коммерческого директора Имперского союза текстильной промышленности (1921—1924) В.Ойкен осознал, какое влияние оказывают на академическую экономическую науку властные экономические группировки, которые не ставили перед собой задачи найти ответ на проблемы мирового экономического кризиса. Тогда же он убедился в том, что первая демократия в Германии оказалась не в состоянии установить контроль над властью этих группировок. Как следствие в стране смогла установиться диктатура национал-социализма.

Будучи университетским профессором, В.Ойкен выступал за оказание коллективного сопротивления национал-социализму. Он был вынужден признать, что он и его друзья не были в силах предотвратить установление национал-социалистского режима.

Духовный, политический и экономический крах, способствовавший становлению национал-социализма, вынудил его по-новому ставить важнейшие вопросы также и в экономической науке. В.Ойкен видел существование принципиальной причинной связи: рациональность и эффективность регулирования экономики зависят от способности общественной системы контролировать политическую власть и предотвращать установление экономической власти. Такая постановка вопроса требовала ведения междисциплинарных работ, а также обмена политическими и духовными богатствами, выходя за рамки отдельно взятого университета. Реальная основа для этого сформировалась в начале 30-х годов, когда в результате тесного сотрудничества В.Ойкена и юриста Франца Бёма возникла «Фрайбургская школа». В нее вошли также другие экономисты и юристы, жившие во Фрайбурге. Важным оказалось и установление связей с экономистом Вильгельмом Рёпке и социологом Александром Рюстовом, в период господства национал-социалистов находившимися в изгнании.

Когда после 1933 г. в период ректорства Мартина Хайдеггера был принят национал-социалистский устав и началось преследование евреев в научных учреждениях, В.Ойкен открыто высказал свою точку зрения по данному вопросу. Как установил историк Бернд Мартин, он был «истинным противником Мартина Хайдеггера». Уже в 1936 г. во Фрайбурге студенты — сторонники национал-социализма выступали с требованием покончить с Вальтером

Ойкеном и его друзьями. Одновременно серьезная опасность нависла над его женой Эдит Ойкен-Эрдзик и ее семьей из-за их еврейского происхождения. И все же в те дни В.Ойкен прочел курс лекций о свободе мышления, озаглавленный «Борьба, которую ведет наука». Вместе со своей женой, вынужденной в период нацизма перестать заниматься писательской работой, он продолжал принимать в своем доме многочисленных гостей. В дом, расположенный на улице Гёте, постоянно приходили студенты и коллеги по работе. Там они могли устраивать открытые диспуты, что было трудно представить себе во времена национал-социализма. Как раз в этот период им были написаны «Теоретические исследования капитала» (1934), «Для чего нужна политэкономия?» (1938) и его первый фундаментальный труд «Основы политэкономии», в котором он разработал «теорию порядка».

В.Ойкен, чисто внешне казавшийся исключительно строгим человеком, охотно играл со своими тремя детьми и бродил с ними по Шварцвальду. Силы для того, чтобы жить вопреки своему времени, он черпал из того, что в его жизни тесно переплелись между собой семья, друзья и студенты. Кто сталкивался с ним, видел в его фигуре ученого, ожидавшего от собеседников постановки независимых от него вопросов.

После еврейского погрома в ноябре 1938 г. В.Ойкен на различных квартирах во Фрайбурге встречался с близкими ему учеными-экономистами, правоведами, историками, а также с рядом священнослужителей — с тем чтобы обсудить вопросы построения свободного общества в то время, когда, как они надеялись, должно было рухнуть национал-социалистское государство. Ситуация, в которой происходили эти встречи, была крайне неблагоприятной. И все же надежда на будущее существовала: рациональный анализ представляет возможность понимать взаимосвязи между властью, отсутствием свободы и бедностью. На этой основе могут быть определены рамочные условия создания экономического порядка, который позволит предоставить максимальную свободу и одновременно осуществлять рациональное управление экономикой.

После 20 июля 1944 г. с этим оппозиционным кружком участников дискуссий и полемик было покончено. Гестапо неоднократно допрашивало В.Ойкена, но не подвергало его аресту. Трое его друзей по «Фрайбургскому кружку», экономисты Адольф Лампе и Константин фон Дитце, а также историк Герхард Рихард, были арестованы и содержались под арестом до конца войны.

С крахом нацистского режима пробил звездный час Вальтера Ойкена. Большой интерес к его мышлению категориями экономической политики стал проявляться тогда, когда при создании демократии приступили к разработке политико-экономических концепций, призванных заменить концепции плановой экономики и лик-

видировать таковую. В. Ойкен консультировал военную администрацию французской и американской зон оккупации Германии, а также первое правительство ФРГ.

С этого момента «Фрайбургская школа» относится к «легенде основания ФРГ». С именами Ойкена и его друзей связывают научную подготовку почвы для «экономического чуда», которое после 1945 г. очень быстро перевело Германию из состояния обнищания распадавшейся плановой экономики в состояние благоденствия.

И в самом деле некоторые важные представления, которые отстаивал В. Ойкен вместе с другими экономистами, были претворены в жизнь в ФРГ (к примеру, концепция денежной политики и валютно-финансовой реформы). Однако основа его труда, а именно концепция экономического конституирования свободы и метод анализа экономической власти в политическом отношении, не была реализована на практике. Принципиального решения о конкурентном порядке, на установлении которого настаивал Ойкен, в Германии так никогда и не принималось.

Впрочем, после 1945 г. между «Фрайбургской школой» и прежними и новыми руководителями крупной германской промышленности, а также крупных банков происходили серьезные столкновения. Представители школы требовали радикальной децентрализации крупной промышленности и представили детально разработанные проекты законов по новому экономическому порядку. В первые после окончания войны годы они были частично поддержаны представителями американских антитрестовских традиций в военной администрации. Однако «Фрайбургская школа» потерпела фиаско, столкнувшись с интересами промышленных группировок, переживших национал-социализм.

Хорошо известно, что министр экономики Людвиг Эрхард всегда ссылаясь на Ойкена как на мыслителя, предвосхитившего с научной точки зрения его политику. Но практически неизвестно то, что Вальтер Ойкен незадолго до своей смерти критиковал экономическую политику Конрада Аденауэра как политику *laissez-faire*.

В. Ойкен умер в марте 1950 г. в Лондоне незадолго до завершения своего труда «Основные принципы экономической политики». В эти дни он читал курс лекций в Лондонской школе экономических наук «Этот век неудач» (*This Insuccesful Age*). Они были опубликованы в 1952 г.

Основные принципы экономической политики

В процессе работы над своими «Основными принципами экономической политики» В. Ойкен жил в стране, которой угрожало полное обнищание. Централизованно управляемая экономика пришла

в упадок, масштабы черного рынка и натурального хозяйства расширились. И хотя диктатура ушла в прошлое, экономическая свобода все еще оставалась незначительной. Нередко она заключалась в возможности выбора между голодом и коррупцией.

В этот период Вальтер Ойкен и его коллеги собирали материалы и цифровую информацию относительно состояния здоровья и питания населения у врачей, в больницах и различных учреждениях с целью побудить военную администрацию союзников к быстрым действиям. Правда, при этом В.Ойкен предостерегал верить в то, что помочь могут только деньги, поступающие в Германию из США по плану Маршалла. Чересчур уж глубоко лежали причины бедственного положения страны.

В стране царила бедность при незначительной экономической свободе для большинства людей и большой экономической власти в руках немногих. Основа такого положения была заложена в тогдашней структуре общества, состоявшей из остатков диктатуры. Не существовало такой способной функционировать системы регулирования экономики, которая бы согласовывалась с ценностями и структурой демократического правового государства. Вот почему В. Ойкен требовал осознанного принятия принципиального решения об экономическом порядке, который следовало бы установить.

Вальтер Ойкен следующим образом сформулировал задачу: «Как может быть задан новому индустриализированному миру, численность населения которого во много раз увеличилась, достаточный международный экономический порядок и как могут быть заданы отдельно взятым странам пригодные экономические порядки? Речь идет не только о том, что люди могут существовать и что крупные технические возможности сегодняшнего дня могут быть сделаны полезными с экономической точки зрения. Одновременно в новом порядке следует устранить опасность того, что отдельно взятый человек станет безвольной частичкой гигантского экономического аппарата, превратится в подневольное, обезличенное существо, не обладающее спонтанной независимостью, самобытностью и индивидуальностью». В. Ойкен говорил, что этот порядок «не возникает сам по себе». Необходимым условием действий он считал «мышление, которое раскрывается в науке».

Три типа хозяйственного регулирования

В. Ойкен исходил из положения индивида на экономической арене. «Как осуществляется регулирование повседневного экономического процесса?» Он установил, что существуют две основные формы регулирования экономики, которые характеризуются противоречивостью условий экономической власти. На одной стороне

спектра возможных экономических порядков находится централизованно управляемая экономика. Индивид максимально лишен гражданских прав и не обладает никаким влиянием. Центральная администрация обладает максимально возможной властью и одновременно создает хозяйственный план для тех, кто находится в экономической зависимости от нее. Прямой противоположностью централизованно управляемой экономике является полная конкуренция, в рамках которой никто не располагает властью экономически регулировать деятельность другого лица, зато все постоянно согласовывают между собой проблемы производства через механизм цен. Здесь каждый разрабатывает свой хозяйственный план, планы не иерархически связываются друг с другом путем координации.

Система наибольшей концентрации власти не только несвободна, насколько только это возможно, но и максимально неэффективна. Система с максимально возможной свободой и минимальной экономической властью с экономической точки зрения является самой эффективной.

Между системой полной конкуренции, в которой все индивиды регулируют экономический процесс посредством цен, и системой регулирования экономики центральными административными органами располагается еще один вид регулирования экономики: регулирование властными группировками. Этот третий «тип порядка» имеет свои собственные экономические закономерности, которые определяются мощью и распределением реализованной в них власти на рынках (к примеру, в олигополии иные, нежели в частичной монополии). Руководствуясь простым критерием, В.Ойкен показывает, что на рынках полной конкуренции и рынках, на которых имеет место концентрация власти, речь идет о двух различных типах регулирования экономики. В первом случае все агенты рынка в качестве твердой величины в своих планах имеют цену, отдельно взятое предприятие, хотя и оказывает крайне небольшое влияние на ценообразование, не может проводить рыночную стратегию. Напротив, на рынках, где существует концентрация власти, имеется несколько или даже много участников рыночных отношений, которые в большей или меньшей степени обращаются с ценой как с переменной величиной. Таким образом, они в состоянии проводить политику в области цен, а тем самым и вмешиваться в планы других участников рыночных отношений вопреки интересам последних (например, через сверхприбыль, закрытие рынков, недопущение производства).

Если ценовая политика в условиях рынка, на котором имеет место концентрация власти, все же поставлена в определенные рамки, то в централизованно управляемой экономике она ничем не ограничена. Частное хозяйство, в котором наблюдается концентрация власти, как самостоятельный тип порядка занимает промежуточное по-

ложение между централизованно управляемой экономикой и рыночным хозяйством полной конкуренции.

Анализ централизованно управляемой экономики, проведенный В.Ойкеном, является стандартом учебных материалов в западноевропейской экономической науке. Правда, еще один решающий, но неудобный вывод из теории порядка В.Ойкена был обойден вниманием: существующие в богатых индустриальных странах рыночные системы ни в коем случае не являются, как об этом постоянно говорят, рыночным хозяйством конкуренции результатов, а посему не являются также и совершенной противоположностью централизованно управляемой экономике. Они все больше и больше определяются третьим типом порядка: регулированием экономики властными экономическими группировками.

То, что это не осознано, является, по Ойкену, помимо прочего, также и следствием существования тенденции к концентрации власти. «Затушевывание различий между конкуренцией и монополией лежит в интересах властных экономических группировок. Тем самым преуменьшается серьезность действенности монополий. Наука тем более должна избегать затушевывания различий».

Опыт экономической политики

Используя эти знания, полученные из теории порядка, можно исследовать все политико-экономические концепции на предмет того, к каким последствиям приводит их реализация.

Экономическая политика централизованно управляемой экономики в структурном отношении неспособна осуществлять рациональное регулирование экономики. В.Ойкен доказал это еще в 1939 г. Она не в состоянии взаимоувязать между собой спрос и предложение миллионов людей и учесть ограниченность ресурсов. Поскольку эта система в принципе лишает индивида свободы осуществлять экономический выбор и брать на себя бремя ответственности, она рано или поздно порождает бедность. Для В.Ойкена решающим является одновременно и влияние централизованно управляемой экономики на конституцию страны. Она принуждает к установлению диктатуры и оказывается несовместимой с правовым государством и демократией.

Принципиальной альтернативой централизованно управляемой экономике во всем мире считается политика «свободной экономики». К ней относятся самые различные экономические политики рыночного хозяйства. Их общим основным принципом является то, что экономическая власть государства должна быть минимизирована, насколько это возможно. Индивиду следует предоставить возможность взять в свои руки собственные экономические интересы.

Отдельно взятое лицо как потребитель лучше всего знает, что ему нужно. Отдельно взятое лицо как производитель, если он через механизм цен узнает, что потребляется, будет оптимально использовать свою рабочую силу в собственных интересах ради интересов других.

Это представление имеет свои корни в классической политэкономии и либерализме. Оно предполагает, что ценовой механизм как «естественный порядок» формируется спонтанно, сам по себе. Если бы эгоизму индивида предоставить — при соблюдении норм уголовного и гражданского права — свободу, то тогда сама по себе была бы решена проблема ограниченности. Следовало бы только отметить государственное принудительное регламентирование и одновременно легализовать частную собственность и свободу заключать договоры.

В действительности проведение политики «свободной экономики» положило начало революционному развитию процесса индустриализации. Но и она в конечном счете, как показывает В.Ойкен в «Основных принципах экономической политики», ведет к несвободе и к отказу механизма регулирования экономики.

Уже на ее начальной стадии, по недоразумению названной политикой *laissez-faire*, были «созданы строгое право собственности, договорное право, совокупность правовых норм, касающихся товариществ, компаний или объединений, и патентное право». Тем не менее прежние и нынешние государства с рыночной ориентацией сделали возможным лишь одно: свобода рынка может использоваться, чтобы исключить свободу рынка. Одновременно предоставлялась свобода путем недобросовестной конкуренции — посредством создания картелей, слияний во имя установления господства на рынке, блокады рынков, отказа осуществлять поставки, демпинга — нарушать добросовестную конкуренцию и тем самым способствовать формированию экономической власти.

В истории индустриальных государств с рыночной экономикой В. Ойкен помимо сказанного проанализировал второй шаг в направлении к концентрации власти: власть на рынке, предоставленная самой себе, может стать политической властью. Союзы промышленников и банки в состоянии вынудить правительства менять законы, предоставлять субсидии, изолировать рынки друг от друга. Успех хозяйственной деятельности определяется не столько результатами работы на рынке, сколько способностью прямо на рынке и с помощью государства как инструмента исключить конкуренцию результатов.

Таким образом, политика невмешательства провоцирует проведение политики интервенционизма. Государство продолжает расширять свое вмешательство в экономический процесс, в результате

чего возрастает его зависимость от властных экономических группировок.

То, что задумывалось как четкое разъединение государства и экономики, систематически приводит к переплетению частной экономической власти с государственной властью. Экономическая политика свободной экономики независимо от ее большей или меньшей ориентированности на интервенционизм ведет к определенному типу экономического порядка: к регулированию экономики властными группировками.

Анализ, проведенный В. Ойкеном, свидетельствует о том, что экономический порядок, осуществляемый властными группировками, нестабилен и может перерасти во всеобщую групповую анархию или в диктатуру, присущую плановой экономике. В странах, в которых нет достаточных противодействующих сил, присущих демократическому и правовому государству, можно найти множество примеров подобного пути в царство несвободы и обнищания масс. На завершающем этапе подобной концентрации власти может быть положен конец свободе. «Свободный рынок» позволил, например в Германии, возникнуть концернам, в период национал-социализма «ставшим тем строительным камнем, который без особого труда мог быть встроен в здание централизованно управляемой экономики».

Итак, В. Ойкен в своем фундаментальном экспертном заключении по вопросам преобразования германской экономики, составленном в январе 1946 г. по поручению союзных держав, пришел к следующему выводу: «Методы регулирования свободной экономики и централизованно управляемой экономики потерпели полное фиаско».

Существует ли выход из этой дилеммы? Ситуация представлялась безнадежной, поскольку экономические науки не были готовы к мышлению категориями экономических порядков. Ни либеральная экономика, ни выросшая из нее марксистская экономика не пришли к мысли разработать всеобъемлющие концепции экономической политики. Как одни верили в исторически неизбежную победу социализма, так другие были и остаются убежденными в неизбежной победе капитализма. В представляемой вниманию читателя книге В. Ойкен показывает, что подобной неизбежности развития не существует.

Принятие решения об экономическом порядке неизбежно, ведь непринятие решения как раз в ситуации преобразований экономики совершенно четко означает принятие решения в пользу типа порядка, связанного с регулированием экономики властными группировками. В итоге мы имеем несвободу и бедность там, где надеялись увидеть свободу и благосостояние.

Необходимы две вещи. Общество должно принять осознанное решение относительно цели, достичь которую предстоит экономиче-

скому порядку. А задача науки — разработать концепцию политики порядков для того экономического порядка, который как можно больше соответствует этой цели. Это был труд Вальтера Ойкена и «Фрайбургской школы». Они разрабатывали концепцию конкурентного порядка для того, чтобы сделать реальностью свободу для всех и предотвратить всеобщее обнищание.

Конкурентный порядок

«Отстаиваемый нами конкурентный порядок одинаково далек от обоих названных экономических порядков (плановой экономики и «свободного рыночного хозяйства)», — отмечали В. Ойкен и его друзья в предисловии к первому тому ежегодника «ОРДО». «Больше или меньше государственности — это вопрос, который не затрагивает сути. Речь идет о проблеме не количественной, а качественной». Государству не следует ни предпринимать попыток регулирования экономического процесса, ни предоставлять экономику самой себе. «Государственному планированию форм — «да», государственному планированию и регулированию экономического процесса — «нет». Выявить различие между формой и процессом и поступать в соответствии с этим — вот что важно».

Только так можно достичь того, чтобы не ничтожное меньшинство, а все граждане могли регулировать экономику через механизм цен. Единственным экономическим порядком, в котором это возможно, является экономический порядок полной конкуренции. Но он реализуем только в том случае, если все участники рыночных отношений будут лишены возможности менять правила на рынке. Поэтому государству необходимо, используя соответствующие правовые рамки, задавать форму рынка, то есть те правила игры, по которым ведется хозяйство. «Ключевой вопрос современной экономической политики нужно трактовать именно как ключевой. Это происходит, если только создание функционирующего механизма цен полной конкуренции превращается в важный критерий любой политико-экономической меры. Последнее является основным правовым принципом экономического конституирования».

В. Ойкен поясняет: «Недостаточно также просто запретить картели. Принцип негативен отнюдь не в первую очередь. Скорее необходима позитивная политика экономического конституирования». Неудачу антitrustовской политики в США он объясняет тем, что в рамках конкурентного права должно было быть покончено с той концентрацией власти, которой всячески содействовала политика другого рода. Вот почему В. Ойкен требует коренного пересмотра имеющих важное значение для экономической власти сфер права, начиная с патентного, акционерного и общественного права и кон-

чая правовой реализацией ответственности путем последовательно предоставления гарантий. «Следует бороться не с так называемыми злоупотреблениями экономической власти, а с экономической властью», — требовал В.Ойкен в 1947 г. в одном из экспертных заключений по вопросу строительства способной функционировать экономики в свободном обществе.

В «Основных принципах экономической политики» он сделал наброски здания конкурентного порядка. «Организационные принципы» простираются от денежной политики и проблем частной собственности до вопросов открытого рынка. Однако В. Ойкен одновременно видел, что даже при создании этих рыночных условий «конкуренции результатов» могут возникнуть неприемлемые социальные и экологические последствия. По этой причине им разработаны «регулирующие принципы».

Эта всеобъемлющая концепция противостоит пунктуальным рецептам, которым ныне следуют проводники экономической политики и которые экономисты широко предлагают странам Восточной Европы и Юга. Часто говорится: свобода заключения договоров и частная собственность делают возможными экономическую свободу и благосостояние для всех. «Мышление категориями порядка» показывает, что эта посылка ложна, поскольку недостаточно ее одной.

Частная собственность в конкурентных условиях, или частная собственность на монополизированных рынках, или даже частная собственность в рамках частнокапиталистической централизованно управляемой экономики (скажем, в период национал-социализма в Германии) в какой-то мере настолько различны, что можно практически ввести в заблуждение, если использовать во всех трех порядках одно и то же правовое понятие «частная собственность». Что дает отдельно взятому крестьянину приватизация бывших государственных имений, если в конечном счете не будет свободы на рынке? Об этом говорит состояние нынешних мировых рынков. Миллионы сельских хозяев и мелких промышленников бедных стран, к примеру, могут продавать свои продукты по ценам ниже издержек производства, поскольку конкуренции результатов препятствуют поступающие из богатых индустриальных стран продукты, на которые получены субсидии, торговая монополия собственной страны или частные торговые олигополии, господствующие на мировых рынках. Это не что иное, как частичная экспроприация, для которой вовсе нет необходимости в формальном правовом акте. Для большинства людей частная собственность и свобода заключать договоры существуют лишь «формально», до тех пор пока они не будут реализованы в условиях полной конкуренции.

Отчуждение и эксплуатация «капитализмом» являются, таким образом, не следствием чересчур большой конкуренции результатов, как полагали марксисты, а помимо прочего, результатом того,

что ее слишком мало. Конкуренция результатов может проложить себе путь только тогда, когда государство и общество воспрепятствуют всем другим видам конкуренции. Если уголовное право и культура человеческих взаимоотношений должны исключать ведение конкуренции по принципу физического превосходства, то конкурентный порядок дополнительно ставит преграды конкурентной борьбе за экономическую власть, равно как и борьбе за оказание наибольшего влияния на правительство.

Часто экономические группировки пытаются избежать нежелательных последствий добросовестной конкуренции за счет того, что изображают ее как далекое от жизни явление. При этом зачастую понятие полной конкуренции (*Vollständiger Wettbewer*b) смешивается с понятием совершенной конкуренции (*perfect competition*). Корни понятия совершенной конкуренции уходят в теорию неоклассической экономики. В высокой степени оно представляет собой абстрактную модель, которую нельзя *per definitionem* встретить в реальной жизни. Вальтер Ойкен говорил об этом еще в 1940 г.

Напротив, полная конкуренция в действительности существует. Наличие таковой в самых различных экономиках прошлого и нынешнего дня на многих или не столь многих рынках доказывается с помощью простого критерия, предложенного Ойкеном (никто не может проводить рыночную стратегию). Посредством экономического конституирования полная конкуренция может быть превращена в форму рынка, определяющую экономику в целом.

Еще одним серьезным антиподом конкурентному порядку Ойкена является социальная философия «спонтанного порядка». Сторонники этой позиции экономического эволюционизма, базирующейся на трудах лауреата Нобелевской премии Ф.А.Хайека, верят в развитие рынка по законам природы. Вот почему для Хайека политика порядков так же бессмысленна, как и для того, кто крепко придерживается марксистского закона исторического развития. Экономическое конституирование В.Ойкена стремится гарантировать «спонтанность» индивидов посредством правовых рамок, установленных независимо от рынка. Хайек допускает спонтанное развитие правового порядка через рынок со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Более поздний Хайек идет еще дальше. Экономическая теория превращается в теорию всеобщей культуры. На смену идее разъяснения того, что решения могут приниматься рационально и на нравственной основе, приходит закон «групповой селекции» («групповой избирательности»). Конкуренция коллективов, будь то крупные концерны или целые культурные слои, решает все то, что составляет цивилизацию. В конкурентной борьбе они выступают за правовые порядки, моральные представления и идеи культурного строительства. То, что одерживает верх в этой конкуренции пра-

вил, вполне оправданно, поскольку это находит признание. Поэтому Ф.А.Хайек говорит: «Мне неизвестно, что вообще социально». В.Ойкен возражает ему: «Нет ничего, что не было бы важным в социальном отношении».

«Интердепенденция порядков»

В. Ойкен выступает за экономический порядок не только потому, что последний делает возможным способное к функционированию регулирование свободы и экономическую свободу. Полная конкуренция, если выйти за ее экономический смысл, является «инструментом лишения власти» (Франц Бём). Речь идет об «интердепенденции порядков», о взаимосвязи экономического, государственного и общественного порядков. И хотя понятие «интердепенденция порядков» прослеживается по всей книге, оно имеет для Ойкена большее значение, чем для читателя. Его преждевременная смерть в 1950 г. помешала реализовать план, связанный с расширением этой части «Основных принципов экономической политики».

Форма государственного порядка и форма экономического порядка были всегда связаны с авторитарными формами государственного порядка. Для того и другого характерна тотальная концентрация власти. И наоборот, единое целое составляют полная конкуренция и демократия, ведь сама конкурентная экономика является «демократичной, поскольку в ней потребители, то есть народ, через ценообразование и на основе каждодневной взаимоувязки регулируют экономический процесс», как писал В.Ойкен в 1947 г. в одном экспертном заключении по поводу преобразования западногерманской экономики. Классическая идея разделения властей означает разделение основной государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную с тем, чтобы обеспечить взаимный контроль власти и ее ограничение. В. Ойкен обобщил это решающее социальное изобретение современности, отнеся его также к совокупному экономическому и государственному порядку. Полная конкуренция означает существование экономики максимально возможного разделения экономической власти. Она корреспондирует с разделением властей в демократическом правовом государстве.

Это последующее развитие классической концепции разделения властей было необходимо. Экономическая власть дает возможность, даже не нарушая закона, парализовать правовое государство и демократию. Например, концерны и крупные банки в состоянии препятствовать свободному формированию законодательной властью своего волеизъявления или даже блокировать его. Последнее возможно даже вне рамок коррупции через одну только экономическую зависимость. Высокой численности рабочей силы и налоговых

поступлений от немногих крупных предприятий вполне достаточно, чтобы оказывать законным путем давление, которое противоречит смыслу демократических конституций, например принципам суверенитета народа и равенства прав всех граждан. Юристы «Фрайбургской школы» занимались также «самостоятельно созданным хозяйственным правом» («самостоятельно созданной совокупностью правовых норм, регулирующих хозяйственную деятельность»), которое «вытеснило значительную часть германского государственного гражданско-правового порядка».

В силу сказанного оказывается неверным утверждение, ныне ставшее на Западе и Востоке весьма популярным: правовое государство и рыночное хозяйство гарантируют свободу. Рыночные хозяйства, в которых наличествует концентрация власти, следует связывать исключительно с диктатурами, как это демонстрируют авторитарные государства Латинской Америки или рыночные диктатуры стран Юго-Восточной Азии.

В оставленных заметках В. Ойкен обратил внимание на ряд дополнительных последствий «интердепенденции порядков», которые могли бы дать толчок к разработке целой программы исследований. Для него речь шла при этом об обоюдной зависимости культурного развития, экономической системы и государственного порядка. Самым свежим примером тому служит всеобщая проблема концентрации власти на рынке периодических изданий и книжном рынке. Чем меньше издательства распоряжаются правом на опубликование мнений, тем ограниченнее возможность контроля общественности за государственной властью. И наоборот: чем сильнее противостоящая либеральная общественность, тем скорее давление демократических сил может притормозить протекание процесса концентрации экономической власти.

«Интердепенденция порядков» объясняет двойственный характер богатых индустриальных стран. С одной стороны, существует их экономический потенциал, а также сравнительно высокий уровень правовой государственности и демократии. С другой — нельзя не видеть границ их свободы и производительности, равно как и их специфической нестабильности. В той мере, в какой осуществляется разделение властей в государстве, между государством и экономикой, а также и внутри экономики, обосновывается свобода индивида. Чем больше разделение властей упраздняется концентрацией власти, тем большей опасности подвергается свобода. В той степени, в какой любой частичный рынок с полной конкуренцией поддерживает свободу общественной системы в целом, любой шаг к концентрации власти ведет к несвободе, бесправию и неэффективности систем централизованно управляемой экономики.

Через 40 лет после опубликования «Основных принципов экономической политики» к аналогичным результатам в своих иссле-

дованиях пришли экономисты Уолтер Адамс из Мичиганского университета и Джеймс У. Брок (штат Огайо). И в США, одном из наиболее развитых правовых государств мира, возрастает опасность подавления свободы крупными банками и крупной промышленностью. Многие последние анализы развития рынка в Северной Америке свидетельствуют о том, что все больше крупных предприятий становятся нерентабельными из-за своих размеров. И все же они выживают. И как раз в силу того, что они слишком велики, чтобы допустить их банкротство. Государство принимает меры по искусственному поддержанию их существования. Поэтому оба экономиста выступили с требованием: «Необходимо сохранять предприятия таких размеров, при которых государство может спокойно мириться с их крахом, то есть таких размеров, которые препятствуют тому, чтобы частные трагедии превращались в социальные катастрофы, и, следовательно, тому, чтобы общественность становилась заложницей экономической масштабности».

В. Ойкен осознал, что нельзя посредством мелкого ремонта устранить подобную опасность саморазрушения свободного общества. Именно потому, что он был поборником «западных» традиций просвещения, его политико-экономическая концепция исключала возможность простого копирования западной экономической политики. Конструкция классического демократического правового государства должна быть пересмотрена и усовершенствована путем экономического конституирования процесса минимизация власти. Оно так же необходимо, как и конституционные гарантии всеобщего избирательного права и независимость судей. Вот почему вклад В. Ойкена состоит в том, что он последовательно распространял действие универсальной концепции просвещения — осуществление прав человека — на экономический порядок.

Критерии преобразований

В «Основных принципах экономической политики» В. Ойкен сформулировал условия и масштабы политики порядков. То, какими должны быть изначальные условия, которые позволяли бы переходить к конкурентному порядку, он описал в своих экспертных заключениях по вопросам преобразования германской экономики после 1945 г., представленных военной администрации союзников, а также позднее, когда занимал должность советника первого германского федерального правительства (1945—1950). Разумеется, эти заключения нельзя в полном объеме переносить в сегодняшние условия, сложившиеся в странах Восточной Европы. И все же в них содержатся те важные критерии преобразований, которые в общем и целом могут оказаться важными для стран, выкарабкива-

ющихся из бедственного положения распадающейся централизованно управляемой экономики.

Вхождение в конкурентный порядок возможно только при определенных стартовых условиях. К числу таковых относится прежде всего то, что нельзя начинать с таких размеров предприятий, которые уже заранее предопределяют тип порядка, а именно регулирование экономики властными группировками.

В 1947 г. в качестве безотлагательной меры В.Ойкен требовал того, чтобы все образования картельного типа, к созданию которых приступили и которые были созданы в период господства национал-социализма в стране, были незамедлительно распущены. Это должно было иметь место и в том случае, «если даже из этих переплетений не возникало властной монопольной позиции».

На второй ступени должен вступить в силу общий закон, направленный против экономической власти. «Следует запретить картели, синдикаты и т.д. и объявить их неправопособными. Картели, тресты и единоличные монопольные предприятия необходимо декартелизировать или распустить, насколько технические или народнохозяйственные обстоятельства дела не исключают возможность подобной декартелизации или роспуска». Действие закона о недопущении или устранении экономической власти распространяется на все предприятия, «которые в состоянии оказывать на рынке такое влияние, которое в условиях полной конкуренции было бы просто невозможно».

Поскольку отдельно взятая страна, принявшая решение о проведении политики порядков, присущей конкуренции результатов, не располагает властью проводить декартелизацию крупных зарубежных предприятий, то в качестве еще одного стартового условия необходимо «остановить проникновение международных концернов с Востока и с Запада и полностью покончить с ним».

Это основополагающее требование В.Ойкена находится в полном противоречии с процессом проникновения мультинациональных концернов в Восточную Европу, которому создаются благоприятные условия. Оно подкрепляется опытом, накопленным странами третьего мира, государственное руководство которых нередко предпринимало попытки извлечь выгоду из научно-технического прогресса за счет внедрения международных концернов, вынужденно не отказываясь при этом от внешнеторгового протекционизма. Именно внешнеторговый протекционизм во многих случаях мог сделать для мультинациональных компаний привлекательными капиталовложения, поскольку импортные ограничения гарантировали то, что эти компании могли действовать спокойно на соответствующих внутренних рынках, не ощущая никаких помех со стороны иностранных конкурентов. Результатом же зачастую было то, что, как предсказывал В. Ойкен, борьба, не связанная с конкуренцией

результатов, приводила к гибели существовавшие отечественные малые и средние предприятия соответствующего рынка (к примеру, в результате демпинга).

В отличие от столь популярных ныне представлений, по которым олигополии и колоссальную власть на рынках следует воспринимать с национальной точки зрения стоящими на службе международной конкурентоспособности, В.Ойкен приводил совершенно противоположную аргументацию. По его мнению, как раз могущественные концерны препятствуют раскрытию возможностей мирового рынка в смысле справедливого, регулируемого конкуренцией мирового хозяйства. Ойкеновская концепция демонизации затрагивала в первую очередь те предприятия, которые имели многочисленные зарубежные филиалы во всем мире, как, скажем, «ИГ Фарбениндустри» и «Дойче банк». Подобные властные структуры в состоянии оказывать давление на правительство с целью защитить внутренний рынок путем установления импортных барьеров и получать соответствующие субсидии на экспорт товаров. То и другое наносит ущерб как потребителям, так и не получающим субсидий мелким производителям именно в том, что касается их «конкурентоспособности на мировом рынке», то есть их способности в рамках справедливых условий быть участниками операций на мировом рынке.

Конкурентный порядок и интеграция в мировое хозяйство были для В.Ойкена неотделимы друг от друга. В то время как в период крайней нужды после 1945 г. многие связывали свои надежды с автаркическим и планируемым государством снабжением населения товарами, Вальтер Ойкен выступал за ведение свободной мировой торговли по принципу конкуренции результатов: «Установление тесных связей с мировым рынком — это самая лучшая экономическая гарантия мира». И одновременно: «Чем больше рынок, тем тяжелее создавать властные позиции в экономике».

Но открытию мирового рынка противостоят, как правило, не только националистическая экономическая идеология и те группы отечественной экономики, которые извлекают выгоду из протекционизма. Торжественно провозглашенный свободным мировой рынок во многих отношениях является несвободным из-за существования частных торговых олигополий, государственного контингентирования внешней торговли, экспортных субсидий, а также бесчисленного множества нетарифных препятствий в торговле. Поэтому вместо настоящей конкуренции достижений производителей на мировом рынке часто имеет место борьба экономических территорий. Наибольшим успехом тогда пользуется та страна, которая, предоставляя субсидии и умело устанавливая барьеры в торговле, оказывается в состоянии обеспечить своему сельскому хозяйству или промышленности соответствующие доли мирового рынка и получение

олигополистической прибыли. В условиях такой конкуренции экономических территорий более бедные страны, включая страны Восточной Европы, экономика которых находится на стадии преобразования, могут только нести потери. Что делать?

Сколь активно В.Ойкен выступал за установление международного конкурентного порядка, столь важно было для него показать, что и для отдельно взятой экономической более слабой страны вполне по силам в тех условиях мирового рынка, которые характеризуются конкуренцией власти, на национальном уровне начинать с установления конкурентного порядка.

С одной стороны, В.Ойкен выступал за отмену всех таких националистических экономических мер, как субсидии, внешнеторговая монополия или контингентирование импорта. С другой — он предложил исключить доступ к власти на рынках, что лишало крупные международные компании свободы создавать филиалы. Одновременно это создавало благоприятные условия для привлечения капиталов зарубежных малых и средних предприятий.

Наряду с этим он требовал не только проведения внутри страны «декартелизации и роспуска картелей», а также отказа от создания благоприятных условий для концентрации экономической мощи, но и систематического предоставления преимуществ предприятиям таких размеров (мелких и средних), которые соответствуют условиям конкуренции, во всех сферах экономической политики (начиная с налоговой политики и доступа к ресурсам и кончая распределением государственных заказов).

Применительно как к внутреннему рынку, так и к международным экономическим отношениям В.Ойкен использовал одни и те же масштабы. Благодаря этому фундаментальному принципу отдельно взятая страна могла, с одной стороны, в условиях мирового рынка, характеризующихся конкуренцией власти, формировать функционирующий внутренний рынок с выходом на мировые рынки, а с другой — давать импульс вовне для развития более справедливого и более свободного мирового хозяйства.

Эту концепцию можно распространить и на другие актуальные проблемы мировой экономики. Большую, чем традиционный демпинг, роль играет нынче экономический демпинг. Страны уничтожают как свои собственные основы жизни, так и основы жизни всего человечества, с тем чтобы иметь возможность предлагать свои товары на мировом рынке по более низким, а тем самым более конкурентоспособным ценам. У страны, не желающей участвовать в такого рода недобросовестной конкуренции, в части реальной политики остается одна возможность: она требует от своих собственных предприятий достаточных стандартов по охране окружающей среды, которые могут быть точно так же распространены и на импортируемые продукты (в необходимых случаях даже с установлением за-

прета на импорт товаров). В какой степени оказывается экономически рациональной подобная стратегия интеграции в мировой рынок, характерной для политики порядков, хорошо видно как раз в сфере технологии окружающей среды. В наши дни техника, ориентированная на будущее и созданная с учетом требований охраны окружающей среды, поступает на мировой рынок в большинстве случаев из тех стран, которые имеют соответственно самое строгое законодательство в области охраны окружающей среды и которые внедрили его раньше, чем другие. В равной степени сказанное могло бы иметь отношение и к использованию предложенной В.Ойкеном ограниченной власти на рынках: лишь страны с функционирующими конкурентными рынками и демократией, независимой от экономики, в состоянии решать крупные проблемы будущего новаторски и эффективно, равно как справедливо и демократически.

Тупик: макроэкономическая стратегия роста

Тот, кто хочет иметь конкурентный порядок, должен проводить политику, которая противоречит интересам новых и старых властных группировок внутри страны и за рубежом. Тому, у кого нет такого желания или кто не может сделать это, остается одно: проведение в жизнь макроэкономической стратегии преобразований. На протяжении десятилетий она стала широко распространяться по всему миру и применяется в странах, численность населения в которых превышает миллиард человек. Сегодня богатые индустриальные страны, а также такие организации ООН, как Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд, предлагают ее также странам Восточной Европы. Их формула — благосостояние для всех путем непрерывного роста валового социального продукта, внешней торговли и зарубежных капиталовложений. В зависимости от того, как будет использоваться эта стратегия, а именно с большим уклоном в монетаризм или кейнсианство, могут проявиться некоторые другие определяющие величины, такие, как минимизация инфляции и государственная задолженность.

Странам, преобразующим свою экономику, исходная экономическая посылка, связанная с этой политикой, преподносится как новейшее достижение науки. В действительности же она представляет собой «шаг назад, реанимацию образа мышления категориями меркантилизма», как констатировал В.Ойкен еще в 1949 г. в одной из своих лекций. «Решающее значение теперь имеет отнюдь не взаимозавязка между собой отдельных капиталовложений. Интерес представляет уже сумма всех инвестиций, вложенных в экономику». «Это шаг назад, поскольку тем самым экономические факторы рассматриваются как несущественные». В.Ойкен увидел, что уда-

ленность западного мышления чисто макроэкономическими категориями от реальностей напоминает мышление Востока категориями планового хозяйства. «И в централизованно управляемой экономике мы встречаем такие глобальные понятия величин, как общее потребление, общие капиталовложения, общие накопления, общий импорт и экспорт. Уже не замечают отдельно взятого предприятия или домашнего хозяйства, обращают внимание лишь на глобальные потоки в суммарном выражении».

О том, что макроэкономическая стратегия должна быть неверной, свидетельствуют самые простые данные по мировой экономике: невысокие темпы роста мирового хозяйства в целом по меньшей мере до сих пор не могли быть причиной мирового голода. Данные по наблюдавшимся до последнего времени темпам роста производства продовольствия говорят о том, что, даже если страны третьего мира будут рассматриваться отдельно, расчеты показывают небольшое превышение производства продовольствия в расчете на душу населения над его потреблением. Тем не менее, по данным ООН, в мире голодают более 500 миллионов человек. Каждый день 36 000 детей умирают от недоедания.

Проблематика макроэкономической стратегии преобразований проявляется в судьбе тех стран, которые ощущают на себе пристальное внимание со стороны Международного банка реконструкции и развития, а также Международного валютного фонда и развитие которых стимулируется в рамках целевых «программ». К их числу в равной мере относятся и те трансформирующиеся страны, которые осуществляют экономические преобразования и которые в Западной и Восточной Европе считаются образцовыми для того, чтобы идти по пути интеграции в мировой рынок. Данные исследований Чрезвычайного фонда помощи детям при ООН (ЮНИСЕФ) говорят о том, что в различных странах, таких, как, например, Чили, Республика Корея, Филиппины, Шри-Ланка, Бразилия и Мексика, наблюдается снижение обеспеченности населения продуктами и товарами, необходимыми для нормального здоровья, снижение уровня жизни и образования при одновременном повышении темпов экономического роста и расширении материальной помощи со стороны Международного банка реконструкции и развития. Данные других исследований свидетельствуют о быстром уничтожении экологического капитала в странах, адаптирующихся к структуре мирового рынка.

Все это имеет свои причины. К примеру, расширение внешней торговли: без наличия соответствующих рамочных условий политики предков блестящие показатели роста внешней торговли могут означать, что большая часть населения продолжает оставаться исключенной из мирового рынка. Если большинство внутренних потребителей не имеют покупательной способности, позволяющей им осу-

шествлять активный спрос для удовлетворения основных потребностей, то для крупной промышленности и крупных землевладельцев страны оказывается выгоднее всего производить товары для экспорта. Бедняки не появятся на мировом рынке до тех пор, пока у них не будут деньги, своего рода «избирательные бюллетени», с помощью которых они могут посредством голосования участвовать в регулировании экономики. Не вся страна, а только небольшая часть ее населения в этом случае оказывается «интегрированной» в мировой рынок. В действительности же сегодня беднейшие регионы земли, проводящие или не проводящие стратегию открытых дверей, оказываются почти полностью отрезанными от мирового рынка (81% мировой торговли ведется в рамках самой богатой пятой части человечества). Эта проблема не нова. То, что в богатых странах зерно, поступавшее из бедных стран, скармливалось скоту, в то время как его не хватало бедной части населения, было одной из проблем, которой В. Ойкен занимался в 40-х годах при разработке проекта конкурентного порядка.

Все возможные пути выхода из бедности и несвободы без использования последовательной политики порядков безуспешно апробировались в масштабах всей планеты. Последствия макроэкономической стратегии роста настолько ужасны, что развернувшаяся дискуссия по основам политики экономических преобразований вышла за рамки научной общественности. Разногласия и растерянность затронули даже руководство Международного банка реконструкции и развития. В этом был также свой шанс. В политико-экономической дискуссии проявилось новое откровение. Между тем независимая экология и организации стран третьего мира требуют предпринять шаги в направлении к «международному конкурентному порядку».

Границы конкуренции Экологическая политика порядков

Конкуренция на рынке — идеальный метод познания, позволяющий оценить материальную ограниченность. Но он функционирует только при одном условии. Оцениваются лишь продукты, которые могут быть отнесены к правовому субъекту, подлежащему четкому отграничению. Именно основные материальные блага не поддаются такой индивидуализированной оценке. Воздух принадлежит всем без исключения, не только живущим сейчас людям, а всем людям и прочим живым существам, которые живут и будут жить на Земле. Воздух нельзя покупать или продавать. Поэтому он не включается в экономические расчеты отдельно взятых производителей и потребителей. Поскольку рыночный механизм не имеет сен-

сорного устройства для этих экологических благ, он исчисляет их с использованием цены на них, равной нулю. Но их фактическая стоимость бесконечно велика, поскольку без них жизнь невозможна.

Рынок ставит этот фундаментальный экономический факт с ног на голову: он охотнее всего вознаграждает того, кто умеет, насколько это возможно, превращать эти «бесплатные» блага в оплачиваемые товары. Поэтому все экономические расчеты существующих рыночных хозяйств в большей или меньшей степени неверны. Индустриальные нации в силу того, что не оплачивают тех издержек, которые они порождают, оказываются в таком долгу перед последующими поколениями, что нависает серьезная угроза будущему человечества. Если не наступит коренного поворота, то все рыночные хозяйства из-за своего обусловленного системой нежелания видеть экологическую ограниченность рухнут точно так же, как это произошло с централизованно управляемыми экономиками с их системно обусловленной слепотой по отношению ко всем видам ограниченности.

Цены должны говорить экологическую правду. Вот почему В.Ойкен требовал запретить производства, разрушающие природу или создающие угрозу здоровью человека. Более того, сегодня исключительно важно концепцию политики порядков как единое целое распространять на глобальную экологическую проблему. Принцип, согласно которому государство устанавливает рамки, в которых только и могут действовать люди, имеет силу не только для правил рынка, но и для его материальной основы. В соответствии с ним сегодня, например, следовало бы запретить большую часть химического производства, а атомную промышленность целиком.

По ойкеновским принципам мыслимо, к примеру, принятие следующей экономической меры по предотвращению климатической катастрофы, опасность которой уже существует. Отдельно взятое государство или организации государств (скажем, ООН) могут на основе нынешних знаний происходящих изменений мирового климата установить, какое количество углекислого газа (CO_2) допустимо выбрасывать в атмосферу, не ставя на карту существование человека в будущем. Это количество является ограничивающим материальным условием любого вида хозяйствования. Его следует устанавливать как лимит. Государства должны определять те рамки, в которых можно свободно хозяйствовать. Ценовой механизм конкурентного рынка может функционировать лишь в пределах подобных ограничений по отношению к рынку. Если количество сжигаемого топлива устанавливается политическим путем на основе знания достижений естественных наук, то на нефть, уголь и т.д. могут образовываться конкурентные цены, которые позволят осуществить оптимальное распределение денежных средств, чего не в состоянии сделать никакое государственное регулирование.

Поворот к экологически благоприятному хозяйствованию во многих отношениях возможен только на основе конкурентного порядка. Здесь следует назвать, например, конституирующий принцип последовательной ответственности (см. с. 350—537), без которого разрушение окружающей среды становится неизбежным. Более того, рынки, свободные от властных сил, являются необходимым условием того, что вообще будет принято и претворено в жизнь решение о создании необходимого экологического права, которое не окажется заблокированным мощными группировками.

Покончить с уничтожением основ жизни человечества можно, только если не будет допущено возникновения экономической власти. Многообразие природы и культуры разрушается монополизацией рынков. К примеру сказать, несколько химических концернов и концернов, производящих семенные материалы, уже внесли решающий вклад в уничтожение многообразия видов растений. В настоящее время в мировом производстве продовольствия 95% энергии, содержащейся в пище, поставляется всего 30 видами растений. Только в одной Индии каких-нибудь 50 лет назад культивировалось 30 000 сортов риса, сегодня их осталось там всего 50. Каждый день безвозвратно исчезает несколько видов животных и растений. Вымирает также большинство сортов, которые человек выводил на протяжении тысячелетий. Они могли появиться на свет только потому, что существовали миллионы не зависящих друг от друга людей, разводивших животных и культивировавших растения. Установление господства на рынке и связанное с этим генное патентирование олигополий индустриального сельского хозяйства (см. высказанные В.Ойкеном соображения по поводу патентного права, с. 336, п. 5) разрушают свободу отдельно взятого крестьянина в том, что касается самостоятельного разведения растений.

В результате возникает новый вид бедности, которую нельзя возместить никакими экономическими мерами. Вместе с многообразием исчезают также возможности реагировать на материальные опасности (например, на болезни растений, изменения климата). Сегодня многообразие рынков возможно только в рамках политики порядков. Оно является одновременно предпосылкой для многообразия культуры и природы. Без многообразия культуры нет созидания. Без созидания нельзя найти путей выхода из всеобщей бедности. Без многообразия природы нет эволюции, а без эволюции — самой жизни.

Новые формы бедности и несвободы свидетельствуют об актуальности экономического конституирования, предложенного Вальтером Ойкеном. Разумеется, сегодня существуют важные взаимосвязи и взаимозависимости политики порядков, которые были недооценены в работе В.Ойкена или даже не нашли своего отражения в ней. Если бы В.Ойкен был жив, он, вероятно, на отдельные пунк-

ты своей теории смотрел бы по-другому. Например, в 1950 г. он своей концепцией «монопольного ведомства» приписывал монополиям особо важную роль. Однако ныне решающей формой концентрации власти на мировом рынке являются олигополии. Такого рода вопросы требуют дальнейшего осмысления. Но они ничего не меняют в том, что касается применимости концепции В.Ойкена.

Сильнее, чем 40 лет назад, проявляется сейчас важность концепции. В послевоенной Германии в условиях быстрого роста благосостояния многие забыли о том, что был упущен момент для экономического конституирования конкурентного порядка. В наши дни это невозможно в Восточной Европе. Поскольку «сформировавшиеся» предпосылки конкуренции результатов (как-то развитое среднее состояние и неписаная правовая культура) здесь несравненно слабее, отказ от политики порядков прямо способствовал бы дальнейшему существованию бедности и несвободы. Сказанное относится и к более бедным странам Юга. Впрочем, и самые богатые индустриальные страны сегодня, несомненно, стоят перед необходимостью принять решение об установлении конкурентного порядка. И здесь становится очевидным, что продолжение прежней политики сулит мало хорошего будущему человечеству.

Теория порядков и политика порядков могут помочь найти путь к справедливому и экологически чистому мировому экономическому порядку.

Вальтер ОСВАЛЬТ-ОЙКЕН

Франкфурт-на-Майне, 1 сентября 1993 г.

Предисловие

Вальтер Ойкен едва завершил свою работу над «Основами политической экономии», как началась вторая мировая война. После этого он более 10 лет напряженно трудился над тем, чтобы в развитие своего научного метода выпустить в свет «Принципы экономической политики», труд, посвященный практическому применению этого метода. И вновь с его вторым главным произведением случилось так, что работа была завершена в решающий момент. К моменту кончины В.Ойкена книга оказалась если и не готовой к печати, то полностью завершенной. Тем самым труд всей его жизни предстал как единое целое, хотя, с точки зрения самого автора, это было «самое-самое начало». И все же это единое целое. То, что это стало возможным, отнюдь не случайно. Важность предмета не давала ему покоя. Он постоянно ясно представлял себе, как много еще предстоит сделать и как велика ответственность экономиста-теоретика перед реальной действительностью.

Если бы он к тому же успел сам написать уже запланированное предисловие, он, разумеется, сказал бы несколько слов об этом отношении политэконома к действительности. Возможно, как об этом говорится в его заметках, в развитие основной мысли последних страниц книги Гундольфа «Шекспир и германский дух». Гундольф объясняет там, что человек все больше и больше теряет изначальное отношение к действительности: «Почти всем нам сегодня не хватает сил соотноситься с действительностью». Этим обозначен духовно-исторический кризис, последствия которого, выходя за рамки духовного, должны были проявиться в тяжелых потрясениях политической и социальных структур, что, собственно, и произошло. Сегодня — такой видел ситуацию Ойкен — после катастроф последних десятилетий сложилось бедственное положение, из которого может вывести только радикальный поворот к лучшему — обретение потерянного на новом уровне. Человек должен опять научиться

воспринимать от действительности законы своего поведения. Иными словами, как действующее лицо он должен научиться уважать объективно существующие закономерности. То, что это значит для экономической политики, является темой данной книги.

«Сила соотноситься с действительностью» возникает, по мнению *Ойкена*, лишь там, где и к вопросам, поставленным действительно, подходят не как к некой разновидности интеллектуальной общественной игры, как только к *l'art pour l'art*¹, но как к тому, чем они являются на самом деле. Экономическая политика имеет дело с решениями, которые прямо затрагивают существование людей. От того, как будут установлены стрелки политики порядка, будет зависеть, сможет ли функционировать система в целом или же будни бесчисленного множества отдельных людей, их тяжелая борьба за существование станут еще более тяжелыми.

Нынешние тяготы и лишения образуют то острое, то жало, которое заставляет двигаться неустанно вперед работу над вещными проблемами. И все же — это вторая мысль, которую автор намеревался высказать в предисловии, — «данная книга не посвящена рассмотрению проблем дня. Она задумана как средство оказать влияние на мышление и потому представляет собой работу с дальним прицелом. Я буду доволен, если идеи книги дадут стимул к дальнейшим размышлениям и к новым исследованиям действительности и если продолжат оказывать так свое воздействие в дальнейшем на протяжении многих лет и десятилетий».

Последнее, что еще хотел бы высказать автор и что необходимо сказать сейчас, были бы слова благодарности умершим и живым. Назвать все имена не представляется возможным, так как соответствующих пометок автора нет. Однако *Вальтер Ойкен* всегда считал особым счастьем для себя то, что в своей работе он мог чувствовать себя единомышленником столь многих людей. Всех их следует поблагодарить от имени автора.

Без помощи друзей-ученых издание книги было бы невозможным. Искреннюю благодарность я приношу *Фридриху А. Лутцу* и *Карлу Фридриху Майеру* за ту неоценимую помощь, которую они постоянно оказывали своими советами при издании этого труда. Но прежде всего я сердечно благодарна *К. Паулю Хензелю* за большой вклад в общее дело по изданию книги, человеку, который, будучи долгие годы сотрудником моего мужа, был хорошо знаком с его идеями и потому более всего подходил для решения такой задачи.

Вальтер Ойкен имел обыкновение говорить, что в самой книге формулировки значат гораздо меньше, чем те «намерения, которые за ними скрываются». Это прослеживается настолько отчетливо,

¹ Искусство для искусства (фр.).

что можно безошибочно выделить в книге отдельные места, где автор был особенно увлечен предметом своего исследования. В этих случаях сила внутреннего убеждения пробивается сквозь наслоения слов и переносится прямо на читателя. За этой книгой стоит ярко выраженное намерение. Мы можем только надеяться, предлагая ее вниманию общественности, что читателей также захватит все то, что пронизывало идеи *Вальтера Ойкена* при написании данной книги: решимость способствовать тому, чтобы объективные законы действительности обрели свои права; стремление к порядку; возмущение любым видом насилия над человеком.

Эдит ОЙКЕН

Информация к изданию

Большая часть рукописи книги была представлена напечатанной на пишущей машинке. В связи с этим нужно было лишь устранить повторы приводимых примеров и формулировок, случайные текстовые перехлесты и языковые шероховатости. Затем была обнаружена масса заметок, которые предстояло тщательно проверить с тем, чтобы выяснить, учтены ли они в тексте. При этом выяснилось, что автор намеревался изложить отдельные тезисы более подробно. Эти места снабжены примечаниями, которые, как и примечания издателей, отмечены звездочкой. Два раздела, помеченные в тексте Р.Н., были собраны воедино или сформулированы на основе рукописных набросков и заметок, причем рамки, которые определялись этими заметками, были строго соблюдены. Не допускалось никаких исправлений, способных изменить смысл.

Г-на доктора *В.Штюльпнагеля* мы должны поблагодарить за подготовку указателей, а г-на *Е.Ридера* — за помощь в чтении корректур.

Издатели

К Н И Г А П Е Р В А Я

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПРОБЛЕМОЙ ПОЛИТИКИ ПОРЯДКОВ

Глава I

О ПОСТАВЛЕННОЙ ЗАДАЧЕ

Индустриализация и современная техника осуществили переворот, не имеющий себе равных в истории. Окружающий каждого человека мир техники и экономики полностью изменился. Миры, окружавшие Гёте и Платона, в большей мере походили друг на друга, чем мир, в котором жил Гёте и в котором живут люди сегодня. В результате изменился уклад (образ) жизни человека. Новые крупные политико-экономические проблемы были порождены произошедшим переворотом. Но сколь бы замечательными ни были достижения естественных наук и техники, в новой жизненной ситуации все же не возникли соответствующие порядки. Здесь мы столкнулись с такой диспропорциональностью, преодоление которой требует приложения максимальных усилий человеческого ума. Однако выясняется, что обычная дискуссия по проблемам экономической политики с использованием устаревших понятий и противопоставлений исчерпала себя.

Тем более необходимо повернуться лицом ко всему происходящему и в реальностях XX в. увидеть то, о чем идет речь.

Социальная надежность и социальная справедливость являются настоящим требованием времени. С начала процесса индустриализации социальный вопрос все больше и больше превращается в главный вопрос человеческого бытия, который имеет большое историческое значение. Как раз на решение этого вопроса должны быть направлены все помыслы и дела.

Однако социальный вопрос не является изолированной проблемой. Он станет доступным пониманию лишь в том случае, если его станут рассматривать и трактовать в связи с решением других важ-

ных вопросов. В чем же, собственно, он состоит? К точной формулировке этого реального вопроса еще только приступили. Необходим прорыв к осознанию простых фактов.

I. Регулирование экономического процесса

1. Каждый отдельно взятый человек выдвигает политико-социальные и политико-экономические требования. Один желает снижения цен на продовольственные товары, второй — увеличения своего жалованья, третий — повышения и стабилизации цен на товары, которыми он торгует, четвертый — защиты от безработицы, и так далее до бесконечности. Как же в такой неразберихе обнаружить постановку вопроса по существу? Как понять взаимосвязи между существенными вопросами? Лучше всего, может быть, с помощью известного метода контраста. Давайте немного заострим свой взгляд, причем устремим его на небольшое хозяйственное мироздание, которое проще обзирать и в котором взаимосвязи проявляются намного четче, чем в его антиподе, исключительно сложном сегодняшнем мире.

Итак, перенесемся на время в замкнутое семейное хозяйство, насчитывающее 30 человек и руководимое одним человеком, скажем, старейшиной. В распоряжении этого «собственного натурального хозяйства» имеется 10 гектаров земли различного качества, в нем могут работать 20 человек, остальные — дети, старики и больные люди. Руководитель должен не только уяснить себе, как распределить весной и осенью землю под возделывание картофеля, ржи и т.п., нужна ли постройка нового хлева и т.д. В большей степени изо дня в день ему следует заботиться о том, чтобы любой работник каждый час рабочего времени был оптимально задействован в интересах удовлетворения потребностей, чтобы всегда в нужный момент под рукой находились необходимые орудия, тягловый скот и материальные средства, так называемые взаимодополняющие блага, чтобы, например, при уборке урожая картофеля в нужное время находились на месте транспортные средства и тягловые животные, позволяющие перевезти картофель домой, чтобы своевременно доставлялись корм скоту и еда работникам. Возможно, что руководитель будет не в состоянии в полной мере справиться с этими задачами. Зачастую из-за ошибочного планирования рабочая сила, вероятно, будет стоять без дела или, скажем, работать в лесу, в то время как она скорее потребуется в поле, где могла бы принести гораздо большую пользу. Или же неожиданно станет недоставать одного тяглового животного, которое в этот момент используется в другом месте. Ошибочные распоряжения часто встречаются и в такого рода хозяйствах. Но руководитель в состоянии исправлять их. Он может

оценить то значение, которое приобретает каждый час рабочего времени и каждый земельный участок для удовлетворения потребностей при том или ином виде их использования. Он беспрестанно проводит расчеты и дает оценки. Так он может разрабатывать планы, проведение которых в жизнь тесно переплетает между собой различные виды деятельности отдельных работников, и ориентировать их на удовлетворение потребностей. Так удастся управлять будничным хозяйственным процессом.

Теперь от небольшого собственного натурального хозяйства перейдем к отношениям, складывающимся в крупной промышленно развитой стране. На машиностроительном заводе мы стоим рядом с рабочим, обрабатывающим на станке деталь за деталью. Здесь возникает очень важная проблема. Труд человека, который ремонтирует ткацкий станок в собственном натуральном хозяйстве, может быть довольно просто включен планами руководителя в хозяйственный процесс таким образом, чтобы он наилучшим образом служил обеспечению товарами небольшого коллектива. Но как же регулировать производственную деятельность рабочего современного машиностроительного завода с таким расчетом, чтобы были получены те же результаты? Ведь совместно трудятся даже не 20 человек, а миллионы людей, и от управления всеми средствами производства и всеми рабочими зависит рациональное использование труда или деталей в интересах обеспечения товарами всех остальных и, наоборот, зависит также снабжение товарами рабочего-металлиста. Как можно регулировать этот гигантский совокупный процесс достаточно эффективно? Это тот вопрос, который возникает из простой повседневной ситуации. Итак, я должен попросить читателя при обсуждении политико-экономических вопросов не вступать сразу же в споры по поводу «капитализма» или «социализма», носящие мировоззренческую окраску, а на какое-то мгновение остановиться и понаблюдать за вещами, находящимися в окружающем нас мире. В этих будничных вещах мы также натолкнемся на большие проблемы, но не станем произносить громких слов. Я должен попросить и специалистов по проблемам политической экономии совершить вместе с нами этот поворот к фактам повседневного бытия. Многие привыкли к тому, чтобы обсуждать в высшей степени сложные вопросы, оставляя вне поля своего зрения серьезные конкретные проблемы.

Обратим внимание на еще один факт нашего бытия. На пограничной станции мы видим, как товарные поезда, груженные танками, мебелью и текстильными изделиями, покидают страну. Через ту же станцию в страну прибывают вагоны с углем, сталью, лесом и станками другого рода. Каждая экспортируемая машина и каждый центнер текстильных изделий и вообще любой товар, покидающий страну, не может больше служить прямому обеспечению этой стра-

ны товарами. С другой стороны, каждая тонна угля, стали и т.д., поступающая в страну, означает, что возрастает ее обеспеченность товарами. Но как обеспечивается такое положение, когда каждая машина, каждый центнер текстильных изделий, каждая другая единица измерения других товаров покидает страну только в том случае, если вместо этого в страну будут ввезены товары, которые для населения имеют по крайней мере тот же полезный эффект, что и вывезенные товары? Очевидно, для этого необходим точный экономический расчет. Столь же очевидно и то, что для этого нужно рациональное регулирование всего совокупного процесса с тем, чтобы товарообмен с другими странами действительно служил интересам обеспечения страны товарами. И в данном случае возникает практически бесконечная серия вопросов. В небольшом собственном натуральном хозяйстве проблема легко разрешима. Руководитель может определить, должен ли он вообще отдавать лес или текстильные изделия и если да, то какое количество их, чтобы купить соль или кожу. Иное дело в стране, в которой проживают миллионы людей. Удовлетворительное решение данного вопроса имеет, однако, жизненно важное значение. Всякий экспорт наносит ущерб обеспечению страны товарами, если только он не позволяет осуществлять ввоз по меньшей мере равноценных товаров. Как же можно регулировать экономический процесс страны таким образом, чтобы товарообмен с другими странами отвечал потребностям товарного обеспечения страны?

2. Проблема регулирования вступила в совершенно новую фазу. У Робинзона Крузо или в собственном натуральном хозяйстве одной семьи ее масштабы крайне незначительны. И только теперь стала проявляться вся острота этой проблемы. Руководитель замкнутого собственного натурального хозяйства, возможно, в состоянии разобраться в том, как он из великого множества вероятных комбинаций средств производства выберет именно те, которые лучше всего служат интересам удовлетворения потребностей. В сообществах, в состав которых входят целые страны и экономический процесс которых самым тесным образом связан с экономическими процессами, протекающими в других странах, эти задачи приобретают совершенно иные, многократно увеличивающиеся масштабы. Эти задачи надлежит решать одну за другой по мере их постановки. В небольшом собственном натуральном хозяйстве женщины, например, по вечерам и зимой прядут пряжу, а некоторые из них при случае изготавливают ткани. В современной индустриальной экономике это дело широкой сети прядильных и ткацких фабрик, будничный хозяйственный процесс которых ставит на повестку дня задачи регулирования совершенно иных масштабов. Сказанное относится к обеспечению страны горючим, обувью, мясом и т.п. Однако прежде

всего сказанное имеет силу для рациональной взаимоувязки *всех* отраслей производства с их многочисленной и разнообразной рабочей силой и материальными запасами. *Рост масштабности задач регулирования становится причиной того, что они как бы приобретают новое качество.*

Когда в той или иной большой стране каждый год необходимо распределять 200 миллионов тонн каменного угля между миллионами предприятий и домашних хозяйств, то возникает ряд вопросов. Какое количество угля должны получить черная металлургия, машиностроение, текстильная промышленность и т.д.? Какие именно предприятия? На какие производственные нужды? Какие домашние хозяйства? Когда? Каждый день необходимо принимать соответствующие решения, касающиеся многих миллионов трудящихся, наименований товаров, а именно по каждой единице рабочей силы и каждой единице средств производства. Но и это еще не все. Речь, однако, не идет о существовании параллельных решений по углю, стали, коже, табаку и т.д. Гораздо существеннее то, что эти решения должны рационально переплетаться между собой. Для производства обуви необходимы кожа, уголь, рабочая сила, химикалии, станки, ушки и т.п. Производство представляет собой комбинирование взаимодополняющих товаров. Руководителю собственного натурального хозяйства это также известно. Если он дает распоряжение рубить лес или где-то достать его, ему необходимо обеспечить определенную комбинацию рабочей силы, орудий, транспортных повозок и тяговых животных, причем такую, при которой ее элементы были бы своевременно и в правильной пропорции в наличии. Как раз потому, что одновременно ведутся другие работы, например на свекловичном поле или в хлеву, и потому, что там также необходимы рабочая сила и материальные средства производства, умелое регулирование отнюдь не является легким делом. Здесь как бы ведется борьба за средства производства, исход которой предопределяется регулированием. Если нет хотя бы одного средства производства, например в определенный момент не подана повозка, то весь производственный план идет насмарку. *Mutatis mutandis*¹ это сохраняет силу и в огромном индустриальном мире, только в этом случае масштабы задачи становятся исключительно большими. Одна пряжа мало поможет ткацкой фабрике. Чтобы иметь возможность производить, ей в нужное время необходимо иметь уголь, рабочую силу, разнообразные химические продукты, электроэнергию и т.д. Регулирование всех средств производства осуществляется рационально лишь тогда, когда повсеместно и своевременно поставляется необходимое количество взаимодополняющих благ. На каждом

¹ С известными оговорками (лат.).

отдельно взятом предприятии необходимо выбирать по возможности наиболее рациональную комбинацию, и уже сейчас следует остерегаться «глобальных представлений» о том, что в современной экономике будто бы автономно сосуществуют и функционируют такие секторы, как угольная промышленность, черная металлургия, машиностроение, и что такие сводные показатели, как капитал и труд, якобы являются носителями экономики. Реальность выглядит совершенно иначе. На каждом предприятии — скажем, на обувной фабрике — перекрещиваются десятки или даже сотни рынков: труда, угля, других видов сырья, машин и т.д. Вся рабочая сила и все средства производства взаимно дополняют друг друга. «Обувное хозяйство» не является просто сферой для самой себя, которая существует наряду с другими сферами. Скорее, на каждом отдельном предприятии имеются самые разнообразные средства производства, и задача состоит в том, чтобы выбрать наиболее рациональную комбинацию их и в первую очередь увязать между собой все процессы, протекающие на этих предприятиях, начиная с угольных шахт и кончая шелкоткацкими фабриками и крестьянскими дворами.

3. Регулирование экономического процесса существенно усложняется тем, что он в большинстве случаев носит динамичный характер. Даже в замкнутом собственном натуральном хозяйстве перед руководителем постоянно стоит задача приводить свои планы в соответствие с изменениями исходных параметров: рождаемость и смертность, болезни, войны и т.д. Изменение этих и других исходных параметров требует определенных перестановок. Хозяйствовать — значит уметь приспосабливаться. Или, скажем, руководитель «инвестирует», чтобы в будущем улучшить обеспечение товарами. К примеру, он намеревается увеличить поголовье скота и соответственно расширить помещения, занятые под хлева. Теперь ему предстоит заботиться не только о том, каким образом он станет «экономить» для того, чтобы получить возможность осуществлять капиталовложения. Дело в том, что увеличение поголовья скота и расширение животноводческих помещений требуют взаимоувязанных между собой действий по переориентации рабочей силы, производству строительных материалов, подготовке орудий, активизации процесса обеспечения скота кормами и т.д. После осуществления капиталовложений весь хозяйственный процесс надлежит регулировать иначе, чем раньше. Необходимо заново увязать между собой все виды деятельности и все средства производства. Большее количество тягловой силы, убойного скота и молочных коров хотя и позволит улучшить обеспечение продуктами питания, но одновременно потребует использовать большее количество рабочей силы для ухода за скотом, увеличить объемы кормов и одновременно

принимать новые распоряжения, которые станут повторяться, если инвестиционный процесс продолжается.

Динамика индустриальной экономики намного выше. В ней не только происходит непрерывное приспособление к изменению исходных параметров, которое вызывается миграцией населения, сдвигами в потребностях и т.п. В эпоху индустриализации возникает также производственный аппарат, в сравнении с которым все предшествующие производственные аппараты представляются очень маленькими. И этот производственный аппарат все время изменяется и расширяется. Расцвет технических знаний становится здесь в высшей степени действенным фактором развития.

Как может осуществляться регулирование этого динамичного индустриального экономического процесса? Как могут осуществляться эти капиталовложения, как могут сооружаться новые домны, прокатные станы, машиностроительные заводы, обувные фабрики и т.д., чтобы при этом возник производственный аппарат, составные части которого хорошо сочетаются между собой, чтобы насчитывалось не слишком много обувных фабрик и чтобы их количество соответствовало производству кожи, и не слишком мало угольных шахт, так чтобы могли работать новые домны и цементные заводы? Как может этот увеличившийся производственный аппарат быть ориентирован одновременно на удовлетворение потребностей и как можно рационально распределить новые потребительские товары?

Проблема регулирования усложнилась по сравнению с тем, какой она была прежде, а жизненно важной она остается всегда.

4. Однако из сказанного выше мы все еще не сделали решающего вывода. При регулировании каждодневного хозяйственного процесса небольшого собственного натурального хозяйства, насчитывающего 30 человек, упорядочивающее мышление отдельно взятого человека позволяет, как мы уже убедились, осуществлять выбор оптимальных производственных комбинаций и состыковку по времени взаимодополняющих средств производства. Но как может быть решена проблема регулирования, если она превышает возможности отдельно взятого человека? То, что ход истории экономических отношений побуждает нас переступить через эту точку, нам известно. И мы знаем это как раз потому, что разделение труда в тесных рамках небольшого автаркического собственного натурального хозяйства не в состоянии реализоваться в полной мере. В масштабах крупного хозяйства, основанного на разделении труда, отдельно взятый человек может окинуть взором лишь отдельные части совокупного хозяйственного процесса. Но как же осуществляет регулирование совокупного процесса?

Решающую роль отныне играет экономический порядок.

Задача экономического порядка состоит в том, чтобы взаимоувязать каждый рабочий час всех работающих людей с громадным количеством материальных средств производства таким образом, чтобы экономическая ограниченность была по возможности полностью преодолена. Чем больше масштабы разделения труда и чем интенсивнее оно протекает, тем выше требования, предъявляемые к экономическому порядку. От последнего зависит то, как сочетаются между собой отдельные планы и действия, какие потребности удовлетворяются и как вообще осуществляется регулирование. Сколько пшеницы или ячменя будет засеяно, помолото, израсходовано для выпечки и потреблено; нужны ли и в каком количестве взаимодополняющие товары — рабочая сила и материальные средства производства — и как осуществляется распределение хлеба — все это там, где существуют рынки, зависит от упорядочения рынков хлеба, муки, зерна, рабочей силы и материальных средств производства, а также от валюты и других элементов (частей) экономического порядка. Или же там, где нет рынков, это зависит от фигуры центрального ведомства, которое осуществляет регулирование всего процесса. *В экономических порядках индустриального мира должен был проявить себя устанавливающий порядок разум, который усиливает то, что изо дня в день в небольших собственных натуральных хозяйствах свершает разум руководителя.* От установления конкретного экономического порядка отныне зависит, удастся ли осуществлять достаточное регулирование экономического процесса и если да, то в каком объеме.

5. Взгляд, брошенный на собственное натуральное хозяйство, вновь позволяет нам выявить решающий момент. Если руководителю собственного натурального хозяйства предстоит принять решение относительно нескольких кубометров древесины, то он прежде определяет, какое значение приобретает каждый кубометр древесины или каждое бревно в каждом случае их использования, например при постройке хлева или повозки, в качестве топлива или на какие-то другие нужды. Все эти решения и оценки имеют смысл только в рамках совокупного экономического процесса. Когда в каком-либо другом месте экономического процесса происходит сбой, если, скажем, возникнет необходимость для устранения ущерба, нанесенного морозами, весной использовать на полевых работах больше рабочей силы, то соответственно меняется и решение по древесине. Лишь потому, что руководитель обзорекает весь совокупный хозяйственный процесс и постоянно держит его в своей памяти, он в состоянии успешно делать индивидуальные оценки и давать индивидуальные распоряжения. Здесь имеет место полная *интерденденция* всех хозяйственных явлений, всех оценок, всех действий.

Аналогичная интердепенденция и целостность экономического процесса существуют и в индустриальной экономике. Но никто здесь не в состоянии обозреть совокупный процесс в том виде, в котором он протекает каждый день. Следовательно, никто не может прямо приспособливаться к меняющейся обстановке и вносить необходимые изменения. Как же в таком случае может осуществляться рациональное регулирование процесса? Может быть, человек отважился на чересчур многое? Может быть, он, создав технизированную и индустриальную экономику, основанную на разделении труда, поставил себе задачу по регулированию, которую не в силах решить? Чтобы получить основу для решения проблемы регулирования, нужно иметь ясное представление об одном, а именно о том, что главным феноменом экономики является ограниченность. Здесь вопрос в том, чтобы преодолеть ее. При свершении каждого отдельного действия должно быть установлено, служит ли оно достижению этой цели и если да, то в какой мере. Это задача экономического расчета. Нужен «нехваткомер», который показывает, какова ограниченность тех или иных благ и какие меры следует принимать на отдельных предприятиях для обеспечения рациональной комбинации средств производства. Можно говорить также и о «вычислительной машине», которая должна быть встроена в экономический порядок, если с ее помощью надлежит решить проблему регулирования.

Вопрос в том, как это возможно. Рассмотрим хотя бы один пример. При продаже леса с публичных торгов цены образуются из цен, предлагаемых покупателем, причем таким образом, что покупатель постоянно сопоставляет образующиеся здесь цены с ценами на те изделия, которые будут изготовлены из купленной древесины. Цена на средства производства и цена на продукты образуют основу планов покупателя. Многие предприятия и домашние хозяйства, разрабатывая хозяйственные планы, способствуют протеканию экономического процесса и благодаря ценам связаны между собой. Здесь регулирование осуществляется автоматически. Но в зависимости от форм рынка и от денежной системы цены образуются по-разному. В каких случаях можно обойтись механизмом цен в качестве «нехваткомера»? И вообще достаточно ли ее? Или еще одна возможность — центральные органы отдают распоряжение. Могут ли они давать оценки или разрабатывать индекс значимости? Можно ли встроить «нехваткомер» в централизованно управляемую экономику? Можно ли комбинировать между собой оба метода регулирования? Как должна была бы выглядеть наша «вычислительная машина» в этом случае? Очевидно, что здесь кроются центральные проблемы экономической политики.

При этом речь идет постоянно о вопросе возможных оценок. Когда, встав утром, мы колем дрова, разводим огонь, приносим во-

ду, покупаем хлеб, готовим завтрак и т.д., мы делаем это, всегда оценивая каждое действие и каждое использование каждой части наших запасов, следовательно, оценивая их как части всей нашей работы. одного дня и постоянно принимая в расчет их значимость для удовлетворения потребностей. Только благодаря этому наши действия обретают направленность и смысл. Если мы не можем делать это, то последнее означает, что мы блуждаем в потемках, то есть делаем то или это без взаимоувязки, лишь случайно добиваясь успеха. Вернемся вновь к собственному натуральному хозяйству. Если в таком хозяйстве каждый отдельно взятый человек станет действовать для себя — один выходит трудиться в поле, другой работает в саду, никто из них не взаимоувязывает свои планы с планами других работников, а также не осуществляется совместное измерение ограниченности благ, — то рухнет разделение труда, а вместе с ним и обеспечение благами. Точно так же обстоит дело и в экономическом порядке, которым охватывается большой индустриальный экономический процесс, основанный на разделении труда. Если к тому же там нет четко работающего «нехваткомера», то возможными остаются все же некоторые виды деятельности, между которыми, однако, нет тесных взаимосвязей и которые не будут направлены на преодоление ограниченности благ. Тот, кто жил, например, в Германии в 1946 и 1947 годах, знает, что это такое.

6. Итак, мы убедились в том, что все экономические явления как в хозяйстве Робинзона Крузо, в небольшом собственном натуральном хозяйстве, так и в крупном индустриальном мире взаимосвязаны между собой. Оторванных от единого целого таких самостоятельных сфер, как, например, лесное хозяйство, в крупной индустриальной экономике так же мало, как и в хозяйстве Робинзона Крузо. Поскольку любая выполняемая работа и использование любого средства производства связаны с другими работами и другими средствами производства, то не существует никаких независимых частичных экономических порядков лесного хозяйства, сельского хозяйства, промышленности или торговли. Все они тесно взаимосвязаны между собой. Единое целое, которое в собственном натуральном хозяйстве реализуется разумом руководителя, в данном случае претворяется экономическим порядком. По этой причине любая мера экономической политики оказывается рациональной только в рамках того совокупного экономического порядка, в котором протекает экономический процесс. Для того чтобы этот экономический порядок был достаточным и рационально регулировал совокупный экономический процесс, необходимо, чтобы все отдельно взятые формы порядка дополняли друг друга независимо от того, идет ли при этом речь об установленных государством формах, а

именно об относящихся к торговой, ценовой и кредитной политике, или об уже ставших привычными формах.

Вот несколько примеров. Как известно, аграрные кризисы вовсе не обязательно порождаются ходом событий, имеющим место в самом сельском хозяйстве. Видимо, причиной может быть валюта или такое развитие промышленности, когда произошло образование монополий. Последовательно проводимая аграрная политика, предусматривающая решение проблем сельского хозяйства лишь с помощью средств аграрной политики, не осознает этой взаимосвязи. Каждый частный экономический порядок следует рассматривать как звено совокупного экономического порядка. Если, скажем, совокупность правовых норм, касающихся товариществ, компаний или объединений, щедро предоставляет нам такие формы обществ, в которых ответственность ограничена, то это оказывает серьезное влияние на инвестиционную деятельность. Также и всякое патентное право, стимулирующее образование монополий, воздействует на объемы и направленность капиталовложений, а тем самым и на экономический процесс в целом. Общие взаимосвязи экономического процесса вынуждают рассматривать любой акт экономической политики в контексте совокупного процесса и его регулирования, то есть в контексте экономического порядка. Принятие валютного закона или издание административного распоряжения о контроле над ценами может повлечь за собой, например, появление новых своеобразных методов регулирования распределения сырья и, следовательно, изменить весь экономический порядок.

И *vice versa*¹, одинаковые акты экономической политики имеют различное значение в зависимости от вида экономического порядка.

Вот пример. В 1947 г. были изданы законы о декартелизации в Германии, целью которых была ликвидация экономического могущества. Это произошло в тот период, когда центральным административным органам были предоставлены широкие права по регулированию экономического процесса. В рамках подобного экономического порядка решениям о роспуске промышленных объединений любого вида было предначертано оставаться недействительными. Что изменится в деле обеспечения углем, сталью, кожей и т.д., если распустить картели и концерны в этих отраслях промышленности? Ничего. После ликвидации монополий средства производства продолжали распределяться здесь центральными административными органами. Регулирование экономики, по существу, не изменилось. Но если бы экономический порядок оказал

¹ Наоборот (лат.).

ся иным, чем он был в Германии в 1947 г. на самом деле, и если бы функции регулирования не осуществлялись центральными административными органами, а роль регулятора взяли бы на себя цены, то тогда антимонопольный закон означал бы нечто совсем иное и одновременно нечто более важное. Вторым примером. Если в XIX в. две страны заключали между собой таможенный союз, последний значил весьма многое: углублялось разделение труда между предприятиями обеих стран, и экономическое пространство расширялось. Дело обстоит иначе, если в середине XX в. те же две страны также создадут таможенный союз, но при этом регулирование экономических процессов в этих странах будет осуществляться в основном центральными плановыми органами. В этом случае важные товары изымаются и передаются в распоряжение центральных плановых органов, а объем внешней торговли по всем товарам, над которыми установлен контроль со стороны государства, будет регулироваться в соответствии с планами центральных органов. Решающее значение для внешней торговли обеих стран будут иметь как раз эти планы, а не многочисленные планы экспортеров и импортеров. А если компетентные плановые органы хотя бы одной из этих стран, несмотря на существующий таможенный союз, не захотят или не смогут расширить товарообмен с другой страной, то подобный таможенный союз практически ничего не значит. То, что имело силу в обоих примерах, является общезначимым. Поскольку существует глобальная взаимосвязь всех экономических процессов и поскольку эти процессы протекают по-разному в зависимости от экономического порядка, то каждая отдельная мера экономической политики имеет различное значение в рамках различных экономических порядков. Однако все вместе взятые они должны служить задаче поддержания или установления функционирующего экономического порядка, в котором осуществляется достаточное регулирование экономического процесса.

Многие специалисты полагают, что единственным реалистичным подходом является рассмотрение отдельных сфер экономической политики в соответствии с потребностями этой сферы как части единого целого. Рекомендуются, например, проводить аграрную политику, опираясь на опыт специалиста-аграрника, а политику в части акционерного законодательства — с учетом новейшего опыта функционирования акционерных обществ. Разумеется, такие специальные знания необходимы, но их далеко не достаточно. Ибо при таком пунктуальном рассмотрении не признается основополагающий факт тесной взаимозависимости всех экономических явлений. Реально рассматривать аграрную политику, совокупность правовых норм, касающихся товариществ, компаний или объединений и т.д., как образование частичных порядков, а эти частичные порядки —

как составные элементы совокупного порядка. «Но почему выдвигается это требование единообразия? Разве во все времена экономический порядок не был смешением элементов различных порядков? Разве на протяжении столетий наряду с феодальным укладом в сельских регионах не существовали цеховые хозяйства городского ремесленничества и свободная торговля крупного купечества при том, что в корне различные формы не мешали друг другу? Не вызвано ли это лишь оторванной от жизни теоретизирующей педантичностью, если мы сейчас требуем универсального, подчиненного единообразным точкам зрения экономического конституирования? На данный вопрос ответить легко. То, что было возможно раньше, сегодня невыносимо. Никогда прежде не достигавшийся уровень разделения труда и рационализация всех экономических процессов совершенно нового типа благодаря высокоразвитому учету превратили современную экономику в исключительно сложный аппарат, который весьма болезненно реагирует на все противоречия координирования. Современная экономика способна функционировать в полном объеме только в рамках единого конституирования. Чтобы заложить его основы, необходимо провести серьезные исследования, причем не только в плане научного проникновения в суть проблемы, но с точки зрения закрепления желаемого порядка в основополагающих идеях нашей цивилизации, над которой нависла опасность гибели» (Л. Микш).

Все проблемы экономической политики сводятся к вопросу об экономическом порядке, и только в этих рамках они имеют смысл.

II. О социальном вопросе

1. Большинство людей не видят того, каким образом основная проблема с начала промышленной революции стала включать в себя вопросы регулирования каждодневного хозяйственного процесса. Как рабочие, предприниматели, крестьяне, ремесленники они по большей части знакомы только с окружающим их миром. Но в том хозяйственном мире, который непосредственно окружает их, данная проблема просматривается лишь фрагментарно.

Гораздо ближе для них другие вопросы. Почему я зарабатываю меньше, чем мой сосед? — спрашивает рабочий. Разве нельзя сделать так, чтобы я получал больше? Для большинства как раз в этом состоит важнейшая задача экономической политики. И если в период экономического кризиса рабочий теряет свое рабочее место, само собой напрашивается требование экономической защищенности. Он хочет иметь подобающий и надежный заработок. Для большинства людей политико-экономической проблемой первостепенной важности является проблема распределения. *Здесь берут начало наибо-*

лее мощные политико-экономические движения нашего времени. Начиная с великого кризиса 1929 — 1933 гг. экономическая политика многих стран проникается прежде всего заботой о том, чтобы избежать безработицы.

2. Насколько сложна и тяжела проблема распределения в индустриальной экономике, можно убедиться при рассмотрении аналогичных процессов в простом хозяйстве.

В замкнутом семейном хозяйстве, которое мы уже анализировали и которое насчитывает 30 человек, довольно легко окинуть взором повседневное распределение жилья, одежды, продовольствия и других потребительских товаров. При этом могут возникнуть напряженность и конфликты. Но распределение оказывается относительно простым делом, так как руководитель знает каждого человека в хозяйстве и его потребности. В большом современном хозяйстве, основанном на разделении труда и насчитывающем миллионы домашних хозяйств и предприятий, планы и работа которых связаны между собой бесчисленным количеством нитей, каждодневный процесс распределения становится исключительно сложным делом, экономически воздействовать на который весьма трудно. Речь идет о том, чтобы распределить между миллионами отдельных людей, занятых в самых различных точках большого, взаимосвязанного производственного процесса, результаты этой производственной деятельности. Какое количество благ и какие именно должен получить каждый отдельный работник?

Были апробированы три метода политики распределения. В некоторых странах центральные плановые органы попытались распределить социальный продукт, прибегая к помощи нормирования, или рационирования. Это касалось квартир, одежды, продовольствия и многих других товаров. Во втором случае экономическая политика предоставила рынкам рабочей силы возможность формирования заработной платы, в результате чего возникли весьма различные формы рынка: монополии покупателей, монополии продавцов и т.д. В третьем группы работодателей и рабочих выторговывали заработную плату в ходе переговоров под руководством государственных органов.

Какая же политика распределения должна проводиться в индустриальной экономике? Каким образом можно избежать экономических депрессий с массовой безработицей?

3. Какими бы ни были ответы на эти вопросы, их нельзя отделить от первого вопроса относительно регулирования экономического процесса.

Повседневный опыт дает четкую картину этой взаимозависимости. Заработная плата — это доходы и одновременно издержки: до-

ходы для домашних хозяйств рабочих и издержки для предприятий, выплачивающих заработную плату. Как элемент издержек заработной плата определяет планирование и регулирование хозяйственного процесса отдельных предприятий. Как доход заработная плата решающим образом влияет на распределение социального продукта, поскольку обеспечивает покупательную способность домашнего хозяйства. Регулирование экономики и распределение социального продукта тесно взаимосвязаны между собой, правда, по-разному, в зависимости от формы экономического порядка¹.

Распределение социального продукта — при внимательном рассмотрении — является лишь частью совокупного экономического процесса и его регулирования. Сколько *A* получит в качестве заработной платы и процента с капитала и что он сможет купить на эти деньги, связано с регулированием совокупного экономического процесса. Политика распределения является важной составной частью экономической политики. Однако ее нельзя вычленять из целого, а посему ее следует с самого начала рассматривать такой, какая она есть, а именно одним из звеньев глобальной проблемы политики порядков. Осознание этого представляет собой первый шаг к решению социального вопроса. Впрочем, еще недостаточно одного этого. Нам необходимо идти дальше. В виду имеется прежде всего то, что проблема политики порядков порождается не только экономикой, но и изменениями в общественно-политической ситуации.

III. Взаимосвязь между экономикой и политикой

1. Великая французская революция и начало процесса индустриализации означали крах старых традиционных общественных структур в Европе. Исчезли помещичьи землевладения, равно как и многие из старых местных органов самоуправления, сословия, объединения городских ремесленников и вообще вся старая структура общества. Возникли новые социальные слои и прослойки, прежде всего слои промышленных рабочих и служащих. Общество движется к такому положению, в котором государство удерживает воедино колеблющуюся массу индивидов. Возникнув в Европе, это движение охватило страны земного шара. Повсюду распадаются старые формы социальной жизни. Правящие слои, или элиты, быстро сменяют друг друга. Монархия, дворянство и буржуазия во многих регионах были вытеснены со своих властных позиций. Их места заняли новые правящие слои, однако добиться стабильного положения так и не удалось.

¹ См. также гл. XVII и XVIII.

Итак, две крупные революции потрясли полученное по наследству состояние нашего общества: общественно-политическая, начавшаяся в 1789 г. и пошатнувшая общественные и государственные устои, и промышленная революция, начало которой датируется 1770 г., когда появились первые современные фабрики в английской хлопчатобумажной промышленности и черной металлургии, которые должны были стать образцом, вызывающим тревогу всего мира. В самом деле обе революции дали импульс, который продолжает оказывать свое воздействие по сей день, и конца этому пока не видно. То, что Кант сказал по поводу французской революции: «Подобный феномен человеческой истории не забывается», в полной мере применимо и к промышленной революции.

2. Последствия обеих революций взаимно переплелись и пронизали друг друга. Здесь возникли большие проблемы. Особая трудность заключается в том, что новообразовавшиеся массы с начала промышленной революции могут существовать только в рамках сложных экономических порядков. Домашнее хозяйство не может приобрести ни одного потребительского товара, процесс производства которого не предполагал бы таких переплетающихся между собой частных порядков, как товарные рынки, рынки рабочей силы, денежное хозяйство и т.д. Кроме того, экономический порядок как органическое целое, так и в форме частичных порядков, которые он охватывает, находится в обоюдной зависимости от всех прочих человеческих порядков, в которых существует и это домашнее хозяйство. *Следовательно, существует не только экономическая интерdependенция, но и интерdependенция между экономическим порядком и всеми прочими жизненными порядками.* Это следует уяснить себе. Однако, в то время как люди могут жить в рамках определенных порядков, в своей массе они проявляют тенденцию к разрушению как раз порядков, способных функционировать. Тем самым обращается внимание на одно важное обстоятельство, детальным рассмотрением которого мы займемся ниже.

3. Теперь следует попытаться создать порядки, которые станут в большей мере соответствовать эпохе индустриализации, быстрого роста численности населения, урбанизации и технизации. Сами собой такие порядки не возникнут. Напротив, мышление, раскрывающееся в науке, оказывается крайне необходимым для практических действий.

Что касается сферы экономики, то возникает вопрос: каким образом можно предоставить современной индустриальной экономике способный функционировать и достойный человека порядок? Этот вопрос мы ставим — и в этом заключается надежда —

совсем в другой ситуации, чем это делали люди, жившие в начале и середине прошлого, XIX в. И либералы середины столетия или *Сисмонди* и сенсимонисты, и *Маркс*, и *Прюдон*, короче говоря, все мыслители того времени в отличие от нас жили в ином экономическом, политическом и социальном мире. Со всей остротой заявил о себе вопрос о промышленном рабочем. Но и этот вопрос в то время был совершенно иным, чем сегодня. Тогда были известны лишь экономика доиндустриального периода и первые ростки крупного переворота. Концернов, картелей, кредитных банков и профсоюзов еще не было, либо они только начинали развиваться. Опыт централизованного регулирования индустриального экономического процесса, которым мы ныне в достаточной степени располагаем, в то время отсутствовал. Но в те былые времена развивались доктрины, которые сегодня овладели умами людей. Тогда же сложились понятия, которыми большинство людей пользуются и поныне, к примеру понятия «социализм» и «капитализм». Однако мы могли бы и должны наконец перейти из стадии умозрительных рассуждений в стадию экономической политики, базирующейся на опыте. Валютной политикой, политикой преодоления кризисов, аграрной и картельной политикой, торговой и налоговой политикой и т.д. накоплен громадный опыт. Разумеется, этот опыт надлежит полностью использовать. Правда, чисто пунктуальное описание его не решает существа вопроса.

В 70-х годах прошлого столетия *Ипполит Тэн* забросил свои литературные, искусствоведческие и философские исследования, чтобы посвятить себя изучению актуальных проблем экономики, руководства и права, поскольку он сумел осознать их жизненно важное значение. Долгие годы он держал себя взаперти, увлеченно работая над решением своей новой задачи. Однако к определенному результату он так и не пришел. Он не нашел ни простого решения, ни общего принципа. Как пишут его близкие, он советовал в этих делах «двигаться вперед на ощупь, смиряясь с неупорядоченностью и несовершенством, довольствуясь порой частичными решениями и продолжая при этом работу по исследованию закономерностей и по определению общих условий, которые делают возможным или невозможным тот или иной результат». Хорошо чувствуя реальности, *Тэн* правильно понял тогдашнюю ситуацию. Люди того времени не могли иметь в должном объеме знаний об индустриально-технической экономике, достаточных для того, чтобы дать приемлемое описание ее. Поэтому они в какой-то степени были вынуждены обходиться умозрительными рассуждениями. Ныне дело обстоит иначе. Как раз последние полвека, характеризующиеся быстрой сменой экономической политики, интервенционизмом, политикой обеспечения полной занятости, попытками осуществлять централизованное управление экономикой,

ростом темпов индустриализации, научили многому. Сегодня Тэн мог бы получить гораздо более конкретные результаты.

Фундаментальные проблемы мира и человека не связаны с определенным периодом времени. Мыслители древности сообщают нам не меньше, чем Кант или Гёте. Однако проблемы экономической политики с технизацией, индустриализацией, ростом численности населения и урбанизацией получили новое содержание, и только теперь, накопив определенный исторический опыт, люди достаточно оснащены, чтобы решить их. Час пробил, нужно спешить, иначе промышленный аппарат раздавит человека.

Диспропорции между громадными достижениями естественных наук и техники, с одной стороны, и недостаточным порядком, с другой стороны, должны быть преодолены. В этом состоит большая задача для человеческого ума, к решению которой, однако, до сих еще не приступили. Более того, эта задача еще не стала очевидной для всех. Прежде всего отсутствует главное: лишь немногие распознали взаимозависимость порядков. Борьба между партиями ведется устаревшим оружием и под «антикварные» боевые кличи. И при этом не видят, что главная проблема нашего времени — социальный вопрос — занимает свое место в тех же самых рамках и может быть решена только здесь. Здесь же кроется и задача настоящей книги.

Глава II

ОБЕЗЛИЧИВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ, БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ, ИДЕОЛОГИИ

1. «Культура предполагает наличие твердых правил, дисциплины, перехода от инстинктивного к разумному, способности предвидеть будущее и вообще высокого уровня образования, то есть условий, совершенно недоступных массам, предоставленным самим себе. Из-за своей в основном разрушительной силы они действуют подобно микробам, ускоряющим процесс разложения ослабленных организмов или трупов. Если здание культуры прогнило, то массы доведут его до окончательного развала. Как раз сейчас выявляется их главная задача. Внезапно слепая сила масс на какое-то мгновение вдруг становится единственной философией истории»¹. Этими словами Ж.Лебон попытался охарактеризовать наше время. «Массы» разрушают традиционные экономические, общественные и государственные порядки и делают невоз-

¹ G. L e B o n. «Psychologie der Massen», 6. deutsche Auflage, 1932, Einleitung. Кроме того: O r t e g a y G a s s e t. «Der Aufstand der Massen».

можным построение новых, рациональных, достаточных и достойных человека порядков. Грубо говоря, такова идея.

2. Более тщательный анализ показывает, что конфликт не так прост, как кажется. Любое общество управляется руководящим слоем. Он, пользуясь терминологией *Парето*¹, распадается на ведущий слой *A*, который относительно невелик, и более обширный ведомый слой *B*. Итак, общество всегда напоминает пирамиду. Бывают эпохи, когда правящие слои, или «элиты», продолжительное время остаются неизменными. Но бывают и другие периоды, когда на смену одному слою быстро приходит другой. Со времен французской революции и начала процесса индустриализации мы вступили в эпоху быстрой ротации правящих слоев, а в XX в. этот процесс существенно ускорился. Отсюда возникли большие проблемы.

Вытеснение одного правящего слоя другим порой происходит в результате внешнеполитических событий или военных действий. Для нас важнее внутренние смены правящих слоев, и прежде всего борьба старых элит с такими слоями и группировками, которые рвутся к управлению. Вначале раскалывается группа *B* и возникает группировка *B1*, которая стремится осуществлять руководство в обществе, то есть хочет свергнуть правящий слой *A*, который в свою очередь также раскалывается, в результате чего образуется слой *A2*, склонный к коалиции со слоем *B1*.

Обе великие революции, и общественно-политическая и экономическая, под знаком которых находится наша эпоха, тесно переплетаются между собой в этом плане. Обе вызвали быструю смену правящих слоев, начиная с устранения прежних монархических и помещичьих элит, которая сопровождалась борьбой постоянно возникавших новых слоев и группировок.

В одной стране приобретают влияние функционеры от сельского хозяйства, во второй — профсоюзные деятели, в третьей — их, возможно, вытеснят функционеры властных промышленных группировок. В четвертой стране, напротив, слой *A1* на продолжительный или короткий период завоевывают функционеры розничной торговли, ставшей частично монополистической, или банков. Либо слой функционеров конституируется как *A1* и подчиняет своему влиянию также и в идеологическом отношении страну, причем, используя силу, они препятствуют появлению слоя *B1*.

¹ V. Pareto. «Manuel d'Economie Politique», 2. Aufl., 1927, Ch. II, p. 102—108; «Systèmes Socialistes», 2. Aufl., Bd. I, 1926, p. 25 ff. Теория элит и их ротации, разработанная *Парето*, является всего-навсего фрагментом. Она требует дополнения всеобъемлющим учением о господстве или наслоениях. Впрочем, как исходный пункт нашего изложения она приемлема.

3. При этом все группировки — как экономические, так и политические — нуждаются в «идеологиях». Все заявляют, что выступают за свободу, права и гуманность. Слой *B1*, например, борется против «капитализма» и «реакции» за «равенство» и «прогресс». Слой *A1* сообщает, что ведет борьбу за «истинную свободу», против «диктатуры» и за «настоящее равноправие». Даже слой *A2* имеет большей частью гуманистическую идеологию. Это «бал-маскарад идеологий» (*Рёнке*), и маски поддаются опознанию. Это политические и экономические правящие группировки, которые стремятся к власти или защищают ее.

Характерно, что в этой борьбе за власть такие слова с весьма серьезным содержанием, как «свобода», «справедливость» или «право», употребляются с одной, четко выраженной целью. Это орудия борьбы, средства завоевания или защиты власти.

Однако все эти устремления всегда направлены на осуществление их истинных или мнимых интересов. Так возникают требования, скажем, предоставления субсидий, ценовых гарантий, повышения заработной платы, установления таможенных пошлин, проведения огосударствления и т.д. Идеологии — это инструменты, которые должны служить этим интересам.

Идеологии, являющиеся орудиями борьбы за власть, на протяжении XIX и XX вв. все больше и больше приобретали — и это еще один факт, имеющий большое значение, — характер мировоззренческих «целебных» теорий, завладевших умами целых народов¹. Вера в богов, исполинов и духов, которая раньше определяла отношение человека к природе и которую из этой сферы естественные науки вытеснили, обосновалась и распространила свое влияние в обществе и экономике. «Капитализм», «империализм», «марксизм» и т.д. воспринимаются ныне как исполинские фигуры или духи, которые управляют всей общественной жизнью и от которых зависит каждый отдельно взятый человек. Мифы вытесняют разум. Разного рода секуляризированные «целебные» учения сталкиваются между собой. Борьба «социализма» против «капитализма» стала, по существу, борьбой вероучений.

4. Строго говоря, это не массы, а чередующиеся руководящие слои масс, которые пытаются в борьбе между собой оказать влияние на экономическую политику и увлечь за собой массы, прибегая к помощи секуляризированных пророчеств и аргументов, затрагивающих интересы каждого. В такой исторической среде следовало рассматривать проблему хозяйственного порядка. *Действительно только в ней надлежит решать ее.* Современная индустриальная

¹ См.: W. R i n g s. «Die Entzauberung der Politik», 1947.

экономика и общество не только ставят целый ряд новых, взаимосвязанных и жизненно важных задач политики экономического порядка исключительной объективной сложности. Одновременно она дает импульс борьбе за власть правящих слоев, которая носит длительный характер и является определяющим фактором для современной экономической политики. Как же можно решить проблему политики порядков в такой сутолоке идеологий и борьбы за власть? Данный вопрос имеет исключительно важное значение.

Можно ли вообще реализовать определенные идеи политики порядков вопреки сопротивлению такого рода властных группировок? Но тут же напрашивается еще один более глубокий вопрос: существует ли в идеологической борьбе правящих слоев и групп заинтересованных лиц вообще понимание достаточного порядка? Действительно ли возможно разработать принципы экономической политики, которые были бы чем-то иным, нежели идеологией, связанной с определенными интересами? Мы не можем несерьезно относиться к этому скептическому вопросу. Он должен быть нашим собственным вопросом.

На него мы не можем дать а priori ни положительного, ни отрицательного ответа. Конечно, каждый, кто знаком с дискуссиями по проблемам экономической политики, склонен давать отрицательный ответ. И все же следует попытаться избежать идеологической субъективности, присущей борьбе за власть, и найти объективное решение.

5. Существует ли какая-нибудь возможность для этого?

В 1827 г. *Сисмонди*, который оказал большое влияние на мышление категориями экономической политики более позднего периода, писал: «Сегодня общество находится в совершенно новых условиях существования, по которым у нас нет совершенно никакого опыта». Сейчас мы располагаем таким опытом. И единственная возможность решения проблемы порядка заключается в том, чтобы полностью исчерпать этот опыт, обратиться к объекту и отказаться от идеологий, порожденных прошлым. Полтора века индустриализации, осуществляющейся в различных странах очень разными методами, могли бы многому научить человечество. Реалистическая позиция возможна и необходима. Но, подобно туману, смесь модных громких словечек и устаревших идеологий окутывает реальность. *Нам недостает изначальных, спонтанных вопросов.*

Итак, нужно основательно разобраться с тем вопросом регулирования, который предстает в современном мире *in concreto*¹. Такая постановка вопроса приводит к формам регулирования, мышлению и действиям в категориях порядков.

¹ В действительности, на самом деле (лат.).

Глава III

МЫШЛЕНИЕ КАТЕГОРИЯМИ ПОРЯДКОВ

1. Перемены и разнообразие — важные отличительные признаки любой экономической действительности. Нам остается только поразмыслить над тем, что довелось пережить нам самим. До 1914 г. регулирование экономического процесса в странах Европы происходило по-другому, чем после 1918 г., с 1929 — 1932 гг. оно вновь осуществлялось по-новому, а после этого изменения экономических форм быстро следовали одно за другим, причем по-разному в различных странах: в Германии, России, Франции, Англии и т.д. Создается впечатление, что в экономической действительности отсутствует какое бы то ни было единообразие форм. Любой отдельно взятый исторический момент в жизни любой страны, похоже, не имеет никакого сходства с каким-либо другим. Означает ли это, что в экономической действительности невозможно найти формы порядков, которые имели бы значение для экономической политики будущего? В таком случае весь опыт не дал бы нам ничего или дал бы очень мало. Тогда окончательные сомнения в возможности решения нашей задачи были бы вполне оправданны.

2. Но здесь в дело вмешиваются результаты научной морфологии. Если мы хотим выбраться из хаоса чудовищного исторического разнообразия, которое делает ненадежным любое познание и любые действия, то необходимо искать точку опоры Архимеда, отталкиваясь от которой можно познать экономическую действительность в присущих ей формах и в процессе ее изменения изо дня в день. Суть этой точки опоры Архимеда, которую дает нам морфология, заключается в следующем: всегда и везде любая хозяйственная деятельность базируется на планах. Чтобы преодолеть ограниченность благ, человек каменного века, живший в 10-м тысячелетии до н.э., составлял планы точно так же, как и крестьянин в средние века или нынешний рабочий, а также торговец. Точность, с которой составлялись планы, была весьма различной в каждом отдельно взятом случае. Однако тот простой факт, что всегда и везде в основе хозяйственной деятельности лежат планы, неоспорим, он создает прочную основу для всех дальнейших исследований.

Научная морфология скрупулезно исследовала экономическую действительность, причем так, что она изучала конкретные предприятия и домашние хозяйства прошлого и настоящего с тем, чтобы определить, в каких формах они были связаны с другими домашними хозяйствами и предприятиями.

Машиностроительная фабрика *R*, расположенная в местечке *F*, в начале 1948 г. получала металл и уголь по разнарядке центральных

административных органов и должна была одну часть производимых машин поставлять клиентам, «предписанным» органами центрального управления, а другую — пускать в свободную продажу частным лицам. Одни материалы, например нефть, фирма получала путем натурального товарообмена, другие оплачивала рейхсмарками, равно как и выдавала заработную плату в рейхсмарках рабочим, направленным на фабрику биржей труда. Бóльшая часть рабочих фабрики имела собственные садово-огородные участки, где они в рамках собственного натурального хозяйства выращивали картофель и овощи для личного потребления. Что видим мы здесь? Различные формы экономического порядка: централизованно управляемое, рыночное и собственное натуральное хозяйство. Мы могли бы глубже проникнуть в суть проблемы и установить, что рыночные цены фирмы, поскольку та находится в рыночной экономике, образуются весьма разнообразными способами. Так, фирма может обладать монополией на машины, которые она свободно продает, но при покупке нефти она вступает в конкуренцию с другими фирмами. На другой машиностроительной фабрике элементы формы встречаются в другом сочетании. К примеру, машины там свободно не продаются. В конце 1948 г. после проведения денежной реформы картина на этих двух предприятиях, как и во многих домашних хозяйствах и на предприятиях, была существенно другой. Натуральный товарообмен был вытеснен, равно как и формы собственного натурального и централизованно управляемого хозяйства. Итак, индивидуальный анализ отдельных предприятий и домашних хозяйств пока показывает прямо-таки подавляющее разнообразие сосуществования единичных явлений и быстрой смены форм. Но очень быстро мы сталкиваемся с тем фактом, что чистые формы, из которых складываются *все* конкретные экономические порядки и рынки, часто повторяются во времени. Распространяя наш анализ на прошлое, мы обнаружили бы то же самое. Если, скажем, исследовать подобным образом египетские государственные предприятия времен Птолемеев, землевладельческие хозяйства Восточной Германии XVIII в. и предприятия оптовой торговли Кёльна XV в. или западногерманский крестьянский двор начала XIX в., то можно совершенно четко обнаружить своеобразие и разнообразие индивидуальных хозяйств и соответствующих экономических порядков. Но все это историческое многообразие сформировалось в результате особого смешения относительно немногочисленных чистых форм. Благодаря этому наука получила новое своеобразное представление обо всей экономической действительности. Хотя каждый отдельный исторический момент имеет свой особый характер, все же становится возможным определить формы, встречающиеся в ходе всего исторического процесса, и на этой основе приобрести опыт, который может стать основополагающим также и для экономической политики.

3. Чтобы определить каждую из этих чистых форм как порознь, так и в их совокупности, необходимо добраться до тех истоков, где берут начало все экономические явления: до хозяйственных планов. При этом выясняется, что их осуществление зависит от тех форм, в которых осуществляется ведение хозяйства, а исследование хозяйственных планов позволяет точно определить формы¹.

Короче говоря:

Две *основные формы* — не больше — можно установить за всю историю человечества. Хозяйственные будни сообщества могут регулироваться планами *одного* составителя планов. Это чистая основная форма «централизованно управляемого хозяйства». Если сообщество невелико, то есть если один человек в состоянии обозреть его, как это имеет место в небольшой замкнутой семье, то мы говорим о «собственном натуральном хозяйстве». Или же речь идет о централизованном планировании экономического процесса в масштабах целой нации. В этом случае необходим административный аппарат. Это «централизованно управляемая экономика». Другой чистой формой является «рыночное хозяйство», в котором многочисленные индивидуальные хозяйства — предприятия и домашние хозяйства — *самостоятельно* разрабатывают планы, вступают в экономические отношения между собой и в которых существует автоматизм рынков, координирующий их деятельность. Это может быть также натуральное меновое хозяйство или денежное хозяйство, если используется всеобщее средство обмена — «деньги». Централизованно управляемая экономика является системой подчинения одному плановому органу. В рыночном хозяйстве происходит координация планов индивидуальных хозяйств, которая осуществляется через цены и меновые стоимости. Предприятия и домашние хозяйства как покупатели и продавцы вступают в экономические отношения между собой, причем в различных формах, «формах рынка». В зависимости от формы рынка индивидуальные хозяйства разрабатывают отличные друг от друга планы и координируют их по-разному. Скрупулезный ана-

¹ Из морфологической литературы см.: W. E u c k e n. «Die Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., 1950, краткий обзор в «Nationalökonomie — Wozu?», 3. Aufl., 1947, а также «Die zeitliche Lenkung des Wirtschaftsprozesses und der Aufbau der Wirtschaftsordnungen». — «Jahrbücher für Nationalökonomie», Bd. 159, 1944; H. v o n S t a c k e l b e r g. «Marktform und Gleichgewicht», 1934; «Die Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre», 1948; «Die Grundlagen der Nationalökonomie». — *Weltwirtschaftliches Archiv*, Bd. 51, 1940, I; «Probleme der unvollkommenen Konkurrenz». — *Weltwirtschaftliches Archiv*, Bd. 48, 1938; H. M ü l l e r. «Kalkulation, Absatzpolitik und Preisbildung», 1941; K. M i k s c h. «Wettbewerb als Aufgabe», 2. Aufl., 1947; E. C h a m b e r l i n. «The Theory of Monopolistic Competition», 2. Aufl., 1936 (mit Bibliographie); R. G r u p p. «Probleme und Mängel bei Aufbau und theoretischer Analyse der Marktform der vollständigen Konkurrenz». Diss. Freiburg, 1947 (unveröffentlicht).

лиз планов индивидуальных хозяйств продавцов и покупателей показывает, что следует различать следующие формы рынка:

Формы предложения	Формы спроса				
	Конкуренция	Частичная олигополия	Олигополия	Частичная монополия	Монополия (индивидуальная или картельного типа)
Конкуренция	Полная конкуренция	Формы рынка			Монополия предложения
		Частичная олигополия предложения	Олигополия предложения	Частичная монополия предложения	
Частичная олигополия	Частичная олигополия спроса	Двусторонняя частичная олигополия	Частично олигополистическая, ограниченная олигополия предложения	Частично олигополистическая, ограниченная частичная монополия предложения	Частично олигополистическая, ограниченная монополия предложения
Олигополия	Олигополия спроса	Частично олигополистическая, ограниченная олигополия спроса	Двусторонняя олигополия	Олигополистическая, ограниченная частичная монополия предложения	Олигополистическая, ограниченная монополия предложения
Частичная монополия	Частичная монополия спроса	Частично олигополистическая, ограниченная частичная монополия спроса	Олигополистическая, ограниченная монополия спроса	Двусторонняя частичная монополия	Частично монополистическая, ограниченная монополия предложения
Монополия (индивидуальная или коллективная)	Монополия спроса	Частично олигополистическая, ограниченная монополия спроса	Олигополистическая, ограниченная монополия спроса	Частично монополистическая, ограниченная монополия спроса	Двусторонняя монополия

4. Если речь идет о предприятиях и домашних хозяйствах, связанных между собой рыночными отношениями, то для их координации решающим оказывается не только форма рынка, но одновременно и «денежная система». Машиностроительная фабрика, если

только она не осуществляет натуральный товарообмен, нуждается в деньгах. Она располагает кассовой наличностью. Ее планы и действия зависят от спроса клиентов, который проявляется в предложении денег, и от цен на средства производства, а также от стоимости выполненной работы, которые оплачиваются деньгами. К тому же обнаруживается, что координация деятельности многочисленных предприятий и домашних хозяйств, из которых складывается рыночное хозяйство, определяется также и формами денежного обслуживания, или денежными системами.

5. Экономический порядок страны состоит из совокупности тех реализованных в каждом случае форм, в которых предприятия и домашние хозяйства связаны между собой и в которых, следовательно, протекает *in concreto* экономический процесс. Таково определение. Очевидно, что как раз в индустриальной экономике хозяйственные порядки быстро меняются, причем по-разному от страны к стране. Но поскольку они образуются из ограниченного количества чистых форм, они вполне сопоставимы, в силу чего можно точно обозначить их сходства и отличия¹.

Каждый отдельно взятый экономический порядок, будь то экономический порядок Англии 1850 г. или Германии 1930 г., является единственным в своем роде, своеобразным. Однако это своеобразие возникает из «сплава» отобранных разнообразных экземпляров ограниченного количества чистых форм. Русский экономический порядок 1949 г. состоит, например, из определенного сплава централизованно управляемой экономики, как формы порядка, занимающей господствующее положение, различных форм рынка, присущих рыночному хозяйству, и денежных систем разного рода. Каждое изменение экономического порядка, например крупные преобразования структуры хозяйственного порядка немецкой экономики в 1948 г., являются сменой частных форм порядка, которые были реализованы. Эту смену можно теперь четко обозначить, не прибегая к использованию громких слов.

6. Морфология возникла благодаря тому импульсу, который дала наука. Без морфологии невозможно познание экономической действительности. Применение морфологической системы, выведенной из реальной экономики, то есть из анализа деятельности ее предприятий и домашних хозяйств, позволяет познать реальную экономику в структуре ее порядка. Благодаря этому наука смогла выйти за рамки таких неточных понятий, как относящийся

¹ О двойном значении понятия «порядок» см. Приложения, с. 467.

к «городскому хозяйству», «капиталистический», «социалистический» и т.д.

Через проникновение в реальность, в домашние хозяйства и предприятия следует отыскивать присущие им формы и выделять каждую форму из ее сплава с другими формами. Тот, кто свободно конструирует модели и не ищет формы в действительности, занимается игрой, и не более того. Если модель конкуренции определяется, исходя из того, что все блага и все продавцы во всех отношениях должны быть гомогенными, то это означает с самого начала отказ от того, чтобы определить реальную конкуренцию такой, какой она существует в экономической действительности.

7. В рамках конкретной структуры порядка отдельно взятые экономические институты следует понимать таким образом: товарищество, синдикат, профсоюзы, эмиссионные банки и даже цены, заработная плата или проценты, например, в рамках экономического порядка, присущего централизованно управляемой экономике, будут означать совсем иное, нежели в экономическом порядке, где доминируют элементы рыночной экономики, а в рамках рыночного хозяйства функция этих институтов зависит от формы рынка или от денежной системы. Кроме того, оказывается, что такие правовые институты, как собственность, свобода заключения договоров или ответственность, изменяют свою функцию в зависимости от формы порядка.

Точно определяя экономические формы, морфология вносит еще один вклад. Она создает основу тому, чтобы точно познавать взаимосвязи повседневного экономического процесса. В рамках каждой отдельной формы порядка экономический процесс протекает по-разному. Об этом каждый немец получил представление в 1948 г., когда после денежной реформы и изменения реально существовавших форм экономического порядка в корне изменился ход хозяйственных будней. Еще один совершенно простой пример. В течение года администрация лесного хозяйства намеревается сбыть 1000 кубических метров сосновой древесины. При этом она использует методы централизованно управляемой экономики, принятые в некоторых странах, и распределяет древесину по отдельным предприятиям и домашним хозяйствам, руководствуясь центральными планами. Или же она делегирует право распределения рыночному хозяйству, устраивая аукционы, на которых все решают цены. И вновь распределение древесины по различным направлениям ее использования регулируется по-разному в зависимости от того, а) обладает ли администрация лесного хозяйства монополией продавца; б) могут ли потребители приобрести древесину у других многочисленных местных, равно как и зарубежных, торговцев; в) является ли эффективной деятельность одного конкурирующего продавца,

то есть имеет ли место олигополия; г) объединяются ли торговцы, покупающие лес, и лесопильные заводы в монополистические ринги спроса и т.д. Уже отсюда ясно, что вид обеспечения благами в общем и целом зависит от реально существующей формы экономического порядка. В зависимости от формы порядка планы базируются на разнообразных плановых показателях. Поэтому морфология является одновременно предпосылкой для проведения теоретического анализа экономического процесса*.

8. Но этим не исчерпывается значение морфологии.

Хотя и порожденное волей к познанию действительности, выявление и раскрытие форм экономической действительности является также *предпосылкой для нахождения форм экономического порядка, приемлемых с точки зрения экономической политики*. Дополнительно к экономической морфологии мы можем создать воображаемый инструмент, который позволяет нам точно установить, какие формы экономического порядка были реализованы с начала промышленной революции. Как в рамках этих форм осуществлялось регулирование повседневного экономического процесса и как оно сказывалось на других человеческих порядках? Может быть, таким образом удастся найти искомые приемлемые формы экономического порядка.

Наш вопрос в корне отличается от обычно принятого сегодня вопроса. Ведь в большинстве случаев нынче задается такой вопрос: куда заводит вынужденное историческое развитие экономическую политику? Тот, кто ставит вопрос так, предполагает, что история, а также экономическая политика развиваются в принудительном порядке. По его желанию такая претенциозная формула предшествует рассмотрению действительности. Лишь после этого последняя рассматривается и принимается к сведению в той мере, в какой она создает видимость подтверждения формулы о неизбежности развития, например, «капитализма»¹.

В противоположность этому опыт должен найти применение без каких-либо фальсификаций. Не используя подобных формул, мы должны просто задать самим себе вопрос о тех формах порядка, которые с начала индустриализации экономическая политика сделала возможными или даже установила, и дать ответ на следующий вопрос о том, какие последствия имело установление этих форм, то есть в какой мере они доказали на деле свою пригодность.

* Пометки автора на полях: «Открытые и замкнутые формы рынка». Это замечание позволяет сделать вывод о том, что автор намеревался рассмотреть здесь также вопрос замкнутых и открытых рынков. В связи с этим см.: W. E u s k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., 1950, S. 91 ff.

¹ Относительно критики данной формулы см. гл. XII—XV.

КНИГА ВТОРАЯ

ОПЫТ И КРИТИКА

Видимо, целесообразно разбить экономическую политику индустриальной эпохи на две части: продолжительный период «политики *laissez-faire*» и последующий менее длительный период «политико-экономических экспериментов». Оба периода представляют собой поистине превосходную возможность накопить опыт проведения экономической политики, опыт, касающийся самих проблем, попыток их решения, имевших место успехов и неудач.

Глава IV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА *LAISSEZ-FAIRE*

I. Ее теории

1. В чем состояла экономическая политика *laissez-faire*? В большинстве случаев ответ гласит: это был период «независимой от государства экономики».

Беглое ознакомление с исторической действительностью могло бы показать, что ответ неверен. Именно в это время государство создало отличающиеся строгостью право собственности, договорное право, совокупность правовых норм, касающихся товариществ, компаний или объединений, патентное право и т.д. Каждое предприятие и домашнее хозяйство каждый день функционировало в рамках подобных установленных государством правовых норм независимо от того, продавали они или покупали, брали кредит или совершали иные экономические действия. Как же можно в этом случае говорить о «независимой от государства экономике»?

Чем же была в действительности политика *laissez-faire*? В этот период государства сами устанавливали свои государственные порядки или разрабатывали конституции с тем, чтобы создать способ-

ный функционировать государственный аппарат и защищать свободу каждого человека. Равным образом путем широкой кодификации они создавали правовые порядки. Тем самым задавалось общее решение также и для экономического порядка. Но надзор за соблюдением экономического порядка в смысле принятия всеобъемлющего решения не рассматривался в качестве специальной государственной задачи. Сложилось убеждение, что в рамках права достаточный экономический порядок будет развиваться сам по себе. Эта экономическая политика *laissez-faire* базировалась на убеждении, что пригодные формы и, следовательно, рациональный экономический порядок в целом станут развиваться сами собой из стихийных сил общества по направлению снизу вверх, если будет существовать свобода и соблюдаться принцип права. Лишь в отдельных местах, например в случае с эмиссионными банками, предпринимались попытки сформировать некоторые элементы экономического порядка. В целом же государство передало в частные руки те формы, в которых велось хозяйство. Отмена бесчисленных регулирующих актов, расценок, принудительных объединений и т.д., доставшихся нашей эпохе от средневековья и периода меркантилизма, произошла в силу того убеждения, что свобода позволяет реализовать порядок намного лучший, чем тот, который был прежде. Всеми владела вера в то, что наконец-то открыт и реализуется единственно правильный, естественный, замечательный порядок, тот порядок, в котором законы полной конкуренции подчиняют своему влиянию производство и распределение. Если устраняли запреты на ввоз и вывоз, уменьшали пошлины или вообще отменяли их, то это делалось для того, чтобы заменить скверные порядки международной торговли лучшим порядком, в котором товарные потоки регулировались конкурентными ценами. Силу и логику, которые Бог вложил в вещи вообще и, следовательно, в экономику, следовало сделать действительными. Правда, позже, в XIX в., это метафизическое обоснование, придававшее подобным идеям пробивную силу, поблекло¹.

2. По существу, политика *laissez-faire* господствовала более ста лет. Вообще говоря, она является экономической политикой XIX в., а если быть точнее, то политикой с начала крупных реформ

¹ Принцип *laissez-faire* как всеобщий принцип человеческих поступков представлял в свое время еще *Монтень*. В своих «Эссе» (1580) он предостерегал от вмешательства во все происходящее, рекомендуя предоставить это природе. «Она знает свое дело лучше нас». «Laissons faire un peu la nature». (См.: W. E u c k e n. «Die Lebensanschauungen der grossen Denker», 20. Aufl., S. 321.) По вопросу формулирования основных принципов экономической политики см.: A. O n c k e n. «Laissez-faire», 1886; A. R ü s t o w. «Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus», 1945; J. M. K e y n e s. «Das Ende des Laissez-faire», 1926. Кейнс, правда, больше не принимал основой идеи этой экономической политики в ее принципиальном значении.

в первые годы и с середины XIX в. и до 1914 г. Как известно, в конце 70-х годов прошлого столетия экономическая политика совершила поворот в сторону интервенционизма: так, в торговой политике это произошло одновременно с наступлением эры протекционистских пошлин. С интервенционизмом начался отход от политики *laissez-faire*, он подготовил переход к эпохе проведения политико-экономических экспериментов. Но он не означал принципиального отхода от политики, которая оставляла в частных руках право на формирование экономического порядка. Интервенционизм затрагивал только отдельные фазы экономического процесса. Тем самым он опосредованно влиял на формы, в рамках которых велось хозяйство, к примеру как раз через осуществление таможенной политики. Однако при этом речь шла о строго пунктуальном вмешательстве. Не предпринималось никаких попыток принципиальной перестройки экономического порядка. Следовательно, мы можем воздержаться от особого рассмотрения экономической политики интервенционизма¹.

Успехи экономической политики XIX и начала XX в. были значительными. В это время индустриализация в Европе пробила себе дорогу, и обеспечение благами населения, численность которого увеличилась более чем вдвое, достигло уровня, никогда прежде не достигавшегося. Но одновременно выявились и ущербные стороны. Стоит лишь подумать хотя бы о кризисах и социальной напряженности.

Конечно, критиковать эту экономическую политику очень легко. Сообщается, например, о том, что именно сделано «молодым капитализмом», «либеральным капитализмом» или «манчестерством», как это «существо» создало крупные фабрики, но одновременно навлекло беду на людей. Критика, которой подвергали эту политику сенсимонисты, *Сисмонди* или *Маркс*, часто повторяется. Но она уже устарела, манипулирует наблюдениями, почерпнутыми на заре индустриализации, и в то же время незнакома с последующим развитием. Ей неизвестны также формы рынка и денежные системы, без чего критика становится беспочвенной.

В противоположность сказанному сторонники этой политики ссылаются на ее большие успехи. В итоге одна сторона противостоит другой. Одни видят в ней дело дьявольских рук, другие — потерянный рай. Ни тем, ни другим путем не приобретается опыт ведения экономической политики.

¹ W. R ö p k e. «Staatsinterventionismus», Handw. d. Staatsw., 4. Aufl., Erg. Bd., 1929; L. v o n M i s e s. «Kritik des Interventionismus», 1929; M. S t. B r a u n. «Theorie der staatlichen Wirtschaftspolitik», 1929.

3. Оглядываясь назад, мы можем констатировать, что эта экономическая политика обладает двумя важными для истории экономики функциями.

Составленная в общих чертах и реализованная в своих главных элементах в XVIII и начале XIX в., она не была следствием индустриализации, напротив — сделала ее возможной. Правда, идейные творцы этой системы экономической политики, например Адам Смит, не хотели индустриализации. Однако проведение политики свободы занятия промыслом, освобождения крестьян, свободной торговли, а также свободного передвижения и повсеместного проживания фактически создало решающие предпосылки для возникновения и широкого распространения современной промышленности¹. Но когда индустриализация победила, либеральная экономическая политика возложила на себя новую задачу, а именно упорядочить индустриальную экономику. С исторической точки зрения это была ее вторая главная функция, которую она на протяжении десятилетий осуществляла в Англии, Германии, Франции, США и многих других странах. Это та функция, которая имеет важное значение для решения проблем сегодняшней политики порядков. *Экономическая политика laissez-faire была попыткой решить проблему порядков с помощью методов рыночного хозяйства.*

4. Полемика по поводу такой экономической политики, равно как и других типов ее, может быть плодотворной, только если ее отправной точкой станут факты, то есть конкретные процессы, имеющие место на предприятиях и в домашних хозяйствах. Поскольку на отдельно взятом предприятии и в домашнем хозяйстве протекает лишь незначительная часть совокупного экономического процесса, это, как мы уже установили, согласование между собой планов и процессов на всех предприятиях и во всех домашних хозяйствах становится решающим вопросом экономической политики. В экономических порядках рыночного типа, как мы также знаем, это согласование, или координация, зависит от вида денег, с которыми вступают в экономические отношения предприятия и домашние хозяйства, и от реализованных форм рынка. Уже поэтому все попытки мерить одной меркой экономические порядки этого типа и давать им глобальные оценки обречены на провал. В экономическом порядке страны А в качестве денег может иметь хождение товар, а полная конкуренция, монополия продавцов и их олигополия могут

¹ G. von Schulze-Gaevernitz. «Die industrielle Revolution». — *Archiv für Sozialwissenschaften*, 66. Bd., 1931; W. Hoffmann. «Stadien und Typen der Industrialisierung», 1931; H. Dietzel. «Technischer Fortschritt und Freiheit der Wirtschaft», 1922.

быть реализованы примерно в равных долях. В стране В деньги могут возникать в результате предоставления кредитов, а конкурентные рынки — преобладать. Существенным здесь является то, что в обеих странах координирование деятельности предприятий и домашних хозяйств происходит по-разному, то есть система регулирования в одной стране будет совершенно иной, чем в другой, а производство и распределение в этих странах отличаются друг от друга. Следовательно, критический анализ должен быть ориентирован на формы рынка и денежные системы, воплощенные в действительности.

5. С экономической точки зрения обе главные идеи *laissez-faire* состояли в следующем. Потребители должны были установить господство над повседневным экономическим процессом, а этот последний одновременно надлежало регулировать путем координирования деятельности индивидуальных хозяйств, свободно осуществлявших планирование, то есть деятельности предприятий и домашних хозяйств через ценовой автоматизм. «Задачей и целью любого производства является потребление, — говорил Адам Смит, — и интересы производителей следует принимать в расчет только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения интересов потребителей. Этот основной принцип настолько очевиден, что было бы неумно проявлять желание доказывать его»¹. Но цены, образующиеся на свободном рынке, должны быть и будут конкурентными, они будут способствовать тому, что станет четко осуществляться управление всем производством во всех его составляющих, что потребности будут оптимально удовлетворены, а людям будет в то же время предоставлена достаточная свобода действий.

Спрашивается, действительно ли эта экономическая политика достигла всего, чего хотелось: координирование деятельности всех домашних хозяйств и предприятий при ее рациональной направленности на оптимальное обеспечение потребительскими благами, развитие производительных сил и общее равновесие. Возникает еще один вопрос: как проявили себя формы порядка с точки зрения социального вопроса, взаимосвязей с другими порядками, а также с точки зрения анализа свобод человека? Ответ означает больше, чем просто историческое значение. Проблемы порядка, поднятые экономической политикой прошлого, являются универсальными проблемами, имеющими непреходящее значение и ставшими в наши дни особенно актуальными благодаря развитию фактов. Стоит

¹ A. S m i t h. «Wealth of Nations», 4. Buch, 8. Kapitel. Ausgabe von «George Rontledge and Sons», London, ohne Jahr, S. 517 (deutsche Übersetzung von J. Stöpel, hrsg. von R. Preyer, 3. Bd., 1906, S. 206).

лишь назвать проблему монополий или обеспечения деньгами путем предоставления кредитов.

Наша полемика, проистекающая из исторических обстоятельств, носит, таким образом, принципиальный характер.

II. Формы рынка. Проблема монополий

А. Регулирование экономического процесса

1. Склонность к образованию монополий

Экономическая политика *laissez-faire* первоначально базировалась на том убеждении, что в процессе ее проведения повсеместно возникает конкуренция, в рамках же последней рабочая сила и товарные потоки рационально распределяются между предприятиями и домашними хозяйствами, а потребности будут оптимально удовлетворены.

Однако оказалось, что неоднократно реализовывались и другие формы рынка, тем более что данная экономическая политика представляла также свободу для того, чтобы объединяться, а тем самым и устранять конкуренцию. Возникли монополии работодателей на многих локальных рынках труда, монополии или олигополии на многочисленных местных товарных рынках и картели с обширной сферой господства. Деятели либеральной экономической политики возражают на это, утверждая, что монополии возникли лишь в конце 70-х годов, когда политика *laissez-faire* уже теряла силу и стала распространяться политика интервенционизма, возникли монополии, например картели, в результате проведения протекционистской политики. Но они не правы. Конечно, соответствует действительности то, что политика интервенционизма, например таможенная политика, в высшей степени способствовала образованию монополий или олигополий. Но ведь и прежде были картели, а железные дороги, цементные заводы, машиностроительные фабрики или металлургические заводы, обслуживавшие местные рынки, занимали монополистические или олигополистические позиции. И в других отраслях, к примеру в угледобывающей промышленности Германии, с конца прошлого века начали возникать крепкие картели, хотя сама отрасль не была защищена соответствующими пошлинами. А монополии продавцов на рынках рабочей силы во многом способствовали возникновению социальной проблемы.

Продавцы и покупатели постоянно пытаются, где только возможно, избегать конкуренции, захватить в свои руки монопольные позиции или утвердиться на них. Глубоко укоренившееся стремление к устранению конкуренции и установлению монопольного положения существовало повсеместно и во все времена. Каждый выискивает воз-

возможность стать монополистом. Почему три пекаря городка XIII в. должны конкурировать между собой? Они договариваются, образуют монополию и, кроме того, пытаются оградить себя от конкуренции со стороны. Примерно так дело обстояло прежде, так оно обстоит сегодня и будет обстоять в будущем. Работодатели на рынке труда, покупатели и продавцы на товарных рынках или рабочие — все они стремятся занять монопольное положение. *Повсеместно существует «склонность к созданию монополий» — факт, с которым должна считаться любая экономическая политика.* Так обстояло дело и во времена либеральной экономической политики.

Итак, тогдашняя действительность позволяет познать, как воздействует реализация иных форм рынка на экономический процесс.

2. Монополии и частичные монополии. — Критерии

а) Протест одного из самых первых критиков либеральной экономической политики *Шарля Фурье* был обусловлен помимо прочего и тем, что ему как служащему торговой фирмы в период массового голода было поручено затопить рис в море. Подобного рода уничтожение запасов нередко встречается там, где на рынке господствуют монополии или частичные монополии. Так уничтожались пряности, пшеница и кофе, если называть только отдельные случаи данного явления. Разумеется, подобное случалось не только в эпоху либеральной экономической политики. Оно имело место и в эпоху меркантилизма, когда, например, Ост-Индская компания частенько отдавала распоряжения уничтожать имеющиеся запасы.

Как к этому приходят, можно проиллюстрировать простым примером. Администрация монополии располагает запасами кофе в количестве двух миллионов мешков, которые она намеревается продать до начала уборки следующего урожая кофе. При изучении возможностей рынка выясняется, что администрация может рассчитывать в первом приближении на сбыт кофе в следующих количествах по различным ценам:

Цена за мешок кофе, маркн	Объем сбыта, млн. мешков	Общая выручка, млн. марок
100	1,0	100,0
90	1,2	108,0
80	1,5	120,0
70	1,9	133,0
60	2,0	120,0

Итак, самый высокий уровень чистой выручки достигается при цене, равной 70 маркам за мешок, и при объеме сбыта в 1,9 миллиона мешков кофе. В силу этого монополистам выгоднее уничтожить 100 тысяч мешков, как это нередко происходило в подобных случаях. Произойдет подобное уничтожение или нет, зависит, как видно из примера, от величины урожая и от эластичности спроса.

Можно возразить, что администрация монополии не обязана действовать таким образом. Она могла бы, скажем, установить цену на уровне 60 марок за мешок, тем самым избежать уничтожения запасов и оптимально насытить рынок. Возражение вполне справедливо. Ведь если администрация станет действовать по «принципу наилучшего обеспечения», то она снизит цену до 60 марок. Но она придет к решению уничтожить запасы, если будет стремиться достичь «по возможности самой высокой чистой выручки». Администрация может также выбрать цену на уровне между 60 и 70 марками за мешок. В этом случае была бы уничтожена меньшая часть запасов кофе. Или же она может при смещении спроса удерживать цену, то есть не приноравливаться к изменившемуся спросу. Итак, мы видим, что цена и реализованное количество кофе определены недостаточно твердо и в известных пределах зависят от произвола монополиста. В то же время становится ясно, каким образом дело доходит до уничтожения запасов.

Этого весьма простого примера, оставляющего в стороне все возможные осложнения, например дифференцирование цен, достаточно для того, чтобы обсуждать то, каким образом использование *данного запаса* осуществляется продавцом-монополистом.

Результат важен для экономической политики. За исключением того крайнего случая, когда монополист фиксирует цену на уровне 60 марок за мешок, цены неточно показывают ограниченность благ. Наоборот, цены вынуждают ограниченность казаться больше, чем она есть на самом деле. Тем самым уничтожаются блага, которые могли бы удовлетворять потребности, в то время как в условиях всеобщей конкуренции они целиком пошли бы на обеспечение населения потребительскими товарами. Однако если экономическая политика дает отдельно взятым предприятиям и домашним хозяйствам свободу планирования и действий, то она делает это, исходя из предположения, что планы и действия отдельно взятых предприятий и домашних хозяйств будут посредством цен рационально координироваться между собой и все вместе взятые станут служить обеспечению потребителей благами. Отдельно взятое предприятие *должно* стремиться к рентабельности. То, что оно при этом служит общим интересам, не располагая возможностью иметь собственное представление об этом, является делом механизма цен, на который ориентируется экономический расчет предприятия. Сами по себе руководители отдельно взятых предприятий не могут знать, какие

блага приносят потребителям больше пользы по сравнению с другими. Например, руководитель обувной фабрики не знает, будет ли таким благом мужская, женская или детская обувь. Механизм цен должен побуждать каждое отдельно взятое предприятие своевременно поставлять нужные продукты. В механизме цен в то же время должна проявляться вся хитрость идеи. В такой системе регулирования прибыли и убытки также имеют свои функции.

Но в случае монопольного предложения из данного запаса, как показывает пример кофейной монополии, может возникнуть разрыв между расчетом рентабельности и интересами других индивидуальных хозяйств. В этом случае система общехозяйственного регулирования дает сбой. Расчет рентабельности монополиста не обязательно приводит к тому, чтобы наилучшим образом содействовать снабжению рынка. Следовательно, механизм регулирования в этом отношении имеет изъяны. И второе: не потребители являются здесь главными дирижентами экономического процесса, как это мыслилось в рамках либеральной экономической политики. Скорее, монополист может лишить потребителя части имеющегося запаса благ.

Уже из этого примера видно: монополист знает, что может определять цены или что от его предложения зависит ценообразование на рынке. Монополист по продаже кофе знает, что цена на кофе снизится, если он предложит больше товара. Отсюда вытекает рыночная стратегия монополиста. Совсем по-другому обстоит дело, если на рынке кофе товар предлагают сразу много торговцев кофе, если каждый из них удовлетворяет лишь небольшую часть спроса и если каждая фирма рассматривает цену на кофе как заданную величину, не зависящую от его предложения. В этом случае возникает конкуренция предложения, которая создаст предпосылки для того, чтобы каждый в обязательном порядке продавал кофе по 60 марок за мешок и не остался непроданным ни один мешок кофе, который можно было бы сбросить в море.

б) Данное различие имеет значение и для понимания второго случая, а именно если монополист поставляет товар не из данного запаса, а в рамках текущего производства изготавливает товары, используя имеющийся производственный аппарат, то есть предлагает продукцию «текущего производства». Это может быть газовый завод города, железная дорога, химический завод, на котором производятся лекарства, позволяющие занимать монопольное положение, или чугунолитейный синдикат, который представляет собой монополию картельного типа и в котором объединились несколько доменных заводов.

Здесь для планов и действий монополистов решающее значение приобретают издержки производства. Последнее известно каждому Руководителю предприятия. В связи с этим весьма важно отдавать

себе отчет в том, какую функцию выполняет расчет издержек в регулировании совокупного процесса¹.

Каким же образом монополия продавцов влияет на регулирование экономического процесса в том случае, если существует определенный производственный аппарат?² Проблема может быть представлена по-разному, в зависимости от того, идет ли речь об индивидуальном монополисте или коллективной монополии, например о монополистической железной дороге или картеле фарфоровой промышленности.

Индивидуальная монополия, анализом деятельности которой предпочитает заниматься наука, достигает максимального уровня чистой выручки в том случае, если издержки покрываются предельной выручкой (предельным доходом), следовательно, в сфере, в которой предельные издержки оказываются ниже цены. Монополистическая фабрика по производству сахараина выпускает не так много конечного продукта для того, чтобы издержки последних партий товара были равны цене на сахарин. Ведь она — в отличие от продавцов в условиях конкуренции — как монополист учитывает реакцию спроса на ее предложение. Следовательно, не имеет смысла увеличивать предложение до такой степени, чтобы цена на сахарин достигла предельных издержек.

Имеют обыкновение утверждать, что на рынке продавцов-монополистов существует равновесие. Это справедливо лишь с известными оговорками. Железная дорога, газовый завод, фабрика по производству сахараина и т.д. предлагают ровно столько, сколько нужно для того, чтобы каждый покупатель, который может и хочет платить монопольную цену, был в состоянии перевозить свои товары по железной дороге или покупать газ и сахарин. В этом смысле существует «монополистическое равновесие», или «квазиравновесие». Однако при этом следует отметить два момента. Данное монопольное квазиравновесие, бесспорно, не однозначно. Монополист может снизить цену и тем самым способствовать лучшему обеспече-

¹ Относительно принципа издержек и понятия «предельные издержки» см. с. 230 и сл. Решающим критерием оптимального обеспечения благам является расчет предельных издержек, причем даже тогда, когда экономический процесс ориентируется не столько на удовлетворение потребностей, сколько на планы капитальных вложений центральных органов; следовательно, тогда, когда существует не система координирования, а система подчинения. В дальнейшем мы исходим прежде всего из определенного распределения доходов. Позже мы обсудим и эту предпосылку.

² См. по этому вопросу A. Cournot. «Untersuchungen über die mathematischen Grundlagen der Theorie des Reichtums», 1924; von H. von Stackelberg. «Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre», 1948, S. 185; E. Schneider. «Reine Theorie monopolistischer Wirtschaftsformen», 1932, и «Einführung in die Wirtschaftstheorie», 1949, S. 242 ff.; F. Kiebs. «Kartellformen und Preisbildung», 1939; L. Miksch. «Zur Theorie des Gleichgewichts». — «ORDO», 1948, № 1.

нию населения благами. Тогда разрыв между предельными издержками и ценой сокращается до тех пор, пока он совсем не исчезнет при достижении точки наилучшего обеспечения. Итак, нет ясности в том, на каком уровне устанавливается квазиравновесие и насколько велико обеспечение населения газом, сахарином и т.п. Важнее второй момент. До тех пор пока между ценой и предельными издержками существует разрыв, общее равновесие народного хозяйства оказывается нарушенным. Производственный аппарат страны не используется наилучшим образом на тех предприятиях, которые входят в состав монополии продавцов. Туда не направляется такое количество рабочей силы и сырья, и там не производится такое количество товаров, которые необходимы для по возможности полного преодоления ограниченности благ. Согласование между собой деятельности различных отраслей производства не осуществляется там в достаточной мере. Как раз неполная реализация принципа предельных издержек указывает на то, что данная монополия препятствует формированию тенденции экономического процесса к общему равновесию. Экономический расчет фирм также не выполняет той общехозяйственной функции, о которой мы говорили.

Иным является влияние, которое оказывает на регулирование экономического процесса *коллективная монополия*. Вот пример. В одной из стран 70 фабрик по производству лезвий для бритвы, между которыми до сих пор существовала конкуренция, заключают простое картельное соглашение о ценах и поднимают цену лезвий на 10%. Но поскольку отдельно взятые фабрики, как и прежде, действуют по принципу предельных издержек, они расширяют производство своей продукции. Но возросшая цена создает видимость того, что ограниченность наличия лезвий больше, чем она есть на самом деле. Индекс значимости цен в данном случае не работает. Второго условия, которое должно быть выполнено для «полной» реализации принципа предельных издержек, нет. Рынок вышел из состояния равновесия, стало производиться относительно много лезвий.

Такого рода коллективная монополия тысячекратно создавалась начиная с середины XIX в. Это простые картельные соглашения о ценах. Отсутствие равновесия, свойственное им, объясняет их дальнейшую судьбу: они либо распадались, либо принимали другие формы картелей. И только в редких случаях они удерживались на плаву и оставались способными функционировать и дальше. Часто фирмы сбывают свою продукцию по заниженным ценам, нарушая тем самым картельный договор. Или они освобождаются от обязательств, заявляя о расторжении договора с тем, чтобы иметь возможность продавать свои запасы. Развитие пошло в противоположном направлении, когда предпринимались попытки ограничить производство отдельных фирм, то есть адаптироваться к повышен-

ной цене. Тогда картели, создававшиеся на основе заключения соглашений о ценах, трансформировались в картели, деятельность которых ограничена строго определенной территорией, в контингентированные картели или в синдикаты. Возникновение так называемых более высоких форм картелей препятствовало тому, чтобы фирмы производили продукцию по принципу предельных издержек. Синдикат должен вынуждать входящих в него членов вести себя таким образом, как если бы существовала индивидуальная монополия. Стоит вспомнить хотя бы синдикаты угледобывающей промышленности и черной металлургии в Германии. Хотя при этом и достигается частичное монополистическое равновесие, общее равновесие, однако, остается на длительный срок нарушенным.

в) На каждом предприятии приходится решать три взаимопереплетающихся вопроса. Как я распоряжусь имеющимися запасами пшеницы, гороха, ячменя, урожай которых я собрал? Что, какие плоды и сколько я произведу в этом году? Такие вопросы задает себе управляющий помещьем и пытается дать ответ, составляя свои хозяйственные планы и проводя их в жизнь. Но вот и третий вопрос: следует ли менять производственный аппарат, скотные дворы, конюшни, амбары и т.д.? Это проблема инвестирования. Такакой фабрике или машиностроительному заводу, равно как и помещью, необходимо постоянно решать, как использовать товары, которые были произведены раньше и сейчас имеются в запасе, что производить в текущем году и, наконец, нужно ли им менять, расширять или сокращать свой производственный аппарат. То, что все решения, в том числе по капиталовложениям, правильно взаимоувязываются между собой, имеет решающее значение для обеспечения товарами.

Как было уже показано, оба вопроса — относительно того, как «распорядиться имеющимися запасами», и о «текущем производстве» — решаются по-разному в рамках различных форм рынка. Сказанное распространяется также на третий вопрос. Как же формы рынка влияют на капиталовложения и их взаимоувязку? Теперь мы не спрашиваем, почему эта угольная шахта распоряжается своими «имеющимися запасами» так или иначе либо почему она ежедневно добывает определенное количество угля в рамках «текущего производства». Мы спрашиваем, почему она заложила новую шахту или приступила к строительству коксовального завода. Всесторонний анализ мог бы показать, что угольная шахта ведет себя по-разному в зависимости от того, находится ли она в состоянии конкуренции со многими другими шахтами, или олигополистической борьбы, или олигополистического неустойчивого равновесия, или обладает частичной монополией, или является членом синдиката. И здесь мы остановимся на вопросе о том, как в условиях конкуренции ведет себя монополист в сравнении с продавцом.

Известно много случаев, когда монополист не осуществляет капиталовложения, поскольку отсутствие конкуренции не вынуждает его рационализировать производство: железная дорога с полностью устаревшим вагонным парком, химическая фабрика с оборудованием из добрых старых времен, которое давным-давно было бы обновлено, если бы существовало давление конкуренции. В таких случаях инвестируется относительно мало, а комбинация средств производства не является оптимальной и не соответствует достигнутому уровню технических знаний. Это означает, что монополия порождает частичное недоинвестирование.

Однако монополист не *должен* действовать именно так. Он может делать прямо противоположное. Вместо того чтобы выплачивать монопольную прибыль, он может инвестировать ее. Есть железные дороги, которые, не подвергаясь опасности, осуществляют сверхинвестиции. Монополисту удастся привлекать относительно большую часть капитала для инвестиционных целей. Ведь для него как монополиста риск относительно невелик. Электрификация железной дороги, если она обладает монополией, проходит намного легче, чем если бы ей пришлось считаться с конкуренцией речного флота или автомобильного транспорта. Банки и другие кредиторы также предпочитают предоставлять кредиты монополиям как раз потому, что те работают с меньшим риском. В результате происходит прямо противоположное: из всей общехозяйственной суммы капиталов слишком много инвестируется в железнодорожный подвижной состав и его оснащение, в электрификацию железной дороги, в расширение цементных заводов и т.д., в то время как недостает других капиталовложений, которые могли бы пойти на удовлетворение более насущных нужд потребителей, например в жилищное строительство.

И в регулировании капиталовложений коллективная монополия проявляла и проявляет свои специфические черты: в борьбе между членами картеля за долю в общем сбыте, как известно, часто вкладывают средства не для того, чтобы производить, а для того, чтобы добиться большей доли или удерживать ее за собой. В связи с этим следует вспомнить, например, о развитии германской калийной промышленности после создания калийного синдиката. Здесь, впрочем, видно, что синдикатам, как правило, не удается длительное время проводить ту же политику, какую проводят индивидуальные монополисты.

Любая инвестиция нуждается в дополняющих инвестициях. К примеру, руководителю небольшого замкнутого собственного натурального хозяйства едва ли придет в голову построить более крупный скотный двор, если это не заставит его сделать намечаемое увеличение поголовья скота. Если же он тем не менее начнет строительство скотного двора, то ему придется одновременно позаботить-

ся о том, чтобы *пропорционально* увеличить количество повозок, расширить производство кормов и т.д. В противном случае инвестиции окажутся лишенными всякого экономического смысла или последний будет весьма незначительным. Уже в этом небольшом собственном натуральном хозяйстве необходимо провести ряд сложных оценок и разработать планы, которые позволили бы увеличить поголовье скота, расширить возделывание кормовых культур и осуществить строительство новых скотных дворов с таким расчетом, чтобы капиталовложения были взаимоувязаны между собой, то есть не нарушалось бы равновесие между ними. В современном хозяйстве правильный выбор и установление правильных пропорций между исключительно разнообразными возможными инвестициями намного сложнее. Каждая инвестиция, например на угольной шахте или на бумажной фабрике, требует осуществления дополняющих капитальных вложений в производство средств производства и переработку продуктов. Как известно, именно механизм цен и процентов должен обеспечивать распределение капитала между отдельными предприятиями и отдельными инвестиционными программами, иными словами — осуществлять выбор. Но если существуют монополии, то этот регулирующий механизм не может функционировать в достаточно полной мере. В рамках монополии (и олигополии) вопрос о том, следует ли инвестировать вообще и в каком объеме, в определенной степени решает случай. В монополизированные предприятия может быть направлено слишком мало или слишком много капитала: *один* монополистический газовый завод может продолжать использовать устаревшее оборудование, *другой* — осуществить радикальное обновление и вложить в это большие капиталы. Здесь в известных рамках правит случай, зависимость от личных позиций руководителей. Когда администрация монополизированной железной дороги делает крупные займы на нужды электрификации отдельных участков дороги, то тем самым она может неправильно распорядиться капиталом. Может быть, этот капитал было бы лучше направить на дорожное строительство или вложить его в различные машиностроительные заводы или ткацкие фабрики и т.д. Но может случиться, что электрификация проводится чересчур поздно, и, учитывая возможности электроснабжения, было бы лучше осуществить ее намного раньше. Так или это или нет, трудно определить, когда речь идет о монополии. Механизм, регулирующий потоки капитала, работает неуверенно. Он напоминает неуверенное управление автомобилем. Вопрос о том, впишется ли производственный аппарат продавца-монополиста в систему равновесия инвестиций, решает случай.

Монополистические предприятия часто инвестируют относительно много, и они в состоянии быстро обновить производственный аппарат и привести его в соответствие с современным уровнем

технических знаний. Это наблюдение склонило отдельных авторов, например *Шумпетера*, к тому, чтобы рассматривать монополию продавцов как форму рынка, обладающую экономическим превосходством. По этой же причине и некоторые технические руководители нередко также склоняются к позитивной оценке монополии. Монополистическая фирма, производящая оборудование для обувных фабрик, может направить свою монопольную прибыль на инвестиции, использовать ее в интересах постоянного совершенствования машинного парка. В силу своего монопольного положения она в состоянии заставить обувные фабрики, а в конечном счете и покупателей обуви через монопольно завышенную цену на обувь предоставить в распоряжение фирмы средства, которые она использует на капиталовложения. «Принудительные накопления», или, точнее сказать, «принудительный отказ от потребления», порождаются не только современным кредитным аппаратом, но и монополиями. (При этом выясняется, что этот понуждаемый монополиями процесс накопления в отдельных монополистических формах рынка протекает в разнообразных формах.) Покупатель обуви, то есть потребитель, вынужден ограничивать свое потребление, иными словами, в известной степени отказываться также от потребления средств производства, с помощью которых изготавливают текстильные товары, строят квартиры и т.п. За счет других отраслей производства поток капитала направляется преимущественно на изготовление обувных машин. Быстрое обновление технического оборудования фирмы, выпускающей машины для обувных фабрик, может быть интересным в техническом отношении. Но с экономической точки зрения вопрос заключается в том, чтобы преодолеть ограниченность всех товаров в правильной пропорции. В силу монопольного положения фирме все же удастся направить больше капитала и сделать эти дополнительные инвестиции рентабельными. Не обладая монополией, фирма инвестировала бы меньше, машинный парк не обновлялся бы столь быстро, зато другие отрасли производства имели бы в своем распоряжении больше средств производства и, что в конечном счете имеет решающее значение, снабжение потребительскими товарами в целом было бы лучше. Восторженное отношение к техническому аппарату монополистов с экономической точки зрения, таким образом, не имеет смысла.

г) Теперь необходимо вернуться к монопольному предложению из текущего производства. Как-никак следует дополнить полученные до сих пор результаты. Поскольку создание производственного аппарата при наличии монополии лишено надежного регулирования, то и издержки, с которыми монополисту приходится считаться в рамках текущего производства, неправильно отражают ограниченность средств производства (с. 88). Фабрика по производству сахара, о которой мы говорили выше, газовый завод, железная

дорога и т.д. могут, будучи монополистами, нести большие издержки именно потому, что их производственный аппарат не соответствует пропорциям ограниченности или, скажем, технический аппарат чересчур примитивен или слишком расточителен.

Это обстоятельство весьма важно для объяснения действительности, а также для экономической политики. Кривые издержек при существовании монополий или при конкуренции не следует считать аналогичными. На монополистической фабрике по производству сахара издержки складываются, по-видимому, иначе, чем на аналогичных фабриках, предлагающих свою продукцию в условиях конкуренции. Это должна была бы учитывать и экономическая теория при сопоставлении общих, предельных и средних издержек, а также предельной выручки.

В равной степени большое значение данное обстоятельство имеет также с точки зрения экономической политики. В данном месте контроль за деятельностью монополий наталкивается на самое сложное препятствие. Он не может без лишних разговоров руководствоваться издержками монополиста. По всей видимости, эти издержки «неверны», то есть они не соответствуют фактическим пропорциям ограниченности. Сказанное распространяется на индивидуальные и коллективные монополии, к примеру на монополистический сталелитейный завод и на синдикат сталелитейных заводов, члены которого в борьбе за долю в общем сбыте понесли ошибочные издержки.

д) Если бы мы рассматривали страну с высоты птичьего полета, мы могли бы видеть эти феномены как бы в макроэкономическом срезе, и сразу обнаружилось бы, что каждый день запасы пшеницы, стали, кожи, хлеба и других используемых средств производства и потребительских товаров партия за партией текут в отдельные предприятия и домашние хозяйства. В связи с этим на металлургических заводах и обувных фабриках, в поместьях, на хлебопекарнях и на всех остальных предприятиях страны изо дня в день не прекращается текущее производство с использованием имеющегося производственного аппарата. Одновременно происходит медленное, но при продолжительном наблюдении четко различимое изменение всего производственного аппарата страны: возникают металлургические заводы, химические фабрики, дома и т.д. На базе бесчисленного множества планов и действий многих предприятий и домашних хозяйств в рамках порядков рыночного типа решаются в тесном переплетении эти тройственные задачи экономического регулирования. Каждое домашнее хозяйство и каждое предприятие решают их обособленно в интересах своей собственной сферы. Координация их деятельности является задачей механизма цен. Однако обнаружилось, что существование монополий нарушает координацию планов и действий всех этих предприятий и домашних хо-

зяйств в единый общественный экономический процесс равновесия и что приближение к состоянию всеобщего равновесия происходит лишь по воле случая, что экономический расчет всех индивидуальных хозяйств фальсифицируется и более не включается рациональным образом в совокупный процесс, что потребители оказываются окончательно низложенными.

Данный результат подтверждается и общеизвестным обстоятельством: заостренностью монопольных цен. В современной индустриальной экономике с быстрыми изменениями характеризующих ее параметров беспрестанно меняется также степень ограниченности товаров, а для приближения к состоянию всеобщего равновесия необходима адаптация путем длительного изменения цен. Но монополисту нет необходимости приспосабливаться. Пример: какое-нибудь техническое изобретение и его использование на монополистической электростанции делают возможным снижение тарифов, которые могли бы сыграть важную роль в дальнейшем экономическом развитии данного района. Однако монополистической электростанции нет нужды внедрять его, она оставляет тарифы неизменными. Разумеется, конец этой заостренности цен в известных условиях кладет борьба монополий.

3. Борьба монополий

а) Три нефтяных концерна или две железные дороги ведут борьбу между собой, частично монополистический цементный синдикат побеждает аутсайдеров, которые до этого существовали в тени синдиката. Синдикат заводов по прокату алюминия препятствует появлению нового завода, оказывая влияние на поставщиков оборудования, кредитодателей и потребителей. Это лишь некоторые примеры «борьбы монополий». Борьба монополий также являет собой поразительный феномен истории экономики XIX и XX вв. Конечно, и более ранние периоды экономической истории, например средневековые, тоже насыщены этой борьбой. Но сегодня и даже в XIX в. она обрела более крупные масштабы вследствие протекавшей индустриализации. Одним из наиболее важных средств борьбы монополий являются всевозможные барьеры: блокады поставщиков сырья, путей снабжения и сбыта, кредитов, потребителей, покупающих у противной стороны, патентов (блокированные патенты); забастовки и локауты равным образом представляют собой их разновидности. Более мягкими формами экономических барьеров являются договоры, предоставляющие исключительные права, и скидки с цены, которые предоставляются за длительные деловые связи и которые аннулируются, если потребитель осуществляет закупки у аутсайдера. Сильным орудием в борьбе монополий является сбивание цен,

так называемые «боевые цены». Еще в 1912 г. Кестнер дал наглядное описание борьбы монополий в Германии, а американская литература и критика деятельности трестов полна картин аналогичных явлений в Америке¹.

Раньше — во времена Сисмонди и Маркса и частично до начала XX в. — полагали, что такая борьба является симптомом полной конкуренции. Но истина как раз в обратном. Именно тогда, когда исчезает полная конкуренция, может начаться борьба монополий. Продавцы и покупатели в условиях полной конкуренции не способны и не готовы заниматься рыночной стратегией. Ведь если бы продавец высказался за блокаду покупателя, он нанес бы ущерб только самому себе. Теперь по этому вопросу существует полная ясность. Но другой вопрос все еще недостаточно полно разъяснен наукой. Морфологический анализ конкретной борьбы монополий ведется по-разному: например, борьба нескольких электроконцернов между собой протекает по-иному, чем частично монополистическая борьба одного концерна химической промышленности против мелких аутсайдеров, и по-другому, нежели борьба железнодорожной компании против синдиката вагоностроительной промышленности в рамках двусторонней монополии. Налицо отсутствие морфологического анализа конкретной борьбы монополий².

Впрочем, одно можно констатировать уже сегодня: в ходе борьбы монополий не соблюдается принцип издержек. Более того, его нарушают сознательно, чтобы нанести ущерб сопернику и навязать ему свою волю. Приблизительно так происходит тогда, когда частично монополистический цементный синдикат в борьбе против аутсайдеров набрасывает «боевые цены» на небольшую часть издержек или когда две борющиеся между собой судоходные компании снижают свои тарифы до едва ли достойной упоминания величины.

На отдельных рынках такие сражения монополий протекают быстро. В большинстве случаев они завершаются образованием монополий, или же возникает неустойчивое состояние олигополистического равновесия. Монопольная борьба Цементного синдиката

¹ F. K e s t n e r. «Der Organisationszwang», 2. Aufl., 1912, bearbeitet von O. Lehnich, 1927; F. B ö h m. «Wettbewerb und Monopolkampf», 1933. По проблемам теоретического анализа см.: L. M i k s c h. «Zur Theorie des Gleichgewichts». — «ORDO», 1948, 1; H. v o n S t a c k e l b e r g. «Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre», 1948.

² По данному вопросу см.: H. v o n S t a c k e l b e r g. «Marktform und Gleichgewicht», 1934; R. T r i f f i n. «Monopolistic Competition and General Equilibrium Theory», 1941; H. M ö l l e r. «Kalkulation, Absatzpolitik und Preisbildung», 1941; E. C h a m b e r l i n. «Theory of Monopolistic Competition», 3. Aufl., 1938.

оканчивается вступлением аутсайдера в синдикат, либо его покупают, а судоходные компании, ведущие борьбу друг против друга, могут на время вернуться к безоговорочному устойчивому равновесию до тех пор, пока позже вновь не разгорится борьба и не возникнет картель или одна из компаний не откажется от спорных притязаний на спорную линию и не отступит.

Хотя борьба монополий на отдельных рынках и не становится хроническим явлением, она в экономике в целом, насчитывающей десятки тысяч рынков, есть постоянное явление при условии, что там существуют монополистические или олигополистические формы рынка. Всегда встречаются монополии, защищающиеся от грозящей им конкуренции, или же существуют частичные монополии либо олигополии, внутри которых разворачивается борьба. Эта борьба приводит к ценам, которые не показывают степень ограниченности товаров, то есть отрицательно сказывается на эффективности механизма цен. И даже тогда, когда в подобных формах рынка наступает состояние неустойчивого равновесия, функциональная способность механизма цен нарушается. К примеру, когда олигополистические производители насосов удерживают определенные цены, поскольку любая фирма не хотела бы своим снижением цен вызывать принятие конкурентами ответных мер, соответствующих рыночной стратегии. Даже в этом случае в высшей степени мало вероятно, что их цены соответствуют предельным издержкам.

б) В ряде случаев — не всегда — борьба монополий имеет своей целью «закрытие» рынка. Например, оборонительная борьба алюминиевого синдиката против попыток аутсайдера построить новый прокатный цех. Угроза блокады поставщиков оборудования, кредитная блокада (рестрикции) и т.п. практически упраздняют свободу занятия промыслом. Устраняя многочисленные унаследованные от прошлого привилегии, права принуждения, объединения городских ремесленников и т.д., либеральная экономическая политика намеревалась создать открытые рынки, чтобы сделать возможными добросовестную конкуренцию достижений и отбор предпринимателей по результатам их деятельности. Однако «недобросовестная конкуренция» через соответствующее законодательство нередко делает открытие рынков неэффективным и препятствует конкуренции результатов.

в) Добросовестная конкуренция напоминает соревнования по бегу. Параллельные усилия должны способствовать росту достижений каждого индивида, а на финише решающее слово должно остаться за потребителем. Отбор фирм, их руководителей, а также технических и коммерческих приемов работы должен происходить в рамках этой добросовестной конкуренции. Прибыли, потери и банкротства в рамках соперничества результатов должны иметь

свой смысл. Решать проблему должна проверка на обеспеченность потребительскими товарами.

Но в борьбе монополий решающим является не произведенная для покупателей продукция и не предоставленные им услуги, а прочность положения, дающего власть. К примеру, в олигополистической борьбе двух судоходных компаний исход борьбы определяет величина резервов, от которых зависит способность долго или недолго выдерживать «боевые цены». Даже в борьбе частично монополистического концерна по производству сигарет против более мелких преуспевающих фирм также решает не соревнование достижений, а дающая власть позиция концерна, который работает, практикуя заключение с поставщиками сырого табака договоров, предоставляющих исключительные права, устанавливая множество барьеров торговцам, приобретающим сигареты у конкурентов. Борьба монополий не только представляет собой нечто отличное от добросовестной конкуренции, но и препятствует ей. Это обстоятельство большого правового и политико-экономического значения. Но здесь либеральная экономическая политика XIX и начала XX в. оказалась в плену противоречий: она обеспечила свободу борьбе монополий и тем самым способствовала тому, чтобы оттеснить на задний план добросовестную конкуренцию, к которой сама и стремилась.

Сохраняет свою силу следующий принцип: тот, кто стремится обеспечить борьбу монополий, ставит препоны развитию добросовестной конкуренции. Тот же, кто хочет добиться добросовестной конкуренции, не может одобрять борьбу монополий и обеспечивать ведение ее.

г) Чем больше плодится в стране монополий, тем значительнее возникающие нарушения равновесия. Ведь чем больше монополий, тем выше вероятность того, что станет распространяться форма рынка двусторонней монополии. Если бы мы представили себе экономику, в которой повсеместно существуют монополии, то такая экономика была бы полностью лишена равновесия. Все группировки в сельском хозяйстве, промышленности и т.д. заняли бы по отношению друг к другу боевые позиции. Вполне возможно, что подобный экономический порядок своего рода «групповой анархии» довольно быстро превратился бы в экономику с централизованно регулируемым совокупным процессом.

Б. Распределение и социальная защищенность

1. Рынки рабочей силы

а) В 1931 г. прусский министр торговли *фон Шукман* поднял вопрос о принятии закона, законодательно запрещающего так называемую «траксистему» — систему частичной или полной оплаты

труда рабочих продуктами собственной фабрики. Он натолкнулся на сопротивление других министров, один из которых заявил, что «предложенная мера находится в противоречии с принципами правдиво понятой свободы занятия промыслом». На это фон Шукман возразил: «Свобода занятия промыслом ищет и находит себе защиту в большинстве случаев в конкуренции, а там, где последняя может иметь место, нет никакой нужды в опеке со стороны государства. Однако в редких случаях там, где конкуренция по природе вещей невозможна и где, естественно, исчезает тот противовес, который, по намерению законодателя, должен без всякого вмешательства с его стороны привести вещи в состояние равновесия, необходимо, чтобы законодатель все же вмешался». «Во всей Силезии нет, например, никакой другой бумагопрядильной фабрики, кроме как в графстве Глатц, где 400 мальчиков, девочек, женщин, не годных к иной работе по своему возрасту и квалификации, не имеют никакого другого выбора, кроме как только работать на этой фабрике или же не иметь никакого занятия. Здесь хозяин фабрики может перегнуть палку, требовать приложения нечеловеческих усилий в использовании рабочего времени и достижений конечных результатов труда, а заработную плату из года в год, в плохие и хорошие времена выдавать лишь номинально в рамках системы частичной или полной оплаты труда в натуральной форме; он может установить себе право монополии, право принуждения в торговле съестными припасами и различной продукцией, не опасаясь, что его свободные рабочие решатся заявить ему об уходе или, что еще вероятнее, сжечь дотла его фабрику».

Что же это было? Монополия покупателей на рынке рабочей силы. В прошлом она была широко распространена. В рамках подобной монополии заработная плата может быть понижена работодателем без точно обозначенного предела, а рабочие получают лишь такую часть социального продукта, которая намного меньше, чем это было бы, если бы конкуренция и на стороне работодателей привела заработки в состояние равновесия. При этом часто давал о себе знать *circulus vitiosus*¹: чем ниже падала заработная плата, тем ограниченной становилось состояние, которым располагал рабочий, и тем сильнее было принуждение работать больше или же заставлять работать жену и детей. Рост предложения при снижении заработной платы, то есть аномальная реакция предложения, продолжал ухудшать положение рабочих и укреплял власть покупателей-монополистов.

Неудивительно, что при таких и сходных обстоятельствах идея свободного порядка, которая не деле не принесла никакой свободы, натолкнулась на сопротивление рабочих.

¹ Порочный круг (лат.).

6) С индустриализацией многие рабочие утратили собственность на средства производства, на которых они работали и которыми они обладали на мелких ремесленных или сельскохозяйственных предприятиях или в собственных натуральных хозяйствах. Все больше проявлялся разрыв между домашним хозяйством и предприятием, которые были объединены как в небольшом предприятии, так и в собственном натуральном хозяйстве. Правда, этот разрыв неоднократно наблюдался в прошлом, теперь же он стал широко распространенным явлением.

Этот момент *Маркс* сделал главным в своем анализе и критике «капиталистического способа производства»: «Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы»¹. В результате этого процесса преобразований рабочие якобы становятся пролетариями, которые эксплуатируются капиталом. Отторжение частной собственности на средства производства от рабочих является для *Маркса* главным обстоятельством, которое позднее преодолевается в результате неизбежного развития в эпоху кооперирования и совместного владения произведенными средствами производства, то есть только тогда, когда рабочие вновь будут связаны со средствами производства.

Маркс перенес центр тяжести необходимой самой по себе критики не туда, куда следовало бы. Решающим было не то обстоятельство, что машина не принадлежит рабочему, а то, что покупатели труда, которым принадлежали машины, предъявляли спрос в рамках монополистических форм рынка. Конечно, развитие собственности на средства производства являлось предпосылкой возникновения нового социального вопроса. Но характер последнего определялся формами рынка рабочей силы. Из-за монополистической или частично монополистической позиции предъявляющих спрос предпринимателей рабочий получал в качестве заработной платы отнюдь не предельный продукт своего труда. Бедственное положение рабочих, которое *Маркс* изобразил убедительно и верно, было объяснено им неправильно. *Маркс*, проводя анализ, допускает промах в решающем пункте своей системы, а именно тогда, когда он проигнорировал формы рынка. В той же малой степени, в какой отторжение труда от собственности на средства производства породило в XIX в. социальный вопрос, оно могло быть преодолено путем создания коллективной собственности на средства производства. То, что бедственное положение индустриальных рабочих того времени

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 772.

объяснялось не так, как считали *Маркс* и его последователи, подтверждается дальнейшим ходом развития.

в) С середины XIX и до начала XX в. положение рабочих существенно улучшилось. Разумеется, не потому, что было устранено отчуждение рабочих от средств производства. Наоборот, оно продолжало существовать и дальше. Решающим обстоятельством был скорее рост производительности человеческого труда в результате углублявшейся механизации. В каждой стране, вставшей на путь индустриализации, жизненный уровень повысился. Там же, где индустриализация запаздывала или только еще начинается, как это происходит во многих странах Восточной Азии, положение со снабжением намного хуже. Повышение предельной производительности труда является, следовательно, одним из решающих обстоятельств.

Имеется еще одно обстоятельство. Отныне рабочие получают несколько большую часть совокупного продукта. И прежде всего потому, что меняются формы рынка на рынках рабочей силы. Как дошло до этого? Решающие импульсы исходили с двух сторон. Совершенствование транспорта, средств связи и посредничества в найме рабочей силы способствовали расширению рынка труда. Влияние такого развития было весьма большим. Оно повернуло многие рынки рабочей силы, отвечавшие условиям монополии и частичной монополии покупателя, в направлении становления рынков с ориентацией на полную конкуренцию. При этом само подобное развитие лишь частично обуславливалось намерением помочь рабочим, например в тех случаях, когда в какой-нибудь горной долине прокладывалась дорога, дававшая местным жителям возможность работать на расположенных по соседству фабриках или горных предприятиях. Но даже если это случалось непреднамеренно, трудно переоценить социальное значение происходившего.

Кроме того, создание профессиональных союзов, ставшее возможным благодаря обеспечению свободы создания коалиций (союзов, ассоциаций, объединений), также способствовало трансформации рынка рабочей силы в другие формы рынка. Отныне работодателям противостояли не отдельные конкурирующие между собой рабочие, а группы рабочих, к примеру частично монополистический профсоюз или многочисленные частично олигополистические группы объединившихся рабочих. Несомненно, что и это преобразование рынка рабочей силы увеличило долю рабочих в социальном продукте. Это влекло за собой, естественно, новые проблемы, поскольку развитие рынков рабочей силы в направлении двусторонней монополии создавало новые трудности, связанные с политической упорядоченностью. Рынки вновь вышли из состояния равновесия, о чем свидетельствовали забастовки и локауты. На смену односторон-

ней властной позиции пришла двусторонняя. Продолжалось разделение общества на классы. Такие формы рынка на рынках рабочей силы во многих странах, к примеру в Германии, долго не удерживались, но они сформировали тенденцию к дальнейшим преобразованиям, к государственному вмешательству, к установлению государством размеров заработной платы и даже к государственному централизованному регулированию использования рабочей силы¹.

2. Общий порядок

а) Не только рынки рабочей силы и формы рынка, которые реализованы на них, оказали влияние на развитие социального положения рабочих. Намерение объяснить социальный вопрос только под углом зрения рынков рабочей силы означало бы формальный, а потому и недостаточный способ рассмотрения. В силу интердепенденции всех экономических явлений спрос на рабочую силу зависит от хода совокупного экономического процесса. Эту мысль можно сформулировать и так: не только от формы рынка, в которой рабочий находится на рынке рабочей силы, но также и от положения и эластичности кривой спроса, зависящей от всех остальных экономических процессов. В промышленном округе, например на рынке труда текстильщиков, может доминировать почти полная конкуренция и все же не исключается возможность возникновения безработицы. Почему? Причиной тому могут быть сдвиги в спросе, технические усовершенствования, которые в других промышленных округах были реализованы быстрее, равно как и другие изменения параметров. Безработица такого рода — преходящее явление, если только функционирует механизм цен. Другая группа причин более важна, в том числе и с точки зрения экономической политики. Ведь безработица может возникнуть потому, что механизм цен функционирует в недостаточной степени и он не в состоянии установить общее равновесие. Безработица текстильщиков может быть вызвана, к примеру, тем, что монетарно протекает кумулятивный процесс контрактации, в связи с чем происходит уменьшение спроса на текстильные товары. Это может происходить также и потому, что продолжительная забастовка угольщиков вынуждает текстильные фирмы останавливать производство. В подобных случаях, когда отказывает механизм регулирования, забастовка может продолжаться длительное время.

¹ По данному вопросу см.: N. F e r y. «Morphologische Studie über das Gewerkschaftsproblem», Freiburger Diss., 1949; R. v o n S t r i g l. «Angewandte Lohntheorie», 1926.

Теперь мы знаем, что успешное функционирование механизма цен зависит от претворенных в жизнь денежных систем и форм рынка. Реализация третьей денежной системы¹ создает двойную угрозу социальной защищенности. Или же это обусловливается кумулятивным процессом контрактации, которая нарастающим итогом сокращает количество предлагаемых рабочих мест. Так, это наблюдалось во время мирового экономического кризиса 1929—1932 гг. Иным образом кумулятивная экспансия денег угрожает социальной защищенности. Правда, в эпоху экспериментов кредитные экспансии осуществляются как раз с целью преодоления безработицы и создания рабочих мест. Но в силу продолжающейся экспансии денежной массы обесцениваются сбережения рабочих. Таким образом, защищенность отдельно взятого домашнего хозяйства рабочей семьи ослабляется в решающем месте. Нестабильность денег независимо от того, проявляется ли она в кумулятивной контрактации или экспансии, является существенной причиной социальной незащищенности в современной экономике. Если бы ее не было, социальный вопрос выглядел бы сегодня по-иному.

б) Итак, в экономических порядках рыночного типа решающими для степени социальной защищенности и для процесса распределения являются два момента: *рынки рабочей силы с их структурой упорядочения и формы порядка, которые доминируют в совокупном порядке в качестве форм рынка и денежных систем*. От них зависит также, получит ли рабочий цену, отвечающую стоимости его производительного труда, то есть его вкладу в снабжение потребительскими товарами, или нет, то есть «эксплуатируется» он или нет. Оба момента должны иметь решающее значение для экономической и социальной политики. Вышесказанным мы затронули основной аспект социального вопроса.

В. Правовое государство. свобода

Государство должно подчиняться праву. «Оно само должно действовать и двигаться в рамках разума и права» (*фон Моль*). Поэтому государство обязано признавать и защищать сферы свобод и прав каждого гражданина. В этом заключается основная идея правового государства. При этом правовое государство обязано защищать права своих граждан от двух опасностей: от принудительной власти государственных административных органов, которые на протяжении всей истории человечества — в одних случаях больше, в других меньше — проявляли тенденцию нарушить личные свободы человека яко-

¹ См.: W. E u s k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., 1950, S. 120 ff.

бы в общественных интересах, и одновременно от взаимных угроз граждан. Идея правового государства как противовеса государству принуждения существует давно. В древние времена оно встречается не только в греческой философии и в реальной жизни некоторых греческих государств, но также в германских и других государствах. Формы меняются, и существуют различные типы правовых государств. Но оно является исторически универсальным феноменом, возникающим повсюду там, где к реализации свобод подходят со всей серьезностью. Так будет происходить и в будущем.

В наше время с переменным успехом прилагались значительные усилия, чтобы реализовать идею правового государства. Его формированию должно служить разделение трех видов государственной деятельности — законодательной, исполнительной и судебной власти, — причем это разграничение оформляется организационно. Сказанное относится и к конституционным гарантиям основных прав, например права свободного передвижения и повсеместного проживания, свободы собственности, свободы слова и мнений и вообще свободы личности. И далее: установление подсудности административным судам, которым надлежит стоять на страже использования принципа законности администрации. Для защиты от превышения полномочий одних граждан над полномочиями других в современном правовом государстве устраняются все отношения зависимости от землевладельцев, а свобода собственности защищается от произвола не только государственных административных органов, но и от сограждан, если они обладают весом и влиянием в обществе.

2. XIX и начинающийся XX в. отмечены следующим крупным историческим явлением: вся конституционная и правовая политика становится на службу претворения в жизнь идеи правового государства¹. Одновременно в политико-экономическом отношении осуществляется политика *laissez-faire*. В мышлении политико-правовыми и политико-экономическими категориями, а также в деятельности с использованием этих категорий наблюдался параллелизм, имеющий принципиальное значение. Ведь опора на исторический опыт этого времени позволяет найти ответ на вопрос: *совместимы ли правовые порядки правового государства с экономическими порядками, вытекающими из политики laissez-faire?* Или же: в какой степени они совместимы? Этот важный вопрос мы выхватываем из комплекса вопросов, касающихся взаимозависимости порядков. Изучение истории позволяет и по этому существенному пункту найти ответ на один принципиальный вопрос. Можно ли образование

¹ По этому вопросу см., например: B. G n e i s t. «Der Rechtsstaat», 2. Aufl., 1879; Fr. S c h n a b e l. «Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert», 2. Bd., 2. Aufl., 1949, S. 124 ff.

форм хозяйствования в индустриализированном мире оставлять в руках самих хозяйствующих субъектов, даже если возникают монополии или олигополии, то есть если не рассматривать экономический порядок как проблему политики упорядочения и одновременно создавать правовое государство.

3. Ответ должен быть двояким, и этим объясняется его важность.

В качестве институтов правового государства в XIX в. могли развиваться: основные конституционные права, разграничение государственных властей, подчинение закону органов управления и контроль за их деятельностью, осуществляемый административными судами. Следовательно, в этом отношении в эпоху политики экономического либерализма можно было реализовать правовое государство. Правовое государство и экономические порядки, развивающиеся в рамках этой экономической политики, были в этом отношении совместимы. Отдельно взятый человек в тот период был в значительной мере защищен от актов насилия и произвола со стороны государственных органов.

И все же в эту эпоху правовое государство не могло быть превращено в жизнь в полной мере. И как раз потому, что монополии и борьба монополий перечеркивали планы его построения. При этом решающее значение имели два момента.

а) Там, где существуют монополии, например монополии покупателей на рынке рабочей силы, личная свобода, несмотря на все основные конституционные права, весьма ограничена. Рабочие Силезии, о которых сообщает *Шукман*, и многие другие рабочие Англии и Германии, которым в начале и середине XIX в. противостояли работодатели, выступавшие в качестве монополистов-покупателей, не обладали свободой личности. Даже гарантия основных конституционных прав не могла помочь им. Вопрос мог быть решен только путем изменения форм рынка. Полностью обоснованной была критика социалистов, утверждавших, что многие рабочие являются свободными только формально, а на деле этой свободой не обладают. Однако не мифическая фигура «капитализма» препятствовала реализации основных прав, а существование определенных форм рынка.

Гарантия свободы занятия промыслом практически аннулировалась и аннулируется тогда, когда барьеры закрывают доступ к рынку. Право на свободное передвижение и повсеместное проживание существует лишь формально, если, например, американский рабочий-металлист на деле не может переехать в города, в которых профсоюз, членом которого он является, не принимает его и в которых по этой причине он не находит работы. Ссылка на охраняемую правом личную свободу служит в таких случаях только для того, чтобы устранять гарантированную и охраняемую правом свободу других лиц.

Фирма, которая намеревается торговать цементом, лишь формально обладает свободой занятия промыслом, если цементный синдикат не допускает никаких поставок ей, то есть блокирует эту фирму. Цементный синдикат кичится правом на свободу заключения договоров: члены синдиката обладают, мол, охраняемой правом свободой объединяться. И ради реализации этой охраняемой правом свободы та же свобода других, а именно торговцев, аннулируется. Охраняемая правом свобода одних отменяет охраняемую правом свободу других. Или другой пример. Законодательство государств предоставило отдельным лицам свободу создания коалиций (союзов, ассоциаций, объединений). Но если частные властные корпорации промышленников или рабочих оказывают принуждение к вступлению в эти союзы или организации, то есть заставляют индивидов присоединиться к коллективу, свобода создания коалиций превращается в систему принуждения к созданию подобных союзов.

Функции правовых институтов варьируются в зависимости от формы рынка и структуры экономического порядка ¹. К примеру частная собственность на машиностроительном заводе всякий раз является иной в зависимости от того, как он предлагает свою продукцию, работая в условиях конкуренции или обладая монополией. В первом случае частная собственность не конституирует никак частной власти, и поскольку инструмент принуждения экономической блокады не принимается во внимание, то и обязанность заключения договора не является политико-правовой проблемой. Если частная собственность конституирует монопольное положение, то с ней связана и частная власть. Угроза экономической блокады и других мер принуждения означает, что ограничение сфер свободы покупателей или рабочих становится возможным, а это в критических ситуациях в прошлом и сейчас несовместимо с основной идеей правового государства.

б) Тот, кто сегодня пользуется услугами железной дороги, заключает договор страхования, пользуется газом и электроэнергией, вступает в деловые отношения с банком и т.д., к своему изумлению, обнаруживает, что для всех этих и многих других деловых отношений имеет силу не установленное государством право, а общие условия сделок, принятые страховыми компаниями, железной дорогой, банками и т.д. Созданное самой экономикой право вытеснило государственное право в обширных сферах: на рынках средств производства и потребительских товаров. Общие условия и торговые обычаи, сложившиеся в процессе ликвидации пробелов в законодательстве, касающемся рынков, например по-

¹ См. по этому вопросу: W. E u c k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., 1950, S. 240 f., а также с. 166 настоящей работы.

ложений, регулирующих мировую торговлю, являются крайне необходимыми. Однако общие условия сделок приобретают совершенно иной характер, если разрабатываются и проводятся в жизнь монополистическими объединениями. Ассоциация банков, сахарный синдикат, трамвайная компания и т.д. могут реализовать свое автономное право, так как их клиенты зависят от них. Это право деловых сделок, установленное частной властью, обладает силой принуждения. «На договоры купли-продажи, которые сегодня заключает отдельно взятый торговец с поставщиками из различных отраслей, действие государственного права распространяется лишь в постоянно уменьшающемся объеме, но зато имеет силу немислимо пестрый набор «прав» бесчисленных объединений и отдельных влиятельных фирм. Наибольшую обеспокоенность вызывает содержание этого права. Ведь в то время как в условиях политической раздробленности порядок регламентирования права купли-продажи и кредитного права в «Общем своде законов Пруссии», «Общем праве», «Праве гражданского кодекса Франции» и в правовых уложениях других стран всегда диктовался стремлением обеспечить *справедливое выравнивание* интересов (переход риска, ответственность за недостатки в исполнении принятого на себя обязательства, последствия просрочки или невозможности исполнения обязательства и т.п.), в среде авторов условий сделок союзов компаний, распределяющих между собой рынки сбыта и т.д., преобладает тенденция односторонне изменять распределение прав и обязанностей в пользу одной из сторон на рынке. Таким образом, создается не право, а произвол. Соглашение о *третейских судах* во многих случаях достигалось, по-видимому, для того, чтобы избежать нежелательной интерпретации типового права государственными судами. Экстраординарное распространение подсудности третейскому суду имело также тот результат, что государственная юстиция стала все больше и больше вытесняться обстоятельствами картельно-правового и рыночно-правового характера. Ведение примирительного (арбитражного) производства по поводу нарушений картельных соглашений нередко принимало к тому же чисто *уголовно-процессуальный* характер: под видом процессов по рассмотрению дел, связанных с возмещением вреда или ущерба, а также с выплатой неустоек, обусловленных договором, на деле имело место частное уголовное судопроизводство»¹. Устанавливая право, частные властные

¹ F. B ö h m. «Ordnung der Wirtschaft als geschichtliche Aufgabe und rechtsschöpferische Leistung», 1937, S. 158. По данной проблеме см. также: H. G r o s s m a n n - D o e r t h. «Selbstgeschaffenes Recht der Wirtschaft», 1933; еро же «Die Rechtsfolgen vertragswidriger Andienung», 1934; L. R a i s e r. «Das Recht der Allgemeinen Geschäftsbedienungen», 1935.

структуры могут частично отменять правовую защиту, которую правовое государство предоставляет своим гражданам.

Итак, эта защита одного индивида от произвола других — в результате образования монополий и частичных монополий — была двояким образом ограничена или даже ликвидирована, хотя конституционные гарантии правового государства XIX в. уже полностью сформировались: вследствие экономической и политической зависимости индивида от носителей частной власти и, кроме того, в силу издания правовых норм, которое осуществлялось частными властными структурами в своих общих условиях сделок. В качестве задачи государства *Кант* рассматривал ограничение абсолютной свободы естественного состояния (*status naturalis*) с помощью законов, в рамках которых отдельно взятый человек был бы защищен от произвола других, что сделало бы возможным мирное сосуществование — *status civilis*, — в котором все могли бы развивать свои способности. Эта цель в XIX и начале XX в. не была достигнута, как раз из-за наличия частных носителей экономической власти. Например, у надомного работника, зависящего от одного *издателя* и в качестве квартиросъемщика, подчиняющегося праву, созданному объединениями домовладельцев, сфера свобод была невелика, хотя и на него распространялись конституционные правовые гарантии.

4. Итак, если государству удавалось защитить своих граждан от произвола самого государства, то ему не удавалось защитить отдельно взятого гражданина от произвола других граждан. (Обратная картина наблюдается в экономических порядках централизованно управляемого хозяйства, в которых люди не имеют защиты именно от государства, в то время как частная власть не играет там решающей роли.)

В современном индустриальном мире правовое государство реализуется, следовательно, лишь односторонне, если оно оставляет образование хозяйственных форм за самим процессом развития. Позднее, в XX в., государства даже стимулировали формирование частной власти, проводя соответствующую торговую политику, учреждая принудительные картели и т.д. Тем самым они сами одной рукой создавали угрозу правовому государству, которое они стремились сохранить другой рукой, например путем разделения властей, установления основных прав и т.п. В общем и целом имеет силу следующее: *правовое государство может быть реализовано в полном объеме только там, где наряду с его государственно-правовым порядком претворен в жизнь «адекватный» экономический порядок*. Однако монополии и частичные монополии неадекватны правовому государству и не могут, следовательно, быть составными частями подобного экономического порядка.

Здесь речь шла лишь о взаимосвязи между правовым государством и монополией. Кроме того, существует большая проблема, а именно проблема того, как монополии влияют на политическую структуру современного государства вообще, и прежде всего на *формирование воли* государства. Это влияние распространяется довольно далеко. Разговор об этом пойдет ниже. Тогда выяснится, что образование монополий буквально трансформировало государство¹.

В основу экономической политики *laissez-faire* была положена благородная идея. Свобода должна быть предоставлена для того, чтобы развивался естественный богоугодный порядок. Мыслители, давшие импульс этому, имели оправданную антипатию к тому, чтобы строить там, где следовало бы допустить самопроизвольное развитие, и вмешиваться сверху там, где достаточные формы сами образуются снизу. Действуя спонтанно, люди, как это, к примеру, описывает *Смит*, дали возникнуть разделению труда, обмену, накоплению, деньгам и конкуренции, а свободные силы отдельно взятых людей приводили к корректному ценообразованию в спросе и предложении. Так, в конечном счете мудрость природы пронизывает все экономические процессы, а влияние «невидимой руки» проявляется во внутренне присущих им законах. Следовательно, экономическая свобода имеет для этих экономических деятелей двойное значение: она является основой достойной человека личной жизни индивида и одновременно позволяет осуществиться плану сотворения, из которого вытекают определенные естественные законы экономики. Но реальное развитие показало, что по этим двум направлениям экономическая политика не достигла *того*, чего хотела. Оказалось, что обеспечение свободы может стать угрозой для этой свободы, если она делает возможным формирование частной власти, что свобода разбудила колоссальные силы, которые, однако, могут оказывать разрушающее влияние на свободу. И свободный естественный порядок не возникает просто потому, что экономическая политика оставляет свою реализацию за самим процессом развития. Он возникает только тогда, когда сама экономическая политика станет ориентироваться на это.

III. ВЫВОДЫ

Ведение критической дискуссии относительно принципа *laissez-faire* было продиктовано намерением, используя накопленный политико-экономический опыт, определить основные направления

¹ По вопросу о том, приводит ли процесс развития неизбежно к появлению монополии в современной экономике, см. гл. XII—XV.

экономической политики. Оказалось, что фактически анализ и критика этого периода экономической политики позволили накопить точно ограниченный опыт, который подготавливает разработку позитивных политико-экономических принципов.

Принципиальная отличительная черта экономической политики состояла, как выяснилось, в том, что она оставила за индивидами не только создание правил игры, структуры или тех форм, в которых ведется хозяйство, но и повседневную борьбу за количество и цену, то есть сам экономический процесс. Она предоставляет свободу борьбе за формы экономического порядка, если только это соответствует определенным принципам права. Сказанное отражает отношение к экономической политике, в рамках которой взаимоувязка деятельности предприятий и домашних хозяйств отдается в руки индивидов, свободно осуществляющих планирование.

Экономическая политика, если она следует принципам *laissez-faire*, должна, однако, считаться со следующими последствиями.

1. Реализуются самые разнообразные формы рынка и денежные системы.

В зависимости от претворения в жизнь форм рынка и денежных систем координирование деятельности индивидуальных хозяйств осуществляется по-разному. Автоматический механизм цен меняется с изменением форм, в которых они образуются. Могут возникнуть монополии и олигополии, а также денежные порядки, в рамках которых денежное обеспечение в большей или меньшей степени связано с кредитованием. Обе тенденции весьма опасны.

2. Нарушения равновесия постоянно возникают как раз в индустриализированной экономике и являются неизбежными. Они порождаются техническими новшествами, перемещениями населения, неустойчивостью урожаев и изменениями других параметров. Здесь ничего не изменить. Эти нарушения необходимо устранять с тем, чтобы экономический процесс быстро приблизить к новому состоянию равновесия. Это задача системы регулирования, которая встроена в экономический порядок индустриализированного хозяйства. Она должна функционировать как стабилизатор.

Но выяснилось, что одной системы регулирования недостаточно, чтобы постоянно восстанавливать равновесие, если реализована третья денежная система, которая даже может привести ко все большему удалению от состояния равновесия, а также если существуют олигополистические или монополистические формы рынка. Итак, возникает вопрос, выполняют ли другие денежные системы и формы рынка эту задачу устранения нарушений равновесия и како-

вы эти формы. Тем самым одновременно затрагивается сама суть проблемы конъюнктурной политики.

3. Эти лишенные равновесия формы порождают тенденцию к тому, что государственные органы вмешиваются посредством централизованного управления в экономический процесс. Следовательно, они нестабильны в той мере, в какой они подталкивают к превращению в другие формы порядка. Если, например, угольная или сталелитейная отрасли промышленности объединяются в синдикаты, то подчинение этих отраслей государственному управлению становится актуальным. Проведение в жизнь принципа *laissez-faire* порождает тем самым тенденцию к его аннулированию.

4. Но этот опыт ни в коей мере не доказывает, что методы рыночного хозяйства вообще не оправдывают себя, что механизм цен вообще неспособен выполнять задачу регулирования и что регулирование повседневного экономического процесса должно быть изъято у рынка и механизма цен. Скорее только отдельные формы рынка и денежные системы не оправдали себя.

Образование экономических порядков не следует пускать на самотек. Другие формы рынка и денежные системы, возможно, зарекомендуют себя. Здесь у экономической политики есть большой шанс, правда, если только она приступит к созданию условий, в которых могут развиваться способные функционировать формы рынка и денежные системы.

Глава V

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Со времени войны 1914—1918 гг. мировая экономическая политика вступила в новую эру. Этот поворот был подготовлен интервенционистской экономической политикой последних предшествовавших ей десятилетий. Тем не менее он произошел неожиданно.

1. Эта новая эра принесла с собой все же отход от экономической политики *laissez-faire*. Однако он заключался не в том, что исчезли или отошли на задний план подвергавшиеся критике неравновесные формы рынка и денежные системы. Произошло обратное. Экономическая политика во многих странах была ориентирована на создание монополий и стимулирование их деятельности, а денежное обеспечение в условиях ликвидации золотого стандарта универсально увязывалось с кредитованием.

Однако отход от политики *laissez-faire* осуществлялся и в другом направлении: экономический процесс и экономический порядок не отдаются в руки частных лиц, а в большей или меньшей степени определяются государством.

2. Во всех странах проводятся эксперименты: в Германии, США, Англии, Франции, России, Швеции, если называть только некоторые из них. Всюду появляется новый тип хозяйственного политика, а именно — экспериментатор. Однако повсеместно эксперименты носят свой особый, национальный характер. В Германии они начались во время войны 1914 — 1918 гг. с попыток централизованного управления экономикой, с принятия в 1919 г. закона о социализации. Через многочисленные промежуточные стадии эти эксперименты привели к политике обеспечения полной занятости, проводившейся в жизнь с 1933 г., и к экономической политике централизованного регулирования экономического процесса после 1936 г. Этот эксперимент, сопровождавшийся неоднократными изменениями предписаний об экспериментах, продолжался до 1948 г. В России первым экспериментом стала политика так называемого военного коммунизма, за ним последовала новая экономическая политика (нэп), на смену которой начиная с 1928 г. пришла экономическая политика централизованного планирования, прошедшая в ходе эксперимента многочисленные стадии. В США процесс шел от политики установления стабильного уровня цен 20-х годов через периоды Нового курса Рузвельта и экономической политики военного времени к политике обеспечения полной занятости, проводившейся в жизнь с 1945 г. Так на смену одному эксперименту приходит другой. Но поскольку каждая страна проводит *свои* эксперименты, то мировая экономическая политика теряет то единообразие, которым она обладала до 1914 г. Стоит только сопоставить между собой США, Россию, Англию и Голландию 1949 г. Во всех этих странах претворялись в жизнь совершенно различные концепции экономической политики.

Правда, иногда эксперименты, проводившиеся в одной стране, оказывали стимулирующее воздействие на эксперименты в других странах. Так, проводившийся Муссолини начиная с 1926 г. эксперимент корпоративной экономики¹ дал импульс политике Нового курса Рузвельта, которая была, правда, кратким эпизодом, а также оказал влияние на попытки установления корпоративного порядка в Германии после 1933 г. Но здесь и там преемники уходили от сво-

¹ Относительно этого интересного эксперимента помимо прочего см. сб. «Korporative Wirtschaftstheorie», hrsg. von W. Fossali, 1938, а также научную статью Э. фон Беккера та по поводу данного сборника в «SCHMOLLERS Jahrbuch 67», Jahrgang 1943, 1. Halbband.

их предшественников так далеко, что никакого единого стиля экономической политики и в этих странах не возникало.

Это как раз и является решающей отличительной чертой эпохи: почти необозримое разнообразие экспериментов.

3. Еще один отличительный признак состоит в том, что эти эксперименты были, как правило, сымпровизированы. В своем подавляющем большинстве они заранее не продумывались в деталях с тем, чтобы в последующем последовательно претвориться в жизнь. *Ленин* не имел никаких представлений о проблеме экономического регулирования, когда в 1917 г. под его руководством в России был совершен переворот и тем самым начался крупный экономический эксперимент. Лишь после его проведения он начал замечать, какой вид приняла эта проблема¹. Экономическая политика в Германии после 1933 г. начиналась с кредитной экспансии при одновременном замораживании валютных курсов. Это имело последствия, которые привели к вмешательству государства, присущему централизованно управляемой экономике, позднее к общему замораживанию цен и, наконец, к быстрому распространению методов централизованно управляемой экономики.

Именно давление насущных проблем давало и дает толчок к проведению экспериментов в других странах: падение цен на сельскохозяйственную продукцию, безработица, сокращение экспорта и прочие трудности. Наиболее мощным был импульс, порожденный великим кризисом 1929—1932 гг. Отныне основной идеей всех политико-экономических экспериментов становится предотвращение возможного повторения подобной катастрофы. Этот кризис произвел шоковый эффект, последствия которого будут ощущаться еще длительное время. Эксперимент начинается в какой-то определенный момент, например в результате манипуляций ценами, девальвации или проведения в жизнь политики дешевых денег. Благодаря этому экономическая политика втягивается в целую серию испытаний, вся совокупность которых представляет собой отдельно взятый эксперимент. Разумеется, экспериментам предшествуют порой продолжительные дискуссии по поводу возникших проблем. Примерно так это было в случае с *Ратенау*, который в 1919 г. подготовил законы о социализации, или в случае с *Кейнсом*, который идейно подготовил ряд экспериментов, имеющих непосредственное отношение к политике обеспечения полной занятости. Но и в подобных случаях эксперименты часто не соответствуют предварительной идейной подготовке.

¹ Подробнее данный вопрос излагается на с. 287.

Будущие поколения, видимо, удивятся тому, как быстро и в какой мере необдуманно проводились эти эксперименты. Нам остается лишь устанавливать сам факт.

4. Но какое бы влияние ни оказывал каждый из этих многочисленных экспериментов, в одном отношении все они имели позитивное значение, а именно в том, что они позволили накопить обширный опыт претворения в жизнь экономической политики. Было испытано и проверено так много, что теперь ответы на большинство политико-экономических проблем индустриализированной экономики могут быть получены, исходя из накопленного опыта. В этом плане эпоха экономической политики начиная с 1914 г. является уникальной. Правда, и до этого проводились политико-экономические эксперименты, например в ходе Великой французской революции в период между 1789 и 1795 гг. Но количество таких экспериментов было весьма небольшим. И прежде всего сам объект был иным, еще не было индустриальной экономики, для которой мы пытаемся найти достаточный экономический порядок.

Эпоха экспериментов отличается обилием разнообразных политико-экономических идеологий. Они неодинаковы по значимости и дают достаточно поводов для дискуссий. Однако не идеологии и программы являются предметом наших исследований. Таковым является сама реальная экономическая политика, которая проводилась в этот богатый событиями период времени. Здесь идеологии интересуют нас в той мере, в какой они необходимы для объяснения экономической политики или находятся по отношению к ней в показательном и поучительном контрасте.

5. Мы знаем, как можно из экономической политики экспериментов извлечь уроки, которые в принципе оказались бы пригодными. Необходимо исследовать формы порядка, которые находили применение в ходе этих экспериментов. При этом возникает вопрос о том, как на деле они оправдали себя.

Вопрос о формах порядка позволяет также объединить эксперименты в две группы. В политике многих стран, в частности, предпринимались попытки передоверить регулирование экономического процесса центральным плановым органам. Эта группа экспериментов представляет собой один тип (см. гл. VI—VIII). Другие эксперименты ориентированы на то, чтобы держаться золотой середины между централизованным регулированием экономического процесса и свободой в части образования форм экономического порядка и регулирования экономики. Проведение экспериментов этого типа также привело к существенным результатам (см. гл. IX).

ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОЦЕССОМ

Введение

1. Политика централизованного управления экономическим процессом представляет собой противоположность политике *laissez-faire* в той мере, в какой в ее рамках повседневный экономический процесс и экономический порядок определяются государством, в то время как политика *laissez-faire* оставляет то и другое в руках частных лиц. Именно так обстояло дело в большинстве стран, принимавших участие в обеих мировых войнах XX в.: в России с 1928 г., Германии в период с 1938 по 1948 г., а в Англии и Голландии даже после 1945 г. Все эти эксперименты обладают своим индивидуальным характером: в зависимости от того, насколько далеко простирается централизованное регулирование экономического процесса, существуют ли вообще рынки и если да, то где, доминирует ли частная собственность на средства производства или нет. В Германии, например, в период между 1945 и 1948 гг. в широких масштабах развивался натуральный товарообмен. Немец получал по распределению центральных административных органов недостаточное количество хлеба, картофеля или мяса, старался, прибегая к натуральному товарообмену, обеспечить себя дополнительными продуктами и другими потребительскими товарами или сам сажал картофель, разводил овощи и т.д. Итак, мы видим: различные формы порядка тесно переплелись между собой. В других странах эти дополняющие формы порядка выглядели иначе. Но одна из них доминировала. Это была централизованно управляемая экономика. И именно поэтому все эти эксперименты походят друг на друга и относятся к одному типу.

Итак, характерным является то, что планы отдельных предприятий и домашних хозяйств больше не разрабатываются самостоятельно и не взаимоувязываются между собой с помощью цен. Планы центральных органов определяют, что, где, сколько и как должно быть произведено и как будет осуществляться распределение социального продукта. В интересах осуществления централизованного регулирования центральные органы используют такие меры, как наложение и снятие запретов, установление норм выдачи средств производства и потребительских товаров, трудовая повинность. В этом проявляется политика централизованного управления экономическим процессом. При этом она использует форму порядка, присущую централизованно управляемой экономике, в качестве доминирующего элемента.

Эксперименты подобного типа проводятся в двух группах стран. В аграрных странах со слабо развитой промышленностью к методам экономической политики централизованного управления прибегают для того, чтобы форсировать индустриализацию. Это произошло, например, в России или Китае. Здесь развертывание методов централизованного управления экономикой приходится на начальную стадию индустриализации. По-иному эксперименты складываются в странах, которые являются индустриальными уже на протяжении длительного периода времени и в которых индустриализация протекала в рамках форм экономического порядка рыночного типа. Это касается экспериментов, проводившихся в этом столетии в Германии или Англии, а также во многих других западноевропейских странах.

2. Изучение этих фактов наталкивается на своеобразную трудность. В течение длительного времени, исчисляемого сотнями лет, велась работа по анализу экономических процессов, которые протекают в условиях конкуренции, существования монополии и других форм рынка, а также взаимосвязей экономического процесса и денежных систем. Следовательно, мы достаточно хорошо знаем конкретные экономические процессы, протекающие в рамках форм экономического порядка рыночного типа, хотя и здесь предстоит еще что-то сделать. В любом случае политико-экономические соображения могут базироваться здесь на крупных научных достижениях. Не так обстоит дело со всеми теми вопросами, которые затрагивают методы регулирования централизованно управляемой экономики.

В большинстве случаев теоретики занимались совсем не анализом действительности, а решением вопроса о том, как могло и должно было бы выглядеть регулирование в «коллективистской экономике». *Визер и Бароне*, равно как и другие мыслители старшего поколения, еще не знали, как это знаем мы, конкретных ситуаций. Правда, в истории часто встречались экономические порядки, свойственные преимущественно централизованно управляемой экономике, к примеру в Древнем Египте и особенно в государстве инков. Но экономический процесс в эпоху современной промышленности намного сложнее и обширнее. К тому же он ставит неизмеримо более сложные задачи регулирования, так что эти примеры из прошлого отходят на задний план. Таким образом, сегодня люди сталкиваются с такими обстоятельствами, которые были неизвестны их отцам.

Правда, в противовес этому имеются весьма ценные исследования по отдельным экспериментам такого рода, например по русскому эксперименту. Однако систематический анализ и отображение взаимосвязей экономического процесса в условиях централизованно управляемой экономики находятся пока в стадии становления.

Поэтому здесь необходим иной, чем обычно, подход. Поскольку мы не можем опираться на результаты научного анализа, как это имеет место при рассмотрении проблем монополии, конкуренции, других форм рынка и различных денежных систем, следует вначале попытаться получить общую картину взаимосвязей экономических процессов в централизованно управляемой экономике. При этом мы проведем анализ германского эксперимента в период между 1936 и 1948 гг. и распространим сферу нашего наблюдения на другие эксперименты в нескольких местах.

Цель исследования — сделать общие выводы, которые вытекают из опыта Германии и других стран. Во всяком случае, регулирование, присущее централизованно управляемой экономике, зачастую осуществлялось в военных целях. Поэтому нередко приходилось импровизировать, в то время как в мирный период возможно долгосрочное планирование. Но то, что присуще военному времени, нельзя в порядке обобщения приписывать централизованно управляемой экономике.

3. Централизованно управляемую экономику нельзя смешивать, например, с «коллективной собственностью», хотя регулирование экономического процесса, присущее централизованно управляемой экономике, может быть связано с коллективной собственностью, что имело место, скажем, в России начиная с 1928 г. Но необходимости в этой связи нет. В Германии и многих других странах, а как раз это представляет интерес, продолжала господствовать частная собственность на средства производства, а предприятия в сельском хозяйстве и промышленности принадлежали преимущественно частным лицам и обществам. Но частные собственники могли распоряжаться средствами производства только с известными ограничениями. С этой точки зрения существуют два типа централизованно управляемой экономики: один с частной собственностью и второй с коллективной собственностью на средства производства. Имеет ли первый тип тенденцию со временем трансформироваться во второй, этот вопрос нам еще предстоит рассмотреть. При проведении анализа экономических процессов необходимо учитывать существование обоих типов. Начнем с первого.

4. При исследовании экономической действительности наука не может достичь своей цели ни с помощью сконструированных *a priori* моделей, ни с помощью таких неточных глобальных понятий, как «капитализм» или «социализм».

Есть только один путь, обещающий успех. Это — глубокое и тщательное изучение конкретных предприятий, домашних хозяйств или плановых органов. Нам следует не витать в облаках, а оставаясь на земле, морфологически анализировать конкретные индиви-

дуальные хозяйства. Здесь мы делаем то открытие, о котором уже говорилось и суть которого состоит в том, что именно в экономической действительности прошлого и настоящего вопреки всему и многообразию было реализовано и существует ограниченное количество чистых форм. Многообразие же экономических порядков вытекает из того, что эти чистые формы, количество которых ограничено и обозримо, переплелись между собой самым различным образом и в самых различных сочетаниях. К примеру, в России 30-х годов нашего столетия хозяйство велось, отнюдь не ограничиваясь рамками одной централизованно управляемой экономики, то есть на основе планов центральных органов. Там хотя и доминировали методы централизованного управления, но наряду с ними существовали формы экономического порядка рыночного типа, например оживленный натуральный товарообмен, а также крестьянские собственные натуральные хозяйства. Все эти формы надлежит учитывать в ходе научного анализа повседневного экономического процесса, протекавшего в это десятилетие в России.

Морфологический анализ действительности должен постоянно предшествовать теоретическому анализу. В конкретных экономических порядках нам следует находить претворенные в жизнь формы порядка. Они представляют собой основу теоретического анализа. Централизованно управляемую экономику мы встречаем в действительности в качестве формы экономического порядка, тесно переплетающейся с другими формами. Теперь пришло время приступить к анализу экономического процесса в том виде, в каком он протекает в рамках данного порядка.

Глава VII

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ЦЕНТРАЛИЗОВАННО УПРАВЛЯЕМОЙ ЭКОНОМИКЕ (Теория централизованно управляемой экономики)

Предварительное замечание. Попытки провести теоретический анализ экономического процесса в централизованно управляемой экономике подчас отвергались по принципиальным соображениям. При этом указывается, что в централизованно управляемой экономике царит произвол, а регулирование может осуществляться так или иначе, что здесь не действует закон больших чисел, который в условиях рыночного хозяйства полной конкуренции делает возможной саму теорию, а тем самым и точное выявление взаимосвязей¹.

¹ L. M i k s c h. «Die Wirtschaftspolitik des Als Ob». — *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, 105. Bd. 1949.

Являются ли подобные возражения обоснованными или нет, покажет сам теоретический анализ. В принципе же следует сказать: даже при существовании формы рынка монополии продавца науке пришлось столкнуться с аналогичной проблемой. Монополист, скажем газовый завод города, может добиваться либо «максимальной чистой выручки», либо «наилучшего снабжения газом» потребителя. Это два крайних случая. Как в первом, так и во втором случае цены, снабжение и доходы монополиста могут существенно различаться. Теоретический анализ исследует, как известно, оба эти случая¹. Тем самым трудности становятся преодолимыми.

Аналогичным образом мы поступаем и в условиях централизованно управляемой экономики. Централизованное управление может добиваться «максимальной власти через осуществление капиталовложений», к примеру за счет быстрого расширения промышленного аппарата в военных целях или для возведения монументов, которые запечатлевают власть и укрепляют ее. Возможно также, что управление имеет своей целью обеспечение «максимального снабжения потребительскими товарами». Исследователь-историк обратит внимание на то, что в таких экономических порядках, в которых доминируют методы регулирования, присущие централизованно управляемой экономике, осуществляются необычно крупные капитальные вложения. Так происходило в Германии после 1936 г., в России после 1928 г. или, правда, в совершенно иной исторической обстановке в государстве инков примерно в 1500 г., а также в Древнем Египте и в других случаях. Историческим фактом является то, что правящие слои подобных сообществ склоняются к тому, чтобы в интересах укрепления своей политической власти строить фабрики, железные и шоссейные дороги, электростанции, города и т. п. Нередко для того, чтобы ускорить инвестиционный процесс и тем самым укрепить свою власть, скажем, увеличить военный потенциал, внедряются даже методы регулирования, присущие централизованно управляемой экономике. Как правило, усилия центральной администрации в меньшей степени направляются на производство потребительских товаров.

Итак, в теоретическом анализе первый случай более важен, нежели второй. Здесь мы займемся исключительно им. Мы исходим из того, что максимальной власти добиваются через осуществление капиталовложений. Второй случай в настоящее время менее «актуален». В то же время без изучения первого современная экономическая действительность останется непонятной в своих основных чертах.

¹ См.: W. E u s k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., 1950, S. 217 f.

I. Как функционирует центральная администрация

1. В рамках экономического порядка рыночного типа исследование экономического процесса начинается с изучения отдельно взятых предприятий и домашних хозяйств. Рассмотрим в качестве примера кожевенный завод. Здесь можно установить, что предприятие ориентирует свои планы на цены и что прежде всего расчет издержек, то есть соотношение между ценами на продукцию и ценами на средства производства, имеет решающее значение для регулирования производства. В силу того, что, как известно, каждое предприятие именно так регулирует определенную часть экономического процесса, протекающего в сфере его деятельности, регулирование совокупного процесса в рыночном хозяйстве осуществляется через цены.

Изучение предприятия в рамках экономического порядка, присущего централизованно управляемой экономике, например во время германского эксперимента, приводит к другому результату. Кожевенный завод выпускал свою продукцию согласно директивам «отраслевого кожевенного отдела». Этот «отраслевой отдел», или «руководство сферы управления», или «плановый орган» выделял заводу кожевенное сырье и вспомогательные материалы, направляя предприятию указания по производству, и распоряжался произведенной кожей. Следовательно, нам следует отправиться в такой «отраслевой отдел», чтобы получить представление о том, как появляются на свет хозяйственные планы и осуществляется регулирование экономического процесса в централизованно управляемой экономике. Существовали также отраслевые отделы по текстилю, одежде, стеклу, керамике, стали и т.д. Как же осуществлялось это регулирование?¹

2. Регулирование осуществлялось в четыре этапа. Первый этап состоял в сборе планово-статистических данных. Для этого в распоряжении руководителя сферы регулирования находился статистический отдел. Такой *примат статистики* характерен для регулирования, присущего централизованно управляемой экономике. Статистики, являющиеся сотрудниками плановых органов, пытались учитывать все данные, которые имели важное значение для планирования. Здесь следует назвать, например, данные о производственных мощностях оборудования, складских запасах, потребностях

¹ Инициатива и советы, связанные с обсуждением данной проблемы, исходили от К. Пауля Хензеля из Фрайбурга.

в складских помещениях, угле, электроэнергии, данные о производстве и импорте сырья. На основе подобной статистической информации в конечном счете подготавливался так называемый «количественный (натуральный) баланс», в котором сопоставлялись между собой ресурсы и их использование в *последний* год, полугодие, квартал.

Статистические данные, сбор и обработка которых регламентировались точными инструкциями, образовывали основу собственно планирования, представлявшего собой второй этап совокупного процесса. Это планирование заключалось в планировании потребностей, планировании ресурсов, а также в балансировании потребностей и ресурсов.

Плановые показатели *потребностей* — это существенно — лишь частично формировались, исходя из требований вышестоящих центральных органов, которым для достижения общих инвестиционных целей или для удовлетворения военных нужд были необходимы определенные количества стали, машин, кожи и т.д. Источником другой части этих потребностей были другие «носители потребностей, в большинстве случаев другие отраслевые отделы. Так, например, кожу запрашивал отраслевой отдел «Обувь», отраслевой отдел «Машиностроение» для изготовления приводных ремней и т.д., а отраслевой кожевенный отдел в свою очередь выставлял требования на дубильные вещества, масла, жиры, уголь и т.п. к другим соответствующим отделам. Однако все данные о потребностях поступали в те или иные отраслевые отделы либо плановые органы в виде «коллективных заявок» или «пакетов требований». При этом важно то, что уже на этом раннем этапе структура плана делала необходимой стандартизацию товаров. Определение потребностей в коже, например отраслевым кожевенным отделом, было тем сложнее, чем больше выпускалось различных видов обуви. Централизованное планирование требует проведения стандартизации.

Если централизованно управляемая экономика уже функционировала какое-то определенное время, то плановые органы нередко использовали показатели предшествующих плановых периодов, которые устанавливались ими на основе точных статистических данных. Показатели прежних планов зачастую переносились в планы на будущее без необходимой тщательной проверки. В этом таилась определенная опасность, поскольку часто не осуществлялась необходимая увязка с реальной действительностью. По этой причине вышестоящие центральные органы, к примеру имперское министерство экономики, неоднократно предупреждали об опасности чрезмерного разбухания статистики. Вот что говорится, например, по этому поводу: «Как бы ни нуждалось планирование в статистике, нельзя забывать о том, что статистика фиксирует лишь прошлое.

Внешняя форма планирования, а именно статистические балансы, в силу этого не является отражением его реальной сути. Планировать — значит активно формировать будущее». Впрочем, исчислению потребностей в расчете на душу населения не придавалось особого значения, так как оно якобы не учитывает локальных и профессиональных различий в потребностях и нередко приводит к завышенным результатам.

Когда говорят о понятии «ресурсы», речь заходит помимо импорта и использования складских запасов преимущественно о производстве. Здесь имел силу принцип, по которому производство следует оценивать по соответствующему «самому узкому месту». Если, например, в большом объеме имеются производственные мощности и сырье, а в угле ощущается нехватка, то планирование должно брать за точку отсчета именно эту ситуацию или же ориентироваться на рабочую силу, если наблюдается нехватка ее. Но поскольку так называемое «узкое место» постоянно «кочует», то и основную задачу планирования надлежало определять каждый раз заново. В этом — при своевременном обнаружении ожидаемого узкого места — как раз и состояло собственно искусство владения этим типом централизованного планирования.

Выравнивание потребностей и ресурсов требует длительной борьбы, которая еще не раз будет занимать наши умы. Многие отраслевые отделы сражаются за выделение им большего количества угля, транспортных средств или большего числа рабочих, а с другой стороны, каждый отдельно взятый отраслевой отдел должен уменьшать требования отдельных потребителей, каждый из которых пытается заполучить как можно больше кожи, текстиля или горючего и т.д. В ходе затяжных переговоров предпринимались попытки вначале в сфере отраслевых отделов умерить требования различных носителей потребностей и согласовать их между собой. Но с самого начала в этом соучаствовали вышестоящие центральные органы. Их вмешательство заключалось в том, что они устанавливали степень срочности и, во вторых, разрешали отдельные конфликты. В качестве примера установления степени срочности назовем порядок учета и распределения горючего. Одним из предписаний, изданных в 1941 г., устанавливалось, что горючее разрешается использовать лишь в важных с военной точки зрения целях. Для его распределения надлежало установить следующий порядок предпочтения:

- 1) снабжение населения продовольствием и топливом;
- 2) проведение работ по освобождению вокзалов и водных перевалочных пунктов от грузов;
- 3) обеспечение сельскохозяйственного производства;
- 4) здравоохранение и полиция;

- 5) снабжение важных военных предприятий и строительных объектов генерального уполномоченного по особым вопросам производства химической продукции;
- 6) снабжение предприятий по производству вооружений и других важных военных производств;
- 7) снабжение прочих важных военных строительных объектов.

Для оценки и регулирования товарных потоков подобная ранжировка потребностей имела важное значение. На нее должен был ориентироваться каждый отраслевой отдел. Если не удавалось прийти к соглашению по поводу того, какое количество угля должен был получить, например, отраслевой кожевенный отдел, то данный вопрос следовало решать самому имперскому министерству экономики.

Результаты этих работ по планированию находили свое отражение в количественном балансе, который по времени охватывал квартал, полугодие или год, причем здесь следовало учитывать особенности производственного процесса. Вот образец такого натурального баланса.

Схема натурального баланса

<i>Ресурсы</i>		<i>Использование</i>	
I	Отечественное производство	I	Отечественное потребление (расположение по целям использования)
II	Поступления из оккупированных областей	II	Потребности оккупированных областей
III	Импорт	III	Экспорт
I—III	Текущие ресурсы	I—III	Текущее потребление
IV	Использование складских запасов	IV	Поступления в складские запасы
I—IV	Совокупные ресурсы	I—IV	Совокупное использование

Под стоящей справа цифрой I (Отечественное потребление) показывалось, в частности, какое количество, например, кожи было установлено для вермахта, сельского хозяйства, на изготовление приводных ремней, обуви и т. п.

Такой была картина, которую создавали планы централизованно управляемой экономики: планы представляли собой длинный ряд стоящих рядом и тесно переплетающихся между собой количественных балансов отраслевых отделов. Отраслевые отделы «Уголь», «Сталь», «Электроэнергия», «Горючее», «Кожа», «Текстиль» и т. д. составляли свои количественные балансы, а взаимо-

увязка планов между собой осуществлялась через общие директивы (с учетом степени срочности) вышестоящих органов и через их индивидуальное вмешательство в процесс принятия многочисленных частных решений. И если отраслевые отделы даже и были носителями и разработчиками планов, они тем не менее оставались зависимыми и подчинялись министерствам и другим центральным ведомствам. В этом проявлялась целостность планирования.

Затем — на *третьем* этапе — осуществлялось издание производственных директив, которые направлялись каждому отдельному предприятию. В них фиксировалось количественное и временное распределение продукции отдельных предприятий по видам и ассортименту. Сырье, на которое был наложен запрет, разрешалось направлять на отдельные предприятия; издавались распоряжения об использовании произведенной продукции, например кожи. Эту очень сложную задачу по разработке производственных директив для отдельно взятых предприятий зачастую можно было выполнить только при условии привлечения к этому делу таких организаций промыслового хозяйства, как, например, рейхсгруппа «Промышленность», картели, ринги и т.д. Ощущалась необходимость в услугах экспертов, являвшихся, разумеется, заинтересованной стороной, а также их организаций, которые одновременно представляли собой частные властные группировки. Речь об этом еще пойдет.

Наконец, *четвертый* этап: контроль за ходом выполнения плана. Предприятия были обязаны постоянно — поквартально, ежемесячно и даже ежедневно — сообщать о своих складских запасах и количестве произведенной продукции, а отраслевые отделы непрерывно сопоставляли фактические показатели с плановыми. Невыполнение плана могло иметь свою причину в самом отдельно взятом предприятии или объясняться непоступлением обещанного сырья либо изъятием рабочей силы другими отраслевыми отделами и т.д. В любом случае руководителям отраслевых отделов приходилось вмешиваться, а выполнение планов было связано с чередованием переговоров и борьбы. В конечном счете роль играл еще и другой фактор, тесно связанный с контролем за ходом выполнения планов. Планы реализовывались — и это соответствует природе вещей — лишь спустя несколько месяцев и даже через год после их составления. Между тем происходило изменение показателей, например показателя снабжения углем. В результате возникала необходимость пересмотра планов и соответственно производственных директив.

Это был четырехступенчатый обладающий многочисленными взаимосвязями повторяющийся процесс. В других централизованно управляемых экономиках он протекает, видимо, схожим образом. Правда, может быть, несколько по-иному. Что же это означает с экономической точки зрения?

II. Система регулирования

Своеобразное решение этой проблемы регулирования, которое провела централизованно управляемая экономика, обладало двумя отличительными признаками. Планирование и регулирование осуществлялись на основе «глобальных», а не «индивидуальных» оценок и без расчета предельных издержек. Это — первый признак. Второй состоит в том, что экономический расчет не обладал силой принуждения. Поэтому такой метод регулирования мог использоваться в течение длительного периода времени.

ПЕРВЫЙ ПРИЗНАК

1. Органы централизованного управления использовали в своей работе глобальные оценки с привлечением количественных расчетов, базировавшихся на статистических данных.

Кто проводил эти оценки? Вначале они составлялись отраслевыми отделами. В нашем примере отраслевой кожевальный отдел на базе своих оценок сначала предлагал порядок распределения кожи по различным сферам ее использования, к примеру для нужд верха, для производства рабочей обуви и т.п. Таким образом, он оценивал то значение, которое то или иное применение кожи имело для удовлетворения спроса, то есть он давал глобальные оценки. В результате переговоров с «носителями потребностей» происходили определенные сдвиги в оценках, иными словами, делались попытки привести в «состояние равновесия» предварительные оценки отраслевых отделов, потребляющих кожу. При этом речь всегда шла о совокупных величинах, когда оцениваются не отдельные частичные объемы, а расчет ведется совокупными величинами, скажем, 5000 или 8000 тонн. Этим глобальным оценкам и тем самым регулированию средств производства и потребительских товаров, осуществлявшемуся отраслевыми отделами, вышестоящие центральные ведомства пытались оказать поддержку, устанавливая «степень срочности». Об этом мы только что говорили. Но последние так или иначе должны были оставаться недостаточными. Они слишком не точны, к тому же каждая степень включает в себя многочисленные виды потребностей (например, степень 3 потребностей в горючем: «для обеспечения сельскохозяйственного производства»). Во-вторых, они недостаточно учитывают снижение интенсивности потребностей при росте удовлетворения отдельных видов этих потребностей, и, наконец, они не принимают в расчет положение со снабжением взаимодополняющими товарами. В этом плане очень четко проявила себя директива центрального планового ведомства, изданная в декабре 1944 г. Там говорится: «Чем скуднее удовлетворение

спроса, тем проблематичнее представляется управление производством путем использования крупноучетного метода распределения по степеням срочности. Виды производства, которые не важны, следует не только отодвигать на задний план, их необходимо вообще закрывать. Установление в рамках важных производственных программ последовательности, ориентирующей исключительно на изготавливаемое изделие, должно приводить к серьезным заблуждениям и ошибочным решениям, если только она не учитывает положения со снабжением у носителей потребностей. Поставка всего нескольких болтов, которых не хватает для завершения выпуска серии сельскохозяйственных машин, является, к примеру, более неотложным делом, нежели поставка тех же болтов с указанием высокой степени срочности на завод, производящий танки, которому они понадобятся только через несколько месяцев. Разнообразие точек зрения на потребности, которые выявляются в хозяйственной структуре, страдающей дефицитом, не может регулироваться распоряжениями, определяющими степени срочности. Как раз при существующем исключительном напряжении всех производительных сил от регулирующих производство органов следует ожидать, что они в достаточной степени держат в поле зрения круг своих задач с тем, чтобы и в деталях осуществлять управление с помощью производственных программ. Поэтому я считаю, пришло время для того, чтобы принцип «планирование вместо срочности» завоевал всеобщее признание, и настоящим отдаю распоряжение начиная с 1 января 1945 г.: считать утратившими силу все установленные степени срочности».

Если отдельно взятые отраслевые отделы не могли добиться соглашения по своим глобальным оценкам, то решение должно было приниматься вышестоящими центральными органами. Это нашло четкое выражение в одном из изданных в 1942 г. распоряжений, в котором говорилось: «Следует стремиться к тому, чтобы плановый орган в полном согласии с носителем потребностей сам увязывал заявленные потребности с производственными возможностями. Лишь в исключительных случаях, когда решение этим путем невозможно, оно должно приниматься соответствующим министерством. Если же планирующий орган и носитель потребностей не подчинены одному и тому же министерству, то решение в конечном счете следует принимать общему для них вышестоящему органу».

«Индивидуализация» расчета стоимости не была возможной. Приходится ежедневно принимать решения по каждой тонне стали или меди или по каждому рабочему. Где и с какой целью их следует использовать? Какую стоимость они приобретут в каждом из самых разнообразных случаев их применения? Где и как они оптимально служат удовлетворению спроса? Все эти вопросы не могут быть решены при такого рода глобальных оценках. Если предстояло ре-

шить вопрос о 1000 кубометрах древесины, то ее распределяли глобально на дрова, на нужды горных предприятий, целлюлозной промышленности и т.д. в определенных количествах и без какой-либо возможности полного учета индивидуального сортамента.

2. В рамках этого метода регулирования осуществлялся определенный расчет издержек. Впрочем, и данный расчет издержек носил глобальный характер. Если отраслевой отдел выделял известное количество бензина или кожи отдельным потребителям, то он постоянно сопоставлял выгоду с упущенной выгодой, возникновению которой здесь или там могли бы в общем и целом способствовать бензин и кожа. И если в спорных случаях приходилось обращаться в соответствующее министерство за решением, скажем, вопроса о том, какое количество кожи следовало бы выделить на производство приводных ремней или рабочей обуви, то такое решение выносилось также на основе общего сопоставления издержек. Соображения по расчету издержек базировались на общих представлениях о целях экономического процесса. Взвешивали, что принесет большую пользу общим целям — использование кожи в производстве рабочей обуви или ее расходование на изготовление приводных ремней. Таким образом, сопоставлялась польза, которая была ориентирована на выполнение плана в целом по одному из направлений, с той пользой, которую теряли из-за невозможности иного использования материалов. Такого рода учет издержек носил очень общий характер и был неточен. И все же это был учет издержек.

Правда, расчет *предельных* издержек был невозможен. Приведем еще один пример. В Южном Бадене после 1945 г. предстояло распределить 1000 тонн стали. В ней крайне нуждались различные отрасли экономики: ремесленное производство, машиностроение, текстильная промышленность, железные дороги, ремонтные мастерские и т.д. Сколько же тонн стали должны были получить отдельные отрасли и отдельные предприятия? Может быть, текстильной промышленности следовало выделить 80 тонн? А может, больше или меньше? Нужно было сделать выбор. И здесь в расчет принимались издержки. В этом случае сопоставлялась выгода, которую сталь могла приносить здесь или там. Однако нельзя было рассчитать, какую стоимость тонна стали могла бы иметь в каждом из этих мест. Вот почему давались глобальные оценки, а распределение осуществлялось соответственно на основе подобных общих оценок.

3. Как было показано, в плановых органах все же проводились сопоставления плановых показателей с фактическими, чтобы иметь возможность в длительной перспективе сравнивать фактические процессы с планами. Однако истинной экономической адаптации не происходило. Количественные показатели, фигурировавшие в планах,

сравнивались с фактическими показателями потребления или производства отдельных предприятий. Но правильно ли в экономическом отношении использовались эти объемы средств производства, иначе говоря, действительно ли плановые показатели соответствовали положению дел или нуждались в корректировках — об этом нельзя было узнать из данных сопоставления плановых показателей с фактическими. Чтобы привести хотя бы один пример из множества возможных, скажем, что кирпичному заводу было выделено намного больше угля, чем было необходимо ему, а корректировки в план были внесены лишь много месяцев спустя. Поскольку фактические показатели соответствовали плановым, то и необходимости внесения соответствующих корректировок в план не было. Подобного рода сопоставление плановых показателей с фактическими не давало никакого повода к тому, чтобы нащупать оптимальное комбинирование производства. Это также было хорошо известно плановым органам.

ВТОРОЙ ПРИЗНАК

1. Механизм цен рыночной экономики — это не только «нехваткомер» или «вычислительная машина». Скорее он является одновременно аппаратом контроля. Он обладает силой принуждения. Если расходы превышают доходы, то эта диспропорциональность вынуждает предприятие в перспективе перестраиваться или уходить с рынка. Иными словами, если соотношения цен таковы, что цены на средства производства, необходимые для изготовления единицы товара, выше цены, которую можно получить за данную единицу товара, то перестройка производства становится вынужденной мерой.

В централизованно управляемой экономике оценки, кстати говоря, совершенно другой природы, играют иную роль. Подтвердим сказанное примером. Во время войны в городе Ц. была построена шелкоткацкая фабрика. Даже глобальные оценки позволяли увидеть, что ее местонахождение было неблагоприятным и что шелкоткацкие фабрики в Крефельде могли производить ткани из шелка намного дешевле. Использование стали, цемента, машин и рабочей силы было на этой стройке ненужным и являлось ошибочным вложением капитала. С самого начала это можно было установить, проведя глобальное сопоставление стоимости и издержек. Иное использование средств производства в большей степени отвечало бы плановым потребностям. Вопреки этому было принято решение о строительстве. Личностные моменты сыграли решающую роль. В рыночном хозяйстве предприятие в городе Ц. было бы обречено на гибель. В централизованно управляемой экономике, которая не располагает методом автоматического отбора, фабрику можно было построить и она могла работать. Ведь глобальные оценки не облада-

ют силой принуждения. Науке следовало бы обращать больше внимания на это своеобразие экономических расчетов в централизованно управляемой экономике, которое оказывает существенное влияние на ход экономического процесса.

2. Как объясняется данное обстоятельство? Почему экономический расчет в централизованно управляемой экономике не обладает силой принуждения?

Смысл расчета издержек в экономике полной конкуренции известен из учебников¹. Издержки показывают, какие «стоимости» могли бы быть реализованы при ином использовании средств производства. Весьма разнообразные потребности, обладающие покупательной силой, носителями которых являются получатели доходов, участвуют в борьбе за средства производства. Использование последних весьма многообразно, а принятие решения зависит от расчета цен и издержек, в котором издержки отражают упущенную выгоду. Производство должно быть приведено в соответствие с потребностями, обладающими покупательной силой, и эта необходимость проявляется в силе принуждения, присущей экономическому расчету. С помощью расчетов издержек потребности, обладающие покупательной силой, контролируют производственные процессы. Конечно, в условиях монополистических или олигополистических форм рынка регулирующая сила потребителей существенно ограничивается и она проявляется гораздо слабее.

В централизованно управляемой экономике существует совершенно другое соотношение между потребностями и их удовлетворением. Внутренняя напряженность между ними не проявляется на рынках. Спрос и предложение стали, угля и всех прочих товаров не исходит от различных самостоятельных индивидуальных хозяйств, имеющих собственные планы экономического развития. Более того, определение потребностей и регулирование производства находятся в одних руках. В силу этого плановые органы *могут* действовать таким образом, что они вначале устанавливают потребности в хлебе, жилье и т.д. и, базируясь на этих потребностях, пытаются затем ориентировать производственные процессы с помощью своих глобальных оценок и производственных инструкций. Но они никак не обязаны делать это. Они могут также задним числом вносить корректировки в потребности. После этого потребности ориентируются на производство. Неожиданно здесь могут быть уменьшены разрядки на текстильные товары или может быть приостановлено строительство новой фабрики. Из-под контроля со стороны потребителя выведено централизованное управление, в котором сконцентриро-

¹ См. также с. 000.

вана вся экономическая власть. По этой причине оно не подпадает под действие какого-либо механизма контроля.

Возможно, кто-то склонен видеть в этом слабость централизованно управляемой экономики. В действительности же это является слабостью, если рассматривать максимальное удовлетворение потребностей как цель производства товаров. Однако отсутствие силы принуждения у оценок и расчетов издержек одновременно является и сильной стороной экономики этого типа. Это отсутствие позволяет с легкостью обеспечить полную занятость. Ниже мы более подробно остановимся на данном вопросе. Кроме того, централизованно управляемая экономика ставит политическую власть в такое положение, когда в экономической сфере можно, не принимая во внимание расчета издержек, проводить такие изменения, которые отвечают политической воле этой власти.

III. Роль цен

1. Экономическая политика Германии была отмечена стремлением осуществлять регулирование экономического процесса по возможности косвенными методами. К примеру, в одном из руководящих предписаний говорится: «Цель любого планирования должна заключаться в том, чтобы при минимальном вмешательстве достичь наивысшего уровня экономического регулирования. Такое вмешательство излишне до тех пор, пока отдельно взятые фирмы добровольно участвуют в достижении поставленной государством цели или же по чисто частнохозяйственным соображениям действуют таким образом, как это соответствует народнохозяйственной необходимости». По этой причине предпринимались также попытки вообще не осуществлять прямого регулирования так называемых «промежуточных ступеней». Прямое регулирование производства на ткацких фабриках позволило, например, косвенно регулировать производство промежуточной ступени, а именно производство пряжи.

Но если проявлялось стремление регулировать экономический процесс опосредованно, не опираясь на прямые приказы центральных органов, то сама собой напрашивается мысль использовать в этих целях цены. Так это на самом деле и произошло.

2. Чтобы иметь возможность использовать *существующие* цены в качестве инструмента экономического регулирования, министерство экономики и комиссар по ценам приложили усилия для унификации и совершенствования калькуляции и расчета прибылей на промышленных предприятиях. Именно тогда, когда большое значение стали приобретать поставки для вермахта, были разработаны подробные предписания относительно калькуляции издержек. Эко-

номические расчеты многих немецких предприятий в этот период были существенно улучшены и унифицированы.

По отдельным позициям цены с успехом использовались для того, чтобы по возможности приблизить к оптимуму комбинирование производства. Так обстояло дело, например, с производством боеприпасов, то есть продукции, для которой в большинстве случаев старые цены больше не существовали. Здесь вначале рассчитали издержки производства отдельных фирм и по отдельным издержкам были установлены цены. Результатом стало то, что у фирм не оказалось никакого интереса работать рационально. К тому же прибыль рассчитывалась в процентах к издержкам, а это означало, что при высоких издержках прибыль была выше, чем при низких. Чтобы побудить предприятия работать рационально, с 1940 г. ввели другую систему калькуляции цен: за поставленные боеприпасы платили единую цену, которая рассчитывалась на основе издержек предприятия, имевшего средние показатели таковых. Уже одно это стимулировало улучшение комбинирования производства в интересах получения прибыли. В дальнейшем данный метод был существенно усовершенствован.

Но такого рода отдельные успехи ничего не меняют в том факте, что существующие цены были непригодны для общего регулирования экономического процесса. Эти цены отражали те соотношения недостаточности, которые существовали осенью 1936 г. Дальнейшее изменение их сделало невозможным замораживание цен. Если бы в планах центральных органов было предусмотрено удовлетворение той одной потребности, которая в первом приближении соответствовала прежнему спросу, то цены и соотношения цен можно было бы использовать еще в течение длительного периода времени. Но все было как раз наоборот: обеспечение общественных работ для безработных и капиталовложения в военную промышленность способствовали возникновению больших расхождений между текущими потребностями центральных плановых органов и прежними кривыми спроса. Фиксированные цены на сталь, уголь, кирпич и т.д. больше не отражали того внутреннего напряжения между потребностями и их удовлетворением, которое существовало по планам центральных органов. Калькуляции, базировавшиеся на ценах продуктов и средств производства, в силу этого не ориентировали средства производства на запланированные потребности, а расчеты прибылей и убытков, а также балансы не давали информации о том, достаточно ли удачным было комбинирование средств производства, чтобы оптимально производить те товары, выпуск которых был предусмотрен центральными планами.

Все усовершенствования методов расчета не смогли перечеркнуть этот факт. Цены, на основе которых велись расчеты по бухгалтерским книгам предприятий, не показывали недостаточности товаров и, следовательно, утратили функцию регулирования.

3. Тем важнее стал второй вопрос. Если цены 1936 г. были не в состоянии «индивидуализировать» глобальные оценки центральных органов или «квантифицировать» их, если существующий механизм цен отражал давно устаревшую систему данных, то, вероятно, можно было все же вернуть ценам функцию регулирования путем установления их заново? Разве нельзя было установить цены таким образом, чтобы они оптимально служили планам органа централизованного управления?

В связи с этой проблемой обсуждались два метода: установление заново важных цен сверху или, если это невозможно, образование цен заново путем введения в действие рыночного механизма на какое-то время, то есть снизу.

а) В наших рассуждениях будем исходить из единичного случая, который играл в Германии определенную роль. Речь идет о цене на древесину лесного бука и ее использовании. Лесной бук, использовавшийся на протяжении практически всего XIX в. на дрова и для получения древесного угля, приобрел затем гораздо большее значение в результате целого ряда открытий, сделанных в последние 50 лет и позволивших найти ему многочисленные сферы применения. Изобретение пропитки древесины дегтярными маслами позволило изготавливать из бука высококачественные железнодорожные шпалы. Открытие способа искусственной сушки и пропарки привело к тому, что лесной бук стал широко и разнообразно использоваться в столярных мастерских, изготавливавших предметы домашнего обихода. Появление клееной фанеры вновь резко расширило возможности применения буковой древесины. Наконец, появились изобретения, открывшие новую обширную область использования древесины лесного бука в качестве основного материала для производства штапельного волокна и искусственного шелка.

Каким же образом постоянно поступавшая древесина бука должна была рационально распределяться среди этих новых почти неисчислимых видов ее применения? Иными словами, распределять ее так, чтобы достигался максимальный полезный эффект. Несомненно, что замороженная цена на буковую древесину была существенно ниже цен на другую древесину, а также большинства прочих цен. Эта цена удерживалась с 1936 г. Не было бы целесообразнее, повышая цену на древесину лесного бука, обеспечить более рациональное применение ее отдельных видов и количеств?

Органы управления лесного хозяйства постоянно изучали возможности установления новой, более высокой цены на буковую древесину. Но тут оказалось, что найти разумную цену было невозможно. Центральной администрации лесного хозяйства было известно лишь то, что действующая цена на буковую древесину была че-

рескур низкой. Она составила также приблизительное представление о новой стоимости буковой древесины. Поэтому она прибегла к использованию глобальной оценки. Однако из последней она не могла вывести точной расчетной величины, поскольку администрация была поверхностно знакома с новыми данными и ценами, чтобы отважиться на подобный эксперимент. Именно тогда один известный лесовод заметил: «Мы не знаем стоимости буковой древесины; нам известно только то, что она относительно высока. Насколько она высока, однажды должен будет определить рынок».

- б) Однако возникает вопрос, а не мог ли рынок *сразу же* определить цену. В этом и заключался бы второй метод. Почему цены на древесину не отпустили на какое-то время? Разве тогда не стала бы привычной правильная цена на нее? Итак, цены на все продукты обрабатывающей промышленности — столярных мастерских, фанерной промышленности, промышленности вискозного штапельного волокна, горнодобывающей промышленности, железных дорог — были заморожены. Такими же оказались и цены на продукты — заменители буковой древесины. Вот почему цены самых разнообразных видов продуктов, в которых древесина использовалась в качестве сырья, проектировались на рынки древесины, причем они точно не отражали внутреннего напряжения между потребностями и их удовлетворением. Коротко говоря, частичный отпуск цен одной товарной группы не имел бы никакого смысла. В этом случае взаимозависимость всех рынков и всего экономического процесса делала бы необходимым отпуск всех цен, что позволяло бы тем самым установить соотношения недостаточности всех товаров, в том числе и буковой древесины.
- в) Но здесь мы сталкиваемся с новым, еще более принципиальным вопросом. Почему не были отпущены *все* цены? Разве тогда не стало бы возможным установление степени недостаточности через новое соотношение цен и *тем самым индивидуализация новых глобальных оценок органов централизованного управления с помощью цен?*

Германское правительство уже хотя бы по соображениям валютной политики детальнее не рассматривало возможности вступления на этот путь. Широкомасштабный отпуск цен привел бы не только к установлению новых соотношений цен, но под давлением избытка денег также и к существенному росту общего уровня цен, то есть к открытому обесценению денег, к неизбежному появлению требований повысить заработную плату, к нанесению явного ущерба вкладчиками и к удорожанию военного производства. Удерживать цены на прежнем уровне и тем самым сдерживать инфляцию путем замораживания цен — таковым был догмат тог-

дашней германской экономической политики, аналогичный догмату экономической политики других стран.

Однако и этот отрицательный ответ на поставленный вопрос, который дала практика хозяйствования в Германии, еще не решал проблемы. Допустим, что избытка денег не было и аргументы валютной политики не приводились против отпуска цен. Разве тогда не было бы возможности индивидуализировать глобальные оценки центральных ведомств путем отпуска цен? Вот пример. Военно-промышленная фирма получает за поставки своей продукции 10 миллионов марок, из которых пять миллионов выплачивает своим рабочим. Разве теперь не разрешалось бы рабочим, руководствуясь своими потребностями, осуществлять свободный спрос на такие потребительские товары, как хлеб, мясо, одежда, жилье и т.д.? В данном случае рабочие-потребители выразили бы свои субъективные оценки стоимости хлеба, жилья и т.д., но не стоимостные оценки центральных административных органов. Следовательно, хотя цены объективизируют оценки многих потребителей, обладающих покупательной способностью, но не оценки центральных органов. Поэтому цены на хлеб, жилье, одежду и все средства производства, которые служат для производства этих товаров, были непригодны для реализации планов центральных органов. В ценах нашли бы свое отражение планы потребителей, но не центральных ведомств. Товары оказались бы втянутыми прежде всего в сферу потребительских товаров и в меньшей степени в сферу капитальных вложений. В результате возник бы конфликт между центральными планами и планами отдельно взятых домашних хозяйств и предприятий. Однако все это затрагивает уже принципиальный вопрос.

4. Вероятно, можно было бы включить цены в механизм регулирования централизованно управляемой экономики следующим образом. Центральная администрация осуществила бы распределение потребительских товаров с помощью системы рационирования и одновременно установила бы также и цены. Итак, через рационирование спрос и предложение в сфере потребительских товаров были бы уравнены по отношению друг к другу. Но в сфере средств производства не осуществлялось бы никакого рационирования. Напротив, руководители предприятий обращались бы в государственные органы с запросами о выделении им средств производства. На них были бы установлены цены, которые корректировались бы в зависимости от величины спроса. Были бы приведены в состояние равновесия спрос и предложение на средства производства с помощью этих корректировок и стали бы в итоге возможными точные расчеты издержек? В таком случае центральное ведомство Германии час-

тично действовало бы по одной из рекомендаций О.Ланге¹. Но можно ли было руководствоваться этой рекомендацией?

Фактом остается то, что за средства производства шла постоянная борьба различных «отраслевых отделов», «плановых органов» или «носителей потребностей». Если иметь в виду наш пример, то представители сельского хозяйства боролись за выделение им кожи для изготовления конских сбруй, представители промышленности — для производства приводных ремней, а представители рабочих — для изготовления рабочей обуви и т.д. Или же за получение стали вели сражение ремесленное производство, станкостроение, транспортное машиностроение и т.д. Количество продукции, имевшееся в распоряжении, было, в общем, слишком мало и не соответствовало заявкам отраслевых отделов. Обсуждаемая здесь рекомендация сводится к тому, чтобы эту борьбу вести в русле установления цен, то есть, например, путем повышения цен на кожу регулировать поступление соответствующего количества кожи в отдельные сферы ее использования: на производство конской сбруи, приводных ремней и т.п.

Но этот метод регулирования не принимался во внимание центральной администрацией. Ведь тогда она в известной степени упускала бы из своих рук процесс регулирования средств производства, в нашем случае кожи или стали. При установлении цен на продовольственные товары и норм выдачи их, а также при установлении цен на промышленные товары и норм выдачи их и при осуществлении инвестиционной программы органы централизованного управления не могли иметь полного представления о том, какое количество кожи или стали могло быть запрошено различными плановыми органами или потребителями. Все эти запросы выявлялись лишь задним числом. Если бы эти органы оставили принятие решения относительно регулирования средств производства за ценовой борьбой предприятий или отраслевых отделов, то были бы получены результаты, которые находились бы в противоречии с планами централизованного управления. К примеру, вполне возможно, что относительно много кожи стало бы расходоваться на нужды сельского хозяйства или на производство рабочей обуви, а это привело бы к большой нехватке приводных ремней и поставило бы под вопрос выполнение производственной программы центральной администрации в других отраслях промышленности. Поэтому центральная администрация не может отдавать на произвол ценовой борьбы регулирование тех средств производства, которые имеют более или менее важное значение. Более того, она должна оставить регулирование за собой, как это и произошло в Германии.

¹ О. Л а н г е в работе «On the Economic Theory of Socialism», 1948, p. 90 ff.

Едва только предприятия или отраслевые отделы получают большую свободу действий и станут по собственной инициативе обращаться с запросами и едва только центральная администрация станет довольствоваться только корректировкой цен на средства производства в соответствии с их недостаточностью, как между планами центральной администрации и планами отраслевых отделов, а также предприятий возникнут противоречия. Такие противоречия можно было бы преодолеть, незамедлительно прибегнув к использованию предписаний центральных ведомств, то есть остановив действие механизма цен. Таким образом, критикуемая рекомендация не может быть реализована, даже если будут выполнены предпосылки денежной политики. Конкурентную борьбу можно использовать для того, чтобы улучшить результаты деятельности. Но ее нельзя использовать в качестве инструмента централизованного регулирования значительных составных частей экономического процесса. В противном случае централизованное управление свергнет самое себя.

IV. Некоторые выводы

С такой позиции, с позиции планов и производственных инструкций центральных ведомств, разработанных на основе количественных расчетов и глобальных оценок, становится понятным экономический процесс в рамках централизованно управляемого хозяйства. В этом экономическом процессе сразу же обращают на себя внимание следующие явления.

1. Централизованное планирование предполагает существование нормирования, унификации и стандартизации. Учитывать многочисленные и меняющиеся индивидуальные потребности потребителей, скажем различные виды изготавливаемой обуви или одежды, неоднородность поставки их тем, кто желает получить эти вещи, а также приспосабливаться к переменам в требованиях потребителей, плановые органы в состоянии лишь крайне несовершенным образом. Об этом уже говорилось в гл. I настоящего раздела. Центральным органам тем проще отдавать распоряжения, чем более схематичными являются потребление и производство.

Потребности потребителей легко поддаются нормированию. Благодаря рационированию и установлению разнарядок практически полностью исключается влияние многих индивидуальных желаний. «Опыт последних семи лет, — писал в 1946 г. один из специалистов текстильной промышленности, — однозначно говорит о том, что не столько ориентирование экономики на войну, сколько скорее усиливающееся господство плановых органов способствует уменьшению количества объектов планирования (сырья и изделий)».

Сложнее было проводить рационализацию в производстве. Многочисленные малые и средние предприятия, существовавшие в Германии, предъявляли индивидуальные и самые разнообразные требования к станкам, запасным частям и вспомогательным материалам, по которым плановые органы лишь с большим трудом могли давать свои оценки и принимать соответствующее решение. И вообще в их необозримом многообразии малые и средние предприятия с большим трудом поддаются централизованному «планированию». Плановые органы справляются со своими задачами, связанными с оценками и регулированием, относительно лучше тогда, когда на немногочисленных предприятиях, использующих небольшое количество видов унифицированного сырья и ограниченное количество технологических процессов, производится массовая продукция. Относительное однообразие сельскохозяйственной продукции объясняет также и то, почему сельское хозяйство «планировать» легче, чем промышленность.

Так, централизованно управляемая экономика привела не только к тому, что были осуществлены унификация и нормирование, но и к тому, что в ходе нового промышленного строительства создавались крупные предприятия. Стоит вспомнить хотя бы автомобильный завод фирмы «Фольксваген» в Фаллерслебене. При этом принципиально важно, что не только размеры предприятия оказывают влияние на экономический порядок. Об этом много писалось в специальной литературе, в которой высказывалось мнение о том, что увеличение размеров предприятий способствовало возникновению монополий или формированию централизованно управляемой экономики. Иногда это действительно имело место. *Однако существует и обратная причинная связь. В зависимости от экономического порядка optimum размера предприятия ищут в разных местах.* Так, например, в рамках экономического порядка, присущего централизованно управляемому хозяйству, создаются (или им отдается предпочтение) особо крупные производственные единицы, которые в иных условиях, возможно, никогда бы не возникли в стране. Именно так было в Германии. Выбор исключительно крупных производственных единиц вытекает из особой формы планирования, которая осуществляется в централизованно управляемой экономике.

Многолетнее существование режима централизованно управляемой экономики придало народному хозяйству Германии иной характер. Широкое распространение получили крупные предприятия, нормирование, унификация, стандартизация. Там, где это происходило недостаточно быстро, что, разумеется, также имело место, возникали трудности и помехи. Это происходило, к примеру, из-за производства многочисленных типов транспортных средств, что очень затрудняло снабжение армии запасными частями в условиях существования централизованно управляемой экономики.

2. Как мы знаем, планы разрабатывались отраслевыми отделами. Но ведь каждый из этих отделов стремился к тому, чтобы производить как можно больше. Ведь каждый отраслевой отдел считал свою продукцию особо важной. Так, скажем, кожевенный отдел пытался получить по возможности больше угля, транспортных мощностей и т.д. для расширения производства кожи. Но ведь и все другие отраслевые отделы нуждались в угле, транспорте и т.д. Нам известно, что конфликты, возникавшие в борьбе между отделами за средства производства, особенно за рабочую силу, должны были решаться предписаниями из центра. Однако до того, как поступило обращение в вышестоящее министерство или самую высокую политическую инстанцию и оно могло принять решение, нередко протекало много времени. Между тем каждый отдел всеми способами стремился обеспечить себя средствами производства или рабочей силой. Это столкновение интересов отделов было характерно для централизованно управляемой экономики. «Анархическая групповая борьба», видимо, системно имманентна этой форме экономического порядка. И хотя вышестоящие органы часто осуществляли авторитарное вмешательство, необходимо знать эту тенденцию к групповой анархии, чтобы иметь возможность понимать саму суть регулирования аппарата.

3. Метод централизованного регулирования приводит еще и к тому, что руководящий слой, который осуществляет регулирование экономического процесса, является иным, чем, например, руководящий слой в экономике полной конкуренции. Коммерсант исчезает по мере становления централизованно управляемой экономики, поскольку одновременно сводится на нет его главная задача, состоящая в том, чтобы приспособливаться к потребностям, изыскивать возможности поставок, находить новые шансы получения прибыли. Вместо него на первый план выходит человек, имеющий техническое образование (инженер). Эти сдвиги происходили как на предприятии, так и в плановых органах. Как известно, на предприятиях нередко отмечаются напряженные отношения между коммерсантом и инженером. В период существования в Германии централизованно управляемой экономики это напряжение было снято в пользу инженеров. Однако в руководстве плановых органов наряду с инженером, которому оказывалось явное предпочтение, важную роль играли статистики в силу того, что статистика сопровождает и оказывает поддержку всему процессу планирования, начиная с разработки первого проекта, разработки количественных балансов и кончая сопоставлением плановых показателей с фактическими.

Впрочем, и это изменение руководящего слоя не является случайным, оно также результат своеобразного метода регулирования

централизованно управляемой экономики. С этим методом все больше и больше увязывается тенденция к вытеснению экономических соображений техническими.

4. Следует, наконец, поставить вопрос о том, устанавливается ли *состояние равновесия* в централизованно управляемой экономике.

Те руководители плановых органов, которые размышляли над этим вопросом, склонялись к тому, чтобы ответить на него утвердительно. Здесь они подразумевали под равновесием гармоничность количественного баланса своего отдела. Руководство же центральных ведомств считало, что количественные показатели, которые приводились в количественных балансах различных отделов, в конечном счете были полностью взаимоувязаны между собой. Всеохватывающие переговоры между отделами и, наконец, решения вышестоящих центральных органов могли, как считалось, привести к такому результату, когда, например, количество угля, которое получал кожевенный отраслевой отдел, в балансе отраслевого отдела «Уголь» будет такое же, как и в балансе самого кожевенного отдела, и когда количества изделий из кожи, скажем приводных ремней, конской сбруи и т.д., в отраслевых отделах «Промышленность» и «Сельское хозяйство» равны тем количествам, которые проводятся в балансах кожевенного отдела. Тогда планы, по мнению центрального руководства, будут полностью выравнены между собой и в них будет обеспечено количественное «равновесие».

Однако это равновесие, если оно действительно достигнуто, не является просто экономическим равновесием. В силу этого остается открытым вопрос, создается ли экономическое равновесие централизованно управляемой экономикой или существует ли по крайней мере хотя бы тенденция к установлению равновесия.

На данный вопрос ответить трудно, так как понятие равновесия, имеющее смысл в рыночном хозяйстве, не может быть безоговорочно использовано применительно к централизованно управляемой экономике. В рыночном хозяйстве мы можем различить три различные ступени равновесия.

Прежде всего речь идет о равновесии, *присущем индивидуальному хозяйству*, то есть о равновесии домашнего хозяйства или предприятия. Но в централизованно управляемой экономике достижение равновесия *домашнего хозяйства* невозможно и к его установлению не стремятся. Для централизованно управляемой экономики жорее характерно то, что домашнее хозяйство не может активно выступать со своим спросом и что оно на основе централизованных глобальных контингентов получает определенные количественные отчисления. При этом может возникнуть ситуация, при которой домашнее хозяйство получит, к примеру, относительно мало хлеба и в

то же время вдоволь табачных изделий, хотя в нем нет ни одного курящего. Следовательно, «выравнивания удовлетворения потребностей» и достижения предельной полезности не происходит. Второй закон *Госсена* здесь не действует. Это обстоятельство приводит к тому, что домашние хозяйства пытаются максимально удовлетворить потребности путем обмена, иными словами, путем использования средств, несвойственных централизованно управляемой экономике. (*Бароне* и многие его последователи приходят к иному результату, потому что они работают с моделью, не свойственной централизованно управляемому хозяйству. Они исходят из того, что отдельные получатели дохода получают от центральной администрации определенное количество денег, которыми они могут свободно распоряжаться. В таком случае принцип «балансирования удовлетворения потребности» или «равновесия в домашнем хозяйстве» был бы осуществлен и, следовательно, действовал бы второй закон *Госсена*. Но тем самым государство передало бы регулирование экономического процесса потребителям и прекратило бы осуществлять централизованное регулирование.)

Также и на отдельно взятых предприятиях в рамках централизованно управляемой экономики равновесие, присущее индивидуальному хозяйству, не принимается в расчет. Не приходится говорить о том, что предельные доходы капитала были бы там одинаковыми для всех видов средств производства, что, таким образом, там имеет место «закон выравнивания предельных доходов» или существует тенденция к тому. Ибо отдельно взятое предприятие разрабатывает лишь субсидиарные хозяйственные планы и должно довольствоваться теми отчислениями, которые направляются ему плановые органы.

Подобно тому как равновесие, присущее индивидуальному хозяйству, не адекватно централизованно управляемой экономике, так и *частичное равновесие отдельных рынков* является представлением, чуждым этому типу хозяйства. Возьмем хотя бы проблему жилья в городе. Если жилье станет распределяться не через предложение и спрос на рынке жилья, а в централизованном порядке, то есть путем выделения квартир, то не установится «равновесия» в смысле рыночной экономики. Дело в том, что происходит не выравнивание двух самостоятельных величин — спроса и предложения, — а распределение существующего резерва в соответствии с плановыми потребностями центрального органа.

Если непригодны оба этих представления о равновесии, то приемлемым для централизованно управляемой экономики оказывается третье представление о народнохозяйственном равновесии. Вопрос лишь в том, могут ли в рамках централизованно управляемой экономики процессы производства всех товаров, то есть использование всей рабочей силы и всех средств производства, быть организованы в

таком пропорциональном соотношении между собой, которое позволяло бы им — при условии взаимного дополнения — оптимально служить удовлетворению плановых потребностей. Централизованно управляемая экономика не располагает средством для реализации такой пропорциональности. У нее нет механизма регулирования, который дал бы импульс движению в направлении к установлению равновесных пропорций между всеми производственными процессами. Глобальных оценок и количественного расчета, которые нельзя улучшить путем включения механизма цен, оказывается недостаточно для того, чтобы реализовать эту взаимоувязку. Данное обстоятельство, как это еще будет показано ниже, имеет значение прежде всего для инвестиционного процесса.

V. Дополнение

1. В самом начале выяснилось, что того, кто исследует экономический порядок, присущий преимущественно централизованно управляемому хозяйству, предприятия и домашние хозяйства отсылают к плановым органам. Там он знакомится с механизмом регулирования. Когда же он возвращается обратно к предприятиям и домашним хозяйствам, ему бросается обратно к предприятиям и домашним хозяйствам, ему бросается в глаза, что процессы, протекающие, скажем, на предприятиях, не соответствуют тому, что ему было сказано в плановых органах. Это расхождение весьма существенно для экономического процесса. И хотя все процессы на предприятиях протекают как бы под сенью планирования, присущего централизованно управляемой экономике, предприятия разрабатывают свои собственные субсидиарные планы.

Поэтому тот, кто хочет понять экономический процесс в Германии, протекавший в эти годы, должен также знать и эти субсидиарные планы индивидуальных хозяйств и соответствующие решения.

К примеру, немецкая обувная фабрика получала по распределению кожу, уголь, электроэнергию и, руководствуясь производственными предписаниями, производила из этого обувь определенного качества. Но при таком распределении нередко отсутствовали отдельные материалы, скажем, запчасти для станков, фурнитура или химикалии. Или же то, что распределялось, поступало поздно. Следовательно, так или иначе давало о себе знать отсутствие равновесия. Предприятие находило выход в том, что использовало свои собственные «черные» запасы либо осуществляло закупки или обмен. В противном случае производство было бы невозможным. Центральные планы часто принимали в расчет только так называемые «основные виды сырья». Прочие материалы предприятия приобретали частным путем. Плановые органы нередко учитывали то, что предприятия сами находили выход из

затруднительного положения, что у них были запасы, о которых не докладывалось наверх, или что они совершали бартерные сделки. Так планы предприятий дополняли систему централизованно управляемой экономики и оказывали ей поддержку.

Неверно утверждение, что так называемый черный рынок всегда мешал реализации производственных заданий центральной администрации. Дело обстояло совсем наоборот. В современном промышленном производстве предприятия нуждаются в столь разнообразных вспомогательных материалах и деталях, что центральные плановые органы были не в состоянии обзореть это разнообразие, несмотря на всю стандартизацию продукции. Для наглядности приведем пример. Машиностроительный завод своевременно изготовил перечисленные в заказе машины. Но он не смог отправить их заказчику из-за отсутствия гвоздей, необходимых для заколачивания ящичной упаковки. Порой случалось, что руководитель предприятия фактически задерживал отправку продукции на несколько месяцев, а именно до тех пор, пока предприятию не распределяли гвозди. Руководители других предприятий поступали иначе. Они опасались последствий запоздалой отгрузки готовой продукции и доставали гвозди самостоятельно, путем обмена. Таким образом, изо дня в день велась «нелегальная» торговля. Но эта «нелегальная» торговля в значительной степени стимулировала выполнение легальных планов. В иных случаях, конечно, это вызывало и определенные помехи.

2. Здесь мы касаемся очень важного общего вопроса: может ли тот сложный производственный процесс, который протекает в современном индустриальном хозяйстве, регулироваться исключительно методами централизованного управления экономикой? Мыслимо ли вообще, что только после полного запрета всех бартерных сделок, всех черных рынков и изъятия всех запасов одна лишь центральная администрация сможет поддерживать ход экономического процесса? На современных предприятиях каждый день потребляются десятки и сотни видов вспомогательных материалов, причем их количество постоянно меняется. Мыслимо ли, что все эти виды сырья, детали, части машин, химикалии и т.д. могут быть своевременно предоставлены центральными плановыми органами и к тому же с обеспечением соответствующего качества? Разве попытка как раз этим путем осуществлять всестороннее регулирование методами централизованно управляемой экономики не является смертным приговором самому этому хозяйству? Можно ли и дальше терпеть подобную диспропорциональность?¹

¹ По этому важному вопросу в первую очередь см.: М. Р о l а н у i. «Full Employment and Free Trade», 1948.

Опыт, накопленный в Германии, России или в других странах, не позволяет дать точный ответ на данный вопрос. Ведь там, как уже отмечалось, заготовки самими предприятиями местных видов сырья и вспомогательных материалов, а также обеспечение рабочей силой или обмен между домашними хозяйствами потребительскими товарами, осуществлявшиеся вне системы снабжения централизованно управляемой экономики, играли существенную роль. Конечно, наблюдения, которые при этом следовало вести, дают возможность заключить, что без подобной «иллегальной» заготовки средств производства и обеспечения рабочей силой в производственном процессе во многих сферах и в течение продолжительного периода времени возникали бы перебои. Своеобразие этого явления не состоит в том, что чистая форма порядка — централизованно управляемая экономика — нуждается в дополняющих формах порядка. Последнее наблюдается и в других формах порядка. Так, например, из истории известно, что «собственные натуральные хозяйства», в которых небольшие семейные союзы являются носителями экономического процесса и в которых глава семьи управляет экономическим процессом, в большинстве случаев не существуют в чистой форме. Как правило, определенные виды товаров, например соль или металлы, обмениваются на свои собственные продукты, так что и здесь, хотя по совершенно другим причинам, в экономическом порядке происходит слияние различных форм порядка. Между тем в противоположность другим видам «слияния» органы центрального управления и государство однозначно *запретили* многие дополняющие формы. В данном случае это не так. В этом заключается особенность, имеющая далеко идущие последствия. Функционирование методов регулирования, присущих централизованно управляемой экономике, предполагало существование, например в Германии, актов частного обмена, который осуществлялся зачастую *вопреки* особым распоряжениям органов централизованного управления.

3. В любом случае можно констатировать следующее. Как мы уже видели, планирование, свойственное централизованно управляемой экономике, позволяет выравнивать натуральные балансы планов, разработанных отраслевыми отделами. Благодаря этому возникает определенное статистическое равновесие. Но поскольку обобщающий экономический расчет позволяет делать лишь грубые оценки издержек, то центральная администрация не располагает средством установления состояния общехозяйственного равновесия. Однако если предприятия (равно как и домашние хозяйства) при реализации центральных планов по возможности все же пытаются путем обмена осуществить принцип «выравнивания предельных доходов» или «равновесия в домашнем хозяйстве», то

эти субсидиарные планы и самостоятельные действия предприятий и домашних хозяйств приближают экономический процесс к состоянию равновесия в большей мере, чем это было бы возможно сделать централизованно управляемой экономике с присущими ей средствами регулирования.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ: ОТДЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

I. Инвестирование и накопления

И хотя мы, используя средства экономической науки, не можем показать, почему централизованно управляемая экономика *хочет* форсировать вложение капитала, мы все же в состоянии дать ответ на не менее важный вопрос, а именно почему она *может* реализовать эту свою волю. Дело в том, что эта возможность зависит от экономических условий. Как раз с точки зрения инвестиций аппарат централизованно управляемой экономики представляет собой определенный интерес.

1. *В чем состоят различия инвестиционных процессов рыночного хозяйства и централизованно управляемой экономики?*

а) Станкостроительный завод расширяется. Если это происходит в условиях рыночного хозяйства, то план предпринимателя решает вопрос о том, следует ли осуществлять этот проект и если да, то как. В основе плана лежат существующие и ожидаемые цены, то есть издержки нового строительства и оснащения завода, а также ожидаемые цены на сырье и продукцию. При этом решающее значение имеют сроки ожидаемой амортизации вновь устанавливаемых машин. При наблюдаемой сегодня невысокой стабильности данных капиталовложения часто так и не осуществляются, если в расчет приходится брать период амортизации, составляющий более трех или даже пяти лет¹. В любом случае экономический расчет оказывает сдерживающее влияние на любые инвестиции, осуществляет строгий отбор проектов и находит свое отражение в каждом отдельно взятом вложении капитала, например при покупке каждой отдельной машины.

Совсем иначе дело обстоит в централизованно управляемой экономике с ее глобальными и ни к чему не обязывающими оценками. Вопрос о том, должен ли строиться новый машинострои-

¹ По этому вопросу см.: F. L u t z. «The Interest Rate and Investment in a Dynamic Economy». — *American Economic Review*, 1945, p. 811 ff.

тельный завод, решался, к примеру, в Германии министерством экономики, позже — военным министерством. Министерство изучало вопрос, давая ему оценку и определяя, принесет ли машиностроительный завод как единое целое пользу общему плану. Но министерство не могло провести сопоставления стоимости капиталов, вложенных в новостройку, со стоимостью тех капиталов, которые могла бы принести данная новостройка. Элемент продолжительности амортизации не был решающим, не учитывался также и ссудный процент. Оба этих момента не создавали никаких помех. Поэтому приступали к осуществлению также весьма крупных капитальных вложений, которыми охватывался весьма продолжительный период времени в будущем. Проводились лишь глобальные сопоставления того, какую пользу могли бы принести рабочая сила и средства производства в данном и конкурирующем вариантах их использования. Таким образом, в централизованно управляемой экономике нет автоматической системы, оказывающей тормозящее воздействие на инвестиции и действующей в механизме рыночного хозяйства.

При получении одобрения на реализацию проекта министерство выдавало разрешение на получение необходимой рабочей силы, цемента, стали и т.п., которые распределялись затем отраслевыми отделами. Инвестиции приводились в движение. При этом банки оттеснялись на второстепенные позиции, поскольку решение о капитальных вложениях принимала центральная администрация и оно не зависело от предоставления кредитов банками. В экономических порядках, присущих централизованно управляемому хозяйству, банки неминуемо теряют свою особую значимость. То, что в дальнейшем банки предоставляли промежуточные кредиты и при известных обстоятельствах выступали посредниками в выпуске облигаций машиностроительного завода, было несущественно и использовалось лишь в последующих расчетах. Переориентация рабочей силы и средств производства обуславливалась не получением кредита, а распоряжениями центрального ведомства. Покупка ценных бумаг или накопления получателей доходов также имели лишь второстепенное значение, хотя не использовавшиеся вкладчиками суммы пускались в дело. Это не оказывало никакого влияния на регулирование инвестиционного процесса. Короче говоря, вложения капитала были весьма простым делом, и они не могли потерпеть неудачу по причине, например, недостаточной ликвидности банков, из-за положения на рынке ценных бумаг или возможного изменения цен.

б) Чтобы правильно понять проблему, нам придется еще точнее изучить совокупный экономический процесс.

О чем же, собственно, идет речь, когда говорят об инвестициях? Рассмотрим очень простой случай. Крестьянин собрал 20 центнеров пшеницы. Часть зерна он отправит на помол и выпечку хлеба, который пустит на потребление. Другую часть зерна он использует на корм скоту, а также в качестве посевного материала. В двух последних случаях пшеница как бы «возвращается в исходное состояние». Последнее означает, что зерно от той точки производственного процесса, на которой оно находится, не доводится кратчайшим путем до потребления, а используется в другом, далеком по времени от этого места, в других производственных процессах в качестве средства производства. Каждое «возвращение в исходное состояние» означает вложение капитала.

Рассмотрим теперь народное хозяйство в целом, к примеру народное хозяйство Германии 1939 г. Мы видим перед собой всю землю страны, все горные предприятия, заводы, железные дороги, запасы сырья и рабочую силу такими, какими они были на тот момент. Как должен был регулироваться экономический процесс во времени? Рабочая сила и материальные средства производства по возможности могли быть использованы в строительстве новых заводов, в расширении сети железных и шоссейных дорог, для интенсификации сельского хозяйства и, следовательно, изъяты из текущего снабжения потребительскими товарами. Тогда в максимальном объеме произошло бы «возвращение в исходное состояние» и осуществились бы инвестиции. Или совсем наоборот. Существующие на данный момент рабочая сила и материальные средства производства могли быть по возможности целиком направлены на текущее потребление или потребление ближайшего будущего, и имеющиеся машины, оборудование или скот могли быть полностью израсходованы без какой-либо замены. Очевидно, что регулирование экономического процесса во времени имеет исключительно большое значение для снабжения потребительскими товарами и для величины производственного аппарата. Между обеими крайностями и будет существовать реальность¹.

Как выносятся решение? В зависимости от структуры экономического порядка это происходит по-разному. Если получатели дохода как потребители подчиняют своему влиянию экономический процесс, то регулирование по времени зависит от них и от того, каким временем они располагают, то есть также и от накоплений. Это происходит в условиях полной конкуренции и при наличии определенной денежной системы. Здесь отказ от потребления предшествует капиталовложениям или «возвращению в исходное состояние».

¹ Подробнее проблема освещается в моих статьях: «Der Wirtschaftsprozess als zeitlicher Hergang» и «Die zeitliche Lenkung des Wirtschaftsprozesses». — «Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», Bd. 152 (1940), Bd. 159 (1944).

Но если деньги возникают в рамках актов предоставления кредитов или если реализованы монополистические формы рынка, то инвестиции могут предшествовать накоплениям, а отказ от потребления по определенным группам получателей дохода вынужденно осуществляется задним числом. Следовательно, вопрос о капиталовложениях решается предпринимателями и банками, а не потребителями. Но и в этих экономических порядках голос потребителей окончательно не умолкает. Он проявляется в ценах и ценовых ожиданиях.

Однако в централизованно управляемой экономике потребители оказываются свергнутыми со своего трона. Они больше не регулируют экономический процесс. Они больше не притягивают к себе через цены производительные силы и не принимают решений о «возвращении в исходное состояние». Центральная администрация оделяет население потребительскими товарами. Она направляет производительные силы в промышленность, производящую средства производства, или, лучше сказать, отдает распоряжение о «возвращении в исходное состояние». Потребители этому не препятствуют, ибо администрация в состоянии сделать то, что невозможно ни в одной из форм рыночного хозяйства, а именно исключить воздействие потребителей на экономический процесс и тем самым на *инвестиции*.

Теперь можно точнее охарактеризовать и объяснить особые отличительные признаки инвестиций в централизованно управляемой экономике. Во-первых, они состоят в том, что удастся рабочую силу и средства производства в наибольшей степени ориентировать на вложения капиталов. Во-вторых, они проявляются также в том, что существуют специфические трудности в установлении пропорций при осуществлении инвестиций. Чтобы получить правильную и цельную картину, необходимо одновременно учитывать оба этих аспекта.

2. Почему центральная администрация может в таких больших объемах направлять рабочую силу и средства производства в сферу капиталовложений, как это было, например, после 1938 г. в военной промышленности Германии и после 1945 г. в восточной зоне страны с инвестициями за счет средств по репарациям? Два момента были и остаются решающими в этом отношении.

а) Центральная администрация может описанным выше способом направлять средства производства в сферу капитальных вложений, не испытывая при этом помех со стороны потребителей: вместо того чтобы производить текстильные товары для потребления и продовольствие, а также осуществлять жилищное строительство, она отдает распоряжение о строительстве шоссе, домов, авиационных заводов и т.п.

Но где предел этому отходу от производства потребительских товаров? Где здесь устанавливается граница капиталовложения?

Такой границей является «минимальный уровень снабжения» различных категорий населения. Если вся рабочая сила и все материальные средства производства будут использоваться на строительстве заводов, в производстве машин и других средств производства, иными словами, если потребительские товары вообще не будут производиться, если вся рабочая сила и средства производства будут «возвращаться в исходное состояние», то очевидно, что это погубит весь народ и планы капиталовложений тоже не смогут быть реализованы. Понятно, что так далеко администрация пойти не может. Она сохранит определенное количество рабочей силы и материальных средств производства в производстве продовольствия, одежды и т.д., чтобы в свою очередь сохранить рабочую силу, необходимую для достижения инвестиционных целей.

Понятием «минимальный уровень снабжения» обозначается важное обстоятельство, без знания которого нельзя понять централизованно управляемую экономику. Это — то понятие, которое необходимо и для теории централизованно управляемой экономики. Минимальный уровень снабжения означает такое количество потребительских товаров, которое должно выделяться рабочей силе отдельных категорий, чтобы сохранить ее работоспособность. Этот уровень различен в зависимости от вида деятельности: к примеру, лесорубу требуется больше обуви, чем рабочему-металлисту. Минимальный уровень снабжения определяется географическими факторами: в зависимости от климата, характера и обычаев местного населения он различен. Плановым органам надлежит также учитывать существующий в каждом конкретном случае минимальный уровень. Если, скажем, горняк не получает минимального уровня снабжения, то добыча угля незамедлительно уменьшится, о чем свидетельствуют результаты точных исследований, проведенных в Германии.

Быть может, минимальный уровень снабжения лишь временно имеет силу? Разве эти капиталовложения осуществляют не для того, чтобы в конечном счете служить будущему улучшению снабжения потребительскими товарами? Именно так можно было бы возразить, правда, без должного обоснования. До тех пор пока максимальное увеличение капитальных вложений находится в центре внимания центральных планов экономического развития, предыдущие инвестиции в металлургические заводы, электростанции и другие отрасли промышленности, производящие средства производства, служат прежде всего тому, чтобы производить такие товары, которые опять же используются для нового инвестирования. Нам известно, что крупные исторические силы оказывают давление в этом направлении.

6) Формирование тенденции к быстрому росту капиталовложений в централизованно управляемой экономике объясняется еще одной причиной.

Дело в том, что это хозяйство может использовать товарные запасы без соответствующего возмещения. К примеру, оно может направить изъятые запасы прядильных и ткацких фабрик или запасы металлов оптовой торговли на переработку без вознаграждения. Это часто имело место в Германии. Хотя тогда предприятия и получали деньги, но на эти деньги нельзя было получить никаких товаров. Благодаря этому «экономились» средства производства для инвестиций. Нередко эти предприятия вкладывали крупные денежные средства, которыми они располагали, в долговые обязательства рейха. Здесь особо четко проявляется то, что централизованно управляемая экономика базируется не на обмене, а на распределении.

Следовательно, наряду с капиталовложениями в определенные области одновременно имело место «проедание капитала», или «деинвестирование» в других областях, и как раз это проедание капитала существенным образом способствовало осуществлению инвестиций в других местах. Таким образом, германская промышленность представляла собой своеобразную и противоречивую картину. С одной стороны, существовали предприятия с уменьшающимися запасами и ухудшающимся машинным парком, с другой — строились новые предприятия и расширялся производственный аппарат. Даже внутри одной и той же фирмы можно было обнаружить этот процесс частичного проедания капитала и частичного сверхинвестирования. В любом случае центральной администрации удавалось и этим способом высвобождать для тех капиталовложений, которые она намеревалась осуществить, больше средств производства, чем это было бы возможно сделать с помощью методов регулирования рыночного типа, базировавшихся на обмене. Итак, существенным является не только радикальное перемещение средств производства из отраслей промышленности, производящих потребительские товары, в отрасли промышленности, производящие средства производства, но и то обстоятельство, что подобное перемещение осуществлялось без соответствующего возмещения.

3. Это одна сторона инвестиционного процесса в централизованно управляемой экономике, то есть его способность быстро сосредоточивать рабочую силу и средства производства на реализации определенных планов капитальных вложений. Теперь обратим внимание на его другую, не менее важную сторону. Мы знаем, что любое вложение капиталов требует дополняющих капита-

ловложений и что вопрос состоит в том, чтобы установить соответствующие пропорции и сделать правильный выбор из невообразимого множества возможных инвестиций. Централизованно управляемая экономика с ее глобальными оценками и статистическими выкладками не обладает системой регулирования, позволяющей согласовывать между собой экономические блага. Так, например, объем капиталовложений в строительство автомобильных дорог в середине 30-х годов был слишком велик и пропорционально не соответствовал расширению производства бензина. В противоположность этому капиталовложениям в строительство железных дорог длительное время не уделялось серьезного внимания и они не соответствовали транспортным потребностям, которые, как и другие капиталовложения, существенно выросли.

Здесь, как и в других местах, выявилось, что центральная администрация была не в состоянии обеспечить равновесие инвестиций.

4. И в этом отношении централизованно управляемая экономика проявляет *антагонизм*.

Предрасположение к инвестициям, которое овладело ею, может быть легко реализовано путем ограничения текущего потребительского спроса, к тому же этот тип экономики может без учета момента риска разрабатывать далеко идущие планы капиталовложений и приступать к их реализации. Одновременно эта тенденция характеризуется тем, что в ее рамках осуществляются односторонние и непропорциональные инвестиции. Происходит чрезмерное расширение одних отраслей, а другие отстают в своем развитии.

Количественный рост капитальных вложений связан с недостаточным качественным отбором. Если нет дополняющих инвестиций, то экономическая значимость отдельных инвестиций соответственно невысока, о чем свидетельствует пример строительства скотного двора в собственном натуральном хозяйстве. Это мы уже пережили в Германии. Экономическая значимость крупномасштабного дорожного строительства никак не соизмерима с затратами. Таким образом, и качественная экономическая сторона, то есть величина значимости капиталовложений, зависит от их равновесия, иными словами, от сложившихся в них пропорций.

(Уже по этой причине трудно сопоставлять сумму накоплений с суммой капитальных вложений. Что такое сумма капиталовложений? С экономической точки зрения это может быть только стоимостная, или ценовая, величина. Последняя зависит также от того, насколько скоординированы по времени и в материальном отношении отдельные инвестиции. Объем и значимость инвестиций не идентичны. Экономическое сопоставление накоплений и капиталовложений может быть лишь сравнением значимости.)

II. Производство и распределение

1. Распределение социального продукта в централизованно управляемой экономике осуществляется принципиально по-иному, чем в экономике, где доминирует полная конкуренция. Здесь, в экономической системе, основанной на конкуренции, доходы образуются как бы механически. При комбинировании капитала, рабочей силы и материальных средств производства возникают цены производительных сил. Производство и распределение являются *одним* процессом. Они неразрывно связаны между собой. Одна и та же вещь рассматривается как бы с различных сторон.

В централизованно управляемой экономике власть крупного центрального органа управления распространяется также и на распределение. Именно он определяет доходы. Решающее значение имеет не производственный вклад, который автоматически устанавливается «вычислительной машиной» цен, а планы центральных органов.

Каким же образом они принимают решения?

Центральные планы экономического развития ориентируются, что нам известно, как правило, на максимальный объем инвестиций. Это с известной степенью необходимости предопределяет и само распределение. Получатели доходов не получают ни так мало, что из-за падения работоспособности не могут быть осуществлены максимально возможные капиталовложения, но и не существенно больше этого, поскольку иначе рабочая сила и средства производства были бы изъяты из сферы инвестиций в пользу потребления. Следовательно, различные категории рабочих получают в свои руки «минимальный уровень снабжения» продовольствием, одеждой, жильем и т.д. Я повторяю во избежание путаницы с идеями пятой главы труда *Рикардо*: минимальный уровень снабжения представляет собой то количество потребительских товаров, которое обязательно должна получить каждая категория рабочих для того, чтобы была достигнута определенная отдача от их труда.

2. Минимальный уровень снабжения, разумеется, не может быть установлен индивидуально для каждого отдельно взятого рабочего. Как раз в централизованно управляемой экономике с ее глобальным экономическим регулированием коллективов это невозможно. Плановые органы не в состоянии определить, какое количество потребительских товаров необходимо отдельно взятому человеку для того, чтобы он оставался работоспособным на своем персональном рабочем месте. Вместо индивидуальных решений и здесь издаются предписания глобального характера. Например, продовольственные карточки разбиваются на категории (для рядовых потребителей, рабочих, занятых на тяжелых работах, рабочих, занятых на особо трудных работах).

Впрочем, в Германии также предпринимались попытки увеличить выработку рабочих, выплачивая премии за высокие производственные показатели. Но и это ничего не меняло в основном принципе распределения и снабжения потребительскими товарами. Такого рода премии за высокие производственные показатели являются всего лишь средствами достижения максимальной выработки рабочего в рамках установленного минимального уровня снабжения. Сопоставления стоимости продукта выработки рабочего со стоимостью распределенного количества потребительских товаров не проводилось, да и вообще не могло проводиться. И в данном случае соревнование является средством всего-навсего увеличения объема выработки, а не регулирования экономического процесса, осуществление которого центральная администрация оставляет за собой.

Так обстоит дело с широкими слоями рабочих, служащих и сотрудников исполнительных органов. Но как же образуется доход руководящего слоя, этой узкой вершины широчайшей пирамиды, которую представляет собой общество? Накопленный опыт позволяет дать следующий ответ: распределение благ этому слою, как и в случае с инвестициями, достигается за счет общего снабжения.

3. Представители школы *Бароне* высказали следующее мнение относительно пропорций между распределением и производством: центральная администрация может отделить производство от распределения. Формирование дохода происходит здесь не в силу экономической закономерности, как это имеет место в экономической системе, основанной на конкуренции; не анонимный экономический процесс распределяет среди индивидов причитающиеся им доли. По их мнению, эти доли распределяются по неэкономическим, к примеру этическим, принципам. Следовательно, в этом отношении на них не распространяется действие экономического механизма. Скажем, руководство может распределять доли, исходя из принципа равенства. Вначале распределение талонов, затем производство, которое было бы рационально ориентировано на получение справедливо установленного дохода.

Из вышесказанного видно, в какой мере справедливо это мнение.

- а) На самом деле распределение в централизованно управляемой экономике осуществляется принципиально по-другому, нежели в условиях конкуренции, поскольку оно определяется решениями центральных органов, а не действием механизма цен.
- б) Справедливо также то, что величина доходов, скажем оплата труда за восьмичасовой рабочий день, не зависит от продуктивного вклада рабочего. *В этом отношении* производство и распределение больше не связаны между собой. (Желательность

этого разделения в социальном плане представляет собой серьезный политико-социальный вопрос.)

в) Но между производством и распределением существовала и взаимосвязь иного рода, чего не осознают представители школы *Бароне*. Они предполагают, что в основу планов экономического развития централизованно управляемого хозяйства поставлена цель обеспечить по возможности полное и справедливое снабжение всего населения потребительскими товарами. В силу этого они считают, что вначале происходит справедливое распределение долей, а производство ориентируется на это.

Могла ли данная цель находиться в центре внимания, это еще вопрос. Возможно. Однако науке надлежит изучить реальность. Фактически же цель регулирования экономического процесса в условиях централизованно управляемого хозяйства состоит в том, чтобы достичь максимально высокого уровня капиталовложений. Чтобы иметь перед глазами некоторые примеры, скажем, что так было в Германии и России, и центральные плановые органы Англии в рамках эксперимента после 1945 г. также активно склонялись к тому, чтобы осуществлять инвестиции. В действительности же как объем снабжения потребительскими товарами в целом, так и распределение их между индивидами зависели в первую очередь от инвестиционных планов. Направленность производства определяют не доли, которые распределяются, исходя из этического принципа, и над производством властвуют не доходы, которые сначала были распределены в справедливых пропорциях. Наоборот, установленные в централизованном порядке производственные планы подчиняют распределение своему влиянию, а над этими производственными планами в свою очередь довлеет стремление к достижению наивысшего уровня капитальных вложений.

Утверждение о том, что распределение социального продукта полностью отделено от производства, неверно. Распределение было включено в производственные планы таким образом, чтобы оно по возможности служило своему производству.

Итак, процесс распределения в централизованно управляемой экономике также не избегает теоретического анализа. Во всех случаях, в которых производственные планы ориентированы прежде всего на увеличение капиталовложений, что, как правило, имеет место, распределение осуществляется по определенным правилам.

III. Монополия и централизованно управляемая экономика

1. Переход к централизованно управляемой экономике, например в Германии, был в значительной мере облегчен в результате промышленной концентрации, существования концернов и синдикатов. Там,

где имелись крепкие синдикаты, такие, как в угледобывающей промышленности, черной металлургии, калийной и цементной промышленности, оставалось просто преобразовать правления синдикатов в отделы центральной администрации. Это было весьма просто. Синдикаты обретали публично-правовые функции, равно как и принудительный характер. К примеру, чугунный синдикат отныне централизованно распределял чугун, который он, будучи монополией, прежде продавал. Бюрократия синдикатов и внутренняя организация в основном оставались прежними. Впрочем, и концерны, скажем, металлургической и химической промышленности также оказались теми строительными элементами, которые можно было без труда вмонтировать в здание централизованно управляемой экономики. Существовавший административный аппарат «И.Г.Фарбениндурии», к примеру, следовало без разговоров использовать в качестве инструмента управления отдельными отраслями химической промышленности. И это вовсе не потому, что в прошлом его как бы создали для этой цели. И все же он превосходно служил ей. Однако повсюду там, где синдикаты и концерны не имели места, как это было во многих отраслях машиностроения или промышленности по переработке бумаги, строительство централизованно управляемой экономики столкнулось с определенными трудностями. Здесь пришлось заново создавать центральные органы, к тому же не было той бюрократии, которая требовалась.

Родственные узы как раз концернов и централизованно управляемой экономики оказались более тесными. Крупный, частично монополистический концерн сигаретной промышленности продавал свои сигареты как фирменное изделие по установленным единым картельным ценам вплоть до самого последнего покупателя и сделал торговлю полностью зависимой от себя, так что она фактически превратилась в «распределителя», состоящего на службе администрации концерна. Сам же концерн, опираясь на суггестивную рекламу, установил свое влияние над потреблением. От этого частично монополистического господства на рынке до распределения сигарет центральной администрацией и до установления торговой скидки для распределителя остается небольшой шаг. В централизованно управляемой экономике исчезает не только влияние потребителей на экономический процесс, но и самостоятельность, а также регулирующая функция торговли. Концерны и синдикаты и в этом отношении подготовили соответствующую почву. Кроме того, оказалось бы, что даже экономический расчет концерна проявляет те же черты, что и экономический расчет централизованно управляемой экономики. Уже в самом концерне возникают трудности осуществления удовлетворительного расчета издержек, и в рамках экономического расчета возрастает роль статистики¹.

¹ См.: G. K o b e r s t e i n. «Die Wirtschaftsrechnung des Konzerns», 1949.

В одном из важных распоряжений 1942 г. говорится следующее: «Простое и целесообразное осуществление планирования практически всегда обуславливает привлечение организаций промышленного хозяйства, картелей, органов распределения, рингов и комиссий, а также региональных ведомств, от которых отдельно взятые предприятия должны получать соответствующие распоряжения». Они были, следовательно, органами центрального планирующего ведомства. Кроме того, для центрального ведомства было проще вести переговоры с немногими крупными субъектами, чем с многочисленными мелкими. По этой причине сильно было также влияние частных властных группировок, которое приводило к тому, что ущемлялись интересы более мелких конкурентов. *Экономические властные структуры частной и публично-правовой формы вращались друг в друга.*

2. Но разве в таком случае не правильно было бы рассматривать централизованно управляемую экономику как один из случаев монополии? Или как некое средоточие монополий?

На данный вопрос отдельные теоретики дают положительный ответ. В таком случае экономические порядки Германии и России 1942 г. были бы порядками, в которых доминировали бы монополии. Последние существовали бы в каждой отрасли производства, а все монополии объединялись бы в единую монополию, именно в центральную администрацию. Тем самым анализ монополии «поглотил» бы анализ централизованно управляемой экономики.

На самом деле теоретический анализ показывает, что схожесть экономических процессов в том и другом случае существует. К примеру, при формировании заработной платы. В форме рынка, в которой существует монополия покупателей, заработная плата, как известно, может быть доведена покупателями-монополистами до уровня, лежащего гораздо ниже предельного дохода труда. Это наблюдалось бы в том случае, если бы, например, прядильная фабрика, расположенная в долине, являлась бы единственным покупателем рабочей силы и рабочие предлагали бы свои услуги в условиях конкуренции. В централизованно управляемой экономике рабочие в равной степени зависимы, правда, не от частного лица, руководителя прядильной фабрики, а от центральной администрации. Разве они не сталкиваются здесь и там с монополией?

3. Между тем уже этот пример позволяет распознать существенную разницу между монополией и централизованно управляемой экономикой. Правда, властные позиции руководства прядильной фабрики в условиях монополии покупателей довольно сильны и рабочие находятся в зависимости от данного обстоятельства.

Однако тут нет трудовой повинности или принудительного привлечения рабочих к отбыванию трудовой повинности, которые имеют место в централизованно управляемой экономике. И потребительские товары не направляются по распределению, их можно покупать на рынке.

Если говорить в общем, то в централизованно управляемой экономике нет спроса и предложения, равно как и рынков. Отсутствует также обмен. Он вытеснен распределением. В этой экономике нет многочисленных самостоятельных носителей планов, которые вступают между собой в хозяйственные отношения.

В отличие от этого в рыночном хозяйстве их по меньшей мере два, а именно в форме рынка двусторонней монополии. Это имело бы место, например, в том случае, если бы железные дороги Германии в качестве монополиста-покупателя приобретали железнодорожные вагоны у вагостроительного союза, являвшегося монополистом-продавцом. Но как только процесс вагостроения стал регулироваться центральными административными органами, союз перестал быть самостоятельным носителем плана и превратился в инструмент центральной администрации, которой подчинялись также и железные дороги Германии. Необходимые для вагостроения металл, рабочая сила и т.п. распределялись централизованно. Объем товарооборота больше не определялся рынками и ценами. Впрочем, все еще существовал план по вагостроению, но он был всего-навсего несамостоятельным разделом общего плана.

Монополистическая форма рынка и централизованно управляемая экономика соприкасаются по многим аспектам. Но это два государства, в которых жизнь, то есть экономический процесс, протекает совершенно по-разному. Особенно примечательным для централизованно управляемой экономики является то, что потребности устанавливаются теми же самыми хозяйственными органами, которые также осуществляют регулирование производственного процесса.

IV. Международная торговля

1. Какими товарами торгуют на мировом рынке, в каких пропорциях и объемах они обмениваются и как регулируются потоки капиталов — все эти вопросы, как известно, в рыночном хозяйстве решают механизмы цен стран-участниц и обменные курсы валют. В частности процессы весьма различны. Они зависят от тех форм рынка и денежных систем, которые уже реализованы. Поскольку монополии, частичные монополии или олигополии доминируют на рынках стран, постольку внешняя торговля зависит от рыночной стратегии этих продавцов или покупателей. В то же

время в форме рынка полной конкуренции рыночная стратегия отсутствует.

Как же протекает процесс международной торговли, если в ней участвуют страны, в которых экономический процесс регулируется центральными административными органами?

2. Целый пакет вопросов содержится в этом одном большом вопросе, поскольку здесь следовало бы рассмотреть множество отдельных случаев. Может случиться, что центральная администрация в стране *A* станет вести переговоры с центральной администрацией в стране *B* или с отдельными частными монополистическими инстанциями, частичными монополиями или олигополиями в стране *B*. Или же в стране *B* существуют конкурентные рынки. В зависимости от этого процесс международной торговли протекает по-разному. По-иному он станет протекать также в зависимости от того места, какое внешняя торговля занимает в общем плане, а именно в зависимости от того, включает ли центральная администрация свои внешнеторговые планы заранее в общий народно-хозяйственный план, или же она намеревается создать замкнутый внутренний план страны и отводит внешней торговле лишь задачу выравнивания возникающих диспропорций, либо она сама одновременно осуществляет как одно, так и другое. Все эти вопросы, ответы на которые в известной мере помогает найти немецкий опыт, имеют важное значение.

Впрочем, остановимся здесь на том одном случае, который крайне редко реализуется, но который представляет собой особый интерес для анализа централизованно управляемой экономики, поскольку он является предельным случаем. В 1945 г. крупный экономический регион, которым была Германия, расчленили на четыре зоны, в которых были созданы многочисленные земли с собственными правительствами, причем каждая земля создавала для себя свою собственную централизованно управляемую экономику. Из одной крупной централизованно управляемой экономики отныне стало полторы дюжины. С распределением, прежде практиковавшимся в рамках всей Германии, было покончено. На его место пришла межзональная торговля. Это была торговля между многими централизованно управлявшимися хозяйствами. Отныне, например, машиностроительные заводы Южного Бадена уже не получали сталь по распределению от соответствующего органа рейха. Центральная южнобаденская администрация была вынуждена получать ее от центральных органов английской или американской зоны в обмен на табак, швейные шелковые нитки или карбид.

Этот обмен отличался от обычной международной торговли не только тем, что участники обмена пользовались одной и той же ва-

лютой, а именно маркой, но и тем, что на все товары и услуги заранее были установлены одинаковые цены. Следовательно, если земля *А* получала от земли *В* картофель в обмен на скобяные изделия, то торговля велась на основе одинаково высоких установленных государством цен на картофель и скобяные изделия. Правда, цены играли при этом своеобразную роль.

3. Что же получилось из этого эксперимента?

- а) С централизованно управляемой экономикой внутри страны неизбежно было связано и централизованное регулирование внешней торговли. Если бы в земле *В* торговцы и промышленники свободно обменивали табачные изделия и текстильные товары на сталь, кожу или посевной материал на основе договоров с торговцами земли *А*, то земли *А* и *В* могли бы отказаться от внутреннего центрального планирования, поскольку сталь, кожа, посевной материал, текстильные товары и т.д. изымались внешней торговлей из рук центральных органов планирования. Централизованно управляемая экономика и свободная внешняя торговля несовместимы. Это стало причиной провала всех попыток, предпринимавшихся — в том числе и со стороны оккупационных властей — для восстановления более свободного товарообмена внутри Германии без того, чтобы отказаться от централизованно управляемой экономики в каждой из земель.
- б) Центральные ведомства с их глобальными оценками проявляют тенденцию к тому, чтобы торговать такими массовыми товарами, как, скажем, каменный уголь, древесина или электроэнергия. Даже в тех землях, в которых перерабатывающая промышленность в первую очередь принималась в расчет на предмет обмена с другими землями, этот обмен сокращался, в то время как поставки массовых товаров оставались на относительно высоком уровне или даже расширялись. Центральные административные органы оказались не в состоянии путем обмена доставлять потребителю разнообразные продукты перерабатывающей промышленности. Здесь необходимо умение приспосабливаться к рынку, постоянно использовать меняющиеся возможности рынка, быстро принимать решения.
- в) Сколько и что именно экспортировалось и импортировалось, не зависело от точных расчетов. Принцип издержек также не мог быть правильно применен на деле. Вот пример. Земля *А* предложила земле *В* пищевые машинки, общая стоимость которых составляла 40 000 марок. Земля *А* требовала за это швейные шелковые нитки, производившиеся в земле *В*. Компетентные органы должны были теперь решить вопрос оценки, несмотря на существование официально установленных цен на пищевые машинки

и швейные шелковые нитки, которые были одинаковыми в обеих землях. Дело в том, что эти цены не отражали больше ограниченности товаров. Поставить за 150 пишущих машинок общей стоимостью 40 000 марок такое количество швейных шелковых ниток, стоимость которого составляла 40 000 марок, центральное ведомство земли В отказалось с самого начала. Учитывая более высокую стоимость швейных шелковых ниток, это ведомство считало возможным поставить количество ниток стоимостью 10 000 марок и, кроме того, доплатить 30 000 бумажных марок, которые можно было использовать лишь с громадным трудом. Чтобы правильно поступить, ему следовало сопоставить пользу швейных шелковых ниток с пользой пишущих машинок соответствующих частичных количеств. Но уже одного этого ведомство сделать не могло. У него не хватало данных, необходимых для проведения оценки. Оно было не в состоянии точно установить, какую пользу принесла бы 150-я или 140-я пишущая машинка и какой оказалась бы упущенная выгода от поставки каждого килограмма швейных шелковых ниток. На основе очень грубой оценки центральное ведомство предложило тогда вышеназванный вариант обмена. Но если бы этот обмен действительно должен был быть точно рассчитан, ему надлежало бы дать оценку пользы и остальных товаров. Правильно ли было предлагать для обмена это количество швейных шелковых ниток? Может быть, было бы лучше в обмен за последние 50 килограмм ниток вместо пишущих машинок импортировать картофель, гвозди для подков или пшеницу? В каком количестве? Не правильнее было бы предложить другие товары? То есть не швейные шелковые нитки. Хотя бы частично. К примеру, табачные изделия, медицинские инструменты, замки или вино, которые также производились в этой земле. В каких количествах? Внешнеторговое ведомство земли В должно было знать все без исключения стоимости всех товаров и, в частности, все частичные количества товаров для того, чтобы действовать правильно.

Тот, кто принимал участие в подобных переговорах, наверняка высказывал порой желание, чтобы на них присутствовали теоретики, считающие, что проблема будет решена в том случае, если можно будет составить такое количество уравнений, сколько имеется неизвестных. (Подобные уравнения *in abstracto*¹ представляют собой общую интердепенденцию всех экономических величин. *In concreto*² они ничего не означают.) Здесь, в исследуемом случае, не оставалось ничего иного, как только делать глобальные

¹ Вообще, отвлеченно (лат.).

² В действительности, на самом деле (лат.).

оценки и ввозить или вывозить определенные товары на основе грубых прикидок.

г) Чтобы как-то подкрепить эти оценки и базирующийся на них обмен, центральные административные органы и здесь прибегали к статистике. Они попытались, например, статистически определить величину потребления картофеля, пшеницы, масла, угля и т.д. в расчете на душу населения и, исходя из этого, рассчитать потребности в импорте и соответственно физический объем экспорта. Однако статистические данные показывают только то, какое количество товаров было потреблено раньше. Такие цифры можно было бы использовать в действительности только в том случае, если система данных не изменялась бы. Но такого рода изменения происходят очень часто, в силу чего статистические показатели оказывались малополезными.

д) Поскольку центральные административные органы сталкивались с большими трудностями в том, чтобы осуществлять товарообмен с другими землями, им приходилось пользоваться советами компетентных кругов промышленности, сельского хозяйства и торговли и т.д. Такого рода эксперты всегда являются заинтересованной стороной. В подобных случаях заинтересованная сторона оказывается влиятельной, если она располагает экономической или политической властью. Таким образом, и в этой области благодаря центральным административным органам вступал в силу интерес властных экономических группировок.

4. Товарооборот между двумя землями с централизованно управляемой экономикой также осуществляется иначе, чем в форме рынка двусторонней монополии.

Как известно, при товарообмене в рамках двусторонней монополии отсутствует равновесие. Однако борьба противостоящих друг другу монополистов ведется в известных границах. Это доказал *Карл Менгер* еще в 1871 г., а более точно *Эджворт* в 1881 г.¹ Напрашивается мысль перенести теоретическую посылку о том, что отношения обмена в форме рынка двусторонней монополии хотя и не поддаются однозначному определению, однако в конкретной области все же приходят в состояние неустойчивого равновесия, также на случай товарообмена между двумя землями с централизованно управляемой экономикой. Если в нашем примере земля *A* является монополистом — продавцом пишущих машинок, а земля *B* монополистом — продавцом швейных шелковых ниток, а такая ситуа-

¹ См.: *C. M e n g e r*. «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», 1871, S. 175 ff.; *E d g e w o r t h*. «Mathematical Psychics», 1881. Описание Штакельбергом процесса развития теории двусторонней монополии см. в его работе «Marktform und Gleichgewicht», 1934, S. 89 ff.

ция действительно имела место, то создается впечатление, что, несомненно, существуют предпосылки для перенесения теории двусторонней монополии на международную торговлю двух земель с централизованно управляемой экономикой.

Но подобное перенесение недопустимо. Теория двусторонней монополии исходит из того, что оба монополиста знают стоимость частичных количеств своих продуктов и в состоянии рассчитать издержки, с которыми они производят их. Но эти показатели неизвестны центральным ведомствам. Поэтому при обмене между центральными администрациями подобных границ не существовало.

Если, к примеру, обращаясь к простейшему случаю, обычно изолированное частное натуральное хозяйство *A* покупает у также изолированного натурального хозяйства *B* определенное количество ржи и платит за это шерстью, то, как известно, пространство, в котором колеблется «цена» ржи, выраженная в шерсти, ограничивается оценками обоих товаров, сделанными руководителями хозяйств *A* и *B*. Руководители хозяйств *A* и *B* в состоянии точно рассчитать эти оценки. Но по вышеприведенным причинам последнее оказывается невозможным для внешнеторговых ведомств централизованно управляемых экономик. Пространство, в рамках которого колеблются отношения обмена или «цены» в торговле между двумя централизованно управляемыми экономикami, таким образом, не точно ограничено.

В рассматриваемом случае товарообмен между двумя централизованно управляемыми экономикami остается неравновесным.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Сопоставление с рыночным хозяйством

Действуют ли в централизованно управляемой экономике те же самые экономические «законы», что и в рыночном хозяйстве?

По данному вопросу наукой разработаны две принципиально различные гипотезы. *Дж. Ст. Милль* говорит об «очень различных законах», которые имеют силу в конкурентной экономике и коллективистской экономике. Той же точки зрения придерживается и *Хайнрих Дитцель*¹.

В противоположность этим «дуалистам» «монисты» утверждают, что в рыночной экономике и в коллективистской экономике (которая в большинстве случаев обозначается недостаточно точно) экономический процесс протекает в основном одинаково. Так счита-

¹ J. S t. M i l l. «Logik», 6. Buch, 10. Kapitel, § 3; H. Dietzel. «Theoretische Sozialökonomik», 1895, S. 85 ff.

ют *Визер*, *Парето* и прежде всего *Бароне*¹. У них оказалось много последователей, и монасты доминируют в науке.

Кто же прав? Действительно ли «фундаментальная логика экономического поведения одинакова как в коммерческом, так и социалистическом обществе», как об этом недавно заявил *Шумпетер*?² Или же оба эти мира совершенно различны? Это отнюдь не чисто академический вопрос. Он намного шире. В экономической действительности XX в. используются методы регулирования, присущие как рыночному хозяйству, так и централизованно управляемой экономике. Сможем ли мы понять экономическую действительность XX в., если мы подойдем к реальности, имея в своих руках единый теоретический аппарат, разработанный в ходе анализа рыночного хозяйства? Или в централизованно управляемой экономике существуют иные взаимосвязи? Уяснение этого вопроса имеет принципиальное значение и для политико-экономической трактовки.

Теперь можно ответить и на данный вопрос.

1. В том и другом случае проявляется стремление обеспечить удовлетворение определенной потребности путем комбинирования средств производства и рабочей силы. Это происходит повсюду, в любой форме хозяйствования.

Разве не было поэтому фундаментальной тождественности по крайней мере в задаче, которую ежедневно должен решать производственный процесс?

Нет, это лишь видимость. Вспомним основное обстоятельство. В рыночном хозяйстве людям изо дня в день приходится сталкиваться с ограниченностью продовольствия, одежды, жилья и т.д., от которой страдают они и которую они хотят преодолеть. Они достигают этой цели, трудясь так или иначе. Но поскольку исключительно для себя они производят слишком мало, то возникает разделение труда и начинается осуществляться обмен между многочисленными индивидуальными хозяйствами и предприятиями. Никто не в состоянии обозреть совокупный процесс в целом. Потребности в хлебе, мясе и т.д. выражаются каждым отдельным человеком в зависимости от его покупательной способности. Здесь преодоление *индивидуальной* ограниченности является задачей экономического процесса, который регулируется посредством конкурентных цен.

¹ E. B a r o n e. «Il Ministro della Produzione nello Stato Collettivista». — «Le Opere Economiche», 1. Bd., 1936, p. 229 ff. (Englische Übersetzung. «The Ministry of Production in the Collectivist State» im Sammelband «Collectivist Economic Planning», hrsg. von F. A. v o n H a y e k, 1935, Appendix A, p. 245 ff.); F. v o n W i e s e r. «Der natürliche Wert», 1889; V. P a r e t o. «Manuel d'Economie Politique», 2. Aufl., 1927, p. 326 ff.

² J. A. S c h u m p e t e r. «Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie», 1946, S. 275 ff., Anm. 2.

В централизованно управляемой экономике дело обстоит по-иному. Не индивидуальная ограниченность является отправной и конечной точкой хозяйствования. Она совсем не проявляется. В то время как центральная администрация и ее плановые органы устанавливают общий объем потребностей в хлебе, мясе, жилье, стали, угле и т.д. на какой-то период времени, они не рассматривают индивидуальные потребности, оценки и планы, на которых базируются индивидуальные действия в рыночном хозяйстве. Например, индивидуальные потребности могут быть сильно ориентированы на пшеничный хлеб, а центральная администрация включает вместо него ржаной. И даже при наличии у индивидов небольшого стремления к накоплению центральная администрация может установить очень высокие плановые потребности в инвестициях. Решающими оказываются исключительно плановые потребности центральной администрации. Если в централизованно управляемой экономике центральные планы полностью выполняются, то это означает, что экономический процесс достигает своей цели даже при том условии, что индивидуальные потребности людей удовлетворяются менее полно, чем это можно было бы сделать.

Ограниченность в централизованно управляемой экономике и ограниченность в рыночном хозяйстве — две совершенно различные вещи. Их экономическая суть неодинакова.

2. Различными должны быть также и методы экономического регулирования.

Поскольку в рыночном хозяйстве планы предприятий и домашних хозяйств ориентируются на обмен, то отношения обмена, то есть цены, должны быть регулятором экономического процесса. В централизованно управляемой экономике нет самостоятельности планов предприятий и домашних хозяйств. Поэтому там нет обмена, нет рынка, нет регулирования посредством цен, причем даже тогда, когда проводятся расчеты цен. Как оказалось, цены могут (см. с. 130) играть только вспомогательную роль. Место обмена занимает *распределение* сырья, машин и т.п. предприятиям, рабочих мест — рабочим, потребительских товаров — потребителям. Не возникает проблемы касательного того, существует ли индивидуальная тождественность стоимостей, получит ли, например, рабочий *R*, который трудится на определенном машиностроительном заводе на определенном рабочем месте, в порядке распределения те потребительские товары, которые обладают той же стоимостью, что и его трудовой вклад.

Впрочем, благодаря тому, что «обмен» заменяется «распределением», все организации приобретают иные функции, хотя они и называются по-прежнему, например картели, кооперативы или профсоюзы, которые становятся инструментами регулирования и больше не представляют собой рыночных группировок. Службы занятости также больше не яв-

ляются посредниками между спросом и предложением, они становятся ведомствами централизованного регулирования рабочей силы.

Тот, кто полагает, что в централизованно управляемую экономику можно встроить ценовой механизм регулирования, пытается решить неразрешимую задачу. Либо центральная администрация через распределение направляет рабочую силу и средства производства в места, где они используются, либо многочисленные домашние хозяйства и предприятия через обмен решают проблему экономического процесса. Затем образуются цены. Тот, кто оставляет процесс регулирования за ценовым механизмом, ликвидирует централизованно управляемую экономику. И наконец, тот, кто перекладывает регулирование на централизованно управляемую экономику, лишает цены их регулирующей функции.

Анализ показал, сколь велики различия, обусловленные этими фундаментальными противоречиями: в централизованно управляемой экономике накопление, вложение капиталов, распределение, международная торговля и т.д. протекают иначе, чем в рыночном хозяйстве.

3. Централизованно управляемая экономика представляет собой наибольшую концентрацию экономической власти, которая только возможна. Ее антиподом является хозяйственная система с полной конкуренцией на всех рынках, в которой отдельные участники ее располагают не властью, а определенным, очень незначительным влиянием на экономический процесс. Рыночное хозяйство с монополиями, частичными монополиями и олигополиями располагается между этими двумя крайностями, в том числе и с точки зрения разветвления экономической власти.

4. Бароне считал (см., например, п. 59 его труда), что в коллективистской экономике под другими названиями появляются те же самые экономические категории, такие, как цена, заработная плата, процент, рента, прибыль и накопление¹. Правильным оказалось обратное. В экономических порядках, в которых доминируют формы регулирования, присущие централизованно управляемой экономике, часто встречаются те же названия, что и в рыночном хозяйстве: цена, процент, накопление и т.д. Но эти слова обозначают совершенно иное. Точно так же весь хозяйственный расчет предприятий и домашних хозяйств приобретает другое значение. Баланс, расчет прибылей и убытков, расчет издержек и даже весь бухгалтерский учет отдельно взятого предприятия, как было уже показано, означают нечто иное.

¹ E. B a r o n e. «Il Ministro della Produzione nello State Collettivista». — «Le Opere Economiche», 1. Bd., 1936, p. 294 (Englische Übersetzung: «The Ministry of Production in the Collectivist State» im Sammelband «Collectivist Economic Planning», hrsg. von F. A. H a y e k, 1935, Appendix A, p. 289); J. A. S c h u m p e t e r. «Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie», 1946, S. 289 ff.

Они уже не имеют решающего значения для составления играющих первостепенную роль планов, которые обуславливают регулирование повседневного экономического процесса.

5. Экономические порядки, в которые внедряются методы регулирования, присущие централизованно управляемой экономике, характеризуются смещением центра тяжести. Дирижерами выступают уже не потребители или предприниматели, а центральные административные органы. Поскольку централизованно управляемая экономика не в состоянии определять и учитывать индивидуальные потребности и поскольку она глобально устанавливает потребительский спрос, поскольку она, кроме того, не располагает точным расчетом издержек и как следствие не ориентирует производственный процесс на потребление и, наконец, поскольку ей, как правило, присуща склонность осуществлять по возможности многочисленные вложения капитала, то есть склонность к отказу от потребления вплоть до установления минимального уровня снабжения, она, если будет позволено употребить здесь несколько неточное обозначение, не является «экономикой, цель которой удовлетворение потребностей».

Основные принципы регулирования здесь и там совершенно различные.

6. Таким образом, необходима особая теория централизованно управляемой экономики, и одновременно такая теория возможна.

Итак, получен ответ на скептический вопрос, который содержится в предварительном замечании. Экономический процесс в централизованно управляемом хозяйстве, день за днем протекающий однообразно, то есть масштабно, на основе глобальных оценок, управляемый производственными распоряжениями, рационированием, принудительным привлечением к отбыванию трудовой повинности, разворачивается в рамках определенной системы данных. На одной стороне — плановые потребности, величину которых устанавливает центральное руководство. Цель — максимальное удовлетворение этих потребностей. Сообразно с этим распоряжаются имеющейся в наличии рабочей силой, землей и другими природными богатствами, запасами, машинами, сырьем и готовой продукцией. Итак, имелся круг определенных данных. Как только будет установлена некая плановая потребность (причем, хотя фактически регулярно стремятся к достижению «максимума инвестиций», в качестве цели возможно также и обеспечение «наилучшего снабжения товарами» в текущий момент), должно произойти то, о чем говорит теория. Таким образом, оказывается возможным тщательно изучить и эту сторону экономической действительности.

7. Едва только в экономическом порядке начинают доминировать элементы формы централизованно планируемой экономики, все хозяйственные институты также изменяют свой характер.

Кооперативы, профсоюзы, синдикаты, банки, службы занятости и т.п. существуют там и здесь. Наблюдающий поначалу считает, что имеет дело с одними и теми же институтами. На самом деле эти понятия в экономическом порядке рыночного типа, например в Германии до 1914 г., имеют совершенно другое содержание, нежели в экономическом порядке, в котором, как это было в 1939 г., преобладали элементы формы централизованно управляемой экономики. Вновь выясняется, насколько неправильно было бы давать определения до проведения анализа всех обстоятельств. Из этого одновременно вытекает, что экономическая политика также должна видеть все эти институты и иметь дело с ними только в рамках общего порядка и общего решения.

8. Это различие порядка рыночного типа и порядка, присущего централизованно управляемой экономике, выходит за рамки экономического порядка, иными словами, проявляется в интердепенденции порядков, в правовом, общественном и государственном порядках.

Воздействие на правовой порядок двойственно. О воздействии первого рода вспоминают чаще, чем о воздействии второго, хотя последнее, возможно, имеет более важное значение. Постоянно проявляется прежде всего как раз то, что определенные правовые положения изменяются вследствие перехода к использованию методов регулирования, присущих централизованно управляемой экономике: свобода занятия промыслом и право свободного передвижения и повсеместного проживания ограничиваются; жилье уже нельзя больше свободно сдавать внаем, оно распределяется жилищным ведомством; запрещается продавать без карточек определенные потребительские товары, такие, как хлеб или мясо; запрещается также заниматься экспортом и импортом без одобрения центральных органов. На свет появляются многочисленные законы и постановления, которые приостанавливают действие прежних положений, отменяют или изменяют их.

Вероятно, более важным является то, что такие правовые институты, которые формально остаются без изменений, равным образом меняют свои функции. Право собственности, следовательно, больше не предоставляет собственности права в существенных вопросах планировать и действовать самостоятельно. Владелец кожаной фабрики не может больше свободно распоряжаться запасами кожи и шкур, которые изымаются. Даже использование принадлежащих ему машин зависит от распоряжений плановых органов. Домовладелец пока еще остается собственником, но право распоряжаться помещениями полностью или почти полностью переходит в руки жилищного ведомства. В дальнейшем выявится, что и право заключать договоры, в том числе и право заключать трудовой договор, с изменением экономического порядка приобретает другую функцию. Сказанное распространяется и на институт ответственности.

При описании монополии мы уже сталкивались с тем фактом, что меняющиеся формы экономического порядка привели и должны приводить к появлению новых правовых форм и к изменению функций старых правовых форм. Теперь мы видим, что в ходе дальнейшего преобразования экономического порядка в направлении к централизованно управляемой экономике вновь происходит эта двойственная трансформация права, а именно *изменение правовых норм и изменение функций постоянных правовых норм*.

II. Коллективная собственность

До сих пор анализировалась централизованно управляемая экономика, в которой существует частная собственность на средства производства. Но как же протекают повседневные экономические процессы, если весь производственный аппарат находится в руках центральных органов, то есть если частная собственность перестала существовать? В этом случае реализован второй тип централизованно управляемой экономики (см. с. 117). Существенно ли отличается ход данного экономического процесса от его хода в том типе хозяйства? В чем состоят эти отличия?

1. Здесь и там руководители предприятий занимают различные позиции. Там, где предприятия принадлежат частным лицам, планы руководителей предприятий не исчезают. И эти частные планы направлены на сохранение отдельно взятого предприятия, в том числе и в надежде однажды вновь вернуться к самостоятельному хозяйствованию. Эти многочисленные частные планы, как оказалось, могут облегчить или затруднить выполнение центральных планов. Облегчить в том случае, если, например, собственники предприятий достают вспомогательные материалы, которые предприятие не получило в порядке распределения; затруднять же в случае, если они умалчивают об имеющихся запасах. При коллективной собственности руководители предприятий являются в основном исполнительными лицами центральных плановых ведомств. В малой степени дает о себе знать то, стимулируют или затрудняют руководители реализацию центральных планов. В этом отношении централизованное управление оказывается более четким и строгим.

2. Своеобразной характерной чертой централизованно управляемой экономики с наличием частной собственности является то, что, хотя отдельно взятые предприятия и получают обязательные к исполнению предписания и определенное количество благ по разнарядкам центральных органов, они должны сами нести определенные риски. К примеру, сельских хозяев могут обязать сеять лен, хотя льноводство приносит убытки предприятиям. В таком случае сельские хозяева отвечают своим имуществом за выполнение предписаний централь-

ных плановых органов, причем даже тогда, когда руководители предприятий заранее знают, что исполнение предписаний принесет убытки.

Эту проблему, которая не возникает при коллективной собственности, все же не следует переоценивать. Ведь инфляция, которая, как мы еще убедимся, закономерно связана с формированием централизованно управляемой экономики, в большинстве случаев дает предприятиям возможность избежать тех потерь, которые находят свое отражение в денежных счетах. Впрочем, цены, которые не обладают важной функцией регулирования, как правило, устанавливаются с таким расчетом, чтобы не возникали убытки.

Несмотря на это, здесь существует внутреннее противоречие. Оно исчезает с внедрением коллективной собственности. Более последовательным представляется то, что производственный аппарат управляется теми, кто регулирует экономический процесс, а не частными собственниками и их служащими.

3. Того влияния частных властных группировок, которое может исключительно сильно сказаться на решениях центральных плановых органов, причем так сильно, что отдельные из этих органов, например отвечающие за сталь или уголь, оказываются в большой зависимости от воли крупных группировок, нет в условиях существования коллективной собственности. Однако остается борьба между руководителями отдельных плановых органов за рабочую силу, сырье и машины.

4. В целом коллективная собственность на средства производства способствует тому, что форма порядка централизованно управляемой экономики реализуется в более чистом виде, а планы отдельных предприятий или коллективных монополий теряют свое влияние. Но сам экономический процесс в том и другом случае не имеет каких-либо существенных различий. Все, что имеет силу для централизованно управляемой экономики, допускающей существование частной собственности, сохраняет ее — в рассмотренных выше вариантах — и тогда, когда доминирует коллективная собственность на средства производства.

На вопрос, имеют ли конкретные экономические порядки первого типа тенденцию к превращению в экономические порядки второго типа, то есть к переходу от частной собственности к коллективной, ответить нелегко. Опыта экспериментов, проведенных в России и других восточных странах, недостаточно для того, чтобы дать ответ на этот вопрос. Однако анализ позволяет увидеть, что, хотя централизованное регулирование важных частей экономического процесса и может быть связано длительное время с частной собственностью, взятие центральными органами производственного процесса в свои руки при отмене частной собственности напрашивается само собой, если централизованное регулирование будет осуществляться последовательно.

Глава VIII

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ. КРИТИКА

Политика централизованного управления экономическим процессом разрабатывалась и находила применение в различного рода экспериментах: в России, Германии, Англии, Голландии и во многих других странах. Всем этим экспериментам присуще то, что централизованно управляемая экономика становится доминирующей, едва ли не единственной формой порядка.

Эта политика, как было показано, порождена в конкретной исторической ситуации прежде всего внутри- и внешнеполитическими схватками XX в. Однако с ней связаны и принципиальные идеи. Наиболее значительными являются две из них. Именно эта политика должна устранить «анархию капитализма», а также решить социальный вопрос, гарантируя при этом социальную справедливость и безопасность.

В настоящее время стало возможным дать принципиальный ответ на вопрос, в какой мере удастся достичь данную цель.

I. Система регулирования

Анализ централизованно управляемой экономики показал, что она пытается регулировать повседневный экономический процесс на основе глобальных оценок, а также то, как она это делает. Последствия использования этого метода рассматриваются в свете проблем, частично находящихся в центре внимания экономической политики.

А. Конъюнктура и занятость

1. Полная занятость в централизованно управляемой экономике достигается сравнительно легко, а депрессий, сопровождающихся увольнениями рабочих, там нет. Исходя из сказанного, легко понять, почему дело может обстоять именно так.

Во-первых, потому, что в централизованно управляемой экономике постоянно осуществляются инвестиции, объем которых превосходит имеющиеся в распоряжении накопления. Разница покрывается за счет создания денег. Новые деньги способствуют росту спроса на товары; формируются инфляционные тенденции. Подобные тенденции и в свободном рыночном хозяйстве порождают полную занятость. Впрочем, в отличие от последнего в централизованно управляемой экономике центральная администрация пытается воспрепятст-

водить росту цен, устанавливая жесткий контроль над ними. Что же касается полной занятости, то результат остается тем же самым. Однако создание денег здесь не приведет к явному повышению цен. Вместо этого образуется неработающая кассовая наличность в руках потребителей и производителей, которые только и ждут, чтобы истратить эти деньги, как только на рынке появятся товары. При таком «избытке денег» для производителей не составляет труда сбыть все, что они могут или должны произвести. Поскольку централизованно управляемые экономики спокойно, без всяких помех пользуются инструментом подавленной инфляции, то достижение полной занятости для них не представляет никаких трудностей.

Во-вторых, безработицы не должно быть, поскольку каждый рабочий может быть занят независимо от расчета издержек. В экономических порядках рыночного типа рабочие увольняются в силу того, что здесь осуществляют измерение ограниченности отдельных частичных количеств товаров, в том числе и отдельно взятых трудовых вкладов, и что «нехваткомер» обладает силой принуждения. Увольнение рабочих происходит в том случае, если доход, который приносит труд рабочего, не покрывает издержек, связанных с предоставлением ему работы. Мы знаем, что, например, отдельно взятый рабочий, занятый в дорожном строительстве, своим трудом создает товары, обладающие стоимостью, которая покрывает издержки, обуславливаемые тем, что ему предоставлена работа. Однако средства глобальной оценки, присущие централизованно управляемой экономике, не позволяют определить это. И даже если предположить, что не покрываются те издержки, которые порождаются несколькими тысячами рабочих, занятых в дорожном строительстве, центральной администрации не требуется сокращать занятость. При таких условиях полная занятость всегда достижима.

2. Но все это высвечивает проблему лишь с одной стороны. Отсутствие депрессий и безработицы, спада объемов капиталовложений ничего не меняет в том, что экономический процесс в централизованно управляемой экономике неравновесен.

Поскольку существовала угроза острой нехватки угля, в Германии, к примеру, была увеличена его добыча. Когда же стало добываться больше угля, оказалось, что не хватает вагонов. Почему же возникла нехватка вагонов? На вагоностроительных предприятиях осуществлялось слишком мало инвестиций, а вагоноремонтные заводы также оказались недостаточно производительными. В результате сложилась ситуация, когда добыча угля хотя и возросла, его стоимость была относительно невысокой, поскольку отсутствовали взаимодополняющие товары. Одностороннее стимулирование определенных инвестиций со стороны центральных ведомств, осуществлявших руководство, вновь и вновь проявлялось в диспропорциональности.

Это неравновесие находит свое выражение в том, что на предприятиях или в отдельных отраслях производства неожиданно возникает нехватка запасных частей для машин, сырья, некоторых видов химических товаров или транспортных средств. Возникает частично чрезмерно раздутый, частично недоразвитый производственный аппарат. В конечном счете от этого страдают возможности производственного аппарата в производстве средств производства и прежде всего в производстве потребительских товаров.

3. Наука прилагала усилия для того, чтобы описать и объяснить взлеты и падения в развитии экономики, протекание депрессий в экономических порядках рыночного типа, например процессы, протекавшие на товарных рынках, в отраслях промышленности, производящих средства производства и потребительские товары, на рынках ссудных капиталов, рынках рабочей силы и т.д. Когда же теперь она поворачивается лицом к экономическим порядкам, в которых доминируют методы регулирования, присущие централизованно управляемой экономике, то выясняется, что здесь вообще нет рассматривавшихся до сих пор конъюнктурных феноменов либо последние имеют совершенно иное значение: колебания цен значат весьма мало или совсем ничего; рынки капиталов не существуют вообще или играют лишь незначительную роль; накопление имеет другую функцию; процент практически ничего не значит. Той сменой депрессии и подъема, которая столь часто описывалась применительно к экономическим порядкам рыночного типа, здесь нет.

Но как раз поэтому науке не пристало отступать. Напротив, ей следует расширять свою деятельность. Если до сих пор она исследовала диспропорциональности, которые в конкретном экономическом процессе возникают тогда, когда существуют порядки преимущественно рыночного типа, то теперь она должна описать и объяснить диспропорциональности, возникающие в экономических порядках, свойственных централизованно управляемой экономике. Ей необходимо, например, изучать не только нарушения равновесия американской экономики 1947 г., но и нарушения равновесия иного характера в экономике России. Бедственное положение английской экономики 1947 г., возникшее в экономическом порядке, присущем централизованно управляемому хозяйству, является таким же объектом ее исследований, как и депрессия 1929 — 1932 гг.

Конечно, все эти диспропорциональности весьма неоднородны именно потому, что конкретные экономические процессы протекают по-разному в зависимости от реализованной формы порядка. Так, учение об экономических циклах становится учением о диспропорциональностях; об отклонениях от состояния равновесия в экономи-

ческих процессах конкретных экономических порядков любого типа, а не только рыночного.

4. Экономическая политика централизованного управления заменяет проблему конъюнктуры и занятости другой проблемой. Вместо неравновесия, которое проявляется в экономических порядках рыночного типа и в рамках неравновесных денежных систем и форм рынка в периоды войн, депрессий и массовой безработицы, возникает неравновесие иного рода. Бедственное экономическое положение, которое выставляет политику централизованного управления за дверь, одновременно втаскивает ее в другом виде.

Ошибки, допускаемые в регулировании повседневного экономического процесса, с начала индустриализации проявляются в двух формах. В первую очередь здесь думают о депрессиях и кризисах, о недостаточном сбыте предприятий промышленности и сельского хозяйства, безработице, неработающих станках и громадных запасах сырья. Несмотря на неудовлетворенные текущие потребности, рабочая сила остается неиспользованной, а производственный аппарат используется не полностью. Именно так происходит это в некоторых экономических порядках рыночного типа. Значение второй формы отказа механизма экономического регулирования возрастало на протяжении последних десятилетий: вся рабочая сила занята, но снабжение населения остается плохим, а различные виды деятельности людей неправильно переплетаются между собой. Так это происходит в экономических порядках, присущих централизованно управляемому хозяйству. Характерным для первого типа является «недозанятость», для второго — «недоснабжение». Первый тип часто имел острую форму, второй — нередко хронический характер. Примером первого может служить мировой экономический кризис 1929—1932 гг., примером второго — бедственное экономическое положение ряда стран Западной и Центральной Европы в 1945—1947 гг. При том или ином отказе системы регулирования разделение труда зачастую деградирует, становится локально более ограниченным и менее интенсивным. С этого момента люди пытаются облегчить свое положение, прибегая к натуральному товарообмену или к производству в рамках собственного натурального хозяйства. В условиях резкого падения доходности происходит дезинтеграция экономического процесса, можно сказать, примитивизация экономического порядка..

(К рассмотрению данного феномена примитивизации следует подходить особо. В каждом отдельном случае он позволяет лучше понять отказ действующей системы регулирования. Во время кризиса 1929—1932 гг. многие из уволенных рабочих стали активно заниматься производством на своих садово-огородных участках, по возможности заменяя тем самым порядок рыночного типа, который перестает нормально функционировать, своим порядком, свойст-

венным собственному натуральному хозяйству. Как правило, переход к собственному натуральному хозяйству и натуральному товарообмену шире и сильнее выражен в экономических порядках, присущих централизованно управляемой экономике.)

5. Экономическая политика централизованного управления не заменяет неравновесных форм порядка формой порядка, которая создает общее равновесие экономического процесса. Имеет место как раз обратное. Но если только это удастся, проблемы безработицы или недостаточного снабжения, а также неравновесия вообще могут считаться решенными.

Б. Международная торговля

Другой важный политико-экономический вопрос, а именно вопрос построения функционирующего международного экономического порядка, находится под столь плотным идеологическим покровом, что представляется необходимым припомнить некоторые совсем простые факты.

1. Нам известна проблема, которая возникает, когда вагон с углем или станками пересекает границу страны. Как же установить, что ввезенные взамен шкуры для заданных планом целей страны имеют большее значение, чем то значение, которое могли бы иметь вывозимые товары? (О движении капитала здесь не говорится.) Как уже отмечалось, необходима точно работающая вычислительная машина, если предстоит решить эту повседневную практическую проблему.

Мы знаем, что у центральных плановых органов такой вычислительной машины нет. Несовершенство индивидуальных оценок так велико, что эти органы даже точно не знают, должны ли данные станки скорее оставаться в стране, а экспортироваться другие товары с тем, чтобы установленные потребности были оптимально удовлетворены. Может быть, было бы правильнее экспортировать лишь два или три станка и ввезти меньше или даже больше шкур. Однако плановые органы не в состоянии провести расчеты предельных доходов от станков, шкур и всех прочих товаров.

Данное обстоятельство имеет важное политико-экономическое значение. Вот пример. После 1945 г. экономическая политика Англии добивалась того, чтобы, используя средства централизованного управления экономическим процессом, увеличить экспорт. Это было центральной целью плана. Но все такие меры, как привилегированные нормы выделения сырья и станков так называемым экспортным отраслям промышленности, направление в такие отрасли рабочих,

предоставление государственных кредитов по экспортным операциям и пропагандистское стимулирование экспортной экспансии, проваливаются в пустоту, поскольку не решен основной исходный экономический вопрос. Нужно ли производить и экспортировать обувь, радиоаппаратуру или сортовую сталь? В каких количествах? Какие продукты ввозить взамен? На эти вопросы, которые задаются в течение года по отношению к различным товарам, количество которых исчисляется миллионами, а не только по отношению к видам товаров, причем в разной форме в зависимости от меняющихся данных, например в зависимости от изменений, происходящих на рынках других стран, можно дать, как мы уже видели, только глобальный ответ. Некоторые отрасли промышленности, такие, как, скажем, обувная, кожевенная или часовая, объявляются экспортными. В какой мере такая внешняя торговля способствует предполагаемому преодолению ограниченности товаров? Никто не знает этого. Статистические данные также не вносят ясности, поскольку установленные цены не отражают этой ограниченности. Способствуют ли ввоз и вывоз отдельных товаров, а тем самым и весь экспорт и импорт выполнению намеченных плановых заданий и если да, то в какой мере — все это не поддается измерению и остается в неопределенности.

С точки зрения отдельно взятой страны международная торговля теряет тем самым свой смысл. Страна, в которой используются методы регулирования внешней торговли, свойственные централизованно управляемой экономике, не в состоянии осуществлять необходимый отбор ввозимых и вывозимых товаров по количеству и качеству. Эта посылка имеет силу для *всех* методов регулирования внешней торговли в централизованно управляемой экономике. Следовательно, не только тогда, когда центральные плановые органы сами ведут внешнюю торговлю, но и тогда, когда коммерсанты и промышленники занимаются внешней торговлей, регулирование которой осуществляют центральные плановые органы путем распределения валюты после ликвидации свободного валютного рынка, путем введения дополнительного экспортного режима, а также контингентирования после установления запрета на импорт. Независимо от того, какая форма в деталях была придана централизованному регулированию внешней торговли, ей не хватает механизма отбора и расчетов, который необходим для того, чтобы сделать внешнюю торговлю способной преодолевать ограниченность товаров. Погрешности этих методов лежат глубже того, что предполагают их защитники.

2. Рассмотрим теперь землю В, которая получает металлообрабатывающие станки или уголь. Она не проводит экономической политики централизованного управления. В ней доминируют формы порядка рыночного типа, иными словами, цены регулируют экономический процесс, а тем самым и внешнюю торговлю.

Поскольку земля-экспортер А не может осуществить точный индивидуальный расчет издержек и ей незачем принимать во внимание имеющийся глобальный расчет издержек (см. с. 156 и сл.), то станки и уголь могут быть предложены и ввезены коммерсантами в землю В по ценам, которые при рациональном экономическом расчете были бы невозможны. Такое предложение, которое не базируется на индивидуальной и обязывающей калькуляции, в случае, если оно существует продолжительное время, обуславливает хроническое неравновесие рынков. (Здесь демпинг проявляется в значительно более резкой форме, чем в нестабильных денежных системах и монополистических формах рынка.) Нам остается лишь вспомнить о предложениях леса Советским Союзом в начале 30-х годов, которые сделали цены на рынках древесины Германии непригодными в качестве инструмента регулирования, так как эти предложения не базировались на точной калькуляции и сохранились даже тогда, когда и глобальные сопоставления показывали, что издержки далеко не покрывались. Тогда, в период великого кризиса, функции системы регулирования на базе цен нарушались не только из-за сбоя созданных денежных систем и форм рынка, но и в результате осуществления экспорта из крупной страны, проводившей в жизнь политику централизованного управления хозяйственным процессом.

Итак, имеет силу посылка, согласно которой неравновесие производственного процесса в стране с централизованно управляемой экономикой через внешнюю торговлю переносится в страны с системами регулирования рыночного типа и препятствует там системам регулирования устанавливать равновесие. (Это положение распространяется и на экономические порядки, в которых существуют неравновесные денежные системы и формы рынка и в которых состояние неравновесия усугубляется внешней торговлей со странами этого типа, и на экономические порядки с равновесными денежными системами и формами рынка, функционирование которых нарушается внешней торговлей со странами централизованного управления экономическим процессом.)

Из подобных обстоятельств вытекают торгово-политическая задача и торгово-политический принцип. Задача сводится к защите внутренней системы регулирования. Для экономической политики стран с рыночным хозяйством возникает задача своего рода ограждения от неравновесного протекания экономических процессов в других странах, которые присущи централизованно управляемой экономике. Эту защиту не следует путать с «протекционизмом». Она не распространяется на какую-либо группу отраслей промышленности или на другие заинтересованные стороны. Скорее она должна поддерживать функционирование системы регулирования на базе цен.

Чтобы достичь этого, существует всего одно средство, а именно запрет на импорт. Товары из стран с централизованно управляемой экономикой следует направлять через своего рода шлюзы. На аукционах уголь или пшеница могут быть включены в механизм цен. Но использование и этого метода, который можно совершенствовать самым различным образом, наталкивается, как показывает опыт Германии, на серьезные трудности. К тому же заинтересованные группы зачастую оказывают определенное влияние на процесс такого «шлюзования». Следовательно, такие меры являются запасными на случай, если нет других. Но ограждение собственной системы регулирования от влияния рыночной стратегии центральных плановых органов должно было бы стать политико-экономическим принципом всех стран, которые намерены, например, регулировать экономический процесс, используя инструмент конкурентных цен, если они не хотят, чтобы эта политика с самого начала была обречена на провал. Однако международное разделение труда не может развиваться на этой основе, поскольку становится невозможным прежде всего согласование инвестиций.

3. Что же произойдет, если в обеих странах будет проводиться экономическая политика централизованного управления? Каким образом в этом случае возможно разделение труда? К примеру, между Германией и Голландией после 1946 г.?

При этом, если иметь в виду продолжительный период времени, здесь вопрос заключается в том, чтобы взаимоувязать инвестиции между собой. Вообще говоря, данная проблема — для всех случаев международного разделения труда — носит фундаментальный характер. Только тогда, когда инвестиции приведены в равновесие с миллионами предприятий в Германии, Голландии, Англии, Франции и во всех прочих странах, текущее производство, ведущееся на каждом из этих предприятий внутри страны и за ее пределами, может взаимно дополняться. Многие считают, что такого рода долгосрочное планирование состоит в том, чтобы согласовать в целом работу *только* черной металлургии или *только* текстильной промышленности стран, как отраслей. Но последнее означает, что не понята сама проблема. И вновь мышление глобальными категориями вытесняет реалистическое мышление. Каждое отдельно взятое предприятие, например каждый сталелитейный завод, каждая ткацкая или обувная фабрика, нуждается в совершенно различных рынках. Задача состоит в том, чтобы согласовать между собой все эти миллионы предприятий в различных странах и производить машины и оборудование с таким расчетом, чтобы производственные аппараты предприятий в целом тесно переплетались между собой.

Страны, самостоятельно проводящие политику централизованного управления экономическим процессом, не могут решить дан-

ную проблему, да и не решили ее вообще. Причины тому двоякого рода. Голландия, Германия и вообще любая страна с преимущественно централизованным управлением экономическим процессом составляют свои планы капитальных вложений, руководствуясь принципами национальной экономики. В соответствии с этим, например, планируется и реализуется расширение собственной черной металлургии, нефтяной промышленности или сельского хозяйства. Каждая страна автаркически разрабатывает свои планы экономического развития, в том числе и планы капиталовложений, а международная торговля должна восполнять возникающие при этом пробелы. Таким образом, не может возникнуть никакой международной производственный аппарат, для которого было бы характерно тесное взаимодействие на основе разделения труда. С этой точки зрения критике часто подвергается экономическая политика многих стран. Однако эта критика недостаточно глубока. Если бы произошло чудо и государства захотели бы осуществить свое планирование не автаркически, то есть в националистическом духе, а на международном уровне, то обнаружилось бы нечто удивительное. В частности, пришлось бы констатировать, что вообще невозможно привести в состояние равновесия инвестиции разных стран, причем *невозможно до тех пор, пока каждая отдельно взятая страна дает оценки в глобальном и централизованном порядке, пока отсутствует единая международная расчетная шкала.* До какой степени следует расширять голландскую черную металлургию и до каких пор черную металлургию Германии, Италии, Франции? Точнее говоря, какие заводы надлежит расширить, какое специальное оборудование необходимо установить? До тех пор, пока в Германии, Голландии, Франции и других странах не будет точного измерителя ограниченности и пока общепризнанная международная расчетная шкала не согласует между собой стоимостные системы стран, на данный вопрос ответить просто невозможно. Никто не знает оптимального размещения отдельных отраслей промышленности и их оптимальных размеров в каждой стране. Экономическая стоимостная система в этих странах не только работает глобально и в силу этого неточно, но одновременно носит явный внутристрановой характер и не соотносится с общепризнанной международной расчетной шкалой. Следовательно, эта система дает сбой дважды. Издержки производства в отдельных местах, например в Рурской области или в северофранцузском промышленном регионе, по этой причине не могут быть точно сопоставлены между собой.

Оказывается, что форма порядка централизованно управляемой экономики не дает метода, который позволял бы скоординировать и согласовать между собой инвестиции отдельно взятых стран. Из сказанного вытекают далеко идущие политико-экономические выводы. Все попытки создать экономически единую Европу останутся

тщетными до тех пор, пока в отдельных странах будут использовать эту форму порядка.

4. Недостатки двусторонней торговли всесторонне и точно изложены, например, такими авторами, как *Рёнке*, *Лутц*, *Буханан*¹. По их мнению, отсутствие мирохозяйственной расчетной шкалы вынуждает вместо того, чтобы продавать в той стране, где цены самые высокие, и покупать там, где они самые низкие, покупать там, где и продавать. Эта система напоминает прямой обмен между домашними хозяйствами и предприятиями, который закономерно развивается в странах с плохо работающей валютой. К примеру, алюминиевая посуда меняется прямо на картофель, и оба товара продаются не там, где существуют потребности, обладающие самой высокой покупательной способностью. Но между двумя этими случаями имеется существенное различие. Если два домашних хозяйства вступили в отношения обмена, то каждое из них может точно определить, какое значение имеет для него отдаваемый и получаемый взамен товар. Но в тех же самых двух странах невозможно точно определить стоимости экспортируемых и импортируемых товаров и двусторонний обмен протекает как бы в тумане. Все другие часто описываемые недостатки данной формы международной торговли порождаются этой основной ошибкой.

5. До сих пор, однако, речь шла о попытке путем *координации* центральных планов создать надлежащие рамки международного разделения труда. Остается еще метод *субординации* (подчинения). Страна, в которой регулирование экономического процесса осуществляют центральные плановые органы, подчиняет своему влиянию другие страны, которые регулируют повседневный экономический процесс также на основе центральных планов. Господствующая страна, вспомним в этом отношении Россию, подчиняет своим собственным планам планы зависимых государств. К примеру, центральные плановые органы доминирующей страны издают предписания о расширении угледобывающей и текстильной промышленности, а также промышленности по добыче урановой руды. Таким образом, предпринимаются попытки привести инвестиции стран, находящихся в зависимости, в соответствие с центральными инвестиционными планами господствующего государства.

Метод субординации предполагает, что одно государство подчиняет своему влиянию другие. Следовательно, этот метод располагает определенными предпосылками военно-политического характе-

¹ W. R ö p k e. «Internationale Ordnung», 1945; N. S. B u c h a n a n, F. A. L u t z. «Rebuilding the World Economy», 1947.

ра. В остальном же он с экономической точки зрения функционирует неточно. Глобальные оценки, которые не позволяют провести точный расчет издержек, ведут к тому, что инвестиции в различных странах недостаточно надежно согласовываются между собой. В итоге эффективность затрат оказывается невысокой. Все недостатки проявляются тем активнее, тем больше, чем обширнее та область, которая находится под влиянием центральных плановых органов. Если бы создание и текущее использование производственного аппарата всего мира регулировались одним центральным плановым органом, то ошибки управления были бы очень большими. Чем больше пространство и численность людей, которыми управляют центральные плановые органы, тем труднее приводить планы в соответствие с данными отдельных стран и их частей. Пришлось бы вновь прибегнуть к координированию, которое, правда, как уже было показано, также оказывается несостоятельным.

6. Тот факт, что политика централизованного управления непригодна для порядка, присущего мировой экономике, означает исключительно многое. В этом случае политика вступает в конфликт с могущественной исторической тенденцией. Развитие техники способствует тесному переплетению стран. Таким образом, если форма экономического порядка — централизованно управляемое хозяйство — не предлагает систему регулирования, которая отвечает требованиям международного разделения труда, то она оказывается непригодной для удовлетворения требований современного индустриального мира.

В. Проблема равновесия

1. Критическую точку регулирования процесса в рамках централизованно управляемой экономики можно было четко показать при сравнении с Робинзоном Крузо. Робинзон действует в соответствии с экономическим принципом. Последнее означает, что он пытается достичь намеченных целей по возможности с наименьшими затратами материальных ценностей. И он в состоянии сделать это. Для него превращение в жизнь экономического принципа оказывается простым делом потому, что на его небольшом острове полностью совпадают индивидуальное и общее хозяйства. Он видит каждое частичное количество каждого средства производства или каждого потребительского товара в общей взаимосвязи со всем хозяйством и знает, что означает каждый час труда, затраченного в том или ином месте, в общей взаимозависимости.

Но как только вместе начинают работать несколько человек, возникает, как показала жизнь, *новая* проблема, имеющая большое практическое значение: каждый *отдельно взятый человек* продол-

жает действовать на основе экономического принципа. Как же обеспечивается реализация экономического принципа в *совокупном* экономическом процессе? Ведь даже в том случае, если экономически взаимодействуют только два человека, решение данной проблемы затруднительно. Но это во много раз труднее, когда между собой связаны миллионы людей, как это имеет место в индустриальной экономике. Что же означает, если индивидуальные действия на основе экономического принципа не приводят к тому, чтобы экономический процесс в целом регулировался, исходя из экономического принципа, показывает любой экономический кризис, и в частности экономика Германии после 1945 г.

Эта проблема Робинзону Крузо неизвестна. Здесь налицо технические трудности практической жизни. Если же, подобно тому как это делают *Бароне* и другие, общее равновесие «описывается» системой уравнений и после этого провозглашается, что достижение состояния равновесия является технической проблемой практической деятельности, то тем самым затушевывается сама решающая экономическая проблема. Поэтому нет смысла требовать, чтобы центральное ведомство действовало подобно Робинзону Крузо¹. Оно просто не может делать этого, ибо ему в отличие от Робинзона предстоит решать совершенно новую проблему. Для ее решения центральному ведомству недостает соответствующего инструмента, так что устранение ограниченности товаров не удастся в достаточной степени. Совокупный процесс, основанный на разделении труда, не направлен на достижение установленных плановых целей на основе экономического принципа.

2. Неравновесие экономического процесса в порядках этого типа придало деньгам своеобразную функцию, которую они осуществляют в рамках этих порядков.

Бросается в глаза наличие тесной связи инфляционистской денежной политики с экономической политикой централизованного управления, которая наблюдается во всех экспериментах. При этом зачастую не только инфляция, и особенно подавленная инфляция, как раз и порождает политику централизованного управления экономическим процессом. Речь еще пойдет об этом. Скорее имеет место прямо противоположное: в странах с централизованным управлением экономическим процессом в обращении постоянно находится бóльшая денежная масса, чем это необходимо для того, чтобы сбывать товары по установленным ценам.

Это монетарное «переполнение», проявляющееся в избыточной кассовой наличности домашних хозяйств и предприятий, то есть оз-

¹ Об этом недавно говорил также *Й.А. Шумпетер*. См. его работу «Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie», 1946, S. 295.

начающее чрезмерно высокий уровень ликвидности, и порой характеризуемое как избыток денег, является предпосылкой протекания экономического процесса в подобного рода порядках. В противном случае многие потребительские товары, например одежда или обувь низкого качества, распределяемые центральными плановыми органами, не были бы приняты, а предприятия не смогли бы получить ряд выделенных им средств производства. Только при сверхликвидности домашних хозяйств и предприятий все произведенные товары могут пройти весь путь до места своего назначения. Иначе произойдет массовое затоваривание. Неравновесие экономического процесса в условиях централизованно управляемой экономики приводит к тому, что деньгам выпадает особая, своеобразная роль, заключающаяся в том, чтобы поддерживать ход экономического процесса, несмотря на отсутствие равновесия. Экономическим порядкам этого типа присущи денежные порядки, в которых удастся избежать ограниченности денег и в которых легко создается избыток таковых.

С точки зрения экономической политики эта взаимосвязь важна в двух отношениях. Если предстоит проводить политику централизованного управления экономическим процессом, то необходимо реализовать денежный порядок, который допускает проведение подобной инфляционистской денежной политики. Но при этом становится ясным прежде всего то, где надлежит использовать рычаг, позволяющий устранить централизованное регулирование. Денежная реформа 1948 г. в Германии и другие эксперименты показали, что ограниченность денег вынуждает предприятия, если те не хотят увольнять рабочих или останавливать работу предприятия, продавать также товары, на которые был наложен запрет. Это давление оказалось исключительно сильным. Центральные планы и цены не могут одновременно регулировать экономический процесс. Точно так же и ограниченность денег в кассах домашних хозяйств в состоянии подорвать централизованное управление экономическим процессом. Она заставляет предприятия приспосабливаться к потребностям, обладающим покупательной способностью, что означает конец централизованного планирования.

3. Отсутствие равновесия оказалось решающим феноменом экономических процессов, протекающих в экономических порядках этого типа.

Против этого высказывается следующее возражение: состояние равновесия в определенных ситуациях не имеет значения. В частности, тогда, когда необходимо форсировать экономическое развитие. Одновременно также и тогда, когда необходимо вести борьбу с острой нехваткой товаров. Оба эти случая необходимо тщательно рассмотреть.

При форсированном развитии, например в период индустриализации России в XX в., решающим, как утверждается, является не равновесие, а динамика развития. Но в данном случае становится очевидным непонимание того, что, собственно говоря, представляет собой понятие «равновесие». Мы уже говорили о том, что строительство автомобильных дорог имеет мало смысла, если при этом отстает снабжение автомашинами и бензином (с. 150). Именно тот, кто намерен ускорить экономическое развитие, должен позаботиться о том, чтобы обеспечить равновесие как инвестиций, так и текущего производства. В этом заключается основополагающая экономическая задача любой экономической политики, направленной на ускорение развития.

Второй случай: является ли политика централизованного управления необходимой в условиях острой нехватки товаров, а установление состояния равновесия второстепенным делом? Часто утверждается, что бедность требует внедрения централизованного регулирования, а зажиточная жизнь делает возможной свободу. Страна, испытывающая исключительные экономические трудности, нередко сравнивается с осажденной крепостью: с началом осады комендант крепости будет проводить тщательный учет имеющихся запасов и не только запрещать свободную продажу их, но и изымать эти запасы и равномерно распределять их по определенным нормам. Ограниченность запасов требует, как утверждается, внедрения централизованного планирования.

Этот аргумент по всем пунктам не выдерживает критики. Неправильно как то, что в условиях острой нехватки товаров установление состояния равновесия несущественно, так и то, что такое бедственное положение требует внедрения централизованного регулирования. Те же самые люди, которые в экономической политике готовы отказаться от ориентации на равновесие, в собственных интересах поступают совсем по-другому. Если они находятся в затруднительном положении, то они распоряжаются деньгами в высшей степени осмотрительно, распределяют свои доходы на отдельные нужды с точностью до пфеннига, так что никуда, например на приобретение одежды, не уходит слишком много и в целом на деле реализуется принцип равновесия домашнего хозяйства. Если бы равновесие играло второстепенную роль, то было бы безразлично то, что человек, остро нуждающийся в топливе для своего жилья, вместо этого получает пару обуви, хотя таковой у него имеется в достаточном количестве. Именно затруднительное положение вынуждает людей распределять свои доходы, свою рабочую силу и свои средства производства в правильных пропорциях, то есть осуществлять равновесное распределение. Только так можно обеспечить по возможности наиболее полное удовлетворение потребностей.

В силу этого неправильно также и то, что в периоды нехватки товаров должна осуществляться политика централизованного управления экономическим процессом. Не вызывает сомнений, что комендант осажденной крепости будет действовать так, как было описано выше. Но при регулировании экономического процесса в той или иной стране речь идет не просто о том, чтобы равномерно распределить среди населения имеющиеся запасы потребительских товаров, а о том, чтобы пустить в ход производственный процесс и ориентировать его на удовлетворение потребностей. Но как раз в этом система регулирования централизованно управляемой экономики терпит фиаско. Совершенно четко это проявилось в период между 1945 и 1948 гг. при проведении эксперимента в Германии. Это была та роскошь экспериментирования с политической централизованного управления, которую не могла позволить себе обнищавшая послевоенная Германия. Бедность Германии требовала свободы.

4. Тот факт, что в 20-м столетии снабжение товарами в странах с централизованным управлением экономическим процессом, в том числе и в мирное время, ухудшалось, далеко не случаен. Причины тому не отдельные ошибки, порочна система в целом. Как мы уже видели, существенными при этом являются три момента. Разработка планов проблематична в силу того, что в них закономерно проявляется сильно выраженная склонность к осуществлению капиталовложений при одновременном небрежном отношении к обеспечению потребительскими товарами. Во-вторых, метод достижения намеченных целей оказывается несостоятельным, поскольку нет системы регулирования. Наконец, в-третьих, в экономическом процессе полностью не раскрываются спонтанные силы человека.

В ходе экспериментов 30-х и 40-х годов в полной мере не проявились недостатки этой формы экономического порядка, так как ее реализация связана с экономическими порядками, которые в свою очередь обладали системами регулирования с более высоким, правда, вовсе не достаточным потенциалом. «Таким образом, централизованно управляемой экономике удастся, типичным примером этому может служить Германия после 1933 г., полностью использовать невоспроизводимые результаты деятельности другого экономического порядка, а именно точный экономический расчет в целом и инициативу опытных специалистов, а тем самым на какое-то время излечиться как раз от самых значительных собственных недостатков. Это даже может продолжаться долго, десятилетие и более»¹.

¹ K. F. M a i e r. «Das Verlangen nach sozialer Sicherheit». — «ORDO», 3 Bd., 1950, S. 19 f.

Существенный недостаток системы регулирования, который остро проявился в экспериментах XX в., заставил задуматься о том, нельзя ли внедрить в этот тип экономического порядка точный хозяйственный расчет. При этом речь идет не об экспериментах, а о предложениях к ним.

1. Некоторые политэкономы предлагают встроить рыночные механизмы в экономику, в которой производственный аппарат взят в коллективную собственность. На этих рынках должны возникать цены, базирующиеся на индивидуальных «оценках» и тем самым позволяющие четко регулировать экономический процесс.

Эти проекты, которые еще дадут пищу нашему уму, не вносят ничего в проблему регулирования экономики центральными плановыми органами. Они занимаются совершенно другим, прямо противоположным вопросом, а именно вопросом о том, можно ли избежать централизованного регулирования производственного процесса и встроить рыночный механизм в стране, в которой производственный аппарат, включающий в себя землю, фабрики и т.д., целиком находится в коллективной собственности. Возможна ли благодаря этому реализация экономического принципа и в совокупном процессе? Расплывчатое понятие «социализм» не позволяет осознать того, что здесь обсуждается как раз не проблема централизованного регулирования производства.

2. Впрочем, полагают найти суррогат иным способом, а именно в натуральном расчете товарно-материальных ценностей. Можно ли преодолеть трудности глобального стоимостного расчета за счет того, что руководство перейдет к расчету в натуре и станет на его основе определять, какое количество угля, стали, кожи, сукна и т.п. должно быть произведено. «Балансы» плановых органов являются «натуральными балансами» (с. 123 и сл.). В этих балансах между собой сопоставляются количества произведенных и использованных единиц угля, стали и т.д. Могут ли эти натуральные балансы заменить стоимостный расчет?

Централизованно управляемая экономика в своих планах и решениях, как и любая другая экономика, не может обойтись без расчета стоимости.

Распределение 150 миллионов тонн угля, добываемого в течение одного года, между отдельными предприятиями черной металлургии, суконной промышленности, промышленности по производству щеток и т.д., предприятиями сельского хозяйства и транспорта, а также между отдельно взятыми домашними хозяйствами осуществляется в соответствии с тем, какое значение центральная администрация

придает использованию угля в одном, другом или третьем случае. Тонны угля, чугуна, станков, метры сукна, равно как и количество щеток в штуках, сопоставляются между собой с помощью стоимостной оценки. Конкретное количество угля может использоваться в той или иной сфере, например в домашних хозяйствах, прокатных цехах, на суконных фабриках и т.д. Это приносит определенную пользу, показатели которой сопоставляются между собой. И уже на этой основе решается вопрос о том, как дальше распоряжаться углем. Мы знаем, что в централизованно управляемой экономике эти стоимостные оценки могут быть только глобальными, однако они всегда остаются все-таки стоимостными оценками. А натуральные балансы отдельных плановых органов, о которых шла речь, являются *результатом* этих оценок. Ведь оценки определяют, какое количество стали отраслевой управленческий отдел «Сталь» должен экспортировать или импортировать и какое количество ее надлежит направлять в отдельные сферы применения, к примеру на строительство мостов, производство металлообрабатывающих станков, рельсов и т.п. Без подобного стоимостного расчета даже при условии, что он в высшей степени неточен, централизованное планирование оказывается полностью лишенным реальной основы. Хозяйственный расчет должен показать, какая напряженность между спросом и предложением существует по отдельным товарам и как следует распоряжаться последними, чтобы преодолеть существующую ограниченность таковых. Если, например, строится суконная фабрика, то в плановом порядке рассчитывается, соответствует ли стоимость использованных при строительстве кирпичей, станков, стали, древесины и т.п. стоимости товаров, которые позднее станут производиться на этой фабрике. Каким бы ни был экономический порядок — будь он рыночного типа или типа хозяйства с централизованным управлением, — постоянно будет осуществляться точное или неточное сопоставление стоимостей инвестированных средств производства и затем произведенных товаров. Простое количественное сопоставление использованного цемента, стали, древесины, установленного оборудования, произведенного сукна и т.п. было бы совершенно бессмысленным.

Статистика производства угля, стали, обуви, пшеницы и т.д. может представлять интерес в рамках централизованно управляемой экономики лишь постольку, поскольку она позволяет определить, в какой степени каждый раз фактическое производство достигает уровня плановых производственных заданий. Но сам план и установление плановых производственных заданий делают безусловно необходимыми стоимостные оценки, то есть определение значимости товаров для удовлетворения потребностей.

3. Все это элементарные истины. Но важной приметой сегодняшней политико-экономической дискуссии является именно то,

что подобные элементарные вещи предаются забвению¹. Находятся идеологи, которые совершенно серьезно хотят регулировать централизованно управляемую экономику с помощью чисто количественной статистики. Их собственная повседневная хозяйственная практика могла бы час за часом доказывать сторонникам подобных идеологий, что это невозможно. Они не сопоставляют даже количества, если им приходится распоряжаться рабочими часами их собственного текущего рабочего дня. Если они, к примеру, идут обедать в гостиницу, они не могут сравнить затраченный на это час рабочего времени с количеством граммов потребленных ими отдельных продуктов питания или с количеством израсходованных денег. Они постоянно оценивают в стоимостном отношении потерянный ими час, израсходованные ими деньги и потребленные ими продукты питания, после чего они разрабатывают свой хозяйственный план. Они проводят аналогичные сопоставления также в том случае, если у них в хозяйстве есть куры. Здесь стоимость или цена корма и прочих средств производства сопоставляется со стоимостью или ценой яиц. Однако невозможно сравнивать между собой количество яиц с килограммом корма или количеством затраченных рабочих часов без использования соответствующих стоимостных оценок.

Подобная попытка вести хозяйство с использованием количественной статистики в любой форме экономического порядка тотчас же доводит *ad absurdum*². Просто количество никогда не позволит определить, в какой степени преодолевается ограниченность товаров. Но именно это имеет важное значение в процессе хозяйствования. Следует определить то значение для удовлетворения потребностей, которое в тысячах возможных вариантов использования приобретает каждый отдельный рабочий час, а также применение каждого средства производства и каждого вида потребительских товаров. В этом заключается смысл хозяйственного расчета, который не может быть заменен количественной статистикой.

Поскольку и это предложение — количественный расчет — оказывается непригодным, то все должно оставаться в рамках глобальных оценок, которые не могут установить равновесия. Ни в одном из экспериментов, ни в русском, ни в английском или голландском, не смогли выйти за рамки этого грубого метода регулирования экономического процесса. Не смогли потому, что это невозможно, если не отказаться при этом от централизованного регулирования.

¹ См.: E. H e i m a n n. «Sozialistische Wirtschafts- und Arbeitsordnung», 1948; O. L e n e l. «Über die Literatur zu Fragen der Wirtschafts- und Gesellschaftsordnung». — «ORDO», 2 Bd., 1949, S. 356 ff.

² До нелепости, до бессмыслицы (лат.).

II. Социальный вопрос

Плохие условия жизни, отсутствие свободы, недостаток защищенности и несправедливое распределение — все это были пороки, ответственным за которые рабочие и служащие XIX в. сделали «капитал». (Социальный вопрос этим не обозначен, но сейчас речь идет о том, как эта проблема воспринималась.)

В противоположность этому от политики централизованного управления экономическим процессом ожидалось и ожидается, что будет преодолено господство капитала, улучшены условия существования рабочих. Последним будет предоставлена экономическая и социальная свобода, а не только формально-правовая, как при «капитализме». Будет гарантирована полная защищенность, поскольку исчезнет угроза безработицы, и, наконец, станет возможным прежде всего справедливое распределение. В конечном счете может исчезнуть и то унижение, которое заложено в понятие заработной платы. Рабочему станут платить соответственно его производственному вкладу и к труду перестанут относиться как к товару, цена на который образуется на рынке, а рабочий как полноправный человек получит преимущественное право, а именно по принципу: «каждому по его потребностям»¹.

Теперь, после рассмотрения экспериментов с политикой централизованного управления, можно дать обзор социальных последствий политики. Что дает она в социальном плане? Она действительно устраняет угрозу продолжительной массовой безработицы. Данное обстоятельство имеет большое политическое значение. Более того, метод управления, присущий централизованно управляемой экономике, является абсолютно надежно действующим средством обеспечения занятости всех людей. Это было видно из самого анализа. При форсировании капиталовложений и исключении индивидуальных расчетов издержек каждый человек может быть трудоустроен.

Между тем полностью занятыми были и египетские феллахи времен фараонов, и рабы крупных древнеримских земельных латифундий I в. н.э., и немцы в период между 1945 и 1948 гг. При этом все они пребывали в крайней социальной нужде. Итак, возникает вопрос, может ли быть приемлем в социальном отношении тот метод, с помощью которого политика централизованного управления экономическим процессом должна обеспечить занятость всех людей. Если говорить точнее, *может ли* в рамках экономических порядков, в которых доминирует форма порядка централизованно уп-

¹ См.: P. S e r i n g. «Jenseits des Kapitalismus», 1947, S. 200 ff. По поводу проблемы в целом см. также мою статью «Die soziale Frage». — «Festschrift für Alfred Weber», 1949; K. F. M a i e r. «Soziale Sicherheit». — «ORDO», 3. Bd., 1950.

руляемой экономики, не только обеспечиваться полная занятость, но и вообще решаться социальный вопрос.

1. Критики экономических порядков XIX в. видели рядом с убогими жилищами рабочих виллы фабрикантов или усадьбы землевладельцев. Они доказывали, что, когда исчезнут проценты, ренты, предпринимательские прибыли и вообще все нетрудовые доходы, рабочая сила и средства производства станут усиленно ориентироваться на снабжение рабочих. Удовлетворение их потребностей повысится за счет нетрудовых доходов. Они считали, что эта цель может быть достигнута с помощью централизованного управления экономическим процессом.

Эксперименты с централизованным управлением в XX в. принесли иной результат. ВУ основу плановых заданий центральных административных органов повсеместно ставились увеличение масштабов инвестиций, быстрое расширение производственного аппарата в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве. Это было нечто совсем другое, чем полагали, например, *Бароне* и его последователи, которые считали, что производственное министерство будет стремиться к достижению максимального обеспечения потребительскими товарами. Фактически же форсировалось «вынужденное» накопление, что в большинстве стран снижало обеспечение рабочих до «минимального уровня снабжения».

2. Но разве этот расширенный производственный аппарат не станет в дальнейшем служить целям обеспечения населения потребительскими товарами? Об этой напрашивающейся самой по себе мысли уже говорилось. Рабочие, как считалось, возможно, и живут сегодня в нищете, но зато следует надеяться, что через несколько лет или десятилетий их положение резко улучшится, а именно в том случае, если вновь построенные сталелитейные заводы, обувные фабрики, электростанции и т.д. станут выпускать продукцию и появится возможность увеличить потоки потребительских товаров. Однако подобные надежды мало обоснованы. Их исполнение мало вероятно по двум причинам. Прежде всего потому, что вновь построенные металлургические заводы, дороги, машиностроительные заводы и т.д. вновь служат новым инвестициям (строительству новых домен, мартеновских цехов и т.п.) и в конечном счете расширению или укреплению власти руководящего слоя. Существует мало надежды на то, что их станут использовать на нужды обеспечения потребительскими товарами, то есть, например, на нужды жилищного строительства, выпуска текстильных изделий и т.п. Теперь о второй причине. Поскольку, как мы видим, не удастся достичь равновесия инвестиций, то про-

изводительность нового оборудования не столь значительна, как могло бы показаться, если исходить из технического уровня его. Сосредоточение рабочей силы и средств производства на капитальных вложениях и несостоятельность системы регулирования являются причиной того, что ожидаемое улучшение условий существования рабочих не наступило там, где проводилась политика централизованного управления экономикой.

3. В каждом экономическом порядке рыночного типа решающим фактором образования доходов становится ценовой механизм. На этот порядок вещей и направлена критика, так как социальное положение людей отдано на произвол «слепому механическому процессу». Напротив, социальная справедливость может обуславливать распределение, если оно будет осуществляться центральными органами.

Но распределение было особенно неравным и несправедливым в тех случаях, если происходила концентрация экономической власти и, кроме того, экономическая власть увязывалась с общественной властью. В истории так было всегда, стоит только вспомнить поздний период существования Римской империи, тяжелый социальный кризис во Фландрии XVIII в. или ведение помещичьих хозяйств XVIII в. (Перечень подобных примеров можно без труда продолжать и дальше.) Вера в то, что центральные плановые органы будут осуществлять более справедливое распределение, содержит в себе поразительное нежелание принимать во внимание исторический опыт. Зависимость величины доходов от рынка может, как мы знаем, вести к несправедливости. Она представляет собой сложную проблему. Но зависимость от центральных властных структур, которые к тому же намерены осуществлять крупномасштабные инвестиционные проекты, еще более опасна.

И вновь глобальный подход ввел в заблуждение, на этот раз противопоставление «капитализма» и «социализма». Здесь отсутствовало мышление категориями форм порядка. Тот факт, что на рынках рабочей силы, где существует монополия спроса на нее, рабочие получают предельный доход от своего труда, должен был бы обусловить постановку следующего вопроса: как можно устранить этот монопольный перевес спроса одной из сторон на рынке? Вместо этого при проведении политики централизованного управления экономическим процессом на отдельных рынках рабочей силы происходит замена монополий покупателей одной универсальной общественной монополией покупателей, иными словами, увеличивается зависимость рабочих. Заменить «заработную плату» и рынок рабочей силы централизованным распределением и принудительным привлечением к отбыванию трудовой повинно-

сти — значит уменьшить возможность реализации социальной справедливости. В ходе экспериментов обнаружилось, что оплата труда и объем труда распределяются по принципу целесообразности. Главной задачей было достижение плановых целей. При распределении основным был не принцип справедливости, а то, чтобы рабочую силу оптимально подчинить интересам достижения инвестиционных целей.

4. Принято противопоставлять «защищенность» «свободе». Утверждается, что защищенность требует отказа от свободы, что современный человек относится к свободе достаточно безразлично. С этой точки зрения он хочет прежде всего защищенности. Ну а поскольку экономическая политика централизованного управления гарантирует защищенность, то ей и принадлежит будущее.

Однако такой противоположности между понятиями защищенности и свободы не существует. Наоборот, без свободы защищенность невозможна. Если распоряжением планового органа любое предприятие, например столярная мастерская, в любое время может быть закрыто, а мастера и подмастерья могут быть переведены в другой город для работы на фабрике, то их жизнь постоянно протекает под знаком неопределенности и неуверенности. К примеру, рабочий-металлист в конце рабочего дня узнает о решении незамедлительно направить его на строительство прокатного завода в городе В. При неявке в установленное время ему грозят штрафами, а иногда даже лишением продовольственных карточек. Таким образом, здесь обнаруживается отсутствие свободы передвижения и повсеместного проживания рабочих, свободного выбора рабочего места, свободы заключения договоров и свободы потребления. Отсутствие этих свобод как раз и порождает незащищенность. Человек вынужден постоянно считаться с подобными распоряжениями, которые вынуждают его делать то, чего он не хочет делать. На новом месте работы ведомство решает вопросы питания, жилья и денежного вознаграждения за труд. И поскольку рабочий не может ни уволиться, ни уклониться от этих распоряжений, то его судьба находится полностью в руках ведомства.

Раньше, примерно в 1931 г., он зависел от анонимного экономического процесса. Тогда он терял свое рабочее место, длительное время не имея возможности найти новое. Это была одна из форм незащищенности. В 1940 г. он стал зависим от ведомств, решавших его судьбу. И вновь он оказался незащищенным. Исчезает один риск, и вместо него появляется другой. При этом ведомство само испытывает давление, заставляющее его делать все для достижения плановых целей. Следовательно, оно может, даже если этого хотят высшие должностные лица, лишь весьма ограниченно учитывать индивидуальные пожелания. Защищенность

предполагает, что отдельно взятый человек обладает определенной сферой свобод и располагает свободой выбора действовать так или иначе.

5. Тем самым мы сталкиваемся с самой сутью социального вопроса — принципом свободы. Отсутствие свободы делает возможным оказание давления на условия существования. Господство частных или общественных властных структур угрожает установлению справедливости, а недостаточная защищенность порождается недостаточной свободой. Без свободы личности невозможно решить социальный вопрос. Но экономическая политика централизованного управления ограничивает не только свободу руководителей предприятий. Одновременно еще более урезаются и без того уже подвергающиеся угрозе сферы свобод рабочих. Вместо того чтобы очерчивать границы сферы свобод с таким расчетом, чтобы сфера свобод одних, например работодателей, не ущемляла сферу свобод других, а именно рабочих, сферы свобод тех и других уменьшаются или ликвидируются, ибо они подчиняются предписаниям третьего фактора, центральных плановых органов. Поскольку последние подчиняют своему влиянию повседневную хозяйственную жизнь людей и в приказном порядке ориентируют их на центральные плановые цели, то люди превращаются в средство достижения цели. Таким образом, нельзя действовать в соответствии с фундаментальным моральным принципом «использовать человека во всякое время как цель», а «не просто как средство» (Кант).

Перемещение регулирования экономики из домашних хозяйств и предприятий в центральные органы имеет далеко идущие социальные последствия. Теперь руководство построением общества осуществляется сверху, оно не развивается снизу. Централизованное управление массами рабочих, превращение розничных торговцев в тех, кто осуществляет распределение, крестьянских дворов в предприятия, которые должны следовать производственным планам и указаниям центральных органов, — все это изменяет совокупную структуру общества. Равным образом в рамках подобных экономических порядков становятся невозможными ни экономический рост, ни самостоятельность союзов, к примеру кооперативов. Рабочие комитеты или производственные советы уже не могут найти на предприятии никакого существенного участия работы именно потому, что все важные вопросы решаются не руководством предприятий, а центральными плановыми органами. Таким образом, сфера свобод и чувство личной ответственности еще более ограничиваются, и на место социального вопроса XIX в. приходит новый вопрос.

Экономическая политика централизованного управления, как порой утверждают, может иметь экономические недостатки, но в социальном отношении она хороша и необходима. Теперь же оказывается, что она мало дает не только с экономической точки зрения, ей удастся неудовлетворительным образом преодолеть ограниченность товаров. Скорее, как раз социальные последствия, изменения в структуре общества оказываются совершенно другими, нежели те, которых прежде ожидали сторонники этой экономической политики.

III. Противовесы

Но даже если регулирование экономического процесса потерпит фиаско, а социальный вопрос в рамках экономического порядка этого типа приобретет неотложный характер, в одном отношении все же сохраняется выход из создавшегося положения. Разве нельзя было бы противостоять угрозе свободе человека в силу того, что централизованное управление ограничивается социально-экономической сферой, то есть она как бы обособляется? Это распространенная и влиятельная точка зрения, которую недавно высказал *Шумпетер*, говоря о «культурной неопределенности социализма». Под этим он имел в виду область государственного порядка и культурного образования¹. Действительно ли отдельно взятый человек в состоянии обрести здесь убежище, даже если экономические плановые органы подчиняют своему влиянию экономический процесс? Может ли человек быть несвободным в социально-экономической сфере, а свободным в государственно-политической? Нельзя ли благодаря этому создать даже противовес чрезвычайно могущественной власти централизованного управления?

В связи с этим иногда делается предложение поставить центральные планы под парламентский контроль и тем самым защитить права индивида. Но уже в небольшой частной фирме с легко обозримым полем деятельности целесообразные хозяйственные планы не могут быть разработаны путем простого голосования, к примеру, персонала фирмы. В еще меньшей степени парламентам удастся установить всеобъемлющие планы капитальных вложений и текущего производства миллионов самых разнообразных предприятий и осуществлять контроль за их выполнением. Там же, где такие попытки предпринимались, как это имело место во

¹ J. A. Schumpeter. «Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie», 1946, S. 273 ff.; по этому вопросу см. также: W. A. Jöhr. «Ist ein freiheitlicher Sozialismus möglich?», 1948, S. 62 ff.

Франции после 1945 г., в парламенте проявлялась деятельность частных властных группировок, представлявших интересы сельского хозяйства, промышленности, рабочих и т.д., и тем самым принятие центральных планов затруднялось либо наталкивалось на серьезные препятствия. Если процесс централизованного планирования должен протекать последовательно, то и страны с парламентскими формами правления были вынуждены передать полномочия по составлению и проведению в жизнь центральных планов министерствам или другим центральным административным органам путем принятия законов о предоставлении им чрезвычайных полномочий. Такая концентрация государственной власти в органах управления проявляется во всех экспериментах централизованного управления экономическим процессом. Она не случайна и вытекает из характера проблемы экономического регулирования¹.

Идея постановки самой разработки национальных и международных центральных хозяйственных планов под парламентский контроль незамедлительно отпадает, как только проблема экономического регулирования будет принципиально понята или осознана *in concreto*.

Однако этим вопрос еще не решен. Может быть, в условиях централизованного регулирования экономического процесса удастся создать противовес путем предоставления государственно-правовых гарантий, а также гарантий свободы мышления и образования? Можно ли тем самым противодействовать концентрации в руках руководящего слоя экономической, общественной и политической власти, слоя, который подчинил своему влиянию центральные плановые органы?

А. Правовое государство

1. Политика *laissez-faire*, как оказалось, не способствовала становлению экономических порядков, адекватных правовому государству, именно потому, что при такой экономической политике могут возникать неконтролируемые монополии или частичные монополии. Если в XIX в. в значительной мере и удавалось защитить отдельно взятого человека от произвола государства, то воспрепятствовать вмешательству других частных структур в сферу свобод отдельного индивида все же не удалось².

¹ По данному вопросу см.: F. A. v o n H a u e k. «Der Weg zur Knechtschaft», 1947; F. B ö h m. «Wirtschaftsordnung und Staatsverfassung», 1950.

² См. с. 104 и сл.

Но как только начинается политика централизованного управления, сразу возникает противоположная ситуация. Фирма, о которой мы уже говорили и которая намеревалась торговать цементом, но не получила такой возможности из-за блокады со стороны синдиката и гарантированное конституцией право на свободу занятия промыслом которой было, таким образом, урезано частной властной группировкой, находится далеко не в лучшем положении до тех пор, пока проводится политика централизованного управления экономическим процессом. Теперь она зависит от распоряжений планового органа по цементу. Будет ли она допущена в качестве организации, распределяющей цемент, какое количество цемента она получит, какую цену она должна потребовать, кому надлежит переправлять цемент дальше — все это определяет публично-правовой орган. Следовательно, теперь свободу занятия промыслом, даже если она во всеуслышание гарантируется конституцией, экономическая политика ликвидирует в силу того, что само государство не включает ее в свои административные акты. Вот еще один пример. Рабочий, который направляется на работу на какую-то определенную фабрику, фактически теряет право свободного передвижения и повсеместного проживания, а также свободу заключения договоров. В этом случае основные права человека на деле также упраздняются в связи с использованием методов централизованного управления экономикой.

В том же направлении, но как бы с другой стороны от экономических порядков, которые возникают при проведении политики управления экономическим процессом, исходят угрозы правовому государству. Одна угроза, исходящая от частных лиц, может исчезнуть, но другая опасность, источником которой является само государство, резко возрастает.

2. Порождается ли несовместимость правового государства с централизованным регулированием экономического процесса актами произвола руководителей или объективными причинами?

Некоторые плановые органы по углю, стали, коже и т.д. вынуждены направлять свои производственные предписания заводам, к примеру о закрытии предприятия или разнарядке рабочей силы, с учетом того, что разработанные планы сферы их регулирования будут выполняться по возможности максимально полно. Только так они могут служить претворению в жизнь общего народнохозяйственного плана. Если бы отдельно взятое предприятие, ссылаясь на свободу занятия промыслом, отказалось от выполнения определенных предписаний или рабочий, ссылаясь на право свободного передвижения и повсеместного проживания, отказался от выполнения определенных трудовых повинностей, то

решение регулирующей задачи планового органа было бы осложнено или поставлено под вопрос. На практике руководители плановых органов прямо-таки вынуждены игнорировать государственно-правовые гарантии, даже если они полностью осознают значимость этих правовых гарантий.

Если плановым органам надлежит соответствовать стоящей перед ними экономической задаче, то их решения также не могут подвергаться дополнительной проверке со стороны административных судов. Приведем пример. Плановый орган по коже переводит кожу, принадлежащую фабрике А и изъятую у нее, фирме В, которая более подходит для переработки кожи в соответствии с планом. Фабрика А обращается с иском в административный суд, требуя возврата кожи. С правовой точки зрения административный суд решает дело в пользу истца А. Тем самым осуществление централизованного планирования было бы нарушено в весьма существенном звене. Но это соответствовало бы принципу правового государства. Такие конфликты возникают постоянно. Осуществление централизованного планирования оказалось бы невозможным, если можно было бы вообще опротестовывать решения плановых органов в административных судах. Итак, оказывается, что *дополнительная проверка подчинения закону органов управления и централизованное регулирование экономического процесса несовместимы по объективным причинам*. Однако такой контроль органов управления, осуществляемый судами, именно в XX в. стал необходимым инструментом правового государства. Там, где его не было, правовое государство переставало существовать.

Рабочий жалуется на привлечение его к отбыванию определенной трудовой повинности и ссылается при этом на свободу своей личности и на свободу передвижения и повсеместного проживания, гарантированные конституцией. Административный орган возражает ему и говорит, что привлечение к отбыванию трудовой повинности необходимо для обеспечения строительства моста, которое должно осуществляться в соответствии с общим планом. Руководитель планового органа с полным основанием подчеркивает, что он не может поступать иначе, когда следует выполнять общий план. С другой стороны, рабочий обоснованно ссылается на гарантированные права свобод. Таким образом, проявляется принципиальный конфликт.

Общее решение, касающееся глобального становления централизованно управляемой экономики, несовместимо с *общим решением*, затрагивающим проблемы правового государства. Здесь существует совершенно жесткая интердепенденция порядков. Происходит столкновение обеих форм порядка — правового государства и централизованно управляемой экономики, «государственного конституирования» и «хозяйственного конституирования». Если политика

централизованного управления экономическим процессом проводится последовательно, то государство теряет характер правового. И наоборот, если к реализации принципов правового государства подходят совершенно серьезно, то политика централизованного управления экономическим процессом не может осуществляться со всей последовательностью. Но ведь без формирования правового государства нет свободы личности.

Б. Свобода мышления и образования

Возможно, что в качестве заповедника человеческой свободы все еще существует область религии и культуры. В XVII в. и начале XVIII в., в эпоху политической несвободы и вместе с тем во времена Баха и Генделя, многие люди могли свободно проявлять себя в музыке. Возможно ли подобное сегодня? Может ли религиозная и духовная жизнь избежать влияния процесса широкого распространения принципа централизованного управления, берущего свое начало в экономическом процессе?

Исходя из накопленного опыта, сегодня можно ответить и на этот вопрос. Решающее значение при этом приобрели два момента.

1. Прежде всего это тот банальный факт, что для осуществления научных, литературных и художественных планов в большинстве случаев необходимы экономические средства, которыми располагают центральные плановые органы. Чтобы напечатать книгу, соответствующий плановый орган должен дать свое согласие на выделение бумаги. В других случаях нужна иностранная валюта для импорта книг и аппаратуры, необходимых для проведения определенных исследовательских работ. Плановые органы постоянно проверяют неотложность соответствующих потребностей. Им необходимо делать это, даже если они вначале не хотят делать это. Следовательно, они дают оценку достижений умственного труда. Для организации концерта необходимо предоставить зал и уголь для его отопления. Так, весьма простым способом центральные или местные плановые органы превращаются в судей, решающих, какие книги следует издавать, какую аппаратуру нужно импортировать, состоятся ли концерты тех или иных пианистов или нет. Следует ли в естественных науках стимулировать развитие так называемых фундаментальных или прикладных исследований? Решение здесь может выносить не спонтанное развитие наук, иными словами, не ход научных дискуссий. Ибо решение вопроса о том, развитию каких исследовательских задач необходимо содействовать путем выделения строительных материа-

лов, машин, аппаратуры и вспомогательной рабочей силы, зависит от решений центральных плановых органов и от той ступени срочности, на которую они ставят отдельные проекты. Так в силу объективной необходимости из экономической политики такого толка возникает централизованный контроль умственно-го труда.

2. И все же проникновение государственных центральных хозяйственных органов в эти сферы имеет и другие, более глубокие причины. Чтобы достичь плановых целей, необходимо направить энергию людей именно на эти цели. В противном случае подобные экономические порядки начинают страдать от самостоятельности индивидов с их стремлением отстаивать свои собственные взгляды. Следовательно, людей необходимо постоянно убеждать в том, что на самом деле будет правильно всеми своими силами служить достижению плановых целей и отказываться от индивидуальных планов. Вот почему в таких странах регулярно ведется пропаганда «производственных битв», и даже больше: путем ведения радикальной «воспитательной работы» предпринимаются попытки мобилизовать людей в интересах полного осуществления центральных планов.

В экономических порядках этого типа центральные органы не только управляют вещами, но и руководят людьми. Ну, а люди нуждаются в общем «воспитании», цель которого — «объединить все волеизъявления в *единую* волю, направить все усилия на достижение одной цели, цели общества». Это было известно и сенсимонистам 30-х годов XIX в.¹ Они требовали, чтобы на протяжении всей жизни велось это воспитание, которому должны служить как искусство, так и религия. «Растущее значение морального воспитания может рассматриваться как важнейший аспект развития *свободы*, состоящей прежде всего в том, чтобы *хотеть* и *охотно* делать то, что нужно делать». «Моральное воспитание должно оказывать влияние на то, чтобы каждый воспринимал обязанности, возлагаемые на него настоящими, законными вождами общества, действительно как свой долг, который охотно выполняется». «Чтобы отдельно взятый человек согласился занять место, которое отводится ему, недостаточно одного знания цели общества и средств ее достижения. Цели и средства должны стать

¹ «Doctrinе de St. Simon. Exposition. 1829». Ausgabe von Bouglé und Halévy, 1924, 1. Bd., p. 332 ff., p. 355 f.; и особенно 2. Bd., p. 167 ff. (Oeuvres de St. Simon et d'Enfantin», Vol. 41—42); статья *Энфантена и Базара* в «Producteur», 1825/26, 1. Bd., p. 168 ff., 2. Bd., p. 537 ff., а также статья в *Globe* vom 4. April 1831, zitiert in der Ausgabe der «Exposition» von Bouglé und Halévy, 1924, Note 48. — E. N o e l l e. «Das Ordnungsproblem im Saint-Simonismus», Freiburger Diss., 1949.

для него предметом симпатии и картиной желаемого. Отныне ученые могут, пожалуй, без всяких сомнений установить этот феномен и в силу этого говорить, что́ следует любить, чтобы не мешать тому ходу развития, каким он предписан течением исторических явлений. Но они не способны воспроизводить те чувства, необходимость которых они осознают. Эта миссия доверена людям другого типа, тем, которых природа одарила большой силой чувств». *«Искусство благодаря силе воображения, которой оно располагает, должно оказывать на массы достаточно сильное влияние, чтобы совершенно однозначно ориентировать их на поставленную цель и поддерживать своих прирожденных вождей в этой большой совместной работе».* Праздники станут «днями отдыха мускульной силы общества», в течение которых будет оказываться воздействие на чувства и сознание в смысле достижения социальной цели. Духовной свободе и свободе критики здесь нет места.

Сенсимонисты правильно осознавали взаимосвязи между централизованным регулированием экономического процесса, воспитанием и пропагандой. Это не случайные связи. И здесь существуют взаимосвязи порядков. В странах, которые последовательно проводят политику централизованного управления экономическим процессом, например, музыка также становится средством ориентирования масс на общие цели центральных органов, скажем, для того, чтобы начать очередную «производственную битву». Свобода мышления и образования также несовместима с последовательным проведением политики централизованного управления. Если государство, проводящее подобную политику, отказывается от использования средств духовного руководства людьми, то оно тем самым менее полно ориентирует на плановые цели. И здесь свобода неадекватна политике централизованного управления. Государства нередко пытались комбинировать свободу образования и волеизъявления с экономической политикой централизованного управления. Но это лишь наносило ущерб экономической функциональной способности системы регулирования.

3. В стремлении применить на деле «противовесы» центральным плановым органам и их властным позициям путем расширения политических, культурных и правовых порядков находит свое отражение старая идея в новом обличье, а именно должно возникнуть «равновесие властей» нового типа. Отнюдь не равновесие законодательства, органов управления и судопроизводства, а также эмиссионного банка, как это пытались сделать государства в XIX в., но, быть может, равновесие полученного по наследству экономического порядка с централизованным планированием и свободных порядков в политике, праве и культуре. Именно так

должен формироваться замкнутый совокупный порядок, способный функционировать.

Но эксперименты все же принесли в данном вопросе два важных результата.

- а) Чем больше выявляется свобода личности благодаря государственно-правовой защите, равно как и свобода мышления и образования, тем меньше возможность реализации политики централизованного управления экономическим процессом. То, что дается одному, отбирается у другого. В таких экономических порядках, в которых путем установления парламентского контроля и соблюдения основных прав, касающихся свобод, эффективно ограничены полномочия центральной администрации, наблюдается настоящее нагромождение причин неравновесия: те, которые вообще связаны с централизованным управлением, и те, которые возникают из факта ограничения полномочий. Примерами служат английский эксперимент после 1945 г. или эксперименты в Голландии и Норвегии.

Итак, представление о том, что угрожающее свободам воздействие централизованного планирования экономического процесса можно компенсировать расширением свободных порядков в политической, правовой и культурной сферах, ошибочно в самой основе своей. Централизованно управляемые экономические порядки и свободные порядки государства, права и воспитания должны вступить в конфликт между собой. Существует «коллизия» порядков, глубокое внутреннее противоречие. Конечно, в истории предпринимались попытки претворить в жизнь вступающие в коллизию порядки, как это имело место во многих западноевропейских экспериментах после 1945 г. Но всегда один порядок мешает другому. И поскольку отдельные порядки не согласованы между собой, то не возникает никакого *общего порядка*, способного функционировать. Общая политика непоследовательна и не может похвастать успехами. Бросается в глаза важный принцип политико-экономических действий. *Принципы экономического порядка должны были сразу же согласовываться с принципами других порядков, к примеру с принципами государственного порядка.* Или, иначе говоря, нужно было оставить попытки одновременно устанавливать «входящие в коллизии» порядки.

- б) Если последовательно проводится политика централизованного управления экономическим процессом, как в России начиная с 1928 г., то противовесы устраняются. Тогда по логике создается общий порядок. Но ни один вопрос не решается. Более того, все вопросы ставятся в новой, более острой форме: социальный вопрос, проблема политического порядка, проблема правового госу-

дарства и свободы. Такая политика не ведет к «прогрессу», она означает возврат на совершенно неблагоприятную исходную позицию.

IV. Коллективная собственность и социальный вопрос

Еще один важный вопрос остается открытым. Могут возразить, что, вероятно, все это правильно. Но ведь речь идет отнюдь не о централизованном регулировании экономического процесса, а о проблеме коллективной собственности. Именно в этом, в переходе средств производства в коллективную собственность, и коренится якобы главный вопрос. Ибо коллективная собственность устраняет частную прибыль, возникающую за счет рабочего, точно так же, как и несправедливость частнособственнического распределения. Вся прибыль принадлежит теперь народу. Поэтому коллективная собственность на средства производства означает претворение в жизнь социальной справедливости. Эта идея глубоко укоренилась в сознании людей. Она относится к основным формам политико-экономического мышления, которые решающим образом определяют политико-экономические действия.

В этой идее заложены два существенных элемента. Во-первых, вопрос собственности рассматривается как кардинальный вопрос экономической и общественной политики. Во-вторых, создание коллективной собственности на средства производства предстает равнозначным решением социального вопроса.

1. Начиная с конца XVIII в. антитезис «частная собственность или коллективная собственность» двигал политическую мысль и постепенно становился центром мышления. И в этом, равно как и во многом другом, *Руссо* решающим образом повлиял на последующие поколения. Он видел в частной собственности противоестественное устройство, которое устанавливает различия между людьми и создает угрозу свободе. *Маркс* и многие другие до и после него сделали из этого свои выводы.

Именно благодаря своему пониманию собственности *Маркс* оказал решающее воздействие¹. Для него институт собственности в силу неизбежности исторического процесса идет от тезиса через антитезис к синтезу, который и приносит окончательное решение. Это означает: от состояния, в котором рабочий, как мелкий крестьянин и ремесленник, является свободным частным собственни-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 236, гл. 23.

ком своих средств производства, к антитезису, а именно к переводу карликовой собственности многих в концентрированную собственность немногих и к превращению рабочего в неимущего пролетария, который эксплуатируется владельцами частной капиталистической собственности. Но эта концентрированная собственность на средства производства, по *Марксу*, неизбежно через себя пробивается на третью стадию. С экспроприацией экспроприаторов происходит синтез. Капиталистическая собственность превращается в общественную. Рабочие захватывают собственность на средства производства, однако теперь уже не индивидуально, а в кооперации.

С этим «прыжком из царства необходимости в царство свободы», по *Марксу*, возникает «ассоциация, в которой развитие каждого является условием свободного развития всех». Отныне исчезает даже «порабощающее подчинение индивидуумов разделению труда», отныне людям предоставляется возможность «сегодня делать это, завтра то». На своих знаменах общество напишет: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Государство начнет отмирать. «Вся государственная машина помещается в музей древностей рядом с прялкой и бронзовым топором».

Так утверждает *Маркс*. Как же коллективная собственность вызовет к жизни этот дикий мир — данный вопрос остается открытым. Как должен регулироваться экономический процесс, если громадный производственный аппарат современной экономики перейдет в коллективную собственность? Каково будет место рабочих в новой системе регулирования? По-видимому, *Маркс* считает, что при коллективной собственности регулирование экономики станет осуществляться само собой. То, что он вообще не видел этого решающего вопроса, имело серьезные практические последствия повсюду, где его мышление приобрело влияние.

2. В противоположность этому прогрессом явилось то, что в XX в. был поставлен вопрос: как при переходе всего производственного аппарата в коллективную собственность может осуществляться регулирование экономического процесса и как коллективная собственность может способствовать решению социального вопроса?

Ответы на него, в частности, звучат по-разному. Но по существу они состоят в том, что хотят создать рынки, на которых должно осуществляться регулирование экономического процесса. Государство, которому теперь принадлежат все средства производства, должно организовать рынки, на которых выступают руководители угольных шахт, сталелитейных заводов, обувных фабрик и т.д. Поскольку полная конкуренция осуществляет самое четкое регулирование экономического процесса, то многие теоретики думали о рынках, базирующихся на конкуренции. Государство может, например,

исходя из принципа равенства распределять среди населения доле-
вые пай или боны (чеки). Тогда люди смогли бы предъявить спрос
на рынках потребительских товаров в соответствии со своей поку-
пательной способностью и потребностями. Руководителям предпри-
ятий было бы отдано распоряжение действовать по-хозяйски так,
как это только возможно. Это означает производить столько, чтобы
предельные издержки были равны ценам, что полностью отвечает
требованиям полной конкуренции. Предприятия получали бы от
центрального ведомства любое количество сырья и полуфабрика-
тов, а также затрат труда, если бы они соблюдали условие действо-
вать по-хозяйски и платить центральному ведомству по ценам, ко-
торые соответствовали бы конкурентным. Тем самым счетная маши-
на полной конкуренции была бы вмонтирована в экономику с кол-
лективной собственностью на средства производства. Эти предло-
жения, а это именно предложения, а не анализы действительности,
сводятся к тому, чтобы на основе коллективной собственности осу-
ществить справедливое *распределение* и одновременно предложить
преимущества четкого регулирования *производства*. Идея заклю-
чается в том, что тем самым был бы положен конец распределению
социального продукта с помощью механизма цен. Справедливо мог-
ли бы распределяться боны, и, кроме того, сообществу в целом по-
ступала бы прибыль от производства. Исчезли бы нетрудовые дохо-
ды. Потребители регулировали бы экономический процесс, но при
этом они не были бы наделены покупательной способностью произ-
вольно и несправедливо. Механизм цен, который был бы лишен
функции распределения социального продукта, стал бы эффектив-
но использоваться для регулирования производства. Так с перехо-
дом производственного аппарата в коллективную собственность
оказались бы достигнутыми обе цели: решение социального вопроса
и рост экономического вклада всей системы¹.

Все эти проекты исходят из предпосылки, что комбинация кол-
лективной собственности и форм экономического порядка рыночно-
го типа возможна. Прежде чем обсуждать ее детали, что имеет мес-
то в быстро растущем потоке специальной литературы, следует от-
ветить на вопрос, действительно ли существует возможность подо-
бного комбинирования.

- а) Со вступлением во владение горными предприятиями, фабрика-
ми, транспортными предприятиями, сельскохозяйственными
угодьями и т.п. государство существенно расширяет свои полно-
мочия. Оно занимает властные позиции универсального концер-

¹ По данному вопросу см.: O. L a n g e. «On the Economic Theory of Social-
ism». — *Review of Economic Studies*, IV, № 1 und № 2, 1936/37; J. A. S c h u m
p e t e r. «Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie», 1946, Kapitel 15.

на, которому принадлежат все средства производства. Эти непосредственные властные позиции провоцируют на повседневное осуществление власти. Исторический опыт говорит однозначно не в пользу предположения о том, что государство готово воздержаться от использования этой власти. Оно само хочет решать, что будет производиться на его металлургических заводах, ткацких фабриках и на сельскохозяйственных предприятиях. Не следует ожидать от государства, что оно ограничится распределением бон, а регулирование производственного процесса предоставит рынкам. Это означало бы, что в конечном счете управлять производственным процессом станут потребители. Использование производственного аппарата определяют те, кто держит его в своих руках. И как раз в этом случае это бюрократия. Итак, уже общий исторический опыт позволяет осознать, что коллективная собственность на средства производства в той или иной стране порождает централизованное управление экономическим процессом.

- 6) Однако именно *инвестиции* вынуждают государство, которому принадлежит производственный аппарат, брать на себя также и регулирование производственного процесса. Об этом однозначно свидетельствует теоретический анализ. Решения по инвестиционным проектам должны приниматься постоянно. Какие инвестиционные планы следует проводить в жизнь? Какие индустриальные районы следует развивать в первую очередь? Что должно стоять на первом месте — эта электростанция или тот машиностроительный завод? Государство, которому принадлежит производственный аппарат страны, тем более не сможет воздерживаться от решения этих вопросов, поскольку ему будут принадлежать также и новые электростанции, промышленные и транспортные предприятия и т.д. Вопросы о том, что будет построено заново и как эти новостройки будут оснащены оборудованием, при последовательной реализации проектов стали бы решаться в рамках конкуренции руководителей предприятий. Руководитель предприятия *A* намерен расширить свою ткацкую фабрику, руководитель предприятия *B* — свой металлургический завод, а руководитель предприятия *C* — свой универсальный магазин. Распределение капитала между многими конкурирующими руководителями предприятий должно было бы происходить по правилам конкурентной игры, а также по правилам игры на процентах. Но государство, которому позже будут принадлежать эти новостройки со всем их оборудованием и машинами, не смогло бы определить эти правила. Впрочем, и сторонники проекта также не могут здесь оставаться последовательными. Инвестиции следовало бы передать государственным органам.

Тем самым разрушается их план. Поскольку рабочая сила и средства производства могут использоваться и для осуществления новых капиталовложений, производственный процесс в решающей степени регулируется не получателями доходов, а центральными административными органами, которые оттесняют в сторону получателей доходов и их конкурирующий спрос как силу, управляющую экономическим процессом.

По логике вещей коллективная собственность, следовательно, соединяется с централизованным управлением экономическим процессом, а формы экономического порядка рыночного типа оказываются непригодными. Литературная работа над этими проектами переоценивается. Как мало она объясняет какие-либо реальности, так же мало можно использовать ее каким-либо образом в экономической политике. Она может стать даже опасной, так как она скрывает под вуалью то, какие последствия связаны с переходом средств производства в коллективную собственность. Если подавляющая часть производственного аппарата переходит в коллективную собственность, как это было в России начиная с 1928 г. или в Восточной Германии после 1945 г., то централизованного регулирования производственного процесса уже не избежать. Огосударствление отдельных предприятий, к примеру отдельных угольных шахт или отдельных банков, не оказывает подобного влияния. Это имеет место только при системном переводе в коллективную собственность крупных частей производства.

Экономическая политика должна считаться с тем, что если государство переводит в коллективную собственность крупные части производственного аппарата, то оно вынуждено проводить политику централизованного управления экономическим процессом. Тогда оно более не свободно. Даже, если коллективная собственность передается в собственность отдельных групп, например угольные шахты коллективной хозяйственной корпорации по углю, никаких существенных изменений, как окажется, в результате не произойдет.

3. В связи с этим возникает последний вопрос: как влияет коллективная собственность на крупные части производственного аппарата (которая, следовательно, постоянно связана с преимущественно централизованным регулированием экономического процесса) на социальную проблему нашего времени?

Ответ кажется противоречивым. Как мы уже видели, хотя задача и само осуществление централизованного регулирования экономики довольно однородны, независимо от того, сохранит ли политика централизованного управления частную собственность или же будет связана с коллективной собственностью, воздействие коллективной собственности на социальную структуру страны

оказывается глубоким. Здесь имеется существенное различие между обоими названными типами централизованного управления экономическим процессом, встречающимися в реальной действительности.

К примеру, при переходе к экономическому порядку централизованно управляемого хозяйства крестьяне и розничные торговцы меняют свои экономические функции, даже если за ними остается частная собственность на их предприятия. Экономически они становятся зависимыми от центральных плановых органов. Правда, они продолжают существовать. Например, торговец становится тем, кто распределяет товары, но он сохраняет свое дело и рассчитывает на возвращение более свободного порядка. Но как только коллективная собственность распространяется на средства производства, исчезают крестьяне и торговцы. Едва только колхозы или совхозы получают в свои руки земли и сельскохозяйственный производственный аппарат, или когда так называемые потребительские кооперативы берут на себя распределительную функцию торговли, или если государственные мясокомбинаты заменяют частные бойни, всегда наступает конец самостоятельным предприятиям. Бывшие крестьяне, ремесленники, розничные торговцы становятся рабочими и служащими, которые полностью зависят от *одной* гигантской администрации совокупного производственного аппарата. Нет никакой возможности избежать этой зависимости. Социальная структура страны изменяется, и зависимость слоя *B* от руководящего слоя *A* становится совершенно иной. Правда, существует смутное представление о том, что народ как единое целое овладевает средствами производства и благодаря этому каждый индивид становится их совладельцем. Но что даст рабочему уведомление о том, что он является совладельцем всех фабрик, угольных шахт, сельскохозяйственных предприятий и т.д.? «Пусть только каждый попробует проверить самого себя, появляется ли у него при пользовании Федеральной железной дорогой в отличие от проезда на частной железной дороге ощущение того, что он сидит в своем собственном вагоне и поэтому является не «пассажиром», а «хозяином»»¹. Поставленный в зависимость от функционеров, распоряжающихся этим производственным аппаратом, отдельно взятый человек не в состоянии оказывать никакого влияния, остается зависимым и испытывает чувство неуверенности. «Коллективная собственность в любом случае означает в негативном плане прежде всего экспроприацию всех отдельно взятых людей. С позитивной стороны она есть нечто иное, торжественно провозглашаемый вопрос, содержание реальной действительности в котором полностью зависит от вида организационного осуществления этого права собственности. Что при-

¹ W. A. J ö h r. «Ist ein freiheitlicher Sozialismus möglich?», 1948, S. 81.

надлежит всем, не принадлежит никому или скорее немногим, осуществляющим право собственности от имени «всех». Чем масштабнее конкретные отношения, тем острее необходимость единообразной концентрации полномочий по распоряжению... но ведь это означает: коллективная собственность делает возможным существенно более высокие степени и более острые формы социального неравенства по сравнению с частной собственностью» (А. Рюстов).

4. Конечно, коллективная собственность на производственный аппарат может рассматриваться также и в совсем ином аспекте, который для реально происходящего имеет особую важность.

Руководящий революционный слой B_1 , проникающий в слой A , усматривает в нем инструмент завоевания власти. Ликвидация частных предприятий в сельском хозяйстве, промышленности и торговле эффективнее всего способствует исчезновению прежнего руководящего слоя A . Когда же B_1 пробьется на позиции A , коллективная собственность становится весьма подходящим орудием для того, чтобы препятствовать появлению оппозиции, то есть нового руководящего слоя B_1 . Из слоя сельских хозяев, промышленников, торговцев и т.д. в том случае, если они сами владеют предприятиями, могла бы без труда вырасти оппозиция новому руководящему слою A . Ликвидация частных предприятий означает устранение этой опасности для A . Стоит только вспомнить о борьбе против кулачества в России. Но не только здесь, но и в других случаях — даже при огосударствлении отдельных отраслей промышленности в XX в. — действует правило, согласно которому коллективная собственность в борьбе за власть выполняет двоякую функцию: завоевание позиций, дающих борющемуся руководящему слою власть, а позднее сохранение этих позиций. С этой точки зрения становится понятной тенденция к образованию коллективной собственности. Коллективная собственность на производственный аппарат является инструментом господства. Формула «коллективная собственность принесет решение социального вопроса» является действенным идеологическим оружием в борьбе за власть. Она одно из средств установления господства над массами, завоевания власти и ее упрочения. И как таковая она сама стала исторической силой.

Но в результате ничто не поколеблет того факта, что слияние централизованного регулирования экономического процесса с коллективной собственностью представляет собой тот тип экономического порядка, который в социальном плане таит в себе наибольшие опасности¹.

¹ Относительно экономической политики централизованного управления автор делает ссылку на: L. v o n M i s e s. «Planned Chaos», 1947, и его же «Human Action. A Treatise on Economics», 1949.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СРЕДНЕГО ПУТИ¹

Люди века техники пережили невзгоды, порожденные политической *laissez-faire*, точно так же, как они перенесли тяготы и опасности централизованного управления. Поэтому мысли и дела обращаются к вопросу, каким образом возможен компромисс между двумя крайностями, некая комбинация свободы и централизованного регулирования. Казалось бы, что от успеха подобных попыток напрямую зависит существование свободы и человеческой культуры. На этот пункт были направлены помыслы *Ратенау*, *Кейнса* и многих других. Для них характерно то, что они как бы на ощупь вступали на различные пути. В поисках среднего пути тщательно зондировалась почва.

I. Политика обеспечения полной занятости

1. В большинстве стран в настоящее время проводится политика обеспечения полной занятости. В ее основе лежит убеждение в том, что в современной экономике существует тенденция к осуществлению слишком небольших по своим размерам капиталовложений. Поэтому цель состоит в том, чтобы обеспечить полную занятость путем осуществления инвестиционной деятельности. Для этого реализуется политика дефицита государственного бюджета, низких процентных ставок, кредитной экспансии и т.д. Этим хотят воспрепятствовать тому, чтобы национальный доход снижался до уровня, на котором при неполной занятости инвестирование и накопление оказались бы равными. Напротив, масштабы инвестиционной деятельности должны быть такими, чтобы обеспечивалась полная занятость.

2. Правительства и даже формы государственного правления, при которых возникает и длительное время сохраняется массовая безработица, не имеют прочной основы. Газета *Экономист* выразила мнение масс, когда она в 1942 г. написала: «Если либеральная демократия плохо уживается с полной занятостью, то она

¹ Эта глава составлена на основе предварительных публикаций автора в «ОРДО» и различных авторских набросков. Разбивка главы на подзаголовки соответствует наметкам автора. Многочисленные пометки позволяют заключить, что автор намеревался расширить данную главу. Прежде всего в ней должна была разбираться политика гарантий. — Прим. К.Пауля Хензеля.

должна исчезнуть». Воздействие могущественных исторических сил направлено на то, чтобы проблема обеспечения полной занятости рассматривалась в качестве основной политико-экономической проблемы.

На деле здравому смыслу противоречит то, что в условиях господства экономической ограниченности, от которой страдала и страдает большая часть человечества, неиспользованной остается много рабочей силы, а вместе с ней не используются также машины, запасы сырья и полуфабрикатов. Если в стране насчитываются миллионы безработных, любое правительство должно будет проводить политику обеспечения полной занятости. Ведь оно в нынешних исторических условиях находится под постоянным давлением. С этим нам приходится считаться как с непреложным фактом. Наша социальная совесть запрещает нам терпеть массовую безработицу. Государственные интересы требуют того же. Если миллионы людей незаслуженно становятся безработными, то это явный признак того, что экономический процесс регулируется недостаточно. Но эту посылку нельзя ставить с ног на голову: *наличие полной занятости вовсе не говорит о решении в достаточной степени вопроса экономического порядка.*

3. Очень часто в истории человечества претворялся в жизнь как раз этот последний случай. Одним из многочисленных примеров, как об этом уже говорилось раньше, была Германия 1946 г. Несмотря на то что все люди с утра до вечера были заняты, не удавалось в достаточной степени обеспечивать снабжение из-за плохо упорядоченного или недостаточно развитого разделения труда. В то время как руководители домашних хозяйств и предприятий боролись за существование последних, они были вынуждены действовать так, что при этом домашние хозяйства и предприятия рационально не вписывались в совокупный процесс. Один работал в саду, а не на фабрике, для того чтобы добыть продовольствие вместо малополезных денег. Другой вместо того, чтобы идти работать на фабрику, обменивал полученные в порядке распределения табачные изделия на продовольственные товары. Третий отправлялся в дальний путь, чтобы раздобыть несколько фунтов картофеля. Все они были заняты. Все они действовали правильно с точки зрения ведения индивидуального хозяйства. Но их продуктивный вклад в рамках совокупного процесса, регулирование которого осуществлялось неудовлетворительно, был крайне незначительным. То же самое относится и к предприятиям, которые ни цены, ни центральные органы не смогли рационально взаимоувязать. Этот пример показывает, что полная занятость может быть связана с бедственным экономическим положением, и в силу этого лишь одна полная занятость никак не

может быть целью экономической политики. Сторонники политики обеспечения полной занятости также мыслят пунктуально. Они односторонне выдвигают частичный вопрос. В итоге экономическая политика отвлекается от своей объективно необходимой цели — достаточного обеспечения населения потребительскими товарами.

4. Если уже самое первое соображение дает повод для критики односторонней политики обеспечения полной занятости, то анализ позволяет увидеть, что такое понимание политико-экономической задачи существенно опаснее, чем это представляется на первый взгляд.

Во-первых, мы уже говорили о том, что широкомасштабный экономический процесс, базирующийся на разделении труда, нуждается в таком экономическом порядке, который обладает пригодной счетной машиной или же измерителем ограниченности. В противном случае регулирование оказывается недостаточным. Однако современная политика обеспечения полной занятости имеет тенденцию к тому, чтобы остановить этот работающий «нехваткомер». Если это происходит, то полной занятости можно относительно надежно и быстро достичь. Тогда при остановке работы измерителя ограниченности товаров ничто больше не мешает использовать рабочих на таких рабочих местах, на которых они будут производить меньше стоимостей, чем станут потреблять. К примеру, рабочие заняты на строительстве шоссе и железных дорог, причем не было ни необходимости, ни возможности провести точный расчет того, включены ли эти виды деятельности в совокупный экономический процесс таким образом, чтобы они тесно переплетались со всей остальной рабочей силой и материальными средствами производства. Это помимо прочего достигается путем установления цен государством, введения валютного контроля, а также проведения политики дешевых денег и кредитной экспансии. Тем самым во многих странах действительно устранился полностью или частично существовавший — правда, несовершенный — измеритель ограниченности товаров без какой-либо замены его другим механизмом. И хотя была достигнута полная занятость, регулирование совокупного экономического процесса оставалось недостаточным. Вследствие этого возникли «узкие места», перебои в снабжении средствами производства, которых можно было бы избежать, неравновесие на валютных рынках и многочисленных товарных рынках, снизился уровень жизни. На место такого недуга, как безработица, пришла другая болезнь, а именно недостаточное обеспечение товарами. В экономических порядках многих народов, равно как и в международном порядке, механизм регулирования часто давал сбой, начиная с

индустриализации. Причины тому были весьма различны. Столь же разнообразными оказались и типы сбоев. Но в последнее время такой причиной была политика обеспечения полной занятости, подобная той, которая проводилась, например, в Англии и которая мешала работе механизма регулирования или полностью останавливала его.

Во-вторых, сторонники политики обеспечения полной занятости мыслят глобально и оперируют определенными обобщающими величинами. Они противопоставляют производство потребительских товаров *в целом* совокупному спросу на них. Отставание этого совокупного спроса препятствует проведению политики обеспечения полной занятости. Для этого следует увеличить *совокупные* инвестиции страны, которые сопоставляются с суммой накоплений *в целом*. В рамках глобального мышления, то есть в рамках мышления обобщающими понятиями, проявляется сильная временная тенденция. Однако и это глобальное мышление, которым сегодня руководствуется экономическая политика большинства государств, не соответствует экономической действительности. Мы знаем, что исключительно важно найти правильные *пропорции* экономических количественных величин. Речь идет о том, чтобы установить равновесие количественных величин по всем видам товаров. Например, капиталовложения следует регулировать с таким расчетом, чтобы инвестиционные планы всех видов были подобраны в правильных пропорциях между собой: в производстве стали, шерстяной ткани, искусственного шелка, автомобилей, судов и в тысячах других отраслей производства и к тому же с учетом определенного месторасположения и определенных предприятий. Сторонники политики обеспечения полной занятости рассматривают инвестиции, на сохранение или увеличение которых как раз и направлена их политика, односторонне и зачастую исключительно в их совокупном объеме. При этом не обращают внимания на значительные трудности, связанные с распределением инвестиций в правильных пропорциях между различными сферами, проблему просто не видят или едва замечают (хотя при остановке работы «нехваткомера» ее просто невозможно было бы решить). Капиталовложения осуществляются довольно волонтаристски в строительстве дорог, в угольной промышленности или в иной отрасли на основе грубых оценок, и после этого поражаются, если неожиданно дает о себе знать диспропорциональность, обнаруживается отсутствие важных средств производства, переживает застой международная торговля, а снабжение потребительскими товарами ухудшается. «Защищенность» не достигается, скорее имеет место обратное. Достаточное регулирование совокупности процесса и благодаря этому «полная занятость» — вот то, что должно быть целью, но ни в коем случае не

полная занятость при игнорировании проблемы регулирования или порядка.

В другом разделе книги нам придется еще говорить об истинных причинах недостаточной инвестиционной деятельности¹. Здесь следует ограничиться констатацией того, что в индустриализированной экономике не отсутствуют возможности инвестирования, а как раз экономическая политика существенно способствует тому, что инвестиционные возможности, которые вроде бы имелись сами по себе, не становятся инвестиционными шансами для предпринимателей. Политика обеспечения полной занятости на самом деле работает вопреки цели, поставленной самой ею. Если, например, осуществляется исключительно высокое прогрессивное налогообложение доходов в интересах ограничения процесса сбережения, то влияние этого прогрессивного налогообложения проявляется в том, что перестают осуществляться определенные частичные инвестиции, которые в противном случае имели бы место.

Самое скверное заключается в том, что политика обеспечения занятости своей кредитной экспансией разрушает ценовой механизм регулирования, либо удерживая цены, либо вынуждая их расти, что так или иначе лишает цены способности устанавливать правильные пропорции средств производства. От этого страдает обеспечение населения потребительскими товарами. Все эксперименты политики обеспечения полной занятости страдают одним недугом, а именно тем, что они не направлены на создание достаточного механизма регулирования, они препятствуют этому. По этой причине им не удастся рационально согласовывать инвестиции между собой.

Именно поэтому, например, в Германии в период проведения политики обеспечения полной занятости все более необходимой становилась замена механизма цен, потерявшего способность функционировать, методами централизованного управления.

5. Итоги этого исторического опыта, следовательно, весьма серьезные. Вновь экономическая политика была поставлена перед дилеммой. *Эта сложная дилемма, вероятно, является самой большой политико-экономической и политико-социальной проблемой нашего времени.* С одной стороны, начинает оказываться давление в интересах проведения политики обеспечения полной заня-

¹ См. с. 372. По проблеме критики политики обеспечения полной занятости см.: F. W. Meyer. «Geldpolitik, Vollbeschäftigung und Wirtschaftsordnung». — «ORDO», Bd. I, S. 99 ff. A. H a h n. «Die Grundirrtümer in Lord Keynes' General Theory». — «ORDO» Bd. II, S. 170 ff; A. H a h n. «The Economics of Illusion. A Critical Analysis of Contemporary Economic Theory and Policy», 1949.

тости, как только безработица становится массовой. С другой — политика обеспечения полной занятости приводит к неравновесию на других рынках, которое исключительно опасно, и, кроме того, толкает экономическую политику на путь к установлению централизованного планирования. Так что же мы должны делать?

II. Политика частично централизованного управления экономическим процессом

Вторая возможность нахождения компромисса между *laissez-faire* и централизованно управляемой экономикой именно в последнее время резко выходит на передний план. Считается, что регулировать такие основные отрасли тяжелой промышленности, как угольная, сталелитейная и электроэнергетическая, следует централизованно, в то время как дальнейшая переработка продуктов в так называемом свободном хозяйстве ведется самостоятельно планируемыми предприятиями машиностроения, текстильной промышленности и т.д. Именно на этом пути встречаются многочисленные случаи огосударствления, скажем, угольной промышленности в Англии или во Франции.

Однако и компромисс этого типа недооценивает ту задачу, которая тесно связана с регулированием экономического процесса. Если кто-то покупает себе костюм, то он косвенно предъявляет спрос не только относительно пряжи, шерсти или цвета, но также и угля. И если в какой-либо стране спрос на костюмы растет, то тем самым на предприятия швейной и текстильной промышленности следует направлять больше угля, а потребители требуют, чтобы больше перерабатывалось и изготавливалось текстильного сырья. Если же при этом центральные органы устанавливают контингенты на уголь в соответствии с собственными планами или распределяют валюту, предназначенную для импорта текстильного сырья, между предприятиями, руководствуясь собственными решениями, то оказывается, что желаниям потребителей противодействует планирование центральных административных органов. Возникает антагонизм регулирующих сил. Центральные планы и планы потребителей не действуют сообща, они сталкиваются между собой. Действительно, впечатление такое, как если бы два дирижера с двумя капеллами выступали вместе в одном помещении до тех пор, пока одна из капелл не попадет под влияние другой. Итак, остаются две возможности для руководства основными отраслями централизованно управляемой тяжелой промышленности. Либо распределение угля, стали или электроэнергии происходит так, как если бы это имело место при конкуренции. Устанавливаются цены, и формирующие спрос отрасли перерабатывающей

промышленности получают сырье в соответствии с конкуренцией потребителей, которая разворачивается вокруг этого сырья. Отрасли перерабатывающей промышленности направляют основное сырье и материалы в различные сферы их применения, и централизованное планирование основных отраслей тяжелой промышленности уже не имеет самостоятельного значения. Либо центральные органы основных отраслей тяжелой промышленности, например угольной, распределяют уголь между предприятиями и домашними хозяйствами, руководствуясь собственными планами. В этом случае эти центральные органы управляют совокупным экономическим процессом. Отдельно взятая ткацкая фабрика или отдельно взятый машиностроительный завод в своих производственных программах полностью зависят от выделенных им контингентов угля и других видов сырья, а централизованное управление экономическим процессом становится доминирующим. Настоящей комбинации свободы и планирования не получилось. И вновь доминирующим элементом экономического порядка становится централизованно управляемая экономика¹.

III. Политика сословного порядка

Поиск решения ведется и в другом направлении. Смогут ли экономическая политика избежать ошибок политики в той же степени, как и опасностей централизованного планирования, если экономический порядок возьмут в свои руки органы самоуправления или сословия? Может быть, в профессионально-сословном порядке встречалась идея, позволявшая избежать крайностей?

При рассмотрении принимаемых в расчет решений приходится сталкиваться с этой идеей в четырех различных пониманиях.

1. Не могут ли органы самоуправления или профессиональные сословия регулировать производство, руководствуясь своими собственными планами? В таком случае, скажем, профессионально-сословная отрасль «машиностроение» могла бы определить, какое количество машин надлежало бы выпустить отдельным предприятиям, какие виды станков следовало бы поставлять и по каким ценам.

Образование корпораций или органов самоуправления, к примеру в угольной или калийной промышленности в Германии с

¹ Относительно критики подобных предложений см.: W. A. J ö h r . «Ist ein freiheitlicher Sozialismus möglich?», 1948. (Судя по имеющимся пометкам автора, он намеревался критически рассмотреть идеи Кромпхардта по поводу распада единого рынка. — *Прим. К. Пауля Хензеля*).

1919 г., представляет собой как раз такое развитие. При этом крайне важной была мысль о том, что через такие органы самоуправления с присущими им чертами принуждения можно было бы успешно осуществлять регулирование отдельных отраслей промышленности с помощью заинтересованных и обладающих решающим влиянием участников. Задача регулирования, решить которую не удастся в централизованно управляемой экономике, должна стать разрешимой благодаря распределению задач регулирования между структурами, разумеется, при участии в этом представителей рабочих.

Однако опыт Германии, Италии, а также других стран показал, что такие органы самоуправления превращались в прочные союзы монополистического характера, причем участие представителей рабочих в управлении не ослабляет монопольной политики. Сомнения, которые должны были высказываться в отношении монополии, сохраняют свою силу и в данном случае. Благодаря этой политике возникали властные группировки, которые могли весьма решительно претворять в жизнь частные интересы заинтересованных участников, поскольку они обладали принудительным характером, то есть обладали поддержкой публичного права. Чем многочисленнее были органы самоуправления, тем легче на основе их противостояния и сосуществования формировалась ситуация группового анархизма. Либо органы самоуправления превращались в исполнительные органы центральных плановых инстанций и, следовательно, в инструменты централизованно управляемой экономики. Но при этом не достигалось ослабление централизованного управления и не находилось никакого нового решения.

2. Вторая концепция профессионально-сословного порядка, которая отличается от первой, осознает эту опасность. Она ориентирует на то, чтобы предоставить профессиональным сословиям возможность только как упорядочивающей силе в смысле установления конкурентного порядка. Эта идея получила широкое распространение благодаря тому, что несостоятельность государства при установлении экономического порядка стала очевидной, и теперь ведутся поиски других носителей политики экономического порядка.

Но оказалось, что и профессиональные сословия не в состоянии выступать в роли силы, устанавливающей порядок. Ведь у отдельного профессионального сословия, например у сословия сельского хозяйства, нет интереса устанавливать экономический порядок, который противоречит или якобы противоречит непосредственным интересам объединившихся предприятий, иными словами, мешает реализовать конкурентный порядок, в то время

как объединившиеся заинтересованные сельскохозяйственные партнеры хотят исключить конкуренцию по отдельным или многим видам сельскохозяйственных продуктов. Поэтому возникла бы опасность того, что вместо установления конкуренции стали бы проявлять склонность к образованию «монопольей». Даже в качестве силы, устанавливающей порядок, профессиональные сословия могли бы проявлять эффективность своей деятельности только под контролем государства.

3. Совершенно иной представляется концепция профессионально-сословного порядка, если через нее должен решаться социальный вопрос современности. При этом думают прежде всего о том, чтобы перевести функционеров-рабочих в профессиональные сословные структуры, которые должны осуществлять регулирование экономического процесса, иными словами — в профессиональные сословия первого типа. Следовательно, надеются сгладить социальные противоречия за счет того, что регулирование процессов производства и переработки осуществлялось бы сообща в рамках профессиональных сословий. Но мы видели уже, что тем самым различные экономические группы приводятся в боевую готовность для противостояния между собой, а вовсе не стимулируется нахождение общих интересов.

Социальное обеспечение и социальная защищенность не создаются за счет того, что отдельно взятый рабочий «впрыгнется» в коллектив профессионального сословия. Скорее нужно, чтобы он обладал социальной защищенностью, на которую имеет право, в домашнем хозяйстве и на предприятии.

Если же профессиональные сословия будут создаваться с таким расчетом, чтобы работодатели и работополучатели объединялись сами по себе и одновременно этим союзам предоставлялись общественные привилегии, то социальная проблема скорее обострится, чем будет разрешена. Ведь тогда акцент будет делаться как раз на противоречиях, а установление заработной платы, которое, как мы знаем, протекает особенно трудно при существовании двусторонних монополий, все больше и больше станет переходить в руки государства. В таком случае возникает порядок, конституирующий враждебные властные группировки и одновременно порождающий тенденцию к втягиванию государства в эту борьбу за власть.

4. Наконец, идея профессионально-сословного порядка представлена еще в одном, четвертом понимании, которое, затрагивая все остальные, все же отличается от них. При этом центральное место занимает не столько идея регулировать экономику с помощью профессиональных сословий, или формировать силы, ус-

танавливающие порядок, или приближать к решению социальный вопрос. Речь идет скорее о том, что развитие современного общества вызывает необходимость обращения к профессиональным условиям.

Как известно, со времен Великой французской революции в значительной степени была реализована программа *Руссо*, согласно которой надлежало уничтожить автономно образованные сословия, органы самоуправления, местные органы власти и т.д., стоявшие между государством и отдельно взятым человеком. Современное общество постепенно превращалось в массу индивидов, которые удерживались только силой государства и его органов. В противоположность этому с полным правом требуют реального расчленения общества, создания такой структуры, которая строится снизу вверх, предоставляет человеку место в общественном порядке и выводит его из нынешнего кочевого состояния. Однако оказывается, что и в данном случае профессиональные сословия вряд ли будут в состоянии достичь этой цели. Внимательно посмотрим на город, который насчитывает 50 тысяч жителей и в котором находится несколько машиностроительных заводов, предприятий химической и бумажной промышленности. Недалеко от города находится угольная шахта. Часть городских жителей являются сельскими хозяевами и торговцами. В рамках профессионально-сословной структуры население было бы причислено к весьма разнородным профессиональным сословиям, например к сословиям машиностроения, производства бумаги, сельского хозяйства, угольной промышленности, торговли, профессий умственного труда и т.д. И хотя они были бы связаны между собой и с членами аналогичных профессиональных сословий в других городах, но сам город оказался как бы расколотым на части по профессионально-сословному признаку и настоящего структурирования общества не произошло бы. Гораздо проще можно было бы прийти к настоящему структурированию общества, если предоставить общинам, районам, округам и т.д. намного большие полномочия. Тем самым создание новой структуры станет осуществляться снизу вверх. Мы знаем, что такое построение общества весьма совместимо с конкурентным порядком.

5. Из дискуссии по профессионально-сословному порядку следует, что при оценке современных проблем экономического порядка весьма опасную роль играет определенное романтическое переосмысление средневековья. Междоусобная борьба сословий во многих случаях оказывалась забытой, и частично стала распространяться новая вера в предопределенную гармонию, в частности в предопределенную гармонию сословий.

Однако необходимо ясно понимать, что у коллективов совести нет. Правда, правильнее было бы сказать, что они всегда обладают чистой совестью.

Именно в этом кроется исключительно важная проблема, которую не замечали или недооценивали сторонники сословного порядка.

Следует опасаться того, что самые большие разочарования обнаружатся как раз там, где прежде питали самые радужные надежды. Есть желание помочь индивиду, но корпорации могут создавать угрозу именно индивидуальному существованию человека. Есть желание включить человека, лишившегося привычных устоев, в порядок, но вместо этого его вырывают из естественной «ниши». Люди, принадлежавшие к таким самостоятельным сферам жизни, как семья, предприятие, община, делаются зависимыми от организаций, управляемых сверху. Как и при средневековой цеховой организации труда, здесь возникает, кроме того, также социальная проблема людей, оставшихся за пределами цеховой организации или исключенных из нее (Бёххаген).

Если хозяйство будет управляться профессиональными сословиями, то это равнозначно *переносу планирования* от предприятий в руки верхушки профессиональных сословий, что сводится к ускорению процесса централизации и концентрации власти. Последствия подобных тенденций нам известны. И вера в то, что профессионально-сословному порядку суждена долгая жизнь, уже в силу этого лишена всяких оснований. Опасность того, что появление государственного централизованного управления будет вызвано как раз благодаря негативному влиянию такого порядка, не должна больше оставаться незамеченной.

Следовало бы ответить еще на один, последний довод в пользу того, что у нас именно в объединениях предпринимателей и союзах рабочих и служащих существуют профессионально-сословные организации, так что остается лишь продолжать однажды начатый путь. Из факта существования объединений предпринимателей, а также союзов рабочих и служащих нельзя выводить требования о создании профессионально-сословной организации экономики в целом. Имеются существенные различия.

- Во-первых, это нечто совершенно иное, если только часть экономики организована по профессионально-сословным признакам, а в остальном реализован конкурентный порядок или же если повсеместно доминирует профессионально-сословный порядок.
- Во-вторых, объединения рынков рабочей силы не в состоянии немедленно проводить монопольную политику, в том числе и на товарных рынках, с которыми имеют дело от-

дельные отрасли экономики, что при профессионально-сословной организации экономики было бы и возможно и вероятно.

- В-третьих, большое различие состоит в том, являются ли объединения закрытыми или нет. При профессионально-сословной организации экономики идея закрытия рынков в любом случае напрашивается сама собой.

Если же, наконец, поднимается вопрос о том, нельзя ли возражения, выдвигаемые против профессионально-сословного порядка, выставлять также и против кооперативов всех видов и прочих форм экономического самоуправления, то на него следует дать отрицательный ответ. Они полностью совместимы с конкурентным порядком, во всяком случае, до тех пор, пока они не развивают склонности к монополии.

Если же вернуться к основной проблеме, то оказывается, что профессионально-сословный порядок в действительности имел бы совершенно иной характер, нежели тот, который представляют себе его сторонники. Между тем в основе этих устремлений лежит реальный импульс: желание обрести чувство защищенности в рамках порядка. Наперекор всем сомнениям это остается важной задачей*.

Глава X

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЭКСПЕРИМЕНТОВ. ИТОГИ

Как случилось, что в наш исторический период таких экспериментов становилось все больше и больше? Прежде существовало мнение, что эта тенденция порождена развитием техники. Это мнение, которое окажется несостоятельным. Итак, вопрос остается открытым.

1. Импульс к проведению политики централизованного управления исходит от извечно существующего стремления к власти.

Ведь индустриальная экономика предоставляет громадные возможности для завоевания власти. Благодаря индустриализации разделение труда чрезвычайно интенсифицируется. К примеру, крестьянин, который сам потребляет большую часть произведенных им продуктов, на рынке покупает мало и мало туда постав-

* В пометках автора есть ссылки на следующую литературу: J. Messner. «Die berufsständische Ordnung»; H. H. Götz. «Die berufsständisch selbstverwaltete Wirtschaft als ökonomisches und ordnungspolitisches Problem». Freiburger Diss., 1949.

ляет, превращается в крестьянина, который покупает большинство средств производства и потребительских товаров на рынке и поставляет на него большую часть своих продуктов. Каждое предприятие и каждое домашнее хозяйство в процессе индустриализации становится зависимым от широко раскинувшейся сети связей, базирующихся на разделении труда. Если отныне миллионы домашних хозяйств и предприятий тесно связаны между собой и если существование каждого отдельно взятого человека определяется регулированием этой гигантской зависимости, то заманчивой становится цель по завоеванию господства над предприятиями и домашними хозяйствами, а тем самым и над людьми в результате утверждения своего главенства в регулировании экономического процесса.

Это происходит благодаря централизованному регулированию экономического процесса. Тот, кто определяет, найдет ли вообще и где именно свое рабочее место каждый из миллионов людей, и какие потребительские товары получит каждый отдельно взятый человек, и будет ли заниматься производством каждое отдельно взятое предприятие, и если да, то что именно оно должно производить, обладает громадной властью. В экономических порядках рыночного типа стремление создать позиции, дающие такую власть, находит свое отражение в «тяге к образованию монополий», которая нам хорошо известна (см. с. 84 и сл.). Однако политика централизованного управления создает ситуацию, которая дает намного большую власть для обширного слоя комиссаров, чиновников и функционеров первого, второго и третьего рангов. И поскольку дирижеры этой централизованно управляемой экономики во многих, но, разумеется, не во всех случаях используют свою власть для того, чтобы упрочить свою политическую власть, скажем, путем гонки вооружений, то централизованное управление экономикой также может косвенно служить укреплению власти.

2. Чрезвычайно важным историческим фактом является то, что в двух различных течениях XX в. появляются заинтересованные стороны, которые стремились захватить эти руководящие позиции в плановых органах. Они были выходцами из противостоящих друг другу лагерей, но тем не менее объединялись в одну мощную колонну.

Это были руководители концернов, синдикатов и профсоюзов, функционеры монополистических групп всех видов, а также вся бюрократия, работающая в этих группах. Чем многочисленнее монополии или частичные монополии, возникающие в экономическом порядке рыночного типа, тем больше становится слой этой хозяйственной и социальной бюрократии. Она значительно расширяет свою власть, если успешно прокладывает себе путь цент-

рализованное управление экономическим процессом и если она забирает в свои руки это централизованное управление. Мы знаем, что синдикаты или профсоюзы при переходе к политике централизованного управления превращаются в инструменты центральных плановых органов. Но при этом функционеры этих объединений зачастую становятся руководителями плановых органов. Уже политика *laissez-faire* и интервенционизма способствовала возникновению этой бюрократии, которая часто соприкасается с государственной бюрократией. В итоге в самом руководящем слое *A* образуется влиятельная группа своеобразного состава, которая заинтересована в экономической политике централизованного управления.

Слой заметно усиливается, если, к примеру, во время войны создаются многочисленные плановые органы и ведомства по контролю за ценами, руководители, чиновники и служащие которых проявляют живой интерес к сохранению такой экономической политики.

К этому примыкает совершенно иного рода группа революционеров, приходящих таким образом из слоя *B₁*, которые с переходом к экономической политике централизованного управления захватывают политическую и экономическую власть и тем самым внедряются в слой *A* или вначале завоевывали политическую власть, как это было в России в 1917 г. и позднее в 1928 и 1932 гг. также в России, и проводили политику централизованного управления экономикой, чтобы укрепить свои властные позиции и добиться определенных политических целей.

Итак, мы являемся очевидцами интересного спектакля, когда при «ротации элит», используя термин *Парето*, в данном случае влиятельные части слоя *A* и одновременно слоя *B₁* преследуют аналогичные или схожие политико-экономические цели, а именно осуществляют политику централизованного управления экономическим процессом.

3. Чем больше государств обретают централистский характер, тем легче государство может перейти к централизованному управлению экономическим процессом. В этом отношении Великая французская революция своей политикой вытеснения или ликвидации местных и провинциальных органов самоуправления также подготавливала почву для экспериментов с централизованно управляемой экономикой (как и, наоборот, централизованно управляемая экономика способствует развитию централистского государства). Административный аппарат современного централистского государства сравнительно легко можно использовать в целях централизованного управления экономическим процессом.

4. Монополия порождает тенденцию к проведению политики централизованного управления не столько потому, что она представляет в распоряжение плановых органов нужных функционалов, сколько потому, что монополия или олигополия также и в остальном вынуждает экономическую политику использовать методы централизованно управляемой экономики. Любая крупная частная властная структура, например угольный синдикат, электроэнергетическая или зерновая монополия, дает понять, что государство не только контролирует, но и забирает их в свои руки. Но оказалось, что отсутствие равновесия в борьбе монополий между собой прежде всего дало государству повод вмешиваться в экономический процесс путем осуществления централизованного управления. Стоит лишь вспомнить о локаутах и забастовках на рынках рабочей силы, то есть о борьбе двух частичных монополистов или о борьбе крупных олигополистов, например железнодорожных компаний.

Если механизм цен отказывал или отказывает, то это порождало и порождает тенденцию к централизованному управлению экономическим процессом. Следует постоянно учитывать эту взаимосвязь, которая, как показал опыт, весьма очевидна.

5. Разумеется, механизм цен, как оказалось, перестает функционировать не только из-за существования определенных форм рынка. Гораздо чаще это происходит по причине нарушений в денежном обеспечении¹. Если, например, начинающийся рост цен, вызванный экспансией денежной массы, будет приостановлен путем замораживания цен, то шаг к централизованному регулированию экономического процесса практически напрашивается сам собой. Экспансия денежной массы при одновременном замораживании цен порождает феномен «избытка денег», то есть подавленной инфляции. Спрос на товары, обусловливаемый этим избытком денег, не может быть удовлетворен при фиксированных ценах. В этом случае центральный орган будет вынужден увязать замораживание цен с рационированием, что означает движение в направлении к централизованному регулированию распределения и производства. Уголь, сталь, цемент, зерно и другие важные товары отныне распределяются централизованно с тем, чтобы их переработка не была предоставлена случаю. Самовозникшее неравновесие рынков в известной степени понуждает осуществлять

¹ По данному вопросу прежде всего см. богатую идеями работу: J. R u e f f. «L'ordre social», neue Ausgabe, 1948, а также F. A. L u t z. «Geldordnung und Wirtschaftsordnung». — «ORDO», Bd. II, 1949. Относительно взаимосвязей между инфляцией и централизованно управляемой экономикой см. также с. 000, по поводу понятия тенденции — с. 291 и сл.

централизованное регулирование, если речь идет о товарах повышенной значимости.

Итак, нарушая равновесие, будь то через проведение экспериментов в части денежной политики или образование монополий, сама экономическая политика экспериментов сдвигала дело с мертвой точки и давала ему ход в направлении централизованно управляемой экономики. Как только механизм цен перестает нормально функционировать и по этой причине возникает безработица, оказывается подготовленной почва, на которой прорастает централизованное управление экономическим процессом.

6. Если бы 20-е столетие не породило две мировые войны, то экономические порядки всего мира выглядели бы иначе. Война и политика централизованного управления экономическим процессом тесно связаны между собой.

В XIX в. войны еще не оказывали такого воздействия на экономику. Но чем больше войны требовали полного использования имеющихся средств производства и рабочей силы, тем более напрашивалось стремление вмешиваться в экономический процесс путем использования принудительного привлечения к отбыванию трудовой повинности, обращение к практике изъятия имущества и издания центральными инстанциями производственных предписаний. Этим путем должна достигаться концентрация производства на военных целях. И поскольку войны обычно сопровождались инфляцией, то и она оказывала давление в направлении реализации централизованно управляемой экономики.

Одновременно их методы оказались пригодными для того, чтобы изымать из оккупированных стран товары в относительно больших количествах.

7. Все эти реальные моменты были эффективными в каком-либо историческом пространстве, наполненном определенными идеями. Прежде всего это была вера в то, что благодаря централизованному управлению экономическим процессом может быть решен социальный вопрос. В связи с этим ожидали более справедливого и более гуманного отношения к человеку и освобождения от механического распределения доходов в процессе ценообразования.

8. С этой верой смыкалась другая, может быть, еще более важная вера в то, что исторический процесс будет неизбежно содействовать появлению этой политики. Кто при этом полагает, что такое развитие в направлении к централизованному планированию «будет неизбежно продолжаться» (*Салин*) по причинам экономического, технического и социального порядка, поступает последователь-

но, если участвует в экспериментах централизованного управления экономическим процессом.

9. И наконец, мышление современного специалиста с техническим образованием. Не случайно первая современная концепция централизованного управления экономикой разработана в тогдашнем центре технических исследований, а именно в парижской Политехнической школе в первой трети XIX в., благодаря усилиям *Сен-Симона*, *Конта* и сенсимонистов. Почему общество нельзя конструировать как машину? Почему также нельзя регулировать экономику страны централизованно точно так, как это делается при распределении электроэнергии в большом контроллере? Такая позиция близка специалистам с техническим образованием. До самого последнего времени они принимали определяющее участие в проведении экспериментов централизованного управления экономическим процессом¹.

10. Какой же из этих исторических моментов был самым эффективным? В частном случае, например в Германии после 1936 г. и в России после 1917 и 1928 гг., значимость и комбинация моментов располагались по-разному. Тот, кто сам переживает эксперименты, склоняется к тому, чтобы рассматривать в качестве решающего фактора то одно, то другое. Но чтобы сегодня заниматься экономической политикой, необходимо знать как то, так и другое.

11. Однако тогда проявляется еще один момент: если в одном месте централизованное регулирование экономического процесса введено в одной области, то оно обнаруживает тенденцию к расширению своей сферы действия. Если, к примеру, валюта по фиксированному курсу распределяется между предприятиями центральными органами, то это дает импульс тому, чтобы привлечь центральные органы к управлению местными средствами производства и рабочей силой. Об этой тенденции речь пойдет ниже.

12. Если обозреть все в целом, можно прийти к поразительному выводу: опыт использования централизованно управляемой экономики вызвал много критики в ее адрес и породил стремление найти срединный путь для экономической политики. Но никакая критика

¹ С позицией интеллектуалов можно познакомиться в работах: J. A. S c h u m p e t e r. «Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie», 1946, 13. Kapitel; F. A. v o n H a y e k. «Die Intellektuellen und der Sozialismus». — *Schweizer Monatshefte*, 29. Jahrgang, 1949, S. 273 ff., и «The Counter-Revolution of Science». — *Economica*, 1941; W. R ö p k e. «Civitas humana», 1944.

не изменит ничего в том факте, что те самые эксперименты, которые имели своей целью недопущение становления централизованно управляемой экономики, выявляли заложенную в них самих тенденцию движения в направлении к централизованно управляемой экономике. Здесь кроется серьезный конфликт: то, что означает централизованно управляемая экономика, сегодня ясно понимают все больше людей. В принципе никто не хочет жить в рамках порядка несвободы. И все же многие неосознанно участвуют в том, чтобы косвенно способствовать формированию тенденции развития в направлении как раз того порядка, которого они опасаются. Мы оставляем читателя наедине с этим конфликтом. Отныне он будет занимать нас длительное время.

КНИГА ТРЕТЬЯ

СВОБОДА И ПОРЯДОК

Глава XI

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ

Настало время совершить поворот и тем самым возвратиться к проблеме как бы на более высоком витке спирали. Все сказанное до настоящего момента я прошу рассматривать лишь как приобщение к проблеме. Теперь же, после анализа экономической политики прошлого, предстоит, опираясь на опыт проведения в жизнь политики *laissez-faire*¹, политики «среднего пути» и политики централизованного управления экономическим процессом, сделать выводы, по-новому и широко поставить проблему. Каким бы детальным ни было критическое рассмотрение, сейчас имеется возможность глубоко рассмотреть стоящую проблему. Я нисколько не преувеличиваю, когда заявляю, что полное понимание проблемы уже означает решение значительной части ее.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ: НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

I. Проблема регулирования.

Система регулирования: ошибки и возможности

А. Изложение проблемы

Мы начинаем с системы регулирования. Здесь мы находимся в той точке, вокруг которой вращается проблема в целом.

«Не парализующие повышения процентной ставки, а умеренные проценты в рамках общепризнанных целей использования капитала» — таково требование заключения экспертов, подготовленного в

¹ Политика экономического либерализма, основанного на требовании свободной конкуренции и невмешательства государства в экономику (фр.). — Прим. ред.

1949 г. по вопросу образования капитала в Германии. Но что означает «общепризнанные цели использования капитала»? В заключении экспертов как нечто само собой разумеющееся принимается, что эти цели должны быть определены однозначно. Разве не само собой разумеется, что важные для всех строительство мостов, производство вагонов, машин и т.д. имеют преимущественное значение? На самом же деле именно здесь кроется экономическая проблема. Государственная железная дорога требует, чтобы ей выделили капитал в 300 млн. марок для электрификации определенного участка пути, для производства локомотивов и т.д. Но действительно ли необходимо предоставлять капитал в таком объеме и на такие цели? Или требуется какое-то иное количество его? Какие другие сложные инвестиции необходимы для дополнения данных капиталовложений? Для каждой частицы капитала существует великое множество возможностей ее использования. Какие из них надлежит выбрать?

Регулирование капиталовложений — лишь часть или один из аспектов общего повседневного экономического регулирования, т.е. регулирования рабочей силы, средств производства и потребительских товаров, которые предстоит привести в состояние «равновесия» и сориентировать на потребности. Как выглядит проблема регулирования, насколько сложной стала она в гигантском экономическом процессе мирового индустриального хозяйства, основанного на разделении труда, как ее решение влияет на другие порядки, иными словами, как она превратилась в решающую проблему жизни людей — в разъяснении всего этого как раз и должна была заключаться главная задача исследования. Обеспечение в достаточной степени рационального регулирования необозримого каждодневного экономического процесса стало задачей первостепенной важности. Ее недооценка является трагической ошибкой нашего времени. Описать еще раз объем, характер и возможности решения проблемы регулирования означало бы заново написать все то, что до сих пор излагалось в настоящей книге. И можно считать, что сделано достаточно много, если этот вопрос, равно как и взаимосвязи форм решения его с порядками в других сферах, полностью понят. Проблема существует всегда, ее только не видно.

Кто строит судно, направляя все свои усилия на его отделку, каюты, машины и не обращая никакого внимания на приборы управления? Но именно так осуществлялась экономическая политика в последние десятилетия. Проводилась в жизнь аграрная, социальная, торговая политика и политика занятости. Правда, о достаточно рациональном регулировании экономического процесса на первых порах даже не задумывались. И если кто-либо сталкивался с этой проблемой, то он полагал, что она была бы решена просто путем перенесения ответственности за нее на центральные плановые органы. Глобальные оценки последних оказывались, однако, далеко не до-

статочными. Порой утверждают, что регулирование экономики можно сравнить со сменой красного и зеленого сигналов светофора на уличном перекрестке. Абсолютное заблуждение. Остановить транспортное средство и разрешить ему продолжать движение — дело совсем нетрудное. Но в экономике речь идет о тесном переплетении необозримого количества повседневных планов и действий. Или, если использовать ту же метафору, речь идет о том, что все люди и автомашины, движущиеся по улицам, находятся в тесном взаимодействии между собой и тем самым по возможности в полной мере решают проблему ограниченности благ.

Б. Ошибки прошлого

С момента начала процесса индустриализации не было разработано ни одной достаточно рациональной системы регулирования. Как уже отмечалось, скорее имело место постоянное ухудшение. Фактически применявшиеся методы регулирования именно в XX в. становились все менее пригодными. Недостатки методов регулирования, выявленные в ходе анализа конкретной экономики, можно систематизировать следующим образом.

1. Когда центральные плановые органы пытаются регулировать экономический процесс, точный экономический расчет заменяется глобальными оценками, в которых издержки и реальные стоимости могут быть оценены только в первом приближении и применительно к большим объемам.

2. Различные методы, которые используют в одно и то же время, не переплетаются между собой. Этот важный пункт еще не получил достаточного освещения в ходе предшествующего изложения. Если в той или иной стране существует способный нормально функционировать механизм цен, то и частнохозяйственное производство станет ориентироваться также на эти цены. Крестьянин при решении вопроса о том, должен ли он вообще использовать картофель на собственном предприятии и в домашнем хозяйстве и в каком количестве, следует ли ему купить дополнительное количество его или продать картофель и сколько, руководствуется ценами на этот продукт. И если он обменивает машину на земельный участок своего соседа, то обмен осуществляется в пропорции, которая соответствует ценам на земельный участок и машину. Частнохозяйственное и основанное на принципах натурального менового хозяйства регулирование экономического процесса в данной стране происходит в условиях адаптирования к ценам. Методы регулирования

тесно взаимосвязаны между собой, и регулирование экономического процесса получает тем самым необходимое единообразие.

Со сказанным можно сравнить ту ситуацию, которая сложилась, например, в Германии в период между 1939 и 1948 гг. Хотя на рынках, на которых расчет производился в деньгах, цены еще выполняли определенную регулирующую функцию, частнохозяйственное производство картофеля, овощей и т.д., которое велось в садах и на крестьянских дворах, вообще не ориентировалось на цены, а руководствовалось индивидуальными оценками, дававшимися с учетом специфической ситуации каждого домашнего хозяйства или предприятия. И когда картофель обменивался на обувь, одежду или изделия из серебра, решающее значение опять же имели не цены, а соответствующее индивидуальное положение сторон, осуществляющих обмен. Возникавшие при этом разнородные величины порождали взаимное противостояние. В итоге единый экономический процесс как бы дробился на части, распадалась система разделения труда, поскольку отсутствовала единая регулирующая система, и в условиях свертывания производства происходила примитивизация экономики. Не было «когеренции» между методами регулирования, без чего невозможно достаточно эффективно управлять единым экономическим процессом*.

Эта недостаточность «когеренции» между отдельными методами регулирования проявляется также в совершенно иной форме, а именно в международной торговле, когда во взаимный обмен вступают две страны с различными системами регулирования — скажем, страна с рыночным хозяйством и страна с централизованно управляемой экономикой; если в рыночном хозяйстве отсутствуют «шлюзы», то торговля и, следовательно, международное разделение труда становятся невозможными в длительной перспективе.

3. Следующий, третий недостаток: экономическое регулирование на основе планов осуществляется как бы *ex ante* (заранее), к примеру распределение рабочих по видам занятости, земли — по видам культур и т.д. Однако *ex post* (задним числом) надлежит проверить, были ли принятые решения правильными: произведены ли в имении *A* нужные продукты земледелия, а на машиностроительном заводе *B* нужные машины, т.е. такие блага, которые в условиях разделения труда гарантируют достижение наиболее высокого уровня снабжения. Экономический расчет, осуществляемый задним числом, является необходимой основой разработки новых планов. Только постоянная взаимоувязка расчета за-

* Заметки автора на полях рукописи: «Здесь несколько слов о *Кромпхардте, Йёре*».

дним числом и расчета, осуществляемого заранее, позволяет постепенно приблизиться к оптимальному обеспечению благами. Если предприятие установит, что в данном плановом периоде оно неправильно распорядилось своими ресурсами, то в следующем году оно сможет попытаться разработать план по-иному и сделать его более корректным. Там, где отсутствует достаточный экономический расчет задним числом, как это имеет место в централизованно управляемой экономике, отсутствует и инструмент экономического регулирования, что постоянно находит отражение в ошибочных решениях и в неудовлетворительном обеспечении средствами производства или потребительскими товарами.

4. Если экономический расчет домашних хозяйств или предприятий ориентируется на цены, если он ведется таким образом в индивидуальных хозяйствах, а миллионы этих хозяйственных планов координируются при помощи цен, то в принципе оказывается выбранной только *такая* возможность, которая позволяет в достаточной степени регулировать экономический процесс. Но — и это может не вполне серьезно восприниматься в экономической политике — такой механизм цен осуществляет эту функцию в достаточной мере отнюдь не при всех обстоятельствах. Он функционирует неудовлетворительно прежде всего в следующих случаях:

- во-первых, если цены устанавливаются государством и, следовательно, только случайно уведомляют о фактической ограниченности благ (валютные курсы, арендная плата, цены на уголь);
 - во-вторых, при свободном колебании цен:
- а) если валютно-финансовая система нестабильна и по этой причине становится несостоятельным расчет себестоимости. Например, оказалось бы возможно, что угольные шахты из-за сокращения кредитования и обусловленного этим падения цен на уголь не смогут более покрывать свои издержки. Убытки в данном случае указывают уже не на необходимость преобразований, а на недостаточность данного денежного порядка;
 - б) если существуют монополии и олигополии. Я повторяю, что как раз при регулировании капиталовложений, впрочем, и не только тогда, монополии, в том числе и частичные, вели к некорректным вложениям капитала;
 - в) наконец, если предоставляются субсидии. Они также снижают способность механизма цен в достаточной степени осуществлять регулирование. При этом силу должна иметь следующая посылка: специальные субсидии подрывают рациональное регулирование в гораздо меньшей мере, чем основные. Это характерно, на-

пример, для случая, когда нужно было оказывать помощь беженцам, большое число которых с 1945 г. устремилось в Западную Германию*.

В. Расчет издержек

Главной предпосылкой успеха регулирования экономического процесса является применение принципа издержек**. Отсутствие полной ясности с этим принципом является характерной чертой политико-экономических дискуссий, да и самой экономической политики XX в. Некоторые считают, что цены должны устанавливаться в соответствии с существующими издержками, как если бы издержки уже являлись заданной величиной. Одновременно они же нередко заявляют, что издержки не имеют существенного значения и их не следует принимать во внимание. К их числу относятся экономисты-теоретики по проблемам занятости XVIII и XX вв.***

Другие возражают, утверждая, что предварительный расчет издержек по своей сути является капиталистическим. Почему же в таком случае необходим расчет издержек? Прежде всего он не капиталистическое явление, а представляет собой всеобщий принцип экономического регулирования. Он имеет элементарный смысл. Оспаривающие это политэкономы своим поведением напоминают людей, которые занимаются высшей математикой, не овладев основами элементарной.

Смысл расчетов издержек, который кажется полностью забытым, настолько важен, что в дальнейшем он будет изложен на простых примерах.

Экскурс: что означают издержки в системе регулирования народного хозяйства

1. Перенесемся на короткое время в небольшое хозяйство Робинозона, в котором определенные элементарные хозяйственные вза-

* Заметки автора на полях рукописи: «Продолжить эти рассуждения. По поводу инвестиций процитировать высказывания Йёра, Кюнга, Брешани-Туррони».

** Заметки автора на полях рукописи: «Майер, Кассель, Бём-Баверк, Карсельт, фон Штаккельберг, Рёнке».

*** Как пишет Хорнигк, такие же товары, как те, которые производятся в собственной стране, не должны были ввозиться: «И это положение сохраняет свою силу даже тогда, когда отечественные товары хуже по качеству и дороже по стоимости. Даже было бы лучше, как бы странно это ни выглядело в глазах плохо информированных людей, если бы решили отдавать за один товар два талера, которые остаются в стране, чем только один талер, который, однако, уходит за границу». (P. W. v o n H o r n i g k. «Österreich über alles wann es nur will». — *Sozialökonomische Texte*, hrsg. von A. Schalweit, 1948, Heft 12/13, S. 29.)

имосвязи ясны и четко различимы. Как Робинзон управляет экономическим процессом? Почему сегодня он шесть часов занимается рубкой деревьев, один час проводит в загоне для коз и т.д.? Почему два гектара своей пашни он отводит под ячмень, один гектар — под кукурузу и т.д.? Все его действия и решения вытекают из хозяйственных планов, составленных им. А эти хозяйственные планы подчинены стремлению удовлетворить свои потребности путем оптимального сочетания того, что дали природа и его труд, с тем, что получено от использования средств производства, таких, как, например, инструменты, скот и т.п. Но каким образом все это удаётся? Путем сопоставления пользы, которую приносит *одно* использование блага, с пользой, которую обеспечило бы иное применение того же блага. Земельные участки, труд и изготовленные средства производства пригодны к самому разнообразному применению, и он использует их с таким расчетом, чтобы одни за другими удовлетворять свои потребности наилучшим образом. Если сегодня он трудится в лесу шесть часов, а не пять, то только потому, что он считается с тем, что шестой час работы в лесу приносит большую пользу, чем какое-либо иное его использование. Седьмой же час работы в лесу не дал бы так много, он удовлетворил бы менее интенсивное проявление потребности, упущенная польза, или «издержки», была бы выше, чем реализованная польза. Итак, упущенная польза — это и есть его «издержки». Годовые, месячные и ежедневные планы Робинзона составлены таким образом, что они обеспечивают комбинацию имеющихся в распоряжении производительных сил в интересах по возможности полного удовлетворения его потребностей. А в комбинациях второго уровня он видит свои издержки.

Тщательно анализируя все, Робинзон постоянно действует по принципу предельных издержек. Он засеивает два, а не два с четвертью гектара пашни, поскольку считает, что последнюю четверть лучше использовать по-другому, но и не один и три четверти гектара, так как последняя четверть гектара может принести большую пользу, будучи засеянной ячменем, а не кукурузой или какой-либо другой культурой. Управление производством на основе предельных издержек является средством оптимального удовлетворения потребностей. Нам известны самые разнообразные системы регулирования. И в каждом случае следовало задаться вопросом, способна ли система претворять в жизнь принцип предельных издержек. А именно реализовывать их так, чтобы это позволяло точно сопоставить реализованную и упущенную пользу и направить производство на воплощение принципа предельных издержек. Робинзон распоряжается ресурсами в соответствии с предельными издержками *ex ante*, то есть при составлении своих ежедневных хозяйственных планов, и *ex post*, когда он задним числом проверяет, правильное ли количество ячменя, кукурузы и т.п. он посеял в этом году, до-

статочное ли количество коз откормил и не следует ли ему еще беспокоиться о своей одежде.

Все это очень просто. Но речь идет как раз о простом основополагающем принципе. Никто не поймет проблемы регулирования современной экономики, если не будет осознан этот простой основополагающий принцип. Никогда бы не возникли ни болтовня о «капиталистическом» характере расчета издержек, ни высокомерие по поводу преднамеренного пренебрежения издержками, если бы было известно, что означают издержки. Рабочая сила и материальные средства производства в хозяйстве Робинзона как бы засасываются различными потребностями, находящимися в состоянии конкуренции между собой. Какое количество рабочего времени или какое количество средств производства фактически тратит сегодня человек на рыбную ловлю, уборку урожая ржи и т.д., решает он сам, исходя из принципа предельных издержек. Существенно то, что он, руководствуясь данным принципом, в состоянии регулировать свое хозяйство без особых трудностей именно потому, что он постоянно обзирает весь свой небольшой хозяйственный космос. Он сам всегда знает, какую пользу принесет использование его труда, сельскохозяйственных орудий или тяглового скота в каком-либо другом месте, чем, скажем, на свекловичном поле. *Поскольку он может действовать и действует, основываясь на принципе предельных издержек, постольку все действия и средства производства взаимовязываются между собой и хозяйство в целом находится в состоянии «равновесия»* или будет вновь приведено в состояние равновесия, если из-за непогоды или болезни возникли помехи. Всеобщая, всеохватывающая реализация принципа предельных издержек и общее равновесие образуют единое целое.

2. В крупном, индустриализированном и основанном на разделении труда хозяйстве с необозримым количеством предприятий и домашних хозяйств так же, как в примере с Робинзоном, необходимо оптимально использовать всю рабочую силу, все средства производства и все потребительские товары в интересах обеспечения снабжения потребительскими благами. В этом отношении и здесь и там одно и то же проблема. В остальном же существуют большие различия. Одно из них нам уже известно, а именно то, что в современной, базирующейся на разделении труда экономике нет единого планирования, осуществляемого одним человеком. Кроме того, в экономических порядках, относящихся к типу рыночных хозяйств, обеспечение благами ориентировано на потребителей, покупательная способность которых распределена неравномерно. Здесь возникает существенный вопрос: как может гигантский производственный аппарат в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и т.д. быть оптимально ориентирован на удовлетворение потребностей по-

требителей, обладающих покупательной способностью? Вне сомнения, только тогда, когда соблюдается принцип предельных издержек.

Но как может реализовываться принцип предельных издержек, если отдельно взятый руководитель предприятия или управляющий домашним хозяйством не в состоянии окинуть взглядом весь экономический космос? Очевидно, в этом и состоит задача механизма цен, задающего каждому отдельному домашнему хозяйству и предприятию индекс значимости, базируясь на котором оно может строить свои собственные расчеты предельных издержек.

Возьмем, к примеру, хлопчаткацкую фабрику, у которой есть определенные здания и машины. Для того чтобы она была оптимальным образом включена в общеэкономический процесс и производила ткань нужного качества и в необходимом количестве, должны быть выполнены два условия:

- *во-первых*, самой фабрике надлежит действовать по принципу предельных издержек. Следовательно, она должна производить такое количество продукции, при котором издержки последней части произведенного продукта равнялись цене ткани;
- *во-вторых*, цены тканей и всех товаров, образующих издержки («товаров-издержек»), а также рабочей силы должны правильно отражать их ограниченность.

После краткого ознакомления с хозяйством Робинзона можно легко понять то и другое условие. Если бы ткацкая фабрика производила больше, то последние части продукции можно было бы изготовить только при условии потребления исходных материалов («товаров-издержек»), которые обладают более высокой стоимостью, чем производимые ткани. Ну, а если бы она производила меньше, то образовался бы пробел в снабжении благами, который восполнился бы, если бы на эту фабрику для производства ткани дополнительно направили определенное количество исходных материалов.

3. Но одного расчета предельных издержек собственно ткачества еще недостаточно. Чтобы хозяйственный расчет данного предприятия имел смысл, цены на используемые средства производства, например на уголь и пряжу, должны точно отражать ограниченность угля и пряжи, то есть служить надежными индексами значимости. Вместе с тем необходимо, чтобы цены на хлопчатобумажную ткань правильно указывали на ограниченность этой ткани. Таким образом, цены, с которыми имеет дело предприятие и которые оно кладет в основу своего расчета издержек, должны правильно, как оценки Робинзона, фиксировать значение определенных благ для удовлетворения потребностей. Зачастую не выполняется как раз

второе условие. Например, цены на продукцию нередко устанавливаются чересчур высокими или крайне низкими. И хотя затем отдельно взятое предприятие действует на основе принципа предельных издержек, регулирование экономического процесса оказывается нарушенным. Если отсутствует второе условие, то влияние принципа предельных издержек не проявляется в полной мере. Хотя отдельно взятые предприятия и могут руководствоваться им, он не оказывается в полной мере эффективным для процесса в целом ¹.

**Г. Хозяйственный расчет в условиях конкуренции,
существования монополий и
в централизованно управляемой экономике**

Непосредственно от экономического порядка зависит характер хозяйственного расчета. В условиях конкуренции, существования монополий и в централизованно управляемой экономике его принципиальные различия оказываются двоякого рода.

1. Первое различие касается роли расчета издержек.

Для планирования и регулирования экономического процесса на основе конкурентных цен характерно то, что цены показывают ограниченность благ и ресурсов в народном хозяйстве каждый раз по-новому и по возможности точно и что расчет издержек обладает принудительной силой. В принципе любую бесхозяйственность следует относить на счет той хозяйственной единицы, которая и породила ее.

При существовании монополии, напротив, давление извне и внутренние стимулы снижения издержек существенно уменьшены. Могут иметь место заниженные или избыточные инвестиции, уничтожение товаров. И монопольные цены отражают ограниченность благ в народном хозяйстве гораздо менее точно, чем конкурентные цены. Все эти факторы обуславливают худшую в сравнении с конкурентным порядком обеспеченность благами.

В централизованно управляемой экономике цены являются все-го лишь твердыми расчетными ценами, они вообще не отражают факты ограниченности благ. По этой причине здесь отсутствует

¹ О сути расчета издержек и принципе предельных издержек см.: W. R ö p k e. «Die Lehre von der Wirtschaft», 5. Aufl., 1949, S. 46 ff.; далее: F. v o n W i e s e r. «Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft», 2. Aufl., 1924, S. 61 ff.; K. F. M a i e r. «Goldwanderungen», 1935, S. 64 ff.; H. M e y e r. «Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart», Bd. 2, 1931, S. 147 ff.; F. H. K n i g h t. «The Ethics of Competition», 1935. По поводу издержек взаимосвязанных производств см.: H. v o n S t a c k e l b e r g. «Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre», 1948, S. 77 ff.; H. M a r g u a r d t. «Die Ausrichtung der landwirtschaftlichen Produktion an den Preisen», 1934. См. также с. 88, сноска 1.

важный инструмент, присущий расчету издержек, в котором нуждается и эта экономика. Если в данном хозяйстве стремятся, например, сделать выбор из нескольких различных планов капитальных вложений, то оно в состоянии лишь приблизительно определить, за счет каких других потребностей можно осуществить соответствующие инвестиции. Следовательно, и упущенная польза может быть установлена только приблизительно. Принудительная сила, присущая расчету издержек, отсутствует здесь прежде всего потому, что последствия принятия ошибочных решений распознаются слишком поздно или вообще не обнаруживаются и что они не относятся на счет плановых органов.

2. Второе различие тесно связано с вопросом: кто регулирует экономический процесс?¹

В условиях конкуренции вид и объем производства определяют потребители, а предприниматели в конечном счете работают по их заказам, впрочем, с определенной свободой действий. Это влияние распространяется не только на производство потребительских товаров, но и на инвестиции, а именно равным образом по их объему и виду. Поскольку потребители свободны в принятии решений относительно образования капитала в виде сбережений и он становится их собственностью, то, следовательно, находится под их влиянием.

Правда, и в конкурентной экономике господство потребителей не является универсальным. При наличии коллективных потребностей, а также везде там, где потребитель вынужден делегировать свое влияние на других, его способность оказывать таковое является в этом случае ограниченной*.

В условиях существования монополий господство потребителей ограничено в большей степени. В централизованно управляемой экономике они оказываются свергнутыми со своего трона. Рассмотренные различия хозяйственного расчета свидетельствуют о том, что он имеет смысл только в условиях конкуренции.

3. Теперь можно было бы поставить вопрос о том, означает ли вообще что-нибудь этот отказ от механизма регулирования. В своем большинстве экономические порядки, которые знала история развития общества, были плохими. Почему подобный порядок не должен, как правило, иметь успех и в индустриализованном мире? Ведь даже если система регулирования станет плохо работать, а снабжение населения окажется неудовлетворительным, то

¹ См.: G. W e i s s e r. «Form und Wesen der Einzelwirtschaft», 1949, S. 86 ff.

* Заметки автора на полях рукописи: Роббинс, Кассель.

подобный порядок все равно был бы возможен и он мог бы продолжаться.

По существу, подобная аргументация бьет мимо цели. Экономические порядки в период между 1945 и 1948 гг. также существовали, правда, развитие процесса разделения труда шло в обратном направлении — к временам Карла Великого! Но падение эффективности производственного аппарата и экономического порядка не может иметь смысла экономического регулирования. Нельзя также считать, что неудовлетворительность такой системы регулирования носит всего-навсего временный характер. Отсутствие, скажем, взаимодополняющих товаров в процессе инвестирования и неудовлетворительная адаптационная способность, особенно в рамках международной торговли, будут вести, если даже это не всегда сразу заметно, к прогрессирующему снижению уровня экономических достижений, а тем самым и уровня обеспечения материальными благами, что в конечном счете должно оказать влияние на все сферы жизни и привести к разрушению такого порядка.

Д. Критерии проблемы регулирования

Из вышесказанного вытекают следующие критерии, по которым следует оценивать и строить системы регулирования:

- а) не глобальные оценки, а оценки отдельных частей;
- б) соблюдение принципа издержек;
- в) не дробление системы регулирования, а ее когеренция, то есть согласование ее составных частей;
- г) если регулирование осуществляется на основе цен, то только на основе цен, отражающих ограниченность благ.

Задача экономического порядка — придать действенность этим критериям.

II. Проблема равновесия

1. Следующим критерием любого экономического порядка и его взаимосвязи с другими порядками является равновесие. Ответ на вопрос, как формы порядка надлежит проводить в жизнь, зависит прежде всего от того, способствуют ли они установлению равновесия. Вот почему вопрос о равновесии или об отсутствии такового должен пронизывать все исследование.

Проблема равновесия имеет универсальный характер. Широко распространенная точка зрения, по которой понятие равновесия

сформулировано естественными науками и, следовательно, не относится к общественным наукам, ошибочна. Истоки этого понятия восходят к представлениям древних греков о государстве и обществе, оно возникает в связи с представлениями о космосе, пределах, сбалансированности сил, гармонии; уже тогда оно использовалось и во внешнеполитической сфере, например применительно к отношениям между Спартой и Афинами. В Новое время *Макиавелли* занимствовал эту идею баланса и включил ее в свое учение о государстве, адаптировав ее к проблеме соотношения сил между итальянскими государствами¹. *Меттерних*, *Талейран*, *Бисмарк* и другие политические деятели, проводя в жизнь политику, придавали этой идее большое значение. В прежние времена равновесие сословий было предметом постоянных забот средневековых политиков и сторонников меркантилизма. Через меркантилизм понятие равновесия было наконец перенесено в экономическую сферу.

Именно тогда проблема платежного баланса стала стержнем меркантилистской внешнеторговой политики. В те времена полагали, что импорт и экспорт не могли быть сбалансированы сами по себе, в силу чего государство должно было всячески способствовать их выравниванию, которое было полезно для страны (*Юсти*, *Зонненфельс*). Эта идея вновь появилась на свет в XX в. и сейчас занимает господствующее положение в экономической политике многих наций.

Классики, проводя анализ состояния равновесия, всегда имели перед глазами полную конкуренцию и первую денежную систему², за исключением *Курно*, которого, впрочем, следует рассматривать в качестве аутсайдера. Однако проблему необходимо ставить применительно ко всем формам порядка, к системе регулирования, формам рынка, денежным системам и международной торговле³.

2. Требование установления равновесия распространяется не только на статичные, как иногда ошибочно считают, но и на динамичные хозяйства. Это та проблема, которую мы излагали выше (см. с. 000). С самого начала проведения политики экспериментов нарушение состояния равновесия проявлялось преимущественно в двух формах: как безработица и как сбой в международной торговле. В обоих случаях при проведении экономической политики пред-

¹ F. M e i n e c k e. «Die Idee der Staatsraison», 2. Aufl., 1925.

² W. E u c k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., S. 117 f.

³ По поводу неустойчивых и неравновесных форм рынка, а также тенденций к централизованному регулированию экономического процесса, которая порождается политикой *laissez-faire*, см. гл. IV, раздел II. А, с. 84 и сл. Относительно отсутствия равновесия в централизованно управляемой экономике см. с. 88 и сл., а также гл. VIII, раздел I, с. 179 и сл.

принимались попытки использовать специальные средства для их устранения, и в обоих случаях ход процесса был типичным.

- а) Посредством проведения политики полной занятости предполагалось создать такое количество рабочих мест, которое соответствовало бы числу людей, ищущих работу. Но поскольку рынок рабочей силы является лишь одной из сфер общего порядка, меры, имеющие одностороннюю направленность, могут привести к неравновесию в других его сферах. К примеру, политика обеспечения полной занятости в Англии явилась причиной нарушения равновесия английского валютного рынка. Вместе с тем политика обеспечения полной занятости, ведущая к ухудшению снабжения, именно в силу этого является неприемлемым решением проблемы безработицы. То, что безработица невыносима, не подлежит сомнению. Однако недостаточно искать равновесия только в одной из частей единого целого. Гораздо правильнее было бы стремиться к установлению общего равновесия, при котором наряду с другими целями достигается также и полная занятость.
- б) В настоящее время широко распространено представление о том, что в платежном балансе наблюдается тенденция к неравновесию, поскольку импорт не может быть полностью оплачен за счет экспорта. Равновесие должно обеспечиваться через вмешательство государства. Но данное представление о необходимом «покрытии» импорта не выдерживает критики. Никто за границей не отдаст свой товар, не получив платежа или обещания произвести платеж. Следовательно, импорт, превышающий по своему объему экспорт, возможен лишь при получении кредитов либо за счет пожертвований. Однако в длительной перспективе в любом случае, если только не принимать во внимание пожертвований, в страну может ввозиться столько, сколько из нее вывозится. Платежный баланс всегда оказывается выравненным. Поэтому нет необходимости в контролирующих органах, которые следили бы за тем, чтобы не ввозилось больше того, что вывозится.

Задача экономической политики заключается не в том, чтобы обеспечить выравнивание платежного баланса, а в том, чтобы добиться его на возможно более высоком уровне снабжения. Для этого необходим рациональный отбор импортируемых и экспортируемых товаров, что опять-таки предполагает проведение достаточного хозяйственного расчета. Центральные органы не в состоянии удовлетворительно решить эту проблему.

3. Оба метода должны были обнаружить свою несостоятельность, так как не было осознано то, что здесь речь идет в большинстве случаев о нарушениях общего равновесия. *Длительные нарушения равновесия всегда позволяют сделать вывод о том, что от-*

казывает вся система равновесия. Здесь, однако, действует принцип, по которому нарушения общего равновесия могут быть устранены только путем искоренения причин, породивших таковые. Их позволяет преодолеть создание системы регулирования, которая способна привести экономический процесс в состояние общего равновесия.

Индустриализация разрушила старые формы, которые, впрочем, в значительной степени были уже недостаточны, а новых форм еще не нашли. И здесь мы вновь столкнулись с центральной проблемой образования форм. Задача остается неизменной: создание *способного к функционированию и справедливого* порядка. То же, что означает равновесие, может стать ясным в свете этой двойственной задачи: способность к функционированию есть вопрос равновесия. Но и справедливость, о чем здесь следует лишь упомянуть, не в меньшей степени. Итак, равновесие приобретает гораздо большее, чем просто технико-экономическое, значение.

III. Проблема международного порядка

1. Применительно к сфере международных экономических отношений проблема состоит также и в том, чтобы установить такой порядок, который автоматически обеспечивал бы равновесие во внешней торговле. Такое равновесие всегда устанавливается само по себе, если обмен между национальными экономиками, участвующими в международной торговле, регулируется механизмом цен. Любое превышение импорта товаров над их экспортом, которое не оплачивается за счет кредитов или процентов со стороны зарубежного государства, в таком случае при условии, что существует золотой стандарт, покрывается автоматически путем вывоза золота.

В свою очередь вывоз золота способствует тому, что сам товарный баланс вновь приходит в состояние равновесия. А в рамках системы независимых валют того же эффекта добиваются в результате изменения валютных курсов. Таким образом, не требуется вмешательства в платежный баланс сверху. Равновесие сохраняется само по себе¹.

Если решение вопроса о том, что и в каком количестве надлежит ввозить и вывозить, оставить за хорошо функционирующим механизмом цен, то это создаст определенные предпосылки не только для установления международного равновесия. Это обеспечивает также рациональное ведение внешней торговли, иными словами, обеспечивает то, что ввозятся и вывозятся только те товары, импорт

¹ F.W. Meyer. «Ausgleich der Zahlungsbilanz», 1938.

и экспорт которых приносит народнохозяйственную прибыль. Говоря же языком теории, можно утверждать, что ведение внешней торговли в данном случае определяется законом сравнительных издержек; и только тогда, когда эти сравнительные издержки имеют решающее значение для внешней торговли, есть гарантия того, что она обогатит участвующие в ней национальные экономики.

Следовательно, необходимо позволить механизму цен оказывать влияние также на международном уровне. Данное обстоятельство требует не только того, чтобы участвующие в международной торговле национальные экономики были организованы преимущественно на принципах конкуренции, но и того, чтобы был создан такой международный денежный порядок, который допускает существование конкуренции *между* национальными экономиками, система, базирующаяся на строгих правилах и функционирующая по возможности автоматически.

2. После того как в 1931 г. рухнул золотой стандарт, такой международной денежной системы стало не хватать. В межгосударственных экономических отношениях царил хаос.

Накануне второй мировой войны одновременно существовали все мыслимые валютно-финансовые системы. Были такие страны, как Англия, которые проводили политику свободного колебавшегося курса валют. Были и другие, к примеру Германия, которые осуществляли валютный контроль. Наконец, были страны, которые, подобно США, оставались сторонниками золотого стандарта. Предпринятую в Бреттон-Вудсе попытку подчинения послевоенных международных экономических отношений определенным правилам путем заключения соответствующих соглашений между странами нельзя считать удачной. Бреттон-Вудское соглашение по своей сути было не чем иным, как компромиссным решением между всеми «денежными порядками», которые возникли и развивались после крушения золотого стандарта. В соглашении можно обнаружить элементы золотого стандарта системы гибких валютных курсов и, наконец, системы валютного контроля.

3. Компромиссный характер соглашения в Бреттон-Вудсе не должен удивлять. Строгие, построенные на *одном* принципе международные денежные порядки невозможно создать до тех пор, пока сосуществуют совершенно разные по своему характеру экономические системы. В том мире, в котором имеются централизованно управляемые экономики, экономики свободной конкуренции и экономики, представляющие собой самое разнообразное смешение двух упомянутых типов, проблемы отношений между *этими* типами могут решаться лишь на основе компромисса. Это становится ясно,

как только осознается, что каждому экономическому порядку соответствует определенный денежный порядок.

Централизованно управляемая экономика никогда не введет денежный порядок, функционирующий автоматически. Она постоянно и вполне осознанно будет ставить *внутреннюю* денежную политику на службу проведению в жизнь общего плана экономического развития. И в своих *внешних отношениях* она всегда будет контролировать импорт и экспорт, т.е. вести политику валютного контроля. Напротив, конкурентному порядку соответствует такой денежный порядок, который, как и сам конкурентный порядок, базируется на строгих правилах, функционирует автоматически и делает возможным существование свободного валютного хозяйства. Отношения между столь различными типами экономик могут регулироваться только путем нахождения компромисса между принципами, на которых строится деятельность взаимодействующих между собой хозяйств.

Автоматически функционирующий международный денежный порядок находил свое реальное воплощение в золотом стандарте. Характерно, что он функционировал более или менее удовлетворительно лишь до тех пор, пока, во-первых, соблюдались его правила, т.е. руководители эмиссионных банков выполняли указания, которые диктовал им механизм золотого стандарта в виде притока и оттока золота; во-вторых, в участвующих в международной торговле национальных экономиках господствовала система конкуренции. Но как только страны перешли к тому, чтобы проводить автономную, не зависящую от притока и оттока золота валютную политику, и, сверх того, благодаря установлению импортных квот и принятию других протекционистских мер сделали невозможной замену международных потоков золота, золотой стандарт рухнул.

4. Все сказанное не обязательно должно означать пропаганду идеи восстановления золотого стандарта, и даже в том случае все важные в экономическом отношении страны вновь возвратились к конкурентному порядку. У золотого стандарта были и недостатки. И в первую очередь тот недостаток, что в период его господства создание денег слишком сильно зависело от случайностей в производстве золота.

Тем не менее опыт функционирования системы золотого стандарта учит, на каком пути следует искать улучшение международного валютного порядка для системы экономик свободной конкуренции. Лучшие черты золотого стандарта необходимо сохранить, а именно его автоматический характер, строгие правила, на которых он базировался, поддержание стабильности валютных курсов. Его недостатки, обуславливающие возможность дефляции и инфляции, нужно устранить. Таким образом, международный валютный поряд-

док, полностью отвечающий системе экономик свободной конкуренции, должен удовлетворять следующим минимальным условиям:

- 1) он должен функционировать автоматически таким образом, чтобы руководители центральных банков не могли произвольно определять денежную политику, руководствуясь меняющимися от случая к случаю точками зрения;
- 2) механизм должен способствовать максимально возможному сохранению стабильности валютных курсов;
- 3) в механизм должен быть встроен сильный стабилизатор, который гораздо сильнее, чем это было в условиях существования золотого стандарта, способствует предотвращению дефляции и инфляции.

IV. Проблема экономической власти

Понять, что означали для национальной и мировой экономики механизм регулирования и равновесие, еще не означает понять проблему в целом. Обратная сторона задачи заключается в том, чтобы осознать, насколько сложно осуществить в действительности принципы, признаваемые в качестве необходимых. Ведь теоретическое обсуждение целесообразности здесь превращается в страстную полемику по вопросам, затрагивающим интересы людей. Речь идет в данном случае о вопросах власти. Последнее означает, что, как перед любой другой политикой, перед экономической политикой встает проблема власти. Подобно истории вообще, история экономики наполнена примерами злоупотребления властью. Правда, размеры угрозы со стороны усиливающейся власти различны в зависимости от установленного порядка. Однако со злоупотреблением властью приходится сталкиваться всегда. Все зависит от того, что ответственные инстанции видят, о чем идет речь, и поступают соответствующим образом. Как же относились они к проблеме власти в процессе исторического развития?

1. В известном решении от 4 февраля 1897 г. имперский суд выразил свою принципиальную позицию по вопросу образования картелей. Он объявил допустимыми картельные договоры, а также разрешил установление барьеров по отношению к аутсайдерам. Имперский суд представлял точку зрения, по которой отрасль промысла, в которой цены понизились до слишком низкого уровня, может объединяться и это объединение отвечает общим интересам. Особенно важным было то, что имперский суд разрешил даже использовать наиболее жесткие формы борьбы для нанесения прямого

ущерба, например бойкот, принципом которого было не достижение превосходства над соперником за счет лучших результатов деятельности, а нанесение ему ущерба путем внесения помех в его коммерческие связи или полного подрыва их. Таким образом, картелям и иным монополистическим образованиям была предоставлена привилегия в борьбе. На этой правовой основе в Германии смогли бурно развиваться картели и подобные им образования. В 1905 г., по данным статистики, их насчитывалось 385. Довольно прочные образования возникали прежде всего в угледобывающей промышленности, черной металлургии, добыче калийной соли, а также в производстве кирпича и цемента.

Такое отношение к проблеме картелей имеет принципиальное значение. Право на свободу заключения договоров могло использоваться и для того, чтобы устранить конкуренцию и при помощи барьеров, бойкота и т.п. ограничить свободу других. Принцип свободы заключения договоров вступил в открытый конфликт с принципом конкуренции. Законодательство в эпоху *laissez-faire* не приняло ни одной серьезной попытки принципиально решить данный конфликт, который возникал вновь и вновь, обеспечивая судам постоянную работу. По одному замечанию *Хекшера*, «либерализм никогда не решал однозначно в пользу свободной конкуренции *a tout prix*¹ против свободы заключения договоров *a tout prix* или в пользу последней против первой». Так же обстоит дело и в Германии. Теперь саму свободу заключения договоров использовали для того, чтобы создать ситуацию, в которой она фактически была бы исключена. Так, например, со ссылкой на свободу заключения договоров был создан угольный синдикат, по отношению к которому торговцы углем и потребители больше не обладали свободой заключения договоров, поскольку были привязаны к одному поставщику и были вынуждены принимать его условия.

Итак, заложенную здесь проблему власти не увидели.

2. В эпоху экспериментов, то есть в период после начала первой мировой войны, проблема экономической власти дала толчок новым разнообразным мерам экономической политики.

Хронологически первой была попытка принятия закона о социализации 1919 г. Основная идея этого закона заключалась в том, чтобы придать принудительный характер синдикатам, уже существовавшим в угледобывающей промышленности и в добыче калийной соли. Тем самым свобода занятия промыслом в угледобывающей и калийной промышленности была устранена в той мере, в какой все фирмы были вынуждены присоединяться к синдикатам.

¹ Во что бы то ни стало (фр.).

Эти самоуправляющиеся структуры должны были стать носителями экономического процесса и управляться не только предпринимателями, но и представителями рабочих и потребителей. Старые частные властные структуры, превратившись в принудительные корпорации, естественно, *выиграли* в том, что касается власти, однако должны были приобрести социальный характер. Была надежда решить проблему экономической власти за счет того, что в самоуправляемых корпорациях наряду с представителями всех прочих заинтересованных групп правом «социального соучастия» обладали прежде всего функционеры от рабочих. Противоречия должны были преодолеваться за столом переговоров, а властные структуры, объединяя всех участвующих лиц, должны были превратиться в «общественно-экономические» корпорации.

Попытка провалилась, и как раз по причине, также имеющей принципиальное значение. Возможное участие в монопольной прибыли побуждало самих рабочих быть заинтересованными в монополии. Тем самым соучастие функционеров от рабочих в делах корпорации создавало монополиям лишь более надежную опору. По этой причине закон действовал совершенно иначе, чем надеялся, например, *Ратенау*. Одобрение государством повышения цен на уголь, рассматривавшееся в качестве вспомогательной меры, фактически стало в высшей степени действенным. В остальном, однако, власть монополий усилилась и не контролировалась рабочими функционерами.

Кейнс и другие экономисты полагали, что признание полуавтономных корпораций в рамках государства является прогрессом. Вместе с другими он считал, что эти корпорации или группы могли бы стимулировать рост всеобщего блага. Немецкий опыт — ни первоначальный опыт угледобывающей промышленности, ни более поздний опыт принудительных корпораций при национал-социализме — не оправдал этой надежды. Групповой эгоизм имеет тенденцию бурно расти, поскольку группы обладают властью. В борьбе с другими группами и государством функционеры представляют интересы своих групп или то, что они понимают под этим, но отнюдь не интересы целого. С экономической точки зрения возникает взаимный антагонизм двусторонних монополий, в которых достижимо лишь состояние неустойчивого равновесия, имеющее тенденцию к неравновесию. В последующем такая ситуация неизбежно приводит к борьбе групп между собой. Ошибка данного решения заключалась в том, что не была осознана опасность групповой анархии. Развитие в Германии открывает множество возможностей для изучения того, что называется групповой анархией.

3. Второй своеобразный эксперимент трактовки проблемы экономической власти Германия попыталась провести, издав в ноябре

1923 г. постановление о деятельности картелей. С принятием этого постановления, которое не касалось угольной и калийной отраслей промышленности, впервые в Германии попробовали принять меры против *злоупотребления* положением, дающим экономическую власть. Основополагающий пункт этого важного постановления состоит в том, что картельные договоры были легализованы. Они сохраняли свою законную силу, однако были поставлены под контроль государства. Для этого в министерстве экономики был создан специальный отдел, а также учрежден суд по наблюдению за деятельностью картелей. Председатель этого суда помимо прочего должен был давать свое одобрение в том случае, если тот или иной картель захотел бы вынудить аутсайдера войти в него, угрожая установлением барьеров и принятием других мер.

Впрочем, и эта активно предпринимавшаяся попытка привела к неожиданному и нежелательному результату. Прежде всего картели и их сторонники повели ожесточенную борьбу против государственного контроля, расценивавшегося ими как деклассирование, как возмутительное вмешательство в свободу предпринимателей. Однако эта ситуация быстро изменилась. А именно, когда в целях борьбы со злоупотреблениями картелей министерство экономики начало стимулировать конкуренцию и «размягчать» рынки, озлобление картелей обернулось против конкуренции, которую называли «реакционной» или «манчестерской». В противоположность ей превозносился принцип образования картелей как более высокой формы народнохозяйственного развития. Впрочем, государственный контроль все же считали не особенно опасным, тем более что удалось вызвать симпатии профсоюзов к образованию картелей. Таким образом, заинтересованные стороны боролись больше не столько со ставшей популярной организацией государственного контроля, сколько, проявляя большую настойчивость, с методом поощрения конкуренции. Начался быстрый переход индустриальной экономики от конкуренции в сферу государственного контроля и картелей. В этом периоде количество немецких картелей необычайно выросло. В 1925 г. уже насчитывалось 2500 картелей.

Опыт реализации постановления 1923 г. позволяет сделать следующий принципиальный вывод. Контроль за деятельностью монополий, острие которого было направлено против так называемого злоупотребления экономической властью, терпит провал. Понятие «злоупотребление» не поддается точному определению. Как известно, властные структуры приобретают большой политический вес в той стране, в которой они начинают разрастаться. В силу этого само государство уже не в состоянии осуществлять действенный контроль за деятельностью монополий. *Экономическая политика должна быть направлена в первую очередь не против злоупотреблений существующих властных структур, а непосредственно*

против возникновения таковых вообще. Иначе у нее не окажется никакой возможности решить проблему. Именно здесь находится тот важный момент, который опять же не был распознан.

4. Немецкая экономическая политика пошла еще по одному пути. В Германии существовало, а во многих странах существует и сегодня широко распространенное мнение, что проблему *частной* экономической власти можно решить только тогда, когда само *государство* берет экономическую власть в свои руки.

В Германии в этом направлении было проведено два эксперимента. Оба они только и были возможны, а именно, во-первых, передача власти центральным государственным плановым органам при сохранении частной собственности и, во-вторых, огосударствление.

С 1936 г. Германия перешла к тому, чтобы увеличивать масштабы регулирования экономического процесса руками центральных плановых органов. Благодаря такому развитию синдикаты приобрели другую функцию и продолжали существовать. Они превратились в отделы центральных органов управления. К примеру, чугунный синдикат отныне централизованно распределял чугун, который прежде он продавал как монополист. Бюрократия синдикатов и внутренняя организация остались, по существу, прежними. Концерны сталелитейной и химической отраслей промышленности также оказались тем строительным камнем, который можно было легко использовать при строительстве здания централизованно управляемой экономики. Прежние частные властные структуры синдикатов и концернов теперь взяли на себя задачу разрабатывать для отдельных предприятий глобальные производственные предписания центральных плановых органов, передавать их по назначению и контролировать их выполнение. Вместе с тем эти властные структуры продолжали оказывать сильное влияние, воздействуя на центральные плановые органы, руководители которых сплошь и рядом были лично близки к ним. Так, в ходе войны в Германии сформировался своеобразный экономический порядок. Центральные плановые органы официально регулировали экономический процесс, но часто решения этих плановых органов, скажем, при распределении сырья оказывались под большим влиянием частных властных структур, например концернов, организаций промыслового хозяйства, сельского хозяйства и т.д. Тем самым произошло своеобразное слияние частной власти и централизованно управляемой экономики.

Проблема экономической власти, следовательно, не только не была решена, но даже обострилась. Малые и средние предприятия вытеснялись, и, как мы увидим, централизованное регулирование экономического процесса не только не решило социальный вопрос,

а, напротив, обострило его. Уже здесь проявилось действие принципа экономической политики, значение которого нельзя переоценить: проблема экономической власти никогда не может быть решена путем дальнейшей концентрации ее.

Каким же оказался опыт *огосударствления* монополий и других властных структур в Германии? Попытки такого рода предпринимались раньше в отношении предприятий электро- и газоснабжения, железных дорог и т.д. Сегодня в еще больших масштабах это происходит в Восточной зоне¹, где огосударствление охватывает целые отрасли промышленности.

Начнем с рассмотрения опыта огосударствления отдельных монополий, например железных дорог или предприятий электроснабжения. Государственные монополии закономерно проводили ту же политику, что и частные монополии. Как и частные монополии, они стремились достичь наивысшего уровня чистой выручки, который в случае монополии большей частью существенно отклоняется от оптимального уровня обеспечения благами. Стремление в полной мере использовать монопольное положение у органов управления государственными монополиями было намного более выраженным, чем у частных. Органы управления государственными монополиями считали вполне оправданным такое поведение, поскольку доходы поступали государству или городу, то есть представляли собой косвенный налог, а не использовались в частных целях.

По мере объединения обеих сфер экономики и государства происходила концентрация, которая вновь обостряла проблему власти.

Опыт Востока подтверждает сказанное. Только опасность проявляется здесь совершенно в ином, гораздо большем. Слой функционеров, управляющий огосударствленными предприятиями, подчинил своему влиянию экономический процесс. Вместе с этой концентрацией власти на одной стороне растут зависимость и несвобода на другой. Нередко уничтожаются целые промысловые отрасли, например мясные лавки, и вместо них снабжение населения мясом осуществляется каким-нибудь государственным предприятием. Рабочие, равно как и потребители, становятся зависимыми от центральной государственной администрации, управляющей государственными предприятиями.

5. Немецкий опыт, как мы видели, позволяет точно определить, на какие пути нельзя вступать для решения проблемы экономической власти. Это не должна быть ни политика *laissez-faire*, которая злоупотребляет свободой заключения договоров ради уничтожения свободы, ни политика контроля за деятельностью монополий, кото-

¹ Имеется в виду советская зона оккупации, позднее ГДР. — *Прим. ред.*

рая допускает образование властных структур и проявляет желание бороться только со злоупотреблениями. Кроме того, обнаружилось, что любая дальнейшая концентрация власти путем проведения политики корпоративного порядка — по примеру немецкой угледобывающей промышленности, — равно как и политика централизованного регулирования экономики или огосударствления, не решает проблемы экономической, или хозяйственной, власти. «Власть остается властью, кем бы она ни осуществлялась. И наивысшего уровня опасности она достигает, находясь не в частных, а именно в общественных руках» (*Леонхард Микш*).

Но тем самым мы возвращаемся к самой проблеме. Собственно говоря, почему так важна проблема экономической власти? На этот вопрос следует дать ответ. Споры вокруг проблемы власти не чужды ни одному историческому периоду. Обладание властью провоцирует акты произвола, угрожает свободе других людей, разрушает сформировавшиеся хорошие порядки. Вместе с тем нет социальной жизни без существования положения, дающего власть, поскольку для любой жизни в обществе, будь то в государстве или на предприятии, необходим авторитет.

Друзья власти преуменьшают ее опасность, а противники — ее безусловную необходимость. Тем самым оказывается завуалированной крупная практическая проблема. Даже такой видный историк, как *Якоб Буркхардт*, оказался непоследовательным по данному вопросу. Для него власть была «сама по себе злом». Но одновременно в государстве он видел «благодеяние». Однако без власти не может существовать никакое государство. Преодоление этой дилеммы, видимо, является решающей задачей любой политики, в том числе и экономической.

Проблема экономической власти существовала всегда. Но с начала промышленной революции она предстала в новой форме. Вместе с промышленной революцией наступила эпоха бурного роста экономической власти. Ее избыток характерен для наблюдавшегося до сих пор экономического развития Германии и других промышленных держав: власть отдельных фирм, власть концернов, картелей, центральных плановых органов или же союзов предпринимателей и профсоюзов.

Торжественно провозглашенным основным принципом правового государства является то, что свобода и правовая сфера отдельных граждан охраняются с двух сторон: от угрозы со стороны других граждан и от самого государства, но в первую очередь от принудительной власти государственных органов управления. Однако носители частной власти в состоянии устранить гарантированные права других на свободу. С этим связано также большое влияние на другие человеческие порядки. Можно показать, как частные властные структуры и центральные государственные органы изменили

также политическую жизнь и государственную структуру Германии. Положить конец антагонизму таких противоречивых тенденций — настоятельное требование любой истинной экономической политики.

Проблема экономической власти — это другая сторона проблемы свободы в современной индустриальной экономике.

V. Свобода и власть

1. Дух свободы помог сотворить индустриализацию. Но та же самая индустриализация превратилась в серьезную угрозу свободе. У ее истоков находилась идея свободы, а сегодня она в такой опасности, как никогда прежде. История и здесь совершает замысловатый ход: вперед к свободе и снова назад к несвободе.

Для ведущих мыслителей XVIII и начала XIX в. свобода представляла собой нечто гораздо большее, чем проблему экономики и политики. Она была не простой доктриной, а единственно возможной формой существования людей. Этим мыслителям открылся первоначальный смысл того, что есть свобода: без свободы, без спонтанной самостоятельности человек не является «человеком». Для крупных моралистов того времени свобода является предпосылкой любой морали. Ведь только перед свободно желающим и свободно действующим человеком стоит проблема принятия решения, и действительно только он может осуществлять выбор. «Метафизической помехой любой морали является отказ от свободы» (Кант). Только свободное решение делает возможным познание и претворение в жизнь обязывающего морально-ценностного порядка. И вообще только свободный человек, наблюдая и самостоятельно осмысливая факты, способен приблизиться к истине. Он привязан к законам логики, но не к мнениям, которые навязывает ему какая-либо внешняя власть. Только свободный человек способен извлекать свою волю. Эту сферу свободы должно гарантировать право. Экономической же политике надлежит реализовать свободный естественный богоугодный порядок. Человек, находящийся в рамках этого порядка, имеет так же мало прав упразднить свою собственную свободу, как и прав не уважать сферу свободы других. Именно сфера свободы других устанавливает пределы его личности. Уважая эту сферу свободы, он проявляет гуманность. Правильно понятая свобода, гуманизм и право суть части единого целого, они неразрывно связаны между собой.

2. Сегодня мы видим, что это великое движение, желанное избавление человека «от своего несовершеннолетия, в котором повинен он сам», если еще раз использовать слова *Канта*, находится в

опасности или же оно потерпело неудачу. Именно из экономической сферы, которой так пригодилась в свое время свобода, прежде всего стала исходить угроза свободе. Освобождение крестьян, установление свободы передвижения и занятия промыслом, заключения договоров, ведения торговли и устранения бесчисленных старых обязательств способствовали расцвету могучих сил людей, занимающихся хозяйством, и тем самым открытию пути технизации и индустриализации. Однако быстро возникли такие властные экономические структуры, которые снова стали угрожать свободе. Так, например, фабричные рабочие превратились в зависимых от фабриканта, который обладал монополией покупателя рабочей силы на местном рынке труда. Хотя бесчисленные общественные привилегии исчезли, их место уже в XIX в. заняли частные властные структуры: социальные властные корпорации на рынках рабочей силы и далеко идущие притязания на господство на многих предприятиях; власть на рынках и власть на отдельном предприятии; по этой причине — экономическое и социальное давление. Отдельно взятый человек постоянно видел себя противостоящим громадному, анонимному, могущественному аппарату, от которого он зависел. Часто свободу рассматривали как право одного отдельно взятого человека подавлять свободу других.

Ныне экономика, общество и государство заполнены властными блоками, сообществами, возникавшими быстрыми темпами с начала XX в. Более того, государство и общество в какой-то мере базируются на этих властных блоках. Отдельный человек как член коллектива обладает небольшой свободой. Лишь руководители коллектива относительно независимы. К примеру, цены и условия сделок устанавливает синдикат, но не отдельно взятый член его. Руководство концерна дает указания подчиненным директорам, а профсоюзы, но не отдельные рабочие определяют условия трудовых договоров. Мы вспоминаем о случае с американским рабочим, который не может реализовать устанавливаемое законом право на свободу передвижения, если при смене местожительства профсоюз нового района отказывается принимать его в свои ряды.

В последнее время свобода человека подвергается угрозе еще с одной стороны, а именно тогда, когда экономическая концентрация сочетается с преобразованием государства. Здесь возникает исключительная опасность для свободы. Во многих странах экономическая власть сегодня соединяется с государственным принуждением. Отдельные органы регистрируют, проверяют и регламентируют повседневную жизнь каждого. Где и кем он должен работать, где ему позволено проживать, выделять ли ему и в каком количестве потребительские товары — все это решает государство, которое полиостью или частично владеет всем экономическим аппаратом со всеми

рабочими местами. Как же в таком случае можно иметь сферу свободы?

Человек становится частичкой анонимного государственно-экономического аппарата независимо от того, принадлежит ли он к бюрократии или к иной группе, над которой установили свое влияние функционеры. Отдельно взятый человек становится вещью и теряет характер личности. Аппарат есть цель, человек — средство.

3. Эта *тройная угроза свободе* со стороны частной власти как оборотной стороны рынка, коллектива и государства, объединяющегося с частными властными структурами, дает знать о себе во всех странах, хотя и в различных формах. Сегодняшнее развитие сравнили с поздним периодом Римской империи и ее закатом. И по праву. Тогда государство принуждало крестьян и ремесленников заниматься своим промыслом, вынуждало их выполнять определенные работы, устанавливало цены, контролировало всю хозяйственную деятельность в городе и деревне. Наконец, империя была населена государственными крепостными и государственными рабами. В результате всего этого наступил ее закат. Возможно, погибавший древний мир прошел до конца путь, на который сейчас вступают Европа и весь мир? Различия между прошлым и настоящим существуют, но из-за этих различий опасность кажется только еще большей. Население сегодня гораздо многочисленнее и живет, сосредоточившись в более крупные массы. Но в наши дни существует прежде всего промышленно-технический аппарат, представляющий собой инструмент господства и власти, неизвестный прошлым эпохам.

Было бы неверно считать, будто ответственность за эту угрозу свободе несет лишь развитие экономики под контролем государства. Мощные духовные движения действовали в том же направлении. В первую очередь следует назвать нигилизм. С полным правом можно поставить вопрос: зачем нужна свобода, если собственная субстанция отвергается самим человеком?

Политическое, экономическое и духовное направления развития взаимодействуют, так что получается результат, который не может быть воспринят достаточно серьезно: люди даже потеряли ощущение того, что, собственно, есть свобода. Они не умеют определить ее ценность, подобно тому как человек вообще не умеет определять ценность необходимого до тех пор, пока он владеет им как чем-то самим собой разумеющимся. В итоге дело дошло до того, что повсеместно стали считать, будто свободу необходимо принести в жертву мнимой безопасности, хотя, как мы видели, без свободы добиться безопасности невозможно.

Тот, кто вместе с *Лениным* снимал вопрос о свободе, объявляя, что она — «буржуазный пережиток», не понимал, что речь здесь

идет не больше и не меньше как о человеке в качестве такового. Что касается собственной личности, то никому не давалось право отказываться от своей моральной автономии и превращать себя в простое орудие. Но никто не может также понудить другого отказаться от своей моральной автономии. Права абстрактной свободы важны, но они не являются самоцелью. Скорее они служат свободному человеку, обладающему моральной ответственностью. Под сильным впечатлением от технического прогресса многие люди с одобрением относятся к угрозе свободе со стороны современного экономического и технического развития и превращают свое одобрение в идеологию несвободы. Тогда это означает, что свобода и гуманность «либеральны». А поскольку политический либерализм как бы преодолен, то вроде уже нет никакой свободы. Однако «либеральная практика предыдущего столетия не совпадает с идеалом свободы; первая может отвергаться, пересматриваться, изменяться, вторую же нельзя отрицать, разве что есть желание отречься от самой жизни» (Канфора).

4. В процессе исторического развития выявилась принципиальная проблема. *И здесь мы вновь оказываемся перед дилеммой.* Совершенно очевидно, что дальнейшая концентрация экономической власти в руках государства и прямое регулирование хозяйственных будней центральными государственными органами все больше и больше подавляют сферы свободы человека. Но каким же образом можно было бы опять создать «более свободную» экономику? Не сохраняется ли тогда опасность того, что частные властные структуры опять-таки используют свою свободу для того, чтобы ограничить самостоятельность и свободу, например, рабочих, служащих, торговцев или конкурентов? *Incidis in Scyllam, cupiens vitare Charybdim*¹. Можно ли вообще спасти свободу личности в индустриальной экономике? Есть ли выход из этой дилеммы?

Постановка этого вопроса снова подводит нас к проблеме экономического порядка. Ибо в зависимости от экономического порядка, то есть от способа экономического регулирования, оказываются различными сферы свободы и права людей на самоопределение. Для масштабов сферы свободы, в которой проходит повседневная жизнь человека, существенно, регулируют ли экономический процесс центральные плановые органы или частные и полугосударственные властные структуры или же множество домашних хозяйств и предприятий действуют на основе собственных планов. В наши дни вопрос о свободе наитеснейшим образом связан с регулирова-

¹ Желая избежать Сциллы не минуют Харибды (лат.). Выражение употребляется в значении: стремясь миновать одну беду, попадаешь в другую, то есть опасность угрожает с обеих сторон. — Прим. ред.

нием современного экономического процесса, с вопросом экономического порядка.

Но совместима ли вообще свобода с порядком? Свобода и порядок не противоречат друг другу. Они обуславливают друг друга. *Упорядочивать означает устанавливать порядок в условиях свободы.* Если приводят в порядок процесс, то последнее означает, что факторы, которые определяют его, оформляют таким образом, чтобы тогда процесс сам по себе тек в желаемом направлении. Упорядоченность в противоположность «урегулированности» может быть в случае, если поведение людей отличается дисциплинированностью (*Леонхард Микш*). Но такое поведение возможно лишь там, где из духа правильно понятой свободы вытекает одобрение необходимости желаемого порядка. Только таким путем может быть осуществлена координация деятельности всех хозяйствующих субъектов, составляющая сущность конкурентного порядка.

Правда, к идее свободы, равно как и к идее порядка, относится и то, что свобода имеет свои границы, а именно там, где она ставит под угрозу сам порядок.

Между свободой и порядком имеется еще одна связь: из свободы спонтанно возникают формы порядка. Они оправданны в той мере, в какой соответствуют конкурентным отношениям.

Итак, все это заостряется на вопросе: какие формы порядка предоставляют свободу? Какие из них одновременно ограничивают злоупотребление правами на свободу? Может ли свобода отдельно взятого человека определяться таким образом, что она находит свои границы на свободе другого человека? Применимы ли вообще эти формы порядка в индустриальном мире? Сегодня необходим громадный экономический, технический, основанный на разделении труда аппарат, чтобы сохранить людей как вид. Возможен ли экономический порядок, в котором люди не были бы просто средством достижения цели, всего-навсего частичками аппарата? Проблема свободы может быть решена только в том случае, если взяться за нее с интенсивностью 18-го столетия.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ: ИНТЕРДЕПЕНДЕНЦИЯ ПОРЯДКОВ

1. Любое стремление к порядку сталкивается с той проблемой, что сегодня до самого основания во всем мире потрясены не только сфера, на которую ориентируется это стремление, но и все порядки человеческого общежития. Зародившись в Европе, великое движение радикальных перемен после Французской революции стало охватывать одну страну за другой и докатилось даже до Азии. Быстрая смена руководящих слоев еще не закончилась. На место общественной иерархии пришло аморфное состояние, которое все боль-

ше и больше угрожало обезличиванием. Смысл порядка, как и смысл свободы, все больше и больше таял, хотя именно в этой ситуации потребность в нем была такой, как никогда прежде.

Это развитие также взаимосвязано с изменениями в методах регулирования экономики. Пока многие необходимые продукты производились в самой семье и, следовательно, семья была производственным сообществом, обладавшим собственным натуральным хозяйством, она значила тогда нечто иное, чем в той ситуации, когда члены семьи зарабатывают деньги на стороне, а семейное хозяйство постепенно превращается в чистое потребительское сообщество. Правда, еще до промышленной революции домашнее хозяйство и предприятие нередко были отделены друг от друга, скажем в крупных сельскохозяйственных имениях XVIII в. или раннего средневековья. Однако в ремесленном производстве, розничной торговле, крестьянском хозяйстве они были связаны между собой. Индустриализация изменила картину. Отныне разделение становится правилом. Вокруг промышленных предприятий группируются многочисленные домашние хозяйства служащих и рабочих, которые трудятся, используя уже не принадлежащие им средства производства. Экономическая революция и в остальном изменила структуру общества. Многие отрасли ремесленного производства были искоренены в XIX в. По мере того как монополистические структуры, а позднее органы централизованно управляемой экономики все больше регулировали экономический процесс, суживались функции торговца, который постепенно превращался в распределителя и в большой степени стал зависеть от этих властных структур. К тому же торговля и ремесло уже не были столь важными звеньями в структуре общества, какими они являлись в свое время.

Возможно ли возникновение нового общественного организма в Европе и во многих других странах, в которых протекает процесс индустриализации? Возможна ли действительно иерархическая структура общества? Каким образом? И этот серьезный вопрос наитеснейшим образом связан с экономическим порядком, который еще только возникает. Как мы знаем, экономический порядок представляет собой совокупность форм, в которых *in concreto* осуществляется регулирование повседневного экономического процесса. А эти формы экономического регулирования тесно связаны с порядком общества. Например, в зависимости от экономического порядка руководящий слой общества создается и структурируется по-разному. При экономическом порядке, характерном для централизованно управляемой экономики, он выглядит иначе, чем при конкурентном порядке. В первом случае руководители органов центрального управления играют в этом руководящем слое главную роль, чего не наблюдается во втором. Здесь и там по-разному происходит отбор руководства. Из этого возникает иной характер общественно-

го порядка. Организуется ли он снизу или формируется сверху, тоже зависит от экономического порядка. Отдельно взятые структуры общественного порядка в зависимости от экономического порядка приобретают различный характер. К примеру, сельскохозяйственные кооперативы в рамках экономического порядка, в котором экономическое регулирование осуществляется преимущественно центральными плановыми органами, становятся средством реализации центральных планов сельскохозяйственного производства. Они являются орудиями централизованного управления, инструментами вышестоящих органов и должны быть таковыми. Нечто совершенно другое представляют собой сельскохозяйственные кооперативы, которые возникают стихийно как бы снизу в результате добровольного объединения сельских хозяйств. А именно это происходит в рамках экономических порядков, в которых нет центральных плановых органов. Напротив, здесь кооперативы должны стимулировать самостоятельное ведение хозяйства предприятий. Следовательно, если кто-либо захочет организовать определенные кооперативы, он должен иметь четкое представление о форме экономического регулирования, которая совместима с данным видом кооперативов. То же самое сохраняет силу и для профсоюзов.

2. Вместе с Французской революцией и индустриализацией *формирование государства* также вступило в новую эпоху. В ходе революции была предпринята попытка реализовать идею суверенитета народа. Она привнесла также национализм, разрушение сословных барьеров, ту идею, согласно которой отдельно взятые равноправные подданные противостоят централистскому государству. И почти одновременно индустриализация, сопровождавшаяся ростом концентрации населения, возникновением новых властных группировок и растущей зависимостью государства от бесперебойного протекания чрезвычайно сложного, основанного на разделении труда экономического процесса, поставила новые задачи по формированию государства, объем и особенности которых осознавались лишь постепенно. Однако опыт показывает, что и эта проблема формирования государства в изменившемся индустриальном мире подводит непосредственно к вопросу об экономическом конституировании. Например, государство в конституционно-правовом отношении является федеративным с подчеркнуто федералистским характером. Но в связи с войной оно изменяет свой экономический порядок. Теперь регулирование экономического процесса осуществляется с таким расчетом, чтобы центральным плановым органам поручалось управлять этим процессом. Причем это — плановые органы федерального правительства, поскольку отдельные земли, входящие в состав федерации, слишком малы, чтобы осуществлять собственное регулирование, а экономические процессы в рамках федерации в

целом исключительно тесно переплетены между собой. Эти федеральные плановые органы направляют предприятиям сырье и рабочую силу, осуществляют контроль за производственными планами предприятий промышленности и сельского хозяйства, а также устанавливают для населения нормы потребления продовольствия, текстильных изделий, обуви и т.д.

Хотя написанная конституция остается федералистской, фактически господствует унитаризм. Жизнь каждого человека теперь в решающей степени зависит от центральных экономических органов федеральной столицы. В результате установления экономического порядка, характерного преимущественно для централизованно управляемого хозяйства, планы федералистской конституции по децентрализации оказались сорванными без государственного переворота. Уже из этого примера следует, что *с вопросом, как регулируется или должен регулироваться повседневный экономический процесс, сталкиваешься, даже когда рассматриваешь совершенно иную проблему, а именно политические и государственно-правовые формы.*

В какой мере «правовое государство» совместимо с различными экономическими порядками? Какие основные права могут быть гарантированы? Очевидно, что свобода перемещения и свобода занятия промыслом упраздняются в централизованно управляемой экономике. Но какие конституционные права сохраняются? Какое влияние оказывают на правовое государство частные экономические властные группировки при других экономических порядках, свойственных преимущественно рыночному хозяйству? В какой мере автономное право частных властных группировок вытесняет установленные государством права, скажем, в общих условиях заключения сделок промышленности, банков, страховых обществ? Как «самосозданное хозяйственное право» преобразовало правовой порядок? Все эти вопросы тоже имеют большое значение в современном индустриальном мире. Сегодня невозможно осмысленно говорить о реализации правового государства, обходя данный комплекс вопросов.

3. Сказанное не следует понимать превратно. Ошибочной была бы точка зрения, согласно которой экономический порядок представляет собой как бы фундамент, на котором возвышаются общественный, государственный, правовой и другие порядки. История Нового времени, как и история более ранних эпох, однозначно учит, что государственный или правовой порядок также оказывает влияние на форму экономического порядка. При оккупации Германии в 1945 г. различные политические системы привели к установлению на Западе и Востоке различных видов регулирования экономики. Тогда на экономические порядки наложила отпечаток разнородность государственно-политических порядков. Мы уже говори-

ли о том, что преобразование экономического порядка в результате возникновения монополистических властных группировок может существенно повлиять на процесс формирования общественной воли в государстве (с. 109). Итак, образование монополий может быть спровоцировано самим государством, скажем, его патентной, торговой, налоговой политикой и т.д. Так нередко бывало в новой истории экономических отношений и государства. Вначале государство способствует возникновению частной экономической власти, а затем становится частично зависимым от нее. Таким образом, существует не односторонняя зависимость всех прочих порядков от экономического порядка, а взаимозависимость, «интердепенденция порядков». Как, каким образом это происходит — в этом суть важного вопроса.

Эта обратная связь существует также между экономическим и общественным порядками. Методы экономического регулирования не только формируют общественную надстройку. Общественная надстройка также воздействует на экономическое регулирование. Например, пустившее глубокие корни самостоятельное крестьянское сословие основательно противодействует регулированию сельскохозяйственного производства, осуществляемому центральными плановыми органами. Крестьяне сами хотят реализовывать собственные хозяйственные планы, и централизованное экономическое регулирование наталкивается здесь на определенные рамки. «Конституция страны», «экономический порядок» и общественный порядок находятся в отношениях зависимости друг от друга.

4. Эта «интердепенденция порядков» — существенное явление жизни, а именно современной жизни. Ее осознание является предпосылкой для понимания всех проблем как экономической, так правовой и государственной политики современности. Мало смысла говорить в неопределенной форме о том, что политика определяет экономику, на что другие возражают, утверждая, что экономика определяет политику. Необходимо точное знание форм порядка и существующих между ними взаимосвязей. Но при этом мышление и действия постоянно наталкиваются на экономическую сторону проблемы порядка.

Особенно характерными для этой проблемы являются два признака. Во-первых, ее существование неизбежно. Если мы захотим поразмыслить над вопросом о социальной справедливости, свободе, мире между народами или над каким-нибудь кажущимся на первый взгляд банальным вопросом, связанным с экономической политикой, розничной торговлей либо валютой, то мы всегда выйдем на нее. Проблема напоминает перекресток дорог на местности, к которому приходишь, с какой бы стороны ни шел. Мы исходили из различных жизненных фактов. И всегда дорога вела к

данной проблеме, оказывающейся в конечном счете центральным вопросом нашей эпохи. Впрочем, этим вовсе не утверждается, что теперь все вопросы, связанные с человеческими порядками, равно как и проблемы человека вообще, можно было бы решить с помощью одной лишь политики экономического порядка. Впрочем, имеет силу посылка: никакое духовно-религиозное или политическое движение не решит эти вопросы, если не удастся осуществить регулирование повседневного экономического процесса в адекватных формах экономического порядка. Мы должны привыкнуть к тому, что «возвышенные» вопросы, касающиеся духовной жизни человека, неразрывно связаны со здоровыми, земными вопросами функционирования механизма экономического регулирования. Мечтатели не в состоянии судить об этих вопросах, а висящие в воздухе умозрительные рассуждения проходят мимо трудных и многогранных проблем.

Во-вторых, это проблема *наивысшей сложности*. С началом промышленной революции были поставлены такие задачи экономического порядка, которые, казалось, не поддаются решению. Мы видели, что самые разнообразные возможности решения не могли справиться с этим. Надо остерегаться веры в то, что мы могли бы практически осилить проблемы политики экономического порядка, руководствуясь своими чувствами и настроением. Как оказалось, данный вопрос является прежде всего чисто экономической проблемой, решение которой требует точного мышления и больших усилий. Правда, одновременно выяснилось, что решение этой реальной экономической проблемы воздействует не только на экономическую сферу. Скорее, вместе с другими факторами оно оказывает влияние на всю человеческую жизнь. Поэтому это решение представляет собой специфический вопрос экономической политики и одновременно универсальную с исторической точки зрения задачу. Тот, кто за него берется, должен, например, хорошо понимать все трудности, связанные с внедрением достаточного «измерителя ограниченности благ» в современный экономический порядок и вообще знать предметную логику экономики.

Индустриализация и технизация ставят задачи таких масштабов, что некоторые люди хотят бежать от них назад, в патриархальную крестьянскую общину, в простоту безыскусной сельской жизни. Романтики тоскуют по эпохе средневековья или даже по эпохе той Древней Греции, когда *Гесиод* писал свои «Дела и дни». Но ход индустриализации и широкомасштабного разделения труда нельзя повернуть вспять. Нельзя уже потому, что без них смогла бы жить лишь небольшая часть из почти 2,3 миллиарда людей, которые сегодня населяют Землю, а их большая часть была бы обречена на вымирание. Игнорировать проблему экономического порядка мы больше не можем.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ: СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

1. Если теперь мы подойдем к социальному вопросу, той громадной проблеме, которая возвышается подобно исполинскому горному массиву, грозящему путнику многочисленными неприятностями, то нам следует прежде всего медленно идти навстречу ожидающим нас трудностям. Формы социального вопроса в XX в. совершенно иные, чем формы предшествующих времен. Однако они стали не только другими, но одновременно намного более сложными.

«Доминирующим социальным противоречием нашего времени является противоречие между предпринимателями и промышленными рабочими», — писал *Густав Шмоллер* в конце прошлого столетия. И он был абсолютно прав. Этот социальный вопрос возник в эпоху индустриализации и технизации, а также после появления на рубеже XVIII и XIX вв. либерального законодательства. Властвовали свободный трудовой договор, свобода передвижения и повсеместного проживания, а также частная собственность. Но если свобода и равноправие людей казались гарантированными с политической и правовой сторон, то промышленные рабочие оставались не свободными с экономической и социальной точек зрения. Они чувствовали себя зависимыми, будучи, как весьма упрощенно утверждалось, отданными на произвол всевластия «капитала». Это всевластие было ощутимо как на рынке рабочей силы, так и на отдельно взятом предприятии. Плохие условия жизни, недостаточная оплата труда, чересчур продолжительное рабочее время, вред, наносимый здоровью, использование детского труда и неопределенность тех условий существования многих фабричных рабочих, которые были широко распространены в начале и середине XIX в., представляли собой социальный вопрос этого времени. Его часто описывали, и о нем говорят свидетельства, потрясающие воображение. Общество разделилось на две враждебные группы. Социальный вопрос того времени был чем-то большим, чем кризис в одной сфере жизни. Неоднократно изменяясь, он должен был стать центральным вопросом общества, внутренней политики и культуры.

Маркс взялся за социальный вопрос своего времени со всей силой присущей ему страсти. Он видел в нем движущую силу закономерно протекавшего исторического процесса. Вместе с тем он заострял данный вопрос на одном пункте, увязывая его с вопросом о собственности. По его мнению, социальный вопрос мог быть решен только после неизбежного исчезновения капиталистической частной собственности и возникновения общественной собственности. Таким образом, *Маркс* воспринимал социальный вопрос и вопрос о собственности как один вопрос.

Фактически на протяжении XIX и начала XX в. удалось приблизить решение социального вопроса совершенно иным образом,

чем это представлял *Маркс*. Условия существования рабочих заметно улучшились. Реальная заработная плата во многих индустриальных странах выросла в три-четыре раза.

Такой результат был обусловлен прежде всего развитием экономики и техники. Чем выше становилась вооруженность рабочего машинами, чем больше был продукт, производимый этим рабочим, тем выше могла подниматься заработная плата. В том же направлении действовало и совершенствование транспортных средств. Кроме того, определенное влияние оказывали государственная система охраны труда, запрет на использование детского труда, законодательное ограничение продолжительности рабочего времени, фабричная инспекция, страхование от болезней, несчастных случаев и инвалидности. К этому следует добавить самопомощь рабочих, которые через профсоюзы изменили формы рынка таким образом, что монополистическим или частично монополистическим покупателям теперь противостояли также частично монополистические продавцы.

2. Правда, социальный вопрос XIX в. не был окончательно решен. Остались противоречия, неопределенность существования прежде всего в периоды кризисов продолжала нависать над рабочими; усиление власти в первую очередь в концернах и синдикатах уже возвещало о возникновении нового социального вопроса. И одновременно тогдашняя социальная политика сама способствовала появлению этого социального вопроса нашего столетия.

В эпоху экспериментов, то есть после первой мировой войны, социальный вопрос приобрел новый характер. Прежде его сутью была *несправедливость* распределения, сделавшая необходимым социально-политическое вмешательство законодателя. Теперь же на передний план выдвинулась новая проблема: *неопределенность существования* в форме продолжительной массовой безработицы. Нам не следует забывать, что на протяжении нескольких десятилетий до 1914 г. такой формы безработицы не было. Однако в этот период она превратилась в такое явление, которое стало превалировать в социальной и экономической политике и даже в политике в целом. Мне достаточно напомнить лишь о массовой безработице в период мирового экономического кризиса.

В противовес этой новой форме социального вопроса, скажем его второму типу, развивалась новая социальная политика. Теперь уже было недостаточно «пунктуально» проводить в жизнь некоторые меры социальной политики старого стиля. Напротив, влияние социально-политической точки зрения распространилось на всю экономическую политику Германии и других стран. Формирование экономического порядка и конъюнктурная политика были поставлены на службу решения социального вопроса. При этом принципиальное значение имеют прежде всего следующие две линии раз-

вития: образование крупных социальных властных корпораций, которые характеризуют общую картину экономического порядка этого времени, и политика обеспечения полной занятости, с помощью которой пытаются овладеть новой проблематикой. Обе линии способствовали формированию сильных тенденций к трансформации экономического порядка, а именно в направлении централизованного регулирования экономического процесса.

Тем самым вновь был совершен решающий поворот. Отныне социальный вопрос ставится в форме (третьего типа), которую мы в настоящее время наблюдаем каждый день. Рабочий, впрочем не только рабочий, стал зависимым от сложной системы государства и других общественных властей. Во многих странах трудовой договор превратился в публично-правовые трудовые отношения, которые вытекают из трудового договора и условия которых устанавливаются государством. Отдельно взятый рабочий уже не имеет свободного выбора места работы. На нем лежит обязанность трудиться. Биржи труда направляют его на определенную работу. Свои продовольственные товары он получает через систему централизованного распределения, точно так же, как и свое жилье. В случае болезни, при несчастном случае, инвалидности или безработице он оказывается вынужден обходиться государственным страхованием. Возникает новый тип человека, который представляет собой обезличенного, зависящего от государства индивида. Постепенно вся жизнь подвергается огосударствлению.

С этим поворотом связан тот факт, что регулирование экономического процесса обнаруживает большую ущербность. Правда, и на предшествующей стадии регулирование также было недостаточным, что наглядно продемонстрировали кризисы и депрессии. Но теперь недостаточное регулирование проявляется на национальном и международном уровнях не в волнах безработицы, а в хроническом недообеспечении широких народных слоев, которые, несмотря на полную занятость, в недостаточной мере обеспечиваются потребительскими благами. Кроме того, расширение масштабов кредитования обесценивает деньги. Возникает открытая или подавленная инфляция, и тем самым обесцениваются сбережения, вложенные в деньги. Одна неопределенность существования — безработица — была устранена, но та же политика породила другой вид неопределенности существования — обеспечение в случае нетрудоспособности, по старости и т.д. Так как механизм регулирования современной экономики не функционирует, то происходит обострение социального вопроса.

Этот новый социальный вопрос является не только вопросом промышленных рабочих, он распространяется также на все без исключения профессиональные слои — на крестьян, ремесленников,

торговцев, лиц свободных профессий. Такое экономическое развитие представляет угрозу для всех них.

В XIX в. социальный вопрос носил как бы *приватный* характер. Между работодателем и работополучателем в то время заключался приватный трудовой договор. Неблагоприятное с экономической точки зрения положение рабочих предопределялось прежде всего двумя обстоятельствами. Во-первых, рабочие, выступая в качестве продавцов, часто вели переговоры в условиях существования таких форм рынка, как монополия или частичная монополия покупателей, которые обеспечивали работодателю как покупателю большое преимущество. Во-вторых, предложение на рынке рабочей силы часто вело себя «аномально». При падении уровня заработной платы на рынке появлялось больше рабочей силы, прежде всего члены рабочих семей, которая и дальше продолжала понижать уровень заработной платы.

Ныне социальный вопрос уже не носит приватного характера. Это соответствует тому обстоятельству, что приватный характер жизни вообще постепенно исчезает. Отношения, вытекающие из трудового договора, нередко являются публично-правовыми. С экономической точки зрения в большинстве случаев решает уже не рынок, то есть не обмен результатов затрат труда на деньги, а распределение и предоставление рабочих мест, а также потребительских благ после того, как многие страны превратили свой экономический порядок преимущественно рыночного типа в порядок с преимущественно централизованно управляемой экономикой.

3. Это изменение экономического порядка поставило на повестку дня серьезные вопросы экономической политики. Но одним этим дело не ограничилось. И здесь проявляется взаимосвязь порядка, в условиях которых живет человек. Чем активнее одерживает верх регулирование экономического процесса методами централизованно управляемой экономики, тем больше и больше общество формируется сверху. Любой общественный порядок имеет форму пирамиды. Руководящий слой присутствует всегда. «Бесклассового» общества никогда не было и никогда не может быть. Однако эта пирамида может быть построена как бы снизу, или же решает верхушка, в каком порядке следует расположить нижние слои. Либо семьи, спонтанно возникшие локальные корпорации самоуправления, кооперативы и т.д. являются носителями общества, либо эти образования создаются и управляются сверху.

Чем активнее экономический порядок развивается по образцу централизованно управляемой экономики, чем больше, следовательно, функционеры центральных органов управления представляют собой главенствующий руководящий слой, тем в большей степени общественный порядок теряет свой сформировавшийся характер. Мас-

са не состоит из одного определенного социального слоя. Она есть состояние, в котором могут находиться люди всех слоев. Превращение в безликую массу происходит особым образом, если общество претерпевает такую реорганизацию, о которой мы ведем речь. Тем самым новый вид приобретает любая профессия, будь то крестьяне, ремесленники, торговцы, рабочие или служащие. Общество вырастает не из спонтанных сил, его становление регулируется сверху, а развитие его структуры зависит от предписаний, поступающих от функциональных органов. Вместе с этим возникает, однако, угроза основам существования отдельно взятого человека.

В этом историческом процессе государство играет особую роль. И своеобразным, двойного рода отличительным признаком преобразования государства в XX в. является расширение его власти в результате осуществления разнообразного вмешательства в повседневный экономический процесс. Правда, одновременно оно в возрастающей степени переходит в руки властных экономических группировок, которые не только все более и более определяют его волеизъявление, но и отбирают у него важные сферы его прежней деятельности.

Существование большинства людей оказалось в руках этого неустойчивого образования, подверженного влиянию самых различных заинтересованных лиц. Это положение вещей становится еще более серьезным, поскольку люди наших дней практически полностью принимают тезис о том, что государство не связано никакими моральными законами. «По мере увеличения средств и расширения сферы деятельности государства возрастает опасность доктрины, согласно которой государство должно обходиться без морали. Рискуя высказать пожелание стать мерой всех вещей и одновременно объявив о своем собственном аморальном характере, государство в меньшей степени, чем когда бы то ни было, имеет право на духовное руководство народом. Государство, которое домогается установления для себя права на освобождение от этических обязательств, объявляет сферу своей деятельности убежищем низости и, подобно центру гравитации, притягивает вечно неизменную злобу людей»¹.

4. С учетом этой ситуации становятся понятными предложения путем «деконцентрации планирования» и «расщепления коллективной собственности» избежать социальных и экономических рисков, которые несут с собой централизованно управляемая экономика и сосредоточенная в одном месте коллективная собственность, в принципе не отказываясь от последних. По этому поводу мы уже дискутировали в другом месте. Данные предложения не принесли

¹ H u i z i n g a. «Wenn die Waffen schweigen», 1945, S. 186.

решения. Прибегнем к образному сравнению. В XIX в. было построено здание идей. Его возвели из идей коллективной собственности, централизованного регулирования экономического процесса и некоторых других. Многие полагали, что в этом здании люди могли бы жить свободно, не испытывая давления социального вопроса, избавясь от неопределенностей существования и нужды. Здание идей было возведено на фундаменте веры в неизбежность процесса развития. Теперь мы узнаем, что в этом сооружении жизнь совсем не такая, как думали вначале, что в нем существует угроза несвободы и лишения социальных прав. Поэтому предлагается встроить в здание некоторые элементы, позволяющие предотвратить опасность. Но этими элементами старому зданию не помочь: одних изменений в технике централизованного регулирования и в управлении коллективной собственностью недостаточно. Как бы ни были достойны внимания мотивы таких предложений, они лишь покрывают вуалью социальный вопрос современности.

Без обеспечения необходимых прав на свободу социальный вопрос решить невозможно. Но в этом случае повседневный экономический процесс должны регулировать не центральные плановые органы, а отдельно взятые домашние хозяйства с помощью своих собственных планов. В то время как государству предстоит ограничиться функциями контроля и возможной разработкой тех форм, в которых протекает экономический процесс, в рамках рынков, в том числе и рынков рабочей силы, должна существовать свобода. Такова цель.

5. Характер социального вопроса в корне изменился. Однако постановка вопросов, понятия, идеи и программы, которые сегодня имеют хождение в мире, в большинстве случаев происходят из прошлой эпохи, то есть из времен социального вопроса XIX в. Большинство людей верит в то, что средствами социальной политики прошлого столетия можно решить социальный вопрос современности совершенно иного рода. Мнения еще вращаются в мире, который перестал быть реальным. Если пароход плывет по большой реке, то волны нередко бьются о берег еще долго после того, как он исчезнет из виду. Именно это характерно для идей, под влияние которых попала современная экономическая и социальная политика XIX век миновал, но идеи, возникшие тогда, еще сильны. «Мировая история экзаменует по программе десятого класса, а в школе отвечают урок за шестой» (Александр Рюстов).

Вопросы, которые ставит мировая история, четко выступают на передний план: формирование протекающего по возможности без помех экономического процесса, тем самым обеспечение достаточного совокупного снабжения, а на этой основе также рационального распределения; расцвет тех сил, которые имеют тенденцию к реализации в каждом отдельно взятом человеке и исполненное смысла

включение этих сил в общий процесс. И при всем при этом возможно более полное осуществление справедливости, надежности и свободы в человеческом общежитии.

Однако ответы вращаются в рамках двух устаревших антитез. Первая из них гласит: частная собственность против коллективной. Прежде всего она с исключительной силой была высказана *Марксом*. Бросив зоркий взгляд на властные позиции в экономике своего времени, *Маркс* увидел, что означает экономическая власть в той среде, в которой люди в остальном были политически равноправны. Равным образом он видел, что частная экономическая власть зачастую была связана с частной собственностью. В этом отношении он был реалистом. Но он игнорировал весь исторический опыт, когда с гордостью и радостью первооткрывателя полагал, что экономическая власть якобы может быть устранена коллективной собственностью. Здесь он был утопист.

Это утопическое представление крепко укоренилось в головах многих людей, и, хотя представление является наследием борьбы идей в XIX в., оно подчинило своему влиянию полемику нынешних дней. Сегодня все еще продолжают сопротивляться признанию (правда, опыт навязывает это признание) того, что объединение крупных и более мелких частных структур и превращение их в совсем крупные государственные структуры лишь укрепляют позиции, дающие власть, и что двойная концентрация власти, происходящая при соединении экономической и политической властей, только обостряет социальный вопрос.

Но хотя в общем и целом эту опасность видели, все же возможности противодействия через парламентский контроль государства часто переоценивались. По опыту последнего времени мы знаем, что в результате всеобъемлющего огосударствления или социализации государство само изменяет свой характер, что государственное управление начинает преобладать и что совершенно невозможно эффективно контролировать бюрократию, которая подчинила своему влиянию огосударствленные предприятия или огосударствленные отрасли промышленности. Сохраняется зависимость индивида от этой анонимной супервласти. И проблема монополий, как уже было объяснено, не может быть решена путем огосударствления или социализации.

Вторая крупная антитеза провозглашает: централизованное регулирование против мнимой анархии индивидуального производства. И здесь вновь проблема рассматривается большей частью в духе XIX в. Все еще не удается преодолеть заблуждения сенсимонистов, которые считали *laissez-faire* и конкуренцию идентичными понятиями и аргументы которых повторяются еще и сегодня. Остановимся на некоторых из этих аргументов. По их мнению, конкуренция ведет к «борьбе на уничтожение, в ходе которой отдельные счастли-

чики переживают триумф, за который заплачено экономическим разорением бесчисленных жертв». Неминуемым следствием безмерного и неуправляемого производства является беспрестанное нарушение взаимосвязей между производством и потреблением. Полностью отсутствует цельный взгляд на производство, ведущееся изолированными отдельными лицами, «которые не знают ни потребностей экономики и людей, ни необходимых средств их удовлетворения». Но, как они утверждают, анархия производства и распределения преодолевается сама собой в ходе исторического процесса и в результате естественно необходимого развития сменяется органическим социальным порядком.

В этом случае централизованное регулирование сделало бы возможным рациональное управление экономическим процессом.

После того как сторонники политической экономии проделали громадную работу мысли в последнее столетие, не составляет труда критиковать эти идеи анархии экономического процесса и преодоления анархии с помощью централизованного управления. Сегодня мы знаем, что нельзя путать понятия *laissez-faire* и полной конкуренции, что *laissez-faire* очень часто ведет скорее к совсем иным формам рынка, а вовсе не к полной конкуренции. Далее, нам известно, что регулирование экономического процесса совершенно различно в зависимости от формы рынка и от действующей денежной системы, а также что хотя сбои в работе созданного механизма цен и обуславливали или обостряли кризисы и депрессии XIX — начала XX в., однако не потому, что механизм цен оказывался несостоятельным как инструмент регулирования, а потому, что давали осечку цены, складывавшиеся в особых формах рынка или в условиях определенных недостаточных денежных порядков.

Но дело не только в том, что критика якобы анархичного экономического процесса была слишком грубой и потому неверной. Современная наука показала также, что и другая сторона аргументации — преодоление так называемой анархии и решение социального вопроса путем установления централизованного регулирования экономического процесса — несостоятельна. Научный анализ и практический опыт продемонстрировали, какие большие проблемы возникают, как только центральные органы управления пожелают взять на себя регулирование экономического процесса, к которому причастен народ в целом.

Однако в общественном мнении все еще существует представление о том, что регулирование экономического процесса, которое осуществляется на основе индивидуальных планов домашних хозяйств и предприятий, должно быть анархичным. Различия же форм рынка для большинства остаются неизвестными. То, насколько жестко регулируется экономический процесс в условиях «полной конкуренции», известно очень немногим. Не знают также о су-

существовании сложных взаимосвязей между денежной системой, ценнообразованием и регулированием экономического процесса. Широкие круги общественности все еще считают, что централизованное планирование необходимо для того, чтобы осуществлять рациональное регулирование экономического процесса. Во многих странах разговоры продолжают вестись вокруг идей, которые в 20-е годы прошлого столетия будоражили умы и порождали дискуссии. Наблюдающий эту суету, вероятно, вспоминает слова Гёте: «Мы живем прошлым и умираем в прошлом». Правда, следует отметить, что этот устаревший образ мыслей является также инструментом в руках определенных групп функционеров в борьбе за власть и при защите их властных позиций.

Обычно анахроническое духовное состояние широких кругов, в том числе и многих интеллектуалов, имеет, впрочем, своим следствием то, что они не замечают, что разыгрывается перед их глазами, а именно как слабеют социальные позиции рабочих, служащих и большинства других профессиональных групп в результате упразднения свободного трудового договора и свободы перемещения и повсеместного проживания, а также принудительного привлечения к отбыванию трудовой повинности, социализации и централизованного планирования. Люди оказались в руках функционеров, попали в механизм, хозяевами которого являются именно они. Еще широко распространены иллюзии по поводу того, что централизованное регулирование якобы «социально». Использование понятия «социальный» делает завуалированной ту опасность, которая как раз с социальной точки зрения исходит от социализации.

В связи с этим Ранке говорит о том, что он стремится к тому, чтобы «дать более ясное и менее сомнительное, чем это обычно может иметь место, наглядное представление о том моменте мировой истории, в котором мы находимся». Каким же нам представляется момент мировой истории, если мы из всех сил пытаемся его осовременить? Политика *laissez-faire* вызвала значительное усиление властных структур в экономике. Экономическая политика экспериментов, которая пыталась совладать с возникшей в результате этой проблемой, покончила с необходимой мерой стабильности данных и привела к сбоям в совокупном экономическом процессе. Последние породили опасность массовой безработицы. Чтобы противостоять этой опасности, стали проявлять большую готовность жертвовать свободой ради мнимой защищенности. Следствием является усиление общей тенденции к государственному рабству. Однако лишение прав на свободу ведет к самому плохому из всех возможных последствий: к «разложению человеческой субстанции» (Артур Кёстлер).

Ныне социальный вопрос по своей сути — это вопрос о свободе человека.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ: ПРИЧИНЫ КРАХА

I. Деградация мышления

Итак, в то время как в эпоху индустриализации проблема политики экономического порядка приобретает все большее значение, способность видеть и анализировать проблему постоянно уменьшается. Требования дела и способность соответствовать ему двигались в разных направлениях. Правда, в последнее время речь идет нередко о регулируемой экономике. Под этим понимается определенное вмешательство государства без четкого представления о виде и объеме задач и о последствиях использования соответствующих методов решения.

Как же получилось, что просмотрели эту жизненно важную проблему?

1. Задача видеть, какие проблемы экономического регулирования должен решать экономический порядок, как отдельные хозяйственные меры влияют на общий (совокупный) порядок и в какой степени зависят от последнего, а кроме того, познать интерденденцию порядков — эта задача выше разума большинства людей. Впрочем, мышление масс подвергается воздействию пропаганды политических и экономических партий. Властные группировки и их идеологии сталкиваются между собой на глазах общественности; пропагандистские лозунги забивают головы людей. Множество людей попадают в состояние, превращающее их в безликую массу. Однако масса мыслит коллективистскими категориями и не допускает проявления личной инициативы, ей нравятся мифы, а не логическое мышление. Мышление категориями порядка ей абсолютно чуждо. С экономическим порядком дело обстоит так же, как и с техникой. Если до индустриализации многие люди с технической точки зрения разбирались в инструментах, которыми они пользовались, то сегодня этого в большинстве случаев сказать нельзя. Повозка, которую использовали прежде, технически была относительно доступна для понимания в отличие от современных локомотива, метро, автомобиля. Большинство людей пользуются ими, не зная даже в общих чертах их конструкции и связанных с этим проблем. Точно так же прежде экономический порядок был доступен пониманию отдельно взятого человека, например крестьянина, который сам производил большинство потребительских товаров, или ремесленника, который поставлял свои изделия узкому кругу клиентов. Ныне, после завершения процесса индустриализации, в рамки повседневного мышления никак не вписывается экономический порядок со всеми присущими ему взаимосвязями и взаимозависимостями, с его сложным механизмом регулирования. Едва ли кто знаком,

например, с функционированием современного банковского аппарата, который представляет собой важный частичный порядок современного экономического порядка и с которым тесно связана экономическая судьба большинства людей. Экономический порядок в его важных чертах остается неизвестен людям, хотя он имеет решающее значение для их существования.

2. Но этим дан лишь частичный ответ на поставленный вопрос, поскольку обнаруживается, что не только в массе людей, но и в руководящем слое только весьма немногие усматривают проблему. Даже здесь в большинстве случаев остается неясным, что же, собственно, означает *регулирование экономического процесса*. В этом отношении здесь дело обстоит совсем иначе, чем в технике, где имеется достаточно специалистов, знающих те взаимосвязи, которые остаются недоступными для дилетантов. Как же случается так, что в вопросах экономической политики руководящий слой — за исключением немногих лиц — совершенно не видит истинной задачи или видит только часть ее? Именно этот вопрос важен, так как в конечном счете и по всем законам руководящий слой принимает политико-экономические решения.

На этот вопрос следует ответить, что развитие политико-экономических идей шло в направлениях, которые затушевывают проблему порядка, а как учит опыт, в длительной перспективе эти идеи решающим образом определяют деятельность, связанную с проведением в жизнь экономической политики.

На первых порах в индустриализированном мире идеи классической политэкономии обладали созидательной силой. Хотя идеи сформировались еще до индустриализации, они проявляли свою власть, правда с уменьшающейся силой, вплоть до XX в. Представители классической политэкономии четко осознавали, что основанный на разделении труда экономический процесс ставит трудную и многогранную задачу регулирования. Уже одно это было выдающимся достижением, по сравнению с которым более поздний период далеко отстал. Они видели также, что эту задачу в состоянии решить лишь адекватный экономический порядок. И это было значительным достижением в познании, которое позднее полностью утратили. Тем не менее экономическая политика, поскольку она находилась под влиянием классической теории, была недостаточно ориентирована на проблему порядка. Представители этой теории полагали, что «естественный порядок», в котором экономический процесс регулировался бы автоматически конкурентными ценами, реализуется *спонтанно*. И что организм общества, для того чтобы хорошо развиваться, не нуждается «в точно определенной диете» (*Смит*), то есть в определенной политике экономического порядка. Так возникли формы порядка, в рамках которых регулирование экономического процесса обнаружи-

ло существенные сбои. Вера в самореализацию естественного порядка была слишком велика.

С другой стороны, *Маркса* на анализ экономического регулирования в так называемом капиталистическом обществе вывел прежде всего вопрос: как возникает эксплуатация рабочих и как она преодолевается? Он верил в объективно необходимый закон развития общества, который станет править в сообществе, в общей собственности и который гарантирует удачное решение. Как в этом сообществе должен протекать процесс регулирования, для него не было проблемой. Решение задачи он оставил истории, оно не занимало его. Вопрос, например, о том, как в экономический порядок будущего следует встроить «нехваткомер», в его системе не имел смысла. Так получилось, что и его последователи чаще всего не замечали этого вопроса, до тех пор пока их к этому не вынудила действительность.

Наконец, сегодня политико-экономической практикой во многих странах овладел *пунктуальный* анализ политико-экономических вопросов. Здесь, в этом формализованном мышлении, вероятно, скрыта самая могущественная сила, которая затушевывает проблему политики экономического порядка. Оно вновь оживилось с 70-х годов прошлого столетия и представляет собой возврат к меркантилизму. Наличие глобальной взаимосвязи всех экономических явлений не осознавалось. Валютная и торговая политика, политика, касающаяся деятельности картелей, политика, проводимая в интересах поддержания ремесленного производства, и т.д. рассматриваются в качестве особых сфер, которые существуют сами по себе и которые надлежит рассматривать обособленно.

Корни этой духовной позиции лежат глубоко. Если отсутствует мышление категориями порядка, то всегда мыслят и действуют формализованно. Впрочем, формализованное мышление близко как раз тем группам руководящего слоя, которые сегодня во многих странах оказывают большое влияние на экономическую политику, а именно чиновникам и руководителям экономических властных группировок.

Чиновники влиятельных учреждений управляют своими отделами. Каждый из них знает свою специальную область, к примеру валютный или текстильный отдел. Воздействие, которое оказывает, например, образование текстильного картеля или постановление о валютном контроле на совокупный процесс, усматривается лишь немногими. Что же касается властных группировок, то они всегда действуют пунктуально. Властные группировки промышленности, например, требуют повышения таможенных пошлин или принудительного картелирования; властные группировки рабочих — повышения заработной платы, а властные группировки в сельском хозяйстве — государственных гарантий цен. Какие последствия для

совокупного экономического процесса вытекают отсюда — такой вопрос находится вне поля зрения данных группировок.

Никакая машина не получится, если произвольно собирать ее из отдельных отливок, колес или трубок. Машина как нечто целое представляет собой целевую структуру, а цель требует, чтобы все ее части были определенным образом взаимосвязаны. Экономический порядок равным образом является целевой структурой, хотя и совершенно иного вида. Если экономическая политика осуществляется формализованно, по частям, казуистически и фрагментарно, то в этом случае государство действует подобно человеку, произвольно осуществляющему сборку машины из металлических деталей. К примеру, в некоторых странах право на участие в прибылях общества способствует концентрации промышленности, против которой направлены политика контроля за деятельностью картелей и политика, проводимая в интересах поддержания ремесленного производства.

После 1945 г. многие страны видели свою главную задачу в том, чтобы выровнять платежный баланс. При этом они, как правило, действовали пунктуально и потому без успеха. Импорт сокращался, экспорт увеличивался за счет использования специальных стимулов, а для покрытия так называемого дефицита искали займы за границей. Одновременно государственная финансовая политика, кредитная политика, политика в области заработной платы и политика цен проводились таким образом, как если бы они не имели никакого дела с платежным балансом и как если бы рост покупательной силы денег в результате дефицита государственного бюджета или политика низких процентов не повышали покупательной способности в стране, не затрудняли экспорт и не расширяли импорт, то есть как если бы не нарушали равновесия расчетов с зарубежными странами. Вопросы платежного баланса, однако, не являются изолированной особой проблемой. Они могут быть решены только за счет того, что экономический процесс в целом в каждой из участвующих стран станет регулироваться в достаточной степени.

Итак, в общем и целом это была прежде всего вера в самореализацию естественного порядка, затем вера в неизбежный процесс развития и, кроме того, в распространение формализованного мышления, что в своей совокупности формировало духовную позицию, исходя из которой создание достаточного экономического порядка не считалось центральной задачей, хотя в действительности она была таковой.

3. Когда упускается из виду кардинальный вопрос, на его место неизбежно выдвигаются другие вопросы. Какие же вопросы появились на месте вопроса об экономическом порядке?

Это были прежде всего следующие три: вопрос собственности, в котором постепенно привыкли видеть кардинальный вопрос экономической и общественной политики, вопрос организации труда на предприятиях и вопрос полной занятости, в котором большинство государств усматривает сегодня цель своей экономической политики. Все три вопроса исключительно важны. Их мы рассматриваем в другом месте настоящей книги. Но какой бы из них ни стоял на переднем плане, всегда очевидно, что проблема регулирования не затрагивается ими. Ибо при ее рассмотрении речь идет о совокупном экономическом процессе.

Таким образом, экономическая политика государства не воздает должного проблеме экономического порядка. Обусловленная ошибками мышления, эта политика носит ныне частично пунктуально-фрагментарный, частично идеологизированный характер. С одной стороны, существуют отдельные невязаносвязанные меры экономической и правовой политики, с другой — идет спор о таких понятиях, носящих оттенок сантиментов, как капитализм и социализм. Подобно монетам, эти понятия имеют повсеместное хождение. Однако действительность при этом не замечается. Негодные порядки и претенциозная болтовня, идеологии властных группировок и доктрины мечтателей становятся господами положения. При этом формируются неверные точки зрения. К примеру, люди, которые очень серьезно воспринимают свободу личности, порой стремятся к установлению таких экономических порядков, которые создают угрозу свободе. Что же тут удивительного, если подобные эксперименты терпят провал.

II. Нестабильные порядки

1. «Если разрушается мышление, то разрушаются и порядки» (*Конфуций*). Наше исследование постоянно доказывало, что как раз нестабильность порядков является характерной чертой современного развития экономики. Развиваются ли монополии и олигополии или третья денежная система, реализуются ли частичные порядки, например порядки валютного рынка, или корпоративные порядки, шла ли речь о скрытой инфляции — всюду был налицо факт нестабильности. Проблемы не видят, когда говорят о нестабильности капитализма. Но нестабильность порождается не мистическим капитализмом, а деградацией мышления категориями порядка. Ошибка заключается в следующем. С самого начала не позаботились об условиях стабильного порядка, чтобы тем самым профилактически предотвратить нестабильность, дали возможность делу идти своим чередом сначала с нестабильности, затем приняли ее как нечто данное и попытались с помощью запоздалого вмешательства в систему в целом залатать ды-

ры и установить квазиравновесие. Это особенно характерно для политики обеспечения полной занятости.

Следует проводить принципиальное различие между стабильными и нестабильными порядками.

В рамках таковых нужно также различать внешнюю и внутреннюю стабильность.

Внешняя стабильность, то есть возможность ее существования в течение продолжительного периода времени, задана в централизованно управляемой экономике. Здесь не царит равновесие экономического процесса, миллионы людей могут голодать из-за несостоятельности экономического порядка. Но несмотря на это, данный порядок не испытывает потребности в том, чтобы быть измененным. Это — вопрос соотношения сил. Равновесие заменяется принуждением. Весьма большое воздействие оказывает также существование бюрократии, которая со своей стороны способствует длительному сохранению этой тенденции.

Внутренняя стабильность существует лишь в двух экономических порядках:

- а) в собственном натуральном хозяйстве. И здесь люди могут голодать при неурожае или при наступлении других катастроф. Однако причины того лежат здесь как бы в иной плоскости и не обусловлены, как в централизованно управляемой экономике, принципиальным отказом механизма регулирования. В первые тысячелетия экономической истории такая форма порядка, а именно форма «собственного натурального хозяйства», которая никогда не существовала в чистом виде, но неоднократно проводилась в жизнь как доминирующая форма, придавала экономическим порядкам устойчивый характер. Еще примерно в XVI в., когда снабжение населения, жившего преимущественно в деревнях, осуществлялось в значительной мере автономно на крестьянских дворах, а меновые отношения с другими предприятиями и домашними хозяйствами выполняли лишь дополняющую функцию, экономические порядки приобретали определенную устойчивость. Однако собственное натуральное хозяйство как стабильная форма порядка уже не может осуществлять старые функции, поскольку сегодня процесс, основанный на разделении труда, стал чересчур всеобъемлющим;
- б) внутренняя стабильность в принципе задана и при полной конкуренции, поскольку полная конкуренция в силу своеобразного функционирования системы регулирования цен имеет механизм, который приводит к равновесию экономического процесса и потому придает устойчивость экономическому порядку, где доминирует эта форма порядка. Правда, при этом решающее значение имеет то обстоятельство (чему не может быть здесь уделено

достаточного внимания), что в эту систему равновесия встроена также и денежная система. Наряду с этим на стабильность порядков влияние оказывает и собственное натуральное хозяйство, которое имеет место в мелком землевладении, и т.п.

Все промежуточные решения (между централизованно управляемой экономикой и конкурентным порядком) не являются устойчивыми, поскольку, как оказалось, они представляют собой порядки с «тенденцией к трансформации».

2. С некоторых сторон оспаривается то значение, которое мы придаем стабильности порядков. Ставится вопрос: так ли важны эти институты? Не является ли решение проблемы скорее этической задачей, состоящей в воспитании человека? Не сводится ли все к человеку?

Этим путем проблема сдвигается как раз в опасном направлении. Опасном потому, что люди предрасположены к тому, чтобы недооценивать задачу порядка. Замечают, например, как возникает порядок, присущий централизованно управляемой экономике, и полагают, что опасность с его стороны не столь велика, если только люди станут совершенствоваться. Повсеместно не осознается, что экономическая повседневность в рамках отдельно взятых порядков обладает своей внутренней логикой. Если, к примеру, в экономическом порядке доминируют черты, характерные для централизованно управляемого хозяйства, то это означает, что существовала неточность глобальных оценок, а тем самым и неточность регулирования экономического процесса. Свобода индивида должна ограничиваться приказами, исходящими из центра, а внешняя торговля, равно как и инвестиционная деятельность, приобретает описанный выше характер. Даже если бы во главе стоял какой-нибудь Марк Аврелий или Антоний Пий, что мало вероятно, его благие пожелания и старания оказались бы бесильными против недостатков подобной системы.

Этическое совершенствование человека не может устранить ущербность порядка, а также предотвратить разрушение права, связанного с порядком централизованно управляемой экономики. То же самое имеет силу и для порядков другого типа. «Не существует культуры, где хозяйственные отношения не подчинялись бы никакому порядку отношений, под защиту которого можно себя поставить» (Ортега-и-Гассет). Все зависит от общего решения. *Совокупный порядок должен быть таким, чтобы он давал людям возможность жить по этическим принципам.*

На этом месте можно было бы сделать поворот к позитивному разбору, если бы не возник еще один крупный вопрос: имеем ли мы вообще свободу формировать такой порядок, который все это обеспечивает? Или подобной свободы вовсе не существует? Существует ли объективная неизбежность развития?

МИФ О НЕИЗБЕЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

I. Введение: идеи

1. Регулирует ли историю, а также и политико-экономические процессы закон развития? Неизбежно ли трансформируется нынешний экономический порядок в экономический порядок ближайшего и последующего будущего, соблюдая бесконечную и неизбежную последовательность? Этот вопрос имеет в высшей степени решающее значение.

Все большее число людей 20-го столетия склонны рассматривать неизбежность развития как некую заданность. Они ощущают себя отданными на произвол неизвестного исторического процесса. Подхваченные потоком, который увлекает в определенном направлении, они не в состоянии сами определить это направление. Нет, пожалуй, ни одной политико-экономической дискуссии, которая обошла бы данный вопрос. Соппротивление неизбежному процессу развития представляется большинству людей невозможным. «Капитализм», считают они, отжил свой век. С необходимостью естественного процесса его сменит другой определенный экономический порядок, например «плановая экономика», причем здесь подразумевается такой экономический порядок, в котором доминируют методы централизованного регулирования. В этом якобы и состоит неотвратимая судьба индустриализированного мира.

2. Идеи, которые со временем овладевают людьми, вначале возникают в умах отдельных людей. Так же и здесь.

С самых разных сторон сошлись в одной точке идеи, из которых в конечном счете возникла вера в неизбежность исторического развития. В первую очередь здесь следует вспомнить *Гегеля*, причем с полным на то правом. «Становление есть первая конкретная идея, в противоположность которой бытие и ничто суть пустые абстракции», — говорит он, обозначая свою основополагающую позицию. Все действительное представляется ему как развитие духа, которое свершается с диалектической необходимостью и которое может быть осознано с помощью логики. Разум для *Гегеля* больше не является стабильной величиной, он развивается в истории человечества с неумолимой последовательностью логического процесса. Мировой разум *Гегель* «понимал и оценивал в качестве единого и господствующего правителя и руководителя всей этой пестрой игры в качестве директора театра марионеток истории» (*Ф. Майнеке*). Еще в одной из своих юношеских работ *Ге-*

гель говорил: «Каждая из них (то есть политика, религия, власть, хитрость и т.д.) ведет себя как абсолютно свободная и самостоятельная власть, не осознавая того, что все они являются инструментами в руках более высокой власти первоначальной судьбы и все побеждающего времени, которые смеются над такой свободой и такой самостоятельностью». Позднее, в 1816 г., он писал: «Я придерживаюсь того, что всемирный дух дал команду наступать и этой команде подчиняются; все сущее движется словно бронированная, сомкнутая фаланга, непреодолимо и столь неуловимо, как движется солнце, вперед сквозь все преграды».

Как бы далеко ни находился Гегель от романтики, он все же соприкоснулся с ней, создавая картину истории. Романтики чувствуют себя как бы погруженными в историю семьи, окружения, народа. Подчеркивание историзма всего человеческого мышления, всех ощущений и действий, «восторженная преданность» истории является чертой жизненного настроения романтиков. То, что вырастает исторически, представляется им оправданным независимо от того, идет ли речь о праве, государственных структурах или о духовных движениях. В романтике из духа иррационализма возникла вера в то, что человек целиком отдан во власть исторического момента, в котором он живет, и становления, из которого вытекает этот момент. Через Ницше и философию жизни, представляющие собой ответвления романтики, эта вера оказывает воздействие до наших дней. Гегель и романтика были чужды промышленной революции. Но эта промышленная революция, которая с начала XIX в., к ужасу многих людей, осуществлялась и распространялась с силой явления природы, казалась неизбежным процессом. Другое движение, а именно натуралистическо-позитивистское, из собственного опыта, связанного с той же промышленной революцией, выработало свои собственные идеи о неизбежности развития. О том, что современная экономика с настоятельной необходимостью развивалась в направлении централизованного планирования хозяйства, говорилось уже тогда. Большинство людей думает при этом о Марксе, что не совсем обоснованно. Маркс придал этой идее лишь особое выражение. В более универсальной форме ее выражали еще раньше. Нас, людей сегодняшнего дня, сильнее всего затрагивает одна из самых ранних формулировок ее: сенсимонистская доктрина 1829/30 г. На самом деле Сен-Симон и сенсимонисты принадлежат, как это уже не раз было показано в ходе предшествующего изложения, к наиболее характерным и наиболее значительным явлениям, оказавшим влияние на нашу эпоху. Насколько влиятельными они были и остаются, свидетельствует уже тот факт, что ими были сформулированы такие понятия, как социализм, индивидуализм, индустриализм и т.д., то есть понятия, мыслить которыми после-

дующие поколения считали делом само собой разумеющимся. Вдохновленные естественными науками, которые тогда отмечали один успех за другим, Сен-Симон и его ученики занимались поиском закона, управлявшего историческим процессом точно так же, как закон тяготения управляет природой. Они считали, что им удалось открыть этот исторический закон в «законе прогресса». Человечество рассматривается ими как одна коллективная сущность, которая поступательно и закономерно развивается. Отдельно взятый человек полностью растворяется в этой коллективной сущности и должен осознанно или неосознанно следовать закону развития человечества. Человечество неизбежно прошло определенные эпохи своего существования: попеременно то органичные, то критические эпохи. Последняя критическая эпоха началась одновременно с Реформацией и теперь приближается к своему завершению. Критические эпохи были также необходимы, даже полезны, они несли с собой прогресс. Так, например, в последнюю критическую эпоху возросла степень обобществления людей, а также уменьшились масштабы эксплуатации рабочих. Ныне наша критическая эпоха неизбежно приближается к новому органичному состоянию, которое будет представлять собой ассоциацию всех трудящихся. Она будет означать конечное состояние развития человечества. Именно это является существенной характерной чертой сенсимонизма и всех родственных ему течений, которые в конечном счете оказали влияние на значительную часть социальной науки XIX в., в результате чего они с помощью открытого закона намеревались не только объяснить прошлое, но и определить ту точку, в которой находится настоящее; они составляли прогнозы, имевшие, по их убеждению, научную базу в том же законе развития.

Как выглядит, по мнению сенсимонистов, экономика будущего? В ней нет господства конкуренции, ведь она является характерным признаком той критической эпохи, в конце которой мы живем. Органичная эпоха будущего выглядит иначе: управление экономическим процессом центральным органом, рационализация и технизация, осуществляемые сверху, быстрая индустриализация, организация совокупного труда для достижения общей цели, ведомственные инструкции каждому отдельному человеку касательно того, какую работу ему следует выполнять. Во главе экономики стоят ученые и инженеры, которые конструируют организацию общества и точно рассчитывают, как должен осуществляться экономический процесс. Сейчас, речь идет о 1830 г., все это уже существует в зародыше, например в современных банках, из которых неизбежно развивается централизованное управление будущей экономикой. «Система будет обладать в первую очередь центральным банком, который представляет собой правительство с материальной стороны. Этот банк

станет управлять всем имуществом, всеми средствами производства, короче говоря, всем тем, что образует ныне совокупность частной собственности».

Критиковать этот процесс развития или пытаться преодолеть его было бы, по мнению сенсимонистов, бессмысленно и неразумно. Как раз потому, что он необходим. Он исходит из самих фактов, и он хорош. «Золотой век, который вводящие в заблуждение предания до сего дня перемещали в прошлое, лежит перед нами».

Такова была вера сенсимонистов. Вера *Маркса* была иной, правда схожей. Однако благодаря энергии, присущей его личности, и энергии его пророчеств он сумел увлечь людей в большей степени, чем его предшественники. Его концепция известна. Он предсказывает концентрацию капитала в руках немногих; конкуренция уничтожит самое себя, «поскольку многие капиталисты будут экспроприированы немногими». А вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала будут расширяться масштабы нищеты, гнета, кабалы, вырождения, эксплуатации рабочих. По его мнению, это «абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления», который неизбежно порождает кризисы, а в конечном счете и экспроприацию экспроприаторов. Но какой бы мрачной ни была картина настоящего, которую рисует *Маркс*, им также овладела идея прогресса. Ведь в конечном счете, когда общество овладеет колоссальными производительными силами, созданными капитализмом, наступит очень счастливое состояние. Так говорилось еще в «Коммунистическом манифесте» (1847): «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоречиями придет ассоциация, в которой свободное развитие каждого явится условием свободного развития всех».

3. Таким образом, из источников, расположенных далеко друг от друга, брали свое начало реки, из которых в конечном счете возникло мощное течение веры в неизбежность развития: позитивизм, натурализм, романтика, *гегелевская* метафизика. К этому необходимо добавить и другие истоки, о которых вспоминают реже: например, идея *laissez-faire*, согласно которой естественный порядок в конце концов прокладывает себе путь в логике истории без сознательного участия людей в этом. Но в качестве самого могучего течения проявил себя натуралистический позитивизм, *в силу чего полемика с ним имеет особенно важное значение*.

Правда, за одно столетие своего господства он изменил свой характер. Конечно, многие верят в неизбежность развития, однако лишь часть из них продолжает верить в прогресс. Чаше мы встречаем людей, которые хотя и считают необходимым развитие в направлении к централизованно управляемой экономике, несвободе и превращению в безликую массу, но все же относятся к нему скептически.

ски или по меньшей мере сдержанно. Другие же вновь с ужасом воспринимают приближение этого будущего, этого заката Западной Европы. Но они не сопротивляются, поскольку ход процесса является неизбежным. Так вера в неизбежность развития стала существенной силой исторического процесса XX в.

Подобно всем идеям и эта идея в ходе своего распространения превратилась в инструмент, служащий другим целям. Она оказалась пригодной для оказания поддержки притязаний политических властных группировок на руководящую роль. Победа неизбежно придет — так говорили и говорят массам. Ухудшение положения, страдания, преступления и неудачи, за которые должен нести ответственность руководящий слой, оправдываются ссылкой на то, что они необходимы в неизбежном историческом процессе. В этом отношении эта идея является полезной опорой всякой безнравственности. Однако в политико-экономической борьбе этим тезисом пользовались функционеры не только централизованно управляемой экономики, но и частных властных структур, например картелей, профсоюзов, концернов. Если, как утверждалось, развитие неизбежно приводит к монополизации и к централизованному регулированию, присущему централизованно управляемой экономике, то тогда оно оправданно. Разумеется, в таком случае вряд ли оправданно вести страстную политико-экономическую или политическую борьбу. Было бы последовательнее ожидать неизбежного исхода исторического процесса и реализации экономической политики. Однако научная полемика должна делать предметом обсуждения не популярный тезис и злоупотребления какой-либо идеей, а только ее научную формулировку. Поэтому оставим в стороне данный аспект проблемы и сосредоточим внимание на сути дела как такового.

4. Под вопросом оказывается основа экономической политики. Если протекание экономического процесса действительно неизбежно, если современная индустриализированная экономика действительно развивается в направлении к централизованно управляемому хозяйству, то тогда экономическая политика всех стран является всего лишь исполнительницей исторической судьбы: без свободы. В этом случае научное мышление должно быть ориентировано лишь на вопрос о том, как выглядит это неизбежное развитие и как можно облегчить его поступательное движение. В своем предисловии к «Капиталу» Маркс в высшей степени последовательно говорит: «Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно

может сократить и смягчить муки родов»¹. Собака, лающая на луну, может думать, что это ее лай прогнал луну, когда какое-то время спустя она закатится. Нам известна природная закономерность, и мы смеемся над собакой. Точно так же следовало бы посмеяться над идеологом экономической политики, который возомнил, что он в состоянии повлиять на исторический процесс, если последний действительно неизбежен.

Но если нет никакой неизбежности политико-экономического развития, то тогда мы располагали бы свободой так формировать экономическую политику, чтобы она отвечала потребностям людей и сути дела.

Между тем под вопросом находится не только основа экономической политики, но и свобода человека вообще. Ибо в тезисе о неизбежности развития заключено в самом общем виде отрицание свободы. В этом отношении к проблеме могут относиться недостаточно серьезно. В сенсимонистской доктрине, например, — при ближайшем рассмотрении — отдельно взятый человек несвободен в двояком смысле. Он является всего-навсего несамостоятельной частичкой коллективной общности человечества. Это первая сторона несвободы. Эта коллективная общность также подчиняется неизбежному процессу развития. Это вторая несвобода. Отдельно взятый человек подобен листу на дереве: несамостоятельная часть организма, который самостоятельно вырастает и погибает в силу естественной необходимости. *Маркс* пытается смягчить этот вывод тем, что говорит о «скачке из царства необходимости в царство свободы», которое возникнет позднее, после установления диктатуры пролетариата. Для каждого верящего в неизбежность исторического процесса, а в это верил и сам *Маркс*, данный скачок представляет собой чудо. Закономерность исторического процесса в таком случае оказывается нарушенной. Наступила бы эра свободы. Но как бы то ни было, в истории нашего времени закономерная необходимость и отсутствие свободы имеют силу и для *Маркса*.

На протяжении XVII и XVIII вв. после крупных естественнонаучных открытий мыслителей того времени волновал вопрос: каким образом возможна свобода человека, если существует закономерный механизм природы, частью которого является сам человек? Эта антиномия также являлась одной из существенных задач кантианской философии. В XIX и XX вв. наряду с идеей неизбежности естественного процесса господствующее место в умах людей занимала также идея неизбежности исторического процесса. Правда, сама проблема была сформулирована отнюдь не в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 10.

XIX в. Ее выдвинули намного раньше, и сделали это прежде всего древние греки. Может ли в необходимости исторической судьбы существовать спонтанность, свобода, ответственность, а также вина? 9 марта 1802 г. *Гёте* под впечатлением чтения книги *Сулави* о временах правления Людовика XVI писал *Шиллеру*: «В целом это — наводящее ужас зрелище ручьев и потоков, которые с естественной необходимостью низвергаются со многих гор, протекают по множеству долин и сливаются друг с другом, в конечном счете вызывают выход крупной реки из своих берегов и порождают наводнение, в котором погибает тот, кто предвидел его, как и тот, кто не предчувствовал этого. В этом чудовищном эмпиризме не видно ничего, кроме природы, и ничего из того, что мы, философы, так хотели бы назвать свободой»¹.

И даже если вопрос был поставлен намного раньше, тем не менее характерным для XIX и XX вв. стал своеобразный способ ответа на него. Определенное представление о неизбежности развития превратилось в догмат веры современного человека.

В качестве общей проблемы этот важный вопрос является делом философов, моралистов и поэтов. Нас же интересует лишь экономическая политика, которая, впрочем, представляет собой существенную часть истории человечества.

II. Противоречия

1. Для того чтобы сформулировать гипотезу о неизбежности политико-экономического развития в натуралистическо-позитивистской форме, необходим весьма необычный логический прием. Определенные общие понятия трансформируются в конкретные вещи или личности. Так, «человечество» или «общество» превращаются *Сен-Симоном* и *Контом* в действующее существо. Для *Маркса* «капиталистический способ производства» является носителем исторического процесса Нового времени, который «с необходимостью естественного процесса производит свое собственное отрицание». Последующее поколение видит в «капитализме» существо, которое делает все. К примеру, *Шумпетер* говорит о том, чего капитализм добился в политике, праве, искусстве и какие хозяйственные задачи он решает здесь или там. Или же «экономика» принималась за актера, который что-то требует и действует. С логической точки зрения мы здесь постоянно сталкиваемся с гипо-

¹ «Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe in den Jahren 1794—1805», 1914, hrsg. von H. A. B o r c h e r d t, 2. Bd., S. 424.

стазированием¹. Какое-либо свойство или абстракцию делают самостоятельной сущностью или личностью, которая действует, растет, стареет, умирает.

Такая логически недопустимая операция как раз и характерна для позитивизма. От Конта и Сен-Симона до Зомбарта и Шумпетера позитивисты надеются, руководствуясь своими программными установками, описать факты и натолкнуться в них на законы развития. Они не замечают того, что впадают в гипостазирование, хотя критика неоднократно высказывалась по этому поводу. Они описывают не факты, а самосконструированное существо, некий мифический образ. Это — процесс, чреватый последствиями, поскольку здесь позитивистское мышление, крупное научное течение, соприкасается с мышлением масс, правда в значительно упрощенном виде. Для масс индустриализированного мира и для политических идеологов конкретная реальность исчезает из поля зрения, и такие мифические гиганты, как капитализм, империализм, реакция, марксизм и т.д., заполняют своими деяниями течение времени. Повсюду — гипостазирование, аллегорическое мышление, персонафикация всех исторических сил.

Как известно, миф — это философия человечества, находящегося в детском возрасте; метафизика проявляла большую осторожность, когда она оперировала такими понятиями, как *natura naturans*², субстанция или мировой разум. Позитивизм в своих описаниях не преодолевает метафизику тем, что описывает факты, а, напротив, возвращается к отображению мифических величин и их развития. «Человечество», «капитализм» или «капиталистический способ производства» рассматриваются и описываются в качестве демиурга, фабричного мастера, творца истории и тем самым экономической политики или в качестве их создателя. Говоря языком духовной истории, это — секуляризованный гнозис. Он ориентирован «позитивно» не на факты, а на эти мифические образы, которым приписывается свойство быть причиной возникновения отдельных фактов, изображаемых зачастую весьма проникательно. Это, если хотите, примитивная метафизика. Данное обстоятельство доказал, между прочим, еще Дильтей в 1883 г., что, однако, не мешает нынешним пророкам неизбежности развития представлять свой

¹ Гипостазировать — приписывать отвлеченным понятиям самостоятельное существование, рассматривать общие свойства, отношения и качества (например, мышление, волю) как самостоятельно существующие объекты. Характерно для идеалистической философии. — *Прим. ред.*

² Творящая, созидаящая природа (лат.). Выражение встречается в трактате Б. С п и н о з ы «Этика», I, 29. — *Прим. ред.*

основной тезис в качестве позитивного и, следовательно, реалистического.

2. Тем самым затрагивается еще одна логическая ошибка. Изображается «процесс», в котором развивается подобная сущность, то есть гипостазированное понятие. Ставя исторический процесс в центр внимания и превращая его в творца исторической действительности, позитивизм изначально заставляет исчезать отдельно взятого человека.

Такое позитивистское рассмотрение в последующем приводит к тому, что решения людей по отношению к данному процессу являются несвободными. Но то, что здесь доказано, предполагается с самого начала. Перед нами *petitio principii*¹. Картина исторического процесса дается произвольно. В дальнейшем отдельно взятого человека больше не обнаруживается, поскольку раньше его вывели за рамки этой картины. Так привыкают к тому, чтобы в истории понимать только общий процесс становления.

Метод прост: отдельно взятого действующего человека вначале растворяют в коллективной общности, как-то: «капитализм», «общество» и т.д., *затем* ведется поиск закона развития этой сущности и, если даже его не находят, в качестве результата провозглашается, что свобода человека якобы не существует в силу неизбежности исторического процесса. Из урны извлекается как раз *то*, что предварительно было положено туда. Это довольно примитивная игра.

3. Гегель не пытался предвидеть развитие. Позитивисты, которые рассчитывали обнаружить в описаниях фактов закон развития, были и являются более смелыми. Начиная с Конта, сенсимонистов, Маркса и кончая нынешними учениками последнего, предпринимаются попытки по сегодняшнему развитию предугадать будущее. Правда, осмотрительность, которую они вызывают, проявляется в различной степени. Сенсимонисты, говорившие о промышленных банках как о зародышевых формах последующего централизованного регулирования экономического процесса, были намного осторожнее Маркса, чей «скачок» в царство свободы, к бесклассовому обществу остается необоснованным.

Однако везде выявляется следующая цепочка выводов: в предшествующей истории открыт закон развития. Поскольку он, подобно законам природы, будет иметь силу и в будущем, постольку возможен определенный научный прогноз. Благодаря научно обоснованным прогнозам учения о закономерности развития при-

¹ Ошибка в доказательстве, состоящая в допущении недоказанной предпосылки (лат.).

обретают свою ударную силу. Так, и только так, они превращались в секуляризированные учения о спасении человечества. В ходе подобного рода доказательств в качестве исходных посылок используются законы развития, которые считаются выявленными в предшествующем историческом периоде, и выдвигается тезис о том, что они станут действовать также и в будущем. Выводом является прогноз.

На самом деле мы не знаем законов, по которым развивался исторический процесс. Нам следовало бы отказаться от того, чтобы «безоговорочно считать нашу историческую перспективу зависящей от воли мировой истории». Ибо «наши представления» являются «в большинстве случаев... простыми отражениями нас самих» (К.Й. Буркхардт). Но даже если было бы доказано существование такой закономерности развития и если бы мы обнаружили следы законов, которые господствовали над прошлым, то и тогда мы не знали бы, можем ли мы рассчитывать на то, что они станут действовать в будущем. В истории нередко происходят такие неожиданные повороты, которые не в состоянии предсказать никакой человеческий дух. Ученые-историки могут распознать существенные тенденции времени и предупреждать об опасностях будущего. Но это вовсе не означает создавать прогнозы, исходя из так называемых законов развития.

То, что логическое обоснование прогнозов довольно слабо, подтверждается опытом. Примерно в 1830 г. сенсимонисты считали, что теперь согласно неизменному закону развития наступит новая, органичная эпоха централизованного планирования. Более того, первый шаг в этом направлении уже сделан. В действительности же последовали многие десятилетия либеральной экономической политики, свободы занятия промыслом, свободы передвижения и повсеместного проживания и свободной торговли. Но когда около 1870 г. немецкие сторонники теории свободной торговли вместе со своим лидером *Принс-Смитом* полагали, что история доказывает: будущее в силу безусловной необходимости принадлежит свободной торговле и свободе занятия промыслом, — то они также заблуждались. Вскоре после этого наступила эра интервенционизма, и прогнозы *Маркса* как раз в своих существенных моментах тоже оказались неверными. Обнищания масс, наступление которого он предсказывал, так и не произошло. Напротив, в период индустриализации реальные доходы широких слоев населения увеличивались в большей степени, чем когда-либо прежде. Процесс концентрации также протекал иначе, чем представлял себе *Маркс*. Об этом речь уже шла. Даже там, где коллективная собственность на средства производства вытеснила частную собственность, как это произошло в России, все свершилось не по Марксову закону развития, то есть после полного рас-

цвета «капиталистического способа производства» и в результате ответного удара промышленного пролетариата, а в аграрной стране, в которой развитие промышленности еще только начиналось, по другим политическим причинам и с тем эффектом, что процесс индустриализации был форсирован.

III. Основные формы мышления категориями экономической политики

В общем и целом современное учение о неизбежности развития логически обосновано не столь серьезно, как думают позитивисты и сторонники *Маркса*. Их аргументация трижды вступает в конфликт с законами логического мышления и логических выводов. Основная концепция как таковая полностью утратила свою силу. Обратимся теперь к самому содержанию учения и сопоставим его с фактами.

1. Экономическая и общественная действительность, согласно этой точке зрения, состоит только из тех вещей или действий, которые можно наблюдать извне. Подобно тому как я наблюдаю извне камень, растение, воду, я наблюдаю и исторические факты, общество и экономику. Подобно тому как в природе все факты взаимосвязаны между собой в силу действия законов, общественные факты переплетаются друг с другом в силу закона развития. Лишь отношение фактов с их закономерностью может стать предметом науки, будь то естественная наука, социология или экономическая наука. (Примечательно, что *Парето*, например, в целях последовательной реализации позитивизма в своей теории обмена стремится «описывать» акты обмена извне и не исходить при этом, скажем, из планов или оценок участников обмена.) Последовательный позитивизм, представленный нам со времен *Конта* в бесчисленных вариантах, усматривает, таким образом, в обществе бесконечное разнообразие внешних фактов, которые объединяются в единую общность законом развития. Еще *Сен-Симон* утверждал, что закон развития соответствует закону тяготения. В таком восприятии истории с самого начала не остается места личности, личной свободе, убеждениям, идеям. Предпринимается попытка «вывести императив для общества из законов взаимосвязей природы» (*Дильтей*). Ошибочно думать о падающем камне, что тот обладает свободой и движется по собственной воле. Равным образом ошибочно для позитивистского подхода к проблеме искать свободу за действиями и организациями людей. Мы видим, например, фактический процесс концентрации банков и промышленных предприятий и описываем его как часть всеобщего закона

развития точно так же, как падение камня описываем законами механики. Мы видим, что человечество организуется и что организованное общество движется вперед согласно закону развития. Это нам следует описывать. Если можно заранее рассчитать падение камня, то также можно рассчитать и дальнейшее развитие общества, которое неизбежно вытекает из фактов. «Факты таят в себе будущее».

2. Один рецензент, с которым *Маркс* весьма тепло соглашается в предисловии ко второму изданию «Капитала» и слова которого он там подробно излагает, так кратко отображает точку зрения *Маркса*: «Следовательно, *Маркс* стремится лишь к одному: путем точного научного исследования доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и максимально безукоризненно констатировать факты, которые служат ему отправными точками и точками опоры. Для этого совершенно достаточно, если он с необходимостью существующего порядка одновременно докажет необходимость другого порядка, в который неизбежно должен перейти первый независимо от того, верят в это люди или нет, осознают ли они это или нет. *Маркс* рассматривает развитие общества как естественно-исторический процесс, регулируемый законами, которые не только не зависят от воли, сознания или намерения людей, но скорее, напротив, определяют их волю, сознание и намерения». Затем, характеризуя критику *Маркса*, он говорит: «Это означает, что не идея, а только внешнее явление может служить ей исходной точкой». Ученики *Маркса*, а также многие последователи *Конта* и сенсимонистов ничего существенного к этому не добавили, и вновь проявился удивительный феномен: при исключительно высокой скорости фактического развития мысли об этом развитии окостеневали.

3. Все эти социал-теоретики впали в очевидное противоречие с историческим опытом. Это демонстрирует уже само развитие экономической политики. Мнения людей, их духовная позиция являются для ориентации экономической политики во много раз важнее, чем сами экономические факты. «Это базировалось на том обстоятельстве, которое приходится каждый раз подчеркивать заново, а именно что экономическая политика определяется не столько действительностью, сколько скорее представлениями об этой действительности в головах людей»¹, — говорит *Хекшер* о средневековой и меркантилистской экономической политике. Если в эпоху меркан-

¹ E. F. H e c k s c h e r. «Der Merkantilismus», deutsche Übersetzung von G. Mackenroth, 1932, 2. Bd., S. 47.

тилизма экономическая политика была ориентирована преимущественно на защиту производственного аппарата и в меньшей степени на снабжение населения, если она была прямо-таки одержима «страхом перед товарами», если она стремилась вытолкнуть возможно больше товаров из страны и допустить как можно меньше товаров в страну, если она по возможности не допускала роста заработной платы, то ко всему этому ее побуждала отнюдь не экономическая реальность XVII и XVIII вв. Необходимо знать тогдашние взгляды людей на государство, политику и экономическую действительность, чтобы понять эту своеобразную экономическую политику, которая оказывала столь большое влияние на само фактическое развитие.

Сказанное сохраняет силу и для эпохи индустриализации. Идея национализма наряду с идеей равенства и идеей безопасности имела решающее значение для определения экономической политики в XIX и XX вв. Эти идеи или фундаментальные представления превращаются в «основные формы мышления категориями экономической политики» и в решающей степени определяют политико-экономические действия. К примеру, то, что перевод промышленности или банков в общую собственность имеет «социальный» характер, есть представление, превратившееся в основную форму мышления категориями экономического порядка. Такой же является и точка зрения на то, что капитализм неизбежно развивается и подобно небесному телу движется по определенной орбите.

4. Когда *Ленин* в 1917 г. писал свою работу «Государство и революция», он не имел ни малейшего представления о проблеме хозяйственного расчета и о трудностях централизованного регулирования экономического процесса в современном народном хозяйстве. Его цель — «организовать все народное хозяйство по образцу почты». Однако, когда революция стала реальностью, сами факты натолкнули его на главный вопрос экономики, и теперь в работе «Очередные задачи Советской власти» (1919) он призывал обращаться к «общественному учету» и назвал «учет и контроль» «центральной проблемой социалистической революции». Но для этого не было ничего подготовлено с идейной стороны.

Ничего удивительного здесь нет. Для того, кто вместе с *Марксом* верит в неизбежность исторического развития, хозяйственный расчет в централизованно управляемой экономике не представляет собой проблемы, которую следовало бы предварительно мысленно решить. Неизбежный исторический процесс сам решит вопрос, именно так должен был думать *Маркс*. Не следовало бы заниматься деталями будущего, иначе можно стать утопистом. Если человеческий разум действительно бессилен, если он в состоя-

нии просто констатировать неизбежность процесса, но не может влиять на него, тогда и вправду подобные подготовительные рассуждения ничего не стоят. С одной верой и без строительного плана приступили к возведению дома. *Идея* неизбежности развития была, следовательно, причиной того *факта*, что эксперимент с централизованно управляемой экономикой был предпринят без всякой подготовки.

Отрицание столь большого влияния идей напоминает нам о словах *Й.Х. Мерка*: «У нас так же мало думают о влиянии интеллектуалов, как крестьянин задумывается о наличии воздуха, когда нет ветра».

5. Эта философия исторической неизбежности, как ее понимали *Маркс* и его ученики и которая сегодня, несмотря на всю научную критику, овладевает массами, сама запутывается во множестве противоречий. В ней должен быть прямо выражен опыт, однако некую мифическую фигуру превращают в демиурга. Выводы делаются из недоказанных положений. Их анализ должен обрести четкость, присущую естественным наукам. Но, как раз подражая определенным естественным наукам, прежде всего физике, не замечают решающие факты истории, а именно воздействие человеческого мышления на историческое становление. Если с самого начала отдельно взятых людей рассматривают лишь как марионеток, а в целом общество или же капитализм как субстанцию, если *a priori* идея закона природы применяется по отношению к истории в форме закона развития, если *a priori* исключается свобода отдельно взятого человека в силу того, что в истории видят лишь взаимосвязь внешних фактов, а планы, стремления, намерения и масштабы человека игнорируются, короче говоря, когда мысли и желания человека не принимаются во внимание, тогда *должно* прийти к идее неизбежности развития, тогда *должно* отрицать свободу в истории. Доказательства тому не приводятся. Здесь также обнаруживается то, что предварительно заложенные (в теорию) идеи раскрываются в ходе последующего изложения.

Не случайно вера в централизованное управление и вера в неизбежность процесса развития возникают вместе. Когда *Сен-Симон*, *Конт* и сенсимонисты объявляли человечество коллективной сущностью или коллективным организмом, то тем самым закладывалась решающая предпосылка для вывода о том, что этот организм развивается по тем же законам природы, что и организм животного или растение. И наоборот, вера в централизованно управляемую экономику решительным образом подкрепила веру в то, что история человечества является неизбежным процессом развития коллектива. Вера в неизбежность развития и мышление категориями коллектива составляют единое целое.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ. ВЫВОД ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Одной критики мифа об историческом механизме еще недостаточно. Остается открытым вопрос: в какой мере в истории господствует необходимость и в какой мере возможна самостоятельная экономическая политика? Какой свободой располагает экономическая политика по отношению к историческим силам?

Нельзя отвечать на данный вопрос, противопоставляя мифу о неизбежности политико-экономического развития другой миф, скажем тезис о том, что экономическая политика является совершенно свободной, что она может делать и позволять все, что захочет.

Здесь также необходим решительный поворот к реальности. Ответ на этот вопрос может быть получен только путем анализа исторических фактов. Необходимо исследовать конкретно отдельный исторический момент, отдельно взятый акт экономической политики. Рассмотрение таких исторических отрезков дает ответ на принципиальный вопрос о неизбежности и свободе.

I. Вопрос

Несколько примеров. Мировой экономический кризис 1929 — 1932 гг. почти во всех странах подвел к политике стимулирования капитальных вложений, а в Германии — к организации работ для безработных, к обеспечению ликвидности банков путем гарантированного государством вексельного оборота, к проведению в жизнь политики фиксирования валютных курсов, а позднее к установлению валютного контроля. Была ли эта политика вынужденной? Если да, то в какой степени? Или она была свободной?

После замораживания цен в 1936 г. в Германии развивалась подавленная инфляция. На многих рынках спрос и предложение больше не находились в состоянии равновесия; случай решал, кто получает чугун, кожу, текстильные изделия по твердым ценам, а кто нет. В таких обстоятельствах экономическая политика была вынуждена централизованно распределять такие важные товары, как сталь или цемент, осуществлять проверку неотложности спроса, и в результате она все больше и больше скатывалась к централизованно управляемому хозяйству. Правда, многие рынки оставались свободными. Было ли вынужденным такое развитие?

Приведем еще один пример. На немецком валютном рынке, где при фиксированных ценах обменный курс марки был слишком высок, объемы предложения и спроса расходились, что при-

вело начиная с 1934 г. к централизованному распределению валюты. Тогда это был процесс, который как раз и определял дальнейшую судьбу экономической политики Германии. И вот теперь встал серьезный вопрос, постоянно возникающий в подобных ситуациях: при завышенном курсе марки экспорт относительно сокращается. Импорт хотя и дешев, но его объем незначителен, поскольку только небольшая часть валюты, получаемой от экспорта, предоставляется для импорта. Следовательно, внешнеторговый оборот имеет тенденцию к уменьшению. Какова же реакция экономической политики? В то время Германия избрала путь увеличить вывоз, а тем самым и ввоз, используя метод так называемого дополнительного экспорта, то есть путем использования экспортных дотаций. Таким образом, была предпринята попытка как можно полнее заменить создающий препятствия механизм обменного курса валют и товарных цен. Была ли необходима эта экономическая политика? Или же хозяйственные политики Германии могли бы тогда действовать так же, как поступали в 1947—1948 гг. англосаксонские оккупационные власти, которые при завышенном курсе марки приводили импорт в соответствие с ограниченным экспортом, то есть не пытались создавать полной замены механизму обменного курса валют?

Еще один пример, имеющий отношение к рынкам рабочей силы. Если на них возникают двусторонние частичные или полные монополии, если профсоюзы и объединения работодателей противостоят друг другу, то стабильное равновесие не образуется. Возникает опасность забастовок и локаутов. При таких формах рынка государство часто создавало третейские суды, наделяло их особыми полномочиями и объявляло, что их решения носят обязательный характер. Так было, например, в Германии после 1919 г. Тем самым конституция трудовых отношений изменялась в направлении регулирования, характерного для централизованно управляемой экономики. Было ли неизбежным это развитие? Должны ли были неравновесные рынки рабочей силы с присущей им монополистической борьбой превратиться в рынки, находящиеся под контролем государства?

II. Ответ

1. Во всех этих и в бесчисленном множестве других случаев реальная ситуация действительно прямо провоцировала акты экономической политики. Тот, кто участвовал, например, в осуществлении германской экономической политики в период между 1929 и 1933 гг., довольно сильно ощущал это. Именно тяжелый кризис вынуждал государство принимать меры экономической политики

по оживлению инвестиционного процесса. Подобное происходило и в других случаях. Если бы после замораживания цен в 1936 г. не происходило централизованного распределения стали, то при совершенно случайном распределении этого продукта в обрабатывающей промышленности и во всем экономическом процессе должны были бы возникнуть серьезные перебои. *Rebus sic stantibus*¹ следовало согласиться с централизованным распределением стали. Равным образом пришлось одобрить валютные ограничения 1934 г. и клиринговые соглашения после того, как стали поддерживаться твердые валютные курсы, далекие от так называемых паритетов покупательной силы валют. Попытки государственных ведомств с помощью третейских судов придать неравновесным рынкам рабочей силы по меньшей мере определенную стабильность также становились понятными в свете вышесказанного. Тот, кто занимается непосредственно экономической политикой, день за днем испытывает на себе то, насколько сильным является давление соответствующей ситуации, вынуждающее двигаться в определенном направлении. Создается впечатление, что этот повседневный опыт каждого, кто с чувством ответственности проводит экономическую политику в жизнь, эмпирически подтверждает веру в неизбежность развития. Где же здесь место для свободы? Иначе говоря: где место для возможности формировать экономические события и не подчиняться диктату исторического процесса?

2. Для ответа на этот вопрос особое значение имеют два факта, с которыми сталкивается мыслящий человек, в том числе и при осуществлении экономической политики на практике.

а) В период между 1929 и 1932 гг. в условиях растущей безработицы, увеличивающейся неликвидности банков, стагнирующей инвестиционной деятельности государство как раз было вынуждено что-то предпринимать. Как оно это делало, правда, не устанавливалось. Оно могло бы девальвировать марку, например в сентябре 1931 г., когда аналогичную акцию провела Англия. Из этого могли бы проистекать далеко идущие последствия для общего развития последующих десятилетий, речь о которых еще впереди.

В случае подавленной инфляции, последовавшей за замораживанием цен в 1935 г., дело обстоит примерно так же. Правда, не совсем. Фиксирование цен, которое вместе с кредитной экспансией на многих рынках далеко отодвинуло друг от друга показатели объемов предложения и спроса, сделало неотложными государственные меры регулирования по наиболее важным видам

¹ При неизменном положении вещей (лат.).

сырья и материалов. Однако при этом выявились различные формы рационирования, между которыми можно было осуществлять выбор. На других товарных рынках, скажем на рынке текстильных товаров, вообще было весьма сомнительно, стоит ли осуществлять рационирование, и если да, то когда. «Тенденция» к рационированию и централизованному регулированию, присущим централизованно управляемой экономике, была порождена экономической политикой замораживания цен и кредитной экспансии причем на рынках особо важных средств производства с большей а на остальных рынках — с меньшей силой. Но везде оставался открытым вопрос, каким образом должна проявляться эта «тенденция».

Дадим более обобщенную формулировку. Хотя не существует неизбежности того, что из данной формы экономического порядка вырастает какая-то иная форма, посылка для этого тем не менее имеется. К примеру, неуравновешенность рынков рабочей силы в условиях двусторонней монополии требует посредничества государства, из чего может вытекать возможность установления государственного контроля за формированием заработной платы и централизованного регулирования рабочей силы. Это развитие не поддается расчету. Существуют различные степени вероятности этого развития, но отнюдь не необходимости.

«Тенденция» отличается от «неизбежности» двояким образом. Всегда существует возможность того, что в качестве вероятного избирается другое направление. За фиксированием валютного курса на слишком высоком уровне не обязательно должны следовать, скажем, попытки форсировать экспорт с помощью премий или мер принуждения. Таких попыток может и не быть. И во-вторых, какой путь выбирается при намеченном направлении, окончательно не определяется. Примером служат методы денежной реформы в Германии в 1948 г.

Понятие «тенденция» имеет, следовательно, определенное содержание. Важно различие между «тенденцией» и «необходимостью», с которой повседневный экономический процесс протекает в рамках определенного венца данных¹. Например, на рынке текстильных товаров с полной конкуренцией неизбежно осуществляется определенное снабжение этими товарами по определенным ценам, поскольку заданы определенные параметры. Или неизбежным является определенное влияние на экономический процесс посредством увеличения денежной массы, протекающего в рамках некоей системы данных. Таким образом, в рамках подобного со-

¹ См.: W. E u c k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 1950, 6. Aufl., S. 128 ff., 156 ff., 173.

отношения условий господствует необходимость, которая раскрывается посылками экономической теории. Но то, что одни порядки трансформируются в другие, не происходит в силу неизбежности, а носит лишь вероятностный характер, и можно ожидать, что это станет происходить только в определенном направлении. Существуют экономические порядки или частичные порядки, которые нестабильны и имеют тенденцию превращаться в другие, зачастую нежелательные порядки. То, что, например, рыночное хозяйство, в котором наблюдается подавленная инфляция, постепенно превращается в порядок, присущий централизованно управляемой экономике, вполне вероятно, и опыт XX в. подтверждает такую вероятность. Другие порядки стабильны и не проявляют тенденции к трансформированию.

«Тенденция» не исключает свободы принятия решений, но ограничивает ее. Однако тот факт, что определенные формы экономического порядка порождают определенные, научно познаваемые тенденции их перехода в другие формы экономического порядка, имеет исключительно важное значение.

б) О другом в высшей степени важном обстоятельстве, заслуживающем того, чтобы стать основным предметом размышлений, мы уже упоминали. Тот, кто, к примеру, участвовал в проведении экономической политики Германии в период между 1929 и 1932 гг., на собственном опыте познал, что, хотя бедственное положение просто провоцировало принятие определенных государственных мер по оживлению инвестиционной деятельности, эта экономическая политика обуславливалась, однако, определенным соотношением условий, которое отнюдь не было неизменным. Быстрое и прямо-таки роковое уменьшение эффективной денежной массы вытекало из такого денежного обеспечения, которое зависело от предоставления кредитов, то есть обуславливалось господствующим положением третьей денежной системы. Между тем этот банковский аппарат и аппарат снабжения деньгами могут изменяться. Точно так же и к монополистически установленным ценам на многие средства производства, к прочим картельным видам цен и заработной платы, короче говоря, к определенным формам рынка нельзя безоговорочно относиться как к неизменным. «Тенденция» к обеспечению государством общественных работ для безработных и к кредитной экспансии была порождена, таким образом, соотношением условий, которое могло быть изменено. Тем самым виновником в определенной степени была сама «тенденция».

Приведем еще один пример. В 1946—1947 гг. в западных зонах Германии дискутировался вопрос о том, как можно было бы активизировать межзональную торговлю. В тогдашних условиях

подавленной инфляции и преимущественно централизованного регулирования экономики в отдельных землях Германии возможности для этого были крайне ограниченными. В сущности, скромного улучшения межзонального товарообмена можно было достичь только путем совершенствования компенсационных сделок, осуществляемых министерствами экономики земель, если, конечно, не имели места сделки на черном рынке. Межзональная торговая политика развивалась в определенном направлении, поскольку она была вынужденно ограничена, и она была таковой в силу отмечавшегося соотношения условий или существования определенного экономического порядка. После денежной реформы и после того, как в 1948 г. в значительной степени были ликвидированы замораживание цен и рационирование, появился новый комплекс условий, порождавший совершенно иные возможности межзональной торговли.

После того как произошел выход социальных властных группировок на рынки рабочей силы, факты начинают побуждать к тому, чтобы преодолеть состояние утраченного равновесия при помощи государственного вмешательства. Но разве не было возможности ограничить образование монополистических групп или допустить его лишь в определенных рамках?

3. Анализ конкретных политико-экономических обстоятельств и их возникновения или опыт личного участия в современной экономической политике вскрывает истину, имеющую всеобщее значение. История, а следовательно, и экономическая политика состоит из поступков людей. Ее нельзя воспринимать односторонне в качестве «процесса», как это обычно принято делать. При создании форм экономического порядка существует возможность свободы.

III. Задачи экономической политики

1. Утверждение, что политика *laissez-faire* порождает тенденцию к появлению методов централизованно управляемой экономики, не является ошибочным, если его интерпретировать иначе, чем это принято. Поскольку экономическая политика позволяла буйно разрастаться монополистическим и олигополистическим формам рынка и активно способствовала этому, иными словами, поскольку функционирование механизма регулирования отчасти сдерживалось, а отчасти он становился непригодным из-за чрезмерной неустойчивости и, кроме того, поскольку неравновесные денежные порядки вызывали инфляцию и дефляцию, то обретала силу тенденция к централизованно управляемой экономике. По

крайней мере в этом кроется важная причина возникновения данной тенденции. При отсутствии мышления категориями политики экономического порядка экономическая политика проводилась лишь от тенденции к тенденции. Например, от кризиса 1929—1932 гг. — к кредитной экспансии, от последней в условиях роста цен — к замораживанию цен, отсюда — к методам, присущим централизованно управляемой экономике, пока, наконец, — по меньшей мере в Германии 1948 г. — переход к формам экономического порядка рыночного типа не завершил взаимосвязанные серии этих тенденций.

Итак, не только политика *laissez-faire*, но и политика экспериментов, и прежде всего политика обеспечения полной занятости, способствовали формированию нежелательной тенденции развития в направлении к централизованно управляемой экономике.

Со времен промышленной революции нестабильные экономические порядки трансформировались в новые нестабильные порядки, и у людей создавалось впечатление, что они отданы во власть фатального процесса развития. Так, за политикой *laissez-faire* последовали интервенционизм и эксперименты. Следовательно, экономическая политика прошлого была действительно во многом политикой несвободы. Но несвободной она была потому, что с помощью экономической политики создавались предпосылки, поворачивавшие последующую экономическую политику в определенном направлении.

Создавать соотношения условий или экономические порядки, которые не приводят в действие нежелательные роковые тенденции экономической политики, — это и есть, следовательно, центральная задача экономической политики. Она нечто большее, а именно поистине решающая историческая задача вообще.

2. Однако в итоге вновь возникает основной вопрос: можно ли в действительности изменять соотношения условий и, следовательно, экономические порядки или частичные порядки? Могут ли, например, быть ликвидированы двусторонние частичные монополии на рынках рабочей силы или опасные денежные порядки, порождающие тенденцию развития в направлении к централизованно управляемой экономике? Не превосходит ли мощь «тенденций» в каждом случае волю избежать тенденции к развитию в направлении к нежелательному экономическому порядку путем преобразования существующего порядка?

На самом деле зачастую бывает трудно избежать той или иной тенденции и преобразовать существующий недостаточный порядок в порядок, способный функционировать. Существующий экономический порядок, характерный для централизованно управляемого хозяйства, будь то в Англии, Франции или Германии, нельзя пре-

вернуть в порядок рыночного типа, пока не будет устранена подавленная инфляция. В этом отношении свободы не существует. Но разве нет возможности устранить подавленную инфляцию и тем самым дать импульс политике, которая упраздняет рacionamento и централизованное планирование? Не дана ли здесь тем не менее определенная свобода вопреки всей мощи исторического процесса, а именно в результате изменения условий, из которых возникает тенденция развития в нежелательном направлении?

На этот вопрос следует ответить двояко. Во-первых, тенденция указывает лишь направление развития; в частности же остается свобода. Об этом уже говорилось. Пример Германии в период мирового экономического кризиса показал, что, сколь бы ни было необходимо проведение политики организации общественных работ для безработных, политика удержания твердого обменного курса отнюдь не была неизбежной и что сохранение свободного курса при обесценении марки в последующие годы привело бы к другому соотношению условий. Тенденция не диктует определенных актов экономической политики, а подталкивает их в каком-то определенном направлении. Уже поэтому экономическая политика в ограниченных рамках может преследовать все же отдельные цели политики порядков и формировать комплекс условий на длительную перспективу, например с помощью денежной реформы положить конец тенденции развития в направлении к регулированию, присущему централизованно управляемой экономике.

И во-вторых: как свидетельствует опыт, в истории имеются «моменты кризиса», которые на годы вперед задают направление в экономической политике, но не только для нее одной. Так было в Пруссии между 1807 и 1811 гг., в Германии между 1879 и 1933 гг., в России между 1917 и 1928 гг., а также в Англии в 1931—1932 гг. Расстановка политических сил позволяет принять принципиальное решение, которое кладет начало целой цепочке последующих политико-экономических решений и тенденций. Нередко такие принципиальные повороты обуславливались тем бедственным положением, в рамках которого прежние политико-экономические концепции узкого круга лиц обретают решающую силу и формируют совокупность условий экономической политики.

Теперь свое объяснение находит также и констатация того факта, насколько сильно политико-экономические воззрения, позиции, общие концепции влияют на реальную экономическую политику, а именно частично в результате того, что они в рамках «тенденций» указывают определенные пути, частично в силу того, что в «моменты кризиса» они приобретают влияние и в существенной мере способствуют формированию нового соотношения условий.

IV. Непосредственные выводы для политико-экономических действий

1. Что касается политико-экономических действий, то из сказанного выше вытекает следующий вывод: каждый акт экономической политики следует тщательно обдумать и взвесить с трех точек зрения.

а) К примеру, возьмем покровительственную пошлину. Мы уже видели, что в условиях экономического порядка с преобладанием конкуренции она в большинстве случаев приводит к сдвигам в снабжении товарами. Кроме того, она может породить тенденцию к образованию монополий в отраслях промышленности, пользующихся защитой, и тем самым положить начало процессу трансформирования экономического порядка. В этом случае покровительственная пошлина прямо и опосредованно воздействует на трансформацию экономического порядка.

б) Другой пример. Политика низких процентов, подобная той, которая проводилась, скажем, в Америке в 50-х годах нашего столетия, не только сделала возможным повышение цен, но одновременно породила тенденцию к установлению контроля над ценами и к централизованному регулированию, присущему централизованно управляемой экономике. При этом большое значение всегда имеют оба момента: прямое воздействие и вызываемая им тенденция. Прямое воздействие — неизбежно, необходимо. Если вводится пошлина на сталь, то она оказывает определенное влияние на уровень цен на сталь, равно как и на все остальные цены, которое в зависимости от реализованных форм рынка и денежных систем различно, но в каждом конкретном случае неизбежно. Второе влияние — это порождение «тенденции», а именно к образованию монополий в черной металлургии.

в) Тем самым вызывается еще одно, третье воздействие: воздействие на другие порядки. Образование монополий, то есть изменение экономического порядка, может стать причиной изменений государственного и правового порядка. Дело в том, что монополии в состоянии приобрести влияние на законодательство, а созданное ими право определения общих условий сделок начинает вытеснять из этой области право, установленное государством. Сказанное относится и к политике низких процентов. Последняя не только прямо и неизбежно влияет на экономический процесс и не только порождает тенденцию к контролю над ценами, а также к использованию методов централизованного регулирования экономического процесса, но в силу централизованного регулирования экономического процесса она опять же провоцирует изменения государственного и правового порядка. Нам хорошо известна эта интердепенденция порядков. Но вот в других

порядках происходят изменения, добиться которых вовсе не намеревались с помощью политики низких процентов: преобладание администрации над другими видами государственной власти, ограничение основных конституционных прав, государственный централизм. Вот некоторые моменты, которые хотелось бы подчеркнуть. Человек наших дней мог бы заявить по этому поводу, что капитализм неизбежно развивается в направлении к социализму и в ходе неизбежного исторического процесса преобразует государство и право. Это — мифически-вульгарное толкование, не имеющее никакой истинной ценности. Хозяйственные политики должны знать, что в подобных случаях они *сами* своей политикой низких процентов привели в движение весь этот процесс.

2. Изменение частичного порядка может стать причиной многочисленных воздействий подобно тому, как из снежного кома возникает снежная лавина. Следует постоянно считаться с подобной градацией, с существованием трех ступеней: с прямым эффектом, с порождением тенденции развития в направлении к другому экономическому порядку и, наконец, с воздействием на другие порядки.

Аграрная политика многих стран после 1926 г. с образованием принудительных синдикатов, пулов, с фиксированием цен не только дала импульс тенденции к централизованному планированию экономического процесса в сельском хозяйстве, но и в большей мере способствовала преобразованию мировой системы международных торговых договоров и тем самым также и международного политического порядка. Существование общих взаимосвязей и взаимозависимостей экономического процесса и порядков позволяет оказывать исключительно сильное воздействие, исходящее из одной точки. Но тот, кто не учитывает эти общие взаимосвязи и взаимозависимости в экономической политике, играет с огнем и может, прибегая на первый взгляд к вполне безобидным мерам, вызвать взрыв, участники происходящего даже не заметят, кто был зачинщиком.

Следовательно, перечисленное выше является основой всех политико-экономических действий при условии, что они должны быть рациональными. Каждый акт, будь то закон о кооперации, закон о фирменных товарах или о национализации эмиссионных банков, следовало бы своевременно рассматривать с точки зрения прямого воздействия его на экономический порядок и экономический процесс, с точки зрения тех тенденций к изменению экономического порядка, которые он может породить, и, наконец, с точки зрения воздействия его на другие порядки. *Это правило является фундаментальным принципом экономической политики.*

Во всяком случае, чтобы экономическая политика была эффективной, она не должна быть постатейной. Интердепенденция политико-экономических актов должна постоянно находиться под нашим пристальным вниманием. Если, например, предпринимается попытка вести борьбу с монополиями, опираясь на антимонопольный закон, то историческая тенденция к концентрации, которая порождается как раз всеми остальными аспектами экономической политики и совокупностью сложившихся условий, создаваемых ею, окажется более действенной, чем сам этот закон. И каким образом отдельные, более свободные торговые договоры должны преодолевать тенденцию к автаркии и билетаризму, пока подавленная инфляция продолжает существовать хотя бы в одной из стран-участниц? Отдельных мер для преодоления этой тенденции будет недостаточно до тех пор, пока не удастся покончить с подавленной инфляцией.

Только та экономическая политика, в рамках которой все акты ориентируются на общее решение, может добиться большей по сравнению с исторической тенденцией степени свободы.

V. Заключение

1. Мыслители прошлого постоянно сталкивались с тем фактом, что человек, добровольно сделав шаг, попадает в сеть, лишаящую его свободы. «Первое — то выбор наш, рабы мы во втором» (*Gēte*). В историческом процессе свобода и необходимость своеобразно переплетаются между собой.

Анализ политико-экономической действительности нашего современного индустриализированного времени подводит к результату, который подтверждает эту древнюю мудрость. Экономическая политика формулирует условия политики порядков, последние формируют тенденции, которые нередко не принимаются в расчет, хотя их можно было бы предвидеть и учесть.

Вера в неизбежность развития базируется на убеждении, что это развитие якобы отвечает требованиям дела; иными словами, индустриальная экономика неминуемо выводит на поверхность такое состояние экономической политики, которое соответствует ей. Но это ошибка. К сказанному приведем еще один пример. Интересы дела все более настойчиво требуют, чтобы международная торговля обрела порядок, внушающий доверие, поскольку расширение масштабов индустриализации подталкивает к дальнейшему углублению разделения труда также и в международной торговле. Однако историческая тенденция проявила себя совершенно по-другому. Возникновение частных властных группировок и проявления национализма различного толка — так было в недавнем прошлом в результате

придания националистического характера проводимой политике полной занятости, например, в Англии, Франции и во многих других странах — не принесли пользы интересам дела, то есть международным торговым отношениям. Напротив, сложилось состояние, которое затрудняло международное разделение труда. Для решения этой проблемы равным образом необходима экономическая политика, которая избавляется от определенных исторических тенденций с тем, чтобы служить интересам дела.

2. Только реалистический подход к рассмотрению исторического момента, дополняемый аналитическим мышлением, дает ответ на принципиальный вопрос о неизбежности и свободе. В этом направлении предпринималась и наша попытка. Пусть же сам читатель проверит сказанное на деле и исследует тот или иной акт экономической политики, свидетелем становления которого ему довелось быть, например закон о союзах ремесленников, о сберегательных кассах, о внешней торговле. Он столкнется с исторической «тенденцией», с процессом ее формирования в рамках определенных сложившихся условий и, возвращаясь во времени назад, с «моментом кризиса», в котором начала складываться целая серия тенденций и соотношений условий.

Сторонники позитивизма заблуждались, веря в то, что можно полностью исчерпать имеющийся опыт. Но тот, кто на деле станет использовать опыт, получит результат, который не подтверждает учения о неизбежности.

3. Правда, реалистический анализ показывает одновременно, какой силой обладают политико-экономические тенденции, однажды приведенные в движение. Отрицание таких тенденций позволило бы получить искаженную картину реального процесса и возможностей принятия свободных решений. Это лишь препятствовало бы решению задачи дать индустриальной экономике порядок, способный функционировать и достойный человека. Тот, кто четко не видит истинной опасности исторических тенденций и не действует с учетом этого, сам лишает себя свободы и в условиях современного индустриального хозяйства отдаст себя в руки исторических сил, которые затем едва ли можно будет обуздать. Еще один пример. Если в стремлении к сословному порядку экономики создаются полуобщественные органы самоуправления, принудительные синдикаты или структуры общего хозяйства, то тем самым возникают властные структуры промышленности, сельского хозяйства и рабочих, которые решающим образом определяют последующую экономическую политику. То, что эти монополистические властные структуры приостанавливают действие механизма регулирования, вынуждает государство принимать новые меры,

которые опять же оказываются под давлением со стороны властных структур, пользующихся государственными привилегиями. Все это можно заранее предвидеть. Следовательно, кто хочет освободить экономическую политику от влияния подобных сил, тот должен своевременно распознать опасность тенденции, которую он может породить. Потом будет слишком поздно. Но на это возражают: а что, собственно, вы хотите делать? Мы не можем действовать по-другому. Ведь имеет место неизбежность. На это можно было бы ответить и да, и нет. Да — потому, что с образованием этих властных структур возникла тенденция к дальнейшему проведению экономической политики. Нет — потому, что не было нужды в создании таких властных структур, и причина тому кроется в самой тенденции.

4. Правовая политика избавляется от допущенной по собственной воле зависимости от якобы неизбежного хода процесса в силу того, что ориентируется на общее решение, связанное с экономическим конституированием, и принимает в расчет взаимозависимости всех политико-правовых мер. Отказ от не дающего ясного представления глобального мышления, которое оперирует такими гипостазированными понятиями, как капитализм, столь же необходимо, как и использование морфологического мышления, а также четкость в понимании того, что в зависимости от формы экономического порядка функция института права меняется и, следовательно, каждый политико-правовой акт в зависимости от доминирующей формы порядка имеет различное значение.

5. Заостряя формулировку, можно сказать, что, если экономическая политика хочет стать свободной, она должна более здраво рассматривать опасность «неизбежности» и действовать, исходя из этого. Древняя мудрость, о которой мы говорили и которая выражает неизбежность судьбы, в плену которой человек оказывается по собственной вине, одновременно учит человека тому, как стать свободным. Свободным будет лишь тот, кто осознает необходимость, в тенета которой он попадает. Сказанное распространяется и на экономическую политику, а именно на каждый из ее актов, будь то закон о производственных советах или таможенный устав. Из них могут вытекать тенденции, которые воздействуют на экономический порядок в целом и на другие порядки и которым будет нелегко противостоять. Иногда речь заходит о демонических силах индустриализированной и технизированной экономики, с которыми едва ли можно справиться. Но эти силы следует обуздать, если условия, в которых они могут развиваться, будут формироваться соответствующим образом. В противном

случае придется спотыкаться о корни дерева, которое сами и посадили.

Особенно сегодня проблема состоит не в том, чтобы приспособиться к мнимо неизбежному процессу развития в направлении к централизованно управляемой экономике. Более того, мы видим, что образование автономных властных структур промышленности, сельского хозяйства и рабочих, а также особо опасная нестабильность денежных порядков способствовали тому, что рациональность экономических процессов все больше и больше уменьшается и что в результате этого наступают депрессии, безработица и малообеспеченность. Тем самым порождаются сильные тенденции к централизованно управляемой экономике. С такого рода тенденциями можно покончить, если удастся изменить условия, которые порождают их.

6. И вот мы подошли к существенному моменту. Человек может быть свободным, если он, опираясь на свой разум, определит, какие последствия вытекают из созданной им самим совокупности условий.

Наше исследование подтвердило тезис *Гельмгольца*: «Впрочем, действительность до сих пор открывалась науке, которая ведет исследования, строго руководствуясь своими законами, намного более рельефно и щедро, чем можно было бы представить себе с величайшим напряжением мифической фантазии и метафизического умозрения». Всегда разнообразие намного шире того, что позволяет предположить умозрительная догма о сплошной неизбежности. С этим существенно меняется и задача науки. До тех пор пока тезис о неизбежности процесса развития клался и кладется в основу исследований, наука направляет свои усилия, поскольку они имеют значение с точки зрения экономической политики, на то, чтобы вывести для процесса неизбежного развития всеобщую формулу. Со времен *Конта*, *Сен-Симона*, сенсимонистов и *Маркса* это пытались делать бесчисленное множество социал-теоретиков. Но если, приступив к исследованию, отставить в сторону тезис о том, что люди должны следовать доктринам процесса исторического развития, и если позволить воздействовать прямо на себя фактам экономической политики, то мы получим ту картину, которую пытались здесь набросать. И все же, если наука, отойдя от идеологии, обратится к фактам и позволит в полной мере проявиться историческому моменту, она тем самым послужит своеобразным образом делу свободы. Не оставаясь более связанной формулой неизбежности исторического процесса, наука показывает те моменты, в которых экономическая политика обладает свободой, а также то, каким образом она может избежать нежелательных тенденций. Таким образом, экономическая политика в состоянии формировать действи-

тельность и противостоять опасности быть унесенной бурным ходом исторического процесса. И она может стать свободной лишь в том случае, если мышление категориями порядков вытеснит мышление категориями исторической неизбежности.

Глава XIV

ТЕХНИКА, КОНЦЕНТРАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

І. Господствующая точка зрения

1. Если мышление категориями порядков должно добиться признания в экономической политике, то следует прежде всего покончить с той основной концепцией, которая ныне находит широкое распространение при оценке вопросов экономической и социальной власти и всех прочих политико-экономических вопросов. Современная техника, как утверждается, неминуемо ведет к созданию крупных машин и крупного производства, а тем самым к концентрации и монополии и отсюда в конечном счете к централизованному регулированию экономического процесса. Следовательно, современная техника уничтожает конкуренцию.

Эта точка зрения впервые была сформулирована в самом начале XIX в. От нее берут свое начало еще и сегодня многие соображения, касающиеся экономической политики будущего. Еще *Сисмонди* говорил о том, что в «эпоху индустриализма» новые машины дают основания для концентрации труда в растущих предприятиях и тем самым конкуренция оборачивается против самое себя¹. *Маркс* собрал гору материалов по раннему периоду истории развития промышленности Англии с тем, чтобы привести доказательства тому. Он же придал этой идее большую пробивную силу, полагая, что он нашел в историческом развитии закон концентрации и эффективно сформулировал его. По его мнению, закон проявляется в «концентрации рабочих и рабочих машин на крупных фабриках». Очень крупная прядильная фабрика вытесняет мелкие, средние и, наконец, крупные прядильные фабрики. Современный уровень развития техники, или, как формулировал *Маркс*, «ступень развития материальных производительных сил», делает концентрацию производства на одном или не-

¹ J. Ch. L. Sismonde de Sismondi. «Nouveaux Principes d'Economie Politique ou de la Richesse dans ses Rapports avec la Population», Bd. I, 2. Aufl., 1827; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, особенно разделы 4, 7.

скольких крупных заводах необходимой. Она неизбежно ведет к монополии.

До самого последнего времени такие и подобные им описания неоднократно повторялись¹. Разумеется, эти взгляды не отличаются единством. Одни считают, что полная конкуренция вообще не может быть реализована в индустриальной экономике. Но в любом случае, если это было бы возможно, она не устанавливает равновесия экономических величин и, следовательно, не делает возможным рациональное регулирование экономического процесса. Так считали *Сисмонди*, *Маркс* и *сенсимонисты*. В наши дни подобные аргументы приводили *Шумпетер* и определенная часть общественности. Другие, новаторы, например *Маши* или *Шмаленбах*, полагают, что полная конкуренция хотя и ведет к всеобщему равновесию, однако сегодня ее нельзя больше реализовать. Одна группа считает, что полная конкуренция не устанавливает равновесия и неосуществима. Другая полагает, что она приводит к всеобщему равновесию, но ныне она нереальна. Одни считают, что полная конкуренция плоха и нежизненна, другие придерживаются мнения, что она хороша, но нежизненна. Обе стороны сходятся на том, что современная техника порождает концентрацию производства и что конкуренция неизбежно исчезает из современной экономики.

2. В свете сказанного проблема политики порядков проявляется в определенной форме. Как инструмент регулирования форма рынка полной конкуренции отпадает. «Поскольку простой возврат к исторически преодоленной системе полной конкуренции невозможен, поскольку появление крупных предприятий и преобладание громадной концентрации промышленности и финансов в действительности обусловлены неизбежными потребностями технического рода, которые способствуют увеличению перевеса вложенного специализированного капитала, то необходимо заменить саморегулирующийся механизм конкуренции другими системами, в которых стимул и деятельность государства в силу необходимости играют все более важную и решающую роль в смысле самостоятельного и больше не автоматического координирования сил и элементов, функционирующих в хозяйственной жизни с таким масштабом и таким размахом, которые выходят за рамки простой и индивидуальной деятельности» (*Маши*). Для решения проблемы порядка остаются принудительные корпорации, которые в большей или меньшей сте-

¹ См., например: J. A. Schumpeter. «Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie», deutsche Übersetzung, 1946, 8. Kapitel; G. Masci, in «Korporative Wirtschaftstheorie», 1938, S. 98 ff.; E. Schmalenbach. — *Zeitschrift für handelsw. Forschung*, 22. Jahrgang, 1928, S. 241, und «Der freie Wirtschaft — zum Gedächtnis», 1949.

пени контролируются государством, или же придется принять во внимание регулирование экономического процесса центральными плановыми органами. До тех пор пока считали, что эти формы порядков являются пригодными, казалось возможным таким путем придать индустриальной экономике порядок, способный функционировать. Однако эта вера оказалась несостоятельной. Изложенное нами также показало, что она не выдерживает никакой критики с учетом опыта XX в.

Ситуация была бы безнадежной, а центральная политико-экономическая проблема порядка современного мира была бы неразрешимой, если бы оказалось корректным утверждение о неизбежном крахе конкуренции. В этом случае книгу не стоило бы продолжать писать, ведь было бы приведено доказательство невозможности решения проблемы. Следовательно, нам необходимо поставить вопрос о том, верно ли утверждение о неизбежности краха конкуренции.

II. Техника усиливает конкуренцию

Вполне понятно, что во времена *сенсиционистов* и *Маркса* возникла точка зрения, по которой современная техника убивает конкуренцию. Между тем индустриализация продвинулась далеко вперед и новые важные факты оказывают свое влияние¹. Они указывают как раз в прямо противоположном направлении. Исключительно сильная тенденция к конкуренции порождается теперь использованием современной техники. С каждым десятилетием она усиливается, и в XX в. она намного сильнее, чем в XIX в. Конечно, для борьбы с ней применяются все более радикальные меры.

Конкретно же элемент конкуренции — конкуренции в буквальном смысле этого слова — современная техника усилила тройным образом.

Во-первых, благодаря чрезвычайному улучшению и удешевлению транспорта многие локальные рынки тесно переплелись между собой и утратили свою самостоятельность. Теперь конкурировать между собой стали продавцы, прежде занимавшие местные разобщенные олигополистические и монополистические позиции. История почти каждого сельскохозяйственного или промышленного предприятия дает тому наглядные примеры. Вот, скажем, фабрика по производству деревообрабатывающих станков. Еще в конце XIX в. она поставляла их исключительно столярным мастерским своего местного рынка и обладала на нем определенной монополией. Но с расширением сети же-

¹ По данному вопросу см. также: C. B r e s c i a n i - T u r r o n i. «Einführung in die Wirtschaftspolitik», deutsche Ausgabe, 1948, 9. Kapitel, а также приведенные в ней работы E i n a u d i и R o b b i n s.

лезных дорог, развитием судоходства и автомобильного транспорта она увеличивает радиус сбыта своей продукции, и одновременно в ее собственной зоне сбыта, в которой она доминировала, появляется продукция машиностроительных заводов из других регионов. Нередко говорилось о том, как снижение транспортных издержек на железной дороге и в судоходстве с 70-х годов XIX в. повлекло за собой обострение конкуренции на европейских зерновых рынках. Этот процесс является небольшим эпизодом универсального события. Быстрое развитие техники связи — телеграфа, телефона, радио — тоже не менее эффективно, чем развитие транспортных средств, способствовало взаимопроникновению рынков. Местные сырьевые и зерновые рынки исчезли, а вместе с ними исчезли и многие шансы для образования монополий и олигополий. Техника связи сделала более утонченным механизм конкуренции на многих рынках сырья, полуфабрикатов и готовой продукции.

Особенно важным это развитие было на рынках рабочей силы. Здесь оно оказало прямо-таки революционизирующее воздействие. Еще в середине XIX в. промышленный рабочий был привязан к одному или нескольким предприятиям и рабочим местам, расположенным вблизи его местожительства. Работодатель нередко занимал на своем рынке рабочей силы позицию монополии или олигополии покупателя. С расширением сети железных дорог, появлением автомобиля и велосипеда ситуация изменилась. Теперь многие рабочие ежедневно совершают продолжительные поездки на работу и обратно. Изюм дня в день средства сообщения осуществляют массовые перевозки рабочих. Области притока рабочей силы у фирм сильно расширились и благодаря этому наложились друг на друга. В Германии радиус таких территорий достигает 70 километров и даже более. По этой причине форма рынка рабочей силы полностью изменилась. Ведь отныне у рабочих появилась возможность делать выбор между намного большим числом покупателей рабочей силы. Конкуренция, прежде встречавшаяся редко, оживилась. Ее развитие способствовала именно современная техника.

Во-вторых, техника привела к невиданному обострению конкуренции взаимозаменяемых продуктов. Люди начинавшего XIX в. еще не могли ничего знать об этом. Однако новаторам следовало взять на заметку столь фундаментальный факт. Изобретение искусственного шелка, целлюлозного штапельного волокна, нейлонового и других видов волокна, появление нефти как конкурента каменного угля, новых строительных материалов наряду с кирпичом, новых материалов — конкурентов фарфора, конкуренция искусственного каучука с естественным — вот лишь немногие примеры обостряющейся конкуренции между взаимозаменяемыми продуктами, которая также представляет собой универсальное явление. Благодаря этому возрастает эластичность спроса на отдельные товары. Та-

ким образом, форма рынка приближается к совершенной конкуренции, даже если продавец отдельно взятого вида товаров является монополистом. В силу этого монополии вынуждены действовать подобно тому, как приходится поступать в условиях конкуренции: к примеру, картели кирпичных заводов, которые были вынуждены считаться с конкуренцией новых строительных материалов, то есть с более высокой эластичностью спроса, или железные дороги в условиях усиливающейся конкуренции со стороны автомобильного транспорта. Конкуренция взаимозаменяемых продуктов стала настолько общим явлением, что на каждом предприятии и в каждом домашнем хозяйстве она оказывает влияние на решения, принимаемые при покупках и продажах.

Наконец, *в-третьих*, благодаря развитию технических знаний в последнее время современный промышленный аппарат в значительной степени приобрел адаптационную способность. Способность фабрик перерабатывающей промышленности быстро переключаться с производства одного вида продукции на другой, то есть менять рынок, сильно выросла. В обеих крупных войнах XX в. этот факт проявился наиболее четко. Он поразил даже специалистов и одновременно существенно сказался на ходе войн. Исключительно быстро часовые заводы переключились на производство взрывателей, а машиностроительные заводы — на производство снарядов и оборудования для подводных лодок. В кратчайшие сроки большая часть производственного аппарата промышленности была направлена в другое русло. И наоборот, после окончания войны процесс пошел в обратном направлении, когда, к примеру, заводы, выпускавшие артиллерийские орудия, стали производить машины и станки, а танковые заводы — грузовые автомобили. Удивительно быстрая адаптация производственного аппарата США после 1945 г. позволила перейти к выпуску мирной продукции без кризисов или депрессий.

Но эта адаптационная способность эффективна не только в военное, но и в мирное время. Понятие «способность производства к приспособлению» имеет точно очерченное содержание. Это — способность предприятия переводить свою продукцию с одного рынка на другой. В последние полвека эта «адаптационная способность» пережила необычайный подъем.

По-иному, чем на стыке веков, непрерывно изменялись производственные программы на предприятиях перерабатывающей промышленности. К примеру, завод, изготавливающий печи, приступает также к производству холодильников, а позднее и радиоаппаратуры. Следовательно, он появляется на новых рынках в качестве конкурента. Другая фирма, предлагавшая на олигополистическом рынке специальные насосы, прекращает конкурентную борьбу и начинает производить сельскохозяйственные машины. Третья фирма переходит с выпуска велосипедов на производство мотоциклов; четвертая фирма,

работающая в оптической промышленности, начинает изготавливать замки. Итак, производственные программы по выпуску товаров меняются каждый год в зависимости от возможностей получения прибыли. Выбор «вида товаров» — постоянная задача предприятий перерабатывающей промышленности, но он отнюдь не является окончательным. Если бы патенты или лицензионные сборы не препятствовали переводу производства на выпуск других видов продукции, то переход фирм с одного рынка на другой был бы еще более интенсивным. Техника, и прежде всего современная машинная техника позволяет делать это. Поэтому на большинстве рынков перерабатывающей промышленности продавцы должны всегда принимать в расчет появление там новых успешно работающих конкурентов.

Иная ситуация складывается в сырьевых отраслях промышленности, например в добыче угля, производстве чугуна и электроэнергии. В этих отраслях на протяжении многих лет действительно производятся в основном одни и те же продукты и перемены в структуре производственных программ технически трудноосуществимы или возможны в ограниченных пределах. На подобных предприятиях, следовательно, *прямая* адаптационная способность производства весьма ограничена или она отсутствует вообще. Несмотря на это, адаптация в значительной степени происходит *опосредованно*. Уголь, чугун и электроэнергия могут использоваться для самых разнообразных целей. Благодаря этому становится возможным то, что продукты, изготавливаемые с их помощью, непрерывно взаимозаменяются и вступают в конкуренцию с другими товарами. Электроэнергия нужна фабрике, которая изготавливает фармацевтические товары и начинает переход к производству других химических продуктов почти по той же технологии. В результате продукты использования электроэнергии уже на новых рынках участвуют в конкуренции. И здесь развитие современной техники усилило конкуренцию. В частности, она чрезвычайно расширила возможности использования сырья. Например, уголь используется в качестве не только топлива, как это было раньше, но и сырья для производства красок, лекарственных препаратов, азотных удобрений и т.п., так что его «плоды» появляются на самых различных рынках. «Косвенно» здесь дает знать о себе как раз то, что в перерабатывающей промышленности производит эффект «прямо»: адаптационная способность производства и усиление элемента конкуренции.

2. Однако анахронизм идей маскирует и это существенное обстоятельство и порождает мнимые политико-экономические проблемы. Продолжает господствовать мнение, сложившееся более ста лет назад, согласно которому с появлением новой техники производства предприятия теряют способность адаптироваться к изменениям спроса на рынках. Капитал, как правило, вложен прочно, он не может

быть взят обратно и привязан к определенной технической форме, в рамках которой он служит производству, и, следовательно, при убытках не может быть направлен на иные цели, а производство нельзя переориентировать на другие сулящие прибыль рынки. Современный производственный аппарат изображается заостеневшим организмом, то есть ориентированным на определенные технологии, технически неспособным адаптироваться к новым условиям. Ему противопоставляется быстро меняющийся спрос, и из этого конфликта конструируется большая политико-экономическая проблема. Эта идея принадлежит к основным представлениям теории полной занятости, и развитие которой оказал влияние *Кейнс*, а также политики обеспечения полной занятости, которая, несмотря на изменения спроса, пытается поддерживать работу якобы заостенелого аппарата. Но это основное представление находится в полном противоречии с действительностью. Правда, примерно в 1850 или 1900 г. производственный аппарат промышленности при менее развитой технике характеризовался определенной заостенелостью, признаков которой в настоящее время давным-давно нет. Правда, и сегодня на заводе, скажем, химической промышленности также невозможно немедленно забрать обратно вложенный капитал и вместо этого строить водопроводную станцию. Но химический завод в состоянии быстро менять рынки, на которых он предлагает свою продукцию. Протекает постоянный процесс адаптации производственных планов к возможностям получения прибыли на многих рынках, например на рынках химической промышленности, машиностроения или обувной промышленности, даже если крупный капитал был прочно вложен в оборудование предприятий.

3. Относительный рост «фиксированных» издержек в современной промышленности описывался часто, например *Шмаленбахом*. При этом изображается большая котельная с пылеугольной топкой или шестеренный фрезерный станок. Работающего человека практически не видно. Создается впечатление, что производственный аппарат состоит из камня и металла. Из этого делается вывод, что у производственного аппарата промышленности отсутствует адаптационная способность, как будто он непрерывно выпускает одни и те же товары. На самом деле котельная, к примеру, приводит в движение машины, на которых при непрерывном чередовании изготавливаются различные товары, а шестеренный фрезерный станок служит также для производства различной продукции. И конвейер, скажем, велосипедного завода позволяет перемещать и изготавливать с его помощью самые разнообразные продукты. Если же котельная работает на электростанции и неизменно производит электроэнергию, то последняя тем не менее без труда переводится с одного вида ее использования на другой.

«Фиксированные издержки» не означают «фиксированного производства». Прямо или косвенно адаптационная способность производства в ходе развития техники возросла настолько, что весь современный производственный аппарат в значительной степени стал обладать адаптационной способностью. То, что, несмотря на высокие фиксированные издержки, производственный аппарат обладает такой способностью, что старая доктрина изжила себя, можно установить без особого труда. Следует вспомнить хотя бы часто приводившийся нами пример с железной дорогой. У нее высокие фиксированные издержки; но структура транспортных услуг постоянно меняется. Можно пойти также в прокатный цех сталелитейного завода и попросить мастера показать программы прокатного производства, которые он ежедневно получает и которые ему надлежит выполнять. Здесь увидим, что прокатанные профили соответствуют полученным заказам, несмотря на существование высоких фиксированных издержек.

Действие всех трех моментов проявляется одновременно: расширение рынков, увеличение выпуска взаимозаменяемых продуктов и возрастание адаптационной способности производства. То, насколько активно современная техника так или иначе способствует развитию конкуренции, можно установить практически на всех предприятиях и всех рынках промышленности, транспорта, торговли, а также сельского хозяйства.

III. Концентрация бизнеса, но не предприятий

1. В этих рамках протекает также коицентрация промышленного производства. Здесь доминирует единое мнение о том, что именно образование крупных монополистических и олигополистических властных группировок противодействует осуществлению конкуренции во многих странах и на многочисленных рынках. Однако по поводу характера этой концентрации зачастую существуют неправильные представления. Полагают, что техника способствует тому, что производство концентрируется лишь на немногих заводах. А эти гигантские заводы, уничтожающие всех менее крупных конкурентов, являются монополистами. Это абсолютно искаженная картина действительности, которую необходимо исправить.

Разумеется, размеры домен, сталепрокатных и машиностроительных заводов, а также предприятий других отраслей промышленности существенно увеличились. И действительно, импульс такому процессу дало развитие техники. Но не в этом суть концентрации промышленного производства. Экономическая власть отдельно взятого доменного производства или отдельно взятой прядильной фабрики сама по себе невелика, даже если речь идет о крупных предприятиях. В

сравнении с сильно расширившимися рынками на них приходится лишь незначительная часть предложения. То же самое можно сказать также об обувной фабрике или об электростанции.

Характерным для процесса концентрации является скорее то, что многие заводы оказываются под единым руководством. Например, многие фабрики, осуществляющие производство искусственного шелка, находящегося под началом одного правления концерна, или же сконцентрированные по вертикали угольные шахты, сталепрокатные или машиностроительные заводы и т. д., также находящиеся под единым руководством. «Дженерал моторс», «Форд», «И.Г. Фарбен-индустри» или «Ферайнигте штальверке» владели либо владеют сотнями заводов. Часто мелкие и средние предприятия имеют несколько небольших заводов. К примеру, машиностроительный завод средних размеров является владельцем литейного цеха и завода по производству шпунта. То, что наблюдается здесь в малом, в концерне существует в больших масштабах. Или в результате образования картеля происходит объединение нескольких фирм, каждая из которых в свою очередь обладает несколькими заводами. Отдельно взятая угольная шахта является одним из многих предприятий фирмы К, а сама фирма К — одним из членов угольного синдиката. В городе G расположена фармацевтическая фабрика средних размеров, на которой занято 200 рабочих. Она принадлежит концерну, владеющему к тому же еще десятью химическими заводами и являющемуся членом различных картелей. Это и есть фактическая концентрация. Маркс же представлял себе, что одна гигантская фармацевтическая фабрика изготавливает товары для всего рынка.

Решающее значение имеет не увеличение размеров отдельных промышленных предприятий, которое происходило и происходит в ходе технического развития, а обладание немногочисленными отдельными предприятиями многими заводами. «Поскольку истинной причиной концентрации является не «завод» (как производство. — Прим. пер.), а предприятие (производное от понятия «предпринимательство». — Прим. пер.) и связи последнего, было бы ошибочно отождествлять проблему концентрации хотя бы в общих чертах с вопросом растущих размеров завода. Поэтому исследования, имеющие целью объяснить проблему, сводя ее к «оптимальной величине» завода, затрагивают лишь край проблемы концентрации»¹.

¹ См.: F. H a u s s m a n n. «Die wirtschaftliche Konzentration», 1940, S. 73. Кроме того: C. C l a r k. «The Conditions of Economic Progress», 1940; «Bericht des Temporary National Economic Committee». Washington, 1941; W. R ö p k e. «Civitas humana», 1944, S. 297. Относительно того, что многие концерны хозяйствуют нерационально, см.: S. R. D e n n i s o n. «The Problem of Bigness». — *The Cambridge Journal*, Vol. 2, November 1947. Деннисон пишет также о книге П. Дракера «Big Business», 1947, в которой была, помимо прочего, тщательно исследована корпорация «Дженерал моторс».

2. Разумеется, есть исключения, которые, однако, нельзя переоценивать. В определенных отраслях промышленности размеры заводов, оснащенных оптимальной с экономической точки зрения техникой, таковы, что продукции только одного-единственного завода достаточно для того, чтобы оптимально снабжать рынок товаром. В подобных случаях многие заводы не смогли бы осуществлять сбыт товаров по ценам, покрывающим издержки. Скажем, городской трамвай или завод по производству бутылок.

В таких условиях развитие технических знаний обретает такие черты, что при правильном экономическом расчете *могут* возникать монополии или олигополии, если, например, будет отсутствовать конкуренция взаимозаменяемых товаров. Как раз история железной дороги, которая прежде рассматривалась как убедительный пример монопольной тенденции технического развития, позволяет увидеть, в какой степени техника, создавшая автомобиль и самолет, одновременно решающим образом способствовала утрате железной дорогой своей монопольной позиции.

3. Как правило, промышленная концентрация заключается, таким образом, в объединении многих заводов под единым руководством. Но не может ли *эта* концентрация быть обусловленной развитием техники?

В качестве довода допустимо выставить следующее: часто более крупные заводы, работающие с использованием новых технологий, просто уничтожают мелкие фирмы, применяющие старую технику, или создают угрозу их существованию. Значительная часть ремесленного производства вытеснена из производственного процесса, например часть текстильного ремесленного производства или мукомольного дела, а угроза существованию многих мелких заводов по производству извести возникла со стороны крупных предприятий, равно как и угроза существованию многочисленных устаревших фабрик, производящих уксус, со стороны новых фабрик, которые благодаря производству в крупных масштабах могли выпускать более дешевую продукцию. Разве тем самым не подготавливается благоприятная почва для процесса концентрации?

Такие ситуации часто наблюдались прежде и наблюдаются сейчас. Они порождают серьезные политико-социальные проблемы. Ведь возникает вопрос: каким образом рабочие устаревших заводов могут быть вновь быстро вовлечены в производственный процесс? Действительно, здесь также происходит определенная частичная концентрация. Вместо десятков или сотен фирм, каждая из которых имеет собственные заводы, продукцию выпускает отныне *один-единственный* завод. До этого момента современная техника на самом деле способствует концентрации. Но этот более крупный завод нового типа, например ткацкая фабрика, которая исключает из

производства сотни мелких ремесленных ткацких фабрик во всей округе, в большинстве случаев вступает теперь в конкуренцию с другими новыми ткацкими фабриками. История ряда отраслей промышленности XIX и XX вв. свидетельствует о том, что крах мелких и средних фирм, связанный с внедрением крупного оборудования, вовсе не означает затухания конкуренции, поскольку она вновь и вновь прокладывает себе путь благодаря расширению рынков и процессу взаимозаменяемости продуктов. В остальном же, как известно, развитие новой техники, скажем применение в процессе электрификации малогабаритных электромоторов, во многих отраслях промышленности создавало благоприятные с точки зрения уменьшения затрат условия существования как раз для мелких и средних фирм.

Современная техника, по-видимому, дает импульс к концентрации еще и другим образом. Строительство современных домен, прокатных цехов или заводов по производству азота требует столь крупных капиталовложений, что производство концентрируется лишь в рамках немногих предприятий. Поэтому появление новых конкурентов осложняется трудностями привлечения необходимых капиталов. В силу этого в таких отраслях промышленности проявляется тенденция к формированию олигополий и они из-за существования неравновесных олигополистических рынков оказываются предрасположенными к образованию картелей. В этом смысле техника фактически проявляет себя как фактор, способствующий концентрации. Но и здесь она порождает обратные результаты и совсем не обязательно приводит к образованию монополий. С развитием техники на всех этих рынках обостряется международная конкуренция, если этому не препятствует экономическая политика. Одновременно и здесь благодаря современной технике, как правило, дает о себе знать конкуренция взаимозаменяемых товаров. Например, конкуренцию доменным печам составляет мартеновский процесс, а с добычей азота из воздуха соперничают получение азота из производных угля, а также совершенствование горнотехнических методов добычи селитры. И все же эта постоянно пробивающая себе путь тенденция к конкуренции, вновь и вновь порождаемая современной техникой, часто, как и в этих случаях, прерывается образованием картелей.

Еще один пример из области морского судоходства. Применение современной техники судостроения привело к строительству именно в линейном судоходстве судов и судового оборудования, размеры которых сильно увеличились, что требовало значительных капиталовложений, побуждало создавать крупные предприятия, а также объединяться прежде самостоятельные судовые компании. Но одновременно техника оказывала и прямо противоположное воздействие. Ускорение и удешевление сухопутного и речного транспорта, ставшие

возможными благодаря новой технике, обострили конкуренцию между портами, например портами стран Северо-Западной Европы, и прежней локальной изоляции прилегающих территорий и отдельных портов был положен конец. Однако эта нараставшая конкуренция была оттеснена на задний план, или с ней было окончательно покончено в результате образования союзов и объединений в морском судоходстве. Конкуренция, спровоцированная развитием техники, подавлялась организационными мерами.

В результате появления новой техники земной шар стал покрываться крупными фабриками, железными и шоссейными дорогами, большими городами. Заводы и фабрики прошлого кажутся нам очень маленькими в сравнении с теми предприятиями, которые мы видим сегодня. Все это породило мысль о том, что техника способствовала концентрации производства. Однако оказывается, что данный процесс не был и не является столь простым. Промышленная концентрация последнего столетия была вызвана комплексом причин. Стремление к власти, тяга к образованию монополий, экономическая и правовая политика способствовали концентрации или благоприятствовали ей. Она стала итогом общеисторического развития. В рамках этой всеобщей истории определенное влияние оказывала и современная техника. Но это отнюдь не означало, что концерны и синдикаты неизбежно вырастали из технического аппарата.

IV. Влияние форм порядка на размеры предприятия

До сих пор мы излагали существо дела так, как если бы определенный размер технических единиц, то есть заводов, и вообще определенная *прикладная* производственная техника базировалась на определенном уровне технических *знаний*. Хотя это и господствующая точка зрения, она ошибочна в этом плане.

Размер заводов и степень механизации определяются как раз формами порядка, которые были реализованы. С этим фактом мы уже сталкивались при анализе централизованно управляемой экономики. Как правило, центральные плановые органы проявляют тенденцию к тому, чтобы создавать очень крупные производственные единицы, как это было, например, в России после 1928 г. или в Германии между 1933 и 1944 гг. Тогда были построены крупные автомобильные и машиностроительные предприятия и громадные электростанции. Военное хозяйство стран — участниц войны, которое в XX в. принадлежало к типу централизованно управляемого, в большинстве случаев оставляло после себя преимущественно крупные заводы, к примеру по производству синтетических бензина и каучука или азота. Большие предприятия

тия облегчают планирование и контроль со стороны плановых органов. Следовательно, централизованно управляемая экономика оказывает сильное влияние на техническую концентрацию производства. Центральные плановые органы не в состоянии точно определить, являются ли эти гигантские заводы целесообразными с точки зрения экономического расчета. Но даже если бы они могли это сделать, то им не нужно было бы руководствоваться данными экономических расчетов. Уже в этом проявляется воздействие экономического порядка на размеры заводов и на процесс механизации производства.

Подобные соображения касаются также и монополии в области предложения. И в ее рамках размер заводов может быть больше величины заводов в условиях конкуренции уже по одной той причине, что монополист может легко снять с себя риск крупных капиталовложений и поэтому быстрее перейти к осуществлению крупномасштабных инвестиций.

2. Итак, здесь налицо своеобразная интердепенденция, которая постоянно проявляется в реальной экономике. А именно развитие технических знаний, как об этом говорилось выше, оказывает влияние на форму рынка, будь то в направлении к конкуренции или в направлении образования монополий либо олигополий. Следовательно, оно должно способствовать формированию экономического порядка. Обратная связь столь же важна, но она меньше принимается во внимание. Здесь имеется в виду зависимость прикладной техники, а тем самым и размера производств от реализованных форм порядка. После отмирания порядка, присущего централизованно управляемой экономике, — как и по окончании периода военной экономики — гигантские заводы остаются стоять подобно эрратическим валунам¹. Это создает серьезные трудности при формировании рационально функционирующего экономического порядка. Если бы Германия не пережила период централизованного регулирования экономики и не располагала в XX в. крупными монополиями, то немецкий производственный аппарат выглядел бы иначе и не существовало бы многих крупных промышленных производств.

Теоретически считается, что размер заводов и прикладная техника вообще зависят не только от соответствующего уровня технических знаний, но также и от всех остальных параметров, которые определяют экономический процесс, а тем самым и капиталовложения, к примеру от количества и качества рабочей силы, равно как и

¹ Валуны, перенесенные ледником на большие расстояния и состоящие из пород, отсутствующих в местах их отложения. — *Прим. пер.*

от величины капитала. К такого рода параметрам относятся также правовая и социальная организация.

Но для экономической политики имеет силу правило: ошибочно воспринимать размер заводов и уровень механизации как политико-экономический параметр¹. В то время как экономическая политика оказывает воздействие на экономический порядок или формирует его, она влияет на размер заводов и всю прикладную технику. Если, например, проводится политика подавленной инфляции и тем самым порождается тенденция к централизованно управляемому хозяйству, то это одновременно дает толчок к строительству более крупных заводов. Прикладная техника, то есть аппарат, включающий в себя промышленные машины и оборудование, не является тем фундаментом, с которого возводятся экономика и экономический порядок. И здесь унаследованная нами господствующая точка зрения также вводит в заблуждение. Промышленный аппарат в условиях полной конкуренции выглядит иначе, состоит из более мелких, чем при других формах рынка, заводов. Особенно сильно это различие проявляется при сопоставлении с централизованным планированием.

Также и в этом отношении экономическая политика, соучаствуя в определении форм экономического порядка, несет большую ответственность за формирование жизни людей в целом.

V. Борьба с конкуренцией

Обычную картину современного экономического развития следует рассматривать также и в перевернутом изображении, если мы хотим, чтобы она воспроизводила реальность.

1. Согласно старой распространенной и утвердившейся точке зрения, современная техника требует громадных производственных единиц, уничтожает малые и средние предприятия и порождает внутренние присущие ей конфликты между размером заводов, заостренностью предложения и меняющимися потребностями, к которым производство больше не в состоянии приспособиться. Поэтому экономическому порядку необходимы концерны, тресты, картели и другие монополии, а также государственное вмешательство, корпорации, политика обеспечения полной занятости и централизованное планирование. Такое видение ситуации присуще большинству людей.

¹ Это делает также Кейнс в своей работе «General Theory». Дальнейшие замечания по данной теоретической проблеме см.: W. E u c k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., 1950, S. 133 f., 157 f., 213.

Форма рынка полной конкуренции, с которой мы вскоре познакомимся ближе, зачастую не пользуется признанием. Она подчиняет индивида контролю рынка, в значительной степени лишая его власти, понуждает к увеличению объема выполняемых работ и предоставляемых услуг, заставляет его постоянно приспосабливаться, а при возникновении угрозы материальных потерь или при банкротстве располагает чувствительными средствами принуждения. Итак, становится понятной реакция протеста против конкуренции в эпоху, когда она находит все более широкое распространение.

2. Однако именно в XX в. современная техника чрезвычайно усилила элемент конкуренции. Ведь экономическая политика не сделала никаких выводов из мнимого заката конкуренции, якобы загубленной современной техникой. Все произошло совсем наоборот. Борьба с растущей конкуренцией стала одной из важнейших частей современной экономической политики. Повсеместная и постоянная тяга к образованию монополий становилась тем эффективней, чем больше каждая отдельно взятая фирма утрачивала свои прежние монополистические или олигополистические позиции и вовлекалась в конкуренцию. Одновременно государственная экономическая политика работала против конкуренции — в большинстве случаев под давлением заинтересованных сторон. К примеру, таможенные пошлины, запреты на импорт, валютные ограничения и другие меры торговой политики начиная с конца 70-х годов прошлого столетия попеременно использовались в борьбе с международной конкуренцией, возникшей в результате снижения транспортных издержек. Труднее было нейтрализовать углубляющуюся «конкуренцию взаимозаменяемых товаров». Вот один пример. С развитием грузового автомобильного транспорта, обусловленным становлением современной техники, железным дорогам Германии и их монопольной позиции пришлось столкнуться с многочисленными и весьма мощными конкурентами. Издание в октябре 1931 г. чрезвычайного постановления позволило в значительной степени устранить новую конкуренцию и создать государственный принудительный картель, который препятствовал конкурентам использовать конкуренцию в полном объеме¹. Наконец, весьма разнообразными являются средства подавления конкуренции, порождаемые растущей способностью промышленного аппарата к адаптации. Для этого используются патенты, патентные общества, государственные запреты на осуществление капита-

¹ См: A. S c h m i t t, «Verkehrspolitik» in: A. W e b e r, «Volkswirtschaftslehre», 4. Bd., 1933, S. 249 f.

ловложений, запреты на допуск ценных бумаг к биржевой торговле и другие ограничения свободы занятия промыслом. Еще один пример. Крупный американский концерн по производству портландцемента в начале нашего столетия приобрел патент на производство цемента из шлака доменных печей. Тем самым все американские доменные заводы должны были лишиться возможности производить шлакопортландцемент. Дело в том, что здесь патент используется в качестве запретительного патента. Но и тут техническое развитие делает возможной конкуренцию взаимозаменяемых товаров. Однако методы подавления конкуренции в данном случае отличны от тех, с которыми мы сталкиваемся в примере с железными дорогами. Вместо принудительного картеля в дело пускается запретительный патент, часто встречающееся на практике средство, которое препятствует появлению конкуренции взаимозаменяемых товаров или хотя бы приостанавливает ее на какое-то время. Было бы целесообразно исследовать весь набор средств, разработанных в ходе борьбы с конкуренцией взаимозаменяемых товаров. Их создание является важной составной частью государственной экономической политики. В общем и целом это мощная система частных и государственных мер, которые в рамках современной экономики направлены на то, чтобы ослабить тенденцию к полной конкуренции или окончательно подавить ее. Нельзя исследовать ни одного современного промышленного предприятия, не получив от этого глубокого впечатления. Напряженность, существующая между расширяющейся конкуренцией и активным сопротивлением ей, является основополагающим фактом новейшей истории экономических отношений.

VI. Выводы для науки и экономической политики

1. В наши дни точка зрения на то, что современная техника приводит к исчезновению конкуренции, является не только мнением ряда ученых, но одновременно представляет собой ярко выраженную идеологию, присущую кругу заинтересованных лиц особого рода. Особого рода потому, что ее с успехом используют два различных руководящих слоя. Руководителям и функционерам картелей и концернов данный аргумент оказывает хорошую услугу в том, чтобы доказать необходимость формирования власти частного лица. Ведь если современная техника действительно делает его неизбежным, то это как бы выводит его из-под критики. Противоположного мнения придерживаются функционеры централизованного планирования, которым этот аргумент служит оправданием их притязаний на власть и самого их существования. По их мнению, техника ведет к «монополистическому капитализму», который в перс-

пективе становится невыносимым, и вынуждает переходить к централизованному планированию. Так, мнение, которое явно противоречит фактам, получает дополнительный импульс со стороны двух руководящих слоев, оказывающий большое влияние на экономическую политику.

2. В противоположность сказанному следует вновь и вновь обращать внимание на обстоятельства и факты, которые на любом промышленном или сельскохозяйственном предприятии прямо бросаются в глаза и которые были уже вкратце охарактеризованы в настоящей книге. Науке следовало бы отобрать наиболее важные из них и тщательно описать таковые. Она не должна ограничиваться тем, чтобы просто передавать дальше старые схемы развития без должного сопоставления их с фактами. Она не должна также разрабатывать понятия конкуренции, которые вытекают из умозрительных рассуждений и при использовании которых не может быть принята в расчет, к примеру, конкуренция взаимозаменяемых товаров. В таком случае она просто затушевывает прямотаки решающее обстоятельство экономической действительности.

Устарела не сама конкуренция, а вера в то, что она устарела. Факты разрушают старую историческую доктрину, по которой полная конкуренция обречена на исчезновение. Это типичное проявление анахронистического мышления, когда *Шумпетер* утверждает, что «полная конкуренция в современных промышленных условиях невозможна». Подобные точки зрения никак не соотносятся с фактами.

3. Но если техника, конкуренция и монополия фактически соотносятся между собой так, как это было кратко описано здесь, то и проблема политики порядков выглядит совсем не так, как она воспринимается представителями старой точки зрения. Не существовало той предпосылки, из которой они исходили и о которой мы говорили во вводной части, а именно предпосылки заката конкуренции и ее исключения как возможной формы порядка. Экономическая политика не оттесняется современной техникой в критическое положение, вынуждающее применять такие формы порядка, как централизованное планирование или принудительные корпорации, которые таят в себе опасность как в социальном и экономическом плане, так и в плане построения всех прочих человеческих порядков.

Развитие современных технических знаний проявляется в двух направлениях. Оно привело к уничтожению многих мелких предприятий. И оно же — в противоположность вышесказанному — благодаря расцвету конкуренции заменителей, расширению рынков сбыта и увеличивающейся адаптационной способности произ-

водства усилило также элемент конкуренции. Таким образом, его воздействие на процесс концентрации производства было противоречивым. Если на первом этапе индустриализации первый момент, возможно, и находился на переднем плане, то техническое развитие на втором этапе индустриализации (прежде всего с начала XX в.) сделало конкуренцию более эффективной. Данный факт весьма важен. Теперь именно он стоит на переднем плане.

А не должна ли экономическая политика покончить с подавлением конкуренции? Не следует ли ей развивать то, что само, по сути дела, стремится к реализации? Представляется возможным с помощью экономической политики использовать в интересах экономического порядка те силы, и в первую очередь возможности современной техники, которые подталкивают к конкуренции.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

КОНКУРЕНТНЫЙ ПОРЯДОК И ЕГО СТАНОВЛЕНИЕ

Глава XV

ПОЛИТИКА КОНКУРЕНТНОГО ПОРЯДКА. ВВЕДЕНИЕ

1. Сложившаяся ситуация. Новые посылки

1. Период экспериментов заслуживает того, чтобы его наконец полностью завершили.

Одна серия экспериментов — экономическая политика централизованного управления, — хотя и поддерживает инвестиционную деятельность, а также ликвидирует неполную занятость, на самом деле, однако, не решает тех крупных проблем, которые ставит на повестку дня процесс индустриализации: ни проблемы установления достаточных пропорций, ни проблемы распределения. Более того, благодаря ей четко проявляются все те проблемы, которые могут возникнуть в процессе индустриализации применительно также к свободе человека. Подобные эксперименты до предела обнажают те опасности, которые таит в себе техника, индустриализация и превращение в безликую массу.

В странах, в которых предпринимаются попытки проводить экономическую политику среднего пути, то есть там, где речь идет о другой серии экспериментов, господствует групповая анархия. Тенденция к достижению состояния равновесия экономического процесса полностью отсутствует.

2. Очень мощные исторические силы противодействуют установлению достаточного порядка. Индустриальная экономика, основанная на разделении труда, как раз предоставляет возможность осуществлять то господство и проявлять ту власть, каких прежде в истории не существовало. Это либо единичная, отдельно взятая господствующая группа, овладевшая этим аппаратом и сосредоточившая всю власть в своих руках, либо многочисленные частные или поддерживаемые государством властные группировки, взаимодействующие

между собой или противостоящие друг другу. Мы, живущие в середине XX в., в большей мере отдалены от решения проблемы политики порядков, чем те, кто жил в самом начале столетия.

3. Здесь мы подходим к весьма важному моменту.

Если политика *laissez-faire* потерпела неудачу, так как выбор форм экономического порядка был предоставлен в основном частным лицам, то эксперименты последующего периода провалились по той причине, что в ходе их пытались осуществлять регулирование повседневного экономического процесса через центральные органы, причем независимо от того, действуют они одни или при участии частных лиц. Ныне политико-экономические дискуссии, как правило, быстро заходят в тупик. Они оказываются в нем в результате противопоставления «централизованно регулируемой экономики» «свободной экономике». Но так или иначе, как учит опыт, проблема порядка не решается. Необходимо глубже проникнуть в суть явления.

В самом начале должна находиться общая проблема регулирования индустриальной экономики: крупномасштабный, повседневный, в высшей степени связанный экономический процесс и взаимопереплетение экономического порядка с государственным, правовым и общественным порядками. Именно здесь начинается тот единственный путь, который остается открытым для реализации политики порядков: она пытается создать формы хозяйствования или оказать воздействие на те условия, в которых они возникают. Но в этих формах она предоставляет свободу планированию и действию домашних хозяйств и предприятий. Как же это возможно? Разумеется, не благодаря тому, что на основе отдельных идей начинают проводить эксперименты. Скорее деятельность по проведению в жизнь политики экономического порядка осуществляется на основе знания отдельных форм порядка, взаимосвязей экономического процесса и интерпенденции отдельных порядков. Действиями, связанными с проведением в жизнь политики упорядочения, управляют не идеологи капитализма, социализма и т.д., а мышление категориями порядка.

II. Решение

А. Возможности

Какие же возможности существуют для порядка экономического процесса в индустриальном мире?

Ответа на данный вопрос мы не получим, если подобно Марксу предоставим истории возможность совершить скачок из царства необходимости в царство свободы. О такого рода свободе не может быть и речи. Мы облегчим себе задачу, если станем говорить просто

о новых возможностях, точно не показав, как следует устанавливать порядок и как он работает. Более того, мы должны задать себе вопрос, что мы находим в истории и что нет. Между тем это не следует понимать так, что мы могли бы создавать новый порядок, только оглядываясь назад, как бы повернувшись спиной к будущему. Как раз наоборот: применительно к экономической политике важно не только то, какие формы порядка уже были реализованы или реализуются, но и то, какие формы вообще логически возможны. Следует найти новую возможность, которая представляется целесообразной, такую форму порядка, которая представляет собой самостоятельное решение, которая не должна быть неустойчивой и тем самым является лишь переходом к другой форме. Для выработки такой формы порядка служило отображение и анализ экономических порядков, нашедших свое реальное воплощение в истории индустриализированного мира. Ну а очень важным результатом этих исследований является то, что *число таковых незначительно*.

Сказанное вытекало уже из исторического обзора. Чем глубже анализируется действительность, тем яснее становится: существуют такие формы экономического порядка, в которых доминирует централизованное управление экономическим процессом, а также такие, в которых планы и решения многочисленных предприятий и домашних хозяйств имеют решающее значение для регулирования экономического процесса. Либо доминирует экономическая система централизованно управляемого хозяйства в форме централизованно управляемой экономики, либо методы регулирования, присущие рыночной экономике, оказываются определяющими для упорядочения экономического индустриального процесса¹. Конечно, эти методы регулирования, свойственные рыночному хозяйству, весьма разнообразны в зависимости от того, объединены ли индивидуальные хозяйства в монополистические, частично монополистические и подобные им группы или нет. Итак, можно, грубо говоря, выделить три метода регулирования: регулирование, осуществляемое центральными государственными органами; регулирование, осуществляемое группами; регулирование через конкуренцию.

1. С экстраординарными недостатками, связанными с централизованным регулированием экономики, люди познакомились в XX в. Концентрация экономической власти, ее слияние с политической властью, ненадежность и недостаточность снабжения потребительскими товарами, рост социальной зависимости, угроза существова-

¹ Более подробно об этом см.: W. E u c k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., 1950, bes. 3. Teil.

нию правового государства и свободе — об этом нам не нужно читать книг, мы переживали и переживаем это в повседневной жизни. К сказанному следует добавить также следующее, а именно отказ методов централизованного регулирования экономики в условиях международного экономического порядка. Индустриальная экономика устремляется на крупные рынки и ориентируется на международное разделение труда. Но формы экономического порядка, присущие централизованно управляемой экономике, были и остаются не в состоянии создать прочный фундамент развития мирохозяйственных связей. В действительности возникает конфликт, доказывающий существование сильной исторической тенденции, препятствующей становлению централизованно управляемой экономики.

2. Кейнс писал: «Я считаю, что идеальная величина организационной и контролирующей единицы находится где-то между индивидом и современным государством. Поэтому я думаю, что прогресс возможен в направлении развития и признания полунезависимых объединений в рамках государства; объединений, которые в круге своей деятельности действуют, руководствуясь критериями всеобщего блага в соответствии со своим пониманием его, и из соображений которых исключены мотивы частной выгоды, причем этим объединениям до тех пор, пока человеческий альтруизм недостаточно велик, следует в некоторых отношениях предоставлять преимущества для их группы, класса или отделения; объединений, которые при нормальных обстоятельствах и в определенных пределах остаются большей частью независимыми, но в конечном счете подчиняются суверенитету демократии, находящей свое воплощение в парламенте»¹.

Мы не хотели бы дискутировать здесь по поводу того, оживляли ли подобные предложения средневековые формы или нет. Однако достойно удивления то обстоятельство, что Кейнс отважился предложить такие формы порядка, о которых науке давно известно, что в их рамках экономический процесс достигает состояния лишь неустойчивого равновесия и имеет тенденцию к неравновесию. Накопленный опыт дает тому многообразные подтверждения. Если угольная, металлургическая, цементная или калийная отрасли промышленности, торговля или рабочие объединяются в независимые группы, результат оказывается одним и тем же: борьба этих групп, закрытие предприятий, локауты и забастовки, даже если эти группы именуют себя сословиями; даже если речь идет при этом об объединении рынков рабочей силы, международных сырьевых пулах или о национальных синдикатах, включая и те случаи, когда представи-

¹ См.: J. M. Keynes. «Das Ende des Laissez-Faire», 1926, S. 31 ff.

тели рабочих принимают участие в управлении ими. Неравновесие рыночных форм двусторонней монополии, частичной монополии или олигополии порождает тенденцию к осуществлению государственного вмешательства в экономику. Стоит вспомнить о динамике развития немецких рынков рабочей силы в период между двумя мировыми войнами, когда в процессе борьбы групп работодателей и работников государственные третейские судьи были вынуждены все чаще и чаще устанавливать условия труда по собственному усмотрению. Сосуществование и противостояние друг другу властных группировок не могут обеспечить прочного и долговременного решения проблемы порядка. Благожелательное отношение к профессиональным сословиям как к руководящей силе экономики возможно только там, где не усматриваются ни трудности регулирования современного экономического процесса, ни сам характер экономической мощи.

3. Остается третий тип порядков: здесь превалирует форма рынка полной конкуренции.

Это такая форма рынка, которая нередко частично реализовывалась в индустриализированном хозяйстве. Но она никогда не превращалась в жизнь в полной мере, и к тому же не было адекватного ей денежного порядка. Классическая, если быть точнее, современная экономическая теория показала¹, как в условиях полной конкуренции осуществляется жесткое регулирование экономического процесса и как потребители управляют им.

Так родилась мысль о конкурентном порядке. Она порождается нашим повседневным опытом и опытом, накопленным наукой.

4. Разнообразие экономических явлений и великое множество самых различных политико-экономических тенденций и сект не позволяют осознать то, что существует крайне мало приемлемых типов порядка, в рамках которых можно регулировать современный экономический процесс. На самом же деле этот факт имеет фундаментальное значение. Любое политико-экономическое решение должно отталкиваться от него. Существует выбор «или — или». Поскольку анархо-групповое, корпоративное или сословное решение проблемы порядка может иметь преходящий характер, то в конечном счете остается просто выбор между централизованным регули-

¹ Появление работ Менгера, Вальраса, Джевонса, Бём-Баверка, Маршалла способствовало дальнейшему совершенствованию современного анализа процесса регулирования в условиях существования формы рынка полной конкуренции. Современное состояние исследований отражено в работах: G. J. Stigler. «The Theory of Prices», 1947, p. 63—196; H. von Stackelberg. «Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre», 1948.

рованием существенной части экономического процесса на основе принципов централизованно управляемой экономики и конкурентным порядком. Настает время увидеть эту альтернативу.

Б. Что такое конкурентный порядок?

1. Объединены ли хлопкопрядильные фабрики какой-либо страны в картели, господствует ли небольшое количество самостоятельных прядильных концернов на рынке или многочисленные прядильные фабрики сбывают свою продукцию торговцам и ткацким фабрикам в рамках конкуренции между собой, имеет важное значение для ценообразования и регулирования экономического процесса в сфере снабжения пряжей, как, впрочем, и за ее пределами. Как создаются банковские билеты или деньги жирооборота частных банков, происходит ли это в процессе кредитования и если да, то в какой степени, имеет ли это место при существовании монополии или при конкуренции — это, несомненно, существенно также для совокупного экономического процесса. Не менее важно, существуют ли профсоюзы, имеются ли объединения предпринимателей, насколько велика их власть. Ход процесса производства и распределения неодинаков, он зависит от тех форм, в которых сталкиваются на рынках спрос и предложение, и от того, как образуются цены и заработная плата.

Мы исходим из этих известных явлений повседневной жизни. Экономическая политика конкурентного порядка ориентирована на такое упорядочение рынков, которое позволяло бы рационально объединять в единое целое все части экономического процесса. Каждый отдельно взятый сельский хозяин, промышленник, ремесленник и рабочий, то есть каждое отдельно взятое предприятие и домашнее хозяйство, должен свободно планировать и свободно осуществлять свою деятельность. Хозяйствующие субъекты не исполняют приказов, но сами изыскивают то применение своих собственной рабочей силы, своих средств производства и своих денег, которое представляется им наилучшим. Следовательно, существует не подчинение одних домашних хозяйств и предприятий другим, а координация их деятельности. Решения о том, что предприятия производят, какую технику они используют, как сырье приобретают и на каких рынках реализуют свою продукцию, принимаются независимо. И рабочие также не принуждаются к строго определенному применению своего труда. Они обладают правом свободного передвижения и повсеместного проживания, а также свободой заключать трудовое соглашение. Существует также свобода потребления. Но нет свободы произвольно опре-

делать правила игры, создавать те формы, в которых протекает экономический процесс, равно как формы рынка и денежные системы. Именно здесь открыты возможности для проведения в жизнь политики упорядочения¹.

2. Формой рынка, доминирующей в условиях конкурентного порядка, является форма рынка «полной конкуренции». Это та форма, которая должна координировать между собой планы и решения отдельно взятых предприятий и домашних хозяйств. Там, где это невозможно, необходимо принимать особые политико-экономические меры. В некоторых странах может быть установлен конкурентный порядок с теми специфическими чертами, которые учитывали бы их географическое и историческое положение. К примеру, в Германии, Бельгии или США он выглядел бы по-разному, о чем речь пойдет ниже. Но общей для всех конкурентных порядков чертой является преобладающая роль полной конкуренции.

Наряду с полной конкуренцией широко распространенной формой порядка должно быть и будет «собственное натуральное хозяйство» (простое централизованно управляемое хозяйство). Так обстоит дело с крестьянином, который не только покупает посевной материал, удобрения, сельхозтехнику и т.д. на конкурентных рынках и точно так же продает на конкурентных рынках картофель, свинину, овощи, но и одновременно, будучи потребителем картофеля и мяса, ведет собственное натуральное хозяйство. В крестьянском дворе тесно переплелись между собой обе формы порядка. В другой форме они представлены в домашнем хозяйстве рабочего-металлиста, который владеет к тому же садово-огородным участком и выращивает на нем картофель, овощи и фрукты для своей семьи. В силу того что упорядочить в достаточной степени современное хозяйство, базирующееся на разделении труда, чрезвычайно трудно, важно, чтобы при проведении в жизнь экономической политики проявлялась забота об этих элементах собственного натурального хозяйства. Благодаря этому люди становятся менее зависимыми от рынка и в трудное время имеют определенное обеспечение. Но поскольку собственное натуральное хозяйство непригодно для регулирования промышленного экономического процесса, основанного на разделении труда, то в целом оно

¹ По поводу экономической политики либерализма в Англии начала XX в. в противоположность меркантилизму Э.Ф.Хекшер пишет: «Старый метод как бы пытался воспрепятствовать экономическому перевороту. Новый метод дал полную свободу преобразованиям. Поэтому они начали осуществляться с такой силой, какая не имеет примеров в предшествующей экономической истории человечества. Третья возможность могла бы заключаться в том, чтобы не останавливать ход событий и не оставлять его неурегулированным, а направить его по пути упорядочения. Этот выход из положения еще не апробировался». — E. F. Heckscher. «Der Merkantilismus», 1932, 1. Bd., S. 448 ff.

может представлять собой лишь дополняющую форму порядка. Это полная конкуренция, которая должна накладывать свой отпечаток на современный экономический порядок.

3. Что такое полная конкуренция? Это известная поддающаяся точному определению форма рынка, которую не следует путать с *laissez-faire*. Она представляет собой также нечто совершенно иное, нежели «борьба монополий», скажем борьба частично монополистического синдиката против аутсайдеров, которые до последнего момента пребывали в его тени, или же борьба между собой двух олигополистических судовых компаний, железных дорог или концернов, производящих и реализующих бензин. В частично монополистической или олигополистической борьбе часто прибегают к такому приему, как возведение экономических барьеров против поставщиков или клиентов соперника. В условиях полной конкуренции подобных барьеров быть не может. Олигополисты либо монополисты спроса или предложения проводят рыночную стратегию, которой нет в условиях полной конкуренции. Последняя не сводится к борьбе каждого против каждого, она протекает в параллельном направлении. Это не недобросовестная, а добросовестная конкуренция¹.

Прежняя критика конкуренции в значительной степени утратила свою значимость в силу того, что она смешивала различные формы рынка и называла все это вместе взятое конкуренцией. Рисовалась картина того, как конкуренты боролись лично между собой и разоряли друг друга, картина конкуренции «неистовства соперничающих капиталов» (*Маркс*), картина того, как более крупные капиталисты раздвигались с мелкими, как в этой борьбе попусту растрчивались целые состояния, как рабочие попадали в зависимость от работодателей, картина того, что в целом конкурентная борьба представляет собой состояние анархии. Описывавшиеся в связи с этим факты действительно имели место, но толковались они совершенно неправильно, поскольку преподносились как результат конкуренции. Это были описания борьбы монополий и состояния зависимости от монополий и частичных монополий. Даже сегодня уничтожение запасов приписывается конкуренции, в то время как на самом деле это может иметь место только в рамках монополистических форм рынка.

Тем временем наука разработала экономическую морфологию. В той мере, в какой эта морфология ориентирована на то, чтобы полностью охватить реальную экономику и четко обозначить существу-

¹ По проблеме олигополистической или частично монополистической борьбы или борьбы монополий между собой см.: F. B ö h m. «Wettbewerb und Monopolkampf», 1933; K e s t n e r - L e h n i c h. «Der Organisationszwang», 2. Aufl., 1927; H. M ö l l e r. «Kalkulation, Absatzpolitik und Preisbildung», 1941.

ющие в ней формы, она в состоянии точно определить, что же такое конкуренция (разумеется, для этого непригодна наука, которая аксиоматично конструирует определенные модели и ищет и находит формы рынка не в реальной действительности)¹.

Разрабатывая свои хозяйственные планы, сельский хозяин не обращает внимания на ту реакцию, которую вызывает на рынке зерновых его продажа пшеницы, так как его предложение относительно невелико. Он закладывает в основу своих планов цены на пшеницу, свинину или овощи, которые рассматриваются им как заданные величины, параметры, а это те цены, которые образуются на рынке. При этом он может принимать в расчет определенную рыночную цену или же в первом приближении определить цены, которые будут установлены, и предположить, что они колеблются в известных пределах. Как раз это и есть конкуренция.

Конкуренция существует между домашними хозяйствами того или иного города, которые предъявляют спрос на продовольственные товары, текстиль и обувь; конкуренция существует и между арендодателями, сдающими жилье внаем. Нередко конкуренция имела место в сельском хозяйстве, торговле и промышленности, и прежде всего в перерабатывающей, например в промышленности по переработке бумаги, во многих отраслях машиностроения, текстильной промышленности. Конечно, этот перечень можно было бы продолжить.

Если продавцы и покупатели находятся в состоянии конкуренции между собой и если они, руководствуясь ею, строят свои хозяйственные планы, то в жизнь претворяется форма рынка полной конкуренции. Следовательно, это будет иметь место тогда, когда пшеницу станут не только предлагать, но и покупать в условиях конкуренции, когда городские торговцы продовольственными товарами станут конкурировать между собой, как это делают домашние хозяйки. То, что эта форма рынка зачастую реализовывалась не только в торговле и сельском хозяйстве, но также и в промышленности XIX и начала XX в., известно каждому, кто знаком с промышленностью по собственному опыту.

4. Однако этого обозначения формы рынка полной конкуренции еще недостаточно для экономической политики. Существуют ли методы, применение которых позволяет распознавать полную конкуренцию и другие формы рынка в практике управленческой деятельности? Экономическая политика нуждается в отличительных признаках, симптомах, чтобы иметь возможность реализовывать полити-

¹ О современной теории форм рынка см.: H. von Stackelberg. «Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre», 1948; L. M i k s c h. «Wettbewerb als Aufgabe», 2. Aufl., 1947; W. E u c k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., 1950.

ку конкурентного порядка. Ей нужны простые и ясные правила. Есть ли такие? На данный вопрос следует дать положительный ответ. В нашем распоряжении имеется два метода.

Прежде всего, необходимо выяснить непосредственно в фирмах, разрабатываются ли планы в условиях ведения конкуренции или нет. К примеру, если какая-то фирма при планировании и производстве определенных машин рассчитывает на то, что она станет реализовывать эти машины на рынке по цене примерно 500 марок за штуку, поскольку они продавались на нем по этой цене, то можно предположить, что конкуренция существует. Цена воспринимается рынком, но не навязывается ему в рамках определенной рыночной стратегии. Констатация того, что на рынке нет никаких картельных соглашений, а также данные о конкурентах и масштабах рынка только подкрепляют подобные предположения.

Второй, опосредованный метод заключается в следующем. Определенные меры, которые могут быть определены извне, скажем противоположной стороной на рынке, дают основание с уверенностью говорить о том, что имеет место отнюдь не полная конкуренция, поскольку в ее рамках подобные меры не могут быть приняты. Например, создание экономических барьеров перед потребителями или поставщиками, которые вступают в деловые отношения с аутсайдерами, скидки с цены, предоставляемые за длительные деловые связи, демпинг или уничтожение запасов. Еще пример: цены на шелк-сырец резко упали, а фирма не снижает своих цен на изделия из шелка. В данном случае она *не может* находиться в условиях полной конкуренции, так как механизм цен полной конкуренции вынудил бы ее понизить цены на продукты, если цена на сырье падает. Видимо, эта фирма обладает частичной монополией. Такие косвенные методы определения формы рынка извне можно применять относительно просто, и они оказываются эффективными.

5. Полная конкуренция в рамках конкурентного порядка служит не только повышению эффективности работы фирмы. Она является к тому же формой рынка, цены которого регулируют экономический процесс. Изучение централизованно управляемого хозяйства показало, что даже в этих условиях конкуренция используется для улучшения результатов хозяйственной деятельности. С этой целью нередко организуются соревнования между отдельными предприятиями, предприятия отмечают премиями по достигнутым результатам, организуется соревнование между рабочими, предусматриваются особые отличия за высокие показатели труда. Конкуренция используется как средство повышения конечных результатов труда, в то время как регулирование экономического процесса осуществляется центральными плановыми органами.

Но в условиях конкурентного порядка как раз регулирование экономического процесса осуществляется через цены полной конкуренции и планы многочисленных домашних хозяйств и предприятий, которые ориентируются на эти цены. Регулированию экономического процесса и повышению конечных результатов труда должна способствовать полная конкуренция в рамках конкурентного порядка.

6. Можно также попытаться определить понятие конкурентного порядка с другой стороны, а именно путем сравнения с правовым государством. Как правовое государство, так и конкурентный порядок должны создавать такие рамки, в которых свободная деятельность одного индивида ограничивается сферой свободы другого, в результате чего сферы свободы людей приводятся в состояние равновесия. И в самом деле, воля к установлению и поддержанию конкурентного порядка тесно связана с волей к свободе.

Однако желания увидеть эту волю реализованной так же недостаточно, как и простого одобрения правового государства, а также одной только надежды на его установление. Дом нужно строить, а его план надлежит разработать.

III. «Принцип» и «момент»

1. Эффект принятия любого политико-экономического акта — будь то принятие закона о картелях, изменение действующего закона об эмиссионных банках, издание постановления о посредничестве в найме рабочей силы или иного рода распоряжения — зависит, как следует констатировать, от экономического порядка, в условиях которого он принимается. Любая политико-экономическая мера обретает смысл только в рамках общего плана построения экономического порядка. Одновременно осуществление такой меры влечет за собой относительно большие или небольшие изменения самого экономического порядка.

Следовательно, каждый отдельно взятый политико-экономический акт должен приниматься с учетом того экономического порядка, которому отдается предпочтение. Если есть намерение создать экономический порядок типа, характерного для централизованно управляемого хозяйства, то аграрная политика будет ориентирована на централизованное регулирование сельскохозяйственного производства, например, путем создания в этой отрасли принудительных сельскохозяйственных объединений, управляемых государством; будет создаваться монополия внешней торговли; промышленные предприятия станут объединяться в крупные концерны. Аналогичные политико-экономические акты в условиях конкурентного

порядка не имели бы никакого смысла, и проведение их в жизнь имело бы разрушительные последствия.

Принятие общего решения, связанного с проведением политики порядков, следовательно, должно предшествовать реализации отдельно взятых политико-экономических мер, если только вообще следует проводить в жизнь рациональную экономическую политику. Как оказалось, это — то требование, которое обуславливается опытом, накопленным в процессе реализации экономической политики, а не какой-либо доктриной. Возможности достаточного упорядочения современной индустриализированной экономики оказались весьма ограниченными. Только конкурентный порядок, которому под силу решить проблему политики порядков, отвечает существенным критериям и требованиям сложившейся общей исторической ситуации. Если же общее решение принимается в пользу последнего, то возникает вопрос: что необходимо предпринять для реализации данного решения?

2. С началом поиска ответа на данный вопрос возникает дилемма. Соответствующее конкретное положение отдельно взятой страны должно быть учтено в экономической политике. К примеру, нынешняя политическая обстановка в США отличается от политической ситуации в Англии, равным образом различаются между собой экономическое положение и реально существующее политико-экономическое законодательство этих стран. Установление в той или иной стране конкурентного порядка потребовало бы принятия совершенно различных конкретных мер. И здесь и там ранжирование политико-экономических проблем, диктуемое ситуацией, также было бы различным. В то же время совершенно иной является обстановка в Германии или Франции. В каждой стране сложились различные исходные ситуации, различные соотношения властей, существуют совершенно разные возможности для экономической политики, возникают разные частные задачи. Экономическую политику нельзя отделять от соответствующего исторически обусловленного положения страны. Невозможно разработать всеобъемлющий свод политико-экономических законов, приемлемый для всех без исключения стран. Если бы предпринимались попытки вычеркнуть историю, как этого хотел *Руссо*, то они терпели бы неудачу, столкнувшись с фактами. Установление и поддержание конкурентного порядка требует, таким образом, принятия различных, обуславливаемых историческим «моментом» политико-экономических мер. Исторически обусловленные ситуации, которые сложатся, скажем, в 1960 и 1980 гг. в различных частях света, окажутся разнородными. Как же можно в таком случае высказать нечто общезначимое по поводу установления и поддержания такого порядка?

Но насколько неправильно было бы оставлять без должного внимания исторический момент с его особыми соотношениями властей и многочисленными факторами, не поддающимися учету, настолько же опасным явился бы отказ от принципиальных соображений и возврат к роковой ошибке прошлого с его пунктуально непринципиальной экономической политикой. Тот, кто полагает, что торговую, ценовую, патентную, аграрную политику и вообще экономическую политику можно проводить пунктуально, руководствуясь впечатлениями дня, как нам известно, абсолютно заблуждается. В таком образе действий кроется главная причина нынешнего бедственного положения с экономической политикой.

Экономическая политика обнаруживает склонность впадать либо в нереалистическое доктринерство, которое не учитывает соответствующую историческую ситуацию, либо в непринципиальный пунктуализм, превращающий экономическую политику в хаос не связанных между собой или противоречивых мер. В любом случае цель не достигается.

3. Как же преодолеть эту дилемму? Кратко говоря, если четко отграничивать сам *принцип* от его применения в конкретном историческом моменте.

Дело в том, что из экономической и политико-экономической действительности последних 150 лет можно вывести определенные принципы, которые должны быть претворены в жизнь, если предстоит установить конкурентный порядок. Поскольку полная конкуренция постоянно реализуется, существует возможность обозначить те условия, в которых она претворялась и может быть претворена в жизнь. Именно так вырабатываются принципы. Они не выводятся дедуктивным методом из аксиом и, разумеется, не противопоставляются истории. Скорее они формулируются путем глубокого осмысления истории, в первую очередь экономической политики и опыта, накопленного при ее проведении. Они носят *практический* характер. Следовательно, в них содержатся требования общего порядка и их выполнение необходимо для достижения цели. Таким образом, они позволяют экономической политике, к примеру антимонопольной и торговой политике, осуществить выбор из ряда имеющихся возможностей.

Подобные принципы политико-экономической деятельности, например принцип открытых рынков или принцип неизменности экономической политики, нужны для того, чтобы отдельно взятые политико-экономические акты рациональным образом переплетались между собой. Подобно тому как строитель для того, чтобы возвести дом, должен знать законы статики, лицу, проводящему в жизнь экономическую политику, должны быть знакомы принципы, необходимые для строительства *in concreto* здания конкурен-

тного порядка. В других областях жизни также не будет возможности устанавливать конкретный рациональный порядок, если окажутся неразработанными аналогичные принципы, например принципы правового и государственных порядков. Остается признать правоту старой истины, гласящей, что порядок рушится там, где имеет место нарушение принципов.

4. Для установления желаемого порядка эти принципы должны находить *применение* в конкретный исторический момент. Их использование представляет собой особое достижение и в каждом отдельном случае требует глубокого осмысления. В какой последовательности и как должны были, скажем в Германии 1948 г., осуществляться меры валютной, внешнеторговой, банковской и антимонопольной политики с тем, чтобы привести в движение механизм цен, было особым вопросом, который требовал применения этих принципов к конкретной ситуации. Применительно к историческому моменту происходит приведение их в соответствие с разнообразием и подвижностью вещей.

Аналогичным образом наука о государстве разработала принцип разделения властей, который позднее по-разному был претворен в жизнь многими государствами. *Если* оно должно иметь характер правового государства, то это разделение властей необходимо. Таковой была аргументация. Использование на практике данного принципа в отдельных странах и в конкретные периоды времени было различным в зависимости от сложившейся ситуации. Параллельно приведем и мы свою аргументацию. *Если* должен быть установлен конкурентный порядок, следует применять разрабатываемые принципы. Подобно тому как принцип разделения властей возник на базе исторического опыта злоупотребления органов исполнительной власти, принципы, реализация которых способствует установлению конкурентного порядка, были сформулированы, исходя из накопленного политико-экономического и экономического опыта. Как оказалось, принцип *laissez-faire* не устанавливает конкурентного порядка. Необходимы другие принципы.

Итак, существует возможность решить главную проблему современной политики порядков: необходимо разработать определенные принципы действий, а с другой стороны, их применение, обеспечивающее постоянно меняющийся эффект совершенно иного характера. Прежде, когда экономическому порядку предоставлялась возможность развиваться, было проще. В сложном мире с развитой техникой, промышленностью и большими массами людей следует поступать по-иному. Прежде всего нам необходимо привыкнуть к тому, чтобы проводить различия между «принципом» и «моментом» и действовать в соответствии с этим.

5. Тем самым вопрос об установлении конкурентного порядка сужается до вопроса о принципах, использование которых каждый раз обуславливается конкретным случаем.

Какие же принципы следует использовать, чтобы установился конкурентный порядок? Впрочем, только этим вопрос еще не исчерпывается. В частности, даже тогда, когда принципы, по которым конституируется конкурентный порядок, находят полновесное применение, остается открытым целый ряд вопросов. Это вопросы двоякого рода. Во-первых, необходимо принимать в расчет то, что, несмотря на последовательное проведение политики конкурентного порядка, на отдельных рынках возникает не полная конкуренция, а другие формы рынка. Как должна относиться экономическая политика к таким отраслям производства и рынка. Это первое. Второе: опыт и научный анализ свидетельствуют о том, что регулирование экономического процесса через полную конкуренцию, несмотря на большие успехи, в определенных местах приводит к ущербу и незавершенности. Отсюда также вытекает необходимость принятия определенных политико-экономических мер при реализации становления конкурентного порядка.

Таким образом, существует две группы принципов, тесно сопрягающихся друг с другом: конституирующие и регулирующие. В первом случае речь идет об *установлении* конкурентного порядка (гл. XVI), во втором — о том, чтобы поддерживать его *в состоянии функционирования* (гл. XVII).

Глава XVI

ПОЛИТИКА КОНКУРЕНТНОГО ПОРЯДКА. ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ

I. Основной принцип

1. Мы знаем, что экономическая политика как в эпоху *laissez-faire*, так и в последующий период экспериментов недооценивала или не замечала значения и сложности проблемы обеспечения достаточного регулирования экономического процесса той проблемы, которая в процессе индустриализации вступила в совершенно новую стадию. Прежде всего не уделялось, да и не уделяется, внимания тому, что все экономические факты тесно связаны между собой и что, следовательно, механизм регулирования неделим, если только он должен функционировать. В силу их всеобъемлющей интерdependенции все отдельно взятые политико-экономические меры вмешательства оказывают влияние на экономический процесс в целом. Если, к примеру, осуществляются махинации по снижению

ставки процента, то тем самым меняется, и это неоднократно доказывалось, весь механизм цен и соответственно все регулирование экономического процесса.

Шумная политико-экономическая дискуссия по проблемам регулирования экономики затушевывает тот факт, что собственно проблему регулирования с течением времени замечали все меньше и меньше. Правда, в период *laissez-faire* допускались формы рынка и денежные порядки, в рамках которых образовывались цены, лишь неудовлетворительно осуществлявшие функцию регулирования. Однако позднее — в период политико-экономических экспериментов — масштабы такого рода беспечности выросли. Мышление категориями соотношения цен быстро деградировало. И независимо от того, парализовала ли отчасти политика обеспечения полной занятости функционирование механизма цен путем замораживания цен, установления низких процентных ставок и валютного контроля, или же от того, пытались ли центральные плановые органы регулировать экономический процесс, что могло иметь место только на основе глобальных оценок, постоянно недооценивались исключительная сложность регулирования крупным экономическим процессом индустриализированного хозяйства, а также присущие ему как единому целому взаимосвязи.

2. Как раз здесь должны наконец произойти перемены. Коренной вопрос современной экономической политики следует рассматривать именно как таковой. Это произойдет, если создание механизма цен полной конкуренции, способной функционировать, станет важным критерием любой политико-экономической меры. *Это — основной принцип экономического конституирования.*

Нельзя проводить конъюнктурную политику, которая под давлением сиюминутных трудностей ограничивает или полностью парализует функционирование механизма цен с помощью таких мер, как валютный контроль, кредитная экспансия и т.п. Точно так же не должна и налоговая политика, например через взимание налога с оборота или введение налога на корпорации, стимулировать развитие процесса концентрации и тем самым благоприятствовать наступлению монополий. Здесь и во всех других областях экономической политики при реализации любой меры должен быть соблюден основной принцип экономического конституирования. Для этой посылки нет никаких исключений.

3. Основной принцип требует не только того, чтобы избегали принятия определенных политико-экономических мер, таких, как, например, предоставление государственных субсидий, создание государственных принудительных монополий, проведение общего замораживания цен, введение запрета на импорт и т.д. Недостаточно

также запретить, скажем, создание картелей. Далеко не в первую очередь принцип носит негативный характер. Скорее, необходимо проведение позитивной политики экономического конституирования, ориентированной на то, чтобы способствовать развитию формы рынка полной конкуренции, а тем самым выполнению основного принципа. И здесь политика конкурентного порядка также полностью отлична от политики *laissez-faire*, которая, по сути, не знала позитивной политики экономического порядка.

Повторим еще раз: главное заключается в том, чтобы сделать механизм цен способным к функционированию. Любая экономическая политика, которой не удастся добиться этого, обречена на провал. Это стратегически важная точка, с которой овладевают всей совокупностью и на которой поэтому следует сконцентрировать все усилия: настойчиво отстаивать значение ключевой позиции для экономической политики не менее важно, чем для стратегии. В этом и состоит наш «Тулон»¹.

Теперь необходимо порознь разработать позитивные принципы, которые конституируют конкурентный порядок и которые фокусируются в только что рассмотренном основном принципе².

II. Примат валютной политики. Политико-валютный стабилизатор

1. Чтобы разрушить буржуазное общество, нужно разорить его финансовую систему. В этом высказывании *Ленина* под демагогической оболочкой скрывается суть вопроса.

В экономическом порядке, присущем централизованно управляемой экономике, деньги играют незначительную роль. То, что домашнее хозяйство в состоянии купить, зависит не столько от его денежных доходов, сколько от количества товаров, выделяемых ему в рамках нормированного распределения. Предприятие получает сырье также по разнарядкам центральных органов, а не в соответствии с покупательной силой денег, которыми оно располагает. Будут ли осуществляться капиталовложения, решают не предприниматели и банки, предоставляющие кредиты, а центральные административные органы. Поскольку в подобных экономических порядках регулирова-

¹ «Вот где Тулон», — не устал повторять Наполеон, указывая не на сам город, а на вход в порт, который представлял собой ключевую позицию для взятия Тулона. Так он одержал свою первую крупную победу. См.: *Edith Eucken-Erdsieck*. «Grösse und Wahn». Tübingen, 1950, S. 69, 70.

² По этой крупной проблеме см.: *F. Böhmer*. «Wettbewerb und Monopolkampf», 1933; *L. Milsch*. «Wettbewerb als Aufgabe», 2. Aufl., 1947; *H. C. Simon* s. «Economic Policy for a Free Society», 1948.

ние экономического процесса осуществляют не цены, то деньги не имеют существенного значения для этого регулирования. Следовательно, в таких экономических порядках денежная политика не выходит на передний план, а занимает второстепенное место.

2. И в этом отношении конкурентный порядок является полной противоположностью порядкам, присущим централизованно управляемой экономике. Здесь имеет силу принцип, согласно которому все усилия, направленные на реализацию конкурентного порядка, оказываются тщетными до тех пор, пока не будет обеспечена определенная стабильность стоимости денег. В силу этого валютная политика имеет главенствующее значение для конкурентного порядка.

Иллюстрацией сказанному служит экономическая история Германии начиная с войны 1914—1918 гг.

С этого момента инфляция в стране проявлялась в открытой и «подавленной» форме. «Открытая инфляция», подобная той, которая наблюдалась в период между 1914 и 1923 гг., лишала регулирующий механизм цен способности осуществлять в достаточной степени управление экономическим процессом. Ведь повышение цен протекает неравномерно. Например, рост арендной платы и цен на некоторые виды сырья происходит более медленными темпами. В то же время другие цены повышаются значительно быстрее. Так, расчет издержек предприятия окажется ошибочным именно потому, что соотношение цен больше не отражает пропорций ограниченности ресурсов. И даже в том случае, если бы повышение всех цен проходило в равном соотношении, искажения общей картины все же имели бы место, ибо долгосрочные долги предприятий при росте цен на продукцию и средства производства остаются неизменными. Активная сторона баланса отражает увеличение средств предприятия, а показатели пассивной стороны не меняются. Тем самым возникают прибыли, порождаемые не правильным регулированием экономического процесса, а инфляцией. Продолжают работать также такие производства, которые при правильном хозяйственном расчете должны были бы сокращаться или даже полностью останавливаться.

Но «подавленная инфляция», суть которой заключается в том, что при увеличении денежной массы цены удерживаются на прежнем уровне, как это было в Германии в 1936—1948 гг., незамедлительно парализует механизм цен. В ценах уже не отражается смещение экономических параметров, и, поскольку на рынках спрос превышает предложение, вводятся нормированное распределение товаров и централизованное регулирование, по меньшей мере по таким важным продуктам, как уголь, сталь, кожа и т.п. Следовательно, механизм цен как инструмент регулирования быстро ликвидируется. Вместе с тем формируются черные рынки, с другими ценами и другими соотношениями цен, а также осуществляется нату-

ральный обмен. Хозяйственный расчет как единое целое прекращает свое существование.

Впрочем, и такая *дефляция*, которая имела место в Германии в 1929—1932 гг., равным образом искажает структуру цен. Одни цены остаются относительно неизменными, другие быстро меняются. В результате и здесь расчет издержек во многих случаях не имеет смысла. Потери возникают только потому, что в ходе дефляционного процесса одни цены понижаются в большей мере, чем другие. Показатели активной стороны баланса уменьшаются, в то время как величина долгов остается неизменной.

3. Принцип, в соответствии с которым валютной политике следует придать особый статус в рамках экономической политики, как оказалось, имеет определенный смысл с точки зрения политики порядков. Прибегая к грубому сравнению, можно сказать, что действия в полном соответствии с этим принципом не принесут экономику в жертву валюте. Совсем наоборот: благодаря определенной стабилизации стоимости денег становится возможным встроить в экономический процесс полезный инструмент регулирования.

Если бы удалось снабдить валютный порядок стабилизатором стоимости денег, то можно было бы надеяться, что станет проявляться внутренне присущая конкурентному порядку тенденция к установлению состояния равновесия, а не процесс бесконечной смены конъюнктуры, то есть инфляции и дефляции, как это было в прошлом, из-за порочной структуры существующих валютно-финансовых систем.

Добротная система валютного конституирования не только должна была быть построена с таким расчетом, чтобы она поддерживала стоимость денег по возможности на стабильном уровне. Помимо того ей следовало выполнить еще одно условие. Как и сам конкурентный порядок, она должна функционировать по возможности автоматически, причем не только просто потому, что «справедливость системы» требует осуществлять валютное и общее экономическое конституирование на основе одного и того же принципа, но прежде всего потому, как свидетельствует опыт, что валютное конституирование, которое предоставляет свободу действий руководителям — проводникам денежной политики, оказывает им большее доверие, чем то, которое им вообще может быть оказано. Неосведомленность, бессилие перед группировками, связанными общими интересами, и общественным мнением, ошибочные теории — все это оказывает на этих руководителей влияние, наносящее ущерб задаче, которую им доверено решать. Как раз в нынешней ситуации существует большая опасность того, что создаваемой отнюдь не автоматически системой валютного конституирования станут злоупотреблять в инфляционных целях. Ведь чересчур велико искушение временно перекрыть диспропорциональ-

ности, которые в процессе производства возникают либо как следствие проведения «политики обеспечения полной занятости любой ценой», либо в результате борьбы за власть различных экономических группировок, либо по каким-либо другим причинам, с помощью таких инфляционистских мер, как кредитная экспансия, девальвация, политика низких процентных ставок и т.д. Подобная денежная политика напоминает действия строителя, который вместо того, чтобы подвести под здание прочный фундамент, все свое внимание сосредоточивает в первую очередь на сооружении крыши.

Абстрагируемся от некоей инфляционистской денежной политики. В этом случае заметим, что накопленный опыт четко показал: в реальном развитии проявляется противоречие. Регулирование индустриальной экономики нуждается в монетарной стабильности, но, как свидетельствуют колебания конъюнктуры, именно нестабильность стоимости денег, по-видимому, органически присуща этой экономике.

4. Как следует объяснять монетарную нестабильность? Главным образом тем, что банки стали «монетными дворами». Начиная с XVIII в. развитие в возрастающей степени шло в том направлении, что деньги стали возникать в результате предоставления кредитов банками и исчезать в процессе возвращения полученных кредитов банкам; так обстоит дело с банкнотами и деньгами жирооборота центральных банков, а также с деньгами жирооборота частных банков. Это два важнейших вида денег в настоящее время. С колебаниями объемов банковских кредитов изменяется также и денежная масса. Кредитная экспансия означает увеличение денежной массы; сдержанность в предоставлении кредитов — при погашении ранее предоставленных кредитов — означает уменьшение денежной массы. Каждый день при предоставлении кредитов банками возникают деньги, и каждый день они исчезают в процессе возвращения кредитов.

Прежде деньги возникали, как правило, по-другому: в результате превращения товара в деньги, например при чеканке монет из металла. Или это происходило при покупке товара, скажем золота, серебра, эмиссионным банком. Начиная с XIX в. этот только что описанный третий тип денежной системы начинает постепенно выходить на передний план¹. Часто писалось о том, как активно эта эластичность денег стимулировала инвестиционную деятельность в период индустриализации. Без нее индустриализация медленнее продвигалась бы вперед. Но в этом кроется одновременно причина нестабильности денег, существования тенденции к инфляционному

¹ По поводу трех форм обеспечения деньгами см. также: W. E u c k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 6. Aufl., 1950, S. 115 f.

росту и дефляционному уменьшению денежной массы. Обеспечение деньгами зависело от соответствующей ликвидности и готовности банков предоставлять кредиты и одновременно от спроса на ссудный капитал, то есть от склонности предпринимателей к инвестированию. В рамках этого денежного порядка сбережения не во всех формах ведут к соответствующему расширению масштабов кредитования, осуществляемого банками¹.

Впрочем, и в условиях конкурентного порядка приходится считаться с восприимчивостью механизма цен к нестабильности валют. Если бы такие нестабильные денежные порядки, какие существовали в первой половине XX в., были включены в конкурентные порядки, то экономические процессы в их рамках также привели бы к ошибкам в управлении и к кризисам с безработицей.

Итак, возникает крупный политико-экономический вопрос: как денежный порядок более высокой стабильности может быть встроен в конкурентный порядок?

В последнее время с этим вопросом было связано немало самых различных серьезных предложений.

5. Но может быть, реально, сохраняя существующую банковскую систему, ликвидировать нестабильность лишь с помощью денежной и кредитной политики центральных органов? Мнение Гестриха было таково: «В действительности нет никакого другого средства регулирования, кроме как с помощью мер принуждения денежной и кредитной политики, если только есть намерение сохранить рыночное хозяйство с индивидуальной свободой потребления, накопления и инвестирования и не использовать преимущественно элементы централизованно управляемой экономики. При этом неизбежно становится очевидным поразительный факт, суть которого в том, что функционирующее по возможности без помех рыночное хозяйство нуждается в централизованно регулируемой кредитной политике, обладающей всеми средствами принуждения, необходимыми для полного овладения денежной и кредитной системами»². Лишь благодаря постоянному активному вмешательству денежной и кредитной политики должны приводиться в соответствие между собой накопление и кредит. Дисконтная политика, политика открытого рынка, установление норм ликвидных резервов, государственная финансовая политика и, пожалуй, государственные капиталовложения должны были

¹ По данному вопросу см.: Н. G e s t r i c h. «Kredit und Sparen», 2. Aufl., 1947. «Изобретение того, как производить деньги практически без издержек, хотя и принесло большую пользу, но все же в силу того, как использовалось до сих пор, пробило брешь в системе равновесия». — К. F. M a i e r. «Gleichgewichtsgedanke und Konjunkturpolitik». — *Kyklos*, 1948, Bd. 2, S. 83.

² Н. G e s t r i c h. «Kredit und Sparen», 2. Aufl., 1947, S. 155.

бы служить целям стабилизации. Такие предложения нельзя путать с политикой обеспечения полной занятости кейнсианского толка. Дело в том, что они направлены на то, чтобы обеспечить функционирование механизма цен конкуренции.

Однако еще неизвестно, окажется ли успешной реализация этих предложений. Центральные государственные органы, которые должны были бы определять кредитную политику и обладать довольно значительными средствами принуждения, стали бы осуществлять прямое вмешательство в повседневный экономический процесс. Окажется ли у них достаточно сил и самообладания для того, чтобы ограничиться установлением состояния равновесия между сбережениями и кредитами? Мощные факторы действуют в том направлении, что государственные органы выходят за эти границы. Так, например, сами государства нередко оказываются весьма заинтересованными в том, чтобы снизить процентные ставки, что позволяло бы поддерживать взимание процентов по государственному долгу на низком уровне, а курс государственных ценных бумаг, соответственно, на высоком. И даже тогда, когда для предотвращения инфляции было бы необходимо повысить ставки процента. Кроме того, интересы частных заемщиков подталкивают к кредитной экспансии. В этом предложении содержится чересчур много требований к органам государственного управления и ответственному руководству кредитной политикой. *In concreto*, видимо, не удалось бы добиться стабильности.

6. Может быть, реально достижение той же цели путем *реорганизации банков*? Это — та цель, которая достигается путем использования так называемого 100%-ного, или чикагского, плана¹. Он ориентируется на то, чтобы лишить банки способности создавать деньги, то есть быть монетными дворами. Это могло бы удасться. Ведь каждый частный банк можно было бы расчленить на два подразделения: подразделение жирооборота и собственно банковское подразделение. Деньги жирооборота (кредиты, сроки исполнения обязательств по которым наступают каждый день) должны были бы в этом случае на 100% обеспечиваться за счет денег центрального банка, иными словами, банкнотами или авуарами центрального банка. Банковские подразделения по пассивной части своего баланса проводили бы помимо прочего вкладчиков-кредиторов, а по активной — в том числе требования к торговле и промышленности. Таким образом, кредитные операции были бы отделены — точно по мысли *Рикардо* — от создания

¹ План был разработан группой чикагских экономистов-теоретиков, среди которых ведущую роль играл Генри К. Саймонс. Относительно самого плана см.: A. G. H a r t. «Money, Debt and Economic Activity», 1948, p. 447 ff.; H. C. S i m o n s. «Economic Policy for a Free Society», 1948; J. F i s h e r. «100 percent Money», 1935; F. L u t z. «Das Grundproblem der Geldverfassung», 1936, S. 86 ff.

денег. Предоставлять кредиты могло бы только банковское подразделение, но не подразделение жирооборота.

100%-ный план, который ставит на повестку дня ряд интересных проблем, в случае своей реализации мог бы воспрепятствовать тому, чтобы денежная масса изменялась в результате колебаний процесса предоставления кредитов *частными* банками. Нестабильность, порождаемая частными банками, была бы устранена. Объем денежной массы регулировался бы центральным банком, который в своей деятельности руководствуется политикой открытого рынка, то есть покупает и продает ценные бумаги. Но какую денежную политику стал бы проводить центральный банк, если бы он зависел от своего руководства и от государственных инстанций, оказывающих на него большое влияние, например от министерства финансов, которое сегодня в большинстве стран определяет денежную политику? Объем денежной массы регулируется не автоматически, а через волеизъявление этих органов. В этом заключается одна из слабых сторон плана. Создание денег центральным банком и его вложения ценных бумаг, и прежде всего предоставление кредитов государству, не нуждаются в ориентации на функционирующий механизм цен. Несмотря на реализацию плана, может возникнуть инфляция, если центральный банк станет покупать чересчур много государственных ценных бумаг. Впрочем, не была бы устранена и дефляция. Вопреки возросшей покупке ценных бумаг центральным банком созданные им деньги могут оказаться неэффективными, поскольку нет достаточного спроса на кредиты со стороны торговли и промышленности. Оба этих момента — зависимость объема денежной массы от случайных решений центральных органов и зависимость скорости обращения (эффективности) денег от частного спроса на кредиты — могли бы привести к тому, что и денежный порядок чикагского плана оказался бы нестабильным.

7. Под эту критику не попал следующий, третий план, а именно план «товары — резервы — валюта», или план Грехэм¹.

а) В нем в особой форме находит свое выражение простая идея, которая неоднократно претворялась в жизнь. Центральное агентство покупает и продает определенный набор товаров, точнее сказать,

¹ В этом кратком наброске я следую изложению Харта. Впервые план был развит в работе Б. Грехэма «Storage and Stability», 1937. Свое дальнейшее развитие он получил в его следующей работе, «World Commodities and World Currency», 1944. Об этом см. также различные статьи Фрэнка Грехэма в *American Economic Review*. См. также: L. Robbins. «The Economic Problem in Peace and War», 1947, p. 57 ff.; P. A. H. A. у e k. «A Commodity Reserve Currency». — *Economic Journal*, 1943, Bd. 53, перепечатка в «Individualism and Economic Order», 1948, p. 209 ff. Предшественником в разработке плана можно считать А. Маршалла, предложившего симметризм. См. его работу «Money, Credit and Commerce», 1936, p. 86 ff.

складские сертификаты на эти товары по твердой цене. В своей книге, опубликованной в 1937 г., *Бенджамин Грехэм* предлагает, что за набор, состоящий из товаров в приводимых ниже пропорциях, должна быть установлена цена, равная примерно 100 долларам.

НАБОР ТОВАРОВ

12	бушелей пшеницы	16,3	фунта табака
12,5	бушеля кукурузы	6,3	барреля керосина
87	фунтов хлопка	7480	фунтов угля
25	фунтов шерсти	204	фунта целлюлозы
24	фунта каучука	506	фунтов чугуна
34	фунта кофе	35	фунтов меди
9 1/4	фунта чая	4	фунта олова
30	фунтов сахара		

Пропорции рассчитаны по стоимости мирового производства этих товаров и по экспорту стран — участниц мировой торговли.

Хотя цены на отдельные товары могли бы меняться, но цена всего набора, то есть «единицы товара», оставалась бы постоянной. И упомянутое агентство, которое вводит в обращение новые деньги, стало бы незамедлительно, едва только возникнет возможность приобретать единицу товара приблизительно за 95 долларов, покупать товар на всех этих товарных рынках и тотчас же продавать его, если будет можно сбывать эту единицу товара за 105 долларов. При этом агентство действовало бы активно на рынках.

Система «товар — резервы — валюта» напоминает систему золотого стандарта в той мере, в какой деньги возникали в ней путем покупки золота центральным банком и исчезали в результате продажи его этим банком. Но стоимость денег должна быть связана со стоимостью не *одного* товара, то есть золота, а многих товаров. Стоимость денежной единицы зависит не от случайностей производства золота, а от средней ограниченности товаров данного набора. Следовательно, предложение сводится к тому, чтобы в индустриальную экономику встроить еще одну, вторую денежную систему и хотя бы частично обеспечение деньгами увязать с покупкой и продажей товаров, а не с предоставлением кредитов банками.

б) Подобного рода институт в действительности мог бы представить собой политико-валютный стабилизатор, причем действующий *автоматически*, функции которого не зависят от соответствующих каждодневных решений политических инстанций. Поскольку существует интердепенденция всех цен на товары и доходов, то регулирование объема денежной массы сказалось бы на всех ценах и доходах. Дефляцию можно было бы приостановить за счет того, что агентство станет покупать единицы товара, введет в обращение новые деньги и своими закупками стимулирует

производство. При инфляции действует обратная схема. Агентство противодействует ей, осуществляя продажи товаров, так что автоматически происходит уменьшение находящейся в обращении денежной массы. В отличие от нынешнего положения — и от доминирующей роли третьей денежной системы вообще — не существовало бы склонности увеличивать масштабы обеспечения деньгами в условиях повышающегося уровня цен и уменьшать их в условиях понижения этого уровня. Развитие обеспечения деньгами протекало бы в обратном направлении, и оно оказывало бы *противодействие* тенденции к уходу от равновесия.

Если наряду с созданием денег агентством деньги создаются еще посредством предоставления кредитов банками, например эмиссионными, то в этом случае произошло бы следующее: в рамках инфляционистской кредитной экспансии центрального банка изъятие денежной массы за счет продаж агентством могло бы продолжаться только до тех пор, пока не окажутся исчерпанными складские запасы товаров, которыми оно располагает. Таким образом, стабилизатор вскоре оказался «изношенным». При сокращении объема денег центрального банка границы не устанавливались бы. Ведь при продолжительных покупках единиц товаров деньги агентства могли бы заменить все деньги центрального банка. Итак, в условиях дефляции стабилизатор оказался бы более действенным средством, чем при инфляции.

в) Этот случай сосуществования агентства и банковского аппарата требует, как и многие другие вопросы, вытекающие из плана, серьезного обсуждения. Если бы эмиссионные и частные банки продолжали и дальше известным, а ныне уже обычным способом создавать деньги и изымать их из обращения, то здесь было бы задействовано *два* независимых носителя денежного обеспечения: агентство и банковский аппарат, состоящий из центрального и частных банков. Тогда функцией агентства в первую очередь было бы исправление ошибок в денежном обеспечении, допущенных банковским аппаратом, что удастся, как это отмечено в пункте б, лишь в ограниченной степени. К тому же перспектива того, что стабилизатор сбалансирует сдвиги в стоимости денег, могла бы побудить руководство центрального банка действовать менее осмотрительно при проведении в жизнь своей кредитной политики. Подобное сосуществование агентства и банковского аппарата оказалось бы, таким образом, невыносимым.

Связь обеих структур была бы необходимой. Каким же образом она стала бы возможной? Вначале речь идет здесь о центральном банке, кредитная политика которого должна быть увязана с актами купли и продажи агентства. Масштабы его кредитных операций следовало бы поставить в зависимость от товарных запасов, которыми располагает агентство. При увеличении запасов агентства по

складским распискам, то есть при падающих ценах на товары, центральный банк мог бы увеличить объемы своего кредитования. И наоборот — при росте цен и расширении продаж агентства. Следовательно, агентство и центральный банк делали бы одно дело и не выступали бы друг против друга.

Наряду с этим следовало бы решить еще один вопрос, а именно: как можно было бы разместить частные банки в этой валютно-финансовой системе? Ведь нужно было бы помешать тому, чтобы создание денег жирооборота частными банками шло особыми путями. Здесь вполнегодились бы идеи чикагского плана, который, как мы знаем, вообще препятствует созданию денег жирооборота частными банками. Следовательно, его можно было бы встроить в систему «товары — запасы — валюта».

г) Создание системы «товары — запасы — валюта» существенно облегчило бы стабилизацию валютных курсов не только в том случае, если бы ее переняли ведущие страны, но и в том, если бы одновременно наборы товаров формировались одинаковым образом в различных странах. При существовании различий в выборе видов товаров, когда, например, в *одной* стране выбрали бы сырую нефть, а в *другой* — цемент, возникли бы серьезные трудности. То же самое произошло бы и тогда, когда набор товаров формировался бы из одинаковых товаров, но в различных пропорциях. Тогда возникла бы необходимость в заключении международного соглашения по формированию набора товаров. Это был бы такой договор, действие которого должно было бы распространяться исключительно на политико-валютные правила игры, а не прямо на образование ежедневного курса валют.

д) Чикагский план имеет значение потому, что он ориентирован на решающие моменты, как-то: преодоление нестабильности денег путем искоренения истинной причины этой нестабильности, то есть полной зависимости процесса обеспечения деньгами от кредитных операций банков, и одновременно создание рационального автоматизма, то есть создание формы, в рамках которой происходит рациональное регулирование денежной массы по определенным установленным правилам. Обеспечение взаимосвязи создания и исчезновения денег с покупкой и продажей важных, постоянно производимых и потребляемых товаров означает выбор торной дороги.

В системе «товары — запасы — валюта» проявляется действие другого, более совершенного принципа обеспечения деньгами. Обеспечение деньгами через банковские кредиты отодвигается на второй план, оно носит вспомогательный характер. Лишь центральный банк несет ответственность за это, частные банки уже не играют такой роли. Тот же центральный банк регулирует свою кредитную политику

параллельно актам купли и продажи агентства, то есть также подчиняется определенным единообразным правилам игры (пункт в).

В остальном же преимущество системы «товары — запасы — валюта» заключается в простоте ее основной идеи.

е) Само собой разумеется, что система «товары — запасы — валюта» имеет смысл лишь в рамках такого экономического порядка, который и в других отношениях обладает достаточным механизмом регулирования. Таким образом, не следует думать, что все можно оставить по-прежнему, решать все проблемы с помощью только одного такого монетарного стабилизатора. Если при этом станут игнорироваться другие принципы, то польза от этого стабилизатора, даже точно разработанного, будет небольшой. Если, скажем, экономическая политика в силу быстрых изменений налогообложения, торгово-политических соглашений и т.п. нарушит принцип неизменности¹, то стабилизатор вряд ли будет в состоянии удовлетворительно стимулировать инвестиционную деятельность, даже при условии, что он препятствует дефляции. В такой же малой степени он согласуется с политикой низких процентных ставок.

Vice versa в силе остается следующее: для того чтобы другие принципы способствовали созданию и поддержанию экономического порядка с пригодной системой регулирования экономики, необходим политико-валютный стабилизатор, дельный принцип денежного обеспечения. Сохранение ныне общепринятой нестабильной системы существенно затруднило бы протекание экономического процесса, присущего конкурентному порядку.

III. Открытые рынки

1. Закрытие спроса и предложения является тем методом, который использовался и используется чаще всего для того, чтобы нарушить или воспрепятствовать сильной тенденции к конкуренции, которая оказывается действенной как раз в индустриальной экономике. Современное государство, а также частные и полугосударственные властные группировки использовали необычно большой инструментарий для того, чтобы «закрыть» спрос или предложение. Запреты на импорт, запретительные пошлины или монополия на внешнюю торговлю отделяют продавцов той или иной страны от зарубежных конкурентов, то есть претворяют в жизнь локальное закрытие предложения. Запреты на осуществление капиталовложений, уменьшение посевных площадей, запреты на учреждение новых компаний и т.п. оказывают то же влияние. Ограничение притока и миграции населе-

¹ См. с. 372 и сл.

ния, а также свободы выбора профессии, введение в торговле, ремесленном производстве и промышленности лицензионных систем с контролем за спросом и установление *numerus clausus*¹ также относятся к упоминавшемуся выше комплексу средств, равно как и запрет на занятия одновременно несколькими промыслами.

До сих пор мы говорили о государственных мерах закрытия спроса и предложения. Но частные властные группировки и монополистические единоличные предприятия разработали систему для того, чтобы затруднять деятельность аутсайдеров и препятствовать самому их появлению.

Сюда же следует отнести и своеобразные методы «закрытия», по которым совместно работают государственные и частные властные группы, когда государство оказывает поддержку с тем, чтобы частные лица имели возможность «закрыть» спрос. Это имело место, например, в патентном праве или в деле охраны товарного знака путем установления единых картельных цен по вертикали.

В средние века и в эпоху меркантилизма также использовались весьма действенные меры с тем, чтобы ограничить приток населения и капитала в тот или иной промысел. Не менее успешно подобные методы разрабатывались в период индустриализации².

2. Если какому-либо предприятию предоставляется исключительная привилегия заниматься каким-либо определенным промыслом, например почте — заниматься доставкой писем или центральному банку — осуществлять эмиссию денег, то закрытие спроса и предложения прямо создает монополию. Итак, сам факт закрытия спроса и предложения способствует ликвидации всех немонополистических форм рынка. Однако нередко предложение закрывается применительно не только к отдельно взятому предприятию, но и в пользу большого числа офферентов. Сказанное имеет место, например, при ограничении допуска к занятию розничной торговлей, или при наложении на целые отрасли промышленности запрета на осуществление капиталовложений, или при ограничении посевных площадей под сахарную свеклу и другие сельскохозяйственные культуры. Может быть, в подобных случаях закрытие рынков вполне совместимо с конкурентным порядком? Разве не возможно, чтобы в рамках закрытых рынков возникла конкуренция, как это было, скажем, в Германии в 30-е годы XX в. с предложением табака? Действительно ли дело обстоит так, что закрытие рынков несовместимо с полной конкуренцией и что для обеспечения последней следует по возможности открыть все рынки?

¹ Количественное ограничение (лат.).

² Об этом см.: F. B ö h m. «Wettbewerb und Monopolkampf», 1933, S. 75; K e s t n e r - L e h n i c h. «Der Organisationszwang», 2. Aufl., 1927, S. 53 ff.

И в самом деле — именно так необходимо возразить на это, — в рамках закрытых рынков механизм конкуренции может стать эффективным. Тем не менее для экономической политики должен сохраняться силу принцип, в соответствии с которым нужно делать рынки открытыми, поскольку при их закрытии возникает реальная угроза ограничения полной конкуренции. В этом направлении действуют два фактора.

Во-первых, закрытие спроса и предложения существенно облегчает образование монополий. Если существует запрет на осуществление капиталовложений для цементных заводов или если закрыт доступ к занятию тем или иным ремеслом, то существует большая вероятность возникновения монополий. Если запреты на импорт или на осуществление капиталовложений ограничивают предложение стали, то это создает солидную основу становления стальных картелей. И наоборот, там, где рынки не закрываются, где отменены запреты на импорт, устранены препятствия на пути к рынку, не существует запретов на осуществление инвестиционной деятельности, часто бывает очень трудно поддерживать монополию, а олигополии переходят к конкуренции. Вот почему открытие спроса и предложения является предпосылкой конституирования конкурентного порядка в промышленную эпоху.

Не менее важен *второй* момент. Даже если на отдельных закрытых рынках возникает полная конкуренция, то закрытие спроса и предложения нарушает связи между рынками и вся система полной конкуренции не в состоянии функционировать в полном объеме. Если, например, государство запретит станкостроительным заводам осуществлять инвестиции, то хотя между заводами и может существовать конкуренция, однако запрет на осуществление капиталовложений станет препятствовать тому, чтобы в станкостроительную промышленность направлялось такое количество капитала и, соответственно, рабочей силы, металла и других материалов, какое было бы возможно на основе соотношения цен. В результате предложение металлообрабатывающих станков оказывается меньше, чем при отмене запрета на капиталовложения. Общее равновесие, то есть взаимосвязку между собой многих рынков и отраслей производства, удастся установить не полностью, если сохраняют свою силу запреты на инвестиционную деятельность, а также другие меры по закрытию спроса и предложения. Функции регулирования и выбора, которые в условиях открытой, полной конкуренции выполняют цены, а через цены также и потребители, в результате закрытия спроса и предложения берут на себя те самые органы, которые принимали решение об этом закрытии. Впрочем, в закрытых промыслах возникают напоминающие ренту доходы, которые открытие рынка смыло бы, словно водный поток.

Итак, действует принцип: для конституирования конкурентного порядка необходимо открытие спроса и предложения. Исключения из этого правила встречаются редко, например при предоставлении центральному банку исключительного права выпуска банкнот.

3. Государство не может ограничивать свою деятельность выдачей каждому разрешения на занятие промыслом, отменой запретов на инвестиционную деятельность, устранением препятствий на пути к рынку, отменой привилегий, запретительных и принудительных правовых норм, предоставлением свободы занятия промыслом, а также права свободного перемещения и повсеместного проживания, недопущением установления запретов на импорт, то есть в общем и целом недопущением принятия государственных мер по закрытию спроса и предложения с тем, чтобы оставить процесс выбора за механизмом цен полной конкуренции. Скорее необходимо, чтобы не происходило закрытия рынков также частными властными группировками. Какой прок от провозглашенной государством свободы занятия промыслом, если она фактически сводится на нет политикой, проводимой в жизнь властными группировками? Что означает свобода промысла, если не может быть построен прокатный цех, поскольку существующий синдикат препятствует этому, используя силовые методы? Следует запретить любую разновидность «недобросовестной конкуренции», то есть барьеры всех видов, скидки с цен, предоставляемые за длительные деловые связи, договоры, предоставляющие исключительные права, и «боевые цены», которые устанавливаются специально для того, чтобы уничтожить или по меньшей мере отпугнуть аутсайдеров.

Открытию рынков присущ смысл экономического конституирования. Поэтому частным властным группировкам не должно предоставляться право закрывать их. Оно является составной частью политики порядков, которую нельзя передавать в руки частных лиц. Здесь вновь дает о себе знать существующее отличие от политики *laissez-faire*, в рамках которой частные властные группировки обладали правом не только конституироваться как таковые, но и закрывать свои рынки, прибегая к использованию силовых мер.

4. В отдельных отраслях экономики проведение этого принципа в жизнь ставит на повестку дня важные и сложные частные вопросы. Попытаемся подробнее рассмотреть эту проблему на двух примерах, а именно на примерах таможенной и патентной политики.

Как же в соответствии с этим принципом следует смотреть на *покровительственные пошлины*, точнее сказать, на пошлины, которые не носят запретительного характера и в силу этого не равнозначны запрету на импорт? Такого рода пошлины не закрывают предложения. В связи с этим стоит вспомнить большинство по-

шлин, которые существовали до 1914 г. в рамках так называемой центральной европейской системы торговых договоров.

Подобные пошлины прямо не разрушают конкурентного порядка. Они оказывают такое же влияние, как и увеличение расстояния между странами. Они изменяют соотношение цен. Но эти пошлины не исключают того, что механизм цен полной конкуренции осуществляет регулирование экономики. В этом отношении пошлины совместимы с конкурентным порядком. Более того, переход от системы запретов на импорт или импортных лицензий к таможенной системе является шагом в направлении к конкурентному порядку.

И все же, несмотря на это, пошлины опосредованно могут стать весьма опасными для конкурентного порядка, в частности там, где они облегчают возникновение монополий. Как известно, они способны развить присущую промышленности страны, защищенной таможенными пошлинами, способность к образованию картелей зачастую именно тем, что они позволяют вычленив эту страну как рынок сбыта из мирового рынка и установить в ней монополистическое господство. История металлургической промышленности Германии дает тому многочисленные примеры¹. В таких случаях снижение пошлин может быть средством ликвидации тенденции к образованию монополии, и оно, следовательно, действует в направлении установления конкурентного порядка. Во многих отраслях германской промышленности картели исчезнут сразу, как только снизятся пошлины. Соответствующая торговая политика — это важное средство реализации конкурентного порядка.

5. Формы экономики, несовместимые с конкурентным порядком, то есть чуждые этой системе формы экономики, часто возникали в связи с современным *патентным правом*. И патентное право также относится к многочисленным более новым правовым институтам, которые порождали совершенно другие последствия, нежели те, которые хотел бы видеть законодатель. Целью последнего было как стимулирование технического развития, так и защита изобретателя, а также обеспечение вознаграждения его труда. Вопрос о том, в какой степени удалось достичь этих целей, остается открытым.

Вопреки ожиданиям патентное право, несмотря на предусмотренные законом меры предосторожности, породило четко выраженные тенденции к образованию монополий и концентрации промышленности. Формирование этих тенденций обусловлено тем, что патент создает исключительное право производить какую-либо вещь, пускать ее в оборот, потреблять или продавать ее. Правда, многие патенты не закрывают предложения. Это такие патенты, которые имеют отноше-

¹ B. K. W i e d e n f e l d. «Gewerbepolitik», 1928, S. 148; G. H a b e r l e r. «Der internationale Handel», 1933.

ние лишь к незначительной части процесса производства товара и без которых можно обойтись, используя другие методы производства, взаимозаменяемые продукты и т.п. Но существует также группа патентов другого рода: это так называемые основные патенты, которые закрывают предложение товаров. Таковыми в ряде других патентов были известные патенты фирмы «Телефункен» в производстве радиоламп или же бензопурпуриновый патент 1884 г., имевший большое значение для организации химической промышленности.

Закрытие предложения товаров, обусловленное патентами, стимулировало развитие процесса концентрации двояким образом. Патент может предоставить отдельным фирмам индивидуальную монополию, как это, к примеру, нередко происходит в промышленности точной механики. С другой стороны, патенты способствовали образованию картелей или концернов либо их укреплению. И такое воздействие оказалось важнее. При этом имелись в виду не только собственно патентные картели, патентные тресты или патентные сообщества. Обмен лицензиями облегчает образование картелей, а угроза потерять право на определенные патенты, которая нависает над одним из членов картеля в случае выхода из него, связывает одной цепью многие картели. И при создании современных концернов патенты играли поистине решающую роль, особенно в том, что касается их роста и борьбы с аутсайдерами. «Движущую силу патента следует искать и удаивать вниманием скорее там, где развиваются формы концентрации, которые не делают достоянием гласности ничего из того, что касается притязаний на патентную власть или лежащих в ее основе лицензионных соглашений, и которые в решающей степени обязаны этим элементам своим осуществлением, своими структурой и направленностью. Их невозможно количественно рассчитать, они проявляются только как присущие этому явлению тенденции и скрыто существующие возможности» (Г. Гатер). В общем же реализация современной экономики с монополиями или олигополиями решающим образом определялась патентами, охраной товарных знаков, связанным с этим установлением единых картельных цен по вертикали и рекламой, носящей характер внушения. В связи с этим стоит вспомнить об образовании концернов в химической промышленности, а также в отраслях промышленности, производящих моющие средства и сигареты. Патентное бюро является здесь основой крупных концернов. Судебная практика в значительной степени стимулировала формирование условий, дававших импульс процессу концентрации производства и ускорявших его. Тем самым одновременно локализовалось и сводилось на нет действие тех сил, которые подталкивали к созданию условий полной конкуренции*.

* Пометка автора: «Дополнить»; ссылка на *Кронштайна*.

6. Патентная политика, делающая выводы из этого опыта, является — в сочетании с аналогичным отношением к охране товарных знаков, установлению единых картельных цен по вертикали и рекламе, носящей характер внушения, — важной составной частью экономической политики, ориентированной на установление конкурентного порядка. Ее цель состоит в том, чтобы ограничить или положить конец закрытию предложения, порождаемого выдачей патента. Как это возможно? Можно ли твердо придерживаться основной идеи нынешнего патентного права, то есть идеи предоставления исключительного права внедрять изобретения? В этом случае нужно было бы существенно ограничить закрытие предложения, которое в цивилизованных странах проводится в жизнь теперешним законодательством и судебной практикой. В этом направлении работают многочисленные предложения, к примеру предложение о сокращении срока правовой охраны и об ограничении возможностей выдачи принудительных лицензий.

Окажется ли достаточным одного ослабления исключительного права? Этот вопрос остается открытым. Быть может, следует вообще отказаться от предоставления этого права, а тем самым и от закрытия предложения и вместо этого ввести такую систему, в которой патенто-владелец обязуется, получив подобающее лицензионное вознаграждение, предоставлять каждому серьезно заинтересованному лицу возможность использовать изобретение. Как и во всех прочих монополиях, в патентной монополии существовало бы принудительное заключение контрактов, а договорные условия в случае, если стороны не смогут прийти к согласию, устанавливались бы патентным ведомством. В том же направлении могли бы развиваться и многочисленные предшествующие предложения, относящиеся к патентной политике¹.

7. Именно для принципа открытых рынков важно также то, чтобы усматривались и положительные достижения. Запреты, о которых шла речь, и реформы, к проведению которых следует стремиться, служат устранению чуждых системе форм рынка и достижению целей установления политики порядков. Последовательное проведение в жизнь этого принципа привело бы к существенному усилению элемента конкуренции в экономическом порядке и изменило бы общую

¹ По проблеме патентов ряд идей почерпнуты мною в двух работах Г. Гатера: «Patente — Monopole — Machtpositionen», 1943 (не опубликована), и «Reform der Patentgesetzgebung». — «ORDO», 2. Bd., 1949, S. 270 ff.; из называвшихся выше работ Ф. Бёма, Л. Мукша, Г. К. Саймонса, а также из новейшей американской литературы, прежде всего по проблемам патентных картелей, как-то: F. H a u s s m a n n. «Der Wandel des internationalen Kartellbegriffes», 1947, S. 33; H. R a s c h e., S. Tschierschky в «Kartell-Rundschau»; W. R ö p k e. «Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart», 1942, S. 362, 389 ff.; E. L i e f m a n n - K e i l. «Monopolkämpfung durch spezielle Marktstrategie» — «SCHMOLLERS Jahrbuch», 67. Bd., 1943.

картину конкретных экономических процессов в промышленно развитых странах и на мировом рынке. Могущественные силы конкуренции, порожденные современной техникой, окажутся весьма действенными для построения экономического порядка.

IV. Частная собственность

Ожидание от порядка собственности решения социальных и политико-экономических вопросов явилось фундаментальной ошибкой политико-экономической дискуссии и экономической политики XIX — начала XX в. Тем самым политическая активность оказалась сориентированной в неверном направлении, о чем речь уже шла. Но даже если к основной проблеме экономической политики следует подходить с совершенно другой стороны, то и тогда вопрос собственности имеет большое политико-экономическое значение не только потому, что коллективная собственность на важные части производственного аппарата представляет собой исключительно эффективный инструмент господства в руках руководящего слоя, но и потому, что она неизбежно связана с централизованным регулированием экономического процесса и порождает социальные проблемы, которые невозможно решить.

Правда, отдельные социал-теоретики придерживаются мнения, что в государстве, в котором существует коллективная собственность, может и должен быть установлен конкурентный порядок¹. Выше уже говорилось о нереальности осуществления данных предложений. Это обосновывается тем, что государство едва ли выпустит из своих рук регулирование всех тех механизмов, которые

* Пометка автора: «Расширить пункт 7: "Таможенная политика. — Еще раз патентная политика"».

¹ Например, см.: O. L a n g e. «On the Economic Theory of Socialism». — *Review of Economic Studies*, IV, № 1, p. 53 ff., и № 2, p. 123 ff., 1936 — 1937; J. S c h u m p e t e r. «Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie», deutsche Ausgabe, 1946, 15. Kapitel. Эти работы не исследуют проблему экономического расчета и регулирования экономики в обществе, в котором экономический процесс управляется централизованно. Они также не вносят никакого вклада в политику централизованного управления экономическим процессом. Следовательно, с теоретической и политико-экономической точек зрения они означают нечто совсем иное, отличное от того, что авторы и отдельные читатели, по-видимому, могли предполагать. Скорее, исследуется модель, в которой хотя и задана коллективная собственность, но нет централизованного регулирования производственного процесса, а регулирование производства должно осуществляться через полную конкуренцию. Поэтому эти работы с политико-экономической точки зрения представляют интерес не для тех, кто стремится к централизованному регулированию экономического процесса, а для тех, кто задумывается над проблемами установления конкурентного порядка. По той же самой проблеме, но с других позиций см.: M. A l l a i s. «Le Problème de la Planification dans une Économie collectiviste». — *Kyklos*, 1. Bd., 1947, Heft № 3.

принадлежат ему. По меньшей мере оно претендовало бы на управление капиталовложениями, что привнесло бы внутренний разлад в совокупный экономический процесс.

Кроме того, важное значение имеет еще одна точка зрения. Даже если государство и отказалось бы от своей власти на осуществление регулирования, руководители предприятий не стали бы действовать так, как поступают предприниматели в рамках конкурентного порядка. На каждом предприятии ежедневно существует бесчисленное множество возможных комбинаций средств производства. Оптимальная комбинация этих средств требует быстрого принятия решения и постоянного движения к нему «на ощупь». Если у предпринимателей не будет определенной свободы действий, в рамках которой всегда проявляются стихийные силы, то они не смогут в достаточной степени приспособиться к новым обстоятельствам, преодолевая при этом трудности и не останавливаясь¹.

Руководитель предприятия, который получил приказ поступать по возможности экономически и который и в остальном зависит от многочисленных приказов центральных государственных органов, не может принимать разнообразные, каждый день обновляемые решения, приводя их в соответствие с постоянно меняющейся ситуацией на рынках рабочей силы, рынках сбыта своей продукции и на рынках средств производства. Практика свидетельствует о необходимости иметь тонкое чутье, без которого невозможно выживание в условиях конкуренции. Как раз это качество не может быть проявлено чиновниками в рамках экономического порядка, в котором доминирует всеобщая коллективная собственность на средства производства и в которой чиновники управляют средствами производства.

В силу этого на вопрос, необходима ли частная собственность на средства производства для реализации конкурентного порядка, необходимо дать положительный ответ. Наблюдающаяся в последнее время тенденция к устранению частной собственности на средства производства все больше уводит в сторону от конкурентного порядка. Частная собственность является одной из предпосылок конкурентного порядка.

Принцип не исключает того, что отдельные предприятия могут находиться в руках государства, например государственные лесничества, государственные угольные шахты или банки — наряду с частными. До тех пор пока такие государственные предприятия вписываются в рынки, работающие в условиях конкуренции, а государственные субсидии этим предприятиям не нарушают процесс це-

¹ По данному вопросу см.: H. von Stackelberg. «Möglichkeiten und Grenzen der Wirtschaftslenkung». — «ORDO», 2. Bd., 1949.

нообразования на рынках, существование последних в условиях конкурентного порядка допустимо.

2. И наоборот, означает ли институт частной собственности сам по себе гарантию установления конкурентного порядка? Очевидно, нет. Ведь знакомство с реальным положением вещей показывает, что частная собственность совместима с самыми различными экономическими порядками. Если, скажем, в «собственном натуральном хозяйстве» осуществляется весь хозяйственный процесс, то частная собственность представляет собой нечто совсем иное, чем в том случае, когда в рамках экономического порядка рыночного типа частный собственник соляного рудника или железной дороги занимает монопольное положение на рынках соли или транспортных услуг. Опять же другим является содержание права собственности, если обувные фабрики, находящиеся в частной собственности, находятся на рынках в состоянии конкуренции между собой. Оно вновь будет иным, если частная собственность связана с регулированием, присущим централизованно управляемой экономике, например в сфере производства обуви.

Еще один конкретный пример. Крупный частный автомобильный завод, расположенный в небольшом городе, является основным, то есть частично монополистическим, потребителем рабочей силы. Здесь частная собственность обеспечивает существенные властные позиции именно потому, что сам частный собственник является частичным монополистом-покупателем. Те властные позиции, которые видят перед собой рабочие, укрепятся еще больше, если автомобильный завод, от которого они зависят, станет неотъемлемой составной частью централизованно управляемой экономики. Здесь речь идет о конкретном случае, который периодически реализовывался в Германии. Автомобильный завод оставался в частной собственности, но регулирование производства автомашин, а также рабочей силы было передано государственным плановым органам. Теперь рабочие были привязаны к заводу путем принудительного привлечения к отбыванию трудовой повинности. Они стали зависеть от плановых органов, регулировавших экономический процесс, а именно в рамках экономического порядка, в котором централизованное регулирование было связано с частной собственностью. В корне иной является ситуация, когда в другом месте многочисленные машиностроительные и автомобильные заводы и т.д. предъявляют спрос на рабочую силу в условиях конкуренции между собой и заключаются свободные трудовые договоры. В этом случае доминирующее по отношению к рабочим положение потребителей подрывается, а экономическое и социальное содержание понятия частной собственности меняется.

Итак, в зависимости от формы рынка частная собственность приобретает совершенно различный характер, и в зависимости от этого меняется функция права собственности. Анализ показал, что частная собственность в монополистических формах рынка приводит к тяжелым потерям. Частные собственники фабрик или частные концерны, синдикаты и союзы предпринимателей, используя преимущества, которые предоставляет им частная собственность, осуществляли власть, направленную против интересов рабочих, потребителей, конкурентов. Эта власть была столь велика, что гарантий правового государства оказалось недостаточно для ее ограничения. Поэтому было понятно, что многие критики господствовавшего в XIX и начале XX в. экономического порядка критиковали прежде всего частную собственность на средства производства. Нередко такая практика была справедливой.

Необходимо четко и ясно видеть конфликт, существующий между необходимостью такого института и его проблематикой. На протяжении почти двух столетий складывалась устойчивая привычка обращать одностороннее внимание лишь на потери и делать из критики частной собственности вывод о необходимости внедрения коллективной собственности. Уже *Руссо* объяснял, что «каждый индивид со всеми своими правами должен раствориться в совокупности». «Каждый должен целиком посвящать себя этому, причем со всем тем, что с этим связано, отдавать себя самого и все свои силы, к каковым относится и его состояние, которым он, быть может, располагает»¹. И даже *Мирабо* в 1789 г. критически высказывался по поводу того, что «члены имущих классов являются агентами или управляющими общественного организма». Когда позже *Маркс* выдвинул в адрес «капиталистической собственности на средства производства» в общем виде упрек в

¹ По данному вопросу см.: W. R ö p k e. «Civitas humana», 1944, S. 262 ff., 274 ff.; F. A. H a y e k. «Der Weg zur Knechtschaft», 1946, S. 137 ff. А. Рюстов пишет в своем до сих пор не опубликованном труде: «Коллективная собственность в любом случае означает в негативном плане прежде всего лишение прав собственности всех людей. Положительным же является пока всего лишь торжественно провозглашаемая фраза, истинное и отвечающее действительности содержание которой полностью зависит от вида организационного воплощения в жизнь этого права собственности. То, что принадлежит всем, не принадлежит никому, или принадлежит скорее тем немногим, которые реализуют это право от имени «всех». Чем крупнее возможности, чем острее необходимость единообразной концентрации полномочий распоряжаться, тем больше социальное неравенство между обладателями этих полномочий и массой формальных коллективных собственников, которые, если у них есть желание или же это им было внушено, могут потешить свое самолюбие этим пустошопорочным правовым основанием, официально документированным, в остальном же они не могут выдвигать из этого мало-мальски реальных притязаний или извлекать преимущества. А это означает: коллективная собственность делает возможной гораздо более высокую степень и более острые формы социального неравенства, чем частная собственность».

эксплуатации, то он упустил из виду то, чего как раз нельзя оставлять без внимания, а именно что частная собственность в зависимости от формы рынка каждый раз означает нечто совсем другое. Существенный вопрос заключается в том, могут ли быть реализованы формы рынка и денежные системы, в рамках которых «эксплуатация» невозможна и которые, следовательно, не ведут к концентрации власти и в которых совокупный экономический процесс приводится в состояние равновесия. Иначе говоря: *каким образом частная собственность может стать полезным в экономическом и социальном отношении инструментом установления порядка?*

3. Для решения этого неотложного вопроса необходимо уяснить себе, какое содержание должно иметь понятие частной собственности, если она должна выполнять свое народнохозяйственное предназначение. В конкурентной экономике «механизм цен подобен радиоустановке: с одной стороны, тысячи обладающих покупательной способностью потребителей высказывают через микрофон свои пожелания. С другой — тысячи собственников предприятий получают имеющие силу советы, каким образом они могут *на частнохозяйственной основе* с выгодой для себя осуществлять свое право собственности. Но сами не зная того, они одновременно получают предписание, как им следует осуществлять его правильно и *в народнохозяйственном отношении*. Частный собственник станет принимать свои решения, касающиеся как направления производственного процесса и выбора технологии производства, так и объема производства, в соответствии с этими указаниями. Если ему не удастся по крайней мере на длительное время обеспечить средний диспозитивный уровень производства, то механизм полной конкуренции безжалостно лишит его полномочий распоряжаться средствами производства.

...Тем самым частная собственность в условиях полной конкуренции означает:

- а) свободу и полномочия распоряжаться на службе народного хозяйства;
- б) практическую невозможность за счет общества ограничивать свободу и право других собственников быть распорядителями.

В условиях полной конкуренции между частными собственниками предприятий существует состояние равновесия в распределении экономической власти»¹.

¹ F. Spiegelhalter. «Die Wirtschaftsordnung und die ökonomische Bedeutung des Privateigentums», Dissertation. Freiburg, 1949.

Однако это имеет силу в той мере, в какой частная собственность действительно совместима с конкуренцией. Это не имеет силы, если здесь возникают монополистические структуры спроса и предложения в самых различных своих проявлениях. Ведь подобные властные структуры искажают народнохозяйственный смысл частной собственности и, находясь в противоречии с целями всей системы, наносят серьезный ущерб экономическому процессу. Тогда влияние частной собственности носит действительно антисоциальный характер.

Лишь в рамках конкурентного порядка имеет силу часто упоминаемая посылка о том, что частная собственность приносит пользу не только ее собственнику, но и тому, кто не является таковым. Это происходит в действительности за счет высокой экономической эффективности конкурентного порядка, а также за счет того, что различные частные собственники конкурируют между собой, а ищущие работу люди видят перед собой многочисленные возможности и не пребывают в односторонней зависимости.

Итак, подобно тому как частная собственность на средства производства является предпосылкой конкурентного порядка, так и конкурентный порядок является предпосылкой тому, что частная собственность на средства производства не ведет к экономическим и социальным неурядицам. Частная собственность на средства производства нуждается в контроле со стороны конкуренции. Здесь исключительно важна интердепенденция всех политико-экономических мер. Если остальные принципы, применение которых влияет на реализацию конкурентного порядка, на самом деле будут соблюдены, то это означает, что частная собственность на средства производства и свободное распоряжение ими обладают важной социальной функцией и функцией политики порядков. Если прочие принципы не будут учитываться, если возникнут монополии и если, следовательно, будет отсутствовать контроль со стороны конкуренции, то полномочия распоряжаться частной собственностью должны быть ограничены.

4. Напрашивается мысль проанализировать связи, существующие между порядком собственности и другими человеческими порядками, например с общественным или государственными порядками. При этом постоянно проявлялось бы, что частная собственность является обязательной предпосылкой сохранения частной сферы свобод. Если вообще доминирует коллективная собственность на средства производства, то устанавливается огромная, подавляющая свободу человека экономическая власть, противостоящая каждому отдельно взятому индивиду. Эта зависимость приводит к тому, что положение отдельно взятого индивида в общественном порядке становится малозначимым и зависимым. Анало-

гичная картина наблюдается и в государстве. Самостоятельность лишены как подневольные люди, так и функционеры с чиновниками.

Здесь под специфическим углом зрения обнаруживается то, какое место конкурентный порядок занимает в интердепенденции различных порядков. Только конкурентный порядок в состоянии на длительное время сделать приемлемой частную собственность в рамках современной индустриальной экономики. Однако частная собственность является опять же предпосылкой свободного государственного и общественного порядков.

V. Свобода заключения договоров

1. Совершенно очевидно, что свобода заключения договоров является предпосылкой осуществления конкуренции. Если отдельно взятые домашние хозяйства и предприятия не в состоянии проводить выбор самостоятельно, проверять возможности и после этого заключать договоры, если они исполняют приказы или получают по распределению разнарядки, то тогда не может возникнуть конкуренции. Впрочем, свобода заключения договоров служила также тому, чтобы устранять конкуренцию, создавать монополистические позиции или, наконец, чтобы обеспечивать и использовать их. Руководители монополий часто ссылаются на гарантированную правом свободу заключения договоров и на те полномочия, которые она им предоставляет.

Как же обстоит дело со свободой заключения договоров? Необходима ли она для реализации конкурентного порядка? В какой форме? Или без нее можно обойтись?

Вновь следует обратиться к фактам экономики и экономической политики. Они говорят о том, что, *во-первых*, свобода заключения договоров как стимулировала, так и подавляла конкуренцию (2) и, *во-вторых*, свобода заключения договоров фактически означала совершенно различные вещи в зависимости от формы экономики (3). Отсюда вытекает ответ на поставленные вопросы (4).

2. Крупные реформы конца XVIII в. и начала XIX в., в значительной степени способствовавшие внедрению свободы заключения договоров, существенно усилили элемент конкуренции в экономических порядках. Когда в это время пали многочисленные виды принудительного привлечения к труду, цеховые уставы с их ограничением свободы заключения договоров, запреты на свободную покупку земельных участков, фиксирование государством или городами цен в договорах, добросовестная конкуренция смогла проложить себе путь. До тех пор пока, например, крестьяне определенной местности

были вынуждены молотить свое зерно на определенной мельнице по установленным ценам, между мельницами не могло возникнуть конкуренции. Она возникла только с предоставлением свободы заключать договоры.

Но довольно скоро стали очевидны также обстоятельства, при которых свобода заключения договоров вступала в противоречие с конкуренцией.

Например, обнаружилось, что мелкие крестьяне, которые были освобождены от принудительного привлечения к исполнению трудовых повинностей и могли заключать свободные трудовые договоры, фактически не были свободными. Они оказались привязанными к крупному землевладельцу своей округи, который обладал монополией покупателя на полевые работы. И социальное положение крестьян по сравнению с прошлым мало изменилось. На рынке рабочей силы сложилась в высшей степени односторонняя конкуренция, а именно конкуренция мелких крестьян за рабочие места в крупном хозяйстве. Но крупное хозяйство обладало на рынке рабочей силы монополией покупателя и потому могло односторонне устанавливать заработную плату и условия труда. То есть, несмотря на свободу заключения договоров, существовали подавляющее превосходство и сверхвласть одной из сторон на рынке, которые не контролировались конкуренцией со стороны других покупателей. Аналогичная ситуация складывалась на многих промышленных предприятиях. В итоге на начальном этапе индустриализации сложилось бедственное социальное положение многочисленных фабричных рабочих — несмотря на свободу заключения договоров. (Сторонникам социальной политики пришлось столкнуться с серьезной противоречивой проблемой. Устранение свободы заключения договоров и введение прежних обязательств были неосуществимы. Это фактически привело бы к ухудшению положения. Но и сохранение полной свободы заключения договоров вызывало опасения, так как в рамках действительности этой свободы возникли беспорядки¹.)

Итак, во многих случаях свобода заключения договоров в руках частной власти была чем-то совершенно иным, чем ожидалось прежде. Оказалось, что свобода заключения договоров совсем не обязательно *должна* создавать конкуренцию на обеих сторонах рыночных отношений и что тогда действие этой свободы проявляется лишь формально.

Более того, свобода заключения договоров использовалась даже для устранения конкуренции, например для образования картелей

¹ См., например: G. S c h m o l l e r. «Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre», 2. Teil, 1. — 6. Aufl., 1904, S. 728 ff.

и других монополистических союзов. Тем самым принцип свободы заключения договоров приводит к отмене основного принципа конкурентного порядка. В эпоху *laissez-faire* законодательство, как отмечалось выше, отнюдь не оказалось способно к тому, чтобы решить эту серьезную проблему. Вспомним слова Хэкшера о том, что «либерализм никогда не решал вопрос однозначно в пользу свободной конкуренции *à tout prix*¹ против свободы заключения договоров *à tout prix* или же в пользу последней против первой»². Экономическая политика *laissez-faire* предоставляла именно частным лицам свободу посредством договоров определять формы, в которых протекает экономический процесс, по собственному усмотрению, то есть без учета какого-либо принципиального решения экономического конституирования.

3. Тем самым мы касаемся постановки другого вопроса, который представляет собой полную противоположность первому. Как форма экономического порядка влияет на содержание права на свободу заключения договоров?

Вот несколько случаев. Жилищное ведомство предоставляет квартиросъемщику определенную квартиру и дает указание, чтобы домовладелец заключил с квартиросъемщиком договор, причем размер квартирной платы устанавливается ведомством. Угольный синдикат, доминирующий на рынке, по своим автономно установленным условиям сделки продает уголь торговцу, который обязуется продавать уголь дальше по ценам, устанавливаемым синдикатом. Торговец изделиями из стали на основе многочисленных предложений и в рамках конкуренции с другими торговцами принимает решение покупать у некоторых фирм определенные виды товаров из стали по выторгованным им ценам и заключает об этом соответствующие договоры.

Во всех трех случаях действует одно и то же договорное право, например право Гражданского кодекса Германии. В первом случае через «договоры» проводится лишь «предписание» жилищного ведомства централизованно управляемой экономики. Свобода заключения договоров в части выбора партнера и определения условий договора отсутствует. Во втором случае договор заключается без указаний ведомственного органа. Однако сам договор продиктован. Торговец углем не только не свободен в выборе стороны в договоре, но и не может выторговать цены и условия покупки, а также перепродажи угля. Он вынужден даже принимать общие условия заключения сделок, устанавливаемые синдикатом, которые ограничи-

¹ Любой ценой (фр.).

² E. F. H e c k s c h e r. «Der Merkantilismus», 1932, 1. Bd., S. 261.

вают или полностью исключают установленное государством право. Торговец зависит от продавца-монополиста. Продиктованный договор этого типа напоминает «предписание». Только в третьем случае свобода заключения договоров существует не только *формально*, но и *реально*. Ибо полная конкуренция устанавливает на рынках своего рода равновесие, которое делает возможными свободный выбор стороны в договоре и выторговывание условий договора.

Из этого вытекает следующее. До тех пор пока существует форма порядка централизованно управляемой экономики, повседневный экономический процесс регулируется предписаниями центральных органов, а не договорами. Это происходит даже тогда, когда в стране действует свободное договорное право. Но как только реализуется форма порядка рыночного хозяйства, именно договоры регулируют хозяйственные будни, то есть поток товаров и услуг. Однако в зависимости от форм рынка договоры обладают различным характером. Например, в условиях монополии продавца договор будет иметь совершенно иной характер, чем в рамках полной конкуренции.

Опять же содержание правового института зависит от формы, в которой осуществляется хозяйствование. Мы уже наблюдали это в праве собственности и вновь сталкиваемся с этим в договорном праве. (Разумеется, форма экономики определяется при этом также и правовой политикой, так что существует вполне определенная взаимозависимость.)

4. Из изложенного в предыдущих разделах (2 и 3) возникает вопрос: должна ли существовать свобода заключения договоров и как ее следует формировать с тем, чтобы конституировать конкурентный порядок?

- *Во-первых*, она необходима. Без свободных индивидуальных договоров, вытекающих из хозяйственных планов домашних хозяйств и предприятий, становится невозможным регулирование повседневного экономического процесса через полную конкуренцию. Регулирование экономического процесса с помощью «предписаний», к примеру путем принудительного привлечения к отбыванию трудовой повинности, рациионирования, издания производственных директив, конфискации имущества, исключает регулирование через полную конкуренцию.

Во-вторых, одновременно стали видны границы, которые должны быть установлены для того, чтобы свобода заключения договоров служила целям конституирования конкурентного порядка.

а) Свобода заключения договоров не должна предоставляться для того, чтобы заключать договоры, которые ограничивают или ликвидируют свободу заключения договоров. Эта свобода не должна использоваться для образования монополий или для укрепления их позиций. Монополии устраняют свободный выбор партнера по обмену и ставят третью сторону в зависимость от воли монополиста.

Картели неправомерно ссылаются на свободу заключения договоров, которую нельзя использовать для создания форм, исключающих свободу и полную конкуренцию. Отдельным заинтересованным лицам не следует разрешать создание форм экономики, которые противоречат фундаментальному принципу экономического конституирования.

б) Но свобода заключения договоров должна была бы также и в рамках экономического процесса предоставляться только в тех случаях, когда имеет место полная конкуренция. Вспомним наш пример с сельскохозяйственным предприятием, являющимся монополистом спроса, с угольным синдикатом и — для контраста — пример с торговлей изделиями из стали. Свобода заключения договоров в условиях монополии продавца или покупателя приводит к заключению договоров под принуждением, а не к желаемому регулированию совокупного экономического процесса. Здесь отсутствует контролирующий механизм полной конкуренции. Поэтому здесь предлагается другой вид контроля, а именно государственный контроль за деятельностью монополий, принудительное заключение договоров, а также установление цен и общих условий заключения сделок ведомством, осуществляющим контроль за деятельностью монополий. Об этом мы поговорим в следующей главе, в разделе I.

Принцип свободы заключения договоров следует подчинить конкурентному порядку. Он способствует конституированию конкурентного порядка и — наоборот — приобретает свой истинный смысл в рамках конкурентного порядка. Но он не должен приобретать функцию разрушения конкурентного порядка путем образования властных экономических структур или всячески защищать осуществление экономической власти и злоупотребление ею¹.

¹ По вопросам свободы заключения договоров и экономического порядка см.: F. B ö h m. «Wettbewerb und Monopolkampf», 1933, особенно S. 128 ff.; N. C. N i p p e r d e y. «Kontrahierungszwang und diktierter Vertrag», 1920; H. G r o s s m a n n - D o e r t h. «Selbstgeschaffenes Recht der Wirtschaft», 1933, S. 10 ff.; G. H a u p t. «Vertragsfreiheit und Gesetz». — *Zeitschrift der Akademie für deutsches Recht*, 10. Jahrgang, S. 84 ff.; W. H a m i l t o n. «Freedom of Contract». — «Enc. of Soc. Sciences», 1931, 6. Bd. Новая литература: E. H o m b u r g e r. «Handels- und Gewerbefreiheit». — «Züricher Beiträge», Heft 145, 1948.

VI. Ответственность

1. Тот, кто имеет доходы, должен нести и убытки. Уже в старом праве этот принцип был решающим для регулирования ответственности, то есть для обеспечения доступа к имуществу должника. Данный принцип имел силу и на начальном этапе индустриализации. Однако затем наступила эпоха все большего ограничения ответственности. Так, общие условия заключения сделок объединений проявляют тенденцию к уменьшению ответственности их членов, а в рамках совокупности правовых норм, регулирующих хозяйственную деятельность, правопорядок дал нам формы обществ с ограниченной ответственностью, к примеру в виде акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью (GmbH), которые нашли самое широкое распространение. Сегодня домашние хозяйства и предприятия постоянно сталкиваются с ограничением ответственности. Скажем, если мы пользуемся услугами железной дороги или работаем с банковским учреждением, если предприятие покупает какую-нибудь машину или если оно выставляет требование к обществу с ограниченной ответственностью. Объем ответственности в эпоху позднего *laissez-faire* и экспериментов существенно уменьшился. Отныне сосуществование ограниченной и неограниченной ответственности вынуждает ставить следующие вопросы. В чем, собственно, смысл ответственности? Когда следует предоставлять неограниченную ответственность, а когда нужно устанавливать ограничение ответственности?

2. Функция и этого правового института зависит от экономического порядка, от того экономического порядка, который существует *in concreto*, или, если речь идет об экономической политике, от порядка, который должен быть реализован. Следовательно, это вопрос экономического конституирования, который прежде не ставился, но от которого теперь уже никак не избавиться.

Ответственность при построении совокупного экономического порядка обладает большими функциями, если только этот совокупный порядок должен быть конкурентным. В этом случае она должна сделать возможным отбор предприятий и руководящих лиц или облегчить его. Далее, она должна способствовать тому, чтобы капиталом распоряжались со всей осмотрительностью. Инвестиции осуществляются с тем большей тщательностью, чем большая ответственность ложится на того, кто отвечает за эти капиталовложения. Таким образом, ответственность оказывает воздействие, предотвращающее разбазаривание капиталов и побуждающее тщательно зондировать рынки. Кроме того, ответственность важна для конкурентного порядка еще и потому, что она препятствует организационному объединению других предприятий, которое обуславливается, на-

пример, стремлением к власти. Решающим становится расчет издержек. Если несешь полную ответственность за вновь приобретенное предприятие, то прежде точно взвесишь, нужно ли вообще покупать это предприятие. Но совершенно по-другому обстоит дело, если нет полной ответственности и можно обеспечить себе владение предприятием, используя «профилактическую» вывеску ограничения ответственности. Формы обществ, ограничивающие ответственность, в значительной степени способствовали образованию концернов. По возможности универсальная значимость ответственности противодействует, таким образом, процессу концентрации. Ответственность способствует конституированию конкурентного порядка и недопущению возникновения чуждых системе форм рынка. И в то же самое время она необходима для того, чтобы в рамках конкурентного порядка обеспечить соревнование результатов хозяйственной деятельности. Оба этих вида воздействия имеют значение. Конкурентный порядок при отсутствии личной ответственности каждого отдельно взятого индивида может оказаться столь же малоспособным к функционированию, как и при отсутствии достаточных форм рынка или денежных порядков.

В условиях полной конкуренции экономический процесс, как известно, нацелен на спрос со стороны получателей доходов, причем таким образом, когда продавцы ориентируются на конкурентные цены. Ответственность является составной частью механизма регулирования полиой конкуренции. Она — неотъемлемый институт конкурентного порядка, присущий политике порядков. Ведь конкурентный порядок предполагает, что «путь к рентабельности ведет только через эквивалентные результаты хозяйственной деятельности, причем одновременно следует позаботиться о том, чтобы неудовлетворительные результаты влекли за собой неумолимую расплату в виде потерь и в конечном счете через банкротство — вытеснение из рядов ответственных за производство лиц. Равным образом следует воспрепятствовать получению доходов обманным путем (без выполнения работ и предоставления услуг), а также неискупленных промахов в хозяйственной деятельности (путем переложения потерь на другие лица)» (В. Рёнке). Итак, для конкурентного порядка должен действовать принцип: *тот, кто ответственен за планы и действия предприятий и домашних хозяйств, несет за это юридическую ответственность* (принцип юридической ответственности).

В соответствии с этим ограничения ответственности, например, в совокупности правовых норм, регламентирующих деятельность товариществ, компаний или объединений в условиях конкурентного порядка, допустимы лишь там, где инвестор не несет никакой или несет лишь ограниченную ответственность за ведение дел, скажем мелкий акционер или командитист. Если же в концерне ответственность несет одно зависимое юридическое лицо, в то время как

руководитель лишь принимает существенные решения, то подобное ограничение ответственности несовместимо с конкурентным порядком. Лицо, ответственное за планирование, сняло с себя ответственность и переложило ее на другого. В конкурентном порядке, следовательно, ответственность в подобных случаях несет лицо, занимающее руководящую должность.

3. Фактическое развитие регламентирования ответственности было непоследовательным в последние десятилетия. Предпринимателям все больше и больше предоставлялась возможность уходить от ответственности, к примеру путем использования подходящих форм обществ, а также общих условий заключения сделок. Это благоприятствовало концентрации и отрицательно сказывалось на функционировании механизма цен. Метод отбора и контроля через ответственность был отодвинут на задний план без какой-либо замены. В итоге регулирование экономического процесса все больше переходило в руки слоя директоров и функционеров, которые не являлись собственниками и к тому же не контролировались центральными административными органами. Или же оно оказывалось в руках людей, которые, будучи, например, держателями большинства акций, имеют власть над несколькими или многими компаниями, но сами остаются практически невидимыми и представляют собой, таким образом, анонимную власть¹.

То, что лица, компетентные в деле регулирования экономического процесса, не несут никакой ответственности, достигалось и другим путем. В частности, это имело место тогда, когда центральные плановые органы давали указания предприятиям, а эти предприятия находились в частной собственности. Здесь сохранение ответственности не имеет никакого смысла. Ведь при централизованном управлении экономикой происходит иной отбор лиц, а регулирование инвестиций осуществляется не руководителями предприятий, а функционерами центральных плановых органов, отдающими приказы. Банкротство здесь не выполняет никакой функции. Государственные плановые органы отдают распоряжения о том, чтобы сельские хозяева распахали часть своих лугов и засеяли их зерновыми культурами. Позднее выясняется, что уменьшение площадей, занятых под луга, и сокращение поголовья скота были ошибкой и что нужно было снижать цены на хлебное зерно для обеспечения его сбыта. Такие и подобные случаи очень часто имеют место в экономических порядках, которые объединяют частную собственность и регулирование, присущее централизованно управляемой экономи-

¹ По данному вопросу см. также: A. A. B e r l e, G. C. M e a n s. «The Modern Corporation and Private Property», 1933.

ке. Так было, например, в Германии в период между 1936 и 1948 гг. Указания исходили из центральных плановых органов, а риски приходилось нести предприятиям. Подобное разделение также приводит к появлению планов и директив, которые разрабатываются и направляются к исполнению без должной тщательности как раз в силу того, что ответственные лица не несут за это никакой ответственности.

Оба метода разделения полномочий по регулированию и ответственности не оправдали себя. Они могли развиваться только потому, что не понималась общехозяйственная функция ответственности. Это состояние разделения, которое нельзя выносить в течение длительного периода времени, можно преодолеть лишь путем расширения ответственности, правда за исключением тех случаев, когда, используя методы регулирования централизованно управляемой экономики, хотят оказать поддержку коллективной собственности.

4. При реализации этого принципа возникают разнообразные проблемы. К примеру, в том, что касается конкурсного права. Сказанное относится и к совокупности норм права, касающихся товариществ, компаний или объединений, которая должна рассматриваться как составная часть экономического конституирования.

а) Когда в XIX в. получило распространение современное акционерное право, акционерные общества должны были служить тому, чтобы обеспечить возможность осуществления крупных капиталовложений в железные дороги, банки и т.д. путем сбора воедино многочисленных мелких капиталов. Ограничение ответственности рамками одной акции было необходимо для привлечения этих капиталов и не вызывало больших сомнений, поскольку отдельно взятые акционеры оказывали лишь незначительное влияние на руководство. Еще и сегодня акция используется точно таким образом. Но наряду с этим она приобрела совсем иную функцию, а именно функцию господства. С возникновением господства отдельных лиц или обществ появляются новые, неизвестные прежнему законодателю факты, и для ограничения ответственности больше не существует никакой причины. Что касается современной тенденции к ограничению ответственности, то необходимо, чтобы те компаньоны, которые имеют более или менее крупное долевое участие в обществе, несли ответственность за долги этого общества. Следовательно, в случае более или менее крупного долевого участия необходимо предусматривать ответственность господствующего общества, господствующего единоличного предпринимателя или господствующего товарищества за долги общества, находящегося под их влиянием.

Это не препятствует тому, что происходит снижающее издержки объединение предприятий, например тому, что металлургический завод покупает угольную шахту или машиностроительный завод — литейное производство и т.д. Однако эти слияния приводят к созданию единой компании, насчитывающей несколько предприятий, так что вновь включенный в ее состав завод становится отделением головной фирмы, несущей полную ответственность. Это имеет место и тогда, когда господствующее предприятие или господствующее лицо получает в свои руки лишь больший, чем другие, пакет акций. При полной ответственности включение в свой состав предприятий или заводов содержит в себе намного больший риск, чем прежде, а соблазн инкорпорации таких предприятий и образования концернов существенно уменьшается. Профилактическое воздействие этой ответственности было бы очень сильно. (Следовательно, нужно было бы изменить германский Закон об акционерных обществах, датируемый 1937 г., таким образом, чтобы господствующие предприятия в духе § 15, абзац 2, этого закона несли ответственность за обязательства зависимых от них предприятий.) Зависимое юридическое лицо, которое представляет собой фактически лишь филиал предприятия, должно и с правовой точки зрения рассматриваться как филиал господствующей фирмы. То, что концерн, который является предприятием, находящимся под единым руководством, распадается на многие юридические лица, оказывается нетерпимым явлением.

Идее ответственности, присущей совокупности правовых норм, регулирующих статус и деятельность концернов, противопоставляется то, что «принцип правовой самостоятельности входящих в состав концерна предприятий не должен затрагиваться, если нет намерения потерять всякую опору и отказаться от важного принципа, который оказывает влияние и на другие области права»¹. При этом сразу же бросается в глаза то, что подобных сомнений не существовало в налоговом праве. Как известно, там получила признание теория органов, согласно которой компания, практически являющаяся филиалом господствующего общества, должна рассматриваться как таковая также и с правовой точки зрения, так что концерн пользуется известными преимуществами, к примеру в вопросах налога с оборота. Разумеется, в одном случае, в частности при наличии ответственности, политико-правовой учет каждого концерна усложнил бы существование концернов или создал бы угрозу их существованию. В другом случае, а именно налогово-правовом, существование концернов было бы облегчено. Здесь также можно заметить, как сильно влияют заинтересованные лица на экономическую

¹ Комитет по акционерному праву Академии германского права в своем втором рабочем отчете за 1935 г.

политику. Впрочем, не только это представляет интерес. Помимо того, аргументация, подвергнутая критике, отчетливо показывает, что главная точка приложения сил, в которой должно начинаться преобразование совокупности правовых норм, касающихся товариществ, компаний или объединений, *не была* выявлена. Она заключается в расширении ответственности.

- б) Из общего принципа ответственности вытекает вопрос о том, допустима ли — и в какой степени — ответственность правления акционерного общества за последствия независимо от вины.

Она необходима *тогда, когда* правление своими планами и решениями несет ответственность за регулирование экономического процесса. Возражение, по которому директора или генеральные директора зачастую не имеют состояния и, следовательно, их ответственность мало что значит, не имеет большого веса. И прежде всего потому, что личное имущество во многих случаях фактически не настолько мало, чтобы в нужный момент не произвести на кредитора должного впечатления. Если же оно действительно невелико, то, несмотря на это, ответственность за последствия независимо от вины вызывает совершенно другую личную ответственность в управлении хозяйственной деятельностью предприятия. Если правление не самостоятельно и, по существу, является лишь исполнителем предписаний, которые дает, к примеру, акционер — держатель контрольного пакета акций, то ответственность несет не правление, а то лицо, которое подчиняет своему влиянию общество.

Оба случая, о которых шла речь, охвачены принципом ответственности. В акционерном обществе, в котором пакет акций распределен между многочисленными владельцами и в котором правление всесильно, ответственность несет именно правление. Там же, где правление полностью зависит от планов и директив держателя контрольного пакета акций, ответственность несет акционер, владеющий этим пакетом акций.

- в) Весьма проблематичной является такая форма общества, как общество с ограниченной ответственностью. Используя эту форму, законодатель стремился добиться того, чтобы «льготы, связанные с ограничением ответственности», пошли на пользу также мелким и средним предприятиям. Действие законодателя нашло самый широкий отклик, и правовая форма общества с ограниченной ответственностью стала широко использоваться, причем также и в тех целях, о которых сам законодатель никак немышлял.

В противоположность этому имеет силу следующее обстоятельство. То, что заинтересованные лица рассматривают ограничение ответственности как льготу, вполне понятно. Так, например, для

машиностроительного завода весьма заманчиво путем расширения условий заключения сделок ограничить ответственность при поставке машин или избрать форму общества, которая ограничивает доступ кредиторов к его имуществу. Стремление к ограничению ответственности схоже с универсальным стремлением к монопольной ситуации, которое никогда не исчезает. В современной экономике они оба тесно связаны между собой. Если названный машиностроительный завод благодаря патентам или картельным договоренностям займет еще и монопольные позиции, то он будет застрахован вдвойне. Ограниченная ответственность и монопольная ситуация означают прекращение осуществления двух важных видов контроля: под защитой монопольных цен, под защитой ограниченной ответственности за недостатки поставленных товаров и т.п., наконец, под защитой формы общества с ограниченной ответственностью фирме обеспечен высокий уровень безопасности.

Но как раз по этим двум пунктам собственные интересы фирм и общее благо вступают в конфликт между собой. Подобно образованию монополий, ограничение ответственности меняет правила игры таким образом, что экономический процесс рыночного хозяйства больше не протекает в полном объеме. Они оба нередко тесно переплетаются в рамках общих условий заключения сделок, в то время как монополистические организации ограничивают ответственность своих членов. Именно потому, что крайне важно создать те рамки, в которых фирмы при свободном планировании рационально включаются в общий повседневный процесс производства и распределения, необходимо позаботиться о том, чтобы они не препятствовали созданию таких рамок. Но это произошло в результате расширения ограничений ответственности¹.

5. На «обезличивание» современной экономики и общества жалуются часто и вполне обоснованно. Но и здесь сохраняет силу то, что экономическая и правовая политика сама создает условия, способствующие возникновению этого обезличивания. Это происходит благодаря тому, что расширяется ограничение ответственности. Такое состояние можно в известной степени изменить. Если, скажем, рабочий, кредитор, покупатель или продавец ведет переговоры с руководителем фирмы, который лично стоит за каждой сделкой и

¹ По проблеме ответственности см.: H. Grossmann-Doert. «Reform des Gesetzes betr. die GmbH», 1931; кроме того, в: «Archiv für zivil. Praxis», 1941, Bd. 147, S. 1 ff., и особенно в: «Die Rechtsfolgen vertragswidriger Andienung», 1934; H. Kronstein. «Die abhängige juristische Person», 1931; W. Lippmann. «The Good Society», 1943, p. 14 ff., 216 ff.; W. Hallstein в: *Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*, 12. Jahrgang; W. Röpkе. «Die Lehre von der Wirtschaft», 4. Aufl., 1946, S. 279 ff.

отвечает своим имуществом, то это означает, что между людьми возникают определенные отношения. В противоположном случае появляется опасность оказаться в сфере абстракций со всеми присущими им нежелательными последствиями.

Ответственность является предпосылкой не только для экономического порядка в условиях конкуренции, но и вообще для общественного порядка, в котором господствуют свобода и чувство ответственности перед самим собой. Полная ясность должна существовать прежде всего по поводу одного: любое ограничение ответственности порождает тенденцию развития в направлении к централизованно управляемой экономике.

VII. Неизменность экономической политики

1. Склонность предпринимателей к осуществлению капиталовложений в большинстве промышленно развитых стран в последние десятилетия время от времени резко убывала. Это один из самых серьезных феноменов развития последнего времени. Из-за нехватки капиталовложений возникают неполная занятость и безработица. Чем же объясняется эта сдержанность? Обычно отвечают так. В процессе современного экономического развития уменьшались возможности инвестирования. Чем больше мир оснащается железными дорогами, фабриками, машинами и другими средствами производства, тем меньше инвестиционных задач. Мир насыщен инвестициями.

Из этой точки зрения, которую, кстати, мы встречаем уже у *Сисмонди* и которая получает, как правило, широкое распространение в периоды продолжительных депрессий и приобрела твердую опору прежде всего в условиях тяжелых депрессий после 1929 г., вытекает политико-экономическое требование, которое, как известно, успешно представляют в первую очередь *Кейнс* и его школа: для того чтобы при перманентном отсутствии достаточных новых капиталовложений избежать перманентной депрессии, государство должно осуществлять свое вмешательство в экономику (политика низких процентных ставок, кредитной экспансии, государственных заказов, дефицита государственного бюджета, организации общественных работ для безработных).

2. Если бы это объяснение было верным, возможности осуществления инвестиций неизбежно исчезли бы и единственный путь спасения состоял бы в том, что государство осуществляло бы то, что прежде делали предприниматели. В итоге сложилась бы практически безысходная ситуация. Ведь государственные инвестиции могут обеспечить достижение того, что станет использоваться больше средств производства и рабочей силы, но государство ока-

жется не в состоянии, как было показано в другом месте настоящей работы, устанавливать правильные пропорции между капиталовложениями. Таким образом, неизбежный злой рок в образе так называемого закона развития капитализма стал бы понуждать людей к осуществлению неравновесных инвестиций и все их усилия мало способствовали бы улучшению обеспечения людей потребительскими товарами.

3. Однако ослабление склонности к инвестированию и сокращение объема самих капиталовложений *не* объясняются сокращением возможностей инвестирования. Мы *не* находимся в экономически насыщенном мире. Возможности инвестирования существуют до тех пор, пока люди испытывают гнетущее давление ограниченности товаров. Инвестирование может происходить, пока производственный аппарат не удовлетворит все потребности всех людей. Однако от этой точки нас отделяет громадная дистанция. Попытаемся рассмотреть хотя бы одну небольшую часть региона. Лишь незначительная часть Европы имеет высокоинтенсивное сельское хозяйство. Это прежде всего Бельгия, Дания, Нидерланды. На них приходится лишь около 1% всей площади Европейского континента. Необходимы очень крупные капиталовложения, чтобы интенсифицировать другие сельскохозяйственные регионы Европы в той мере, насколько это возможно. О насыщении средствами производства этих и каких-либо других регионов мира не может быть и речи¹.

4. Очевидно, что уже сам вопрос следует формулировать иначе. Как случилось, что в последние десятилетия нередко наблюдалась столь небольшая склонность к инвестированию, *хотя* фактически имелись большие возможности осуществления капиталовложений?

Чтобы найти ответ на данный вопрос, мы должны обратиться к тем исходным точкам, в которых берет свое начало любая хозяйственная деятельность: к хозяйственным планам. Если исследовать отдельные фирмы с этой точки зрения, то окажется, что сдержанность в осуществлении капиталовложений определялась двумя моментами.

а) Цены на средства производства и рабочую силу в сопоставлении с ценами на произведенные продукты делали нецелесообразными капиталовложения. Иначе говоря, соотношения цен были таковы, что они препятствовали инвестированию. Если, к примеру, картели поддерживали цены на средства производства на

¹ Подробнее по данной проблеме см.: A. G. B. F i s c h e r, «Fortschritt und soziale Sicherheit», Deutsche Ausgabe, 1947, а также в называвшихся выше работах Ф.В.Майера и А.Хана.

высоком уровне или если благодаря государственному вмешательству заработная плата устанавливалась также на высоком уровне, то могли возникнуть соотношения цен, которые делали капиталовложения нецелесообразными. При этом решающее значение имели только *плановые данные*, ожидания. Руководители предприятий ожидают установления определенных цен на свои продукты. С другой стороны, они видят перед собой определенные цены на средства производства и заработную плату. В соответствии с этим и принимается решение. Приведем лишь один пример. В кризисном 1931 г. предприниматели — владельцы строительных фирм в Берлине должны были считаться с определенными, относительно неизменными ценами на средства производства, скажем на железо и цемент, которые были установлены синдикатами, а также с относительно неизменной заработной платой, в то время как цены на дома быстро падали. Уже по этой причине желание строить дома было весьма небольшим. Вновь дало о себе знать то фундаментальное обстоятельство, что экономический процесс — в нашем случае инвестиционный процесс — только в том случае может в достаточной степени регулироваться ценами, если соотношения цен правильно отражают отношения ограниченности, то есть если отношение цен на средства производства к ценам на продукты не будет нарушаться.

- б) К этому примыкает и второй момент, имеющий не меньшее значение. Определенная *неизменность данных* необходима для того, чтобы в планы включались более крупные капиталовложения. Должен ли, например, фабрикант расширять свой машиностроительный завод, если, с одной стороны, с учетом существующих цен и их соотношений это представляется целесообразным, но если он при этом должен считаться с тем, что из-за неожиданной девальвации зарубежные конкуренты получают преимущество на его рынке сбыта, или рынок сбыта окажется закрытым в результате установления оградительных пошлин, или существовавшие до сих пор шансы на получение прибыли будут сведены на нет в силу изменения налогообложения в собственной стране? Чрезвычайная нестабильность экономической политики экспериментов, к примеру валютной, торговой и налоговой политики, а также политики в области заработной платы, какой она была на протяжении последних десятилетий в большинстве промышленно развитых стран, существенно усилила элемент неопределенности. Риск чересчур велик, а дистанция между «*плановыми данными*» и «*фактическими данными*» весьма значительна.

Исследования, проведенные на американских предприятиях, показали, что предприниматели осуществляют капиталовложения,

к примеру для покупки новых машин, только в том случае, если вложенный капитал амортизируется в течение примерно трех — пяти лет¹. Только в строительстве домов рассчитывают на более продолжительные периоды времени. В Германии в 40-х годах нашего столетия многие предприниматели осуществляли капиталовложения, только если была возможность того, что вложенный капитал амортизируется в течение трех лет. Неустойчивость экономической политики вынуждала предпринимателей проводить исключительно такие инвестиции, которые по причине очень высокой рентабельности позволяли быстро возратить вложенный капитал. В силу этого количество запланированных и реализованных капиталовложений резко сократилось. Нервозность и суетливость экономической политики, которые сегодня вынуждают нередко отвергать то, что имело силу вчера, создают большую неуверенность и вместе с искаженным соотношением цен препятствуют многим инвестициям. Отсутствует атмосфера доверия.

5. Какие же выводы для экономической политики вытекают из такого рода опыта? Особенно для политики, которая стремится установить конкурентный порядок. Определенная *неизменность* экономической политики необходима для того, чтобы дать импульс деятельности по осуществлению достаточных капиталовложений. Без такой неизменности функционирование конкурентного порядка становится невозможным.

Конкурентный порядок в состоянии на длительный срок правильно взаимоотношивать между собой капиталовложения. Ведь в своем механизме цен он обладает инструментом, позволяющим выявлять диспропорциональности и в конечном счете корректировать их. В этом заключается его преимущество перед всеми другими порядками. Конкурентный порядок устраняет также недостаточную склонность частных лиц к инвестированию, если только ее следовало объяснить фиксированием цен на средства производства, то есть сдвигами в соотношениях цен и издержек.

Если же экономическая политика не обладает достаточной неизменностью, то конкурентный порядок не может функционировать в полном объеме. Установление на длительную перспективу налогов, торговых договоров, денежных единиц и т.д. имеет существенное значение. До тех пор пока таковое отсутствует, нельзя рассчитывать на достаточную склонность к инвестированию. Хозяйственным планам не хватало бы того временного горизонта, который необходим для того, чтобы расширять и сохранять современный производ-

¹ См.: F. L u t z. «The Interest Rate and Investment in a Dynamic Economy». — *American Economic Review*, 1945, Bd. 35.

ственный аппарат промышленности. При достаточной неизменности экономической политики капиталовложения стали бы осуществляться также и в том случае, если сроки амортизации составят даже 15 или 20 лет. Фирмы несут коммерческий риск адаптации к меняющимся данным индивидуальных хозяйств. Им придется постоянно считаться с колебаниями цен и приспосабливаться к ним. Дистанция между плановыми и фактическими данными возникает и сохраняется до тех пор, пока развивается экономика. Но эта дистанция не должна вследствие быстрых и многообразных изменений экономической политики увеличиваться до такой степени, что не смогут осуществляться капиталовложения, которые могут приносить доход только по прошествии многих лет.

Неизменность — главное требование экономической политики конкурентного порядка. Экономическая политика создает для экономического процесса соответствующие рамки экономического конституирования. Она последовательно придерживается этих рамок и изменяет их, проявляя осмотрительность*.

6. Неизменность экономической политики имеет значение для конкурентного порядка еще и в другом отношении.

В частности, опыт показал, например в Германии, что быстрая смена экономической политики стимулирует образование концернов. Чем больше риск, тем выше склонность к образованию концернов, — как раз концернов, которые охватывают различные отрасли или различные части одной и той же отрасли. Неуверенность, порожаемая быстрыми изменениями экономической политики, дает толчок к тому, чтобы иметь долевое участие в фирмах других отраслей производства или покупать их — например, когда хлопчатобумажная прядильная фабрика приобретает долевое участие в фирме, торгующей углем, на машиностроительном заводе или на фабрике по производству свечей. Здесь кроется одна из многих созданных самой экономической политикой причин промышленной концентрации. Чем более неизменной становится экономическая политика, тем меньше стимул к концентрации. А это в равной мере стимулирует создание конкурентного порядка.

VIII. Единство конституирующих принципов

1. Конституирующие принципы — это принципы экономического конституирования. Их комплексное применение в конкретной исторической ситуации конституирует определенный, желательный экономический порядок, создавая условия, способствующие расцве-

* Имеется авторская пометка: «Расширить отдельные положения».

ту этого порядка. Таким образом, все принципы служат *одному* общему политико-экономическому решению и являются средством реализации общего решения *in concreto*.

Итак, речь идет не о принципах правовой догматики или естественного права. Отдельные принципы, например принципы свободы заключения договоров, ответственности или частной собственности, были разработаны философами и правоведами как чисто правовые принципы, то есть как нечто вроде принципов естественного права. Однако они не были выведены в той взаимосвязанности порядков, о которой здесь идет речь, из естественного права или из находящихся на более высоком уровне посылок правовой догматики. К примеру, требование создания частной собственности во многих случаях дедуцировалось из природы человека и обосновывалось как высшая заповедь естественного права. Здесь этого не происходит. Частная собственность оказалась необходимым условием для создания — вместе с использованием других принципов — конкурентного порядка. Мы знаем, что конкурентный порядок не только оказывает экономическое влияние, но и является весьма эффективным в рамках интердепенденции порядков и, к примеру, оказывает большое обратное воздействие на общественный и правовой порядки.

2. Во всех этих принципах акцент делается на позитивную цель. Часто — критически — отмечалось, что чрезвычайно трудно обеспечить действенное и пригодное регулирование современного экономического процесса. Еще важнее позитивно утвердить на деле такой метод регулирования. Этой цели *комплексно* служат все конституирующие принципы. Если, например, были бы реализованы все прочие принципы, но при этом отсутствовала бы неизменность экономической политики, то размеры капиталовложений оставались бы весьма небольшими и конкурентных цен оказалось бы недостаточно для регулирования экономического процесса.

С бурным ростом процесса концентрации в последние десятилетия следует бороться, используя также позитивные средства. Вообще было бы трудно ограничивать размер предприятий путем прямого вмешательства, скажем путем установления максимального объема капитала или максимальной численности занятых на производстве либо путем установления запрета на образование концернов. Между тем, как только концерны становятся монополиями, для них имеет силу то же, что и для монополий: ликвидация, если таковая возможна, или подчинение контролю за деятельностью монополий. В остальном же экономическая политика конкурентного порядка лишает концерны благоприятной для их образования почвы за счет того, что создает соответствующие условия: путем проведения реформ патентного права и использования других способов открытия рынков, путем

расширения ответственности, рационального ограничения свободы заключения договоров, а также путем действий в соответствии с прочими принципами, причем вновь следует обратить особое внимание на неизменность экономической политики*.

3. Единство принципов заходит так далеко, что при изолированном применении некоторые из них совершенно не достигают своей цели. Мы сталкивались с этим при рассмотрении вопроса о собственности. Весьма проблематично требовать установления частной собственности на средства производства, если государство оттесняет конкуренцию на задний план, используя свое договорное право, ограничение ответственности, свою торговую политику, запреты на осуществление капиталовложений, свое право на защиту товарных знаков, патентное право и т.д. Но в сочетании с использованием остальных принципов частная собственность имеет существенный позитивный смысл.

Глава XVII

ПОЛИТИКА КОНКУРЕНТНОГО ПОРЯДКА. РЕГУЛИРУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Строгое соблюдение конституирующих принципов не может препятствовать тому, что конкретные конкурентные порядки содержат в себе определенные формы, чуждые системе (I). Не менее важно другое. Даже в том случае, если реализована полная конкуренция, в ней будут иметься слабые стороны и содержаться недостатки, которые нуждаются в корректировке (II—IV).

В силу этого возникает потребность в определенных «регулирующих» принципах, применение которых необходимо для того, чтобы сохранить функциональную способность конкурентного порядка.

I. Проблема монополий в конкурентном порядке

1. Экономическая власть должна существовать в условиях конкурентного порядка лишь постольку, поскольку она необходима для его поддержания. Управлению домашними хозяйствами и предприятиями экономическая власть нужна для того, чтобы иметь возможность проводить в жизнь разработанные хозяйственные планы. При этом в условиях конкурентного порядка над управлением, ра-

* Согласно имеющимся замечкам, автор предполагал более глубоко рассмотреть эту идею, связанную с проблемой концернов.

зумеется, устанавливается необходимый строгий повседневный контроль через механизм цен. Но экономическую власть осуществляет также и центральный эмиссионный банк, который обладает исключительной привилегией на выпуск банкнот. Здесь возникает сложная проблема осуществления контроля за его деятельностью. Однако и это властное образование также имеет своей целью обеспечение конкурентного порядка, в частности путем создания достаточного денежного порядка.

2. Но в условиях конкурентного порядка будут существовать, кроме того, монополии, которые *не* служат его поддержанию, скорее нарушают его или создают угрозу самому его существованию. Определенные властные позиции возникают и при широком использовании принципов. Так, например, газовый завод обладает в городе, то есть на своем рынке, монополией предложения. Или завод по производству аналитических весов, медицинской аппаратуры либо логарифмических линеек устанавливает монополистическое или частично монополистическое господство на своем рынке. Такие монополистические позиции возникали на основе реальных преимуществ в издержках производства, иными словами, они «ответствуют системе». В подобных случаях оптимальный размер предприятия настолько существен, что пуска *одного-единственного* предприятия достаточно для снабжения его продукцией всего рынка. Несколько же предприятий могли бы сбывать свои продукты только по ценам, которые не обеспечивают покрытия издержек.

Здесь возникает вопрос: что же должно произойти с этими монополиями? Ведь полностью исчерпаны все средства, которые прямо и косвенно препятствуют образованию монополий. Но вопреки этому существуют властные структуры, создающие угрозу общему порядку.

3. Этот вопрос не идентичен известному вопросу осуществления контроля за деятельностью монополий (или только картелей), решить который пытались многие промышленно развитые страны, например Германия с ее постановлением о картелях от 1923 г. Правда, они не добились успеха в этом¹. Торговая политика, совокупность правовых норм, касающихся товариществ, компаний или объединений, налоговая политика, картельное право, картельное судопроизводство и, кроме того, хозяйственное право в целом облегчили и способствовали в тот период образованию в стране монополий. Частично существовали также принудительные синдикаты. Силь-

¹ По данной проблеме см.: F. H a u s s m a n n. «Die wirtschaftliche Konzentration an ihrer Schicksalswende», 1940, S. 231 f.; H. K r o n s t e i n. «Cartel Control. A Record Failure». — *Yale Law Journal*, February 1946.

ные, дикие побеги деревьев, рост которых они решительно стимулировали, государства пытались обрезать, причем деревья при этом продолжали хорошо расти, росли и их дикие побеги.

Как свидетельствует опыт, современное государство не в силах осуществлять эффективный контроль за деятельностью монополий в том экономическом порядке, в котором бóльшая часть промышленности монополизирована. Здесь слишком велико политическое влияние заинтересованных групп, а проблемы монополий слишком разнообразны. Пусть даже отдельные чиновники министерств добросовестно несут свою службу, опора, которой они располагают в структуре государственного устройства, как о том говорит большой опыт Германии, чересчур слаба. Не следует питать иллюзий относительно эффективности контроля за деятельностью монополий, если он осуществляется в экономических порядках, в которых буйно разрастаются монополии в промышленности, сельском хозяйстве или в среде рабочих. США и их антимонопольная политика дают наглядный пример тому.

Совершенно иной является ситуация в условиях конкурентного порядка. Здесь главный удар наносится в другом направлении: предотвращается само возникновение монополистических властных структур. И это достигается не только установлением запретов на образование картелей, но и, что гораздо важнее, проведением экономической и правовой политики, которое путем использования конституирующих принципов пробивает путь мощным силам конкуренции, существующим в современной экономике. Тем самым государство в значительной мере освобождается от влияния частных властных группировок. Его способность осуществлять контроль за деятельностью монополий несравнимо больше, если только руководители угольных, калийных и стальных синдикатов, а также крупных концернов, трестов и профсоюзов не принимают участия в формировании его воли. И в то же время эта задача намного скромнее. Только для названных выше неизбежных монополий проблема контроля за их деятельностью в конкурентном порядке является актуальной. Следовательно, шансы на успех этого контроля значительно больше.

4. Несмотря на это, необходимо и возможно делать выводы из опыта промышленно развитых стран по контролю за деятельностью монополий. При этом можно прежде всего констатировать, что два метода контроля за деятельностью монополий закономерно оказываются несостоятельными.

Во-первых, огосударствление монополий не решает самой проблемы монополий. Государственные монополии, например железные дороги или электростанции, как правило, проводят такую же монополистическую политику, как и частные монополии. Подобно

частным монополиям они стремятся достичь точки наивысшей чистой выручки, которая в том, что касается монополий, в большинстве случаев существенно отклоняется от точки оптимального удовлетворения спроса. Во многих случаях склонность к полному использованию монопольных позиций в администрации государственных монополий проявляется даже больше, чем в частных. Администрация государственных монополий именно в этом отношении чувствует себя правомочной, поскольку доходы поступают государству или городу, то есть они представляют собой косвенный налог и не могут быть использованы в частных целях. В остальном же государство ощущает себя намного увереннее перед лицом возможной конкуренции. Например, оно может ограничить возникающую конкуренцию заменителей, используя законодательные средства, как это было в Германии при возникновении конкуренции между автомобилем и железной дорогой.

Огосударствление объединяет обе сферы — экономику и политику. Но концентрация, как мы знаем, никогда и нигде не решала проблемы экономической власти и злоупотребления ею. Вместе с концентрацией власти на одной стороне возникает зависимость на другой: зависимость рабочих, потребителей и поставщиков. Огосударствление крупных монополий, например в тяжелой промышленности, вовсе не означает установления эффективного контроля над властью заинтересованных групп. Напротив, это значит сделать лицо, осуществляющее контроль, заинтересованной стороной.

Во-вторых, такого рода опасность и другие факторы дали толчок идее мобилизовать для осуществления контроля за деятельностью монополий функционеров рабочих организаций. Об этом уже говорилось¹. Выявилось следующее.

Если рабочие участвуют в монопольной прибыли, то они заинтересованы в монополии и монополистической политике не в меньшей степени, чем сами предприниматели. Часто рабочие угольной промышленности соглашались с требованиями монополий повысить цены, если при повышении цен им одновременно обещали увеличить заработную плату. Повышение железнодорожных тарифов, как правило, находит поддержку профсоюза железнодорожников. Интересы получателей заработной платы оказываются намного эффективнее разрозненных интересов потребителей.

В этом кроется причина нередко встречающегося благоприятного отношения профсоюзов к картелям. Было иллюзией надеяться, что благодаря этому объединению будет соблюден общий интерес. Здесь влиянию администрации монополий не был противопостав-

¹ По данному вопросу см.: Отчет комиссии по обобществлению и отчет о проведенных ею переговорах. Берлин, 1920.

лен соответствующий противовес. Напротив, влияние монополий усилилось.

Ни огосударствление монополий, ни осуществление контроля за их деятельностью со стороны представителей рабочих не может, таким образом, решить проблему монополий в условиях конкурентного порядка.

5. Следовательно, контроль за деятельностью монополий должен быть передан государственному ведомству по контролю за деятельностью монополий. Для того чтобы было ликвидировано всегда опасное (хотя и ослабленное в условиях конкурентного порядка) влияние заинтересованных лиц, должно существовать независимое ведомство, которое в своей деятельности руководствуется только положениями закона. Поэтому оно не должно превращаться в своего рода отдел министерства экономики, который в гораздо большей степени подвержен давлению со стороны заинтересованных лиц.

В компетенцию антимонопольного ведомства входят исключительно вопросы контроля за деятельностью монополий. Таким образом, необходимо новое, до сих пор отсутствующее центральное ведомство, создание которого в одинаковой мере необходимо и осуществимо. В структуре современного индустриального государства должна появиться эта важная центральная фигура ведомства по контролю за деятельностью монополий. Без нее над конкурентным порядком, а вместе с ним и над современным правовым государством нависает серьезная опасность. Антимонопольное ведомство столь же необходимо, как и Верховный суд.

Задачей антимонопольного ведомства является по возможности роспуск монополий и осуществление контроля за деятельностью тех из них, распустить которые не представляется возможным. Правда, в условиях конкурентного порядка их количество будет относительно невелико. Частичные и двусторонние монополии подпадают под его контроль точно так же, как монополии предложения и монополии спроса. Итак, если крупный завод является частичным монополистом в снабжении страны спиральными пружинами, причем наряду с ним тот же товар на рынок поставляют многие небольшие заводы, то он не может избежать контроля соответствующего ведомства, ссылаясь на существование мелких конкурентов.

6. Как же следует распознавать монополию как таковую? Этот вопрос имеет очень важное значение. Решающим моментом должны стать не дефиниции, а конкретные факты. Нужно ли постоянно контролировать деятельность каждой фирмы? Это было бы исключительно большой задачей, для решения которой потребовался бы громадный административный аппарат. Локальные антимонопольные ведомства стали бы напоминать финансовые учреждения. Фирмы по-

пали бы в зависимость от нового государственного аппарата. Центральное антимонопольное ведомство приобрело бы угнетающую экономическую власть. Над свободным порядком нависла бы угроза со стороны ведомства по контролю за деятельностью монополий.

Но мы знаем, что совсем не обязательно определять «изнутри» те формы рынка, в которых находятся фирмы. Без такого рода контроля на фирмах можно обойтись, или же его следует использовать в качестве вспомогательной меры. Представитель антимонопольного ведомства не должен выступать вместе с чиновником финансового учреждения. Имеется достаточно симптомов, позволяющих определить извне, предпринимаются ли попытки монополизировать рынок. Мы уже обращали внимание на это: локауты, скидки с цен, предоставляемые за длительные деловые связи, дифференцирование цен (включая демпинг), «боевые цены» и т.д. Только если явно имеются налицо такие симптомы монополистического поведения — и только в этом случае, — начинает проявляться активность антимонопольного ведомства. Правда, оно само решает вопрос о том, проявляются ли факты, свидетельствующие о наличии экономической властной позиции. Однако его следует законодательно обязать прибегать к вмешательству только там, где симптомы монополистической формы рынка можно определить извне.

Наряду с такой независимой комиссией существует еще два средства контроля за деятельностью монополий. Соответствующий иск могут подать правительство или пострадавшие.

7. Цель законодательства о монополиях и контроля за деятельностью монополий — побудить носителя экономической власти к такому образу действий, как если бы существует полная конкуренция. Поведение монополистов должно быть «аналогичным конкуренции». Это принцип, который прямо вытекает из основного принципа конкурентного порядка применительно ко всем рынкам, включая и рынок рабочей силы. Как раз тогда, когда одобряют идею о том, что человеческую рабочую силу нельзя рассматривать как товар, нужно пытаться избежать монополистических злоупотреблений на рынках труда. Как только, например, профсоюзы отклоняются от присущей им функции и с помощью таких учреждений, как «*closed shop*»¹, закрывают доступ к рынку рабочей силы для нечленов профсоюзов, их деятельность следует поставить под контроль. Осуществление контроля за деятельностью монополий должно протекать по следующим направлениям.

¹ Предприятие, принимающее на работу только членов профсоюза (англ.).

а) Как известно, общие условия заключения сделок объединений, промышленности, банков и страховых компаний, а также таких отдельно взятых предприятий, как газовые заводы, электростанции, железные дороги и т.д., повсеместно ликвидировали установленное государством право. Право, созданное самой экономикой, вытеснило государственное право прежде всего из монополизированных сфер экономики¹.

В противоположность этому следует создать такое положение, которое сформировалось бы в условиях полной конкуренции. Вполне допустимы общие деловые обычаи, складывающиеся на рынках в процессе исполнения законов, но не условия заключения сделок, которые отклоняются от законодательного регулирования в ущерб одной из сторон в договоре. Уже тем самым предотвращается большой ущерб, который наносится как раз монополиями и на который правовая политика обращает чересчур мало внимания.

б) Любая форма недобросовестной конкуренции через локауты, скидки с цен, предоставляемые за длительные деловые связи, «боевые цены» и т.д. запрещена. За этим также должно следить антимонопольное ведомство. Тем самым создается такое положение, которое в условиях полной конкуренции возникает само по себе и в котором недобросовестная конкуренция была бы бессмысленной². Конечно, для достижения аналогичного конкурентному порядку результата необходимо ввести принудительное заключение договоров, если только здесь вообще потребуется при-

¹ F. B ö h m. «Ordnung der Wirtschaft», 1938, S. 157; L. R a i s e r. «Das Recht der Allgemeinen Geschäftsbedingungen», 1935.

² Стоящую здесь задачу Гроссманн-Дёрт характеризует следующим образом: «Это, с одной стороны, государственное право договоров, регулирующих правовые отношения между кредитором и должником. По существу, оно результат юридической деятельности XIX в., базирующейся на древних литературных традициях. Оно все больше и больше изолируется от экономической жизни, и поэтому это — высохшее, похожее скорее на мумию право, символизирующее топтание на месте. С другой стороны, это общее условие заключения сделок. Оно доминирует не в государственном праве, а скорее вопреки ему в жизни договоров, регулирующих правовые отношения между кредитором и должником... Необходимо, чтобы общее условие заключения сделок наконец было бы признано в качестве, быть может, практически самой важной задачи частноправовой политики, стоящей перед нами. В конечном счете следует сделать вывод из того, что нашему чувству права и противоправного деяния уже давно не соответствует то, что экономика и государство устанавливают свое право по отношению друг к другу... Наконец, должно стать как нечто само собой разумеющееся: тот, кто устанавливает право, неся на своих плечах бремя ответственности законодателя, противостоят всей совокупности независимо от того, кем было установлено право — государственными органами или самой экономикой». — G r o s s m a n n - D ö r t h. «Die Rechtsfolgen vertragswidriger Andienung», 1934, S. 201 ff.

нуждение для того, чего позволяет достичь рыночный автоматизм в условиях полной конкуренции.

- в) В условиях полной конкуренции, как известно, на одинаковые товары и услуги образуются одинаковые цены. Между тем, например, монополии предложения в своем стремлении к максимальной чистой выручке имеют тенденцию требовать от различных слоев спроса дифференцирования цен на одинаковые товары и услуги. Такие дифференцирования цен в условиях конкурентного порядка следует запрещать.
- г) Наиболее трудным делом оказывается реализация фундаментального принципа при установлении уровня цен. Лишь в одном случае его реализация относительно проста, а именно тогда, когда речь идет об использовании заданного запаса. Вернемся к нашему примеру с кофе (с. 85). В результате снижения цен на кофе до 60 марок за один мешок была достигнута равновесная цена, удастся реализовать два миллиона мешков кофе, уничтожения кофе не происходит, однако доходы монополии уменьшились на 13 миллионов марок.

Труднее установить цены, аналогичные тем, которые имеют место в условиях конкуренции, если речь идет о текущем производстве при заданном производственном аппарате. В принципе цена должна фиксироваться таким образом, что предложение и спрос при этой цене приходят в состояние равновесия и цена как раз покрывает предельные издержки. Химический завод, обладающий монополией на определенное лекарство, должен, следовательно, продавать свой продукт по цене, имеющей два свойства. При этой цене предложение и спрос приходят в состояние равновесия, в результате чего необходимость в рacionamento отпадает. Одновременно эта цена, скажем три марки за единицу товара, равна издержкам на самую последнюю произведенную единицу товара. Здесь трудности возникают при определении издержек. Особую трудность создает расчет предельных издержек. Поэтому в подобных случаях, когда предельные издержки выше средних издержек, можно было бы рекомендовать выбрать в качестве искомой величины точку пересечения средних издержек и кривой спроса. Хотя эта цена не в полной мере соответствует системе, однако устанавливать ее легче.

Этим контроль над ценами со стороны антимонопольного ведомства не исчерпывается. Дело в том, что оно должно также позаботиться и о том, чтобы производственный аппарат по аналогии с условиями конкуренции приблизился к экономическому оптимуму. В условиях полной конкуренции возникает постоянное, сохраняющееся в течение длительного периода времени давление, направленное на рационализацию производственного аппарата. Необходимо осу-

существлять ценовой контроль монополий, который также оказывает длительное давление, аналогичное конкурентному.

Обладающий монополией химический завод, находящийся под контролем антимонопольного ведомства, будет приводить в соответствие с условиями полной конкуренции не только свои общие условия заключения сделок, не только прекратит локауты и дифференцирование цен, не только установит свои цены с таким расчетом, чтобы они были равновесными и соответствовали предельным издержкам, но и будет также находиться под остающимся длительное время эффективным давлением, которое вынуждает уменьшать издержки и снижать цены на свои продукты путем рационализации. В противном случае произойдет устаревание производственного аппарата, как это часто происходит в монополиях, а снабжение товарами перестает быть оптимальным. Таким образом, завод должен считаться с тем, что его цены периодически станут пересматриваться антимонопольным ведомством. При известных условиях, если не будет проведена необходимая модернизация, заводу придется принимать в расчет снижение цен ниже той точки, о которой говорилось выше, и, следовательно, считаться с потерями. Антимонопольное ведомство должно остерегаться того, чтобы в течение продолжительного периода времени рассматривать имеющийся производственный аппарат в качестве заданной величины.

Вопросы контроля за деятельностью монополий настолько разнообразны и сложны, что решить их можно только в том случае, если станут соблюдаться другие конституирующие и регулирующие принципы конкурентного порядка, если таким образом возможность образования монополий будет сведена до минимума и если контроль за деятельностью монополий будет осуществляться в соответствии с простым и реалистическим принципом аналогии конкуренции.

8. Контроль за деятельностью монополий оказывает также профилактическое воздействие. Эта сторона дела имеет исключительное значение. Стремление людей выйти на монополистические позиции, которое обладает большой жизненной силой и которое представляет собой, как оказалось, один из центральных фактов истории экономических отношений, существенно ослабляется или полностью исчезает, если такой жесткий контроль за деятельностью монополий становится действенным.

В данный контекст входит и такая большая проблема того, как поступать с олигополиями. Это случаи, подобные тем, которые приводятся ниже. Три электропромышленные фирмы поставляют определенные электроприборы, или два бензиновых концерна доминируют на рынке, или пять заводов по производству проката из алюминия снабжают своей продукцией рынок, не создавая картеля.

Или существуют также частичные олигополии, что встречается довольно часто. Например, две крупные фабрики по производству печей господствуют на рынке. Однако наряду с ними печи поставляют на рынок многие мелкие предприятия, которые адаптируются к ценовой политике крупных производителей. Это состояние олигополии или частичной олигополии зачастую быстро проходит и в результате устранения соперников вскоре приводит к образованию картеля, то есть к коллективной или к индивидуальной монополии. Но иногда такое лабильное состояние олигополии или частичной олигополии затягивается на многие годы или десятилетия. Как подходить к нему с точки зрения экономической политики? Правда, при проведении общей политики конкурентного порядка, включающей в себя, к примеру, торговую, патентную и налоговую политику, а также политику правовой защиты образцов, количество олигополий на сильно расширившихся рынках существенно сокращается. Однако вопрос остается важным. Ну, а как следует относиться к картелю, который насчитывает лишь небольшое число членов и после роспуска которого рынок переходит в олигополистическую форму?

Существует две точки зрения. По той из них, которую наиболее четко отразил прежде всего *Микш*, для олигополий и частичных олигополий необходимо специальное регулирование, а именно так называемая «навязанная конкуренция», которая осуществляется под контролем государства¹. По другой точке зрения, тем самым на государство возлагается чересчур многое. Здесь был бы необходим громадный контролирующий аппарат, органы которого были бы разбросаны по всей стране. Государство оказалось бы чрезмерно вовлеченным в повседневный экономический процесс. В противоположность этому следовало бы предпочесть другой путь. *Контроль за деятельностью монополий в условиях конкурентного порядка должен быть настолько решительным, чтобы оказывать сильное профилактическое воздействие.* При решительном осуществлении контроля за деятельностью монополий у олигополиста не окажется повода в конкурентной борьбе уничтожать соперников и завоевывать монополистические позиции. Ведь в этом случае он попадает под жесткий контроль антимонопольного ведомства. В остальном же олигополисты сами по себе будут стремиться вести себя так, как следует поступать в условиях полной конкуренции, поскольку в противном случае они по одному станут попадать в поле зрения антимонопольного ведомства. Вот пример. Цементный картель распадается. В силу этого семь членов его становятся олигополистами.

¹ См.: L. M i k s c h. «Wettbewerb als Aufgabe», 2. Aufl., 1947, S. 91 f., и «Die Wirtschaftspolitik, des Als-Ob». — *Zeitschrift für die ges. Staatswiss.*, 105. Bd., 1949.

То, что одна из этих фирм отныне будет пытаться ликвидировать остальные, весьма мало вероятно. Ведь все средства недобросовестной конкуренции — «боевые цены», локауты, скидки с цен, предоставляемые за длительные деловые связи, и т.д. — запрещены, и их использование наказуемо. Если же она в рамках соответствующей системы конкуренции стала бы монополистом, то она попала бы под радикальный и отпугивающий контроль антимонопольного ведомства. Как же будет обстоять дело, если все семь фирм останутся олигополистами? Они будут действовать примерно так же, как и в условиях конкуренции. С каких-то сторон они *должны* поступать именно так. Дело в том, что положения об общих условиях заключения сделок, недобросовестной конкуренции и дифференцировании цен касаются и этих фирм. И если, определяя уровень своих цен, они не приблизятся к уровню цен конкуренции, им изо дня в день придется считаться с вмешательством антимонопольного ведомства¹.

9. Существует два момента, которые облегчают осуществление контроля за деятельностью монополий в рамках конкурентного порядка. Во-первых, тот факт, что в силу следования конституирующим принципам большая часть монополистических позиций исчезнет. Во-вторых, наличие профилактического воздействия последовательного и систематического контроля за деятельностью монополий, который побуждает олигополистов или частичных олигополистов вести себя как бы в условиях конкуренции. Во многих случаях, скажем, таких, когда две фирмы обеспечивают рынок поставками шлихтовальных машин, вопрос решается сам по себе. Антимонопольное ведомство будет наблюдать за деятельностью отраслей промышленности. Но вмешиваться в события оно станет лишь в том случае, если определенные, описанные выше симптомы покажут, что фирмы отклоняются от норм поведения, аналогичных тем, которые свойственны условиям конкуренции. Однако строгость контроля за деятельностью монополий в большинстве случаев вынудит фирмы воздерживаться от такого рода отклонений.

Собственно контроль за деятельностью монополий ограничивается, таким образом, небольшим количеством реальных монополий. Поэтому антимонопольное ведомство не станет структурой-монстром с многочисленной армией чиновников, оно несравнимо с чиновничьим аппаратом плановых органов в централизованно управляемой экономике или синдикатах.

¹ По вопросу контроля за деятельностью монополий см. называвшиеся выше работы Бёма, Микша, Хаусманна, Рёнке, Кестнера и т.д. Новая литература: В. P f i s t e r. «Leistungswettbewerb und Monopolkontrolle». — *Hochland*, 40. Jahrgang, August 1948.

II. Политика в области доходов

1. Пророки противопоставляют свои пророческие видения безрадостной действительности, тем самым увлекают за собой массы и завоевывают власть.

Но пророчество и видения не наше дело. В современном индустриализированном мире существует жизненно важная проблема политики порядков, решение которой требует проведения в высшей степени трезвого анализа. Оказывается, что эта экономическая проблема политики порядков может быть решена с помощью конкурентного порядка. Но в отличие от пророков мы должны оставаться достаточно трезвомыслящими людьми, чтобы видеть недостатки и опасности относительно наилучшего решения. Конкурентный порядок *обладает* недостатками и таит в себе опасности. Но простой констатации наличия недостатков и существования опасностей еще недостаточно. Их установление является основой разработки последующих регулирующих принципов, которые устраняют или уменьшают эти недостатки и опасности.

2. В условиях полной конкуренции анонимный экономический процесс распределяет между людьми их доходы и спрос этих получателей доходов через механизм цен регулирует производственный процесс. Именно здесь и развернулась критика. Заработная плата, проценты, рента и прибыль предпринимателей формируются — таковы аргументы — в рамках полной конкуренции в принудительном порядке. И распределение происходит, таким образом, не на основе этических точек зрения, оно предоставляется автоматизму, безразличному к этике. Как же может проявиться в таком случае социальная справедливость? Мы уже затрагивали эту проблему. Выяснилось, что распределение социального продукта с помощью механизма цен полной конкуренции, несмотря на многочисленные недостатки, все же лучше распределения на основе произвольных решений частных или общественных властных структур.

3. Но и этот механизм распределения также оставляет открытыми многие вопросы и нуждается в корректировке. Возникают существенные различия в распределении покупательной способности, что определяет ориентированность производства на удовлетворение относительно незначительных потребностей, в то время как насущные потребности других получателей доходов остаются неудовлетворенными. Неравенство доходов приводит к тому, что предметы роскоши уже производятся, а насущные потребности домашних хозяйств с незначительными доходами требуют своего удовлетворения. Следовательно, здесь в распределение, которое

осуществляется в условиях конкурентного порядка, необходимо внести поправки¹.

4. Для частичного внесения таких поправок можно использовать, например, налоговую политику.

Именно в этом заключается смысл системы прогрессивных налогов. Как известно, при проведении той политики обеспечения полной занятости, какая имеет место, скажем, в Англии и в Америке, также используется этот инструмент. Но те, кто проводит в жизнь эту политику, имеют совсем иную цель. Они хотят воспрепятствовать чересчур активному накоплению. Поэтому в высоких доходах, большая часть которых, как показывает опыт, идет на накопления, они усматривают опасность. Мы уже говорили об этом в другой связи. Правда, такая налоговая политика позволяет получить результат, которого как раз и следовало бы избежать, а именно ограничение инвестиций.

Прогрессия подоходного налога в рамках конкурентного порядка имеет совершенно иной, а именно социальный смысл. В этих рамках она должна корректировать процесс распределения. Тем самым обозначаются границы этого прогрессивного налога. Прогрессия не должна заходить так далеко, чтобы в итоге уменьшалась склонность к инвестированию. Приведем хотя бы один пример. План капитальных вложений может предусматривать возможность получения прибыли в размере 300 000 марок в год. Но существует также риск того, что при определенных условиях могут возникнуть потери в размере 100 000 марок. Если при получении прибыли, равной 300 000 марок, на налоги уйдет примерно 280 000 марок, то представляется невероятным, что капиталовложения вообще будут осуществляться. Дело в том, что предприниматель видит здесь весьма скромные возможности получения прибыли и сравнительно большие шансы понести убытки. Следовательно, чтобы сохранить функциональную способность конкурентного порядка, следует ограничивать прогрессию в налогообложении. Насколько необходима таковая с социальной точки зрения, настолько необходимо также и то, чтобы эта прогрессия не создавала угрозу капиталовложениям. В принципе тем самым обозначены верхняя и нижняя границы ее. Где же эти границы проходят *in concreto*, должна нащупывать финансовая политика отдельных стран.

¹ Об этой проблеме уже писал О. Бём-Баверк. См.: E. v o n B ö h m - B a w e r k. «Nachteilige Wirkungen des freien Wettbewerbs». Gesammelte Schriften, 1924, S. 475 ff.

* Автор предусматривал специальный раздел, посвященный налоговой политике. В связи с этим он часто ссылается на работы Г. Шмёльдерса.

III. Экономический расчет

1. Экономические расчеты многих отдельно взятых предприятий и домашних хозяйств, согласованные между собой через систему конкурентных цен, должны обеспечить рациональный экономический расчет в масштабах всей экономики, а также достаточное регулирование совокупного процесса. Это основная идея конкурентного порядка. Экономический расчет как бы распадается на множество частиц, которые затем сводятся воедино в ходе того, как экономический расчет будет проведен индивидуальными хозяйствами, а механизм цен согласует между собой отдельные экономические расчеты.

Система работает очень точно, но она не учитывает обратного воздействия, которое планы индивидуальных хозяйств и их реализация оказывают на общехозяйственные показатели в том случае, если это обратное воздействие не ощущается в *собственной* сфере планирования администрации отдельно взятых предприятий¹.

Вспомним об уничтожении лесов в Америке, которое привело к ухудшению почвы и климата на обширных территориях и к возникновению степей. Произошло это потому, что в экономическом расчете владельца леса почти или полностью не нашло своего отражения это обратное воздействие на хозяйство в целом. Или представим себе ущерб здоровью человека, который во многих случаях наносится химическими заводами и их сточными водами. Но этот конфликт между экономическим расчетом отдельно взятого предприятия и интересами общества проявился прежде всего в социальной сфере: детский и женский труд, чрезмерная продолжительность рабочего времени, недостаточная профилактика несчастных случаев на производстве и т.д. как раз в середине XIX в. стали причиной нанесения серьезного ущерба здоровью людей, который был полностью или частично возмещен только с внедрением охраны труда рабочих.

2. Описанные недостатки частично объясняются тем, что не было полной конкуренции. К примеру, многие локальные монополии спроса работодателей в начале индустриального развития наделили последних превосходством во власти, позволившим им нанимать рабочих на таких условиях, которые были бы невозможны, если бы между работодателями существовала конкуренция. Большая часть серьезных недостатков, о которых говорил *Маркс*, объясняется, как мы уже видели, монополистической позицией спроса работода-

¹ По данному вопросу см.: H. von Stackelberg. «Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre», 1948, S. 344, а также мою статью в «Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», Bd. 159, 1944, S. 201 ff.

телей. Таким образом, не конкуренция, а ее отсутствие является причиной возникновения пороков.

Однако и в условиях полной конкуренции может возникать ущерб, и как раз потому, что работодатель, к примеру, не учитывает в своем экономическом расчете влияния своих действий на рабочих или делает это лишь частично.

3. Вот почему и в рамках конкурентного порядка необходимо ограничивать свободу планирования предприятий в точно устанавливаемых случаях. Так обстоит дело в лесном хозяйстве, в котором следует в определенном объеме запретить сплошную рубку леса и т.п. Сюда же относится прежде всего охрана труда рабочих. И хотя при наличии конкуренции между работодателями на рынке рабочей силы также складывается совершенно иное положение, чем то, какое было в большинстве случаев в XIX в., все же необходимо обеспечивать охрану труда рабочих путем регулирования детского и женского труда, установления продолжительности рабочего времени, принятия мер по профилактике несчастных случаев на производстве, а также путем использования промыслового надзора. Полной конкуренции на рынках рабочей силы или создания такого положения, которое по своему воздействию в первом приближении соответствует полной конкуренции, будет недостаточно для удовлетворительного решения данной проблемы.

Точное обозначение необходимости ограничения в известных местах свободы планирования одновременно устанавливает также границы государственного контроля. Промышленная полиция не должна использовать свои полномочия для того, чтобы ограничивать конкуренцию. Она должна заниматься исключительно тем, чтобы выявлять наносящее ущерб обратное воздействие, например воздействие фабрики по производству соды, строительство которой запланировано, на находящиеся в округе домашние хозяйства и предприятия, после чего принимать ограничительные предписания¹.

IV. Аномалия предложения

1. Так называемая аномалия предложения именно на рынках рабочей силы весьма скрупулезно принималась во внимание экономической политикой более раннего периода². Если французское госу-

¹ W. G. W a f f e n s c h m i d t. «Technik und Wirtschaft», 1928, insbesondere S. 236 f.

² См.: H. v o n S t a c k e l b e r g. «Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre», 1948, S. 281 ff., а также E. F. H e c k s c h e r. «Merkantilismus», 2. Bd., S. 148 ff.

дарство XVII и XVIII вв. использовало свое влияние в интересах уменьшения заработной платы, то это происходило не только для того, чтобы сократить издержки и тем самым расширить экспорт, но и для того, чтобы путем снижения заработной платы заставить рабочих больше трудиться, а также вынудить работать их жен и детей. Во Франции и в других странах господствовало убеждение, что низкая заработная плата делает людей более прилежными, а высокая — приводит к праздности и безделью. Лишь в конце XVIII в. против этого тезиса выступила оппозиция.

2. Для политики конкурентного порядка совершенно другую роль играет тот факт, что на определенных рынках при падении цен или снижении заработной платы предложение возрастает. Возникает вопрос, каким образом следует остановить понижение заработной платы или падение цен. Вот пример. Из-за роста численности населения в той или иной местности может произойти снижение заработной платы, которое продолжится, если в результате этого семьи будут вынуждены посылать на рынок труда больше рабочей силы. Или из-за внедрения технических усовершенствований на отдельных рынках рабочей силы произойдут увольнения, которые повлекут за собой уменьшение заработной платы. Создание нового состояния равновесия может быть осложнено тем, что снижение заработной платы явится причиной усиленного предложения рабочей силы, то есть не только уволенные, но и другие рабочие станут искать новое место работы.

3. Правда, эта политико-экономическая и политико-социальная проблема в условиях конкурентного порядка, разумеется, существенно упрощается, а во многих случаях и разрешается в результате применения описанных выше принципов. При свободе перемещения и повсеместного проживания рабочих, а также профессиональной подвижности труда облегчается переход рабочих в другие сферы занятости. Создание на рынках рабочей силы такого положения, которое соответствует полной конкуренции, делает невозможным оказание давления на заработную плату, какое обычно имеет место при господстве частных или общественных властных группировок. Охрана труда рабочих, как-то: установление запрета на использование детского труда и ограничение продолжительности рабочего времени для взрослых, — также затрудняет увеличение предложения рабочей силы при снижении заработной платы.

Если же, несмотря на это, предложение на рынке рабочей силы длительное время остается аномалией, то установление минимального размера заработной платы стало бы актуальной мерой.

ПОЛИТИКА КОНКУРЕНТНОГО ПОРЯДКА. ИНТЕРДЕПЕНДЕНЦИЯ ПОЛИТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

I. Интердепенденция

1. Все принципы — как конституирующие, так и регулирующие — образуют единое целое. При последовательном проведении экономической политики в соответствии с этими принципами создается и становится функционирующим конкурентный порядок. Каждый отдельно взятый принцип обретает смысл только в рамках общего плана построения конкурентного порядка. К этому результату нас постоянно приводило исследование даже независимо от того, о чем шла речь: о свободе заключения договоров, о принципе возникновения денег или о каком-либо ином принципе. Отдельно взятые принципы дополняют друг друга, то есть являются взаимодополняющими.

2. Тем самым разрешается существенный экономико-правовой и политико-экономический спорный вопрос.

На смену прежней наивной вере в то, что правовая и экономическая политика в состоянии достичь всего того, чего она захочет, если только это желание действительно будет активным, пришла совершенно иная вера. Духовные течения, доминирующие в наше время и считающие, что человеческая история протекает неотвратимо, в решающей степени способствовали этой перемене. К этому следовало добавить провалы в самой экономической политике, прежде всего неудачи законодательства о деятельности монополий. К примеру, такой видный правовед, как *Франц Кляйн*, уже давно выразил свое скептическое отношение к данному вопросу¹. Он сомневался в том, что гражданские и уголовные законы вообще оказывают какое-либо влияние; экономическое развитие так или иначе проложит себе путь. *Х. Трумплер* же в последнее время писал: «Это парадокс, что с принятием первого антитрестовского закона тресты в США стали развиваться невиданными темпами». И далее: «Поэтому влиятельные круги в США считают борьбу с трестами провалившейся или по меньшей мере бесперспективной»².

¹ См., например: «Reden, Vorträge, Briefe», 1927.

² *H. T r u m p l e r*. «Unlauter Wettbewerb und Antitrustrecht der Vereinigten Staaten von Amerika», 1944.

Кляйн и другие скептики правы в том случае, если правовая и экономическая политика проводится пунктуально.

Специальные антимонопольные законы, к примеру, не решают самой проблемы монополий. Развитие монополий сделало посмешищем пунктуальное законодательство и судебную практику. Несмотря на то что ведется ожесточенная борьба с монополиями, последние процветают. Об этом свидетельствует весь политико-экономический опыт.

Но скептики оказываются не правы, если экономическая политика проводится на основе общего решения, присущего политике экономического порядка, и все политико-экономические акты взаимно дополняют друг друга в применении необходимых принципов. Американское антитрестовское законодательство также потерпело неудачу не из-за порочности законодательства как такового, а по той причине, что полностью отсутствовала дополняющая экономическая политика, а торговая и патентная политика, совокупность правовых норм, касающихся товариществ, компаний и объединений и т.д., создали условия, в которых монополии буйно разрастались.

Армия, которой руководят таким образом, что без какой-либо взаимосвязи одна воинская часть движется в одном направлении, а другая — в другом, не в состоянии осмысленно осуществить сосредоточение и развертывание, а ее ударная сила окажется незначительной. Если же действия всех отдельно взятых частей тесно взаимосвязываются между собой и в результате становится возможным осмысленное стратегическое сосредоточение и развертывание, то ее ударная сила и шансы на успех чрезвычайно возрастают. То же самое можно сказать и об экономической политике.

3. Если было бы принято общее решение в пользу экономического порядка, присущего централизованно управляемому хозяйству, то принципы открытых рынков, ответственности, свободы заключения договоров, осуществления контроля за деятельностью монополий или принцип «товары — резервы — валюта» были бы лишены всякого смысла. Конформными¹ для централизованно управляемой экономики являются предписания центральных органов по вопросам осуществления профессиональной деятельности и принудительного привлечения к отбыванию трудовой повинности, создания внешне-торговых монополий, установления запретов на импорт, введения рационирования, предоставления лицензий и т.п.

¹ Это понятие введено *B. Pénke*, например, в его работе «*Gesellschaftskrisis der Gegenwart*», 1942, S. 252 ff. Он использует его прежде всего по отношению к политико-экономическим мерам, которые конформны рыночной экономике.

В последнее время отдельные страны сделали централизованно управляемую экономику доминирующим элементом формы их экономического порядка и проводили экономическую политику, которая в своих отдельных частях конформна общему решению. Именно так обстояло дело в России после 1928 г. Такая экономическая политика позволяет в этом отношении избежать чреватой последствиями ошибки пунктуализма, а также пренебрежения интердепенденцией. Индустриальная, внешнеторговая, аграрная и валютная политика подчинена общему решению, скоординированы между собой и становится таким образом единым целым. В противоположность этому бросаются в глаза сосуществование и противостояние политико-экономических актов, а также хаос пунктуального вмешательства в некоторых других странах, в которых встречается большее количество элементов форм, присущих рыночной экономике, как, скажем, во Франции и в США.

Гибельные недостатки общего решения и роковые опасности, талящиеся в нем, в рамках экономических порядков, присущих централизованно управляемому хозяйству, не устраняются этой последовательностью экономической политики и ее нацеленностью на общее решение. Скорее, они проявляются в полном объеме. Но в конечном счете и как раз перед лицом опасностей, исходящих от решений в духе централизованно управляемой экономики, необходимо последовательно претворять в жизнь экономические порядки рыночного типа, а именно конкурентный порядок. И в рамках этих порядков должна проявляться во всех компонентах экономической политики главная идея построения экономического порядка. Тогда станет очевидной исключительная эффективность конкурентного порядка под экономическим углом зрения и его большое воздействие на все другие человеческие порядки.

4. Но как же можно практически проводить экономическую и правовую политику с таким расчетом, чтобы она во всех деталях соответствовала общему решению, принятому в пользу конкурентного порядка? Как раз путем соблюдения разработанных принципов.

А именно: недостаточно того, чтобы только законодательство повсеместно, начиная с аграрной политики и кончая валютной политикой, реализовывало принципы конкурентного порядка. Разумеется, на долю законодательства выпадает прежде всего задача обеспечения единства экономической политики путем координации отдельно взятых политико-экономических актов. Впрочем, и *судебная практика* играет в этом необходимую и самостоятельную роль. Опыт показывает, что новые проблемы вначале попадают в сферу судебной практики и что в силу этого она часто оказывается первопроходцем. Это наблюдается в картельной по-

литике Германии. Решения Имперского верховного суда, особенно известные решения от 25 июня 1890 г. и 4 февраля 1897 г., которые допускали возможность заключения картельных договоров и установления единых картельных рыночных цен, а также принудительного объединения в картель (блокирование), были политико-экономическими актами исключительного значения¹. Они образовывали тот фундамент, на котором формировалось картельное законодательство последующих десятилетий. Но судебная практика не в состоянии успешно заниматься политико-экономическими задачами, прибегая к общим оговоркам относительно взаимного доверия или общепринятых моральных норм и создавая при этом у судьи лишь весьма смутные представления об экономических процессах. Напротив, необходимо, чтобы судья зависел от общего решения, прямо связанного с экономическим конституированием, и имел перед собой точную картину общехозяйственных взаимосвязей. Судебная практика зачастую является олицетворением экономической политики. Но экономическую политику нельзя успешно проводить в жизнь на основе принципов правовой догматики. Необходимо, чтобы решения принимались также с использованием правовых принципов экономического конституирования. При этом особая проблема заключается в том, как взаимоотноуязать между собой принципы экономического конституирования и правовой догматики при рассмотрении проблемы. Только ориентация и судебной практики на эти принципы экономического конституирования обеспечивает единство экономической политики. В противном случае возникает угроза сохранению конкурентного порядка. Если бы в судебной практике стали бы выноситься решения по вопросам патентоведения, охраны фирменных или товарных знаков, ответственности, свободы заключения договоров и т.д., которые противоречат принципам конкурентного порядка, то возникла бы угроза сохранению конкурентного порядка или его способности к функционированию. В стране конкурентного порядка, как мы знаем, возможна реализация идеи правового государства, в котором суды, следовательно, могут иметь большой вес, столь необходимый для конституирования правового государства. По этой причине решения судов приобретают особое значение и для формирования экономической политики.

Точно так же *административные органы* должны подчиняться общему решению экономического конституирования. При этом сказанное относится не только к министерствам, но и к местным адми-

¹ По данному вопросу см.: F. B ö h m. «Das Reichsgericht und die Kartelle». — «ORDO», 1. Bd., 1948, S. 197 ff.

нистративным учреждениям. Они не должны, например, используя средства строительного надзора, предпринимать попытки чинить препятствия становлению конкуренции в ремесленном производстве того или иного города. Все три власти действуют сообща, тесно переплетаясь между собой. Конкурентный порядок должен был бы быть неотъемлемой составной частью правовой системы*.

5. Многообразие политико-экономических принципов и интерденденция их влияния объясняются комплексностью громадной, базирующейся на разделении труда индустриальной экономики, в рамках которой люди живут со времен промышленной революции. Однако не должно возникать впечатления, будто конкурентный порядок представляет собой хрупкое образование, которое легко рассыплется в условиях ожесточенной политической и экономической борьбы.

Основная идея этой экономической политики проста. И все принципы служат ее осуществлению. Она базируется на фундаментальном разделении *формы* и повседневного *процесса* хозяйствования. Эта и другие главные черты конкурентного порядка понятны даже широким кругам. Тем самым облегчается процесс его реализации. Полное понимание принципов в частности и в их взаимосвязях необходимо только слою ответственных руководителей. Но основополагающие идеи можно сделать легко понятными, если исходить из повседневной хозяйственной жизни. Необходима прежде всего последовательность (что не имеет ничего общего с доктринерством). Однажды *Кант* сказал: «Быть последовательным — самая важная обязанность философа». Это относится и к экономической политике. Ее предназначение — в полной мере применять на деле объективную логику.

II. Конъюнктурная политика

1. Конъюнктурная политика¹ все больше и больше выдвигалась в центр как экономической, так и общей политики. Почему? Это вопрос, ответ на который подводит к глубоко лежащим структурным изменениям государства, общества и духовной позиции современного человека. Здесь важен лишь сам факт. Никакая

* Вслед за этим должен был находиться раздел, в котором содержались бы другие примеры по проблеме конкурентного порядка. И в первую очередь речь должна была идти, видимо, о железных дорогах Германии. Ссылка автора на литературный источник: A. S c h m i t t. «Verkehrsordnung durch Wettbewerb oder Zwang?» — «ORDO», 3. Bd., 1950.

¹ Здесь автор ссылается на работы таких авторов, как *Хаберлер*, *Лутц*, *Прайзер*, *Шумпетер*, *Шпильхоф*, *Штуккен*, *Евекс*.

Экономическая политика, проводимая в каком-либо государстве, не может быть устойчивой в течение продолжительного периода времени, если только она не предотвращает длительной безработицы. Рабочие и служащие требуют *безопасности*. Они не хотят, чтобы над ними нависала угроза потерять свое рабочее место и у них не было возможности найти новое. Такое желание было у них и прежде. Однако ныне они требуют от *государства* исполнения этого желания. И это — новое явление. Еще в 1900 г. дело обстояло иначе. Раньше хозяйственную нужду рассматривали как веление судьбы, как Божье наказание, как следствие собственной вины или вины других людей. Сегодня эта ответственность переложена на государство. Причем это делается не отдельно взятым лицом, а массами и общественным мнением. Так идея, согласно которой государство должно гарантировать экономическую безопасность, стала большой исторической силой. Уже начиная с первой мировой войны идея, заключающаяся в том, чтобы требовать от государства экономической безопасности, овладела политикой и умами людей. Валютная, торговая, финансовая политика и т.д. была поставлена на службу конъюнктурной политике. До войны 1914—1918 гг. социальная идея в экономической политике уже обладала большой силой. Но с тех пор прежде всего на конъюнктурную политику переложили задачу реализовать эту идею и создать социальную защищенность. Именно в силу того, что социальная идея пронизывала всю конъюнктурную политику, последняя была передвинута в самый центр политики.

Но эти лихорадочные усилия привели к негативному результату. Либо не удавалось избежать кризисов и депрессий с их массовой безработицей, либо это достигалось только ценой исключительно больших жертв. В 20-е годы нашего столетия серия политико-конъюнктурных экспериментов, проводившихся в США, Германии, Англии и т.д., завершилась катастрофой, связанной с кризисом 1929—1932 гг. Здесь непосредственная неудача была вполне очевидной. И хотя в противоположность этому в ходе экспериментов политики обеспечения полной занятости, а также политики регулирования, присущего централизованно управляемой экономике, удалось избежать безработицы или преодолеть имевшуюся безработицу, успех, однако, был достигнут лишь за счет того, что клин был вышиблен клином. Одно экономическое бедствие сменялось другим.

Почему же потерпели фиаско попытки конъюнктурной политики? Что же позитивного должно было произойти? Мы в своей работе также постоянно занимались этими вопросами. Ответы уже были даны. Может быть, однако, полезно еще раз кратко обрисовать общую проблему в ее политико-конъюнктурном аспекте.

2. Экономические депрессии обычно связаны со спадом инвестиционной деятельности. Одновременно проявляются диспропорциональности в рамках общего процесса. Отдельные отрасли промышленности на подъеме могут расширяться в большей степени, чем отрасли, производящие взаимодополняющие товары, — скажем, черная металлургия станет расширяться активнее, чем металлообрабатывающая отрасль. Одновременно в период депрессии дают о себе знать и другие диспропорциональности, к примеру между накоплением и инвестированием или между отраслями производства, которые в силу технического развития обречены на спад, и отраслями, расширяющими масштабы своей деятельности. Все конкретные депрессии имеют свой индивидуальный характер. Депрессия 1901 г. имела иные черты, чем депрессия 1907—1908 гг. или депрессия 1929—1932 гг. Но в каждой из них всегда наблюдались сокращения масштабов инвестиционной деятельности, а также, причем в различных проявлениях, определенные диспропорциональности в рамках экономического процесса.

3. Из этого можно сделать вывод о том, что депрессии порождаются недостаточной склонностью к инвестированию, и мы знаем, что незначительная склонность к капиталовложениям связана с нестабильностью экономической политики, а также с тем, что нарушены соотношения цен, прежде всего соотношения между ценами на средства производства и ценами на продукты.

С другой стороны, как уже было показано, экономическому процессу недоставало способности адаптироваться, то есть способности быстро устранять диспропорциональности. Образование монополистических форм рынка способствовало заострению механизма цен. На других рынках образовались неравновесные формы, например олигополии предложения или двусторонние частичные монополии. Таким образом, пришли к борьбе монополий, забастовкам, увольнениям. И что особенно важно: нестабильность денег послужила причиной дефляционных и инфляционных процессов, которые затрудняли ход процессов адаптации, а также в решающей степени мешали инвестиционной деятельности, особенно в условиях дефляции.

4. В эпоху экспериментирующей экономической политики с точки зрения конъюнктурной политики не предпринималось никаких попыток реформировать формы рынка и денежные порядки и стимулировать инвестиционную деятельность за счет неизменности экономической политики. Напротив, конъюнктурная политика экспериментов предпринимала попытки путем прямого вмешательства в экономический процесс — через политику низкого процента, кредитную экспансию, государственные заказы, фиксиро-

вание цен, валютный контроль — преодолеть или не допустить депрессий. Таким образом, была предпринята попытка заменить недостаточную частную инвестиционную деятельность государственными капиталовложениями. Однако ничего не делалось для устранения ошибок механизма регулирования, иными словами, для устранения причины большей части диспропорциональности. Эта конъюнктурная политика была автономной. По возможности она освобождалась от международных обязательств, так что это существенным образом влияло и на регулирование международного обмена.

Как мы видели, из этой политики должна была вытекать тенденция к внедрению методов регулирования, присущих централизованно управляемой экономике. Но поскольку централизованно управляемая экономика работает только с использованием глобальных оценок, здесь постоянно наблюдались узкие места, отсутствие взаимодополняющих средств производства и возникали серьезные изъяны в снабжении потребительскими товарами, как об этом свидетельствует опыт Германии и Англии последних лет.

В силу того что такими методами причины депрессий не устраняются и в экономические порядки не могут быть встроены инструменты регулирования, которые изо дня в день влияют на создание общего равновесия, конъюнктурная политика, несмотря на все усилия, потерпела неудачу. Этим объясняется также то странное обстоятельство, что в эпоху конъюнктурной политики разразился крупнейший из всех тех кризисов, которые когда-либо переживала индустриализированная экономика, а именно кризис 1929—1932 гг. Валютная, торговая, ценовая политика и политика в области заработной платы того времени ухудшили механизм регулирования и сделали его малопригодным для приведения экономического процесса в соответствие с изменившимися данными.

Для решения проблемы колебания конъюнктуры и массовой безработицы необходимо также завершить период экспериментирования и действовать в соответствии с требованиями политики порядков. Это позволяет затронуть те точки, в которых берут свое начало депрессии. Короче говоря, это — ситуация.

5. Ход инвестиционной деятельности в рамках конкурентного порядка поддерживается за счет того, что экономическая политика становится неизменной. Соотношения цен, прежде всего соотношения цен на средства производства и цен на продукты, больше не искажаются, и в экономический порядок встраивается автоматически работающий стабилизатор денежной политики, так что до дефляций и инфляций дело не доходит. Третью денежную систему надлежит устранить..

С другой стороны, механизм цен приобретает способность выявлять и выравнивать диспропорциональности при условии, что будут использоваться конституирующие и регулирующие принципы конкурентной политики. Ни без одного из этих принципов обойтись нельзя. Например, регулирующий принцип, в соответствии с которым свободу планирования необходимо ограничивать там, где обратное воздействие деятельности руководства отдельных предприятий не ощущается, важен и с точки зрения конъюнктурной политики. Если, скажем, это препятствует тому, чтобы в результате лесохозяйственных тотальных рубок территории превращались в степь, то тем самым достигается и эффект с точки зрения конъюнктурной политики. Впрочем, и по другим принципам читатель может легко определить, какое влияние оказывают они на создание достаточного инструмента регулирования и как они способствуют установлению порядка, в котором исчезает опасность наступления депрессий и массовой безработицы.

6. Возникнет ли, помимо этого, в рамках конкурентного порядка необходимость в каких-либо других особых мерах, необходимых для ликвидации колебаний конъюнктуры? Видимо, нет.

Намного важнее тот факт, что обычная конъюнктурная политика в нашу эпоху экспериментов в длительной перспективе должна потерпеть неудачу. Здесь не поможет никакая утонченность, достигаемая, например, с помощью статистических наблюдений или централизованного планирования, базирующегося на использовании математических методов. Страна, в которой из-за существования властных группировок и нестабильного денежного порядка экономический процесс уже является неравновесным, может, как это делают сегодня США, с помощью политики низкого процента, а также кредитной экспансии поддерживать инвестиционную деятельность. Но эта конъюнктурная политика в большей степени отрицательно скажется на механизме регулирования цен, вместо неопределенности получения работы возникает неопределенность в снабжении и происходит его ухудшение. Если бы страна перешла к экономической политике централизованного управления, то снабжение потребительскими товарами ухудшилось бы еще больше. Из этого тупика, в котором находится современная конъюнктурная политика, есть лишь один выход — в качестве первоочередной задачи рассматривать встраивание в экономический порядок достаточного механизма регулирования. Общее решение в духе политики порядков должно стоять на первом месте. Каждая мера конъюнктурной политики имеет смысл только в рамках этого общего решения.

Таким образом, при проведении конъюнктурной политики проблема состоит не в том, что диспропорциональности не возникают,

а в том, что есть аппарат, способный постоянно восстанавливать состояние равновесия. Такого аппарата никогда не было ни в *laissez-faire*, ни в политике обеспечения полной занятости, ни в централизованно управляемой экономике. Конкурентный порядок можно сравнить с организмом. Миллионы бактерий непрерывно атакуют этот организм. Он же может защитить себя только тем, что его силы противодействия всегда направлены на восстановление равновесия. В этом отношении конкурентный порядок должен реагировать как здоровый организм.

III. Социальная политика*

А. Предварительные замечания

Между социальными желаниями многих людей и знаниями, необходимыми для решения социальных вопросов, зачастую существует глубокая пропасть. Имеется много людей, проявляющих продолжительный интерес к социальным проблемам и желающих принимать участие в их решении. Но существуют немногие, которые интересуются вопросами общего экономического и общественного порядка, руководствуясь которыми только и можно понять социальный вопрос во всех формах его проявления. Недостатка в отдельно взятых мерах социальной политики не было. Они, и это следует здесь настоятельно подчеркнуть, во многом способствовали тому, чтобы улучшить положение рабочих в индустриальном обществе. С течением времени выяснилось, однако, что мерами регулирования, порождаемыми пунктуальным мышлением, не могут быть в достаточной степени решены социальные вопросы.

Существенным в связи с этим является то, что собственно социальная политика представляет собой нечто совершенно иное, чем то, что прежде часто понималось под этим. Здесь увеличить заработную плату, там предотвратить несчастные случаи на производстве или создать благотворительные организации — все это, несомненно, важно, но этого еще недостаточно. Такой пунктуальный подход к проблеме должен отступить на задний план. Но не потому, что задачи социальной политики в прежнем смысле слова якобы стали несущественными. Совсем наоборот. Поскольку задачи в высшей степени актуальны, они должны наряду с другими стать определяющим фактором общего мышления категориями экономического порядка. Более того, определенные формы социальной политики

* Данный раздел я написал на основе оставленных автором заметок. При этом я не выходил за те рамки, которые были установлены данными заметками. — *К. Пауль Хензель.*

в состоянии поставить человека в положение, недостойное его существования. Рабочие и все те, кто находятся в зависимости или в бедственном положении, могут требовать большего, чем просто сострадания, отзывчивости или социальной помощи от случая к случаю. Они имеют право на порядок, который они могут принять, поскольку он делает возможной жизнь, достойную человека, для них самих и их близких.

Одна из главных задач настоящей книги состояла в том, чтобы постоянно разъяснять, что социальную политику не следует рассматривать как бесплатное приложение ко всей остальной экономической политике. Она должна быть прежде всего политикой экономического порядка. Независимо от того, идет ли речь о денежной, кредитной, валютной либо картельной политике, о положении рабочего на рынке труда, на предприятии или о его семейных делах, неизменно существует интерdependенция экономической политики, что постоянно затрагивает интересы рабочих. *Нет ничего, что не было бы важно в социальном плане.* Нет никаких мер экономической политики, которые бы одновременно, пусть прямо или косвенно, не влекли за собой социальных последствий и не имели социального значения. Тот, кто хочет представлять социальные интересы, должен в силу этого уделять внимание в первую очередь формированию общего порядка. Необходимо попытаться с помощью общей политики порядков препятствовать возникновению социальных проблем. Если же они возникают, то вначале необходимо проверить, не идет ли речь о вторичном воздействии каких-либо других мер, относящихся к совершенно иным сферам. То, что даже при проведении самой лучшей политики порядков возникает необходимость в принятии вспомогательных социальных мер, не удивит того, кто привык мыслить категориями взаимосвязей человеческих порядков. Ведь совершенных решений здесь не дано. «Эта задача является поэтому самой трудной из всех, ее совершенное решение невозможно: из такого искривленного дерева, из которого сделан сам человек, нельзя смастерить ничего прямого. И только приближение к этой идее возложено на нас самой природой» (Кант).

Правильно понятая социальная политика носит универсальный характер. Она идентична политике экономического порядка или политике экономического конституирования. В этих рамках можно говорить также о специальной социальной политике, причем необходимо тотчас же добавить, что ее надлежит проводить также в соответствии с общим решением, присущим политике порядков, если только она должна иметь успех и она не перечеркивает остальную политику порядков, равно как и порождает новые формы социального вопроса.

1. Снабжение

Снабжение членов общества, а тем самым и рабочих, пенсионеров и прочих практически полностью зависимых в социальном отношении лиц, обусловливается прежде всего работоспособностью всего производственного аппарата. Самая лучшая социальная политика не может дать никаких удовлетворительных результатов, если производительность труда человека невелика¹. Создание функционирующей системы регулирования экономического порядка, базирующегося на разделении труда, является в силу этого важнейшей предпосылкой решения всех социальных проблем.

В условиях конкурентной экономики это означает прежде всего реализацию ее основного принципа, а именно создание функционирующего механизма цен полной конкуренции. Здесь каждое домашнее хозяйство и каждое предприятие в состоянии проводить точный экономический расчет и, что практически важнее, действовать в собственных интересах в строгом соответствии с принципом издержек, то есть так, как их заставляет поступать конкуренция. Но экономическая производительность и снабжение людей в большой степени зависят также и от реализации других конституирующих и регулирующих принципов. Если нестабильная денежная система или денежная политика порождает инфляцию или дефляцию, то это не только искажает структуру цен, фальсифицирует балансы и делает невозможным правильный экономический расчет, но и парализует хозяйственную инициативу и волю к расширению масштабов хозяйственной деятельности. Естественно, все это вместе взятое должно отрицательно сказаться на эффективности отдельно взятых хозяйств и экономики в целом. Закрытые рынки уменьшают способность конкуренции побуждать к активизации хозяйственной деятельности, ограничивают отбор наиболее способных агентов. То, как неопределенность отношений собственности отрицательно сказывается на регулировании экономического процесса, на осуществлении в нужное время и в правильных пропорциях капиталовложений и на трудовом энтузиазме, наглядно показали периоды экспериментов с собственностью, проводившиеся во всех европейских странах после окончания обеих мировых войн. Но поскольку большинство людей привыкли мыслить больше идеологическими категориями, а не категориями взаимосвязей порядков и их влияния, то подобный опыт очень медленно трансформируется в научные выводы

¹ По этому вопросу см. с. 227 и сл., а также: W. E u c k e n. «Deutschland vor und nach der Währungsreform». — «Vollbeschäftigung, Inflation, Planwirtschaft», hrsg. von A. H u n o l d, 1951, S. 134—183.

ды. Знание того, что присущая свободе заключения договоров сила, которая повышает производительность путем мобилизации воли каждого отдельно взятого человека заниматься производительным трудом и одновременно за счет того, что конкуренция вынуждает повышать производительность труда, должно было стать составной частью начального политического образования точно так же, как и тот факт, что та же самая свобода заключения договоров может вести к уменьшению социального продукта, если она стимулирует возникновение монополистических властных структур.

Словно в фокусе, все мероприятия политики порядков сходятся в вопросе об их воздействии на работоспособность производственного аппарата. Следовательно, если правильно то положение, согласно которому можно распределять только то, что было до этого произведено, то первый вопрос всех социальных реформаторов должен быть адресован экономическому порядку, имеющему наивысший показатель экономической эффективности. Только в качестве дополнения к этому можно ставить другие вопросы. Если в рамках созданного того или иного порядка все люди одинаково голодают, то это не является решением проблемы ни справедливого распределения, ни безопасности, ни какой-либо другой формы проявления социального вопроса. Она не будет решена и в том случае, если станут предприниматься попытки сделать это влияние плохого порядка приемлемым путем этического приукрашивания его и широкой апелляции к общим интересам всех людей.

2. Социальная справедливость

1. Задачу достижения социальной справедливости нельзя воспринимать недостаточно серьезно. В последние десятилетия она вновь обратила на себя внимание мыслящих людей, осознающих свою ответственность, и побудила их усомниться в существующем порядке. Однако надежду, овладевшую перед первой мировой войной умами представителей широкой общественности, на то, что эту задачу можно решить путем введения государственного управления экономикой и обобществления собственности, разрушил накопленный за это время опыт. Приходится возвращаться к более свободным формам порядка. Это — поворот, совершить который, впрочем, многие еще не решаются.

Формирование меновых процессов зависит от экономического развития в целом, в силу чего и осуществление социальной справедливости зависит не только от реализации основного принципа конкурентной экономики, но и от использования всех конституирующих и регулирующих принципов. Независимо от того, будут ли вкладчики лишены собственности в результате обесценения денег, а продавцы,

покупатели и рабочие в результате закрытия рынков лишаются возможности получать доходы или будут поставлены в одностороннюю зависимость от определенных условий, независимо от того, будет ли в результате злоупотребления свободой заключать договоры ограничена свобода других заключать договоры или будет ли переложен риск на одну из сторон в договоре в результате ограничения ответственности, подобного рода манипуляции одновременно парализуют также и справедливый обмен результатами хозяйственной деятельности. Поэтому проблему справедливого распределения следует рассматривать в ее интердендентной обусловленности.

2. Разница в уровнях доходов существует во всех экономических системах. Эта разница обуславливается только тем, каким образом получены доходы. И в централизованно управляемой экономике центральный аппарат руководства также бывает вынужден использовать сдельную заработную плату в качестве стимула, причем он прибегает как к сверхпропорциональному повышению или снижению заработной платы, так и к особым премиям и штрафам, чтобы добиться хороших результатов или избежать плохих. Это приводит к дифференциации в уровнях доходов работающего населения, которая намного больше, чем в странах с рыночной экономикой. Это — факт, слишком мало воспринимаемый общественным сознанием. Существование этой разницы следует объяснять функционированием системы централизованных оценок, и она вряд ли соответствует реальному вкладу каждого отдельно взятого работника в социальный продукт. Однако еще большие различия должны были бы возникнуть между доходами трудящихся и доходами руководящего слоя. По общечеловеческим причинам центральное руководство вынуждено также экономически заинтересовывать руководящий слой в сохранении политической системы. Вытекающие из этого различия в уровнях доходов трудящихся и руководящего слоя, по-видимому, ничуть не меньше, если не больше, чем в странах с экономическим порядком рыночного типа и частной собственностью. Разница в уровнях доходов в централизованно управляемой экономике объясняется отчасти психологией достижений и отчасти тем, что руководящий слой должен быть заинтересован в существующей системе порядка. Это дает основание по меньшей мере предполагать наличие эксплуатации в пользу руководящего слоя.

Разница в уровнях доходов в рамках рыночной экономики объясняется частично различными результатами хозяйственной деятельности, идущими на удовлетворение потребностей потребителей, частично монополистическими или иными властными позициями на отдельных рынках. Проблемой справедливости в экономическом смысле распределение доходов в рыночном хозяйстве становится только в том случае, если уровень доходов определяется исходя не из пропор-

ций ограниченности, а из властных позиций, занимаемых на рынке. Также и появление в последнее столетие широко известных крупных состояний объясняется не столько фактом получения доходов от владения имуществом, сколько скорее теми прочными властными позициями, которые занимали на рынке Рокфеллер, Карнеги и другие. Нельзя также упускать из виду того, что выдающиеся и частично образцовые социальные достижения некоторых предприятий, такие, как, например, благотворительный Фонд Карла Цейса, стали возможными лишь благодаря их сильной позиции на рынке. Можно недостаточно высоко оценивать их как доказательство социального настроения, но их никоим образом нельзя рассматривать в качестве доказательства асоциального настроения других предпринимателей, которые занимают менее сильные позиции на рынке и которые поэтому могли обеспечить более скромные социальные достижения.

Следовательно, достижение социальной справедливости следует искать на путях создания совокупного функционирующего порядка, и прежде всего на путях подчинения процесса образования доходов строгим правилам конкуренции, риска и ответственности. Не следует искать ее в ликвидации частной собственности. Нужно усвоить, что частная собственность *может* приводить к сбоям, коллективная собственность *должна* приводить к ним. Все решения, нацеленные на огосударствление собственности и централизованное регулирование, уменьшают стимулы к производительному труду, ухудшают расчеты издержек и делают неизбежной бюрократизацию хозяйственного управления. Снижение производительности труда, ухудшение снабжения и ограничение свободы — вот та цена, которую приходится платить за каждую попытку отойти от конкурентной экономики, причем не остается никакой надежды на то, что будет обеспечено более справедливое распределение социального продукта.

3. Социальная обеспеченность

Потребность в обеспеченности является универсальной проблемой. Каждая эпоха обладала своей формой необеспеченности и неуверенности. Однако сегодня потребность в обеспеченности выросла в такой степени, какой не знала вся прежняя история человечества. И это вопрос, который касается не только того или иного социального слоя. Он затрагивает все группы населения одновременно или попеременно и волнует в большей или меньшей степени весь мир.

Одной из серьезных причин этой потребности в обеспеченности является нужда, естественные причины которой коренятся в ограниченности хозяйственных продуктов. Правда, разделение труда проявило себя как поистине замечательное средство существенного преодоления этой нужды за счет постоянного повышения в ходе ис-

торического развития эффективности труда человека. Однако то же самое разделение труда породило и новую неуверенность. Это неуверенность двоякого рода. Человек попадает в зависимость от чудовищно сложного совокупного экономического процесса, и в рамках этого процесса его существование становится зависимым от партнеров, то есть от других людей.

Здесь таится опасность, которые как бы образуют другую причину мучительной тревоги и беспокойства, в которых живут люди. В современном мире, покоящемся на разделении труда, отдельно взятый человек должен опасаться не только экономической нужды, но и утраты своих возможностей как личности. Последнее происходит двояким образом. Человек вынужден считаться с тем, что по причинам, которые не обязательно следует искать в нем самом, он может быть исключен из социальной кооперации и оказаться на границе общественных условий существования. Это означает не только угрозу экономическому существованию, но и, что также или даже более тяжело, невостребованность его сил, ограиичение возможностей его развития и незаслуженное унижение чувства собственного достоинства. Другая опасность состоит в потере его свободы, которой реализация властных прав в состоянии нанести большой ущерб независимо от того, идет ли речь о частной власти¹ или, в худшем варианте, о власти тоталитарного государства. Эта вторая опасность применительно к первой опасности — массовой безработице — сегодня зачастую осознается не в полном объеме, хотя именно опыт последнего времени показал, что человек в определенных условиях может причинить другим людям.

Правда, коллектив может избежать безработицы, но он же одновременно порождает гораздо более серьезную опасность личной необеспеченности. С другой стороны, рыночное хозяйство в состоянии предоставить людям экономическую обеспеченность только тогда, когда оно функционирует без перебоев.

Хорошо функционирующий конкурентный порядок может избавить человека не только от одной экономической нужды. Лишь он один защитит его от угрозы тоталитаризма.

В. Особая социальная политика

При всем том значении, которое придается конкурентной политике, ее одной недостаточно для того, чтобы полностью соответство-

¹ Потребность в социальной обеспеченности, равно как и потребность в свободе, законна лишь тогда, когда она достигается не за счет других людей. По данному вопросу см: K. F. M a i e r. «Das Verlangen nach sozialer Sicherheit». — «ORDO», 3. Bd., 1951.

вать проблематике социальной жизни. Однажды Тэн цитировал высказывание Екатерины II, которое метко отражает суть стоящей перед нами задачи: «Мы работаем не на бумаге, а на чувствительной человеческой коже». Даже такая политика порядков, которая ориентируется на людей, не может учитывать индивидуальный случай как таковой. Но каждая допущенная ошибка, будь она результатом каких-либо действий или упущений, в конечном счете мстит за себя самому существованию человека. Поэтому кроме конкурентной политики нужны меры, призванные восполнять пробелы и смягчать ее жесткость. Для этого существует еще одна причина. Конституирование труда нашего времени приобретает целый ряд специфических особенностей, которые должна учитывать социальная политика. Трудящийся человек принадлежит одновременно различным сферам. Он живет в домашнем хозяйстве, работает на производстве и предлагает свою рабочую силу на рынке труда. Каждая из этих сфер развивается по собственным законам. Домашние хозяйства и предприятия — это нечто иное, чем рынки. Кроме того, между рынками материальных благ и рынками рабочей силы существуют серьезные различия.

1. Конституирование домашнего хозяйства

Решающее значение по вопросу о том, может ли человек чувствовать себя нормально в рамках того или иного порядка, имеют те частные условия, в которых он живет. Серьезные сбои, характеризовавшие начальный период индустриализации также и в этом смысле, разумеется, способствовали тому, чтобы вызвать отвращение к существующему порядку. Положительно отнесется к этому порядку лишь тот, кто располагает минимумом социальной защищенности и внешними предпосылками для здоровой семейной жизни. Опыт показал, что означает владение собственным домом и садом, особенно в тяжелые периоды времени, с точки зрения как компенсации односторонне напряженной работы по специальности, так и экономической поддержки. Уже говорилось о том, что элементы собственного натурального хозяйства представляют собой удачное дополнение конкурентной экономики. Здесь, как и в других случаях, человеку должна быть предоставлена возможность в случае крайней необходимости помогать себе самому. Возможность осуществления накоплений лучше, чем благотворительная помощь или государственные субсидии. Инфляция с социальной точки зрения является одним из самых страшных зол, ибо она лишает человека возможности заблаговременно позаботиться о себе и своих близких. Именно здесь проявляется то, что центр тяжести достижения обеспеченности отдельно взятого

человека должен находиться в формировании экономического порядка как единого целого. Долг и обязанность ответственных государственных мужей состоят в том, чтобы предоставлять людям все возможности для индивидуального обеспечения самих себя. Теперь помимо таких общих рисков, как болезни и т.п., существуют еще и особые риски трудовой деятельности, которые рабочий хотя и обязан нести, но сам он не должен за них отвечать (несчастные случаи на производстве, профессиональные заболевания, безработица). В этом отношении страховое дело приобретает особое значение для рабочих. (Конечно, момент конкуренции здесь должен был проявить себя намного сильнее, чем это имеет место ныне во многих странах.) Если самопомощи и страхования оказывается недостаточно, то возникает необходимость в государственных благотворительных учреждениях. Но там, где только возможно, акцент должен делаться на укреплении свободной инициативы индивида.

Но человеку нужны не только защищенность и обеспеченность. Он нуждается в большем, нельзя лишать его возможности всемерно развивать свои способности. Поэтому экономические причины не должны становиться препятствием на пути развития истинных дарований. Здесь необходимо особо отметить значение организации свободного от работы времени. Спонтанное образование групп на основе общности интересов соответствует изначальным потребностям людей. Сообщества, в которые индивиды объединяются по своему свободному побуждению, могут способствовать формированию человека нового типа, который способен проводить идеи свободного экономического и общественного порядков и формировать их.

2. Конституирование предприятия

Решающим фактом, из которого надлежит исходить при обсуждении проблемы конституирования предприятия, является изменение структуры предприятий, которое принесла с собой индустриализация. В отличие от крестьянских и ремесленных производств, имеющих семейный характер, промышленные предприятия носят общественный характер. Это изменение структуры также должно найти свое отражение в предпринимательском праве. Главной проблемой при этом является положение рабочих на производстве, которое именно сегодня вновь становится предметом спора в связи с регулированием права принимать участие в делах предприятия. Данный вопрос также необходимо рассматривать прежде всего с точки зрения общего порядка. В централизованно управляемой экономике право принимать участие в делах пред-

приятия, осуществляемое снизу, противоречило бы самой системе. В интересах функционирования такой системы руководителям заводов нельзя предоставлять свободы действий. Еще в меньшей степени речь может идти об участии рабочих в делах предприятия. В рамках конкурентной экономики, напротив, участие рабочих в делах предприятия в принципе вполне возможно. Более того, необходимо, чтобы интересы рабочих могли проявляться в достаточной степени. Границы возможного влияния рабочих или производственных советов и в этом случае определяются общим экономическим конституированием.

Задача руководства завода или фабрики заключается в том, чтобы адаптировать его к меняющимся условиям. Если право принимать участие в делах предприятия в деловой сфере будет наносить вред автономии планирования отдельно взятого завода, то тем самым под угрозу ставится функционирование общего порядка, что в конечном счете пойдет в ущерб рабочим. Это происходит не только потому, что рабочие заинтересованы в дальнейшем существовании своего завода или фабрики, но и потому, что они как потребители в высшей степени заинтересованы в бесперебойном функционировании экономики в целом. В то время как взаимопереплетение планов индивидуальных хозяйств на уровне рынка происходит по пути свободного координирования, при планировании и реализации планов в рамках завода вопрос заключается в том, чтобы в деле доминировали четкие и ясные отношения соподчиненности. Этот постулат не исключает свободного сотрудничества всех рабочих и служащих завода или фабрики при решении вопросов, которые касаются их всех.

Исключительно опасным для существования и функционирования конкурентной экономики следует считать такое положение, когда планирование переносится с заводов или фабрик в инстанции, стоящие над ними. Такие инстанции ни в коей мере не могут брать на себя функции этих предприятий. Тогда решения станут принимать прежде всего лица, которые сами не несут издержек, возникающих в результате принятия ошибочных решений. С другой стороны, если людей лишают возможности принимать участие в решении вопросов, которыми они должны заниматься каждый день, то это способствует обезличению, превращению людей в безликую массу.

Все частные вопросы, в том числе и социально-политической направленности, — и на этот счет не должно быть никаких сомнений — необходимо всегда решать в рамках общего порядка. Если экономическая политика убедится в том, что социальные вопросы могут решаться только в свободном порядке, а в нем только тогда, когда конкурентные цены являются инструментом общехозяйственного регулирования, то она должна сделать соот-

ветствующие выводы и взаимоувязать все частные меры с этим принципом. Осуществляемое с благими намерениями, но выходящее за очерченные границы право производственных советов участвовать в делах предприятия может оказать отрицательное воздействие на порядок и повлечь за собой вмешательство, присущее централизованно управляемой экономике, которое приводит к совсем нежелательным последствиям.

3. Конституирование рынка рабочей силы

Институт рынка рабочей силы воспринимается многими теми, кто понимает интересы людей, как нечто унижительное. Им кажется, что с человеком здесь обращаются просто как с объектом рыночных отношений, как со средством достижения целей другими людьми, но не как с тем, чем он единственно и может быть, то есть с самоцелью. В данном случае истинные чувства смешиваются с определенными принципиальными ошибками. В противоположность этому, а также и широко распространенным интеллектуальным разговорам об институте рынка необходимо прежде всего поставить прозаический вопрос: что же такое рынок? Рынок — это универсальная форма жизни человека. На нем люди осуществляют обмен услугами и продуктами. Рынки отнюдь не представляют собой просто явления так называемого «капитализма». Они, как учит история, существовали во все времена. И даже в странах с регулированием, присущим централизованно управляемой экономике, рынки до известной степени вновь и вновь прокладывают себе дорогу, пусть хотя бы в форме черного рынка. «Человек осуществляет обмен, ибо он единственное живое существо, способное к таким операциям, не имея ни малейшего представления о том, как гениально он при этом поступает» (Ф. Бём).

Тем не менее между товарными рынками и рынками рабочей силы существуют различия, которые необходимо учитывать. Труд не является товаром. Из-за социальной структуры современной экономики, которая разделила средства производства и рабочих и в которой для общего решения в духе политики порядков нет места формам, присущим собственному натуральному хозяйству, у нас имеется только один выбор, а именно между тем, следует ли подвергать рабочих опасности стать поработочными централизованно управляемой экономикой, и тем, хотим ли мы иметь конкурентную экономику, в которой экономические отношения, базирующиеся на разделении труда, неизбежно реализуются на рынках, в том числе и услуги.

Стремления ликвидировать договорные отношения наемного труда, движимые сами по себе добрыми желаниями, не могут перечеркнуть тот факт, что распределение рабочей силы между отдельными заводами и фабриками в рамках конкурентной экономики может осуществляться только через рынки. Если такие устремления нацелены на устранение рынков рабочей силы, они, как и все прочие устремления, игнорирующие первичные элементы рыночной системы регулирования, весьма опасны.

Вопрос не в том, нужны ли рынки рабочей силы или не надо никаких рынков рабочей силы, а в том, какова правильная форма этих рынков. Речь идет о том, чтобы сформировать рынок рабочей силы, достойный человека. В этом смысле необходимо учитывать следующие точки зрения.

Рабочий не продает себя как личность, он продает выполненную им работу. Для предотвращения эксплуатации необходимо противодействовать тенденции к концентрации власти. В отношениях между партнерами должно существовать равновесие.

Проявление заботы об обеспеченности и сбалансированной справедливости не должно зависеть от более или менее доброй воли отдельно взятого индивида, то есть практически не должно быть предоставлено случаю. Оно — дело политики порядков.

Необходимы меры по охране труда рабочих. Многочисленные меры по охране труда рабочих в значительной степени устранили недостатки прошлого. Некоторые из них помимо достижения своих собственных целей оказали обратное воздействие на показатели рынка рабочей силы: они уменьшили предложение рабочей силы и повысили его эластичность. Тем самым определенные недостатки структуры, например отсутствие нижних границ издержек по заработной плате и аномальная реакция предложения рабочей силы, были устранены или по меньшей мере ослаблены.

Помимо этих государственных мер по улучшению положения рабочих следует отметить также большие заслуги профсоюзов. Они являются обладающими чертами монополии организациями, которые, правда, вышли на арену в силу монополистического перекоса предпринимателей. Все зависит от того, какую позицию они занимают. В рамках конкурентной экономики профсоюзы могут либо стать институтом реального выравнивания сил, либо сами стать доминирующей властью. Это то развитие, которого никто не может пожелать себе. Необходимо однозначное решение профсоюзов в духе политики порядков относительно того, стремятся ли они к централизованному регулированию, при котором они окажутся низведенными до роли инструментов центральной администрации, или захотят выбрать путь к конкурентной экономике.

Во втором случае последовательную политику можно проводить только тогда, когда идея интерdependенции станет определяющей. К примеру, если профсоюзы любой ценой проводят политику обеспечения полной занятости, то следствием может стать хроническое недо-снабжение. Если же они, используя властные средства, вынудят установить уровень заработной платы выше уровня конкурентной заработной платы, то это приведет к безработице. Из интерdependенции вытекает также и то, что политика более сильной профсоюзной группы может осуществляться за счет других, более слабых групп, причем условия труда последних ухудшатся и, чего доброго, приведут к безработице.

Главное следует рассматривать как главное. Избежать безработицы — центральная проблема экономической политики и с точки зрения сохранения свободы, особенно в наши дни.

Очень часто, и с полным основанием, говорят, что решение социального вопроса является проблемой социальной морали. Настрой людей в отношениях между собой имеет решающее значение. Без изменения такого настроя вряд ли можно было бы достичь цели. Все это правильно. Впрочем, мало просто говорить об этом и как следствие не уделять должного внимания проблеме порядков. Скорее вопрос состоит в том, чтобы этот настрой нашел свое отражение и в формировании порядка. Чтобы быть совсем конкретными, скажем: какой-нибудь предприниматель, возможно, демонстрирует в рамках своего завода очень высокий социальный настрой. Однако если он, будучи решительным сторонником становления монополии, создает угрозу построению свободного порядка, то он, с одной стороны, служит делу решения социального вопроса, а с другой — препятствует этому.

Сказанное касается, разумеется, и профсоюзов. Если профсоюзы содействуют тому, чтобы сбалансировать ситуацию монополистического спроса и добиться установления уровня заработной платы, соответствующего уровню конкурентной заработной платы, скажем на руднике, на котором могут найти работу только жители округа, то тем самым они способствуют реализации конкурентного порядка. Здесь экономическая власть не вступает в противоречие с конкурентным порядком. Но профсоюзы становятся властными структурами, которые ставят под угрозу конкурентный порядок, когда они пытаются резко повысить заработную плату или когда ограничивают подвижность рабочей силы. Тем самым они создают угрозу построению свободного порядка, установить который они сами желают.

Дело в том, что идея порядка, идея свободного порядка тоже должна учитываться в социальном настрое. Если стремление, которое претендует на то, чтобы соответствовать порядку и свободе, определяет повседневные действия, равно как и ответственные

действия авторитетных руководителей, то построение свободного порядка возможно. И тогда они служат тому, что соответствует высоким немецким и европейским духовным традициям, служат интересам гуманности*.

* По разделу «Социальная политика» у автора имеются ссылки на следующие источники: R. Gocht. «Über die industrielle Arbeiterverfassung». — «Die Gegenwart», 3. Jahrgang, Juni 1948; K. P. Hensel. «Ordnungspolitische Untersuchungen zur gewerblichen Arbeitsverfassung im 19. Jahrhundert in Deutschland», Diss., Freiburg; H.-O. Lenel. «Soziale Frage und Betriebsorganisation»; E. Liefmann-Keil. «Das Stiefkind Wohnungswirtschaft». — «Die Gegenwart», 3. Jahrgang, Januar 1948; E. Liefmann-Keil. «Intervention und Rahmenplanung». — «Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», Bd. 161, 1949; F. Lütge. «Wohnungswirtschaft», 2. Aufl., 1949; F. Machlup. «Monopolistic Wage Determination as a Part of the General Problem of Monopoly». — Economic Institute of the Chamber of Commerce of the United States, 1937; A. Müller-Armack. «Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft», 1947; A. Müller-Armack. «Die Wirtschaftsordnung sozial gesehen». — «ORDO». Bd. 1, 1948; F. Perroux. «Capitalisme et Communauté de Travail», 1938; F. Perroux. «Les Comptes de la Nation», 1949, «Collection Pragma»; F. Perroux. «Entwurf einer Theorie der dominierenden Wirtschaft». — *Zeitschrift für Nationalökonomie*, 13. Bd., 1. Heft, 1950, 2. Heft, 1951; B. Pfister. «Sozialpolitik als Krisenpolitik», 1936; B. Pfister. «Besitz und Macht in der Distributionstheorie». — «Synopsis, Festgabe für Alfred Weber», 1949.

Далее в заметках автора упоминаются имена *Амонна, Диля, Гросса, Лампе, Тюнена, Сениора*, причем без обозначения работ, о которых идет речь.

В заключение предусматривалась глава «Успехи конкурентного порядка». В ней предполагалось уделить внимание, помимо анализа, высокой эффективности конкурентного порядка, а также его вкладу в общественное сосуществование людей. (В первую очередь намечалось рассмотреть вопросы социальной дифференциации, отбора руководителей и т.п. с практическим разбором соответствующих контраргументов конкурентному порядку.) В некрологе Ф. Бёма «Идея «ОРДО» в мышлении Вальтера Ойкена» высказано многое из того, что автор намеревался сказать в этой главе.

КНИГА ПЯТАЯ

НЕСУЩИЕ СИЛЫ

Глава XIX

СИЛЫ, УСТАНОВЛИВАЮЩИЕ ПОРЯДОК

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ: ГОСУДАРСТВО

I. Вопрос

Все размышления на тему о нынешней задаче политики порядков, о провале многих политико-экономических экспериментов и о конкурентном порядке сводятся к одному вопросу: *кто должен реализовывать этот порядок?*

Хотя мы могли установить существование в ходе исторического развития сильной тенденции к реализации этого порядка, нам одновременно стало известно, что эта реализация не осуществляется сама по себе и что, более того, в экономической политике должны приобрести силу определенные простые принципы с тем, чтобы добиться реализации порядка. Последний не навязывается силой экономической действительности, но и не вырастает сам по себе из реальной экономики. Итак, кто же должен формировать порядок или содействовать его формированию?

Данный вопрос поднимает только тот, кто верит в нашу свободу оказывать влияние на историческое развитие. Догмат о неизбежности оттеснил на задний план также и вопрос о том, кто должен устанавливать экономический порядок будущего. Для такого мыслителя, как *Маркс*, вопрос об упорядочивающей силе послереволюционного общества не возникал. Для нас же, не верящих в то, что исторический процесс решит его без нашего участия, проблема неизбежно занимает центральное место.

Это сложный вопрос. В поисках ответа на него в первую очередь невольно думают о государстве. Но насколько могут быть оправданы надежды на него, особенно после того, как историческое развитие принесло столько разочарований, а государство чересчур часто проявляло свою слабость и оказывалось игрушкой в руках заинтересованных групп?

Из подобных сомнений возникали те, уже упоминавшиеся предложения развенчать государство как политико-экономическую силу, устанавливающую порядок, и передать эту задачу органам самоуправления экономикой или профессиональным сословиям. Эту идею развил и придал ей остроумную формулировку *Йоханн Месснер*¹. Убежденность в необходимости конкурентного порядка увязывается у него с лишенным иллюзий рассмотрением того, чего можно требовать от государства. Он осознает также опасность групповой анархии, связанную с переносом функций регулирования на профессиональные сословия. По Месснеру, профессиональные сословия «Машиностроение», «Угледобывающая промышленность» или «Сельское хозяйство» не имели бы, следовательно, задачи разрабатывать планы регулирования повседневного экономического процесса объединившихся предприятий и добиваться их осуществления. Профессиональное сословие должно было бы заботиться об установлении конкуренции только на рынках продукции машиностроения и на остальных рынках. Таким образом, отдельно взятое профессиональное сословие вместе со всеми остальными должно стать силой, устанавливающей порядок.

Однако необходимо оставить открытым и контрдовод, согласно которому профессиональное сословие вообще не в состоянии быть носителем конкурентного порядка именно потому, что профессиональные сословия сами по себе не будут поддерживать форму рынка, которая действует против их реальных или мнимых интересов. Опыт свидетельствует об обратном. Профессиональное сословие базируется на принадлежности к профессии, например к сельскому хозяйству или текстильной промышленности. Оно представляет интерес *своего* сословия. Это означает предъявление повышенных требований к людям, если соответствующее сословие должно добиваться конкуренции на рынках зерна, сахара или станков, в то время как монополия, как кажется, больше соответствует интересам профессионального сословия и защищает присоединившиеся к ней заводы или фабрики от тяжких реорганизаций и потерь. Монопольные цены на зерно, сахар и станки прямо обещают более высокие прибыли отдельным, организованным в профессиональные сословия группам. Того, что конкуренция в длительной перспективе принесет им больше пользы, в большинстве случаев не замечают, поскольку осознание этого предполагает прохождение этой идеи через весь экономический процесс, в то время как непосредственные преимущества монополии сразу же бросаются в глаза. Конкурентный порядок решает общехозяйственную проблему. Но профессиональным сословиям гораздо ближе непосредственные частичные группо-

¹ J. M e s s n e r. «Die berufsständische Ordnung», 1936.

вые интересы. Если бы профессиональным сословиям угледобывающей промышленности, сельского хозяйства, кожевенной промышленности, а также всем остальным сословиям передать самостоятельные функции политики порядков, это означало бы упустить шанс на установление конкурентного порядка.

Но как быть, если государство вынудит профессиональные сословия к этому, то есть если оно сделает их настоящими инструментами конкурентного порядка при том условии, что они потеряют свою самостоятельность? В таком случае не многочисленные сословия, а государство стало бы стражем конкурентного порядка. Итак, мы вновь возвращаемся к вопросу: как современное государство может стать той силой, которая реализует пригодный экономический порядок?

II. Деятельность и авторитет государства

1. В большинстве стран, особенно великих держав, сегодня государство находится на стадии быстрого перехода к централизму, причем судебная практика и парламенты оттесняются на задний план, а бюрократия приобретает перевес. И все же самой важной отличительной чертой развития государства в XX в. является *расширение масштабов деятельности государства и одновременное падение его авторитета*.

Нет необходимости в изложении того, как расширилась сфера деятельности государства именно в экономической и социальной областях: в регулировании трудовых отношений, производства, внешней торговли, обеспечении капиталами и т.п. Это увеличение масштабов и рост интенсивности деятельности государства, кажущегося весьма могущественным, но на деле являющегося зависимым, затушевывают падение его авторитета. В большинстве случаев недостаточно четко представляют себе, сколь важное, зачастую решающее, но неконтролируемое влияние на формирование воли государства оказывают промышленные, сельскохозяйственные и торговые объединения, крупные полные или частичные монополии, концерны и профсоюзы¹. К примеру, в Конституции США ничего не говорится о профсоюзах. Однако американские профсоюзы фактически являются решающей государственно-политической силой. Ту же картину мы наблюдаем в Англии и Франции. Многие правительства Франции были вынуждены уйти в отставку под воздействием профсоюзов, так как последние не одобряли правительственной политики в области заработ-

¹ По данному вопросу см. помимо прочего: R. M. Mac Iver. «The Web of Government», 1947, и приводимую там литературу.

ной платы, или под влиянием промышленных властных группировок, желавших проведения иной торговой политики. В Германской империи в период между 1919 и 1932 гг. влияние главных союзов промышленников было настолько сильным, что оно на длительное время сделало невозможным осуществление эффективного контроля за деятельностью картелей. *Лассаль* по этому поводу говорит о «реальной конституции» страны, которая может существенно отклоняться от написанной конституции. Более точно то же самое обстоятельство — по аналогии с парными понятиями «экономическое конституирование» и «экономический порядок», — видимо, можно было бы обозначить следующим образом: «государственный порядок» в большинстве случаев существенно расходится с «государственной конституцией». Общие решения, которые находят свое отражение в конституциях, не имеют успеха. Зато созданные в соответствии с конституцией властные структуры, например парламент, низлагаются в пользу властных сил, которые стоят вне конституции и преследуют свой индивидуальный интерес. Начинает создаваться неофеодальная ситуация. На государственном уровне также возникают групповая анархия и плюрализм.

2. Этот распад государства происходит *двояким* образом: с одной стороны, это имеет место тогда, когда заинтересованные группы определяют его политику, а именно в зависимости от того, действуют ли отдельно взятые властные группировки или совокупность нескольких подобных группировок, — например, если союзы промышленников и профсоюзы выступают единым фронтом по таким вопросам, как повышение пошлин или установление запрета на импорт. Эти властные или господствующие группировки оказывают влияние как на законодательные органы, парламенты, так и на судебную практику, министерства и другие органы центрального управления. Зависимость от давления властных группировок — вот та картина, которую представляет собой нынешнее государство.

Но одновременно потеря авторитета государства проявляется в том, что сами властные группировки берут на себя определенные полномочия, которые прежде находились в руках государства. Пример из области торговой политики может наглядно продемонстрировать это. Брюссельская сахарная конвенция 1912 г. была заключена соответствующими органами стран-участниц. Однако примерно через 20 лет полномочные представители союзов сахарной промышленности договорились в Брюсселе о подписании международного соглашения по сахару, датированного 1931 г. На место государства и его чиновников пришла промышленная властная группировка, руководители которой были легитимированы государством. Аналогичные изменения произошли и в других отраслях промышленности, как, например, в черной металлургии или в про-

мысленности по производству искусственного шелка, в которых государственную торговую политику заменили международные переговоры и соглашения картелей. Международные пулы по олову, каучуку, пшенице и другим товарам, как правило, находятся под влиянием заинтересованных группировок или даже определяются ими. Нигде экономические групповые интересы не добивались своего признания с такой решительностью, как в сфере международных экономических отношений.

Но такое принятие на себя государственных полномочий частными властными группировками заходит намного дальше и, пожалуй, скорее в силу той самодержавности, с которой утверждалось автономное право общих условий заключения сделок. Каждое домашнее хозяйство и каждый завод или фабрика постоянно переживают заново странное противоречие. С одной стороны, наблюдается исключительная полнота полномочий государства, которое вмешивается в повседневную жизнь через трудовые договоры, рационирование товаров, принудительное страхование и т.д. С другой — тот факт, что в отношениях с банками, транспортными предприятиями, промышленными фирмами и т.п. право, созданное самой экономикой, оттесняет в сторону право, установленное государством, и тем самым подрывает авторитет государства.

Конечно, не только с помощью общих условий заключения сделок экономические властные группировки сужают или выхолащивают государственные полномочия. Нам знакомы уже и другие методы, если, например, государство узаконивает свободный доступ к занятию промыслом, после чего частные властные структуры, скажем синдикаты, используя средства недобросовестной конкуренции, делают невозможным учреждение новых фирм и тем самым практически лишают силы государственный закон.

3. Такое развитие государства в 20-м столетии вновь и вновь напоминает исследователю описание средневековой феодальной системы. «В то время как феодалы и общины снаряжаются государственной властью, с которой они обращаются как с некоей разновидностью частного имущества, в государстве ему начинают противостоять публично-правовые личности, наделившие себя правом, которое не подпадает под действие конституции государства. Весьма далекие от того, чтобы рассматривать себя как органы вышестоящей совокупности, эти лица видят в государстве, как правило, лишь неудобного феодала, незначительные полномочия которого находятся под ревностным контролем вассалов». Таким изображал *Йеллинек* положение во Франции в эпоху Капетингов. «Властитель не противостоял однообразной массе подданных, как в современном государстве. Он лишь являлся как бы вершиной пирамиды суверенов: княжеских и других родовитых вассалов, духовных васса-

лов, городских властей» (Г. Риттер)¹. Однако нынешняя феодальная система в деталях резко отличается от тогдашней. Прежде нередко весьма действенными были моральные обязательства преданности между королем и феодалами, хотя часто также пренебрегали ими. Сегодня отношение властных группировок к государству представляет собой в большинстве случаев самые настоящие игры во власть. Но при всех различиях ситуации тогда и сегодня, при всех различиях современной феодальной системы в Америке, Англии, Франции, Германии и в других странах явным остается одно: повсюду речь идет о подрыве авторитета государства частными силами, представляющими частные интересы. А своеобразие современного исторического развития состоит как раз в том, что с этой потерей авторитета тесно связана быстрая экспансия деятельности государства.

И все же совсем иное, чем в средние века, государство с единым и последовательным формированием своей воли и с четко очерченной сферой деятельности необходимо сегодня для того, чтобы создавать и поддерживать экономические порядки для гигантского и базирующегося на разделении труда процесса индустриализированной экономики, без которого люди уже не могут больше жить. Поэтому государственная групповая анархия порождает в наши дни более опасные последствия, чем в прошлом. То, что раньше можно было претерпеть, сегодня невыносимо. Создается впечатление, что вся экономическая политика поставлена под сомнение, поскольку государство как сила, устанавливающая порядок, оказывается несостоятельным.

4. Однако и здесь проявляется анахронизм идей. Имеется в виду не то государство, в котором живут и в общении с которым приобретают повседневный опыт, а такое государство, каким его представляли себе, зачастую идеализируя его, прошлые поколения.

Гегель охарактеризовал государство как «реальность нравственной идеи». А Шмоллер еще в 1872 г. говорил, что государство есть «самый замечательный нравственный институт воспитания рода человеческого»². В противоположность этому необходимо всегда иметь ясное представление о том, насколько мало современное государство, и прежде всего тогда, когда оно является великой державой, ощущает себя привязанным к нравственным нормам. В XIX в. моральный конфликт, в который попадал государственный деятель, поступая согласно интересам государства, все еще ощущался.

¹ G. J e l l i n e k. «Allgemeine Staatslehre», 2. Aufl., 1905, S. 432 ff.; G. R i t t e r в «Die neuen Propyläen-Weltgeschichte», 1941, 3. Bd., S. 176.

² G. S c h m o l l e r. «Zur Sozial- und Gewerbepolitik», 1890, S. 9. О взглядах Гегеля на государство см.: N. H a r t m a n n. «Hegel», 1929, S. 233 ff.

В XX в. этого уже не стало. Многие наивно рассматривают коллектив как некий абсолютизм, не нуждающийся более ни в каких моральных оправданиях своих действий. В действительности внутри коллектива ответственность часто дробится до такой степени, что отдельные носители ответственности практически не ощущают ее. Чересчур легко люди воображают, что они, когда служат коллективности, действуют как исполнители истинной необходимости и берут на себя осуществление таких действий, которых бы они, будучи частными лицами, несомненно ужаснулись. Конкретная несправедливость уже не воспринимается как таковая. Она как бы приобретает абстрактный характер и может даже рядиться в тогу носителя высшего долга.

Парадоксально, однако, что именно это нынешнее государство, чем больше оно отдает себя в руки принципа аморальности, тем большее число людей рассматривает как существо, на которое могут быть переложены почти неограниченные задачи, как если бы оно было независимым и доброжелательным отцом своих граждан. И это несмотря на то, что в другом отношении его авторитет колеблется. Это еще один признак пунктуальности нынешнего мышления.

То, что вообще имеет силу, становится особенно очевидным в сфере экономической политики. Вот пример тому. Установления валютных курсов государством выше уровня равновесия в большинстве случаев требуют на том основании, что государство может и должно распределять валюту с таким расчетом, чтобы соблюдался народнохозяйственный интерес. То, что органы государственного управления в состоянии осуществлять правильный выбор среди десятков тысяч заявок, рассматривается как нечто само собой разумеющееся, а тот факт, что властные группировки также оказывают влияние на распределение валюты, просто игнорируется. Другой случай. При огосударствлении вопрос о том, смогут ли назначенные государством функционеры рационально руководить крупными структурами, многими вообще не поднимается. В конечном счете существование человека 20-го столетия в возрастающей степени подвергается воздействию, с трудом поддающемуся обозрению. Общепринятой является такая логическая последовательность: поскольку свободная экономика дает сбои, то регулирование экономического процесса государство должно брать в свои руки. Не особо ломая себе голову над трудностями проблемы регулирования, опрометчиво дают положительный ответ на вопрос о том, может ли государство справиться с этой задачей. Полагают, что поступают реалистически, а в действительности не видят ни фактически сложившейся проблемы регулирования, ни фактически существующего государства. В этом состоит как раз решающий отличительный признак экономической проблемы политики порядков с начала промышлен-

ной революции. Для ее решения в нашем распоряжении нет прочного государства.

Государственный порядок является такой же задачей, как и экономический порядок. Всю опасность тоталитарного государства нужно видеть точно так же, как и необходимость стабильного государственного аппарата, располагающего властью, достаточной для того, чтобы решать определенные, четко описанные задачи политики порядков.

5. Таким мыслителям-историкам, как *Лоренц фон Штайн*, *Ток-вилль*, *Буркхардт*, *Тэн* и т.д., мы обязаны описанием развития государства в XVIII и XIX вв. Мы располагаем также описанием формирования государства в 20-м столетии. Но как бы ни были важны подобные исторические описания, ограничиваться ими мы не можем. Ибо необходимо поставить и вопрос, имеющий непосредственное отношение к политике порядков: как может быть построено производительное правовое государство? Изображение процесса развития важно, но не менее важен и другой вопрос, а именно: каким образом можно решить проблему, которую ставит перед нами развитие? Простой констатацией того, что над государственным порядком, а тем самым и над другими порядками нависает серьезная угроза, мы не можем удовлетвориться.

Проблема остается открытой. Также и в теории вряд ли приступили к ее решению. Великие мыслители-государственники XVII и XVIII вв., к примеру *Гроций*, *Локк*, *Пуфендорф* и *Монтескьё*, подготовили появление конституций и правового государства 19-го столетия. Но проблем современного индустриального общества с его людскими массами, его новыми экономическими и социальными властными структурами для них еще не существовало. И более современное учение о государстве в такой степени способствовало выдвижению на передний план описания правовых фактов, что проблема политики порядков практически больше не возникала или ставилась лишь пунктуально. Также и здесь вера в неизбежность развития отодвигала в сторону саму постановку вопроса политики порядков. Но наше индустриализированное общество ставит новые задачи. Правда, не в такой степени новые, в какой устарели цели, которых правовое государство прежде намеревалось достичь: создать функционирующую государственность, в которой права на свободу одного отдельно взятого человека были бы справедливо отделены от прав другого человека. И в то же время настолько новые, насколько для достижения этой цели в трансформированных экономике и обществе должны быть реализованы иные, чем прежде, практические принципы. Таким образом, вновь построение государства необходимо основательно продумать с точки зрения политики порядков. Разумеется, данная проблема как единое целое выходит далеко за рамки нашего

исследования. Сюда следовало бы отнести и все вопросы формы государственного правления и публичного права, включая международное право. Впрочем, и с позиций экономической политики не только можно, но и необходимо ставить эту проблему именно потому, что без способности государства устанавливать порядок не может быть построен достаточный экономический порядок, а также потому, что, с другой стороны, образование нового государства тесно связано с построением экономического порядка¹.

III. Интерденденция экономического и государственного порядков

Наше исследование неоднократно сталкивалось с проблемой интерденденции обоих порядков — экономического и государственного.

Оказалось, например, что централистское государство проявляет более сильную тенденцию к централизованному планированию, чем федералистское. И наоборот, внедрение централизованного планирования, скажем, в военную экономику Германии в период первой мировой войны, а также во многих других случаях потрясло федералистскую структуру государства. Далее, централизованное планирование способствует преобладанию роли администрации и

¹ В. фон Гумбольдт во введении к своей работе «Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen», 1792, пишет: «Однако бесспорным остается всегда то, что исследование цели и рамок действительности государства имеет большое значение, возможно, даже большее значение, чем какая-либо другая политическая проблема». Гумбольдт пытался найти границы действительности государства, чтобы обеспечить сферу свободы отдельно взятого человека. Такая постановка вопроса является центральной. Мы же ведем поиск этих границ под особым углом зрения экономической политики, а именно путем постановки следующего вопроса: как государство может для функционирующего и свободного порядка индустриализированной экономики стать силой, устанавливающей порядок? О фактическом развитии государства начиная с 1789 г. и в XIX в. см. помимо прочего: L. von Stein, «Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage», erstmalig 1850; H. Taine, «Die Entstehung des modernen Frankreich», 2. Aufl., 1894, zwei Bände; J. Burckhardt, «Historische Fragmente und weltgeschichtliche Betrachtungen» (Gesamtausgabe). О развитии государства в 20-м столетии см.: R. M. MacIver, «The Web of Government», 1947; W. Röpke, «Civitas Humana», 1944, 2. Teil; J. Ortega y Gasset, «Der Aufstand der Massen», 13. Kapitel; W. Lippmann, «The Good Society», 1947, и здесь особенно описание групп давления, р. 106 ff.; B. de Jouvenel, «Du Pouvoir», 2. Aufl., 1948. Современное учение о государстве уже в силу использования устаревшего понятийного аппарата в большинстве случаев не в состоянии описать фактическое развитие реального государства. Там же, где оно пытается делать это (как К. Шмитт), оно и впрямь приближается к реальности. Но останавливается на месте при описании развития, которое оно рассматривает как неизбежное, и поэтому не в состоянии подойти ближе к постановке и осмыслению современной проблемы политики порядков.

оттеснению на задний план законодательной и судебной властей. Напротив, существующий административный аппарат проявляет тенденцию к сохранению или внедрению рационализации и централизованного планирования, поскольку это обеспечивает ему занятость. Затем, с ликвидацией свободы планирования отдельно взятых предприятий и домашних хозяйств и с их подчинением центральным плановым органам и директивам последних тесно связано упразднение определенных охраняемых правом свобод, закрепленных в конституциях, например свободы занятия промыслом, свободы перемещения и повсеместного проживания или свободы заключения договоров. Тем самым отношение государства к своим гражданам становится иным и берут верх тенденции к лишению людей гражданских прав. И наоборот, хотя взаимозависимость не столь тесна, но она все же имеет место. Возникновение тирании при фактическом упразднении основных гражданских прав не обязательно порождает сразу тенденцию к развитию в направлении к централизованно управляемой экономике. То, что тирания передает в руки частных домашних хозяйств и предприятий регулирование важных частей экономического процесса, не только возможно, но практически уже имело место, к примеру в России во времена НЭПа. Однако в перспективе тирания, видимо, имеет тенденцию к тому, чтобы путем ликвидации свободы планирования взять в свои собственные руки регулирование производственного процесса. Это также имело место в России после 1928 г. В самом существовании слоя самостоятельных сельских хозяев и промышленников тирания видит в перспективе политическую угрозу. Кроме того, централизованное регулирование экономического процесса в большей степени соответствует властным целям тирании, поскольку такими методами она намного скорее может сосредоточить экономические силы на расширении промышленного потенциала. Прежде всего эти два момента толкают современную тиранию в направлении к централизованно управляемой экономике.

Нам неоднократно приходилось рассматривать также интерденденцию между другими экономическими порядками и прочими жизненными порядками. Вполне возможно точно обозначить эту интерденденцию, то есть выйти далеко за рамки общих фраз о капитализме, капиталистическом государстве или об империализме¹.

Но поскольку эта общая интерденденция существует, то вопрос о построении государства, которое преодолевает неофеодальную зависимость, можно поставить только с таким расчетом, чтобы

¹ По данному вопросу см. новые работы, особенно статью F. B ö h m. «Die Bedeutung der Wirtschaftsordnung für die politische Verfassung». — *SJZ*, I. Jahrgang, 1946; F. A. H a u e k. «Der Weg in die Knechtschaft», 1943, S. 119 ff.

проблемы государственного порядка и экономического порядка были взаимоувязаны между собой.

Подобно тому как экономическая политика нуждается в функционирующем государстве, так и определенная политика экономического порядка необходима для того, чтобы сделать государство функционирующим. Теперь наш вопрос заостряется на следующем: каких принципов надлежит придерживаться в экономической политике, для того чтобы возникло независимое государство, которое само может стать силой, устанавливающей порядок?

IV. Государственно-политические принципы экономической политики

Именно экономическая политика способствовала тому, что многие государства XX в. хотя и работали с полной нагрузкой, но оставались слабыми. Из этого фактического развития государства можно вывести принципы, которые мы ищем и которым необходимо следовать для того, чтобы сделать государство функционирующим в качестве силы, устанавливающей порядок.

Первый принцип: политика государства должна быть нацелена на то, чтобы распустить экономические властные группировки или ограничить их функции. Любое укрепление властных группировок усиливает падение неофеодалного авторитета государства.

Многие политико-экономические стремления последнего времени не учитывают данного опыта, что, как мы уже видели, приводит к неравновесию, к сбоям в регулировании народнохозяйственного процесса и, кроме того, к ослаблению государства. Как только такие властные структуры приобретают государственные привилегии, приобретает силу *circulus vitiosus*¹. Как и в эпоху средневекового феодализма, предоставленные суверенные права и привилегии используются для того, чтобы продолжать завоевывать новые права и привилегии.

Насколько ошибочным является требование дальнейшего расширения органов самоуправления, показали проводившиеся до этого исследования. Против предложений, которые в последнее время обобщаются понятием экономической демократии, выдвигаются все те же возражения². По этому поводу можно вкратце заметить следующее. Когда говорят об экономической демократии, представляют себе, что управление переносится в малые внутренние парламенты органов самоуправления, в состав которых должны входить представители или

¹ Порочный круг (лат.).

² «Wirtschaftsdemokratie», hrsg. von F. N a p h t a l l i, 1928.

функционеры предпринимателей, работодателей и потребителей. Путем переговоров между органами самоуправления, например угледобывающей промышленности, черной металлургии и металлообрабатывающей промышленности, надлежит определить цены и контингенты, то есть в целом детали экономического процесса. И только на случай отсутствия договоренности предусмотрена возможность принудительного улаживания конфликта государством. Таким образом, отмечалось стремление к «характеризующейся наличием тенденции к концентрации власти рыночной экономике с децентрализованным, внутренне демократическим формированием воли и дополняющим государственным улаживанием конфликтов в исключительных случаях». «*Картели с парламентской конституцией* — примерно так выглядело принципиальное решение проблемы порядка в программе экономической демократии» (Ф. Бём). Как в качестве экономического порядка, так и с точки зрения воздействия на государственный порядок подобное решение было бы недостаточным и опасным. Стоит только представить себе хотя бы отдельно взятую прядильную фабрику, которая должна была бы получать свою дозированную норму от органов самоуправления промышленности по производству волокнистых материалов, угледобывающей промышленности, промышленности по производству красителей и других химикалий, машиностроения и т.д. Правильное согласование, равновесие взаимодополняющих средств производства, адаптация производства к разнообразным требованиям дальнейшей переработки и вообще включение производства в общий экономический процесс таким путем невозможны. Одновременно было бы нарушено единство государства, и оно было бы лишено возможности осуществлять свои функции порядка. Сомнительными являются все попытки конституировать наряду с политической и культурной в качестве третьей также автономную хозяйственную сферу¹. Они лишь укрепляют экономические властные группировки.

В истории средневековья анархия, которая вытекала из самостоятельности феодальных властей, породила тенденцию к абсолютизму. Абсолютный властелин предстал в образе спасителя от распада государства на борющиеся между собой феодальные власти. Сегодня же существует опасность того, что анархия властных группировок ведет к господству более грозных по сравнению с абсолютизмом сил, а именно к тирании.

Это развитие необходимо предотвратить. Прежде всего государство не должно позволять вовлекать себя в уже упоминавшийся *circulus vitiosus*, как это столь часто бывало. Тот, кто предоставляет первую привилегию, должен знать, что он усиливает власть и со-

¹ E. von Hippel. «Gewaltenteilung im modernen Staate», 1948.

здает ту основу, на которой добиваются получения второй привилегии, и что вторая привилегия станет основой для завоевания третьей. Классическим примером тому является развитие американских профсоюзов, власть которых постоянно укреплялась государственным законодательством о профсоюзах и предписаниями об иммиграции, правом на проведение забастовок, а также судопроизводством по *closed shop*.

В ситуации, в которой экономические и социальные властные группировки уже завладели прочными позициями и обрели государственные привилегии, трудно добиться их ослабления или роспуска. Однако история дает достаточно много примеров, показывающих, что в рамках противостояния властных группировок и решительного государственного руководства можно добиться этого.

Второй принцип: политико-экономическая деятельность государства должна быть направлена на создание форм экономического порядка, а не на регулирование экономического процесса.

Мы уже знаем, куда это ведет, если государства — что нам довелось пережить в 20-м столетии — привыкают к тому, чтобы, расширяя сферу своей деятельности, брать на себя задачи, решить которые государственные органы не в состоянии. Вот еще один пример в дополнение к вышеприведенным. Часто государство толкают на то, чтобы оно само распределяло средства производства между отдельными сферами их применения. Здесь не идет речь об имманентной трудности выбора правильных инвестиций из миллионов возможных проектов без помощи процентной ставки. Скорее говорится о государственно-политических последствиях. И вот отовсюду поступают уведомления о «потребностях» — от заинтересованных группировок в сельском и жилищном хозяйстве, на железной дороге, в горной промышленности и от многих других отраслей промышленности и ремесел. Весьма поучительными в этом отношении являются обстоятельства, которые во многих странах Европы после 1948 г. предопределили распределение денежных средств, предусмотренных «планом Маршалла». Как должны были государственные органы проверять многочисленные заявки? Чиновники не в состоянии сделать этого. Они зависят от экспертов, то есть от заинтересованных лиц.

Но как же следует устанавливать границы деятельности государства? Чтобы оставаться в этой сфере, законодательные органы государства должны быть в состоянии издавать полезные законы об обращении капиталов, о биржах и биржевых сделках, об ипотеках. Но что касается непосредственного регулирования потоков капитала, то это выше его способностей.

Больше или меньше государственности — такая постановка вопроса проходит мимо сути проблемы. Речь идет не о количественной, а о качественной проблеме. Сколь нетерпимо в эпоху промышленности, современной техники, крупных городов и скопления людских

масс оставлять на самотек формирование экономического порядка, столь и само государство неспособно руководить экономическим процессом. Заключать торговые договоры или создавать достаточный денежный порядок — на это государство со своими органами способно, но оно не в состоянии суверенно руководить внешней торговлей или регулировать в деталях предоставление кредитов.

К сказанному добавляется еще одно соображение. Если государство диктует валютные курсы, то это становится вопросом большой политической важности. Должен ли, к примеру, курс фунта стерлингов составлять 4,0, 3,0 или 2,8 доллара, это не только проблема, на решение которой оказывают влияние заинтересованные группировки, но и проблема, которая одновременно имеет существенное внешнеполитическое значение. Установление уровня заработной платы также не укрепляет государство. Оно ослабляет государство в том, что касается формирования его воли, поскольку оно вовлекается в борьбу за заинтересованных группировок. Именно данное обстоятельство породило в XX в. многочисленные государственные кризисы. Тем самым государства, приступившие к проведению политико-экономических экспериментов, предприняли нечто такое, что нанесло ответный удар по ним самим. Этому учит новейшая история Франции. Государство, которое хотело подчинить своему влиянию экономическую повседневность, само было втянуто в эти будни. Если же государство намерено сохранить свою независимость и тем не менее вмешиваться в повседневную экономическую жизнь, то в этом случае остается один путь — путь превращения в тиранию.

Из этого конфликта, который после 1914 г. приобрел решающее значение в истории, есть один-единственный выход — отказ от прямого регулирования посредством осуществления постоянного вмешательства и сосредоточение своих усилий на создании форм.

Оба принципа ориентированы на построение достаточного *государственного порядка*. Они неизбежно составляют единое целое.

Их можно сравнить с принципом разделения властей. Правда, последний имеет отношение к другой стороне государственного порядка. Он стремится защитить отдельно взятого человека от превосходящей силы государства, и в этом отношении он, безусловно, необходим. Но оба разработанных здесь принципа нацелены на то, чтобы предоставить государству возможность независимо формировать свою волю.

V. Итог

Оба принципа государственной политики, ориентированные на то, чтобы обеспечить функционирование государства как силы, устанавливающей порядок, *полностью соответствуют принципам,*

которые имеют силу для построения достаточного экономического порядка. Данное определение имеет существенное значение.

Роспуск или ослабление властных группировок, без чего государство может оказаться бездейственным, одновременно делает возможным обеспечение достаточного регулирования экономического процесса с помощью конкурентных цен. А что касается ограничения экономической политики рамками влияния на формы хозяйствования, то оно соответствует не только способностям государственных органов, но и является как раз тем, что оказывается необходимым для того, чтобы возник достаточный экономический порядок. Итак, принципы государственного и экономического порядков являются конформными.

Из этого следует: хотя современное государство и не является достаточной силой, устанавливающей порядок, оно могло бы стать ею. Одной из предпосылок этого является наличие определенной, а именно четко обозначенной экономической политики. Сколь ошибочно видеть в существующем государстве премудрого и всесильного попечителя всех экономических свершений, столь же неправильно воспринимать как нечто заданное фактически существующее государство, раздираемое властными группировками, чтобы затем логично потерять всякую надежду на возможность решения экономической проблемы политики порядков.

Интердепенденция государственного и экономического порядков вынуждает браться за построение сразу обоих порядков. Это — решающий момент. Оба порядка являются лишь частями общего порядка, который предстоит построить. Без конкурентного порядка не может возникнуть государство, способное осуществлять деятельность, а без такового невозможен и конкурентный порядок.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ: НАУКА

I. Новый вопрос

Этим ответом ставится новый вопрос: как можно осуществить эту общую реорганизацию государственного и экономического порядков? Какая сила, устанавливающая порядок, может быть их носителем? Существует ли такая сила вообще?

Историческая реальность в решающей степени определяется мышлением и представлениями людей. Например, образование государства в XVIII и XIX вв., крупная политико-экономическая реформа начала XIX в., преодолевшая меркантилизм, русская революция 1917 г. и последующие десятилетия русской истории или какие-либо другие исторические события в своей существенной части сформировались под воздействием идей человека и господствовав-

ших в руководящих слоях взглядов, из которых в острой полемике с существующим миром вытекал их образ действий. «Элементы, призванные продолжать развитие, всегда существуют как в мышлении, так и в бытии; независимо друг от друга они возникают то тут, то там, чтобы лишь позднее и постепенно соединиться для оказания совместного воздействия»¹ (Франц Шнабель).

Широко распространенное мнение отрицает или преуменьшает самостоятельное влияние духовных сил в истории. Оно видит в них отражение внешнего окружающего мира. Именно это и есть еще один отличительный признак господствующего взгляда на историю. Подобно тому как этот взгляд отвергает возможность свободы в истории, он отрицает или преуменьшает самостоятельное влияние на историю духовных категорий — мышления, желания и веры людей. Тем самым этот взгляд на историю также вступает в конфликт с реальностью. Люди являются носителями истории человечества. В решающей степени действия людей зависят от того, о чем они думают, чего хотят и во что верят. То, что только развитие техники или организация социальной и политической жизни определяют развитие истории вообще и истории нашей эпохи в частности, не соответствует действительности. Решающее влияние духовной позиции человека проявляется повсюду. Убеждения приобретают наибольшую силу тогда, когда они становятся привычкой, а люди одновременно не замечают, насколько их представления о Боге, мире, человеке, свободе и государстве определяют их образ действий. «Привычка делает невидимым то, на чем покоится наше существование» (Гегель).

Итак, тот факт, что современное государство неспособно решить экономическую задачу политики порядков и что для этого нет никаких иных организаций, вовсе не означает, что задача упорядочения вообще неразрешима. Остается возможность сформировать порядок в государстве и экономике, опираясь на умственный труд и оказываемое им влияние.

*Mutatis mutandis*² мы в XX в. в вопросах экономического порядка находимся в ситуации, которую можно сравнить с состоянием правовой политики в XVII и XVIII вв. В противовес непрекращавшимся актам произвола князей, сословий и их органов мыслители-правоведы того времени, начиная с профессоров-схоластов естественного права и кончая Кантом, требовали реализации права через

¹ «Deutsche Geschichte», 3. Aufl., 1947, S. 20. По проблеме в целом см. также: F. W i e s e r. «Das Gesetz der Macht», 1926; A. M ü l l e r - A r m a c k. «Die Genealogie der Wirtschaftsstile», 1941; «Zur Religionssoziologie des europäischen Ostens». — *Weltwirtschaftliches Archiv*, 61. Bd., 1945; «Das Jahrhundert ohne Gott», 1948; O. V e i t. «Die Flucht vor der Freiheit», 1947.

² С известными оговорками (*nam.*).

установление достаточного правового порядка. Они разработали правовые принципы. Но кто должен был их реализовать? Каких-либо соответствующих общественных и политических институтов вначале не существовало. Однако с течением времени влияние мышления категориями правового государства стало настолько сильным, что оно начало формировать государственную и позитивно-правовую реальность. Фактически это влияние превратилось в силу, устанавливающую порядок. Оказалось, что эти мыслители-правоведы были людьми, проложившими путь в будущее.

Мы находимся в аналогичном положении. Но станет ли мышление в нашу эпоху силой, устанавливающей порядок, зависит от действительности этого мышления. Данный вопрос остается пока открытым.

II. Задачи науки

1. Общественные науки имеют две стороны. Одна задача — изучение реального, исторически данного мира. Но, определяя существенные взаимосвязи реальности, они могут давать оценки тому, какие формы порядка в состоянии упорядочить современный индустриализированный мир. Обе задачи тесно переплетаются между собой, а именно весьма своеобразным образом. Чем тщательнее, в частности, проводится исследование фактов, то есть чем свободнее оно от политико-экономических намерений, тем эффективнее наука может брать на себя другую, формирующую функцию. Чем скрупулезнее, например, теория денег станет анализировать процессы денежного обеспечения в трех денежных системах, тем скорее удастся решить центральную практическую задачу создания функционирующей валюты и устранить тенденцию развития в направлении к централизованно управляемой экономике. Это положение имеет всеобщую значимость. До принятия общего конституирующего экономического решения необходимо провести научное исследование экономической и общественной действительности.

«Постоянное смешение научного разбора фактов и оценочного резонерства является одной из хотя все еще распространенных, но самых вредных особенностей работы нашей специальности». Это предостережение *Макса Вебера* сохраняет свою актуальность по сей день. Разумеется, с позиций своей основной позитивистской концепции он не видел того, как «разбор фактов» подводит саму науку ко второй, более значительной новой задаче, решение которой обычно никто не берет на себя. Однако правильно и то, что только та наука, которая исследует реальность без каких-либо сантиментов и затаенных обид, действительно станет силой, устанавливающей порядок. Ученому надлежит вначале полностью забыть о второй задаче и сосредоточить свое внимание только на первой.

Чем радикальнее он сделает это, тем успешнее он станет в дальнейшем решать вторую задачу.

2. Конечно, современная социальная наука чаще всего не является силой, устанавливающей порядок, и в частности не потому, что наука, как таковая, не могла бы оказывать никакого влияния, но потому, что внутри ее самой ее развитие тормозится тремя предубеждениями: позитивистским предубеждением и предубеждениями историзма и пунктуализма. Следовательно, вновь, только совсем другим образом, нежели в случае с государством, сила, устанавливающая порядок, оказывается не такой действенной, какой она могла бы быть.

а) В своей лекции о «науке как профессии»¹ Макс Вебер сказал: «Требовать от него (то есть от академического профессора) можно лишь интеллектуальной прямоты: осознать, что констатация фактов, констатация математического или логического положения вещей или внутренней структуры культурного достояния, с одной стороны, а с другой — ответ на вопрос относительно *ценности* культуры и ее отдельно взятых составляющих, а вслед за этим и ответ на вопрос, как *следует* действовать в рамках культурного сообщества и политических объединений, что то и другое являются полностью *гетерогенными* проблемами. Если он затем спросит, почему ему нельзя рассмотреть эти две проблемы в аудитории, то на это ему следует ответить: потому, что пророку и демагогу не место на лекционной кафедре. Пророку, как и демагогу, сказано: «Выйди к народу и выступи публично». В этих словах резко проявляется тезис: лишь вопрос познания действительности, а не вопрос о ее формировании является делом науки. Ученый превратится в пророка или демагога, если от констатации фактов он перейдет к их оценке или обратится к действиям».

Это представление ошибочно по ряду моментов. Прежде всего налицо непонимание *проблем*, которые должна решать экономическая политика. Многообразие форм порядка, взаимозависимость всех экономических явлений и интердепенденция порядков играют весьма существенную роль в каждом политико-экономическом акте. Предоставлять «пророкам» или «демагогам» возможность решать их столь же разумно, как и доверять им строительство мостов или производство машин. То, что произвольное развитие экономических порядков сменяется осознанным созданием форм порядка, является результатом общественно-экономического развития XIX и XX вв., которое

¹ Вновь напечатано в «Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre», 2. Aufl., 1951, S. 566 ff.

нельзя повернуть вспять. Это осознанное формирование порядков возлагает на научное мышление новую ответственность. Если, к примеру, наука установит, что экономический процесс протекает в рамках олигополий или двусторонних монополий без стабильного равновесия, или если она сопоставляет равновесие полной конкуренции с равновесием монополии предложения и обозначает различия между обоими видами равновесия, то в этой работе она уже находит формы, в рамках которых протекание экономического процесса противоречит или соответствует конструктивным требованиям. Наука может также установить взаимосвязи частичных экономических порядков и интердепенденцию экономического и государственного порядков, а также общественного порядка. Именно общее решение невозможно без предварительной подготовки, проводимой научной мыслью. Как же иначе можно вскрыть, например, взаимосвязи между правовым государством и экономическим порядком? Того, что в действительности наука находит *необходимые реальные конструктивные взаимосвязи*, которые должны учитываться практиками, — как раз этого позитивизм и не видит.

Но если научное мышление уклоняется от решения задачи политики порядков, то оказывается, что другой силы, способной решить эту задачу, нет. Что это означает, мы знаем: передачу нас в руки анархических политических и экономических властных группировок, их функционеров и идеологий.

И наконец, фактическое развитие доказало, что позитивизм вообще не в состоянии провести в жизнь свою программу и в высокой степени рискует быть втянутым в повседневную политику. В стремлении не давать самой политико-экономических оценок наука признала цели, которые устанавливают государство и политические властные группировки. Она избежала проблемы политики порядков, но не избежала зависимости от повседневных политических устремлений. Например, государство намеревалось с помощью своей аграрной политики оттеснить национальное меньшинство, и тогда наука старалась использовать свои познания для достижения поставленной государством цели, не давая при этом оценки самой цели. И так происходило при решении одной за другой политико-экономической и политико-правовой задач в постоянном приспособлении к той или иной политической ситуации. Позитивистская наука ощущала себя подчиненной политическим силам. Итак, в общем преодоление позитивистских предубеждений является важной предпосылкой того, что наука вновь обретает силу, устанавливающую порядок.

б) То, что научные познания якобы обуславливаются временем, средой, классовыми позициями или же определяются конкретной жизненной ситуацией отдельно взятого ученого, на протяжении XIX и XX вв. постепенно превращалось в господствующую

щее мнение. Полемика с этой релятивистской гипотезой истории показала бы, что она страдает непреодолимым внутренним противоречием. Правда, она отрицает всякую обязывающую и долговечную истину. Но она также верит, что она сама имеет право на высказывание обязывающей долговечной истины. Так, например, *Маркс* о своем технологическом понимании истории говорит, что оно абсолютно истинно, хотя он из этого понимания истории делает вывод о том, что любое познание является классово обусловленным. Будь *Маркс* последовательным, он должен был бы признать, что это его понимание истории вместе с его релятивизмом представляет собой всего-навсего один аспект его собственного обусловленного временем социального положения в классовом обществе. То же самое можно сказать и об его учении о классовой борьбе, кризисах, накоплении капиталов и о крушении капиталистического способа производства. Но такого вывода он не делает, поскольку это обесценило бы его понимание истории и все его отдельно взятые учения. Сказанное имеет силу и для взглядов *Шпенглера*, *Парето*, *Маха* и других релятивистов. Как бы ни были сформулированы их релятивистские точки зрения, каждый из них претендует на их абсолютную значимость. С определенной долей самоуверенности философы-экзистенциалисты провозглашают свое мнение об экзистенциальной обусловленности всех познаний. Откуда же они черпают эту уверенность? Если бы они были последовательны, им следовало бы также провозгласить и экзистенциальную обусловленность своих собственных посылок.

Эта внутренняя противоречивость и несостоятельность релятивистской гипотезы были доказаны еще в древности. Тем не менее она постоянно возникает вновь и вновь, и до тех пор, пока эта гипотеза будет господствовать в науке, последняя не может быть силой, устанавливающей порядок. Доверяться меняющимся обстоятельствам и течению исторической жизни — вот та позиция, которая соответствует духу релятивизма. В условиях господства релятивизма жизнь и наука вступают в такие взаимоотношения, в которых жизнь управляет наукой. Так, еще *Ранке* говорил: «Гервиний часто повторяет свое мнение о том, что наука должна вмешиваться в жизнь. Совершенно правильно, но, чтобы работать, она должна быть прежде всего наукой. Ведь невозможно взять его точку зрения в жизни и перенести ее на науку. В этом случае жизнь воздействует на науку, а не наука на жизнь. Для жизни определяющим часто является то, что только случайно касается каждого отдельно взятого человека, так что эта случайность оказывает обратное воздействие на то, что должно быть общепринятым, но не наоборот. Мы можем оказывать действительное влияние на настоящее только в том слу-

чае, если мы отвлечемся вначале от него и возвысимся до свободной, объективной науки»¹.

Как раз в критические моменты времени такая позиция становится роковой. Вместо того чтобы предостеречь о злополучном развитии и сделать все возможное для его предотвращения, говорится: «Оно идет, оно идет и когда оно будет здесь, то обнаружит нас на высоте момента. Это интересно, это даже хорошо просто потому, что это — грядущее и познать это... уже достаточно. Не наше дело предпринимать что-либо против этого»².

в) Как известно, специализация была еще одним отличительным признаком науки конца XIX и XX в. Отдельно взятый человек уже не в состоянии обозреть всю совокупность накопленных знаний. По этой причине она была разбита на многочисленные части. Таким образом, и в политической экономии, а не только в самой экономической политике шло развитие пунктуализма при рассмотрении политико-экономических проблем. Вопросы аграрной, торговой, промышленной, валютной политики, а также политики по поддержанию ремесленного производства и т.д. рассматривались как вопросы, которые сами по себе, то есть пунктуально, могут быть разрешены. Постепенно происходила трансформация универсального рассмотрения в специализированное. В середине 19-го столетия в отдельных секторах уже проводилась экономическая политика (см., например, широко распространенный учебник *Pay*). И все же продолжало существовать определенное представление об общих экономических взаимосвязях. Начиная с конца 70-х годов положение изменилось. Хотя в более поздней исторической школе доминировали определенные общие этические взгляды социальной гуманности, ей недоставало, однако, знания общих экономических взаимосвязей и взаимосвязей порядков. К власти пришел специалист по аграрной, валютной и тому подобной политике. Научные специалисты оказывали влияние на отдельные законодательные акты, к примеру в области социальной или аграрной политики. Одновременно наука в этот период оказывала влияние, эффективное в течение продолжительного периода времени, на образование руководящего слоя, который отныне мыслил и действовал пунктуально в соответствии со своей специальностью. Пунктуально изучать и рассматривать отдельные специальные вопросы

¹ Из речи на 12-м пленарном заседании Мюнхенской академии наук. Кроме того, см.: введение издателей Ф. Бёма, Х. Гроссмана, В. Ойкена к *Schriftenreihe: «Ordnung der Wirtschaft», «Unsere Aufgabe», 1936*, в котором отражена полемика с историзмом, и статью В. Ойкена в *SCHMOLLERS Jahrbuch, Jahrgang 63, 1938*, S. 191 ff., а также гл. 12 и 13 настоящей работы.

² Thomas Mann. «Doktor Faustus», 1949.

ремесленного производства, картелей и т.п. представлялось единственно целесообразным, а все иное считалось «доктринерством». То, что все политико-экономические вопросы и акты взаимосвязаны между собой, в расчет не принималось, и проблема порядка не рассматривалась как таковая. (Как известно, и другие науки в этот период были также охвачены специализацией, скажем классическая филология. Но и здесь в результате специализации из науки исчезало существенное: понимание античной культуры, классическое образование¹.)

Этот пунктуализм, который, как мы знаем, еще широко доминирует в экономической политике, в настоящее время преодолевается в науке своеобразным способом, не путем общего методологического отражения, а в процессе работы самих специалистов. В частности, оказалось, что специальная проблема, если ее действительно настойчиво исследуют, неизбежно выходит за узкие рамки специальной области. К примеру, в ходе изучения аграрных кризисов обнаружилось, что их можно объяснить и вести борьбу с ними только с учетом всей совокупности экономических взаимосвязей. Или, скажем, занимались проблемой контроля монопольных цен на промышленную продукцию или проблемой налоговой реформы — специализированное исследование постоянно разрывало узкие рамки специальной области. Приходилось регулярно констатировать, что отдельные политико-экономические решения в зависимости от общего решения означают не одно и то же: например, то, что роспуск крупных частных сельскохозяйственных предприятий в рамках экономического порядка рыночного типа порождает совершенно иные последствия, чем в условиях порядков централизованно управляемой экономики. Было также замечено, что в противоположность этому отдельные политико-экономические решения, скажем по системе прогрессивных налогов, оказывают общезкономическое воздействие, к примеру на инвестиции и на построение экономических порядков. Короче говоря, сама собой напрашивается интерденденция явлений. Итак, стало очевидно, что крайне нереалистично работать пунктуально. Специализация убивает самое себя.

Самостоятельной валютной, аграрной политики или самостоятельной политики в области государственных финансов не должно было бы больше существовать. Все они должны были бы быть только частями политики экономического порядка. Возникает новый тип специалиста, и это — необходимо, ибо он знает факты и располагает опытом в своей профессиональной области. Но он рассмат-

¹ По данному вопросу помимо прочего см.: K. K e i n h a r d t. «Von Werken und Formen», 1948, S. 452 ff.

ривает все проблемы в рамках совокупного экономического процесса, общего экономического порядка и интердепенденции порядков.

«Прежде всего, — сказал однажды своим ученикам видный художник, — не следует никогда делать мазок кистью, не видя целого и не сохраняя согласованности с этим целым». То же самое можно сказать и об экономической политике: не следует принимать никаких мер, не согласуя их с совокупностью желаемого порядка.

Если подобное преодоление пунктуализма увязывается с устранением релятивизма и позитивистских предубеждений, наука может стать той решающей силой, устанавливающей порядок, которая в иных условиях не существует.

3. Современная историческая ситуация представляет собой странную картину: в области техники рациональность под влиянием науки продвинулась далеко вперед. Однако экономические порядки, в которых используется эта техника, либо оказываются буквально пронизанными бурно разраставшимися властными группировками, либо они являются экономическими порядками централизованно управляемой экономики, в которых также отсутствует рациональное регулирование экономического процесса. В конечном счете мы должны прийти к тому, чтобы реализовывать такие формы порядка, в которых развитие технических знаний найдет экономически рациональное применение. Но как может это произойти иначе, чем в результате полного расцвета мышления категориями порядка, позаботиться о котором надлежит науке?

Правда, уже в намерения *Сен-Симона*, *Конта*, *Маркса* и их бесчисленных последователей входила мобилизация науки для организации экономики и общества. Уже это мощное духовное движение XIX в. пыталось создать общественную науку, призванную служить целям организации совместной жизни людей. «Во Франции социология означает претворение в жизнь исполинской фантастической идеи понять истинную природу общества, руководствуясь совокупностью всех выявленных наукой истин, и на основе познанного разработать проект новой, соответствующей господствующим научным и техническим фактам внешней организации общества и управлять этим новым обществом, используя познанное. В этом понимании граф *Сен-Симон* в период жестокого кризиса на стыке веков разработал понятие социологии. Его ученик *Конт* с последовательным постоянством посвящал напряженный труд всей своей жизни систематическому построению этой науки»¹.

Но здесь произошла духовно-историческая трагедия развития человека. Ибо именно в новой социологической науке господствова-

¹ W. D i l t h e y. «Einleitung in die Geisteswissenschaften», 1883, S. 105.

ла не выдерживавшая никакой критики идея, согласно которой некое мифическое существо, называемое «капитализмом», «капиталистическим производством» или «капиталистическим обществом», якобы развивающееся также в силу само собой разумеющейся внутренней необходимости, подобно растению, не смогло развиваться в то, чем оно могло бы стать. Пришлось оставить поле деятельности, на котором как раз и следовало проявлять активность. Задачу, стоявшую перед политической экономией, — помимо познания реальности — не увидели, а именно задачу поставить проблему политики порядков и через преодоление предрассудков стать силой, устанавливающей порядок.

Если наука не справляется с этой задачей, то в руководстве стран, то есть в группе «А», возникает поистине роковой вакуум. Функционеры властных группировок и ученые заполняют этот вакуум. До тех пор пока народы этих стран жили, в основном ориентируясь на традиции, они в меньшей мере зависели от науки как силы, устанавливающей порядок. С 1789 г. дело обстоит иначе. Как раз в следующем столетии прежде всего под влиянием позитивистов наука уклонилась от этой задачи, ставшей еще более актуальной, чем прежде. Таким образом, руководящий слой в этот исторический момент не смог отвечать требованиям, которые предъявлялись к нему, когда речь шла о том, чтобы решать проблемы порядка особого масштаба.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ: ЦЕРКОВЬ

1. В какой мере церковь может быть фактором, способствующим установлению порядка в обществе и экономике, является вопросом, который вводит в проблемы теологии. Что касается нашей работы, то можно и нужно сделать лишь несколько замечаний.

Хотя в силу своего предназначения церковь и не должна вмешиваться в спор политических партий, с другой стороны, она не может остаться безучастной к тому, в каких порядках живут вверенные ее попечению люди. И там, где эти порядки подрывают основы нравственной и религиозной жизни, церковь неизбежно вызывается на сцену.

Но судьба церкви как института, созданного человеком, и в этом, пожалуй, заключается наиболее сложная проблема ее положения в мире, такова, что в ходе исторического развития ей становилось, да и сейчас становится, все труднее оставаться в стороне от политических битв за власть. История церкви свидетельствует о переменчивом влиянии, которое сменявшие друг друга идеологии различных элит оказывали на нее. Говоря словами *Парето*: в одних случаях господствует идеология элиты «А 1», в других — элиты «В 1» или «А 2».

В целом же при отрыве от средневековья здесь перевешивал определенный запаздывающий момент. За индустриализацией, которая все более и более освобождала человека от всех прошлых обязательств, церковь наблюдала с обоснованной озабоченностью и в силу этого с определенным неприятием. Средневековье — даже с учетом его экономических институтов, в особенности с его цеховой организацией труда, — выступало в ретроспективе в преображенном свете идеализирующей романтики. В противоположность этому необходимо дать возможность осознать то, что сегодня речь идет о гораздо большем: об экономическом и общественном порядках в тот момент, когда внутренняя беспомощность так же велика, как внешняя угроза. Однако решение вопроса порядка, исходя из непосредственного опыта, ныне уже больше невозможно. Оно столь же мало вероятно и на основе прямых выводов естественного права. Необходим научный анализ проблем. В действительности надлежит открыть конструктивную закономерность, знание которой только и сделает возможным формирование порядков в том смысле, к которому стремится церковь.

В построении свободного и справедливого общества в полностью изменившемся мире — в поисках порядка, который сделает это возможным, — церковь смыкается с наукой. Могут ли они здесь действовать совместно как силы, устанавливающие порядок? А если такое сотрудничество столкнется с трудностями, в чем они будут состоять?

2. Мышление категориями порядка само по себе близко католической церкви в силу ее больших традиций, исходящих еще от *Фомы Аквинского*. Ее точка зрения на социальные проблемы современности определяется обеими крупными папскими энцикликами, «Рерум Новарум», 1891, и «Квадрагесимо Анно 1931». В соответствии с ними высшим принципом формирования социальной жизни является принцип субсидиарности: построение общества должно протекать в направлении снизу вверх. То, что отдельные лица или группы могут совершить самостоятельно, они должны делать по свободной инициативе и с максимумом усилий. А государству надлежит вмешиваться только там, где без его поддержки никак нельзя обойтись.

Совместимость принципа субсидиарности с конкурентным порядком вполне очевидна. И в условиях конкурентного порядка основной упор делается на развитии индивидуальных возможностей, причем деятельность государства ограничивается только такими задачами, которые не могут быть решены свободной игрой индивидуальных сил. В любом случае конкурентный порядок является тем единственным порядком, в котором принцип субсидиарности может проявиться в полной мере.

Тем не менее определенные трудности вытекают из того факта, что в декларативных заявлениях католической церкви, особенно в «Квадраджесимо Анно 1931», существенную роль наряду с принципом субсидиарности играет сословный принцип, хотя и без категорического требования сословного государства. Причины тому в меньшей степени коренятся в экономической области. Определяющим здесь, однако, является скорее стремление вновь социально обустроить нынешнего человека, оторванного от привычных жизненных устоев. Но сословное государство и конкурентный порядок несовместимы друг с другом, как уже было показано при рассмотрении профессионально-сословного порядка. Неизбежным следствием было бы неравновесие.

Поэтому необходим четкий выбор между принципом субсидиарности и сословным принципом. Если церковь будет твердо стоять на том, что принцип субсидиарности должен стать высшим социальным принципом, то в конечном счете выбор может быть сделан лишь в пользу конкурентного порядка¹.

3. Иные подходы к данной проблеме наблюдаются у евангелической церкви. Руководствуясь своей основной теологической позицией, она более критически оценивает возможности найти заданный порядок в реальной действительности. На протяжении последних десятилетий в евангелической церкви неоднократно наблюдалась тенденция к тому, чтобы порядки в мире определялись сами по себе и чтобы сама церковь полностью возвратилась в область теологии. Но перед лицом того, что ситуация усложняется, в лагере евангелической церкви множатся голоса тех, кто требует, чтобы она внесла свой вклад в дело решения социальной проблемы².

В самом первом ряду здесь стоят труды *Эмиля Бруннера*³. В них также проявляется исключительно большое соответствие конкурентному порядку, основные идеи которого частично получили однозначно свое признание. Впрочем, и здесь нет недостатка в некоторых отклонениях, обусловливаемых тем, что мыслитель от теологии со своей точки зрения недостаточно учитывает факт экономической интерdependенции. Примером может служить вопрос о проценте.

¹ K. P. H e n s e l. «Ordnungspolitische Betrachtungen zur katholischen Soziallehre». — «ORDO», 2. Bd., 1949.

² C. v o n D i e t z e. «Nationalökonomie und Theologie», 1947; C. v o n D i e t z e. «Wirtschaftsmacht und Wirtschaftsordnung». — *Schriftenreihe der evangelischen Akademie*, Reihe IV, Heft 4, 1947; C. v o n D i e t z e. «Zur Wirtschaftsordnung und Sozialordnung». — «Die Kirche in der Welt», 1949.

³ E. B r u n n e r. «Gerechtigkeit. Eine Lehre von den Grundgesetzen der Gesellschaftsordnung», 1943.

Подобно другим представителям этических взглядов в науке, *Бруннер* пришел к выводу о том, что оправдан лишь низкий процент, а взимание высокого процента, скажем свыше 5%, является несправедливым и аморальным. Однако имеются ситуации, в которых только высокая процентная ставка может воспрепятствовать инфляции. Если вместо этого политика низких процентов фактически вызовет инфляцию или создаст благоприятные условия для нее, то сложится несправедливое положение: в результате нанесения ущерба вкладчикам или их разорения, ущемления интересов рабочих и в результате того, что другие группы лиц получают незаработанные доходы. Этическая рефлексия и этические требования, следовательно, стимулировали принятие политико-экономических мер, которые оказывают несправедливое воздействие. В чем же ошибка подобных представителей этического направления? Они не видят того, что процент обладает определенной функцией в совокупном экономическом процессе и что каждое отдельно взятое экономическое явление должно рассматриваться в рамках этого совокупного процесса, если только пунктуальное вмешательство не приведет к нежелательным последствиям. Интердепенденция всех экономических явлений, а вместе с ней и политико-экономическая проблема не осознаются. В отдельном пункте, скажем в случае с процентом, справедливость не может быть реализована. Это возможно только при создании форм порядка, которые позволяют осуществлять справедливое регулирование совокупного процесса. В остальном сторонники этического направления не осознают также и «тенденции» политики порядков (с. 292 и сл.), которую они помогают «запустить» через одобрение политики низких процентов. Если при этом возникает подавленная инфляция, то незамедлительно формируется тенденция перехода к использованию методов регулирования централизованно управляемой экономики. Следовательно, если сторонники этического направления одновременно отвергают идею централизованно управляемой экономики, то их требования понизить процент вступают в противоречие с их намерениями, прямо связанными с политикой порядков.

Где бы ни сталкивались два образа мышления, скажем взгляды юристов и техников, синтез оказывается затруднен. Точно так же дело обстоит и тут. Любой образ мышления предрасположен к тому, чтобы утверждать свое право. Но в свете неотложности и масштабности задачи эту трудность необходимо преодолеть. Религиозная и нравственная цели церкви сами по себе не могут быть достигнуты, если конструктивной закономерности, в данном случае экономической интердепенденции, равно как и интердепенденции порядков, не будет уделено должного внимания. Нельзя допускать того, чтобы стремления церкви и науки к порядку расходились даже на волосок. Их следует привести к одному знаменателю, и это можно достичь в рамках конкурентного порядка.

КОРЫСТЬ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП И ОБЩЕЕ БЛАГО

I. Спорный вопрос

1. «И поэтому мы не одобряем мнение тех, кто делает корысть основой законов природы. Тот, кто корыстен, чтит лишь самого себя и пытается также извлечь пользу для себя, нанося ущерб другим» (*Кристиан Вольф*). В эпоху меркантилизма эта идея становится одним из существенных мотивов политико-экономической деятельности. «Необходимо также, чтобы вы посвящали себя изучению мелких интересов торговцев, которые не обращают внимания ни на что другое, кроме как на свою частную торговлю, чтобы видеть, что хорошо и выгодно для общей торговли империи». Так в 1670 г. *Кольбер* предостерегал интенданта города Бордо от эгоизма торговцев.

Еще до недавнего времени нечто похожее можно было услышать, например, от *Кейнса*: «Мир управляется сверху отнюдь не так, чтобы частные и общие интересы всегда совпадали. Из принципов политэкономии вовсе не следует того, что просвещенный эгоизм всегда служит общему благу». И сегодня в экономической политике поступают в соответствии с этим принципом. Государство видит свою обязанность в том, чтобы, используя особые меры, например осуществляя государственные капиталовложения, привести в соответствие между собой корысть и общее благо. Его экономическая политика в значительной мере определяется теоремой, согласно которой между корыстью и общим благом существует разрыв¹.

2. В противоположность этому теорема *Адама Смита* гласит: «Каждый человек постоянно размышляет над тем, как найти наиболее выгодное применение всему тому капиталу, которым он располагает. Он имеет в виду только свою собственную выгоду, а не выгоду нации. Но естественно, а скорее необходимо именно преследование своей собственной выгоды приводит к тому, что он избирает такое применение своего капитала, которое является од-

* Полномочный представитель королевской власти во Франции. — *Прим. ред.*

¹ C h. W o l f f. «Vernuenftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen», 1736, § 43, S. 31; H e c k s c h e r. «Der Merkantilismus», 1932, 2. Bd., S. 294 ff.; J. M. K e y n e s. «Das Ende des Laissez-faire», 1926, S. 30, und «Allgemeine Theorie der Beschäftigung», 1936, deutsche Übersetzung, S. 296 ff.; M. H a a s. «Die merkantilistische Wirtschaftslehre und J.M. Keynes' Vollbeschäftigungstheorie», Dissertation. Freiburg, 1950.

новременно наиболее выгодным и для нации». В отдельные периоды времени это представление также приобретало большое политико-экономическое значение. *Харденберг* очень точно сформулировал для прусской политики начала XIX в. следующую идею: «Моя система покоится на том, что каждый житель государства совершенно свободен и может так же свободно использовать и развивать свои возможности, не испытывая при этом произвола со стороны другого лица; что правосудие станет свершаться строго и беспристрастно; что независимо от того, к какому сословию он принадлежит, заслуги позволяют ему беспрепятственно подниматься вверх». Другими словами: государство заботится о реализации правового принципа и полагается на гармонию между корыстью и общим благом.

3. Диаметрально противостоят друг другу два различных типа экономического мышления и экономической деятельности.

Обе концепции апеллируют к опыту, и обе делают это с успехом. Мы остановимся на одной особенно важной проблеме, породившей многочисленные дискуссии: на проблеме накопления. По мнению меркантилистов, в том числе и современных, при накоплении денег отдельно взятым человеком возникает разрыв между корыстью и общим благом. Именно здесь якобы необходимо, чтобы государство принимало прямые меры для предотвращения возможного ущерба.

В корыстной «любви к деньгам» людей упрекали еще меркантилисты. У них «пристрастие к ликвидности», как сказали бы о них сегодня. Но если они накапливают деньги в копилке, то тем самым изымают их из оборота, и в результате этого их корыстные действия вступают в конфликт с общим благом. «Возникает пустота, прерывающая оборот, лишаящая часть рабочих пропитания и увеличивающая вредные последствия во всей ситуации с продовольствием, так что в любом случае было бы лучше, если бы эта сумма никогда не находилась в обороте, чем если бы теперь она вновь изымалась из него»¹. Потеря спроса, порождаемая накоплением, и в наши дни является важным импульсом как конъюнктурной политики, так и политики обеспечения полной занятости. Мы знаем, что подобная потеря спроса (при определенных условиях) действительно может возникнуть.

На это другая сторона возражает: гармония между корыстью и общим благом проявляется также при накоплении и при инвестировании. Накопления отдельно взятого человека, осуществляемые для обеспечения своего собственного будущего, приносят решаю-

¹ J. H. G. von Justi. «Policey-Wissenschaft», 1759, 1. Bd., S. 698.

щим образом пользу общему благу. Когда, например, крестьянин откладывает деньги, это позволяет ему улучшить свой крестьянский двор, повысить производительность и тем самым служить общему благу. Многие промышленные заводы стали крупными предприятиями благодаря индивидуальным накоплениям своих владельцев и через это послужили общему благу.

Следовательно, опыт, как представляется, подтверждает правоту обеих сторон, а проблема в принципе кажется разрешимой. Однако необходимо внести ясность в вопрос о том, права ли та или другая сторона и если да, то почему и как. И только тогда можно серьезно проводить в жизнь экономическую политику.

II. Проблемы в действительности

Как же обстоит дело с данной проблемой в экономической действительности?

1. Руководитель небольшого, полностью замкнутого домашнего хозяйства — мы еще раз в качестве примера берем простейший случай — может действовать «эгоистично». Это означает: он может печься о собственном благе лишь за счет благополучия других членов своего хозяйства. Его действия могут соответствовать *кантовской* дефиниции эгоиста, согласно которой эгоист «ограничивает все цели только самим собой» и «не видит никакой пользы в том, что не полезно ему самому». (Понятие «эгоизм» употребляется здесь, таким образом, в экстремальном значении.) Разумеется, он может действовать и по-иному и в большей мере соответствовать этическим принципам. Как обстоит дело — так или иначе, — имеет очень большое значение для разработки хозяйственного плана и тем самым регулирования повседневного экономического процесса. Товары, которые непрерывно производятся, становятся отличными друг от друга, если руководитель домашнего хозяйства думает преимущественно о самом себе или если на передний план он выдвигает задачу обеспечения товарами других членов своего хозяйства.

Однако, действуя эгоистично или не эгоистично, он всегда будет руководствоваться экономическим принципом, то есть станет постоянно стремиться к тому, чтобы в своих планах и распоряжениях достичь определенной цели по возможности с минимальными затратами, или, говоря иначе, на деле наиболее полно удовлетворять потребности, используя для этих целей имеющиеся рабочую силу и материальные средства производства. С эгоизмом или альтруизмом экономический принцип не имеет ничего обще-

го. (В лучшем случае можно сказать, что он пренебрегает своими обязанностями, если он действует не в соответствии с экономическим принципом и тем самым при определенных обстоятельствах создает угрозу существованию членов своего хозяйства.) Постоянное смещение понятий «эгоизм» и «экономический принцип» является основным злом всей дискуссии по данному комплексу важных проблем. Пусть руководитель этого небольшого сообщества обращает внимание только на то, чтобы как можно лучше организовывать снабжение товарами членов своего домашнего хозяйства; пусть он в силу этого вовсе отодвинет в сторону удовлетворение своих потребностей, и он все же будет следовать экономическому принципу. Только так он в состоянии добиться того, что его альтруистическая цель будет достигнута, насколько это возможно. Эгоизм или альтруизм определяет цели, на которые ориентированы хозяйственные планы. Действия в соответствии с экономическим принципом позволяют определить выбор *средств* для достижения этих целей. «Эгоизм» и «экономический принцип» находятся, следовательно, как бы на различных уровнях.

2. Но как только масштабы разделения труда увеличатся и разорвут рамки замкнутого собственного натурального хозяйства, возникнет, как мы уже видели, проблема нового уровня. Теперь речь идет о том, чтобы привести экономический принцип, которому порознь следуют в индивидуальных хозяйствах, в соответствие с общим экономическим принципом. Данная проблема нередко приводит к конфликту. Возьмем в качестве примера предприятие перерабатывающей промышленности Германии в период между 1945 и 1948 гг. Его руководитель считал себя обязанным руководить своим предприятием таким образом, чтобы он мог и дальше предоставлять работу своим рабочим. Для этого, действуя индивидуально в соответствии с экономическим принципом, он изготовлял такие изделия, цены на которые не зависели от государства, что давало ему возможность при благоприятной цене не останавливать работу предприятия, продолжать производить, например, пепельницы. Если бы он вместо этого выпускал кастрюли, цены на которые устанавливало государство, то тем самым он подвергал бы опасности существование самого предприятия и дальнейшее обеспечение занятости рабочей силы. Конечно, в этом случае, и как раз в этом заключается конфликт, рабочая сила и средства производства намного лучше служили бы удовлетворению потребностей. Вообще говоря, экономический принцип требует, чтобы фирма производила кастрюли, а индивидуально — пепельницы. Уже данный пример показывает, каков тип проблемы.

3. В период между 1945 и 1948 гг. отличительным признаком германской экономики было то, что индивидуальный интерес и общий экономический интерес резко расходились. Была ли в том вина тысяч людей, совершавших длительные поездки по железной дороге, чтобы обменять на картофель обувь, текстильные изделия, утюги и т.п.? Вне сомнения, они действовали в соответствии с экономическим принципом. Действовали ли они «эгоистично», если они как отцы семейств заботились о том, чтобы заготавливать продовольствие для своих домашних хозяйств? Во всяком случае, их труд, рассматриваемый под углом зрения общего процесса, никоим образом не соответствовал экономическому принципу, и, кроме того, распределение таких товаров, как картофель или товары обмена, происходило абсолютно нерационально. Экономический принцип при заданных условиях нельзя было использовать ни индивидуально, ни в общем для удовлетворения потребностей. Крупная проблема оставалась нерешенной. Ход наших размышлений показал, что эта проблема возникает в любом типе экономического порядка. Если потребность, которую должен удовлетворять общий процесс, устанавливается центральными плановыми органами, скажем потребность в пшеничном хлебе, обуви, доменных печах и т.д., которую надлежит удовлетворить в течение одного года, то вопрос состоит в том, чтобы всю рабочую силу и все материальные средства производства направить на по возможности полное достижение плановых целей. Если же существуют экономические порядки рыночного типа, то речь идет уже о том, чтобы оптимально преодолеть то напряжение между потребностями и их удовлетворением, которое существует во всех домашних хозяйствах.

4. Противопоставление корысти и общего блага больше скрывает, чем описывает проблему, которую здесь приходится решать изо дня в день. Речь идет о нескольких вопросах.

- Во-первых, о том, что каждый отдельно взятый человек в рамках сообщества домашнего хозяйства или предприятия, в которых он живет или находится в индивидуальных отношениях, обязан действовать «неэгоистично». Это — нравственный постулат, который всегда имеет силу во всех экономических порядках.
- Во-вторых, о том, что каждый отдельно взятый человек действует в интересах домашнего хозяйства и предприятия, как правило, в соответствии с экономическим принципом и именно так он должен поступать.
- В-третьих, о том, что планы и действия, вытекающие из индивидуального использования экономического принципа,

следует согласовать между собой с тем, чтобы и в целом все действия осуществлялись в соответствии с экономическим принципом. Это специфическая задача экономической политики.

III. Предварительная формулировка проблемы

Крупная проблема, состоящая в том, каким образом действия, осуществляемые в соответствии с экономическим принципом в домашнем хозяйстве и на предприятии, вообще могут быть гармонизированы с экономическим принципом, должна была бы, таким образом, рассматриваться отдельно от этического вопроса. (Осознания со временем того, что решение этой чисто экономической проблемы имеет существенное значение и с этической точки зрения, пока не следует касаться. Иначе данный комплекс проблем никогда не может быть прояснен.)

Поэтому мы временно исключаем вопрос эгоизма или альтруизма и сейчас ставим лишь вопрос согласования между собой индивидуальных хозяйств, которые сами для себя действуют в соответствии с экономическим принципом. Одна принципиальная точка зрения отвергает существование гармонии между действиями отдельно взятых людей в соответствии с экономическим принципом; другая — утверждает, что такая гармония существует.

Обе точки зрения вводят в заблуждение. Представители той и другой точек зрения верят в сложившуюся конструкцию мира в том смысле, который они отстаивают.

Однако анализ фактических обстоятельств показал, что от реализованных в каждом случае форм порядка зависит, удастся ли создать гармонию или нет. Следовательно, мы не должны принимать гармонию или дисгармонию за политико-экономическую данность. Скорее, важная задача заключается в том, чтобы реализовать формы порядка, в рамках которых установится гармония.

IV. Индивидуальный интерес и общий интерес

A. Конфликт

1. Домашняя хозяйка, покупающая сегодня на рынке картофель, фасоль и другие потребительские товары; предприниматель, нанимающий сегодня рабочего или продающий какую-либо машину по цене 800 немецких марок; торговец, покупающий эту машину, — все они планируют и действуют в соответствии с индивидуальными интересами своего домашнего хозяйства или пред-

приятия. Действуют ли они «эгоистично» или «корыстно»? Возможно, а может быть, и нет. Со стороны трудно определить это. Вероятно, домашняя хозяйка, делающая покупки, думает только лично о себе. Может быть, она действует в интересах только других лиц, а именно остальных членов своего домашнего хозяйства. То же самое относится и к фабриканту-машиностроителю, который, продавая свои машины, возможно, думает только о себе и своей семье, а может быть, преимущественно о своем предприятии и о занятых на нем людях. Планирование и деятельность всегда ориентированы на определенную индивидуальную экономическую цель, но это ни в коем случае не означает, что следует поступать эгоистично или из корыстных побуждений.

Независимо от того, кто действует, будь то крестьянин, предприниматель, рабочий или розничный торговец, все они сегодня участвуют в *одном* сопряженном рабочем процессе. Все действуют в интересах только своего весьма ограниченного окружающего мира. Но все они делают это, чтобы приобрести товары, изготавливаемые людьми, которых они не знают и которые действуют также в интересах своего собственного небольшого окружающего мира. И все вместе они заинтересованы в том, чтобы этот общий экономический процесс по возможности полнее преодолевал существующую ограниченность.

Нельзя отрицать того, что фактически между «индивидуальным интересом» и «общим интересом» часто имеет место конфликт. Например, в том случае, если несколько фирм производят предметы роскоши, в то время как многие домашние хозяйства не имеют еще достаточно продовольствия и одежды. Очевидно, что там рабочая сила и средства производства используются не для удовлетворения самых неотложных потребностей. Или же руководство пула уничтожает пшеницу, а в это же самое время многие домашние хозяйства крайне нуждаются в пшеничном хлебе. Возможно, что руководство пула действует в соответствии со своими интересами рентабельности, чем оно одновременно оказывает услугу фермерам — производителям пшеницы, входящим в этот пул. Но снабжение многих покупающих пшеницу домашних хозяйств из-за уничтожения ее запасов ухудшается. В целом ограниченность товаров преодолевается в меньшей мере, чем это было бы возможно. Как же можно устранить подобные конфликты между индивидуальными и общими интересами?

(Как известно, трудно придать определенное содержание понятиям «общий интерес», «производительность», «народнохозяйственная производительность» или «общественная полезность». На это нас ориентирует обширная теоретическая литература, например работы *Визера* и *Пигу*. В связи с этим интерес представляет концепция инструмента потребительской ренты, разработанная Мар-

шаллом¹. Для экономической политики понятие «общий интерес» отнюдь не излишне, и обозначенная проблема, как соотносить между собой индивидуальный и общий интересы, является проблемой реальной жизни, которая не будет устранена ссылками на трудности нахождения ее дефиниции. Эти трудности связаны прежде всего с тем, что оценка стоимости товаров варьируется в зависимости от различий в уровнях доходов. Нашего описания будет вполне достаточно для целей экономической политики.)

2. Но проблема более масштабна. Проявления индивидуального экономического интереса могут не только войти в противоречие с общим экономическим интересом, но и нанести ущерб другим порядкам. Пусть монополия, а также отдельно взятое предприятие служит своему собственному интересу путем разработки общих условий заключения сделок. Но они тем самым могут нарушить правовую сферу других и ограничить область действия существующего правового порядка, установленного государством. И вновь невольно возникает феномен интердепенденции порядков. Может быть, крупная фирма, которая, преследуя свой индивидуальный интерес, сильно разрослась, способствовала тому, что общественная структура какого-либо региона окажется разрушенной в результате возникновения большого города. Опять возникает конфликт, конфликт между индивидуальным экономическим интересом и добротной структурированной конструкцией общества той или иной страны.

Б. Критика политики *laissez-faire*

1. Разве не видели этот конфликт сторонники политики *laissez-faire*? В известной главе своей «Теории этических чувств» Адам Смит описал то, «как гордый и лишенный сантиментов землевладелец окидывает взором свои обширные земельные угодья и, никак не задумываясь о потребностях своих братьев, в своей фантазии сам поедает весь урожай, произрастающий на этих угодьях». Описание продолжается. Далее говорится о том, что этот землевладелец не в состоянии съесть всего того, что было выращено, что он оказывается вынужденным продать большую часть урожая и что он тем самым содержит многих других людей, что он, не желая этого, служит общему интересу. Этой посылке

¹ A. Marshall. «Principles of Economics», 8th. ed., 1925, p. 124 ff., 467 ff., 810, Anmerkung 2. Интерес представляет использование этого инструмента применительно к проблемам монополии и международной торговли, которое продемонстрировал Бароне в своей работе «Grundzüge der theoretischen Nationalökonomie», 1927, S. 16—18, 88, 90, 157—207.

придается обобщающий характер. Смит говорит о естественном эгоизме и алчности богатых и о том, что они хотят удовлетворять свои собственные суетные и ненасытные вожделения и что вопреки этому всеми своими устремлениями они служат также и бедным, которые теперь лучше снабжаются продовольствием. «Невидимая рука ведет их к тому, чтобы осуществлять практически такое же распределение жизненно необходимых товаров, которое стало бы возможным, если бы вся земля была поровну поделена между всеми проживающими на ней. Так они стимулируют, не имея на то никакого намерения и не зная этого, интерес общества и предоставляют средства для умножения рода человеческого»¹.

Последствия такого понимания проявляются в экономической политике, к примеру, в том виде, в каком они были отражены в Прусской инструкции по руководству предприятиями, датируемой 1808 г. «Государству и его членам всегда выгоднее всего предоставлять ремеслам возможность идти своим естественным путем, то есть не выделять никого из них и не благоприятствовать никому из них преимущественно путем оказания особой помощи, но и не ограничивать никого из них в их становлении, функционировании и расширении, если в этом случае не будет нарушен правовой принцип или если они не нарушают при этом нормы религии, добрые нравы и обычаи или государственную конституцию».

2. В этой попытке политики *laissez-faire* разрешить проблему просматриваются два элемента.

Только при свободном развитии спонтанных сил, то есть в условиях свободного проявления индивидуального интереса, можно стимулировать общий интерес. Подавление индивидуальной свободы, подобное тому, которое проводила политика меркантилизма через свои бесчисленные регламентирующие акты, ограничивает в рамках индивидуальных интересов многих домашних хозяйств и предприятий работу моторов экономического процесса, которые тем лучше приводят его в движение и тем лучше служат общему интересу, чем свободнее они могут работать. Это одна мысль.

Другая мысль заключается в следующем. Эти свободно развивающиеся силы, необходимые для того, чтобы следовать общему интересу, сами по себе приходят в гармоничное соотношение между собой. Следовательно, вопрос, из которого мы исходили, решается сам по себе благодаря рыночному механизму, игре предложения и

¹ A. S m i t h. «Theorie der ethischen Gefühle», 4. Teil, 1. Kap., übersetzt von W. Eckstein, 2. Bd., 1926, S. 31 ff. Далее см.: A. S m i t h. «Reichtum der Nationen», 4. Buch, 8. und 9. Kap. По данному вопросу см. также: E. v o n P h i l i p p o v i c h в «Grundriss der Sozialökonomik», 1. Abt., I, 1, und H. W a e n t i g. «Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im 19. Jahrhundert», 1908, 2. Teil.

спроса, которая устанавливает состояние равновесия между многими отдельно взятыми индивидуальными интересами.

3. Идеей политики *laissez-faire* неоднократно злоупотребляли заинтересованные лица, к примеру предприниматели, которые в интересах своей свободы, а также якобы и в общих интересах выступали против политико-социальных мер государства. Однако нельзя оценивать идею и экономическую политику по злоупотреблению ими. Когда, например, *Трайчке*¹ с пафосом моралиста ведет борьбу с этой политикой и представляет дело таким образом, как будто главные идеальные представители *laissez-faire*, будучи индивидуалистами, не видели общего интереса, то оказывается, что критика направлена совершенно не в ту сторону. Ведь те, кто подвергается критике, хотели служить своей политикой как раз общему интересу и выступали против меркантилистского интервенционизма, в рамках которого индивидуальный интерес «купцов и фабрикантов» берет верх над общим интересом. «Нетрудно установить, кто является изобретателем всей этой меркантильной системы. Это не потребители, как можно подумать, интересами которых пренебрегли, а производители, интересы которых так заботливо оберегались, и в числе последних наши купцы и предприниматели были главными творцами ее. В меркантилистских мерах... особенно охраняется интерес наших фабрикантов, а интерес не только потребителей, но и некоторых других групп производителей был принесен в жертву ему» (А. Смит). Бранные слова по адресу корысти, капиталистической жадности и т.п. не способствовали решению проблемы, как привести в состояние полной гармонии индивидуальный и общий интересы.

4. Обычной критики еще недостаточно. Попробуем глубже вникнуть в суть проблемы. Мы начинаем со второго элемента мысли. Индивидуальный интерес домашних хозяйств и предприятий реализуется в двух направлениях. Например, рабочий каждый день ходит на фабрику, работает там и получает заработную плату. Руководитель химической фабрики продает химикалии, отдает производственные распоряжения и т.д. Но одновременно индивидуальный интерес проявляется и с другой стороны. А именно в том, что пытаются также улучшить свои позиции на рынке. Фабрикант, например, тем, что разрабатывает новый секретный технологический процесс, вступает в картели или покупает конкурента. Рабочий хочет улучшить свое положение на рынке за счет

¹ См.: Н. von Treitschke. «Deutsche Geschichte», neue Ausgabe, 1927, 1. Bd.

того, что вступает в профсоюз. Таким образом, индивидуальный интерес реализуется не только в экономическом процессе, но и в формировании позиции на рынке или в той форме, в которой находится домашнее хозяйство или предприятие.

Но как только индивидуальный интерес при формировании позиции на рынке проявится в «склонности к образованию монополии», он может вступить в противоречие с общим интересом. Ибо тогда речь идет уже о завоевании властных позиций на рынке. Чем большей властью располагают отдельные лица, тем больше опасность того, что возникнет конфликт между индивидуальным и общим интересами¹.

Похожей, правда, несколько иной представляется ситуация в том случае, если в процессе реализации интереса, но не из стремления к власти возникают формы экономики, в рамках которой общий интерес не соблюдается. Эта ситуация известна из того, как протекало современное развитие финансов. И мы уже говорили об этом подробно. По мере реализации денежной системы, в которой в процессе предоставления кредитов каждый день возникают деньги и в которой в результате предоставления кредитов деньги каждый день исчезают, возникает опасность того, что банки, хотя и действуют с позиций индивидуального хозяйства правильно, наносят при этом ущерб общему интересу. Скажем, при увеличении денежной массы, росте уровня цен и повышении ликвидности банков индивидуальному интересу банков вполне может соответствовать дальнейшее расширение масштабов кредитования, в то время как общий интерес требует уменьшения денежной массы. Было бы безрассудно упрекать банки по этой причине. В рамках существующей формы они действуют правильно, и руководитель банка поступает отнюдь не «эгоистично», а в соответствии с правильно понятым интересом своего банка и его сотрудников. Но форма ошибочна и ведет к возникновению конфликта между индивидуальным и общим интересами. Это же имеет силу и для случая дефляции. Отдельно взятый банкир должен стремиться к поддержанию ликвидности своего банка. Исходя из этого, он станет требовать погашения кредита. Но, делая это и пытаясь уменьшить число клиентов — должников банка, он усугубляет общее зло дефляции. Дело в том, что погашение кредитов способствует уменьшению денежной массы. Углубление дефляции наносит обратный удар по нему самому, а положение других должников банка ухудшается. Но именно эти правильные с точки

¹ По данной проблеме в историческом и принципиальном плане см.: J. H ö f f - n e r. «Wirtschaftsethik und Monopole im 15. und 16. Jahrhundert», 1941.

зрения индивидуального хозяйства действия оказывают плохую услугу прежде всего общему интересу.

Таким образом, в денежном и банковском аппарате в результате спонтанных действий индивидуальных хозяйств и, естественно, в результате реализации индивидуального интереса возникли формы, в рамках которых протекающий теперь повседневный экономический процесс больше не регулируется так, чтобы индивидуальный и общий интересы согласовывались между собой.

Это делает видимой фундаментальную ошибку второго элемента идеи политики *laissez-faire*: «невидимая рука» не просто так создает формы, в которых индивидуальный и общий интересы согласуются между собой.

5. Но если второй элемент политики *laissez-faire* должен подвергаться критике, то первый совершенно правилен. Когда отдельно взятые домашние хозяйства и предприятия ведут хозяйство без чувства ответственности и если отдельно взятые люди не могут действовать самостоятельно, то в результате ущемляется общий интерес. Естественное стремление человека к самореализации и развитию своих сил необходимо для того, чтобы в целом добиться достаточного снабжения товарами. Подавление этих сил во все времена, будь то в эпоху Римской империи позднего периода, меркантилизма или в наше время, оказывалось вредным. В равной мере ошибочно как бросать тень на эти силы, так и превозносить их. Пусть при этом будет действительным истинное стремление помочь другим или пусть реализуются «корысть» и чистый эгоизм. В любом случае здесь проявились самые мощные силы, которые необходимы мыслящим и деятельным людям для преодоления той экономической ограниченности, в условиях которой живет человек.

Так критика политики *laissez-faire* приводит к негативному и позитивному результатам. Большая задача экономической политики состоит в том, чтобы направлять силы, возникающие из индивидуального интереса, в такое русло, чтобы это стимулировало общий интерес, чтобы осуществлялось рациональное координирование индивидуальных интересов.

Настоящей критикой мы соприкасаемся с идеями, которые Кант развил с совершенно другой стороны в своем учении о праве и государстве. По его мнению, задача государства заключается в том, чтобы найти форму, в рамках которой возможно совместное проживание в сообществе и которая предоставляет по возможности наибольший простор для свободного расцвета индивидуальных сил. Абсолютная свобода естественного состояния должна быть ограничена законами, которыми отдельно взятый человек защищен от произвола других. Но с другой стороны, свободная деятельность мно-

гих отдельно взятых людей, соревнующихся между собой, должна двигать общество вперед¹. Отсюда становится ясно, что свободный порядок является настоящей задачей.

**В. Индивидуальный и общий интерес
в централизованно управляемой экономике**

1. Критика политики *laissez-faire* была иной, а именно обобщающей. Уже в эпоху меркантилизма, а позднее в эпоху социализма XIX и XX вв. и, наконец, в учениях о полной занятости вообще отрицалось, что с позиций индивидуального интереса можно служить общему интересу.

Поэтому, по мнению оппонентов, общий интерес должен быть представлен в выгодном свете непосредственно руководящим слоем², который осуществляет централизованное планирование общего экономического процесса и отдает решающие распоряжения. Более пристальное изучение позволило бы заметить, что при этом лагерь сторонников централизованно управляемой экономики раскололся. Одни придерживаются мнения, что руководящий слой в состоянии распознать общий интерес и что он намерен реализовать этот общий интерес. Другое мнение, начальные истоки которого можно встретить уже у *Руссо* и *Сен-Жюста*, состоит в том, что руководящему слою надлежит *определить*, что представляет собой общий интерес. Если, как этого хочет *Руссо*, общественный договор заставляет растворяться в общей совокупности каждого индивида со всеми его правами, то тогда представляется совершенно последовательным просто предоставить руководящему слою общества, государства или централизованно управляемой экономики возможность давать определение общего интереса. В таком случае не отдельные индивиды, не потребители, то есть все люди, решают, что является общим интересом, а только руководящий слой.

2. Это широко распространенное мнение о том, что органы централизованного управления представляют общий интерес независимо от того, установлен он авторитарно или он отвечает общей воле народа, относится к идеологическому фундаменту всех экономиче-

¹ См., например: I. K a n t. «Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht», 1784.

² Об этом уже говорили меркантилисты. См.: E. F. H e c k s c h e r. «Der Merkantilismus», 1932, 2. Bd., S. 290 ff. О якобинцах см.: H. T a i n e. «Die Entstehung des modernen Frankreich», Deutsche Übersetzung, 2. Aufl., 1894, 3. Abt.; «Doctrines St.-Simoniennes», I, S. 102, 249 ff. Из последних работ см.: J. M. K e y n e s. «Allgemeine Theorie der Beschäftigung», 1936.

ских порядков нашего времени и принадлежит к типу централизованно управляемой экономики.

То, что сам руководящий слой постоянно утверждает, что представляет общий интерес, понятно без дополнительных объяснений. Ведь как раз притязание на это позволяет ему узаконить самого себя. Между тем нам следует задаться вопросом, правомочно ли существование этого притязания. Данный вопрос в ходе дискуссий последнего времени неоднократно оттеснялся на второй план критикой «капитализма», «капиталистического духа» и т.п. Тогда представляется само собой разумеющимся, что устранение индивидуальных интересов домашних хозяйств и предприятий и их замена централизованным планированием немедленно реализуют общий интерес. В противоположность этому необходимо, опираясь на имеющийся опыт именно последнего времени, выделить следующие моменты:

- а) Руководящий слой в централизованно управляемой экономике является неконтролируемой властной группировкой. Имеются все предпосылки для того, чтобы он решительно проводил *свой* собственный интерес, то есть свою властную волю.
- б) Если же все-таки есть желание служить общему интересу, то невозможно распознать этот общий интерес.
- в) Но допустим, что общий интерес действительно может быть распознан. Тогда было бы невозможно реализовать его в централизованно управляемой экономике.

Вот пример тому. В ст. 3 проекта Закона об огосударствлении английской сталелитейной промышленности, датируемого 1948 г., говорится об общих обязанностях создаваемой новой государственной сталелитейной корпорации: «Общей обязанностью корпорации является такое исполнение полномочий, при котором изделия предприятий имелись в распоряжении в таких количествах, а также такого типа, качества и габаритов и по таким ценам, которые представляются корпорации самыми лучшими для того, чтобы служить общественному интересу во всех отношениях». Как же хочет корпорация, даже если предположить существование у нее доброй воли, определять, что является здесь общественным интересом? Ну, а если это можно было бы определить, то какие количества рельсов, чугуна, жести и т.д. и какие цены во всех отношениях служат общественному интересу? Функционеры станут давать глобальные оценки. Это все, на что они способны.

- г) Если бы мы закрыли глаза на все эти критические моменты, то все равно оставался бы еще один фундаментальный недостаток централизованно управляемой экономики. Он заключается в

том, что существенная сила, служащая общему интересу, а именно индивидуальный интерес и чувство ответственности людей, будет сведена на нет централизованно управляемой экономикой. Распоряжения центральных органов направляют рабочих на их рабочие места и распределяют между ними потребительские товары. Спонтанное намерение улучшить положение не сможет больше проявляться¹.

Этот недостаток распознали уже давно. Можно ли его устранить в рамках централизованно управляемой экономики? Для решения этого вопроса пытались использовать два метода, а именно прямо противоположные. Первый состоял в том, чтобы с помощью воспитания, законодательства и пропаганды преобразовать человека, отвлечь его мысли, чувства и убеждения от его индивидуального интереса и ориентировать их на тот общий интерес, который определялся предписаниями руководящего слоя. «Производственные битвы», «систематическая учеба», в том числе и для взрослых, должны были сделать возможным то, чтобы люди следовали приказам центральных административных органов с тем же рвением, с каким они прежде следовали импульсам своих индивидуальных интересов.

Если в этом случае все рассчитано исключительно на подавление своего собственного интереса, то второй метод имеет своей целью мобилизацию индивидуального интереса путем организации, скажем, соревнований между рабочими или между предприятиями. Но какой бы метод ни был избран, в раскрытии спонтанных сил чело-

¹ В ходе беседы о сенсимонистах, состоявшейся 20 октября 1830 г., Гёте высказал Эккерману свое мнение относительно этой проблемы. «Главное направление их учения, — говорил Эккерман о сенсимонистах, — сводится, видимо, к тому, что каждый должен работать на счастье совокупности в качестве неперемennого условия его собственного счастья». На это Гёте возразил: «Я бы считал, что каждый должен начинать с самого себя и вначале иайти свое собственное счастье, из чего затем в конечном счете непременно возникнет счастье совокупности. Впрочем, это учение представляется мне совершенно непрактичным и невыполнимым. Оно противоречит всей природе, всему опыту и всему ходу вещей на протяжении тысячелетий. Если каждый станет исполнять свои обязанности лишь как отдельно взятый человек и если каждый только в своих профессиональных кругах будет прилежен и умен, то с благополучием совокупности все в порядке. В своей профессии писателя я никогда не спрашивал: чего хотят широкие массы и чем я приношу пользу совокупности? Но я всегда стремился только к тому, чтобы сделать самого себя рассудительнее и лучше, расширить внутреннее содержание собственной личности и лишь тогда всегда выражать только то, что я считаю хорошим и истинным. Правда, это, чего я не намерен отрицать, оказывало воздействие в широких кругах и приносило пользу. Однако это было не целью, а совершенно необходимым *следствием*, как это происходит при всех проявлениях естественных сил». Беседа завершается следующей фразой Гёте: «Но мое главное учение пока таково: отец заботится о своем доме, ремесленник — о своих клиентах, священник — о взаимной любви, а полиция пусть не нарушает мира и согласия».

века централизованно управляемую экономику никоим образом нельзя сопоставлять со свободным хозяйством.

В общем и целом имеет силу утверждение: там, где, как кажется, проявляется сила централизованно управляемой экономики, в действительности обнаруживается опасная слабость. Направить деятельность и материальные средства производства на общий интерес не удастся. Не хватает ни желания, ни умения либо ни того и ни другого. А индивидуальный интерес не искореняется. Напротив, он решающим образом проявляется в предписаниях господствующей группы функционеров.

3. Политика *laissez-faire* мобилизует силы индивидуального интереса с тем, чтобы стимулировать общий интерес. Она недооценила опасности того, что индивидуальный интерес может обратиться против общего интереса. В противоположность этому политика централизованно управляемой экономики частично подавляет индивидуальный интерес, то есть интерес тех, кто находится под чьей-либо властью, в то время как этот интерес тем более может буйно расцвести в руководящем слое, поскольку последний располагает значительной властью. В этом случае развитие индивидуального интереса возможно, таким образом, только в небольшом слое. В остальном смягчение напряженности между потребностями и их удовлетворением, которое всегда соответствует общему интересу, не может быть в достаточной мере осуществлено централизованно управляемой экономикой. Общий интерес, на который оно должно быть прямо ориентировано, следовательно, не только не достигается, как в условиях *laissez-faire* в некоторых четко обозначенных случаях, но и вообще остается в стороне. Кроме того, централизованно управляемая экономика разрушает также другие порядки, которые служат совокупности, прежде всего правовой порядок.

Г. Органы самоуправления и альтруизм

То, что с помощью принудительных корпораций, сословной структуры экономики, объединения различных заинтересованных групп и других подобных шагов, направленных на установление определенного соотношения между централизованным планированием и свободой, проблема также не решается, после всего сказанного выше не требует никаких подробных доказательств¹.

¹ Подробнее по данному вопросу см.: K. P. H e n s e l. «Ordnungspolitische Betrachtungen zur katholischen Soziallehre». — «ORDO», 2. Bd., 1949; F. B ö h m. «Wettbewerb und Monopolkampf», 1933, S. 174 f.

Правда, некоторые экономисты, в число которых входит также Кейнс, надеются на лучших людей, альтруистов, которые тогда смогли бы руководить органами самоуправления или профессиональными сословиями. Подобные надежды вновь и вновь высказывали и приверженцы централизованного планирования. Мы увидим, что проблема не решается с помощью альтруизма и что важный вопрос остается открытым даже при господстве альтруистически настроенных людей (раздел Е). Впрочем, в силе остается вопрос: как же должны появиться такие хорошие, бескорыстные люди, если одновременно создаются условия, которые наверняка не сумеют улучшить людей? Руководителям центральных плановых органов или корпораций предоставляется исключительная полнота власти. С другой стороны, большинство остальных людей, то есть подчиняющиеся власти в централизованно управляемой экономике или принудительно организованные в корпорации, в большей или меньшей степени являются несвободными. Как показывает весь исторический опыт, существует большая опасность того, что руководителей испортит власть, а людей, подчиняющихся власти, испортит несвобода.

Д. Конкурентный порядок

1. Помочь расцвету спонтанных сил человека и одновременно позаботиться о том, чтобы они не были обращены против общего интереса, является целью, на которую ориентируется политика конкурентного порядка. Утверждалось, что конкурентный порядок апеллирует исключительно к корысти или к эгоизму как к движущей силе¹. Это не так. Конкурентный порядок достаточно реалистичен, чтобы принимать в расчет чудовищную силу эгоизма и инстинкта самосохранения. Но он одновременно в курсе того, что в индивидуальном интересе домашних хозяйств и предприятий равным образом проявляются и другие мотивы. Более того, он является единственным типом порядка, который обуздывает силы эгоизма. В типе порядка, присущего централизованно управляемой экономике, бурно развиваются эгоизм и произвол руководящего слоя и его бюрократии. Во властных группировках «свободного» хозяйства *laissez-faire* или сословного порядка наблюдается та же картина, хотя властные позиции не столь сильны, как это имеет место при централизованном планировании. Но конкурентный порядок вынуждает и чистого эгоиста работать на общий интерес, например торговца или предпринимателя, кото-

¹ Например, см.: М. Шелер.

рый действует чисто эгоистично, рационально служить (при отсутствии желания делать это) преодолению ограниченности потребительских товаров¹.

2. Конечно, конкурентному порядку, как уже подчеркивалось, не везде удастся координировать проявления индивидуальных и общего интересов.

Руководитель фабрики, к примеру, может так расположить свое предприятие, что дым последнего станет загрязнять воздух города. Вновь имеет место случай, в котором влияние плана индивидуального хозяйства проявляется вне системы данных этого хозяйства. Мы знаем (см. с. 391 и сл.), что здесь необходим контроль, проводимый в рамках политики обеспечения занятия промыслом и социальной политики.

В этом отношении важное значение имеет то, каким образом может сказаться неравенство доходов. В условиях конкуренции крупный торговец ввозит товары из шелка. Он действует в соответствии с индивидуальным интересом фирмы. Как свидетельствует внутризаводской экономический расчет, планирование оказывается правильным. Но в той же самой стране еще не удовлетворены неотложные потребности слоев населения с низкими доходами. Правда, поток товаров аккуратно регулируется. Однако это происходит без учета «общего интереса» как раз потому, что доходы распределены неравномерно, в результате чего потребности проявляются крайне неодинаково. Можно попытаться достичь выравнивания, используя различные средства, к примеру устанавливая систему прогрессивных налогов. Но оно ограничено, поскольку слишком большая прогрессия препятствовала бы инвестиционной деятельности, а тем самым и протеканию общего процесса.

В этих местах может дать знать о себе критика конкурентного порядка. Ее чрезмерное утрирование — отличительный признак современных дискуссий. Если бы ради устранения этих недостатков выбросили за борт весь конкурентный порядок и внедрили централизованное планирование, то это только усугубило бы указанные недостатки. В нашем последнем примере четко работающий механизм цен, который в целом надежно функционирует, заменили бы на централизованное регулирование, в котором доминирует случайность глобальных оценок. В таком случае не только станут ввозиться или производиться, например, ограниченные количества предметов роскоши, но и весь экономический процесс не будет больше направлен на общий интерес. Скажем, будут осуществляться чрезмерные, правда, неравновесные капиталовложения. Стали бы действо-

¹ F. H. Knight. «The Ethics of Competition and other Essays», 1935.

вать подобно человеку, который разрушает относительно хорошую машину из-за наличия в ней определенных недостатков для того, чтобы заменить ее на менее производительный, примитивный аппарат, создающий угрозу ему самому и обладающий гораздо большими недостатками, чем та машина, которую он уничтожает.

***Е. Координация индивидуального и
общего интереса как задача политики порядков***

Обычно принято рассматривать задачу, которая возникает вместе с напряженностью между индивидуальным и общим интересом, исключительно как проблему нравственного воспитания. Говорят о необходимости преодолеть корысть, стремление к прибыли или «капиталистический дух» и при этом надеются на то, что теперь все люди станут служить общему интересу. Проблема, о которой фактически идет речь, проявится, быть может, наиболее отчетливо, если мы предпримем краткую поездку в две страны: «Утопию А» и «Утопию Б».

1. В «Утопии А» все люди действуют только потому, что их побуждают к этому эгоизм и корысть. Следовательно, в этом случае «индивидуальный интерес» является чисто эгоистичным. Нет никакого внимания к другим: ни в домашних хозяйствах, ни на предприятиях. Поэтому никто не поднимает вопроса о том, как можно было бы служить общему интересу. Каждый отдельно взятый человек действует лишь в своих интересах и считает это чем-то само собой разумеющимся.

В экономическом порядке централизованно управляемого хозяйства руководящий слой в этой стране стал бы использовать свои мощные средства власти исключительно в своих интересах. В порядках рыночной экономики монополии спроса, например, на рынках рабочей силы резко понизили бы заработную плату, а монополии предложения постоянно стремились бы достичь точки максимальной чистой выручки. Только в конкурентном порядке — в силу разного рода уловок — многочисленные эгоистичные индивидуальные интересы не работали бы друг против друга, а действовали бы в гармонии между собой. Разумеется, в «Утопии А» было бы весьма трудно построить приемлемый порядок, поскольку никто не преследует общего интереса и, следовательно, никто не берет на себя решения задачи политики порядков.

2. Совершенно иное отношение людей мы встречаем в «Утопии Б», стране — антипode «Утопии А». Здесь люди действуют либо в соответствии с категорическим императивом долга, либо в силу

христианской заповеди любви. Было бы этого достаточно для того, чтобы все люди служили общему интересу? Да, если бы все они жили в замкнутых семейных хозяйствах, то есть в собственных натуральных хозяйствах, так что отдельно взятый человек может непосредственно определить, как надлежит действовать ему, чтобы служить общему благу. В этом случае общий интерес был бы идентичен благополучию семьи или благополучию собственного натурального хозяйства. Но «Утопия Б», равно как и «Утопия А», не просто состоит из сосуществующих собственных натуральных хозяйств, каждое из которых представляет собой небольшой космос. Скорее, обе «Утопии», как и современный мир, располагают базисными на разделении труда хозяйствами, в которых, тесно переплетаясь между собой, функционируют миллионы домашних хозяйств и предприятий. И здесь ответ на поставленный вопрос звучит: «Нет». М. — рабочий, он действует во исполнение христианской заповеди любви во благо своей семьи. Следовательно, он действует не из корысти, а ради индивидуального интереса своего домашнего хозяйства. Сообразно с этим он ищет рабочее место и сообразно с этим расходует свои средства. Служит ли он в большей степени общему интересу, если идет работать на фабрику или если он работает в поместье? Уже в данном примере замечен конфликт между обязанностями, а именно между обязанностями перед семьей и обязанностями по отношению к совокупности. Как ему сказать, что наиболее полезно для совокупности? Или другой пример. Руководитель предприятия R. принимает всерьез свои обязанности перед своими рабочими и клиентами. Он всегда действует в соответствии с категорическим императивом. Но что он должен производить, чтобы наилучшим образом служить общему интересу? Но и этого категорический императив ему не говорит.

Если даже «Утопия Б» и является страной, которая реализует максимальную нравственность, здесь все же остается открытым вопрос, как можно гармонизировать индивидуальный и общий интересы. Решить эту проблему — задача политики порядков. Отдельно взятый человек в рамках порядка должен иметь возможность своими действиями, которые он, следуя моральному закону, осуществляет в своем непосредственном окружении, одновременно содействовать реализации общего интереса.

Если бы в «Утопии Б» был реализован порядок централизованно управляемой экономики, то руководящий слой должен был бы, правда совсем по-иному, чем в «Утопии А», стремиться воплотить общий интерес. Однако он натолкнулся бы на непреодолимые препятствия уже потому, что он оказался бы не в состоянии взаимоувязать между собой отдельные экономические действия, прибегая к глобальным оценкам. Кроме того, свобода домашних хозяйств и предприятий была бы сильно ограничена, и тем самым централизо-

ванное планирование вступило бы в конфликт с заповедями долга, который отдельно взятый человек имеет по отношению к своему непосредственному окружению в домашнем хозяйстве и на предприятии. Конкурентный порядок мог бы быть реализован также и в «Утопии Б». Здесь его можно было бы реализовать даже легче, чем в «Утопии А». И прежде всего потому, что есть люди, которые думают об общем интересе, а следовательно, и об установлении достаточного порядка. В «Утопии Б» монополии, которые могут возникнуть, сами по себе стали бы предпринимать попытки добиться более полного снабжения товарами, скажем, покупателей.

Сравнение обеих «Утопий» ясно дает понять, что проблема напряженности между индивидуальным и общим интересами путем нравственного воспитания может быть только облегчена, но отнюдь не решена. Оно не в состоянии, например, устранить существенные недостатки централизованного регулирования экономики. И наоборот, решение проблемы порядка, предлагаемое здесь, облегчается с помощью нравственного воспитания, причем это воспитание одновременно должно быть ориентировано на политику порядков.

3. Теперь вернемся из стран-утопий к реальности, в которой мы найдем элементы обеих утопий. Вспомним ту картину, которую представляла собой Западная Германия в период между концом 1945 и 1948 г., когда пайки центральных плановых органов были столь незначительны, что жить на них никто не мог; когда в магазинах за деньги практически ничего нельзя было купить; когда горняки прекращали работу на несколько смен, а другие рабочие неделями не появлялись на фабриках, потому что помогали крестьянам на сельских работах или были вынуждены добывать продовольствие каким-либо иным путем. Для общего интереса было бы важно, чтобы люди работали там, где существовала неотложная потребность в рабочей силе. Но индивидуальный интерес властно требовал спасти себя и семью от голодной смерти.

В простых повседневных фактах отразилось то, что на практике означает выход из строя экономического порядка. Нельзя требовать от людей того, что может выполнить только экономический порядок: создать гармоничные пропорции между индивидуальным и общим интересами.

Заключение

«Научный метод имеет гораздо большее значение, чем какое-либо отдельно взятое открытие» (*Кювье*). Сказанное относится и к экономической науке. И в настоящей книге важнее, чем все детали, является метод, а именно мышление категориями экономической

политики, в поддержку которого она выступает и которое позволяет сформулировать и решить проблему.

Проблема заключается, позволим себе еще раз подчеркнуть это, в построении функционирующего и достойного человека экономического и общественного порядка. Метод же состоит в том, что решительное желание порядка распространяется на создание экономических форм, этим и ограничивается, в то время как сам экономический процесс оставляют развиваться по собственным законам.

То, что конкурентный порядок не только признает объективные закономерности, находящие свое отражение в экономическом процессе, но и недвусмысленно намерен привести их в движение, часто приносило в его адрес упреки в том, что здесь свобода человека приносится в жертву закостеневшему механизму недостойным для него образом. Если бы эти упреки были обоснованы, то конкурентный порядок оказался бы в таком парадоксальном положении, когда он поступает как раз той ценностью, на которую он прежде всего ориентирован, а именно свободой человека.

Но ведь со свободой человека дело обстоит всегда так, что она в определенных заданных условиях наталкивается на сопротивление и находит свои границы. Ее сущность состоит именно в том, что она предоставляет право закону объективной действительности и все же утверждается в качестве того, чем она является. Как раз этим свобода отличается от произвола.

Но, во-вторых, регулирование этого ставшего бесконечно сложным современного индустриального мира является задачей такого масштаба, что она превосходила бы данные человеку силы, если бы, к счастью последнего, не существовало нечто такое, как механизм регулирования рыночного хозяйства, который забирает у человека по меньшей мере часть этой задачи. Здесь четко разграничивается то, что в состоянии выполнить отдельно взятый человек, а что нет. И только благодаря этому размежеванию он становится действительно свободным для реализации своих собственных возможностей: свободного развития индивидуальных сил в экономическом процессе, свободного создания экономических форм.

Но нет ли тем не менее насилия над самоопределением человека в том, что экономический момент столь активно выдвигается здесь на передний план? На это следует возразить: необходимо решить совершенно конкретную обязательную проблему повседневности, а именно проблему преодоления экономической ограниченности. От ее решения зависит решение многих других проблем. Реальное преимущество, которое конкурентный порядок предоставляет экономической необходимости, не имеет ничего общего с материалистическими взглядами. Здесь нет выбора. Если экономической необходимостью пренебрегают как чем-то второстепенным, что равнозначно деградированию экономического мышления, то тогда люди окажут-

ся в еще большей зависимости от экономики. Тогда свобода действительно будет под угрозой. И в конечном итоге возникает лишь другая сторона альтернативы: централизованно управляемая экономика — тоталитаризм со всеми его последствиями, губительными для свободы человека.

И наоборот, задача конкурентного порядка — решать социальный вопрос в духе свободы и тем самым спасти свободу вообще. Но если право свободного порядка должно устоять перед надвигающимся со всех сторон коллективизмом, то необходимо, чтобы носители порядка понимали также смысл порядка. Многие сложные вещи втискиваются между современным человеком и теми элементарными фундаментальными фактами мира, в которых он живет. Поэтому девизом должно стать: «Против вторичности в мышлении, к сущностям!» Отказаться наконец от всякой ни к чему не обязывающей идеологической болтовни, которая тащится от одного письменного стола к другому, в более грубой форме — от газеты к газете, и в еще более грубой форме — от одного предвыборного собрания к другому. Все это только схемы. Не реализуется то, что поставлено на карту, и не замечается, какие важные сущностные взаимосвязи следует брать в расчет.

Люди знают, что тоталитаризм имеет программу. Но они совершенно не знают или знают очень мало о том, что существует программа свободы — конкурентный порядок. Техничко-экономической проблемы, которую пытаются решить в рамках конкурентного порядка, не видят вообще или недооценивают ее значения для других сфер жизни. *Но это только одна сторона конкурентного порядка, состоящая в том, что он требует реализации объективных экономических закономерностей. Его другая сторона заключается в том, что здесь должно быть претворено в жизнь социальное и этическое желание порядка. И в этой связи его особая сила.* Ведь социально-экономическое желание без связи с объективной экономической логикой так же бессильно, как, с другой стороны, объективная экономическая логика не может дать никаких результатов, если социальное желание порядка не оказывает влияния на образование форм.

Однако во всех странах нет еще слоя тех руководителей, которые поняли бы, что такое конкурентный порядок: не только как сам по себе экономический порядок, но и как условие для общественного порядка, как та крупная противоположность, которую можно противопоставить концепции тоталитаризма.

Общее сознание должно усвоить: принимая решение в пользу централизованно управляемой экономики или конкурентного порядка, одновременно принимают решение (знают об этом или нет, в большинстве случаев этого не знают), затрагивающее целые крупные сферы жизни. Должна существовать полная ясность относи-

тельно того, какие последствия влечет за собой принятие того или иного решения в пользу коллективизма.

Если не хотят последствий коллективизма, то необходимо стремиться к тому, чтобы доминировал закон конкуренции. А если должен доминировать рынок, то тогда нельзя также уклоняться от приспособления к нему. Нельзя желать преодолеть одну неопределенность за счет создания новой неопределенности.

Для защиты свободного порядка мы не располагаем ни возможностями тоталитаристов, ни их средствами власти, к числу которых относится и террор, ни чувством коллективного воодушевления, порожденного пропагандой. Поэтому некоторые считают, что мы не могли бы противопоставить им никакой другой линии поведения, кроме стоического неприятия. Но так не должна вестись та борьба за дело свободы, которая была возложена на наши плечи. Стоики были великими людьми, но им не хватало радости бытия. А без радости бытия не обойтись, если людям нужно будет проявить достаточно мужества и приложить достаточно усилий для построения свободного порядка.

Только истинная позитивность может преодолеть состояние разобщенности и застоя. В этом отношении в силе остается сказанное *Шиллером*: «Ничто не может так унижить дух, как то, что лишает его свободы, и он выказывает свое, создавая нечто бесформенное. Только там, где господствует тяжелая и бесформенная масса и где между неопределенными границами колеблются неясные очертания, есть место страху. Любой кошмар... человек одолеет, как только узнает, как придать ему форму и превратить его в реальный объект».

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

1. Слово «порядок»¹

1. Слово «порядок» используется в двояком смысле. Под «экономическим порядком» мы понимаем конкретный, позитивно заданный факт. Он представляет собой совокупность реализованных форм, в которых в каждом случае *in concreto* протекает повседневный экономический процесс. Так, в Германии существовал экономический порядок 1945 или 1900 г. либо порядок какой-либо другой экономической эпохи. Мы исследуем прежде всего экономические порядки XIX и XX вв., которые отличались своим разнообразием и которые быстро сменяли друг друга. Они были и зачастую продолжают оставаться нецелесообразными. В их рамках повседневный экономический процесс нередко оказывается неравновесным. Или порядки являются несправедливыми и над свободой в них нависает опасность. Анализ этих порядков — основа политики порядков. Мы обязаны рассматривать их как факты и вскрывать взаимосвязи этих фактов.

«Порядок» имеет еще одно значение, а именно — порядок, который соответствует существу человека и дела. Это означает порядок, в котором доминируют мера вещей и равновесие. Еще античная философия использовала такое понимание порядка. Она искала в разнообразии вещей скрытый план структурного формирования мира. В средние века была четко обрисована эта идея порядка, которая оказала решающее влияние на формирование всей средневековой культуры. Она означает рациональное соединение всех разнообразных вещей и явлений в единое целое.

¹ Содержание данного раздела во многом совпадает с тем, что изложено автором в 6-м издании «Grundlagen der Nationalökonomie», 1950, S. 239.

Прежде всего во времена оказавшихся несостоятельными или несправедливых позитивных порядков эта идея порядка бытия, естественного порядка или порядка вообще (*ордо*) регулярно приобретает большую силу. Толчок тому дает абсурдность конкретных обязательств. Ищут *такой* порядок, который в отличие от заданных порядков соответствует здравому смыслу или природе человека и вещей. В один из таких бедственных периодов, например на стыке IV и V вв., эту идею, обладавшую большим влиянием, развил Августин. В XVII и XVIII вв. естественный порядок (*ordre naturel*) противопоставлялся позитивному порядку (*ordre positif*). И вновь это оказывало сильное воздействие, например в сфере формирования права, государства и экономической политики. Сегодня эта идея опять живет в силу насущной необходимости найти для индустриализированной экономики недостающий функционирующий и достойный человека экономический, общественный, правовой и государственный порядки. Если формулировки этого понятия и менялись в ходе развития европейской истории, то *намерение* создать такое понятие остается прежним или схожим с ним.

Оба понятия, безусловно, необходимы: порядки как индивидуальные, меняющиеся исторические факты и порядок как порядок вообще (*ордо*). Это различие понятий так старо потому, что оно почти неизбежно возникает в столкновении с конкретной действительностью. Человек хочет знать, каковы конкретные порядки, и он ищет лучший порядок. Но оба понятия контрастируют между собой: конкретные неудовлетворяющие порядки, в условиях которых фактически люди живут, и пригодный справедливый порядок.

Мы разграничиваем эти понятия, отделяя конкретные «экономические порядки» от стремления к «порядку в экономике».

2. Установленные и развившиеся порядки

Сам по себе конкурентный порядок не реализуется. В этом смысле он не является естественным порядком, *ordre naturel*. Недостаточно претворить в жизнь определенные правовые принципы, а в остальном пустить развитие экономического порядка на самотек.

Однако в другом смысле он все же представляет собой естественный порядок, или порядок вообще (*ордо*). Он приводит в действие мощные тенденции, которые в рамках индустриальной экономики толкают в направлении к полной конкуренции. Делая эти тенденции как формы порядка действенными, экономическая политика исполняет лишь то, что соответствует природе вещей и человека.

Различают два вида экономического порядка: развившийся и установленный порядок. Развившимися порядками являются те из них, которые в процессе исторического развития образуются без принятия обдуманного решения. Установленные порядки представляют собой такие порядки, которые на основе принятия общего политико-экономического решения выставляют в выгодном свете принцип порядка экономического конституирования. Развившиеся порядки можно сравнить с городами, которые растут без общего плана застройки, в то время как установленные порядки подобны городам, строящимся на основе градостроительного плана. Оказывается, что политика конкурентного порядка и исходит из общего решения и осуществляет экономическое конституирование, иначе говоря, намеревается установить порядок. Но этот установленный порядок не противопоставляется историческому развитию. Систематически реализуя формы порядка, встречающиеся в действительности, и как бы подталкивая их к дальнейшему превращению в жизнь, этот порядок приближается к развившимся порядкам. Там, где будет реализован конкурентный порядок, спонтанные образования, например товарищества, изменения размеров предприятия и т.д. могут и должны происходить снизу. Забота проявляется лишь о том, чтобы не нарушался фундаментальный принцип порядка, скажем вследствие образования монополий. В отличие от установленного порядка, присущего централизованно управляемой экономике, подобные спонтанные образования не создаются по указанию сверху, а свободно реализуются отдельно взятыми людьми.

Большинство экономических порядков в истории человечества являются «развившимися» порядками. Они возникли без предварительной разработки определенного плана строительства. Политика *laissez-faire* также предполагала обеспечить свободное развитие экономических порядков. Ею руководила вера в то, что таким образом возникает достаточный, достойный человека порядок. В противоположность этому многие современные порядки, прежде всего порядки, присущие централизованно управляемой экономике, являются «установленными» порядками. Сравните, к примеру, экономический порядок в России после 1928 г. с порядком в Германии до 1914 г. Эти экономические конституирования, свойственные централизованно управляемому хозяйству, скорее противостоят историческому развитию и стремятся реализовать определенный разработанный план строительства.

«Конкурентные порядки» занимают промежуточное положение между этими двумя крайностями. Мы не изобретаем конкурентного порядка, а находим его элементы в конкретной действительности. Мы ни к чему не принуждаем, а способствуем раскрытию того, что наряду с другими формами имеет место в действитель-

ности. Мы пытаемся развить необычно сильные тенденции к полной конкуренции, которые мы находим в самой повседневной жизни. В ограниченном количестве форм порядка мы выбираем такие из них, которые оказываются приемлемыми. Планирование порядков происходит, следовательно, не в противоположность историческому становлению. Напротив, становление порядка происходит, когда принципы порядка выводятся из имеющих место исторических тенденций.

Своей политикой конкурентного порядка государство не навязывает экономического порядка. Оно лишь подает в выгодном свете то, что в противном случае было бы оттеснено на задний план другими тенденциями.

3. «Либеральный» и «неолиберальный»

Принципы экономической политики, изложенные в настоящей книге, иногда называются «либеральными» или «неолиберальными». Однако такое обозначение носит зачастую тенденциозный характер и неточно.

Тенденциозность проявляется в том случае, если противная сторона хочет сделать свою критику легким делом. Церковный или политический «либерализм» нажил себе немало недругов. В ряде стран этому слову придают также атеистический смысл или навешивают на него связи с определенными заинтересованными экономическими группировками. Вообще поток критики либерализма направляют теперь на конкурентные порядки и их теоретическую подготовку, причем никто особо не задумывается над этим. Этот метод критики не нов. Против него наряду с другими решительно и с полным основанием выступал *Кант*. После опубликования «Критики чистого разума» критики утверждали, что *Кант* представляет якобы «систему высшего идеализма», которую разработал еще *Беркли*. Новые идеи *Канта* были подведены под старое сектантское понятие. *Кант* резко протестует против этого в своих «ПРОЛЕГОМЕНАХ ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки». Он говорит о том, что всевозможные «измы» стоят наготове как «гробы для всех новых, еще не апробированных идей». Если есть желание критически разобраться с принципами конкурентного порядка, то необходимо избегать также того, чтобы укладывать эти идеи в такие гробы, чтобы без лишних рассуждений иметь возможность похоронить их. Равным образом следовало бы дать себе труд испытать собственную критику в рамках реалистического анализа экономики.

Но обозначение «либеральный» к тому же еще и *неточно*. Либералы XIX в. в большинстве случаев были сторонниками поли-

тики *laissez-faire*. Правда, они опирались при этом на великую традицию, однако некоторые из них были эпигонами. В общем и целом либерализм этого времени был только ветвью громадного дерева европейской культуры, с начала своего существования базирующейся на свободе, которая подвергалась опасности или деградировала вместе с исчезновением свободы. Новая историческая ситуация обязывает — и как раз напрашивается сама собой идея — отвлечь массивную угрозу свободе с помощью новых позитивных средств.

4. Конкурентный порядок и проблема власти

Существует «климакс» экономической власти, который нарастает со сменой формы порядка. Он начинается с формы рынка полной конкуренции. Затем следуют ступени олигополистической, частично монополистической и монополистической форм рынка. Кроме того, для масштабов экономической власти важное значение имеет эластичность предложения и спроса. Централизованно управляемая экономика с наличием частной собственности ведет к более высокой ступени концентрации экономической власти, которая достигает своего максимума в централизованно управляемой экономике с коллективной собственностью. Все эти случаи оказались действенными в реальности.

Политика конкурентного порядка решает эту проблему следующим образом. Она ограничивает экономическую власть путем разграничений, а именно по возможности разграничиваются, в частности, сферы повседневного хозяйствования и политико-государственной деятельности. Это один метод. Еще один метод, также находящий применение, заключается в том, что в рамках экономической сферы с развертыванием конкуренции происходит деконцентрация, препятствующая тому, чтобы сохранялись или вновь возникали позиции, дающие власть.

Экономическая политика конкурентного порядка, таким образом, и здесь становится полной противоположностью политике централизованного регулирования экономики или корпоративному порядку, которые намереваются преодолеть злоупотребления частной власти путем дальнейшей концентрации власти.

Хотя в рамках конкурентного порядка экономическая власть благодаря размежеванию таким образом по возможности ограничивается, тем не менее для его реализации необходимы определенные властные позиции. Не только центральный банк и другие органы, ответственные за обеспечение деньгами, должны обладать экономической властью, опирающейся на привилегии. Администрация предприятий также должна обладать соответствующим ав-

торитетом, чтобы, отдавая распоряжения, добиваться выполнения своих планов. Конечно, их экономическая власть в условиях конкурентного порядка ограничивается и контролируется, как правило, посредством конкуренции, а в особых случаях путем осуществления контроля за деятельностью монополий. Руководитель фирмы, являясь продавцом продуктов или покупателем, в том числе и рабочей силы, не должен обладать монополистической или частично монополистической властью, которая нарушает функцию конкурентного порядка. Между тем как раз потому, что предприятия должны подчиняться действию закона хозяйствования под давлением конкуренции, руководство не должно лишаться возможности разрабатывать хозяйственные планы предприятий, а также полномочий отдавать распоряжения. В противном случае пострадает четкость руководства предприятием. Предприятие теряет адаптационную способность, без которой конкурентный порядок не в состоянии функционировать. Тот, кто стремится к конкурентному порядку, не должен, следовательно, стимулировать принятие законодательных мер, делающих возможным подобное развитие.

Чтобы преодолеть дилемму экономической власти, необходимо совместно рассматривать и власть и порядок. Экономическая власть оправдана лишь до тех пор, пока она служит целям создания и сохранения конкурентного порядка. В экономическом порядке, при- сущем централизованно управляемому хозяйству, это положение в корне меняется: экономический порядок становится инструментом осуществления власти. Из этого следует: никто не должен обладать большей или меньшей экономической властью, чем это необходимо для реализации конкурентного порядка.

5. Данные

Тот, кто ведет хозяйство, действует в соответствии с планом. Глава домашнего хозяйства, руководитель предприятия составляют планы на дни, недели, годы. Они разрабатывают их на основе фактов, которые рассматриваются ими как данность. Каждое индивидуальное хозяйство строит свои планы на этих «плановых данных». Потребности домашнего хозяйства в продовольствии, одежде и т.д., размеры и характер оборудования предприятия, способности и знания рабочих являются такими данными. Но и цены на изделия, в которых нуждается предприятие, цены на сырье и полуфабрикаты, которые оно использует, являются для руководителя предприятия точно такими данными, как соответствующие цены являются данными для планов домашних хозяйств. Все эти величины,

на которых базируются подобные планы, являются плановыми данными индивидуального хозяйства.

С точки зрения экономики в целом планы индивидуальных хозяйств являются всего-навсего частичными планами. Но каждый отдельно взятый человек должен в каждом своем плане учитывать действия других. Средством, которое не только позволяет, но и заставляет делать это, в рыночном хозяйстве является механизм цен. С его помощью происходит координирование частичных планов в рамках единого целого.

Если теперь мы рассмотрим процесс координации индивидуальных цен с точки зрения не *индивидуального* хозяйства, а экономики *в целом*, то окажется, что цены теряют свое свойство данных. Их реализация как таковых представляет собой проблему, которую следует объяснять теоретически. Следовательно, необходимо отделять плановые данные индивидуальных хозяйств от тех данных, которые подобно потребностям и техническим знаниям являются также и общехозяйственными данными. Это отличие хорошо знакомо каждому руководителю предприятия, являющемуся практиком. Он усматривает, например, в технических знаниях, которые используются им на собственном предприятии, совершенно другую заданность, чем в ценах на свои продукты или на используемое им сырье, о которых он знает, что они отнюдь не являются абсолютно заданными.

Только шесть величин или, скорее, групп этих величин остаются постоянными данными в рамках общехозяйственного подхода, а именно потребности людей, дары природы и природные условия, рабочая сила, переходящие запасы производимых товаров, технические знания и, наконец, правовой и социальный порядок, который может задавать направление действиям хозяйственных субъектов и одновременно ставить их в определенные рамки. Эту последнюю характеристику следует понимать в широком смысле слова: в виду имеются не только законы, нравы и обычаи, но и тот духовный настрой, с которым люди живут и придерживаются определенных правил игры.

Общехозяйственные данные образуют границы экономического космоса. Они являются теми самыми величинами, к которым должна пробиться экономическая теория, решая свою задачу объяснения хозяйственной действительности. Теоретическое политико-экономическое исследование должно работать, имея дело с границей данных, если она вообще рассчитывает на успех. Но оно не видит ее четко очерченной или хотя бы слегка обозначенной другими дисциплинами, например социологией или историографией. Только работа над экономической проблемой позволяет определить эту границу. Собственная постановка проблемы как таковой и направленный анализ экономически значимых фактов неизбеж-

но подводят эту работу к условиям, от которых зависит экономический процесс. Рыночное хозяйство как единое целое словно увеличивается общехозяйственными данными, определяющими ход развития этого хозяйства. То же самое относится и к плановой системе централизованно управляемой экономики. «Повторяя сказанное выше, отметим, что общехозяйственными данными являются те факты, которые определяют экономический космос, причем сами они непосредственно не определяются экономическими фактами. На фактических общехозяйственных данных завершается теоретическое объяснение»¹.

Эти общехозяйственные данные, которые теоретики должны воспринимать как таковые, *лицо, осуществляющее экономическую политику*, не обязано воспринимать как заданные значения. Более того, для него они являются скорее наиболее приемлемыми отправными точками принятия им соответствующих мер. Хозяйственная политика в узком и широком смысле слова оказывает воздействие именно благодаря изменению данных. Разумеется, экономической политикой заданы границы воздействию общехозяйственных данных. Но ни одно из этих данных не может быть полностью свободным от влияния. Вмешательство человека в состоянии изменить даже климат страны. В большей мере это касается других факторов, например численности населения, его знаний и способностей и т.д. Самым обширным полем деятельности для экономической политики остается шестая группа данных — правовой и социальный порядок. Важнейшее искусство экономической политики — умелое обращение с разработкой и оформлением данных, прежде всего данных шестой группы. Основным правилом этого искусства должно стать не выделение данных индивидуальных хозяйств, а подготовка и оформление общехозяйственных условий применительно к экономике в целом. Акцент следует делать на то, чтобы уделять особое внимание интерdependенции всех экономических величин. Любое пунктуальное вмешательство пагубно. Поскольку данный общий процесс неизбежно вытекает из расположения данных и поскольку мы можем оказать на него существенное влияние, то мы несем ответственность за конечный результат. В противоположность этому механизм регулирования рыночного хозяйства не несет такой ответственности, ибо он, а точнее, механизм цен является нейтральным.

6. Окончательные выводы

Вначале мы подняли вопрос о том, возможно ли вообще в условиях идеологической борьбы руководящих слоев понимание доста-

¹ W. E u c k e n. «Grundlagen der Nationalökonomie», 1950, 6. Aufl., S. 156.

точного порядка для индустриализированной экономики. Имеется ли возможность разработать что-то иное, чем идеология, связанная с определенными интересами? Ставя этот вопрос, мы вплотную подошли к нашей задаче. Мы ответили на этот вопрос не *a priori* и не методологически, а в ходе работы над самим объектом.

Теперь в заключение мы можем ответить на вопрос, который не нашел вначале ни положительного, ни отрицательного ответа. В ходе анализа политико-экономической действительности последних полутора веков сформировались следующие *окончательные выводы*:

1. Оказалось, что из-за ограниченного количества форм порядка возможности решения также ограничены и для свободного парения духа нет необходимого пространства.
2. Последствия, вытекающие из реализации отдельных форм порядка, можно точно определить не только в том, что поддается точному определению, как в формах порядка протекает экономический процесс или окажется ли он равновесным или нет. Кроме того, поддается определению также интердепенденция порядков. Таким образом, можно предвидеть тенденции, которые возникают при реализации формы экономического порядка, необходимого для формирования общественного, государственного и вообще общего человеческого порядка.
3. Тем самым при выборе форм порядка можно избавиться от субъективности.

Что касается деятельности, связанной с экономической политикой, то выяснилось также следующее. До принятия отдельных мер экономической политики должна быть полная ясность относительно того, какое экономическое конституирование в общем необходимо осуществлять. Все акты экономической политики проводятся в жизнь с учетом общего экономического порядка. Независимо от того, идет ли речь о социально-политической, торгово-политической мере или иной мере политики порядков, каждый акт может совершаться в рамках политики, ориентированной на создание и сохранение определенного общего порядка.

Каким же образом должно приниматься общее решение?

Как оказывается, отнюдь не доктринерски на основе каких-либо идеологий. И в этом отношении экономическая политика должна обрести новый стиль. При принятии общего решения, мы повторяем это, следует осуществить выбор доминирующих форм порядка из ограниченного количества последних. Следовательно, общее решение должно приниматься не умозрительно, а реалистично.

Но как только общее решение будет принято, на его основе следует действовать последовательно вплоть до учета мельчайших деталей. Так, необходимо избегать всего того, что способно мешать функционированию цен как механизма регулирования экономического процесса, если только было принято общее решение об экономическом конституировании конкуренции.

Такие последовательные действия на основе опыта являются антиподом доктринерства. Действовать доктринерски — значит настаивать на своем вопреки тому, чему учит опыт. Однако последовательные действия являются целесообразными, обеспечивающими достижение поставленной цели. Только в них коренится предпосылка достижения успеха.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Августин 468
Адамс, У. 37
Аденауэр, К. 26
Амонн, А. 406
Антоний Пий 274

Бароне, Э. 116, 140, 152, 153, 164, 181,
189, 450
Бём, Ф. 21, 24, 35, 353, 388, 413, 428,
437
Бём-Баверк, О. 325, 390, 416
Бёнхазен 218
Беркли 470
Бисмарк, Отто фон 257
Брешианит-Туррони, К. 230
Брок, Дж. У. 37
Бруннер, Эмиль 442, 443
Буркхардт К.И. 284, 424
Буркхардт, Якоб 248
Буханан, Н.С. 179

Вальрас, Л. 315
Вебер, Макс 433, 434
Визер, Ф. фон 116, 162, 450
Вольф, Кристиан 444

Галер, Г. 352, 353
Гегель 275, 276, 283, 422, 452
Гельмгольц, Х. 302
Гервиний 436
Гесиод 258
Гестрих, Х. 341
Гёте, И. В. 23, 51, 68, 267, 281, 299, 457
Грехэм, Бенджамин 343

Грехэм, Франк 343
Гросманн-Дёрт, Х. 21, 384, 431
Гроций, 424
Гумбольдт, В. фон 425

Деннисон, С.Р. 311
Джевонс, Уильям Ст. 325
Дилтей, У. 282, 285
Дитце, Константин фон 25
Дитцель, Хайнрих 161
Дракер, П. Ф. 311

Евкес, Дж. 398

Зегер, Макс 25
Зомбарт, В. 282
Зонненфельс, Й. фон 257

Йеллинек, Г. 421
Йёр, В. А. 228, 230

Каит, Иммануил 23, 66, 68, 108, 243,
398, 404, 432, 455, 470
Канфора 252
Карнеги, А. 408
Кассель, Г. 230, 235
Кейнс, Дж. М. 80, 113, 208, 244, 309,
316, 324, 572, 444, 459
Кестнер, Ф. 96, 388
Кестлер, Артур 267
Кирхнер, Людвиг 23
Кляйн, Франс 394, 395

Кольбер 444
Конт, А. 223, 283 — 286, 288, 302, 439
Конфуций 272
Кронштейн, Х. 352
Кромпхардт, В. 228
Курно, А. 237
Кювье 464
Кюннг 230

Лампе, Адольф 25, 416
Ланге, О. 135
Лассаль, Ф. 420
Лебон, Ж. 68

Лейбниц, Готфрид В. 23
Ленин, В. И. 16, 113, 251, 287, 337
Лессинг, Готхольд Э. 23
Локк, Джон 424
Лутц, Фридрих А. 48, 179, 598
Лютер, Мартин 24

Майер, Карл Ф. 48, 184, 230
Майер, Ф. В. 373
Майнеке, Ф. 275
Макке, Аугуст 23
Марк Аврелий 274
Маркс, К. 5, 8, 14 — 19, 66, 81, 96, 100,
101, 201, 202,
259, 260, 270, 276 — 281, 285 — 288,
302 — 305, 311, 322, 328, 357, 391,
417, 436, 439
Мартии, Бернд 24
Мах, Е. 436
Менгер, Карл 160, 325
Мерк, Й. Х. 288
Месснер, Йохим 418
Меттерних, 237
Мизес, Людвиг фон 19
Микш, Леонхард 248, 253, 353, 387, 388
Милль, Дж. Ст. 161
Мирабо 357
Моль, Р. фои 103
Монтеи, Мишель де 23, 80
Монтескье, Шарль Луи 23, 424
Моцарт, Вольфганг Амадей 23
Муссолини 112

Наполеон 337
Ницше, Фридрих 24, 276

Ойкен, Вальтер 5, 7 — 41, 43 — 45, 47
— 49, 416, 437
Ойкен, Рудольф 20, 22

Ойкен-Эрдзик, Эдит 23, 25
Ортега-и-Гассет, Х. 274

Парето, В. 69, 162, 221, 285, 436, 440
Пигу 450
Платон 51
Поппер, Карл 23
Прайзер, Е. 398
Принс-Смит 284
Прюдон 66
Пуфендорф 424

Ранке 267, 436
Ратенау, В. 13, 208, 244
Рау, К. Х. 437
Рёнке, Вильгельм 24, 70, 179, 230, 366,
388, 395
Ридер, Е. 50
Рикард, Герхард 25
Рикардо, Дж. 151, 342
Риттер, Г. 422
Роббинс, Л. 235
Рокфеллер 408
Рузвельт 112
Руссо, Жан Жак 14, 24, 201, 216, 332,
357, 456
Рюстов, Александр 21, 264, 357

Саймоис, Генри К. 342, 353
Салин 223
Сенека 23
Сен-Жюст 456
Сен-Симон, Клод Анри (сеисимонисты)
14, 66, 223, 276, 277, 281 — 288,
302, 304, 305, 439, 457
Сениор 416
Сисмонди 66, 71, 81, 96, 303, 304, 372
Смит, Адам 14, 82, 83, 109, 269, 444,
451, 453
Сулави 281

Талейран 237
Токвиль, А. К. де 424
Трайчке, Х. 452
Трумплер, Х. 334 2
Тэн, Ипполит 67, 68, 409, 424
Тюнеи, Хайнрих фои 25, 416

Фома Аквинский 441
Фридман, Милтон 19
Фурие, Шарль 85

Хаберлер, Г. 398
Хайдеггер, Мартин 24
Хайек, Ф. А. 19, 23, 34, 35
Хайзенберг, Вернер 23
Харденберг, К. А. фон 445
Харт, А. 343
Хаусманн, Ф. 388
Хекшер, Е.Ф. 243, 286, 362
Хензель, К. Пауль 21, 48, 120, 208, 214, 403
Хорнигк, П.В. фон 230
Хуссерль, Эдмунд 23
Хух, Рикарда 23

Шелер, М. 459
Шиллер, Фридрих 23, 281, 466
Шмаленбах, Е. 304, 309
Шмёльдерс, Г. 390
Шмитт, К. 425
Шмоллер, Густав 259, 422

Шнабель, Франц 432
Шпенглер, О. 436
Шпильхоф 398
Штайн, Лоренц фон 25, 424
Штаккельберг, Х. фон 160, 230
Штаудингер, Герман 23
Штуккен, Р. 398
Штюльпнагель, В. 50
Шукман, фон 98, 99, 105
Шумпетер, Й. А. 25, 93, 162, 191, 193, 281, 282, 304, 319, 398

Эджворт, Ф. Й. 160
Эккерман 457
Энфантен 198
Эрхард, Людвиг 7, 22, 26

Юсти, Й. Х. Т. 237

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аваркия 299
Автоматизм, ценовой 83
Адаптационная способность 307—310, 319, 400, 472
Администрация, военная 26, 37
—, центральная 27, 28, 120, 132, 135, 136, 140, 145, 147, 149, 152, 154—157, 161—164, 171, 185, 200
Азия 253
Америка 96, 297, 390, 422
Анализ, морфологический 96, 118
—, теоретический 118, 119, 153, 155, 204
«Анархическая групповая борьба» 138
Англия 10, 11, 72, 76, 82, 105, 112, 115, 116, 153, 170, 174, 177, 211, 213, 238, 240, 291, 296, 300, 303, 332, 390, 399, 401, 419, 422
Аномалия предложения 392, 393
Антиномия 280
Антитезис 201, 202
Аппарат, административный 8, 9, 154, 221, 426
—, банковский 269, 293, 345, 454
—, государственный 15, 80, 383, 424
—, производственный 57, 87—94, 149, 167, 168, 172, 173, 177—180, 185, 188, 202—207, 232, 236, 286, 307, 309, 310, 315, 354, 373, 376, 385, 386, 405, 406
—, промышленный 119, 307, 316
—, технический 93, 94
—, экономический 27
—, платежный 237—239, 271, 338, 342, 405
Бельгия 327, 373
Билетаризм 299
Бразилия 42
Бреттон-Вудс 240
Бюджет, государственный 5, 208, 271, 372
Бюрократия 220, 246, 419, 460
—, государственная 220
—, социальная 220
—, хозяйственная 220
Великобритания 11
Власть 11, 66, 70, 71, 98, 119, 136, 164, 193, 204, 207, 219, 220, 242, 244, 248—252, 263, 317, 318, 321, 323, 339, 355, 357, 361, 366, 379, 389, 391, 428, 429, 453, 459, 466, 471, 472
—, анонимная 367
—, государственная 31, 36, 194, 298
—, законодательная 426
—, политическая 13, 24, 30, 119, 130, 220, 221, 323
—, социальная 303
—, судебная 426
—, частная 106, 108, 246, 248, 251, 361, 409
—, экономическая 13, 24, 27—29, 31—33, 35, 36, 130, 164, 242—249, 257, 303, 310, 323, 358, 359, 364, 378, 381, 383, 415, 471, 472
«Военный коммунизм» 11, 112
Восточная Азия 101
Восточная Германия 73, 205
Восточная Европа 22, 23, 37, 39, 41, 42, 46
- Баланс, количественный (Баланс, натуральный) 121, 123, 138, 139, 143, 185, 186

- Выбор, политический 5
 —, экономический 5
 Выгода, частная 324
- Германия 10, 11, 18, 22—27, 31, 33, 46,
 61, 62, 72, 73, 76, 82, 84, 90, 96,
 102, 105, 112—119, 130—138, 141—
 158, 166, 170, 171, 176—184, 209,
 212, 214, 215, 283, 290—296, 300,
 314, 317, 327, 332, 333, 338, 348,
 356, 362, 368, 375, 376, 379—381,
 397—401, 422, 425, 447, 467, 469
- Гипостазирование 282
- Голландия (Нидерланды) 112, 115, 170,
 177, 178, 200, 373
- Группировки, властные 13, 28, 31, 38,
 69, 124, 155, 160, 168, 194, 195, 215,
 216, 226, 228, 240, 243—248, 255—
 257, 260, 263, 268, 270, 279, 294,
 299, 310, 321, 325, 347—351, 380,
 393, 420—422, 427—431, 435, 439,
 440, 456
 —, политические 69, 70
 —, экономические 24, 68, 70, 339
- Групповая анархия 98, 138, 244, 321,
 418, 420, 422
- Групповой анархизм 215
- Групповой эгоизм 244
- Дания 373
- Демократия 29, 35, 41
 —, экономическая 427, 428
- Демпинг 176, 383
 —, экономический 40
- Дефляция 241, 294, 338, 339, 343—347,
 405, 454
- Диспропорциональности 172, 375, 400,
 402
- Догматика, правовая 377, 397
- Доходы, предельные 140, 143
- Европа 65, 72, 81, 178, 251—254, 373,
 429
- Закон Госсена 140
- Закрытие рынков 348, 349, 407
 —, спроса и предложения 347—353
- Замораживание цен 132, 134
- Западная Германия 7, 18, 230, 463
- Западная Европа 22, 42, 173, 279
- Защищенность 191, 192, 211, 219, 267
- Издержки, предельные 88—90, 94, 97,
 125, 126, 231, 385
- Империализм 282
- Инвестиции (Вложения капитала, капи-
 таловложения) 144—153, 163—166,
 170, 177—179, 183, 184, 188—190,
 193, 204, 205, 211, 212, 226, 234—
 236, 283, 313, 315, 337, 340, 341,
 347, 349, 365—368, 372—377, 390,
 400, 401, 429, 438, 445, 461
- Индия 45
- Индустриализация 68, 69, 76, 78, 81,
 82, 100, 101, 116, 173, 182, 210, 219,
 227, 239, 249, 250, 254, 255, 258,
 268, 269, 284, 287, 299, 305, 320,
 321, 335, 340, 348, 361, 365, 410
- Индустриализм 6, 65, 66, 95, 303
- Интервенционизм 31, 67, 81, 453
- Интердепенденция порядков (Интерде-
 пенденция явлений, актов) 35, 36,
 58, 59, 102, 159, 166, 253—259,
 268, 297, 299, 315, 335, 344, 359,
 360, 377, 394—398, 404, 414, 415,
 425—427, 434, 439, 442, 443, 451,
 474
- Интерес, индивидуальный экономиче-
 ский 12, 13, 447—464
 —, общий экономический 12—14,
 447—464
- Инфляция (Инфляция, открытая) 338,
 339, 342—345, 401, 405, 410, 443,
 444
 —, подавленная 171, 184, 222, 261,
 291, 293—296, 299, 338, 443
- Италия 178, 215
- Капитализм 8, 31, 33, 53, 67, 70, 78, 81,
 105, 117, 170, 188, 190, 272, 275,
 278, 281—283, 288, 301, 318, 322,
 373, 413, 440, 456
- Китай 6, 22, 116
- Кодификация 80
- Коллективизм 466
- Комбинирование капитала 151
 —, производства (Комбинирование
 средств производства) 131, 162,
 355
 —, рабочей силы 151, 162
- Коммунизм 16, 18
- Конкуренция 12, 15, 29, 34, 39, 40, 43,
 77, 84, 85, 88, 91, 94, 97, 99, 106,
 109, 116, 117, 151, 152, 155, 202,
 215, 232—235, 237, 240—245, 303—
 320, 326—330, 341, 347, 349, 355,
 356, 359—362, 372, 378, 381, 385—

- 387, 392, 398, 405—408, 411, 418, 460, 468, 471
- , добросовестная 30, 34, 97, 98, 328, 360
 - , навязанная 387
 - , недобросовестная 30, 40, 97, 328, 350, 384, 388
 - , полная 9, 28, 29, 32, 34, 35, 75, 80, 82, 96, 101, 102, 118, 129, 138, 151, 157, 164, 202, 203, 266, 273, 292, 304, 317, 325, 329, 334—336, 349, 352, 354, 358, 363—366, 378, 384—392, 405, 435, 468, 469, 471
 - , предложения 87
 - , результатов 29, 30, 33, 34, 38, 39, 97
 - , свободная 225, 241—243, 362
 - , совершенная 34, 304, 307, 328
- Конституирование, валютное 339
- , государственное 196
 - , домашнего хозяйства 410, 411
 - , конкурентного порядка 349, 363—366
 - , предприятия 411—413
 - , рынка рабочей силы 413—416
 - , труда 410
 - , экономическое (Конституирование, хозяйственное) 22, 32, 34, 196, 301, 336, 350, 362, 364—368, 376, 397, 412, 420, 469
- Контракция, промышленная (Контракция, производственная) 102, 103, 153
- Концентрация бизнеса 310—314
- , власти 28, 30, 35, 36, 46, 194, 218, 247, 248, 252, 323, 358, 414, 428, 471
 - , промышленности (Концентрация производства) 251, 352, 366, 367, 377, 381
- Корысть 444, 445, 448, 461
- Латинская Америка 36
- Либерализм 470
- Ликвидность 181, 182, 340, 445, 454
- Марксизм 5, 17
- , вульгарный 5
- Международный банк реконструкции и развития (МБРР) 41—43
- Международный валютный фонд 41, 42
- Мексика 42
- Меркантилизм 4, 80, 85, 286, 348, 431, 444, 452, 455
- , экономический 12, 152
- Механизм конкуренции 304, 348, 358, 364
- , регулирования 87, 102, 134, 141, 210—212, 235, 242, 258, 261, 268, 273, 294, 300, 366, 401, 402
 - , рыночный 43, 132, 452
 - , ценовой (Механизм цен) 28, 30, 32, 44, 59, 87, 95, 97, 102, 103, 110, 111, 128, 132, 136, 141, 152, 156, 164, 177, 203, 212, 222, 227, 229, 233, 239, 240, 335—338, 341, 343, 351, 358, 367, 375, 379, 389, 391, 400, 402, 405, 461, 472, 474
- Минимальный уровень снабжения 148, 151, 152, 165, 189
- Монополизм 12, 15
- Монополия 9, 21, 61, 75, 84, 85, 91—101, 105—109, 116, 117, 137, 153—156, 164, 167, 215, 219—221, 229, 234, 235, 245, 247, 257, 262, 272, 290, 297, 299, 304—307, 312, 315, 317, 326, 328, 331, 336, 349, 351, 359, 360, 364, 370, 377—388, 391, 395, 400, 415, 418, 451, 453, 463, 469
- , государственная 247, 381
 - , двусторонняя 9, 75, 98, 101, 156, 160, 161, 216, 244, 292, 295, 325, 382, 400, 435
 - , индивидуальная 75, 88, 90, 94, 352, 387
 - , коллективная 75, 88—91, 94, 169, 387
 - , патентная 353
 - , покупателя 306, 361, 365
 - , полная 419
 - , предложения 9, 75, 379, 385, 435, 461
 - , продавцов 64, 82, 84, 87, 89, 119, 363, 365
 - , работодателей 84
 - , спроса 9, 75, 190, 461
 - , торговая 33
 - , частная 28, 75, 85, 101, 108, 156, 157, 164, 220, 229, 262, 290, 295, 325, 328, 330, 380—382, 400, 419
 - , частичная 247
- Морфология, научная 72, 77, 78
- , экономическая 328

- Накопление 144, 150, 163—165, 172, 189, 211, 278, 341, 390, 400, 410, 436, 445, 446
 - , капитала 16
 - , принудительные 93
- Натурализм 278
- «Недозанятость» 173
- «Недоснабжение» 173
- Нестабильность, монетарная (Нестабильность, валютная) 340, 341, 346
- Новая экономическая политика (нэп) 112, 436
- Новый курс Рузвельта 112
- Норвегия 200
- Нормирование 64, 136, 137
- Обезличивание 61, 68
- Обмен 149—163, 179, 228, 262, 401, 413
 - , международный 401
- Общее благо 444—448
- Огосударствление 246, 247, 261, 380—382, 408, 423
- Олигополия 9, 28, 39, 75, 77, 82, 84, 91, 97, 105, 156, 157, 164, 221, 229, 272, 306, 312, 315, 325, 352, 386, 387, 435
 - , покупателей 306
 - , предложения 400
 - , торговая 33
 - , частичная 75, 387
- Организация Объединенных Наций (ООН) 41—44
- Ответственность 365—375
- Открытие рынков 350, 377
 - , спроса и предложения 349
- Отрицание свободы 280
- План Грехэма (Система «товар — резервы — валюта») 343—347, 395
- План Маршалла 27, 429
 - , субсидиарный 141, 144
- Планирование, централизованное 121, 136, 137, 183, 186, 194, 196, 200, 214, 223, 296, 298, 316, 318, 319, 402, 425, 426, 456, 459—461
- Планы, центральные 10, 131, 168, 194
- Позитивизм 14, 278, 282—285, 300, 435
- Позиции, властные 203, 204, 379, 383, 407, 408, 471
- Политика, аграрная 61, 62, 67, 226, 298, 331, 332, 396, 437
 - , антимонопольная 333, 334, 386
 - , антитрестовская 32
 - , банковская 334
- , валютная 67, 134, 270, 334, 337—347, 374, 396, 399, 401, 404, 437
- , внешнеторговая 334, 396
- , денежная 26, 33, 136, 181, 182, 222, 241, 242, 337—343, 401, 404
- , дисконтная 341
- , занятости (Политика обеспечения полной занятости) 208—213, 226, 238, 295, 300, 336, 339, 341, 390, 399, 403, 415, 445, 460
- , интервенционизма 30, 84, 220
- , конкурентного порядка 336, 378, 387, 393—395, 469, 471
- , конъюнктурная 260, 336, 396—403, 445
- , кредитная 61, 271, 341, 342, 345, 346, 404
- , *laissez-faire* 10, 30, 79—84, 104, 109—112, 115, 194, 208, 213, 220, 225, 243, 247, 266, 267, 278, 294, 295, 322, 327, 335, 336, 350, 362, 365, 403, 452—455, 458, 460, 469
- , налоговая 257, 374, 387, 390
- , открытого рынка 341, 343
- , патентная 257, 332, 350, 353, 387, 395
- , порядков 22, 32, 37, 43—46, 51, 65, 82, 105, 299, 304, 320, 322, 331—334, 338, 350, 353, 359, 366, 385, 401—406, 410, 413, 414, 419, 423, 424, 432, 435, 443, 461—463, 467
- , правовая 257, 301, 370, 380, 394—396, 432
- , протекционизма 84
- , распределения 64, 65
- , сословного порядка 214—219
- , социальная 226, 260, 264, 265, 361, 403—416, 437, 460
- , таможенная 81, 84, 350, 354
- , торговая 61, 67, 87, 108, 226, 247, 270, 317, 332, 333, 351, 374, 378, 379, 387, 395, 399, 401, 420, 421, 437
- , финансовая 271, 341, 390, 399
- , экономическая 13, 22, 26, 29, 31, 40, 61—65, 67—73, 78—86, 94, 97, 98, 102, 109—116, 130, 133, 166, 169—183, 242, 245, 249, 257—260, 264, 267, 269—272, 279—303, 317—338, 347, 349, 353, 354, 360, 365, 370—380,

387, 392, 394—400, 404, 412, 415, 417—420, 422, 425—431, 434, 437—439, 444, 446, 450, 452, 455, 464, 468, 471—475

Порядки, нестабильные 272—274

- , установленные 468, 469
- , частичные 62, 66, 269, 272, 292, 295, 298

Порядок, валютный 339

- , государственный 35, 36, 68, 80, 193, 200, 256, 297, 359, 420, 424—431, 435, 468, 475
- , денежный 182, 229, 240, 241, 266, 295, 302, 325, 335, 341, 343, 366, 379, 430
- , естественный 468, 469
- , конкурентный 22, 32—34, 37—40, 43, 45, 215, 217, 218, 234, 241, 254, 274, 321, 325, 327, 331—341, 343, 351, 353, 354, 359, 360, 379—385, 388—392, 415, 419, 431, 441—443, 459—463, 469—472
- , корпоративный 112, 248, 272, 471
- , общественный 35, 68, 217, 254, 257, 262, 359, 377, 441, 464, 468, 475
- , общий (Порядок, совокупный) 63, 102, 103, 200, 238, 268, 274, 411, 412
- , позитивный 468
- , правовой (Правопорядок) 34, 79, 107, 108, 168, 199, 256, 297, 365, 377, 433, 451, 459, 468, 473, 474
- , профессионально-сословный (Порядок, сословный) 218, 30, 442, 460
- , свободный 99, 200, 249, 415, 425, 465, 466
- , социальный 223, 473, 474
- , экономический (Порядок, хозяйственный) 9, 12, 26—28, 31—37, 57—68, 73, 76—82, 103—106, 108—111, 115—120, 137—146, 164—167, 171—176, 180, 182, 184, 186—192, 194, 198, 200, 203—210, 214—217, 220—223, 232, 234, 236, 241, 246, 253—262, 268—275, 287, 292, 295, 297—303, 315, 316, 322—331, 347, 353—367, 372, 375—380, 394—411, 416—435, 438—441, 448, 456, 464—472, 475

Правовое государство 29, 31, 35—37, 103—105, 108, 194—197, 200, 248, 256, 323, 330, 331, 397, 424, 435

Предельная полезность 140

Примитивизация экономики 173, 228

Принцип издержек 230, 236, 405

- , конкуренции 240, 243
- , неизменности 333
- , предельных издержек 231—234
- , равенства 202
- , разделения властей 334
- , свободы 192, 377
- , субсидиарности 441, 442
- , экономической политики 298
- , экономического регулирования 230
- , юридической ответственности 366, 370

Принцип и момент 331—335

Принципы, конституирующие 45, 335, 376—378, 386, 388, 394, 397, 402, 405, 406

Продукт, социальный 64, 65, 153, 389, 406—408

Протекционизм 176

- , внешнеторговый 38

Пруссия 296

Равновесие 88, 90, 97—101, 110, 139—141, 144, 150, 160, 172, 174, 182, 183, 187, 211, 221, 222, 226, 232, 236—239, 242, 273, 274, 304, 339—341, 345, 358, 363, 385, 393, 403, 414, 423, 435, 452

- , количественное 139
- , народнохозяйственное (Равновесие, общехозяйственное) 140, 143
- , неустойчивое 37, 160, 244, 324
- , общее 83, 88, 89, 95, 101, 102, 232, 238, 239, 304, 349, 401
- , статистическое 143
- , частичное 140
- , экономическое 10, 139

Разделение властей 35, 36, 430

- , полномочий и ответственности 368
- , труда 162, 178, 181, 202, 209, 210, 219, 226, 228, 232, 235, 255, 258, 269, 299, 300, 327, 398, 408, 409, 413, 422, 447, 462
- , —, международное 177—180, 324

Распределение 63—65, 83, 98, 126, 141, 149—157, 163, 164, 168, 190, 201—

- 204, 222, 260, 261, 264, 266, 290,
321, 326, 389, 390, 407, 451
- Расчет издержек 88, 120, 126—130, 154,
165, 171, 176, 188, 230—235, 338,
366, 385, 408
- , количественный 125, 136, 186
 - , прибылей 130, 131, 165
 - , рентабельности 87
 - , себестоимости 229
 - , стоимости (Расчет, стоимост-
ной) 126, 185, 186
 - , убытков 131, 165
 - , экономический (Расчет, хозяйст-
венный) 86, 95, 125, 129, 131,
143, 144, 154, 165, 184—187,
227, 229, 233—235, 238, 287,
338, 354, 391—393, 405, 460
- Рационализация 137, 386
- Рационарование 64, 165, 222, 292, 294,
296, 303, 421, 426
- Регулирование 6, 57, 59—62, 71, 83, 87,
93, 110, 116—120, 123, 125, 126,
131, 135—138, 142, 144, 149, 162—
165, 168, 172—176, 210, 211, 215,
219, 222—227, 229, 255, 269, 292,
296, 323, 325, 335, 337, 339, 341,
347, 349, 356, 367, 377, 387, 391,
399—402, 412, 413, 418, 423, 426,
427, 430, 464
- , государственное 6, 15, 16, 44, 65
 - , капиталовложений 226, 229
 - , производства (Регулирование
производственного процесса)
129, 156, 189, 203—205
 - , централизованное 136, 138, 140,
158, 164, 169, 175, 182, 183,
187, 208, 264, 266, 267, 275,
279, 291, 292, 315, 324, 331,
338, 354, 356, 408, 414, 461
 - , экономики (Регулирование, эконо-
мическое) 24, 27—31, 61, 65,
94, 113, 130, 151, 163, 173, 185,
192, 194, 202, 227—232, 254—
257, 269, 335, 340, 347, 351, 354
 - , экономического процесса (Регу-
лирование хозяйственного про-
цесса) 52, 56—66, 72, 78, 84,
88, 130, 131, 138, 140, 152, 153,
165, 173, 179, 180, 183, 187,
192, 196, 198, 201, 202, 207,
210—213, 216, 219—230, 234,
246, 252, 254, 258, 261, 264,
304, 305, 322, 323, 325, 326,
330, 335—338, 354, 363, 367,
377, 405, 418, 423, 426, 429,
431, 439, 443
- Релятивизм 436, 439
- Реформа, валютно-финансовая 26
- , денежная 7, 182
 - , рыночная 7
 - , экономическая 12
- Россия 6—12, 15, 72, 113, 115—119,
143, 153, 155, 169—172, 179, 182,
200, 205, 207, 221, 224, 284, 296,
314, 396, 426, 469
- «Ротация элит» 221
- Рынки, закрытые 349, 405
- , замкнутые 78
 - , открытые 78, 347—353
- Рынок влияний и взаимных услуг 10
- , капиталов 172
 - , колхозный 10
 - , рабочей силы 66, 172
 - , ссудных капиталов 172
 - , товарный 66
- «Рыночный ревизионизм» 13
- Свобода 103, 109, 191, 192, 198, 200,
202, 208, 225, 247, 249—252, 274,
280, 288, 289, 296, 299—302, 331,
341, 358, 392, 408, 409, 415, 424—
426, 432, 452, 455, 459, 453—466,
470
- , выбора профессии 347
 - , духовная 199
 - , заключения договоров 195, 243,
247, 250, 326, 360—364, 378,
394, 406, 407
 - , занятия промыслом 195, 250,
256, 284, 350, 326
 - , критики 199
 - , личности 192, 196, 197, 200
 - , мышления и образования 194,
197, 199, 200
 - , образования и полнзъявления
199
 - , планирования 392, 426
 - , собственности 104
 - , социальная 188
 - , экономическая 26, 27, 188
- Северная Америка 37
- Симметризм 343
- Система, банковская 341
- , валютно-финансовая 209, 339,
346
 - , денежная 9, 75, 76, 81, 83, 103,
110, 111, 116, 117, 156, 173, 176,
237, 267, 272, 274, 327, 341,
344, 358, 405, 453
 - , кредитная 341
 - , рационирования 134

- , регулирования 150, 170, 176, 177, 180, 184, 190, 199, 225, 227—231, 235—239, 413
- , таможенная 351
- , финансовая 337
- , хозяйственная (Система, экономическая) 7, 9, 407
- Слои, правящие (Элита) 65, 66, 69—71, 119
- Слой, руководящий 13, 16, 69, 70, 138, 206, 207, 220, 254, 262, 269, 279, 318, 354, 407, 332, 456, 460
- Собственность, государственная 16
 - , коллективная 12, 100, 117, 167—169, 185, 201—207, 263, 264, 354, 357, 359, 368, 408, 471
 - , общественная 14, 202, 259
 - , частная 16, 30, 33, 100, 166, 168, 169, 201, 202, 205—207, 246, 259, 278, 354—360, 367, 378, 407, 408, 471
- Социализм 8, 11, 53, 67, 70, 117, 185, 190, 193, 272, 298, 322, 455
- Социальная зависимость 323
 - , защищенность 98, 103, 191, 216, 399, 410
 - , надежность 51
 - , напряженность 81
 - , обеспеченность 408, 409
 - , справедливость 51, 170, 191, 201, 257, 389, 406—408
 - , структура 205, 206, 413
- Социальное неравенство 357
- Социальный вопрос 259—267
- Способность, покупательная 65, 134, 162, 182, 203, 232, 233, 271, 389
- Структуры, властные 155, 190, 244—248, 250—254, 267, 300, 302, 359, 364, 379, 380, 406, 420, 421, 424, 427
 - , общественные 65
- СССР 11, 176
- США 6, 19, 27, 32, 37, 82, 112, 240, 307, 327, 332, 380, 394, 396, 399, 419
- Теория денег 433
 - , органов 369
 - , полной занятости 309
 - , порядков 22, 46
- Технизация 61, 68, 250, 258, 277
- Товарообмен, натуральный 73, 76, 115, 173, 174
- Торговля, международная 174—179, 228, 236—239, 241, 299
- Унификация 136, 137
- Управление, централизованное 8, 11, 12, 111—114, 116, 118, 119, 125, 129, 130, 133, 135, 142, 143, 168, 170, 173—200, 204—208, 212, 218—225, 255, 266, 321, 323, 402, 456
- Урбанизация 66, 68
- Филиппины 42
- Формы порядка 305, 314—316, 322, 323, 327, 363, 406, 449, 469, 474
- Формы рынка (Формы, рыночные) 10, 13, 325, 327, 329, 335, 336, 348, 353, 357, 358, 363, 366, 383, 418, 443, 471
 - , хозяйствования 322
 - , экономические 10, 317, 360, 363, 364, 453, 465
- «Фрайбургская школа» 26, 32, 36
- Франция 10, 72, 82, 112, 177, 178, 194, 213, 296, 300, 332, 393, 396, 419, 421, 422, 430, 439
- ФРГ 26
- Хозяйство, денежное 66
 - , домашнее 9, 59, 64—66, 72—79, 82, 86, 94, 95, 100, 103, 110, 115, 117, 120, 134, 139—144, 163—165, 179—185, 192, 209, 216, 219, 227—233, 254, 264, 266, 273, 307, 322—330, 360, 363, 365, 378, 389, 391, 410, 411, 421, 426, 446—454, 460—463, 472
 - , индивидуальное 73, 74, 83, 95, 110, 118, 129, 139—141, 162, 209, 229, 376, 391, 412, 447, 449, 453, 460, 472—474
 - , индустриальное (Хозяйство, индустриализированное) 142, 232, 300, 325, 336
 - , конкурентное 10
 - , натуральное 9, 161, 227
 - , общее 180, 300
 - , плановое 5, 6, 10, 42
 - , рыночное 6, 9, 22, 29, 32, 36, 72, 74, 76, 77, 82, 118, 120, 139, 144—147, 156, 161—165, 170, 176, 228, 232, 256, 323, 341, 363, 370, 407, 409, 473, 474
 - , семейное замкнутое 52, 53, 64, 254, 462
 - , собственное натуральное 52—60, 73, 74, 91, 92, 100, 143, 150,

173, 174, 254, 373, 274, 327,
410, 413, 447, 462

- , централизованно управляемое 8,
10, 73, 74, 153, 165, 180, 206,
256, 274, 279, 289, 327, 330,
331, 395, 396, 469, 472

Ценообразование 326

Централизация власти 218

Централизм 11, 13, 419

- , государственный 298

Церковь 440—443

Черный рынок 27, 142, 294, 338, 413

Чикагский план 342, 343, 346

Чили 42

Чрезвычайный фонд помощи детям при
ООН (ЮНИСЕФ) 42

Швеция 112

Шкала, международная расчетная 177—
179

Шри-Ланка 42

Экономика, военная 11, 315, 425

- , индустриальная (Экономика,
индустриализированная) 57—
60, 64, 66, 70, 76, 82, 85, 110,
114, 181, 212, 219, 226, 249,
252, 279, 301, 304, 305, 321—
324, 331, 340, 344, 347, 360,
398, 401, 422, 425

—, коллективистская 161, 164

—, конкурентная 235, 358, 405—414

—, корпоративная 112

—, плановая 26, 32, 67, 80, 275

—, рыночная 13, 30, 73, 77, 128,
161, 395, 396, 407, 428

—, свободная 30, 31, 322, 423

—, централизованно управляемая 8,
9, 11, 13, 14, 26, 28—31, 38, 42,
59, 74—77, 113—121, 123—125,
128—130, 134, 137—180, 184—
188, 196, 213—215, 220—224,
228, 229, 234, 235, 240, 241,
246, 254, 256, 262, 263, 273,
274, 278, 279, 288, 290, 292—
297, 302, 315, 322, 324, 326,
337, 341, 356, 362, 363, 367,
372, 388, 395, 396, 399, 401,
403, 407, 411, 413, 433, 439,
443, 456—463, 466, 469, 471,
473

Экономическая защищенность 63

Экономический либерализм 105

Экспансия денежной массы 222

—, кредитная 212, 291, 292, 295,
336, 339—342, 345, 372, 400

—, экспортная 75

Эксперименты 169, 170, 181, 184, 188,
191, 194, 200, 212, 219, 221—224,
243—246, 260, 267, 288, 321, 322,
335, 365, 374, 399, 402, 417, 430

Юго-Восточная Азия 36

Южный Баден 127, 157

СОДЕРЖАНИЕ

«ВАЛЬТЕР ОЙКЕН, КАРЛ МАРКС И МЫ, МАРКСИСТЫ» (Вступительная статья)	5
Предисловие к русскому изданию	22
Предисловие	47
Информация к изданию	50

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПРОБЛЕМОЙ ПОЛИТИКИ ПОРЯДКОВ	51
---	----

Глава I

О поставленной задаче	51
I. Регулирование экономического процесса	52
II. О социальном вопросе	63
III. Взаимосвязь между экономикой и политикой	65

Глава II

Обезличивание индивидуальности, борьба за власть, идеологии	68
---	----

Глава III

Мышление категориями порядков	72
---	----

КНИГА ВТОРАЯ

ОПЫТ И КРИТИКА	72
--------------------------	----

Глава IV

Экономическая политика <i>laissez-faire</i>	79
I. Ее теории	79
II. Формы рынка. Проблема монополий	84

А. Регулирование экономического процесса	84
Б. Распределение и социальная защищенность	98
В. Правовое государство. Свобода	103
III. Выводы	109
 Глава V	
Экономическая политика экспериментов	111
 Глава VI	
Политика централизованного управления экономическим процессом	115
 Глава VII	
Экономический процесс в централизованно управляемой экономике (Теория централизованно управляемой экономики)	118
Первый раздел: общий характер экономического процесса	120
I. Как функционирует центральная администрация	120
II. Система регулирования	125
III. Роль цен	130
IV. Некоторые выводы	136
V. Дополнение	141
Второй раздел: отдельные стороны экономического процесса	144
I. Инвестирование и накопление	144
II. Производство и распределение	151
III. Монополия и централизованно управляемая экономика	153
IV. Международная торговля	156
Третий раздел: заключение	161
I. Сопоставление с рыночным хозяйством	161
II. Коллективная собственность	167
 Глава VIII	
Экономическая политика централизованного управления. Критика	169
I. Система регулирования	169
А. Конъюнктура и занятость	169
Б. Международная торговля	173
В. Проблема равновесия	179
Г. Проблема хозяйственного расчета	184
II. Социальный вопрос	187
III. Противовесы	192
А. Правовое государство	193

Б. Свобода мышления и образования	196
IV. Коллективная собственность и социальный вопрос	200
Глава IX	
Экономическая политика среднего пути	207
I. Политика обеспечения полной занятости	207
II. Политика частично централизованного управления экономическим процессом	212
III. Политика сословного порядка	213
Глава X	
Экономическая политика экспериментов. Итоги	218
КНИГА ТРЕТЬЯ	
СВОБОДА И ПОРЯДОК	225
Глава XI	
Еще раз о проблеме	225
Первый раздел: некоторые выводы	225
I. Проблема регулирования. Система регулирования: ошибки и возможности	225
А. Изложение проблемы	225
Б. Ошибки прошлого	227
В. Расчет издержек	230
Экскурс: что означают издержки в системе регулирования народного хозяйства	230
Г. Хозяйственный расчет в условиях конкуренции, существования монополий и в централизованно управляемой экономике	234
Д. Критерии проблемы регулирования	236
II. Проблема равновесия	236
III. Проблема международного порядка	239
IV. Проблема экономической власти	242
V. Свобода и власть	249
Второй раздел: интердепенденция порядков	253
Третий раздел: социальный вопрос	259
Четвертый раздел: причины краха	268
I. Деградация мышления	268
II. Нестабильные порядки	272
Глава XII	
Миф о неизбежности развития	275

I. Введение: идеи	275
II. Противоречия	281
III. Основные формы мышления категориями экономической политики	285
Глава XIII	
Исторический факт. Вывод для экономической политики	289
I. Вопрос	289
II. Ответ	290
III. Задачи экономической политики	294
IV. Непосредственные выводы для политико-экономических действий	297
V. Заключение	299
Глава XIV	
Техника, концентрация и экономический порядок	303
I. Господствующая точка зрения	303
II. Техника усиливает конкуренцию	305
III. Концентрация бизнеса, но не предприятий	310
IV. Влияние форм порядка на размеры предприятия	314
V. Борьба с конкуренцией	316
VI. Выводы для науки и экономической политики	318
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	
КОНКУРЕНТНЫЙ ПОРЯДОК И ЕГО СТАНОВЛЕНИЕ	321
Глава XV	
Политика конкурентного порядка. Введение	321
I. Сложившаяся ситуация. Новые посылки	321
II. Решение	322
А. Возможность	322
Б. Что такое конкурентный порядок?	326
III. «Принцип» и «момент»	331
Глава XVI	
Политика конкурентного порядка. Принципы конституирования	335
I. Основной принцип	335
II. Примат валютной политики. Политико-валютный стабилизатор	337
III. Открытые рынки	347
IV. Частная собственность	354
V. Свобода заключения договоров	360

VI. Ответственность	365
VII. Нензменность экономической полтнки	372
VIII. Едннство конституирующих принципов	376

Глава XVII

Политика конкурентного порядка. Регулирующие принципы	378
I. Проблема монополий в конкурентном порядке	378
II. Политнка в областн доходов	389
III. Экономнческий расчет	391
IV. Аномалня предложения	392

Глава XVIII

Политика конкурентного порядка. Интердепенденция политики экономического порядка	394
I. Интердепенденция	394
II. Конъюнктурная полтнка	398
III. Соцнальная политнка	403
А. Предварительные замечания	403
Б. Политнка экономического порядка как соцнальная политнка	405
В. Особая соцнальная политнка	409

КНИГА ПЯТАЯ

НЕСУЩИЕ СИЛЫ	417
--------------------	-----

Глава XIX

Силы, устанавливающие порядок	417
Пер в ы й раздел: государство	417
I. Вопрос	417
II. Деятельность и авторнтет государства	419
III. Интердепенденция экономического и государственного порядков	425
IV. Государственно-политические принципы экономнческой полтнки	427
V. Итог	430
Второй раздел: наука	431
Третий раздел: церковь	440

Глава XX

Корысть, экономнческий принцип и общее благо	444
I. Спорный вопрос	444
II. Проблемы в действительности	446
III. Предварительная формулировка проблемы	449

IV. Индивидуальный интерес и общий интерес	449
А. Конфликт	449
Б. Критика политики <i>laissez-faire</i>	451
В. Индивидуальный и общий интерес в централизованно управляемой экономике	456
Г. Органы самоуправления и альтруизм	459
Д. Конкурентный порядок	460
Е. Координация индивидуального и общего интересов как задача политики порядков	462
Заключение	464
 Приложение	
Основные вопросы теоретической дискуссии	468
Именной указатель	478
Предметный указатель	481

Вальтер Ойкен

**ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Редактор *Ю.И. КУКОЛЕВ*
Художественный редактор *В.К. КУЗНЕЦОВ*
Технический редактор *Е.В. ЛЕВИНА*
Корректор *И.В. ЛЕОНТЬЕВА*

ИБ № 19651

ЛР № 060775 от 25.02.92. Подписано в печать 07.02.95.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,0. Усл. кр.-отт. 34,84. Уч.-изд.л. 35,23.
Тираж 7000 экз. Заказ 116 С — 012. Изд. № 48887.

А/О Издательская группа «Прогресс».
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17.

Можайский Полиграфкомбинат
Комитета Российской Федерации по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.